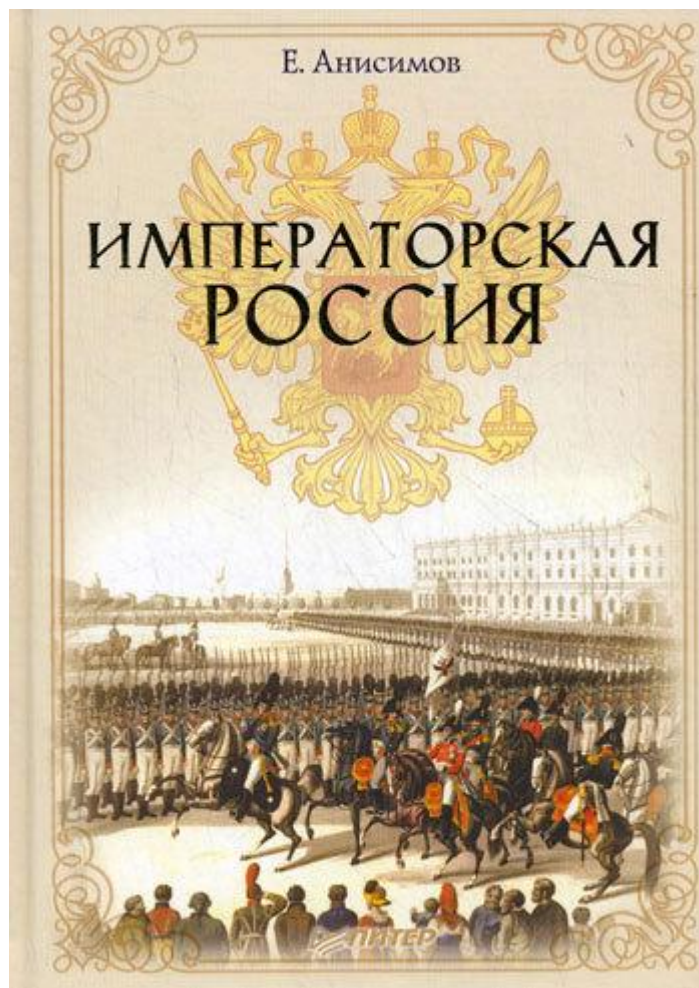

Евгений Викторович Анисимов Императорская Россия

Книга, написанная известным историком и писателем Евгением Викторовичем Анисимовым, содержит полную и всестороннюю информацию по истории императорской России – от Петра Великого до Николая II. Перед вами предстанут два столетия русской истории, во многом определившие дальнейшую судьбу страны. Это была эпоха, когда закладывались основы могущества России, эпоха становления великой державы. Но это же время обусловило и ее падение в 1917 году.

В текст книги, выдержанной в традиционной хронологической манере изложения, включены увлекательные вставки: «Действующие лица», «Легенды и слухи», «Заглянем в источник», «Заметки на полях». Заинтересуют многих читателей и краткие справки: «Династическое древо», «Регалии государственной власти», «Ордена», «Знаменитые корабли».

Прекрасный стиль автора и богатство представленного в книге исторического материала не дадут вам скучать.

Оглавление

Предисловие

Часть I . Россия в конце XVII – начале XVIII века

Россия в конце XVII – начале XVIII века

Люди и власть в допетровской России

Царь

Кризис русского общества

Переворот 1682 года. Установление триумvirата

Преображенские годы Петра

Кокуй и его обитатели – новые приятели Петра I

Переворот 1689 года. Конец триумvirата

Эпоха взросления Петра. Поездка в Архангельск

Азовские походы. 1695–1696

Великое посольство в Западную Европу

Бунт стрельцов. 1698. Развод с женой

Накануне Северной войны

Создание Северного союза. Северная война

«Нарвская конфузия»

Как «разгрызли» Орешек

Основание Петербурга

Возведение островной крепости

Перестройка сухопутной армии

Реформа местного управления. Создание Сената

Где взять деньги на войну?

Преобразования в промышленности

Сражения в Польше. Измена Августа II

Шведское наступление. 1708–1709

Украина – поле сражения. Мазепа

Мятеж Булавина на Дону

Полтава, славная в веках

Восточная Прибалтика во власти России

«Злощастный Прут»

Гангут и завоевание Финляндии

Строительство европейского города

Победа в войне. Ништадт. 1721

Петр – «Великий, Отец Отечества, император Всероссийский»

Активность новой империи

Коллежская реформа. Идеи камерализма

Обновленный Сенат

Губернии, провинции, уезды

Бюрократическое государство

«Поправление духовного чина»

Введение подушной подати

«Произведение всероссийского народа». Дворянство

Русское купечество и промышленность

«Простецы» в круговерти петровских реформ

Реформы в сфере культуры. Образование

Преобразование быта

Как они развлекались

Создание женского общества в России

Петербург – имперская столица

Русские художники
Дело царевича Алексея
Политический сыск. Тайная канцелярия
Трагедии в семье Петра и Екатерины
Личность Петра Великого

Часть II . Послепетровская империя и ее правители. 1725-1762

Возведение на престол Екатерины I
Екатерина I у власти. 1725–1727
Император Петр II. Опала Меншикова
Возвращение двора в Москву
«Затейка» верховников. 1730
Правление Анны Иоанновны. 1730–1740
Шутовство при дворе Анны Иоанновны
Войны России с Польшей и Турцией
Дворянская политика при Анне Иоанновне. Экономика
Регентство и свержение Бирона
Анна Леопольдовна у власти. Дворцовый переворот Елизаветы Петровны
Императрица Елизавета как женщина и властительница
Приближенные Елизаветы Петровны
Экономика и внутренняя политика Елизаветы
Просвещение в России
Московский университет и Академия художеств
Музыка и театр времен Елизаветы
Архитектура елизаветинского барокко
Застолье в середине XVIII века
Русский помещик времен Елизаветы у себя дома
Дело Салтычихи
Проект елизаветинского Уложения. «Фундаментальные законы» Ивана Шувалова
Внешняя политика России при Елизавете
Семилетняя война и участие в ней России
Смерть Елизаветы Петровны. Петр III – император

Часть III . Империя времен Екатерины Великой и Павла I . 1762-1801

Екатерина II в юности
Заговор против Петра III
Дворцовый переворот. 1762
Первые реформы Екатерины II
Мятеж Мировича и убийство Ивана Антоновича
Уложенная комиссия и Наказ Екатерины II
Чумной бунт. 1771
Пугачевский бунт
Русско-турецкая война. 1768–1772
Чесма. 1770
Первый раздел Польши. 1772
Крым в составе России
«Греческий проект»
Войны с Турцией и Швецией
Морские победы Федора Ушакова
Второй и Третий разделы Польши
Екатерина и революция во Франции
Дела Радищева и других просветителей
Совет при высочайшем дворе. Имперская идея
Губернская реформа 1775 года

«Жалованная грамота дворянству». 1785
Экономика времен Екатерины II
«Третий род» людей
Екатерина II и церковь
«Нижний род людей». Проект «Сельского положения». 1785
Проект Конституции Екатерины II
Просвещение времен Екатерины II
Литература и пресса при Екатерине
Наводнение 1777 года. Екатерининский Петербург
Архитектура времен Екатерины II
Сотворение Эрмитажа
Развлечения в Петербурге
Театр времен Сумарокова и Фонвизина
Живопись и скульптура
Одежда и прически второй половины XVIII века
Еда и напитки XVIII века
У истоков русской медицины
Любовь, брак, женщины и дети
Последние годы Екатерины II. Фавор Зубовых
Смерть Екатерины II
Нелюбимый наследник
Пятый император XVIII века
Преобразования Павла в армии. Дворянская политика
Усиление бюрократизма и полицейского начала
Строительство Михайловского замка
Итало-швейцарский поход Суворова
Гибель Павла I в Михайловском замке

Часть IV . Александровская эпоха. . 1801–1825

Вступление на трон Александра I
«Молодые друзья» и проекты реформ
Государственные преобразования. М. М. Сперанский
Начало Кавказской войны
Две войны с Наполеоном
Тильзит. Союз с Наполеоном
1812 Год. Начало войны
Бородинское сражение
Оставление и пожар Москвы
Партизаны и отступление французов
Освободительный поход русской армии
Новый курс Александра
Военные поселения
Декабристы
Петербург александровского времени
Судьбы сестер Александра I
Наводнение 1824 года
Последние годы Александра I
Междоусобица и восстание на Сенатской площади
Суд над декабристами и приговор

Часть V . Царствование Николая I . 1825-1855

Личность Николая
Окружение Николая I
Семья Николая I и Александры Федоровны

Третье отделение и Корпус жандармов
Крестьянский вопрос
Войны с Персией и Турцией
Подавление польского восстания. 1830–1831
Александр Пушкин – гений и человек
Уваровская триада
Московские кружки. Чаадаев
Николаевский Петербург
Невский проспект и окраины
Осень классицизма
Жилище и одежда николаевской эпохи
Появление ресторанов
Экономика застоя
Крестьянский вопрос
Жандарм Европы и покоритель Кавказа
Начало Крымской войны. Поражение на Альме
Севастопольская блокада
Смерть Николая I

Часть VI . Царствование Александра II. Эпоха великих реформ. . 1855-1881

Личность Александра II. Начало реформ
Отмена крепостного права
Реформы управления и суда
Реформа армии и флота
Реформы просвещения и печати
Восстание в Польше
Новая внешняя политика
Конец Кавказской войны
Россия на Дальнем Востоке и в Средней Азии
Русско-турецкая война. Освобождение Болгарии
Последний этап реформ
«Народная воля» и император
Убийство Александра II

Часть VII . Царствование Александра III и Николая II. . 1881–1917

Александр III – «Гатчинский затворник»
«Народное самодержавие» и ужесточение полицейского режима
Союз с Францией
Экономическая политика
Дворянство и буржуазия
Женский вопрос XIX – начала XX века
Жилище
Застолье, еда и питье
Смерть императора
Царствование Николая II. 1894–1917
Николай – человек и правитель
Коронация и Ходынка
Марксистские кружки. Ленин
Русско-японская война
Революция 1905 года и Манифест 17 октября
Столыпин и его политика
Экономический подъем и 300-летие Дома Романовых
Начало Первой мировой войны
Распутин и его убийство

«Великокняжеская оппозиция»
Кризис империи
Февральская революция. Свержение самодержавия
Хронология
Литература

Предисловие

Эта книга о двух с небольшим столетиях русской истории, во многом определивших судьбу страны. Время существования Российской империи от Петра Великого до Николая II сделало Россию великой, заложило основы ее могущества, но и определило ее падение в 1917 году. Рассказать об этом этапе истории достаточно подробно, доступным языком и нескучно – задача книги. Структура ее обусловлена традиционным делением истории по царствованиям, хотя некоторые из них сведены в своеобразные блоки, обусловленные как традицией, так и близостью происходивших в них событий. Изложение в книге традиционное – от начала до конца каждого из 14 царствований, но текст книги разбивается вставками, которые играют роль дополнений, развивающих главные темы. Их несколько типов. **«Действующие лица»** – это краткие биографии участников исторических событий, о которых идет речь в книге. Эти своеобразные новеллы дополняются вставкой **«Легенды и слухи»**. Я исхожу из того, что читатель вправе знать, что думает профессиональный историк о различных противоречивых, таинственных или скандальных фактах и эпизодах истории. Это не копание в грязном белье, а суждение специалиста, человека своего времени.

Вставка **«Заглянем в источник»** – самый важный и часто применяемый вид дополнения в тексте книги. Дело в том, что трактовки историками тех или иных событий не всегда вызывают доверие читателя. Как правило, неизбежно возникают вопросы о том, откуда историк взял материалы для своих суждений и выводов, можно ли им доверять. Материалы, которыми пользуются историки, называются «источники». Как жаждущий в пустыне, каждый раз историк «припадает» к источнику, ищет его, чтобы черпать информацию, делать выводы. Нередко он ревниво относится к находке, так сказать, загоразживает источник от читателя спиной. По-моему, это неправильная позиция. У историка не должно быть тайн от читателя, к тому же даже опубликованные (не говоря об архивных) источники бывают иногда труднодоступны для читателя – они напечатаны в старых или старинных журналах, сборниках документов, в редких изданиях. В этой книге я стараюсь как можно чаще обращать внимание читателя на источник, стремлюсь помочь заглянуть в него, вызвать интерес к проблеме правомерности той или иной трактовки исторических событий. Конечно, часто нет смысла давать документы в полном объеме и обязательно их комментировать согласно принятым в науке правилам. В одном случае нужна большая цитата, где-то следует адаптировать трудное место, но суть все же остается – пусть читатель сам ознакомится со знаменитым историческим документом, почувствует «аромат» прошлого.

Еще одна вставка – **«Заметки на полях»**. Известно, что порой читать сплошной текст книги без пауз и раздумий невозможно. Поэтому читателю нужен «передых», остановка, осмысление прочитанного раньше. Лыщу себя надеждой, что мои заметки в чем-то помогут читателю осмыслить историю. В основе этих размышлений стоят извечные вопросы: почему это все у нас получается не как у других, в чем причины наших успехов и неудач, почему Россия идет таким путем, как сейчас, и что ее ждет впереди?

Кроме всего этого, в книге даны краткие немногочисленные справки, которые заинтересуют многих читателей: **«Династическое древо»** (состояние царской семьи, родственники государей), а также **«Регалии государственной власти»**, **«Ордена России»**, **«Знаменитые корабли»**.

В конце книги дана подробная хронология, а также список рекомендуемой литературы, чтобы читатель, которого заинтересовала какая-то тема, мог познакомиться с ней более

подробно.

Анисимов Е. В., доктор исторических наук, профессор

Часть I Россия в конце XVII – начале XVIII века

Россия в конце XVII – начале XVIII века

Уже в конце XVII века Россия была одной из самых больших стран мира. Ее западная граница с Польшей проходила у Смоленска и Киева, на востоке она достигала берегов Охотского моря. На севере рубежи России терялись среди снегов побережья Северного Ледовитого океана, а с постов на южной границе России был виден Главный Кавказский хребет. Это была страна густых лиственных лесов и тайги, топких болот, полноводных рек, бескрайних пространств тундры на севере и тучных черноземных степей южнее Воронежа и Ельца.

Если бы мы поднялись над тогдашней Россией на летательном аппарате, то с трудом разглядели бы в безбрежном зеленом океане леса кучки серых деревянных крыш и церковных куполов – города и большие села России. На опушках дремучих лесов от наших глаз прятались бы деревни, возле которых виднелись узкие полоски полей. Посмотрев на них, мы поняли бы, с каким огромным трудом крестьянину удавалось отвоевывать у леса клочок земли под свое поле. На нем за короткое русское лето должны были вызреть рожь, овес, гречиха и лен – основные традиционные сельскохозяйственные культуры России.

Пролетая над Москвой, которая уже тогда была большим, шумным городом, издали сверкавшим десятками золотых куполов церквей, мы увидели бы, как во все стороны от столицы тянутся дороги, которые вскоре превращаются в бездорожье, исчезают среди густых лесов и топких болот. Великие грязи весны и осени делали всякую поездку по русским дорогам в кибитке или верхом мучительной и опасной: колеса и копыта лошадей вязли в непролазном месиве, хворост и бревна тонули в бездонных топях болот, гнус и комары не давали ни минуты покоя. К тому же путник мог стать добычей диких зверей, кишевших в лесах. Всегда под рукой нужно было иметь оружие – многочисленные разбойничьи шайки были настоящим бедствием для путешественников.

Лишь зимой, когда замерзали болота и реки, езда становилась более легкой и быстрой, но... Морозы, метели, свирепые волчьи стаи... Не каждый путник благополучно добирался до ближайшей деревеньки или ямской станции, отделенных друг от друга десятками верст ослепительного снежного пространства. Расстояния и дорожные трудности были так велики, что гонец с царским указом из Москвы достигал Охотска на Дальнем Востоке за 7–8 месяцев пути!

Титул русского царя конца XVII века включал в себя название всех владений, которые признавали его своим повелителем. В начале царского титула были перечислены крупнейшие владения, составлявшие основу Российского государства: собственно Россия (или позже – Великороссия), Малая Россия (Малороссия), или Украина, Белая Россия, или Белоруссия. Затем были упомянуты татарские ханства (царства), включенные в состав России в XVI веке с помощью меча, – Казанское, Астраханское и Сибирское. Потом перечислялись другие вотчины русского царя (великого князя). Их было так много, что в деловых бумагах после перечня важнейших владений писалось для простоты: «...и прочая, и прочая».

Император Петр I.

Население, разбросанное по огромному пространству России, составляло в конце XVII века всего лишь 5,6 млн человек – то есть во всей России народу было меньше, чем в нынешней Москве! В соседней, сравнительно небольшой Польше жило 8 млн человек, а уж о Франции, где было 19 млн человек, не приходится и говорить – густонаселенная по тем временам страна! Население по России распределялось крайне неравномерно – большая часть жила в так называемом Замосковье – освоенном Нечерноземном Центре и на Северо-Западе – почти 3 млн человек. Не более полумиллиона поморов и коренных народов обитали на Севере, а сибиряков-русских было и того меньше, даже если считать вместе со всеми покоренными народами Сибири.

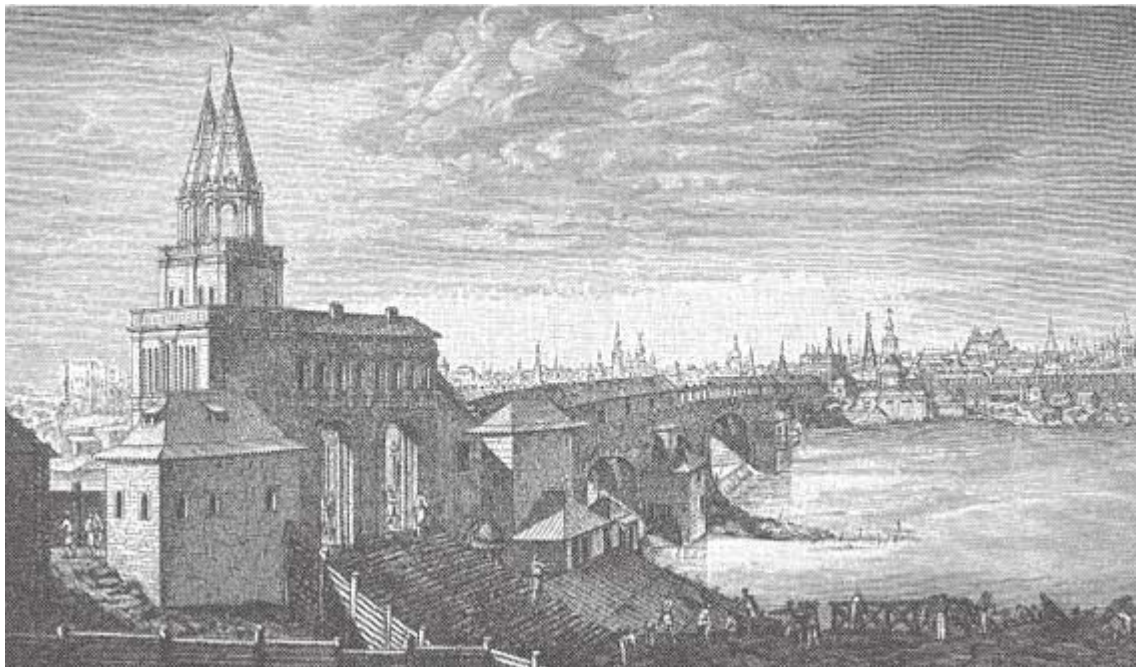
Во всех основных районах страны подавляющее большинство (свыше 90%) жителей составляли русские. В Среднем Поволжье – районе, пожалуй, самом интернациональном – русских было почти две трети от всего населения. По данным на 1719 год, из 1,5 млн человек русские составляли без малого 1 млн. Татар же было 211 тыс., чувашей – 218 тыс., мордвы – 77 тыс., марийцев – 48 тыс., итого не более 560 тыс. человек. В Сибири из 482 тыс. жителей разных национальностей русских было 323 тыс., причем шел быстрый процесс увеличения русского населения, которое переселялось из Центра на свободные земли окраин государства.

Россия была страной по преимуществу сельской, аграрной. В городах жило всего 134 тыс. человек, что составляло 0,02% от общего числа подданных царя (сейчас в России – не самой развитой стране мира – горожан больше половины всего населения, в других же, более развитых странах, численность их составляет 90 и даже 97%). Такой город, как Симбирск, в котором было 2 тыс. горожан, считался очень большим, что немудрено: в 1678 году из 173 городов России в 136 жило менее одной тысячи жителей.

В 1678 году в стране было 70 тыс. дворян, 140 тыс. церковников. Аппарат управления состоял из 9 тыс. приказных-чиновников, вся армия (вместе с дворянами, поголовно обязанными воевать) была не более 200 тыс. человек. С учетом 134 тыс. горожан-посадских

некрестьянское население России не достигало и полумиллиона из 5,6 млн ее жителей. Следовательно, большая часть подданных русского царя была крестьянами. Примечательной чертой было то, что 3,4 млн человек (или 62% из них) были крепостными, то есть людьми, которые не имели никаких прав и с рождения до смерти оставались, в сущности, рабами. Это самым существенным образом влияло на все общественные процессы, происходившие в России, и – косвенным образом – влияет и теперь.

Каменный мост в Москве в начале XVIII столетия.

На всем своем огромном пространстве Россия была скреплена тонкой, рвущейся в непогоду сетью сухопутных и речных путей. Город от города отстоял на сотни верст. Тем не менее это была единая страна, которая жила как целостный государственный организм. Ее объединяло, во-первых, то, что большинство ее жителей были русскими и говорили на одном языке, во-вторых, то, что они поклонялись единому православному Богу. Другими связями, скреплявшими Россию как государство, были самодержавие и система чиновной службы, характерная для XVI–XVII веков.

Люди и власть в допетровской России

По своему политическому устройству Россия конца XVII века была самодержавной монархией. Неограниченная власть царя установилась в России давно и имела равную силу как в центре Москвы, так и на далекой окраине, где вдоль предполагаемой границы разъезжала редкая пограничная стража. Каждый воевода – старший чиновник в уездах, на которые делилась страна, был представителем и одновременно исполнителем воли самодержца. Вот поэтому воевода Хрущев, живший во второй половине XVII века, говорил ссыльным: «Я не Москва ль для вас?» Эта власть подкреплялась военной силой и традицией почитания царя как представителя Бога на земле. С давних пор русский царь был «государем», то есть «господином», повелителем всех без исключения своих подданных. Все русское общество было разделено на социальные группы, категории, представлявшие собой четкую иерархию, «расширяющуюся к низу». Рассмотрим ее.

Царь

I. Служилые люди «по отечеству»

А. Чины столичные (Государев двор).

1. «Думные чины» (Боярская дума).

Бояре, окольничие, кравчие, казначеи, постельничий, думные дворяне, думные дьяки, стряпчий с ключом, ясельничий и др.

2. Стольники (в том числе – «ближние стольники»).

3. Дворяне московские.

4. Стряпчие.

Б. Чины провинциальные (служилые дворянские «города»).

Дворяне, стряпчие и др.

II. Служилые люди «по прибору»

Рейтары, копейщики, пушкарки, воротники, городовые казаки и др.

III. Тяглые люди

Крестьяне всех категорий и видов владельцев, посадские люди.

Итак, наверху социальной лестницы чинов, на недостижимой для всех других высоте стоял царь-самодержец. Ниже располагались служилые люди двух категорий: служилые «по отечеству», то есть по происхождению, и служилые «по прибору», то есть по набору, приему, найму. Из первой категории формировалась служилая и, следовательно, политическая элита, входившая в так называемый «Государев двор» – объединение служилых людей, выполнявших придворные, а также важные государственные и военные поручения царя.

Служилые «по отечеству», в свою очередь, были разделены на «чины». К высшим чинам относились бояре, окольничие, кравчие и другие «думные», которые входили в Боярскую думу – совещательный орган власти при царе. «Государь указал, а бояре приговорили», то есть одобрили, – так начинались многие указы русского царя, которые потом рассылались из столицы по всей стране. Из думных чинов назначались военачальники в полки, воеводы в крупные города, посланники в иностранные государства. Думные же чины становились судьями – начальниками приказов, то есть центральных органов управления государством.

Основу Государева двора составляли столичные стольники, дворяне московские и стряпчие. Все эти служилые люди выполняли основную военную и административную службу в государстве. Из их числа выходили и думные чины. Достичь этого было почти невозможно для низших, провинциальных служилых людей, которые в каждом уезде составляли свою служилую корпорацию, называемую «служилый город».

Но все же провинциальным служилым «по отечеству» жилось лучше, чем «служилым по прибору». Это была самая низшая служилая категория. В приборные набирали, как правило, из горожан-посадских, крестьян, разночинцев. Они составляли гарнизоны крепостей (например пушкарки, затынчики), несли караульную службу по охране укреплений (воротники), выполняли административные поручения воевод (рассыльщики, городовые казаки).

Все служилые люди, и «по отечеству» и «по прибору», имели большие привилегии в сравнении с самым низшим слоем населения – тяглыми людьми, то есть теми, кто тянул государственное тягло – платил налоги, исполнял различные натуральные, отработочные повинности. Это были, в основном, крестьяне. Служилые же люди были полностью избавлены от тягла. За их службу государь жаловал их деньгами и поместьями. Важно, что понятие «зарплата» («заработанная плата») появилось относительно недавно, а в древние времена было только «жалование», то есть то, что пожалует государь, если, конечно, он этого захочет. В челобитных о выдаче жалования так и писали: «За службу мою пожалуй, государь, мне *твоего*, государь, жалования». Особенно важно для служилого было поместное жалование. На время своей службы государю служилый человек получал населенную крепостными крестьянами землю – поместье. Владелец поместья – помещик –

брал с крестьян оброки, заставлял их работать на барщине, получал с них доходы и тем самым обеспечивал свою жизнь и свою боеспособность (вооружение, снаряжение) – то есть то, что требовал от него государь.

Кризис русского общества

Последние 20 лет XVII века оказались сравнительно спокойными для России. Основные города и уезды страны избежали обычных для тех времен опустошительных пожаров, страшных неурожаев и эпидемий. Увеличилось население в городах и селах, оживленнее стала торговля, богатели купеческие семейства Москвы и других городов, открывались новые ярмарки, поселенцы осваивали земли в Сибири и на Юге, умеренны и терпимы были налоги и повинности государства.

И тем не менее незаметно для себя страна вошла в полосу кризиса, который часто предшествует реформам или революциям. В чем же выразился этот кризис? К концу XVII века отставание России в быстроте, темпах экономического развития стало особенно заметным. Слабые попытки московских властей основать под Тулой металлургическое производство не дали необходимого результата – железо, как и раньше, приходилось привозить из Швеции и других стран. Россия практически не обладала самостоятельной внешней торговлей и была полностью лишена своего торгового флота. Она не имела выхода к Балтийскому и Черному морям. Однако и на Белом, и на Каспийском морях, где никто России не мешал, русское кораблестроение и торговое судоходство находились в зачаточном состоянии.

Первые сигналы о кризисе стали поступать с полей сражений. Русско-турецкая война 1677–1681 годов не принесла славы русскому оружию, как и два Крымских похода 1687 и 1689 годов, а также и I Азовский поход 1695 года. Ни польские, ни турецкие, ни татарские крымские войска – основные военные противники России – не отличались тогда современным вооружением и передовыми методами ведения боя. Тем не менее русская армия или проигрывала им сражения, или – в лучшем случае – вела бои с переменным успехом. Все это болезненно отражалось на международном престиже России, которую в «высшем обществе» европейских держав ни во что не ставили.

Положение страны в международном сообществе и надежность армии, как известно, очень хорошо отражают внутреннее положение государства. Материальной основой русской армии была упомянутая выше помещная система. В течение всего XVII века шел медленный процесс разрушения статуса поместья. С годами оно утратило черты временного, то есть данного на срок службы земельного держания служилого человека. Многие служилые сумели фактически закрепить за собой поместье, уравнивая его с вотчиной – наследственным имением, полученным от отцов и дедов. Поэтому у служилых, в том числе дворян, составлявших поместную конницу, не было желания воевать, совершенствовать свое воинское мастерство.

Значительно хуже стали воевать и стрелецкие полки – выборная пехота, долгое время бывшая лучшей частью русской армии. Стрельцы, охранявшие Кремль, жили в Москве в стрелецких слободах и занимались, в ущерб военному делу, торговлей и промыслами. С такой армией побеждать врагов, конечно, было трудно.

Итак, военный кризис к концу XVII века был всем виден. Он имел в своей основе кризис служилый, социальный. Вся система службы, служилых чинов, которые и составляли армию, нуждалась в реформе. Стране требовалась другая армия – регулярная. Такие армии были у государей развитых европейских стран.

Заглянем в источник

В письме к Петру I крестьянин и прожектер Иван Посошков так описывал состояние русской армии:

«...Людей на службу нагонят множество, а если помотришь на них внимательным оком, то, ей, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было

плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем – копьями и бердышами, и то тупыми... А если на конницу посмотреть, то не то, что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: вначале у них клячи худые, сабли тупые, сами нужны (бедны, в нужде. – Е. А.) и безодежны, и ружьем владеть никаким не умелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелить по цели хорошенько... Попечение о том не имеет, чтоб неприятеля убить, а о том лишь печется, как бы домой быть, а о том еще молится Богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожаловану б за нее быть, а на службе того и смотреть, чтоб где во время бою за кустом притулиться... А то я у многих дворян слышал: “Дай, де, Бог великому государю служить и сабли из ножен не вынимать”».

Не будем во всем верить нашему информанту, хотя признаем, что он остро и верно изобразил основные «болячки» тогдашней армии. Вообще же, Иван Посошков – личность скандальная. Графоман и авантюрист, он был далек от военного дела и суждения его непрофессиональны и поверхностны. Кроме того, он явно рассчитывал понравиться своим сатирическим изображением состояния русской армии царю Петру, который сам был сходного мнения о достоинствах своего войска...

Однако разрушить старую армию и создать новую было нелегко. Для этого нужны были смелость, твердость, готовность пойти на большие расходы и риск.

Кризис экономики, армии, всей системы службы развивался одновременно с общим кризисом сознания русского общества второй половины XVII века. Многие люди, привыкшие жить «по старине», были смущены ожесточенной борьбой, которая развернулась между сторонниками патриарха Никона и протопопа Аввакума, между Никоном и царем Алексеем Михайловичем. Страшное слово «раскол» разделило православных на два непримиримых лагеря: никониан и старообрядцев, староверов (или, по терминологии властей, раскольников). Но раскол в церкви отражал общий разброд в сознании русских людей тех времен. Традиционное средневековое сознание дало глубокую трещину. У людей второй половины XVII века стало меняться отношение к окружающему миру и многие жизненные цели. В литературных произведениях на смену традиционному герою – тихому праведнику, думающему о Боге, – приходит деятельный, жизнелюбивый человек, яркая личность с новыми, вполне материальными целями в жизни. Для многих думающих русских людей было очевидно, что России нужно приобщаться к плодам европейской культуры. В Москву стали приезжать образованные церковные деятели из Киева – центра тогдашней православной богословской и литературной учености. Они несли с собой новые знания, эстетические и философские представления, менявшие старинные традиции русской церковной и культурной изоляции. Все эти и другие новинки встречали ожесточенное сопротивление консерваторов. Русское общество бурлило в спорах и разногласиях. Это был несомненный идейный кризис. Еще сильнее он обострился в начале 1680-х годов. Тогда русское государство потрясли драматические события 1682 года. В тот год Россию постиг кризис династический и одновременно – политический.

Переворот 1682 года. Установление триумvirата

Двадцать седьмого апреля 1682 года умер царь Федор Алексеевич. Ему было всего 20 лет. Слабый и болезненный, он вступил на престол в 1676 году после своего отца – царя Алексея Михайловича – и правил всего 6 лет. И хотя Федор был женат дважды, детей у него не было. Боярская дума, собравшаяся в Кремле после смерти царя, должна была решать, кому стать русским самодержцем. Кандидатов было двое: 16-летний царевич Иван и 10-летний царевич Петр. Оба они были детьми царя Алексея, но от разных матерей.

Итак, от первой жены – царицы Марии Ильиничны из рода Милославских, умершей в 1669 году, у царя Алексея было 13 детей. К 1682 году в живых из них осталось шесть

царевен (Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария, Феодосия) и один царевич – Иван. От второго брака с царицей Натальей Кирилловной из рода Нарышкиных в живых осталось двое – царевна Наталия и царевич Петр. Так как, согласно традиции, женщины в династическом счете не учитывались, реальными претендентами на престол стали братья-царевичи Иван и Петр. После некоторых раздумий патриарх, бояре и другие чины «Государева двора» 27 апреля провозгласили царем младшего – Петра Алексеевича. Действовали они так не случайно: любому было видно, что старший царевич Иван не мог стать полноценным царем.

ДИНАСТИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Династическая ветвь 1.

Алексей Михайлович (1629–1676, царь с 1645)

1-я жена Мария Ильинична Милославская (1626–1669)

2-я жена Наталья Кирилловна Нарышкина (1651–1694)

Дети от царицы Марии:

Дмитрий (1648–1649)

Евдокия (1650–1712)

Марфа (1652–1707)

Алексей (1654–1670)

Анна (1655–1659)

Софья (1657–1704, правительница в 1682–1689)

Екатерина (1658–1718)

Мария (1660–1723)

Федор (1661–1682, царь с 1676)

Феодосия (1662–1713)

Симеон (1665–1669)

Иван (1666–1696, царь с 1682)

Евдокия (1669)

Дети от царицы Натальи:

Петр (1672–1724, царь с 1682)

Наталия (1673–1716)

Феодора (1674–1678)

Слабоумный и хилый юноша, он явно уступал в развитии своему живому и умному младшему брату Петру.

Но за каждым из царевичей стояла его семья, сторонники, составлявшие придворную и политическую группировку. Особенно силен был клан Милославских. Братья, племянники, родственники покойной царицы Марии Ильиничны в царствование Федора Алексеевича фактически заправляли всеми делами. Намеревались они продолжать это и при новом царе Иване Алексеевиче. Выбор в цари 10-летнего Петра – выходца из другого клана – смешал все их карты. Тогда Милославские решили действовать силой. Они составили заговор, который возглавили боярин Иван Ильич Милославский и его племянница царевна Софья Алексеевна.

С помощью денег, обещаний, устрашающих слухов о коварных происках Нарышкиных, якобы хотевших умертвить царевича Ивана, партии Милославских удалось поднять стрельцов на восстание, которое началось в полдень 15 мая 1682 года. Это был самый страшный день в жизни десятилетнего Петра. Тогда он вместе с матерью и братом Иваном стоял на Красном крыльце Большого Кремлевского дворца. Внизу пьяно и кровожадно ревела толпа, по дворцу, громяхая оружием, бегали стрельцы. Они, по указке людей Софьи, вытаскивали на крыльцо родственников и приближенных царицы Натальи и бросали их вниз на подставленные копыя и бердыши. Среди убитых оказался главный советник Нарышкиных боярин Артамон Матвеев, которого более всего боялись Милославские, а также родные братья царицы Натальи. Их окровавленные и изрубленные

тела стрельцы с гиканьем и прибаутками поволокли по грязи на Красную площадь, где выставили на всеобщее обозрение. Никогда в памяти будущего реформатора России не изгладились дикие сцены этого солнечного майского дня, и стрельцы навсегда стали для Петра смертельными врагами. Он называл их «кровожаждущей саранчой».

Царевна Софья Алексеевна.

Действующие лица

Царевна Софья Алексеевна

С ранней юности царевна Софья казалась необычайной девушкой. Ее учитель Симеон Полоцкий назвал ее «зело премудрой девицей, наделенной тончайшей проницательностью и совершенно мужским умом». По тем (да и более поздним) временам последнее было высшей похвалой для женщины. Софья изучала богословие, историю, знала латынь и польский язык, по принятой тогда традиции сочиняла стихи. При царе Федоре она стала появляться на людях, участвовала в делах, хотя этого себе не могли позволить и замужние женщины – царицы. После смерти брата-царя Софья уже не хотела, чтобы ее отодвинули от политики и светской жизни, которую она так любила. Она не желала, чтобы ее заперли в монастыре, – такой была обычная судьба царевен. С мая 1682 года она стала регентшей и правила страной не без некоторого успеха. Однако неудачи во внешней политике, нерешительность в борьбе с Петром привели ее к краху в 1689 году. Заточенная Петром в монастырь под именем Сусанны, она умерла в 47 лет.

После Стрелецкого бунта в России установилось троевластие: кроме Петра царем был объявлен Иван Алексеевич, а правительницей-регентшей государства стала царевна Софья. И хотя Петр по-прежнему оставался самодержцем, власть на самом деле полностью перешла

от Нарышкиных к Милославским. Точнее говоря, она перешла к Софье и ее главным советникам – князю Василию Васильевичу Голицыну и начальнику Стрелецкого приказа Федору Леонтьевичу Шакловитому, которого многие считали любовником царевны Софьи.

Ниже я даю два отрывка из двух описаний Стрелецкого бунта 1682 года. Автор одного из них вышел из лагеря Нарышкиных, противников стрельцов, а другой – из лагеря Софьи, Милославских, сторонников стрельцов.

Заглянем в источник

Вот цитата из документа, автор которого принадлежит к лагерю Милославских:

«Майя в 15 день в осмом часу дни в набат ударили, и прииде вестник из государевых царских полат ко стрелцам: «Вы, стрелцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утухла у нас звезда поднебесная, не стало болюаго брата государева царевича Ивана Алексеевича». И тогда стрелцы со знаменами и со оружием пришли в Кремль к полатам государевым, и шли в полаты безобшибочно, и учали вопить и кричать со слезами великими умильными гласы жалостно: «Свет ты наш, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич... объяви ты нам своего государева брата царевича и великого князя Иоанна Алексеевича, жив ли есть или мертв!». И тогда царь и царевич, и царевны все вышли на Златое крыльце, царевич Иоанн Алексеевич стал говорить: «Меня хотели задавить до смерти Кирилла Нарышкина дети (т. е. братья царицы Натальи Кирилловны. – Е. А.)». И стрелцы учали (стали. – Е. А.) просить у царя и у царевича, и у царевен бояр (выдать им. – Е. А.) изменников. Царевич Иоанн Алексеевич стал говорить: «Вы, стрелцы государевы, и мое правое крыло и царево, и аз вас жалуя, стойте вы верою и правдою, а изменников вам всех выдам, кто вам надобен и кого вы знаете сами». Тогда стрельцы в первые взяли к казни боярина Артемона Матвеева и за ним взяли, вместо Кирилова сына Ивана неведением Салтыкова сына Петра Федоровича, и Кирилова сына после его взяли Афонасья... И пришли на двор стрелцы к боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, и взяли ево ис полаты, и выволокли из двора и тут его присекли в мелкие части».

Итак, согласно этому документу, Нарышкины якобы хотели «задавить до смерти» царевича Ивана, и только героическое вмешательство стрельцов этому воспрепятствовало. С личного разрешения царевича Ивана они и расправились с изменниками, причем убили невинного человека, а заодно и своего начальника – судью Стрелецкого приказа князя Ю. А. Долгорукова.

Отрывок из другого документа, автор которого относится к кругу Нарышкиных, трактует все события иначе – как голое, не спровоцированное ничем насилие:

«Того ж году, майя в 15 день, на Московском государстве было смятение. Стрельцы... и салдаты... пришли в город в Кремль во 11 часу дни з знаменны, и з барабаны, с мушкеты, и с копыи, и з бердыши, а сами, безучи в город, кричали, будто Иван да Офонасей Кириловичи Нарышкины (братья царицы Натальи Кирилловны. – Е. А.) удушили царевича Иоанна Алексеевича... И прибежав стрельцы и салдаты в город в Кремль, и взбежали на Красная, и на Постельная крыльцо, и в царския хоромы, имали насильством своим с Верху, из государевых хором, от самого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... бояр и окольных, и думных, и стольников, и метали с Верху с Краснова крыльца на землю, а на земле рубили бердыши и кололи копыи... И порубали своим насильством бояр: боярина Артемона Сергеевича Матвеева взяли от самого государя и, выветчи, скинули на землю с Краснова крыльца и, подхватя на копыи, изрубили бердыши... Стольника Офонасья Кириловича Нарышкина свели с Верху... и, выветчи на площадь перед приказы, искололи копыи и изрубили бердыши... Боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова на дворе ево вывели ис полат на верхнее крыльцо и много было шуму; и отпустили ево опять в полаты. И почели кричать, чтоб стрельцы з двора пошли далой. И проломилсь в винной погреб, почели пить

вино. И, немного поноровя, боярина князь Юрья Алексеевича, прибежав иные с улицы стрельцы и салдаты, в другой ряд вывели ис палат на крыльцо и бросили в окно с верхнева крыльца на землю, тут ево изрубили бердышии и выволокли мертвова на улицу перед ево ворота. И лежал ночь у ворот, а на другой день пришет, иссекли его в дробныя части, поругались нехристиански».

Сопоставление их показывает, что каждая сторона трактует события в свою пользу. Историку нужно быть настороже, чтобы не попасть в плен только одной точки зрения.

Как мы видим, история мятежа дается иначе: нет ни речей царевича Ивана (их и в самом деле не было), да и убийство Долгорукова показано с менее привлекательными для стрельцов подробностями.

Преображенские годы Петра

Поначалу внешне ничего в жизни юного Петра не изменилось. Царица Наталья с Петром жили в Кремле, участвовали во всех церемониях, но потом они стали все дольше и дольше задерживаться в подмосковных летних резиденциях – селах Воробьеве, Коломенском, Преображенском. Наконец, семья опального царя окончательно поселилась в летнем царском дворце возле села Преображенского на северо-востоке от Москвы. Начался знаменитый в русской истории преображенский период жизни Петра Великого.

Петр редко появлялся в Кремле: только на дипломатических приемах и церковных церемониях. Остальное время он проводил в Преображенском, среди лесов и полей. Это непосредственным образом сказалось на личности будущего реформатора России. После бунта стрельцов он был исторгнут из замкнутого, церемонного мира Кремля, «Верха» – так называли стоявший на кремлевском холме царский дворец. Но Кремль – это не только церемонии, ограничения, но воспитание царевича в «староотеческом духе», его знакомство с духовным и государственным наследием Древней Руси. Петр, оказавшись в Преображенском, не получил, подобно своему отцу или брату Федору, традиционного православного образования московских царевичей, позволявшего им на равных с церковными мыслителями разбираться в сложных вопросах веры, церковной литературы и культуры. Петр, приобретя от своих не особенно строгих учителей (воспитатель Петра думный дьяк Никита Зотов более прославился не ученостью, а беспробудным пьянством) отрывочные знания, так и остался малограмотным человеком, не постигшим до конца своей жизни элементарных правил грамматики и орфографии. Даже в зрелые годы он писал многие слова по фонетическому принципу – как слышал, так и писал («был послушлиф», «в выборе афицероф»), да к тому же по-московски «акал». Конечно, дело не в богословской подготовке царя и даже не в его грамотности (хотя и это весьма важно), а в том, что Петр не усвоил той совокупной системы ценностей, которая была присуща русской традиционной культуре, основанной на православии, «книжной премудрости», уважении к заветам предков, строгой изоляции от «поганого» мира католического и протестантского Запада и мусульманского Востока.

Заглянем в источник

Уже современники обращали внимание на живость, энергию и ум малолетнего Петра, так не похожего на своего брата Ивана. Летом 1683 года цари принимали посольство шведского короля Карла XI. Секретарь посольства Кемпфер писал:

«На двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявших драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту, и оба царя должны были

встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дав времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?»

Послы не видели, что за спиной Ивана в спинке трона было прорезано тщательно завешенное тканью окошко. через него бояре советовали Ивану, как ответить послу. Петру же советы были не нужны – он с лету все схватывал и бойко отвечал на приветствия послов.

Не традиционное образование, а его отсутствие, неограниченная свобода сильно повлияли на становление личности молодого Петра. Военные игры – главное увлечение его детства – постепенно становились все сложнее, деревянные ружья и пушечки заменялись настоящими, на смену деревянным солдатикам приходили живые люди – ровесники царя из его окружения: стольники, спальники, конюхи. Они были первыми участниками его бесконечных военных игр. Подрастая вместе с царем, они превращались в солдат и офицеров вначале «потешного», то есть забавного, игрушечного, а потом уже и настоящего войска, соединенного в конце 1680-х годов в два гвардейских полка – Преображенский и Семеновский (по имени соседнего с Преображенским села). «Воинские потехи» на полях под Преображенским и Семеновским требовали от царя военных знаний и навыков. И Петр I с жадностью учился приемам боя, началам тактики (чтобы правильно управлять войсками), артиллерийского дела и баллистики (чтобы точно стрелять), математики и фортификации (чтобы правильно оборонять или осаждать крепости), астрономии и картографии (чтобы определяться на местности, водить в море корабли) и т. д. Кроме того, Петр пристрастился к ремеслам – плотничьему, токарному, столярному, кузнечному, типографскому и многим другим. В этом сказалась любовь царя к конкретному, вещественному, осязаемому результату труда, рационализм его ума.

Важно, что Петр I рос в ненависти к тем людям, которые совершили на глазах его, десятилетнего мальчика, переворот и убили его родственников в мае 1682 года. От матери, родных он впитал жгучую ненависть к стрельцам, Софье, которые лишили семью Нарышкиных влияния, привилегий, а его самого – реальной власти. Но в этой ненависти он пошел дальше. С годами он перенес ее с конкретных людей на весь мир старой Руси с ее традициями, обычаями, предрассудками. Молодой Петр боялся своего будущего. Оно, в принципе, ничего хорошего не сулило ему – неопытному «полуопальному» царю без армии, финансов, поддержки большинства бояр и дворян, а также церкви. Он фактически был в руках своих врагов. Поэтому ненависть, страх за свою жизнь и политическое будущее во многом повлияли на поведение Петра I, сказывались на его мыслях о Москве, Кремле, традиционной России, ее деятелях. Можно сказать, что именно ненависть Петра к России Софьи, Милославских, стрельцов, старой Москвы с ее тупичками, проулками и закоулками, где его мог поджидать наемный убийца, стала неосознанным (а порой и вполне осознанным) стимулом, причиной реформ, которые потрясли Россию.

Кокуй и его обитатели – новые приятели Петра I

К концу 1680-х годов военные игры Петра I стали уже похожи на настоящие маневры маленькой армии. В окрестностях Преображенского он приказал построить «потешную» крепость Пресбург. Вокруг этой крепости и проводились маневры «потешных», которые набирались опыта, как бы зная, что он неминуемо пригодится. Первым солдатом среди них, к тому же – бравым барабанщиком, был Петр Михайлов. Такой псевдоним по имени деда – первого царя династии Романовых – выбрал для себя царь. Под этим псевдонимом он путешествовал за границей, служил в гвардии и на флоте.

Воинские потехи сблизили Петра I с профессиональными военными, и прежде всего с генералом-лейтенантом Патриком Гордоном, командовавшим русской пехотой. Он помогал

царю с вооружением его потешных, часто виделся и разговаривал с ним. Это был мудрый, солидный, неторопливый старый воин-шотландец. Он приехал в Россию в 1661 году, прослыл опытным полководцем и хорошим инженером. Гордон неплохо знал Россию и, по-видимому, симпатизировал Петру, связывал с ним свое будущее, угадав в непоседливом юноше будущего полководца и государственного деятеля. В окружении царя кроме обычных иностранцев-врачей появились офицеры, которые обучали потешных военному делу. Познакомился Петр и с двумя голландцами – корабельных дел мастерами Карстеном Брантом и Францем Тиммерманом, которые рассказывали юноше о Голландии, учили началам корабельного дела.

Заглянем в источник

Особую страницу в ранней истории Петра Великого занимает «дедушка русского флота» – ботик. Это был небольшой английский бот, найденный царем в Измайлове, загородной резиденции его отца – царя Алексея Михайловича. Вот как много лет спустя сам Петр рассказывал об этом в предисловии к «Морскому регламенту» – главному военно-морскому закону России:

«Случилось нам быть в Измайлове на льняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышенареченного Франца (Лефорта. – Е. А.), что то за судно? Он сказал, что то – бот английский. Я спросил: «Где его употребляют?». Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: «Какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)?» Он мне сказал, что он ходил на парусах не только что по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы невероятно. Потом я его паки спросил: «Есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал?» Он сказал, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта... который оный бот починил и сделал машит и парусы, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: «Для чего так?» Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проведывать, где более воды, то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился, а потом уже стал ее просить и явно, чтоб там двор и суды сделать».

Ботик этот чудом сохранился, в 1723 году был доставлен в Петербург. На нем контр-адмирал Петр Михайлов и другие адмиралы русского флота обошли в Кронштадте строй русской эскадры, и каждый корабль салютовал орудиями главного калибра в ответ на еле слышное тьявканье маленькой пушечки с носа ботика. Позже ботик бережно вывозили на военно-морские парады, но уже ставили на шканцы флагманского корабля. Сейчас эта бесценная реликвия благополучно хранится в Военно-морском музее в Петербурге. Любопытна в связи с этим система военно-морского «родства». Петр называл ботик «дедушкой русского флота». В письмах к близким современные ему корабли флота он называл своими «детками». Следовательно, сам он был истинным «отцом» русского флота...

Дружба со специалистами-иностранцами привела Петра I в Немецкую слободу, которую называли Кокуй. В ней жили служившие русским царям иноземные офицеры, инженеры, купцы, предприниматели, одним словом – разный люд, приехавший в Россию в поисках денег, славы и чинов. Поселение иностранцев было на отшибе Москвы, подальше от ее православных святынь и горожан, крестившихся и плевавших вслед шедшему по улице «богопротивному» иноземцу в парике и трубкой в зубах. Но так уж определила судьба, что Кокуй оказался в нескольких минутах езды верхом от Преображенского, и Петр I стал туда

все чаще наезжать. Произошло это не сразу: где-то в конце 1680-х – начале 1690-х годов, когда пало правительство Софьи. Кокуй оказался для Петра местом необыкновенным и поучительным. В сущности, это был маленький провинциальный западный городок, выросший на русской земле. Высокая изгородь и купы деревьев скрывали от постороннего взгляда поселение, которое было разительно не похоже на традиционный русский город. Там были чистые улочки с уютными домами немецкой и голландской архитектуры, цветы и декоративные кусты и деревья, церкви с острыми шпилями, ветряные мельницы, таверны, где в клубах табачного дыма за кружкой доброго, сваренного по немецким рецептам пива сидели степенные бюргеры, купцы, офицеры. А еще в Кокуе, в домах богатых его обитателей, были заморские диковинки, редкие и красивые вещи, инструменты, книги, приборы. И вообще, здесь царили странные на взгляд русского человека обычаи, музыка, развлечения. Наконец, здесь свободно гуляли, смеялись и танцевали вместе с галантными мужчинами девушки и женщины, одетые в непривычные русскому глазу платья. Неведомый, заманчивый мир! И Петр со свойственной его натуре страстностью окунулся в него.

Общение с иностранцами, с жизнью Немецкой слободы не прошло даром для царя – будущего реформатора, западника. Постепенно, как-то незаметно для себя Петр перешел ту непреодолимую для десятков поколений русских людей границу, которая с древних времен отделяла в сознании русских людей «святую Русь» от «богомерзкого» Запада, «папистов, лютор (то есть лютеран. – Е. А.) и еретиков». Петр плохо знал по-немецки и по-голландски, иностранцы смешно говорили по-русски, но в деле – у пушки, на бастионе крепостицы Пресбург, на палубе миниатюрного фрегата в Переславском озере, а потом и в застолье, на танцах в Кокуе – они быстро нашли общий язык, начали дружить. Национальность, вера, возраст, иные различия тут уже мало значили – работа и гульба всех объединяли. Но нужно помнить, что отец и брат царя Петра всегда сторонились иностранцев и, согласно церемониалу подпустив к руке иноземного посланника, они тут же долго и тщательно мыли руки водой из серебряного кувшина – «как бы не опоганиться!».

Около 1690 года, когда Петру было 18 лет, он познакомился и близко сдружился с полковником Францем Лефортом. Выходец из Швейцарии, тот был обычным для тогдашней Европы ландскнехтом, то есть наемным воином, готовым предложить свою шпагу тому, кто больше заплатит. Неведомые ветры занесли его в 1675 году в Россию. Он обосновался в Немецкой слободе, купил там дом, женился. Тридцатисемилетний Лефорт очень понравился Петру. Он был красивый, воспитанный кавалер, изящно и ловко танцевал, умел говорить дамам сладкие комплименты. Но при этом он был смелым солдатом, многое повидавшим на своем веку. Его широкая, щедрая натура, несомненная талантливость в дружбе пленили молодого царя. Если с вечно серьезным Гордоном можно было обсуждать дела, то с Лефортом хорошо было весело шутить, легко и просто проводить время. А Петру так были нужны надежные, верные люди, потому что в его жизни наступил тяжелый период.

Переворот 1689 года. Конец триумvirата

Триумvirат Петра, Ивана и Софьи не мог существовать долго. Петр мужал, стал совершеннолетним. В начале 1689 года он даже женился, но, как и прежде, оставался не у дел. Софья, формально выполнявшая обязанности регентши до совершеннолетия братьев-царей, должна была отойти от власти, однако такой удел был не для волевой и честолюбивой царевны. Раздражение, взаимное неудовольствие и подозрения обоих враждебных лагерей – преображенского и кремлевского – постепенно усиливались.

И хотя семилетнее регентство Софьи отличалось стабильностью и покоем, в борьбе с Петром и стоящими за его спиной Нарышкиными она проиграла. Верхи и армия в принципе не одобряли правление женщины и ее фаворитов. Крымские походы подорвали репутацию правительницы и ее полководцев, в первую очередь боярина и главы Боярской думы князя В. В. Голицына. Одновременно Софья уже не могла рассчитывать на прежнюю поддержку стрельцов. Они были ослаблены в результате подавления в 1682 году правительством Софьи

попытки переворота, которую вскоре после прихода Софьи к власти предпринял глава Стрелецкого приказа князь Иван Хованский. К тому же Петр стал проявлять интерес к ведению государственных дел и иногда присутствовал в Боярской думе, чем демонстрировал свою дееспособность.

Развязка родственно-государственного конфликта сестры и брата наступила летом 1689 года. Во время крестного хода 8 июля Петр на глазах всего двора и народа поссорился с Софьей и в гневе покинул Кремль. Это был настоящий скандал, после которого отношения сторон резко обострились. В ночь с 7 на 8 августа 1689 года Петр был разбужен двумя стрельцами, которые прибыли в Преображенское и сообщили царю, что Софья и Шакловитый готовят вылазку против него. До сих пор мы не знаем, была ли это провокация или Софья действительно намеревалась расправиться с Нарышкиными, но события эти стали детонатором политического взрыва, изменившего весь политический пейзаж тогдашней России. Генерал Патрик Гордон писал об этом:

Петр прямо с постели, не успев надеть сапог, бросился в конюшню, велел оседлать себе лошадь, вскочил на нее и скрылся в ближайший лес. Сюда принесли ему платье, он наскоро оделся и поскакал в сопровождении немногих лиц в Троицкий монастырь, куда измученный приехал в 6 часов утра. Его сняли с коня и уложили в постель. Обливаясь горькими слезами, он рассказал настоятелю о случившемся и потребовал защиты... Внезапное исчезновение царя распространило ужас в столице, однако клеветы Софьи старались держать все дело в тайне или делали вид, будто оно не заслуживает внимания.

Заглянем в источник

Петр напомнил брату о вполне легитимном выборе их на трон в 1682 году и о том, что только «нам двум особам скипетр правления прародительскаго нашего Российскаго царствя», а «о третьей особе, чтоб с нами быть в равенственном правлении, отнюдь не воспоминалось. А как сестра наша царица София Алексеевна государством нашим учела владеть своею волею и в том владении что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государю, известно. А ныне злодеи наши Фетка Шакловитой с товарищи, не удоволяясь милостию нашею, преступя обещания свое, умышляли с ыними ворами о убивстве над нашим и матери нашей здравием, и в том по розыску и с пытки винились».

И далее – самое главное:

«А топерь, государь братец, настоеит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу – сестре нашей царице Софье Алексеевне – с нашими двумя мужескими особами в титулах и в росправе дел быти не изволяем, на то б и твоя б государя моего брата воля склонилося, потому что учела она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». И тут Петр фактически объявляет себя самодержцем, резервируя за собой единоличное право сменить правительство: «Тебе же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь государь, мне отеческим своим изволением для лутшие пользы нашей и для народнаго успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказом правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере (т. е. утвердим. – Е. А.). А тебя, государя брата, яко отца почитать готов...».

В Троице-Сергиев монастырь, который находился в 70 верстах от Москвы, вскоре приехала семья Петра – мать царица Наталья Кирилловна, молодая жена царица Евдокия Федоровна, родственники, ближние бояре и слуги. Затем царь стал рассылать указы об обязательной явке служилых людей к нему на службу, что означало объявление военного похода. Внезапное бегство царя было не чем иным, как объявлением войны, а к такому

развитию событий лагерь Софьи оказался не подготовлен. Поняв опасность своего положения, царевна Софья обратилась к авторитетным боярам, чтобы они примирили ее с братом хотя бы формально. Все попытки правительницы и ее окружения уговорить Петра вернуться ни к чему не привели. Бояре, патриарх, иностранные офицеры, дворяне, стрелецкие полки один за другим приходили в Троицу и там оставались. Формально придаться к ним было нельзя – Петр был царем законным, и к тому времени он уже считался взрослым, то есть государство не нуждалось в регентстве. Более того, некоторые из посланных Софьей возвращались в Москву с указами Петра I и требовали от правительницы выдачи главного врага Нарышкиных и фаворита Софьи, начальника Стрелецкого приказа Федора Шакловитого, на что правительнице, скрепя сердце, в конце концов пришлось согласиться. Временщика увезли в Троицу, где тотчас начали пытаться, добиваясь признаний в заговоре против Петра. Тогда Софья сама решила ехать в Троицу, но в памятном для нее подмосковном селе Воздвиженском (там она в 1682 году арестовала и повелела казнить мятежного князя И. Хованского) царевну остановили посланные Петром люди и зачитали царский указ, предписывавший ей вернуться в Москву. Следом за этим указом Петр послал брату царю Ивану письмо. В нем в весьма категоричной форме было заявлено, что время троевластия закончилось, и Софья отстранена от власти. Пожалуй, в этом указе мы впервые слышим грозный рык юного льва.

Посланный в Кремль боярин князь Иван Троекуров от имени царя Петра настоятельно просил Софью покинуть царский дворец и переехать в Новодевичий монастырь, что она после некоторых колебаний и сделала. Ее время кончилось...

Эпоха взросления Петра. Поездка в Архангельск

Словом, в августе 1689 года неожиданно для себя Петр, которому недавно исполнилось 17 лет, одержал бескровную победу. При болезненном и слабоумном брате-соправителе Иване он отныне стал полноправным самодержцем. Но любопытно, что Петр не изменился в главном. Он не стал заниматься государственными делами, а перепоручил их правительству своего дяди боярина Льва Нарышкина. По-прежнему на первом месте для царя были воинские учения, стрельбы, плавание на «потешных» кораблях по Переславскому озеру. И так продолжалось несколько лет. Идеи реформ, которые потом потрясли Россию, пришли к нему не сразу. Они созревали постепенно, и, чтобы осознать их, Петру предстояло получить несколько уроков жизни.

Первым уроком можно назвать две поездки молодого царя в Архангельск – в 1693 и 1694 годах. Архангельск был фактически единственными морскими воротами России, через которые она осуществляла прямую связь с миром. Здесь был большой порт, куда за короткое северное лето приходили сотни иностранных кораблей. Они привозили западные товары и потом загружались лесом, пенькой, кожами, салом, мехами. Город был большой и оживленный, а Немецкая слобода Архангельска была даже больше, чем в Москве. Приехав в Город (так называли тогда Архангельск) в 1693 году, Петр в первый раз в жизни увидел настоящее море, настоящие корабли. И это было потрясением. Как писал историк М. М. Богословский, с той архангельской поры «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю».

Заметки на полях

В жизни Петра Великого море и корабли заняли особое место. Как видно из записей снов (в том числе цветных), которые царь делал в зрелые годы, корабли, море не отпускали Петра, снились ему по ночам. Увлечение морем – не случайность, не просто присущий юноше романтизм. Было какое-то гармоническое соответствие внутреннего мира Петра и образа движущегося корабля. Недаром А. С. Пушкин нашел гениальный образ, символ петровской России – идущий под свежим ветром парусный корабль с великим

капитаном-шкипером на мостике:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Почему петровская Россия – корабль? Могучий, красивый корабль XVIII века, идущий под парусами против ветра и огромных волн, был высшим произведением технической мысли того времени. Для Петра и многих других людей тех времен он был символом всего, что построено с точным расчетом и знанием для достижения успеха в борьбе человека со слепой и опасной стихией, которую так хорошо выражает беспокойное, бескрайнее море. За этим стояла главная философская идея XVII – начала XVIII веков. Ее можно было прочитать в книгах философов – Локка, Лейбница, Гоббса и других. Суть этой идеи такова: знание, полученное с помощью опыта, исследований, – вот самое верное средство достижения человеческого счастья и благополучия. Людям нужно на основе открытых законов природы хорошо организовать свою жизнь, и все будет в порядке. Особую роль в достижении всеобщего счастья играло государство. Построить государство на началах разума, знаний, и сделать его средством для достижения всеобщего счастья – вот высшая цель каждого реформатора.

Гоббс, обосновывая право и возможность разумного человека совершенствовать организацию общества ради высших целей, писал: «Государство строят, как дом». Петр Великий мог бы сказать иначе: «Государство строят, как корабль». В самом деле, борьба за выход к морю, строительство флота, реформирование государства, преобразование России ради ее счастливого будущего – все это так естественно совпало, соединилось в деятельности Петра. Все это отлилось в яркий образ корабля – новой России, которую спустил на воду и повел среди бурных волн жизни великий корабель и шкипер. Вот поэтому море в Архангельске так сильно сказалось на судьбе Петра.

Как человек деятельный и живой, Петр не ограничился рассматриванием моря и кораблей с берега. На яхте «Святой Петр» он вышел в море, чтобы проводить уходившие из Архангельска иностранные торговые корабли. Во второй приезд в Архангельск летом 1694 года Петр отправился на яхте на Соловецкие острова и в открытом море попал в страшный шторм. Опасность была так велика, волны так круты, что царь и его спутники причастились как перед смертью. Только искусство лоцмана Антипа Тимофеева спасло русского царя, который впервые в русской истории – после времен варяга князя Игоря – пустился по морю. С тех пор в память об этом историческом событии на острове стоит большой деревянный крест с памятной надписью.

Когда же в Архангельск из Голландии пришел заказанный 44-пушечный фрегат «Святое пророчество», счастью Петра не было предела. Он тотчас испытал себя и новый корабль, выйдя на нем в Северный Ледовитый океан. Морская судьба Петра была решена – без моря он уже не мог жить! Этим была решена и судьба России, которой предстояло стать морской державой.

Легенды и слухи

Первый русский полет

Изображение мужика, летящего на самодельных крыльях, стало общим местом в истории советского воздухоплавания и авиации. Что было на самом деле, был ли такой полет, мало кто знает. Точно можем сказать, что полета не было, но дерзкое намерение такое действительно зародилось в сознании неведомого нам народного умельца из москвичей. В «Записках» стольника И. А. Желябужского идет речь о происшествии 30 апреля 1695 года: «Закричал мужик „Караул!“ и сказал за собою государево слово (так обычно привлекали к себе внимание

доносчики и просители, в этом случае власти не могли заметить дело. – Е. А.). И приведен в Стрелецкий приказ, и роспрашиван. А в роспросе сказал, что он, сделав крылья, станет летать, как журавль. И по указу великих государей сделал себе крыле слюдные, а стали те крылья в 18 рублей из государевой казны. И боярин князь Иван Борисович Троекуров (судья Стрелецкого приказа. – Е. А.) с товарищи и с иными прочими вышел, стал смотреть. И тот мужик те крылья устроя, по своей обыкlosti перекрестился и стал мехи надымать. И хотел лететь, да не поднялся, и сказал, что он крыле сделал тяжелы. И боярин на него кручинился (т. е. укорял, сердился. – Е. А.), и тот мужик бил челом, чтоб ему сделать другие крыле иришенья (кожаные. – Е. А.). И на тех не полетел, а другие крыле стали в 5 рублей. И за ему учинено наказание: бит батоги, снем рубаику, и те деньги велено доправить на нем и продать животы (имущество. – Е. А.) ево и остатки».

Азовские походы. 1695–1696

В 1694 год Петра постигла огромная утрата. В январе, не дожив до 43 лет, умерла его мать – царица Наталья Кирилловна. До самого конца она оказывала сильное влияние на Петра, с трудом удерживая сына от желания окончательно порвать с той церемонной и скучной для него жизнью, которой жили московские цари. Эта жизнь была для Петра I уже непереносима. Он тяжело переживал смерть матери. Она была для него самым близким и дорогим человеком. Тем не менее и после смерти царицы он не взялся за государственное управление. Самым крупным мероприятием 1694 года стали так называемые Кожуховские маневры под Москвой – многодневные учения большого количества войск со стрельбами, штурмами укреплений. Причем в маневрах участвовали как потешные, так и стрелецкие полки.

Но вскоре военные игры неожиданно закончились – надвинулась настоящая война. Собственно, она шла давно, с тех пор как правительство Софьи, выполняя союзнический долг перед участниками антитурецкой Священной лиги – Польшей, Венецией и Австрией, выступило против Турции и ее вассала, Крымского ханства. В 1687, а потом и в 1689 году состоялись два Крымских похода, которые возглавлял князь В. В. Голицын. Они оказались крайне неудачными. И хотя до 1695 года особенных военных действий не было, Россия по-прежнему находилась в состоянии войны с Крымом и с Османской империей. Союзники по Лиге настаивали, чтобы Россия воевала с татарами и турками. Ведь в обмен на участие в войне Россия получила в свои владения Киев (точнее выкупила город за 100 тыс. рублей). Теперь этот великий приз предстояло отработать на поле боя. Чтобы не уподобляться князю Голицыну, едва унесшему ноги из-под Перекопа, было решено напасть на Азов – турецкую крепость в устье Дона при впадении его в Азовское море.

Тогда, в 1695 году Петру I казалось, что опыта Кожуховских маневров и штурмов Пресбурга будет вполне достаточно, чтобы взять Азов – небольшую, устаревшую крепость. Но царь жестоко ошибся: ни у него, ни у его генералов не хватило умения и опыта, чтобы овладеть Азовом. Более того, смелые вылазки турок наносили чувствительный ущерб осаждавшим. Гарнизон крепости мужественно отбил штурм превосходящих сил царского войска. Двадцатого октября, к своему стыду и позору, осаду Азова русским пришлось снять, чтобы поспешно отступать домой – надвигалась трудная зима.

Под стенами Азова Петр I впервые проявил те качества, которые впоследствии сделали его великим государственным деятелем и полководцем. Оказалось, что неудачи не приводят его в уныние, а только подстегивают, придают ему сил. Петр имел мужество взять на себя ответственность за поражение, сумел трезво оценить собственные промахи, обдумать все обстоятельства, приведшие к обидному срыву, и сделать необходимые выводы. Так было и после Азовского похода 1695 года. Петр понял, что для взятия крепости нужны профессиональные военные инженеры, которых он срочно нанял в Австрии. Кроме того, он осознал, что без флота, который может отрезать Азов от моря и воспрепятствовать подвозу в

крепость всего необходимого, воевать нельзя. Вернувшись из похода в ноябре 1695 года, Петр I принял историческое решение: он повелел строить флот.

Осада Азова.

Примечательно и символично для сухопутной России, что русский военно-морской флот начал строиться далеко от морских берегов – таким уж было положение отрезанной от морей России. Из Архангельска под Москву, в дворцовое село Преображенское, зимой 1695–1696 годов в разобранном виде была доставлена голландская галера (ее заказали в Амстердаме еще в 1694 году). После этого бригады плотников начали копировать все ее элементы и отсылать их в Воронеж, где галеры уже собирали и спускали на воду. Тем временем тысячи крестьян были согнаны в воронежские рощи. Они начали рубить лес, сплавливать его по рекам в Воронеж, где на спешно возведенных верфях голландские, английские и иные корабельные мастера начали строить корабли. Невероятно, но факт: к апрелю 1696 года в строю было 22 галеры, галеас «Святой Петр» и 4 брандера. Во главе флота, спустившегося к Азову, плыла галера «Принципиум», которой командовал сам Петр I. Весь этот флот в мае 1696 года предстал перед изумленными турками, которые поленились даже разобрать осадные сооружения русских у городских стен. Они полагали, что царь после горького урока предыдущего года надолго забудет дорогу к их крепости. Двадцать седьмого мая того же года, то есть меньше чем через два месяца, Азовское море впервые увидело русский флаг. Флот из галер в окружении мелких судов вышел в открытое море. И не так уж важно, что у русских не было умения управлять флотом, что корабли были построены наспех, из сырого леса, со многими недоделками. Важен был сам факт появления флота. Девятнадцатого июля 1696 года Азов, взятый в тесную осаду, сдался.

Азовская победа воодушевила Петра, и он распорядился восстановить разоренный дотла Азов и заселить его и близлежащую округу русскими переселенцами и опальными стрельцами. Не дожидаясь заключения мира и получив выход к морю, царь предписал основать (на базе Воронежской эскадры 1696 года и Воронежского адмиралтейства) Азовский военно-морской флот, состоявший уже из крупных морских кораблей. 20 октября 1696 года Боярская дума приняла историческое решение: «Морским судам быть». Стоимость

кораблей была распределена в пропорции по числу налогоплательщиков в виде чрезвычайного налога, причем некоторым богатым боярам и монастырям – обладателям сотен дворов – приходилось финансировать строительство целых кораблей.

Во времена Азовских походов проявилась еще одна важная черта Петра I как будущего реформатора. Он не ограничился восстановлением разрушенного Азова, а решил основать на мысу Таганрог гавань и город Таганрог. По идее и первоначальному плану, который быстро начал осуществляться, на берегу Азовского моря принялись строить город, так не похожий на традиционные русские города. Азовский опыт строительства европейского города оказался важен для будущего возведения в 1703 году невской столицы и крепости – Санкт-Петербурга, а сам Таганрог стал полигоном для методов и приемов строительства города в пустынном месте. Россия делом заявила свои претензии на выход к Черному морю.

Под Азовом Петр впервые почувствовал весь груз огромной ответственности за Россию, династию, армию, народ. И этот груз отныне лег на его плечи. Неслучайно то, что с Азовских походов царь начинает отсчет своей службы Отечеству. Именно идея служения России стала главным стержнем жизни Петра Великого. Представление о том, что он не просто сидит на престоле, а несет свою тяжелую службу во имя России и ради ее будущего, наполняло всю его жизнь высшим смыслом, особым значением. Затянувшиеся игры и потехи молодого царя заканчивались – он стал взрослым.

Великое посольство в Западную Европу

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Петру пришла мысль поехать за границу с Великим посольством. Эта поездка 1697–1698 годов, как и многие другие поступки царя, была необычайна. Такого Россия еще не знала. Ни один царь не покидал своего государства! Более того, он отправился за границу в свите Великого посольства инкогнито, под именем Петра Михайлова. Посольство можно было бы назвать великим дипломатическим обозом, караваном. Такие караваны русские цари с древних времен посылали в Западную Европу – ведь до XVIII века Россия не имела в столицах других стран постоянных дипломатических представительств. Поэтому время от времени из Москвы направлялось многолюдное посольство во главе с каким-нибудь знатным боярином. Объезжая одну за другой несколько стран, посольство наносило визиты королям и князьям, вело переговоры с министрами. Такую миссию и было решено снарядить за границу весной 1697 года.

Во главе Великого посольства стояли три полномочных посла: генерал-адмирал Франц Лефорт, руководитель главного дипломатического ведомства – Посольского приказа, – боярин Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Предполагалось побывать в Австрии, Голландии, Дании, Англии, Бранденбурге (так до 1699 года называлась Пруссия), Венеции и у папы в Риме. Программа Великого посольства была обширна: переговоры, приемы, беседы. Добиться поддержки и помощи у европейских держав в войне с турками – как раз это было главной целью русского дипломатического каравана.

Петр Великий в русском платье в бытность свою в Голландии в свите великого посольства.

Петр под видом простого дворянина Петра Михайлова ехал в многочисленной свите послов. Она состояла из дворян, слуг, волонтеров, которые ехали учиться кораблестроению. Почему он так сделал, точно сказать невозможно. Может быть, Петр хотел избежать длительных и утомительных для него приемов и церемоний, которые он и дома терпел с трудом. Кроме того – и это, наверное, главное – он хотел получить свободу для занятий, не соответствовавших обязанностям коронованной особы, которая путешествует за границей.

Первого апреля 1697 года посольство прибыло в первый для Петра иностранный город – Ригу, бывшую столицей шведской Лифляндии. Шведы оказали посольству торжественный прием, но сделали вид, что не заметили среди дворян посольства русского царя. Генерал-губернатор Эрик Дальберг даже запретил высокому русскому дворянину со свитой рассматривать и замерять крепостные оборонительные сооружения Риги. Впоследствии это обстоятельство стало одним из формальных поводов для начала Северной войны. Зато высшие сановники и коронованные особы других государств, через которые ехал из Риги раздосадованный Петр – Курляндии, Бранденбурга, такой ошибки не допустили и, публично приняв послов, отдельно, секретно и с большим почетом принимали Петра, удивляясь этому необычному человеку.

Заглянем в источник

Молодой Петр вызывал всеобщий интерес за границей, и многие видевшие его оставили воспоминания о необыкновенном русском царе. Вот одно из них:

«Повсюду он проявлял необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами. Его тонкая наблюдательность и особый дар понимания не уступал его необыкновенной памяти. Многие поражались его ловкости в работе, которой он превосходил даже более опытных в деле людей».

Другие, видевшие Петра в тот первый его заграничный визит, замечали

особую выразительность и красоту его лица, высокий рост, непринужденность и оптимизм, глубокий природный ум, любовь к труду и... чудовищную неотесанность, отсутствие приличных манер за столом, в обращении с людьми из своей свиты и с посторонними.

Петр по дороге в Голландию почти нигде не останавливался. Его влекло не столько любопытство, сколько желание учиться, и прежде всего – корабельному делу. В августе, опередив Великое посольство, он прибыл в Голландию и поселился в маленьком городке Заандам (по-русски – Саардам). Здесь он сразу же устроился на верфь плотником. Кроме того, он осматривал голландские заводы, верфи, мастерские, разговаривал с известными людьми, учеными, изобретателями. Голландия недаром влекла Петра I. Столько он слышал об этой великой, хотя и небольшой по размерам, стране! Несметные сокровища ее купцов, сотни кораблей, которые бороздили океаны всего мира, банки, верфи, заводы, благоустроенные города, отличные порты, мастерские, музеи с картинами Рембрандта, Вермеера, Хальса – все это богатство было плодом упорного труда, мастерства и гения голландцев. Они сами, своими руками построили свою страну, отвоевав у моря землю и защитив ее высокими плотинами, за которыми – ниже поверхности моря! – цвела прекрасная Голландия с ее живописными фермами, знаменитыми мельницами, тюльпанами, уютными городами, где аккуратные хозяйки мыли мылом тротуар перед домом. Не раз и не два этот маленький народ мужественно защищал независимость родины от натиска неприятеля, мечтавшего поживиться за счет труда голландцев.

В Саардаме Петр прожил недолго. Толпы любопытствующих зевак съезжались отовсюду, чтобы посмотреть на невероятную диковинку – русского царя, который машет топором на верфи и запросто ходит по улицам городка или плавает на своей шлюпке. Так жить и работать было невозможно. Вскоре Петр I перебрался в Амстердам и, вместе с Александром Меншиковым, Александром Кикиным и другими волонтерами, стал работать на верфи Ост-Индской компании над сооружением корабля «Петр и Павел». Его ничем не отличали от других мастеров, называя попросту «плотник Питер». Как-то раз двое английских вельмож пришли посмотреть на царя и спросили у мастера, кто же в этой рабочей толпе у стапеля русский царь? Мастер крикнул: «Плотник Питер, ты почему не помогаешь своим товарищам?» И англичане увидели, как высокий человек в кожаном фартуке, не говоря ни слова, отложил свой топор и подставил плечо под бревно, которое тащили плотники. Тяжелая работа не была в тягость Петру I. Он был неутомим и бесконечно любознателен. Однажды ночью он в экипаже переезжал мост, который чем-то его поразил. Остановившись, царь со складным аршином в руках полез под его своды, стал в темноте замерять и заносить в свою записную книжку при свете фонаря какие-то данные о сооружении. В свободные дни он любил ходить по Амстердаму – городу каналов и кораблей, посещал рынки, лавочки и мастерские. Там царь выучился чинить собственную одежду, узнал, как тачать башмаки, а у местного зубодера напрактиковался ловко выдергивать зубы, чем впоследствии приводил в ужас своих придворных. Зимой, когда по замерзшим каналам голландцы весело катались на коньках, он любил сидеть в трактире за кружкой пива.

Не прошло и нескольких месяцев жизни в Голландии, как в январе 1698 года Петр I с небольшой свитой перебрался в Англию. Он хотел посмотреть, как живет в этой «всемирной кузнице», мечтал увидеть Лондон, подружиться с великим королем Вильгельмом III Оранским, который одновременно был правителем – штатгальтером Голландии – и одерживал блестящие победы над армией Людовика XIV. И еще одна практическая цель влекла царя-кораблестроителя в Англию. Голландское кораблестроение ему разонравилось. На голландских верфях все делалось на глазок, основываясь на большом опыте мастера. Получалось всегда неплохо, но для быстрого строительства десятков кораблей в России найти стольких мастеров было невозможно. Петр I понял, что недостаточно умело махать топором. Нужны знания сложных формул и чертежей, чтобы закладывать и строить сразу несколько, десятки типовых кораблей. Этому учили только в Англии. Петр поехал туда и довольно быстро научился проектировать корабли. Он был

потрясен Англией, в особенности – ее флотом. Для русского гостя Вильгельм III специально устроил маневры и учебный бой. Петр был в восторге. И потом царь в досаде на своих неблагодарных подданных не раз говорил, что жизнь английского адмирала несравненно лучше жизни русского царя, и что «Англия – самый лучший и прекрасный остров в мире». С этим согласны многие в России и до сих пор.

Заметки на полях

К каким выводам пришел Петр I, закончив свою поездку в Европу? Ведь он познакомился с богатейшими, самыми развитыми странами мира, какими были Голландия и Англия. Он видел, как благополучно, удобно и в достатке живут в них люди. Петр оценил всю экономическую и военную мощь западной цивилизации. И как для каждого пытливого человека, для него наступил момент, когда он захотел понять: в чем же причина этих явных успехов людей в устройстве своей жизни, в чем заключается механизм благополучной жизни этих стран, как функционирует это общество. Восхищение Вильгельмом III Оранским, которое демонстрировал Петр, не скрыло для него ту истину, что ни в Голландии, ни в Англии Вильгельм не является государем, равным ему, Петру, по власти, что страны, которые он так любил, вообще не самовластные монархии. Нам известно, что Петр поспешно покинул заседание Генеральных штатов – высшего законодательного органа Нидерландов, что оставил без комментариев свое посещение английского парламента.

Позже, как известно, он выразился довольно категорично: «Аглинская вольность здесь не у места как к стенке горох, надлежит знать народ, как оным управлять». Как тут не вспомнить презрительные упреки Ивана Грозного в адрес королевы Елизаветы, у которой делами всеми ведают «торговые мужики». Словом, в концепциях реформ, в бросаниях из одной крайности в другую, он отчетливо исходил из идеи, что в России с ее (как он считал) ленивым, неблагодарным народом, с ее огромными неосвоенными пространствами единственным и главным источником движения вперед, основой прогресса, побед и благополучия является не то, что он видел на Западе – парламентаризм, система сословных прав и выборных органов власти, система собственности, а самодержавная власть. Мысль об этом он формулировал неоднократно. Запад, при всей его любви к Амстердаму и селедке, был нужен ему только для того, чтобы взять максимально большие в смысле технологии, прагматического утилитарного знания, использовать опыт западных специалистов в технике, медицине, строительстве, военном деле, но не в политических и иных гуманитарных науках. Петр сделал вывод, который и сейчас делают многие недемократические страны. чтобы сделать свою страну богатой, сильной и процветающей, нужно быстро, не теряя времени, перенять с Запада все, что для этого нужно: промышленность, законы, обычаи, книги, одежду, оружие, технику. С тех пор и до конца эта идея не покидала его. Ей, этой своей государственной мечте, он посвятил всю свою жизнь. И ради осуществления этой мечты он не жалел ни времени, ни денег, ни себя, ни людей, ни России.

Петр вернулся в Голландию весной 1698 года и уже вместе с Великим посольством через всю Европу отправился в Вену. Есть версия, что из Вены Петр выезжал в Венецию. В венецианских архивах сохранились сведения тайной полиции о том, что какая-то группа неизвестных русских на один день приезжала в Венецию и осматривала город. Возможно, что среди русских был и сам Петр, желавший взглянуть на это чудо в Венецианской лагуне. Но в Вене он оставался недолго. Планы путешествия пришлось свернуть: из России было получено известие о мятеже стрелецких полков...

Бунт стрельцов. 1698. Развод с женой

Возможно, Петр еще задержался бы за границей, но из полученных им сообщений

стало известно, что стрельцы, находившиеся в армии воеводы князя М. Г. Ромодановского, расположенной на западной границе, в Великих Луках, взбунтовались и двинулись к Москве. Возвращение Петра I было поспешным – он ехал день и ночь без сна и отдыха. Тем временем генерал Гордон с верными правительству войсками и артиллерией встретил мятежников под Новым Иерусалимом, у стен Воскресенского монастыря. После часового боя стрельцы бежали, последовали аресты и скорая казнь предводителей. Приехав в Москву, Петр начал расследование бунта, стремясь добраться до его истоков, установить возможную связь стрельцов с царевной Софьей и ее людьми. Для этого были основания – мятежники, пользуясь отсутствием царя в России, намеревались вернуть власть опальной царевне.

Никогда еще до этого не видели царя таким беспощадным и жестоким. Известно, что Петр сам участвовал в допросах и пытках стрельцов. Кроме того, он руководил массовыми публичными казнями мятежников, причем заставлял своих сподвижников собственноручно рубить приговоренным стрельцам головы. Всего по Москве и ее окрестностям казнили более двух тысяч человек, причем большинство из них отправляли на тот свет без следствия и суда, скопом.

Показательную жестокость царя можно объяснить его ненавистью к прошлому, которое вдруг проявило себя в мятеже стрельцов. Очевидно, что в это время он испытывал напряжение и страх. Пытки и казни перемежались грандиозными попойками, которые устраивал Петр и его окружение, что придавало всему происходившему особую зловещую мрачность, напоминавшую о страшных временах опричнины Ивана Грозного. Казни продолжались до начала 1700 года, причем царь особенно гневался на своих сестер Софью и Марфу. Добытые во время стрелецкого розыска факты с несомненностью говорили, что бывшая правительница участвовала в заговоре, через служанок и родственников получала от заговорщиков записки, запеченные в «стряпне» – в пирогах, и отвечала им. Петр лично допрашивал Софью и Марфу, но подвергнуть их пытке все же не решился. Однако ближним, комнатным женщинам царевен пришлось в полной мере испытать гнев царя – их жестоко пытали, а одна, будучи беременной, родила во время страшной пытки. В итоге Софья была изолирована в Новодевичьем монастыре, пострижена под именем Сусанна и умерла там же в 1704 году. Другую сестру Петра, Марфу, постригли в монахини под именем старицы Маргариты и заточили в Успенский монастырь (Александровская слобода, бывшее опричное гнездо Ивана Грозного). Там она и скончалась в 1707 году.

Жестокими массовыми расправами Петр I стремился ликвидировать все корни сопротивления ему. Более того, вернувшись в Москву, царь велел остричь бороды своим ближним боярам и предписал всем дворянам переодеться в европейские одежды. Его раздражал даже их внешний вид, не говоря уже об их мыслях, поступках, намерениях. Этим символическим действием он начал свои великие реформы. Чуть позже обрезание бород стало причиной кровопролитного восстания в Астрахани. И восставшие, и Петр понимали символическое значение происходящего. Борьба с бородой была не просто капризом царя: борода была неким знаменем, неким символом борьбы. Без бороды – наш, свой, с бородой – чужой, враг! Не у всех хватало мужества воспротивиться насилию. В 1704 году в Москву пришел нижегородец Алексей Иванов, крича: «Слово и дело». Он был схвачен и доставлен в камеру пыток. На допросе сказал: «Пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табак велит тянуть. Пусть государь все переменит!» Не выдержав пыток – в застенке его спрашивали, кто его «подучил» говорить такое и кто его сообщники, – Иванов умер.

Таких смельчаков было мало, но многие также думали, что бороды и старинные одежды означают благочестие, которое царь-антихрист жестоко разрушает. От всей этой операции под названием «борода» осталось в народе тяжелое чувство. Как тут не вспомнить слова одного ученого: «Как же было нужно унижить свою страну, чтобы ее возвысить». Впрочем, через несколько лет купечеству и горожанам право носить бороды вернули. Желающий мог заплатить 100, 50 или 30 рублей и – в зависимости от своего положения и состояния – получал специальный «бородовой знак» на шею и мог щеголять в бороде. Да уж

какое тут щеголянье – бороду не уважали, а молодежь быстро пристрастилась к брадобритию и смеялась над невежественными отцами, заботливо прятавшими когда-то отрезанные царем бороды, чтобы их положили им в гроб, ведь на том свете можно было их нацепить и предстать перед господом в пристойном виде.

Оказавшись дома, Петр I даже не пожелал увидеться с женой, царицей Евдокией. Ее судьбу он решил уже давно – развод. Он с нетерпением ждал встречи со своей любовницей – дочерью немецкого виноторговца из Немецкой слободы Анной Монс, с которой его познакомил Лефорт. Несколько лет Анна была любовницей царя. Еще из Лондона Петр распорядился, чтобы опостылевшую ему Евдокию склонили к добровольному пострижению – только так можно было с ней развестись. По возвращению в Москву царь узнал, что указ его еще не выполнен, а царица до сих пор еще в Кремлевском дворце. Тридцать первого августа 1698 года царь четыре часа уговаривал супругу уйти в монастырь, но безуспешно. Тогда через месяц сына Петра, царевича Алексея, отобрали у матери и перевезли в Преображенское к сестре Петра царевне Наталье Алексеевне, а Евдокию отвезли в суздальский Покровский монастырь.

Царица Евдокия Федоровна.

Действующие лица

Царица Евдокия Федоровна

В 1689 году родные 17-летнего царя Петра I, даже не спросив его согласия, «оженили» его на 20-летней девице Евдокии Федоровне Лопухиной. Этот брак был частью интриги Нарышкиных против Милославских, женивших царя Ивана на Прасковье Салтыковой. Вместе Петр и Дуня прожили почти 10 лет, и царица родила трех сыновей, из которых выжил только Алексей. Но жизнь супругов не была счастливой. Дуня была явно не пара Петру. Они жили как будто в разное время, в разных веках: Петр жил и чувствовал себя в европейском XVIII веке с его свободой, открытостью, прагматизмом, а Дуня, воспитанная традиционно,

оставалась в русском XVIII веке, требовавшим от женщины следования обычаям терема, предписаниям Домостроя... Да и характерами супруги не сошлись. Порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталкивались с упрямством и недовольством Дуни – особы самолюбивой и строптивой, которая не принимала образ жизни своего непоседливого мужа. Пропасть между супругами с годами все углублялась, особенно после появления в жизни Петра Анны Монс. Развязка наступила в 1698 году, когда по воле царя Дуню увезли в Суздаль. Двадцатидевятилетняя, полная сил женщина отчаянно сопротивлялась: она не хотела, чтобы ее заживо замуровали в келье. Приняв постриг и став старицей Еленой, она не примирилась со своей судьбой. Вскоре она сбросила монашеский куколь и стала жить как женщина светская, как паломница. Ей это позволяли – монахи помнили, что у них живет мать наследника престола, будущего царя Алексея. В 1710 году у нее начался короткий и бурный роман с майором Степаном Глебовым. Сохранившиеся письма Дуни к нему говорят о ней как о женщине темпераментной, живой и чувственной: «Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо, и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих политы моими слезами...» В 1718 году открылось дело царевича Алексея, по нему привлекли и Глебова, нашлись и письма Дуни. На очной ставке в застенке Дуню вынудили подписать покаянную расписку – один из уникальных документов русской истории: «Я, бывшая царица, старица Елена... с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата; писала своею рукою я, Елена». Зачем нужна была Петру такая расписка? Наверное, чтобы сильнее ударить и страшнее оскорбить бывшую жену и собственного сына-наследника. О блуде Евдокии и Глебова было даже написано в манифесте, который читали по всей России... Глебов был живым посажен на кол посредине Красной площади. Почти сутки Глебов маялся на колу, чтобы он преждевременно не умер от холода, заботливые палачи надели на него полушубок... Все это время возле места казни стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча... Для Петра такое гордое упорство подданного – вопреки голосу разума, ужасу перед болью – оказалось неожиданным. Ни один преступник не имел права уйти на свободу или на тот свет с высоко поднятой головой – таков вечный принцип тиранической власти. И Петр этого не забыл. В 1721 году он приказал каждый год провозглашать во всех церквях анафему Степке Глебову, как ее провозглашали раньше Гришке Отрепьеву, Степке Разину, Ваньке Мазепе... Какой ряд, какие страшные государственные преступники! И среди них – всего-то сожигатель бывшей царицы.

Старицу Елену ждал монастырь-тюрьма в Новой Ладозе, да такой суровый, что даже охранники не выдерживали холода, умоляли начальство их оттуда «свести» – отозвать. Затем ее перевели в Шлиссельбург – тоже место, как известно, не курортное. Когда в январе 1725 года умер Петр и (час от часу не легче!) на престол вступила Екатерина I, жизнь узницы стала еще хуже. И лишь весной 1727 года с приходом к власти Петра II, ее родного внука, сына царевича Алексея, Евдокию освободили и отвезли в Москву. Но никакой политической роли она уже не играла и умерла в 1731 году в Новодевичьем монастыре, где когда-то закончила свою жизнь царица Софья.

Отправив Евдокию в монастырь, Петр получил нужную ему свободу от брака. Его роман с Анной Монс продолжался. Известно, что он намеревался жениться на Анне официально, если бы в 1702 году неожиданно не обнаружил, что Анна неверна ему. В документах утонувшего под Шлиссельбургом саксонского дипломата Кенигсека была найдена любовная переписка с Анной Монс. После этого Анна на долгие годы была посажена под домашний арест. Потом она вышла замуж за прусского посланника. Умерла Анна в 1714 году.

Накануне Северной войны

Из-за границы Петр внимательно наблюдал за международной обстановкой в Европе, следил за ходом переговоров Великого посольства в Голландии, Пруссии и Австрии. Он видел, что обстановка в Европе становилась все напряженней, все опаснее. Уже давно Европа была ареной острого соперничества крупнейших держав – Англии, Франции, Голландии, Австрии. Их властители ждали, когда умрет престарелый и больной испанский король Карл II. Он был бездетен. На испанский престол претендовали многие, но в первую очередь внук могущественного и агрессивного французского короля Людовика XIV – герцог Анжуйский. Против неизбежного в этом случае усиления Франции резко выступали Англия, Голландия и Австрия. Приближалась война, получившая известность в истории как Война за испанское наследство (1702–1713). Россия не намеревалась вмешиваться в надвигающийся конфликт, но Петр стремился учесть и использовать его, когда обдумывал будущее направление политики своей страны.

А думать было о чем – Россия оказалась на перепутье. На протяжении всего XVII века первостепенное значение для России имели три направления политики: южное – отношения с Турцией и ее вассалом Крымским ханством, западное – отношения с Польшей (Речью Посполитой) и, наконец, северо-западное – отношения со Швецией. Они развивались в XVII веке неровно и драматично. Несколько столетий угроза татарских набегов висела над южнорусскими землями. Крым считал себя наследником Золотой Орды и рассматривал Россию как своего вассала, требуя уплаты ежегодной дани, которую в Москве скромно называли подарками – «поминками», но, тем не менее, возили в Бахчисарай даже при Петре. Это не спасало Россию от набегов. Весь XVII век кочевники совершали их, уводили из русских сел и городов сотни тысяч русских пленных, которых продавали как рабов на рынках Стамбула и Ближнего Востока.

Когда же Крым подпал под власть Османской империи – сильного и агрессивного государства, чьи войска угрожали всей Европе, – опасность с юга для России возросла. Турки прочно закрепились в Северном Причерноморье и не переставали делать попытки продвинуться дальше на север – на Украину, ставшую с середины XVII века полем упорной борьбы России и Польши. Крымские (1687 и 1689 годы) и Азовские (1695 и 1696 годы) походы против татар и турок были совершены Россией, как уже сказано выше, в ответ на просьбы союзников по Священной лиге – Австрии, Венеции и Польши. К моменту отъезда Великого посольства в Европу весной 1697 года война Лиги против османов еще не кончилась, но военные действия стороны фактически не вели. Великое посольство должно было расшевелить задремавших союзников России. Петр как раз был упоен победой под Азовом и думал о расширении своих завоеваний на юге, для чего и строил в Воронеже флот, основал Таганрог и другие крепости. Черное море казалось Петру тем морем, на котором он встанет твердою ногой и «запирует на просторе». Но воевать с турками в одиночку было трудно. Могущество османов было общеизвестно, и для того, чтобы решить исход затянувшейся борьбы, требовались слаженные и энергичные действия союзников.

Отправляясь в посольство, Петр надеялся привлечь к борьбе с турками новых европейских государей, для чего велись переговоры в Бранденбурге, Голландии, Англии. Но ни того ни другого не произошло. Австрия и другие страны – члены Священной лиги – готовились к большой войне в Европе (позже она получила название «Войны за испанское наследство»), и проблема Турции их уже не волновала. Петр же прекрасно понимал, что России одной выйти на побережье Черного моря не удастся – не хватит сил.

Долгое время не годилась в настоящие союзники против турок и тогдашняя Польша. Но в июне 1696 года умер польский король – воин Ян Собеский, и в Польше наступило тяжелое время «бескорольевья», когда разгорелась отчаянная борьба партий различных кандидатов на польский трон. Петр не упускал из виду польские дела. Его, как русского царя, весьма интересовала раскладка сил в самой Речи Посполитой. В XVII веке Россия и Польша находились в неприязненных, а часто и открыто враждебных отношениях. После Смуты начала XVII века, когда Польша фактически оккупировала Россию и захватила ее

западные земли, русские самодержцы боролись за возвращение этих земель, и прежде всего Смоленска. В 1650–1660-е годы яблоком раздора в отношениях соседей стала Украина. После долгой войны России удалось отстоять свои новые владения и, согласно «вечному миру» 1686 года, приобрести и столицу Украины Киев.

Заглянем в источник

К петровскому времени Россия в отношениях с Польшей все чаще стала применять подкуп весьма жадных до золота польских вельмож. Она стремилась натравить одни группировки знати на другие, ставя конечной целью всемерное ослабление Речи Посполитой за счет сохранения разрушающих государственность неограниченных вольностей шляхты. Одновременно Россия стала считать Польшу зоной своего влияния и отчаянно сопротивлялась вмешательству в польские дела других держав, особенно Франции, у которой был всегда готов кандидат на польский трон. Так было и в 1697 году, когда в Варшаве зачитали упомянутую грамоту русского царя:

«Мы, великий государь, наше царское величество, имея ко государям вашим, королям польским, постоянную дружбу, так и к вам, паном раде и Речи Посполитой, такого короля с французжеской и с турской стороны быти не желаем, а желаем быти у вас на престоле королевства Польского и великого княжества Литовского... королем какого народу ни есть (т. е. любого происхождения. – Е. А.), только б не с противной стороны».

Чтобы царская грамота прозвучала в Варшаве весомее, 60-тысячному корпусу боярина М. Г. Ромодановского велено было перейти польскую границу.

Постепенно в течение XVII века Польское государство начало слабеть, а влияние России в ее внутренних делах усиливалось. Когда после смерти короля Яна Собеского поляки стали выбирать между двумя кандидатами на польский престол – французским принцем Конде и саксонским курфюрстом Фридрихом-Августом, Петр не замедлил вмешаться в это внутреннее дело соседнего государства. Фигура Конде, ставленника Людовика XIV, который был традиционным союзником Турции, категорически не устраивала Россию. Поэтому Петр послал шляхте в Варшаву грозную грамоту с предупреждениями и угрозами.

Словом, Петр был готов огнем и мечом поддержать кандидатуру более приемлемого для России саксонского курфюрста, который осенью 1697 года и стал польским королем Августом II и, естественно, союзником России. Это стало ясно, когда Петр I, возвращаясь летом 1698 года из Австрии, остановился в польском городе Раве-Русской и встретился с Августом II Сильным. Они сразу нашли общий язык и понравились друг другу. Оба были молоды и почти ровесники (Август родился в 1670, а Петр – в 1672 году). Как и Петр, Август был высоким и сильным человеком, что и отразилось в его титуле. Как и Петр, Август только что начал свою политическую карьеру и был заинтересован как в усилении своей родной Саксонии, курфюрстом которой он продолжал оставаться, так и в упрочении своей власти в Польше. Этого можно было достичь лишь личным авторитетом и будущими победами над неприятелем.

Остается неясным, когда и при каких обстоятельствах произошло изменение внешнеполитического курса России, которое привело ее к военному союзу с Саксонией, Данией и к войне со Швецией. Нельзя исключить, что именно во время беседы двух монархов в Раве была высказана мысль о совместных действиях против Швеции, слетело с уст то роковое слово, которое определило будущее всей Северной Европы почти на четверть века. Неслучайно, что сразу же после возвращения Петра начинаются тайные переговоры русских, датских и саксонских дипломатов.

Заметки на полях

Петр и Август были тогда молодыми и самонадеянными. Неприятель, против которого собрались обнажить мечи Август II и Петр I, был истинным

повелителем Севера. До этого полтора столетия Швеция вела длительные войны со своими соседями – Россией, Данией, Речью Посполитой, Бранденбургом (Пруссией). Успех постоянно сопутствовал шведам, побеждавшим на поле боя всех своих врагов. Расширение Шведской империи началось в середине XVI века, когда король Эрик XIV отобрал у Дании Ревель (ныне Таллинн). Затем шведы захватили Ливонию и Финляндию. Особенно успешны были действия короля-полководца Густава II Адольфа, который в 1610–1620-е годы силой оружия принудил Россию уступить старинные новгородские земли: Карельский уезд, Ингрию (Ижорские земли), а у Речи Посполитой отобрал город Ригу и Лифляндию. К этому нужно добавить, что в начале XVII века шведы долго оккупировали Великий Новгород и Псков.

Настоящим триумфом в 1648 году закончилась для Швеции Тридцатилетняя война. Шведская империя получила обширные земли на севере Германии, а именно в Померании. Война с Данией в 1640–1650-е годы принесла Швеции богатую добычу – юг Скандинавского полуострова (Сконе), Восточную Норвегию. В войнах с русскими и поляками в 1655–60 годах шведам удалось отстоять свои завоевания в южной и восточной Прибалтике. В итоге, во второй половине XVII века территория Шведской империи тянулась от Северного до Баренцева моря. При этом почти все побережье Балтийского моря находилось во власти шведов. Все владения Швеции были признаны ее соседями, которые были вынуждены подписать с ней договоры о границах и постоянно их подтверждать. Для России такими договорами был Столбовский мир 1617 и Кардисский мир 1667 года.

Население Швеции составляло всего 2 млн человек, но ее могущество опиралось на развитую горнорудную и металлургическую промышленность, воинственную неустранимость ее королей-воинов и дворянства. Передовая стратегия полководцев, опыт и мужество офицеров и солдат были залогом блестящих побед шведов. Важно и то, что шведскую армию составляли полки, которые набирались из сельских жителей особых военных округов. В мирное время солдаты и офицеры жили среди крестьян. Все это сплачивало однородную по национальному составу армию, делало ее грозной силой для любого противника. Против Швеции можно было действовать только в союзе с другими странами – так велика была ее военная мощь.

В конце XVII века шведы, как и прежде, оставались такими же гордыми и властными соседями России. Сколько ни пытались русские дипломаты добиться от Швеции отмены условий унижительного Столбовского мира 1617 года и возвращения русских земель по Неве и в Карелии, ответ всегда был отрицательный. Так, во время русско-шведских переговоров 1676 года королевские послы решительно заявили, что «ни одной деревни не уступят, хотя бы и до войны дело дошло». А порой бывало, что шведские дипломаты, не закончив переговоров, сворачивали шатры (обычно переговоры шли на пограничной реке Плюсе) и уезжали домой. И тем не менее, Швеция в конце XVII века не была заинтересована в войне с соседями. Это диктовалось обстановкой в стране. В 1697 году умер король Карл XI, и на престол вступил 15-летний юноша Карл XII, у которого не было никакого опыта управления страной и армией. Поэтому шведы всячески демонстрировали свое миролюбие России, подарили в 1697 году Петру 300 пушек для Азовского флота, а в 1699 году прислали посольство, которое заверило, что будет «свято хранить все договоры с Россией». Торжественного подтверждения этих договоров шведские дипломаты потребовали и от русского царя. Петру и его сановникам пришлось очень трудно. Нужно было, с одной стороны, не возбудить подозрений шведов, но, с другой стороны, избежать традиционной клятвы в верности договорам на Евангелии, чтобы потом, после неминуемого разрыва со Швецией, не прослыть клятвопреступником. Летом 1700 года с ответным визитом в Стокгольм прибыло посольство стольника князя Якова Хилкова, который вручил Карлу XII грамоту с заверениями царя Петра в дружбе. Почти в те же дни в Москве было объявлено о начале войны со шведами.

Создание Северного союза. Северная война

Тревоги шведов были не напрасны. Уже в 1698 году им стало известно, что русские ведут переговоры с саксонскими и датскими дипломатами о заключении союза против Швеции. Так это и было. Переговоры были трудными и тянулись два года. Каждая из сторон стремилась с самого начала занять наиболее выгодное для себя положение и получить в конце концов наибольший кусок от шкуры неубитого шведского льва (лев под тремя коронами был символом Шведского королевства). На главную роль в Северном союзе претендовал Август II. Он намеревался захватить самую богатую заморскую провинцию Швеции – Лифляндию с городом Ригой. Это позволило бы Августу II усилить свое влияние в Польше, и в Прибалтике вообще. По замыслу короля, России отводилась вспомогательная роль.

В описываемое время Петр еще не был тем опытным, искушенным в международных делах дипломатом, каким стал позже. Поначалу он безоглядно доверял Августу и поэтому согласился на роль помощника Саксонии. Между тем задачи, которые ставила перед собой Россия, были серьезны и важны для ее будущего. Речь шла, как тогда говорили, о возвращении «отчин и дедин» – владений, которые захватила Швеция, воспользовавшись ослаблением Русского государства, Смуты начала XVII века. Это не было просто формальной причиной войны. Как самодержец Петр, потомок русских царей, хотел вернуть России то, что ей издавна принадлежало. В этом усматривалось восстановление справедливости и желание смыть позор старых поражений, оскорблявших русских самодержцев. Одновременно Петр руководствовался и желанием получить прямой выход русской территории к морю. Точно так же за несколько лет до этого он прорывался к Азовскому морю. Независимость государства понималась тогда прежде всего как свобода торговли и международных связей без всяких посредников, прямо через объединяющий все страны мировой океан и его моря.

Петра на пути к войне со шведами сдерживало только то, что с Турцией еще не был заключен мир. В 1699 году на корабле «Крепость» в Стамбул отплыл думный дьяк Емельян Украинцев и вел там довольно долгие переговоры о мире. Союзный договор с Саксонией был подписан в селе Преображенском 11 ноября 1699 года. Россия обещала вступить в войну тотчас после заключения мирного трактата с Турцией. Символично, что много лет спустя, празднуя в 1722 году первую дату заключения Ништадтского мира со Швецией, Петр собственноручно поджег деревянный Преображенский дворец, в котором прошло его детство и из которого в 1699 году вырвался невидимый огонь войны.

В Москву прибыло и посольство короля Дании. С этой далекой, но сильной страной Россию связывала общая обида на Швецию. Кроме Дании не было на Балтийском побережье страны, которую так долго и жестоко угнетала бы Швеция. Шведы часто воевали с датчанами и последовательно лишили их многих владений на Скандинавском полуострове. В конце XVII века шведы окружили Данию и со стороны материка – в соседнее с Данией герцогство Голштинию они ввели свои войска. Поэтому, как только в столице Саксонии – Дрездене – 14 сентября 1700 года был подписан союзный договор Дании и Саксонии, датские войска вступили в Голштинию и осадили крепость Рененбург. Саксонцы начали войну еще раньше. Уже в начале февраля 1700 года их войска без объявления войны вторглись в Лифляндию и осадили Ригу.

Наконец, 8 августа 1700 года в Москве было получено известие от Украинцева о заключении мира с турками. Тотчас на улицах Москвы глашатаи стали читать давно уже подготовленный указ о вступлении России в войну против Швеции. Известно, что Петр буквально рвался в бой. По словам датского посла, «царь весь отдался делу войны... раздражение его растет, нередко со слезами на глазах выражает он свою досаду на замедление переговоров в Константинополе». В последний момент Петр поддался на просьбы Августа II и, вместо Ингрии (район Невы), приказал направить войска к границам

Эстляндии, где на берегах реки Наровы стояли две шведские (бывшие русские) крепости – Иван-город и Нарва. Их предстояло взять русским войскам и, оттянув часть сил шведов от Риги, тем самым оказать помощь саксонцам.

Заглянем в источник

Довольно крупной фигурой начала Северной войны был лифляндский дворянин И. Р. фон Паткуль, который уехал из шведских владений и перешел на службу сначала к Августу II, а потом к Петру I. Он был честолюбивым, довольно прагматичным и даже циничным деятелем, стремившимся повсюду быть на первых ролях. В 1699 году он составил мемориал для Августа II об условиях создания Северного союза и заключения трактата с Петром I. В мемориале так сказано о России:

«...Москва есть третье государство, требующее особенного внимания. На содействие царя более всего можно полагаться потому, что он сам предложил его королевскому величеству (Августу II. – Е. А.) войну со Швециею... От содействия царя все зависит... В трактат внесено будет обязательство царя помогать Его королевскому величеству деньгами и войском, в особенности пехотою, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно употребить только для прикрытия апрошей. Кроме того, трактатом необходимо в известных случаях крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска, то есть чтобы не овладел Лифляндиею. Надобно определить в трактате положительно, что должно ему принадлежать; для сего представить ему всю нелепость доводов, которыми предки его доказывали свое право на Лифляндию, и объяснить историю и географию, на какие земли могли бы они простирасть справедливые притязания, то есть не далее Ингерманландии и Карелии».

Мысли Паткуля о России как о послушном слоне, неисчерпаемом источнике пушечного мяса и денег разделяли многие союзники Петра. Так случилось, что опасения Паткуля оказались не напрасны – Россия не ограничилась «отчинами и дединами» и захватила Эстляндию и Лифляндию, на которую рассчитывал Август. Но Паткуль об этом никогда не узнал. Будучи в 1705 году чрезвычайным послом России при дворе Августа, он был выдан в руки шведам и по указу Карла XII казнен как государственный изменник – ведь формально, как лифляндец, он оставался подданным шведского короля.

Огромная, почти 40-тысячная русская армия 11 сентября подошла к Нарве, гарнизон которой не насчитывал и двух тысяч человек. Так для России началась Северная война, которая продолжалась 21 год. Она окончилась лишь тогда, когда родилось, подросло и даже повзрослело новое поколение, для которого память о «злосчастной» Нарве 1700 года стала уже давним преданием.

«Нарвская конфузия»

Нарва оказалась крепким орешком. Ее осада затянулась до поздней осени. Обложив крепость со всех сторон, русские войска долго ждали, когда подвезут осадные орудия. Без них взять мощные укрепления Нарвы было невозможно. Размытые же дороги мешали быстро доставить тяжеленные пушки на берега Наровы. Лишь 20 октября 1700 года Петру удалось впервые выстрелить из мортиры по укреплениям крепости. Но артиллерийская подготовка была только началом всякой осады – сложного военного дела.

Между тем ситуация для русских войск с каждым днем становилась все более тревожной. Многие осадные орудия и порох оказались скверными, трижды штурм довольно слабых укреплений Иван-города проваливался, в лагере начались заразные болезни. Еще хуже обстояли дела у союзников. Под Нарвой стало известно, что 14 июля 1700 года шведская эскадра бомбардировала Копенгаген, а затем Карл XII высадился с десантом на

берег и окружил датскую столицу. Это было так неожиданно, что датчане, не ожидавшие такой прыти от молодого короля шведов, сразу же запросили мира. Он был подписан в германском замке Травендаль. Датский король Фредерик IV выполнил все желания Карла: Дания вышла из войны и разорвала Северный союз. Тревожные известия поступали и из лагеря Августа II под Ригой. Опасаясь приближения Карла, он уехал в Польшу. Россия осталась один на один со своим противником. В начале октября русское командование узнало, что отборные шведские войска во главе с королем высадились в Пернау (Пярну) и направились к Ревелю (Таллинн). Шестнадцатого ноября Карл XII атаковал конное войско Б. П. Шереметева и заставил его отступить с дороги на Нарву. Стало ясно, что Карл движется к осажденной крепости, чтобы выручить ее гарнизон. Против засевшей в осадном лагере русской армии, которая по числу солдат в 2,5 раза превосходила шведскую, у Карла было одно оружие – быстрота и натиск.

Девятнадцатого ноября 1700 года шведы стремительно атаковали русский лагерь. Им удалось прорвать укрепления и внести в ряды противника панику. Русские солдаты бросились на мост через Нарову, началась давка, плавучий мост рухнул, тысячи людей оказались в ледяной воде. Панике поддалась и конница Б. П. Шереметева. Она бросилась в Нарову и, потеряв тысячу человек, переправилась на безопасный правый берег. Лишь гвардейские полки – Преображенский и Семеновский – да Лефортов полк достойно встретили неприятеля и сумели удержать свои позиции. Ночью русское командование решило капитулировать. Отдав победителям знамена и артиллерию, русские войска начали переходить Нарову по наскоро восстановленному мосту. Шведы не сдержали слово и стали отбирать у русских солдат оружие, грабить обозы. Ими же были задержаны многие генералы и офицеры русской армии. Их увезли в Швецию, где они провели в тюрьме долгие годы.

Взятие Нарвы в 1704 г.

К этому времени самого Петра уже не было среди дравшихся под Нарвой. Буквально за день до нарвской драмы он, взяв с собой главнокомандующего войсками Ф. А. Головина и своего фаворита А. Д. Меншикова, поспешно покинул лагерь и уехал в Великий Новгород. Нет оснований обвинять Петра в трусости – под стенами Азова он показал себя с самой лучшей стороны. Возможно, не зная воинских талантов Карла, он думал, что тот не решится сразу же атаковать превосходящие силы русских, а будет маневрировать, искать возможности соединиться с осажденным гарнизоном. Возможно, Петр, покидая лагерь под Нарвой, решил не рисковать, ибо с капитуляцией или гибелью царя война была бы безвозвратно проиграна. Несмотря на всю свою смелость, Петр всегда избегал ненужного

риска.

Известие о страшном поражении застигло Петра в Новгороде. Но царь не впал в отчаяние, не проявил слабости. Наоборот, как часто с ним бывало в тяжелые минуты, он собрался и начал действовать. О решительности и целеустремленности Петра говорят его письма и распоряжения приближенным.

Засев в Новгороде, Петр I стремился прикрыть дорогу на Москву оставшимися в строю войсками и одновременно поручил Шереметеву беспокоить неприятеля на его территории. Впрочем, все зависело от дальнейшего поведения нарвского победителя. Карл же, деблокировав Нарву и опрокинув русские войска, не стал развивать успех и остановился на зимовку под Дерптом (Тарту). Отсюда перед ним было две дороги: одна в Россию, на Псков, Новгород и Москву, другая в Лифляндию, на Ригу. Разбитый Петр I не казался королю опасным. Поэтому он решил расправиться в первую очередь с Августом – ведь саксонские войска стояли в Лифляндии и представляли серьезную опасность для шведских владений в Прибалтике. Кроме того, Карл испытывал какое-то мстительное чувство к вальяжному, склонному к роскоши польскому королю, которого он хотел непременно унижить, «проучить». Поэтому к Риге, а не к Пскову повернул он весной 1701 года свои войска. Петр мог благодарить Бога – он получил отсрочку. У него появилась возможность восстановить разгромленную армию и возобновить военные действия.

Несмотря на неудачи, царь стремился сохранить Северный союз, давший трещину после поражения союзников. В феврале 1701 года Петр встретился с Августом II в литовском городе Биржай и добился сохранения союзного договора. Для этого Россия пошла на жертвы: обещала помочь Августу деньгами и солдатами (вспомним Паткуля). Но летом 1701 года царь получил новое огорчительное известие – Карл разбил саксонцев под Ригой, а русский вспомогательный корпус генерала А. И. Репнина, не оказав союзнику помощи, отошел по псковской дороге. И опять Карл, увидев поспешное отступление русских, не стал их преследовать. Его целью стало острое желание победить Августа II, которого он считал бесчестным и недостойным уважения государем.

1701 и 1702 годы прошли для Петра в напряженной работе. Русские войска, которыми командовал ставший фельдмаршалом Б. П. Шереметев, выполняли тот план, который наметил царь в письме к нему, а именно непрерывно разоряли владения неприятеля. Шереметев воспользовался отсутствием крупных сил шведов в Лифляндии и Эстляндии и стал последовательно и осторожно совершать вылазки и рейды в шведские владения. Его многочисленные войска разоряли богатейшие провинции: сжигали города, деревни и хутора, уничтожали посева, угоняли в плен местных жителей. Целью этих жестоких акций было запугать население, а также лишить шведскую армию запасов и удобных баз. За 1701–1702 годы русская армия взяла 8 малых крепостей и городов и сожгла более 600 деревень и мыз.

Заглянем в источник

В те памятные тяжелые дни ноября-декабря 1700 года Петр приступил к восстановлению сил армии. Он серьезно опасался подхода шведов ко Пскову и Новгороду. Эти крепости поспешно укреплялись – на земляные работы вышли все, в том числе престарелый Новгородский митрополит Иов. Со всех сторон по воле царя съезжались дворяне, входившие в Новгородский полк. Пятого декабря 1700 года Петр написал Б. П. Шереметеву, который вывел из-под Нарвы свою поредевшую конницу. По-видимому, Шереметев предполагал, что наступил обычный на время зимы перерыв в военных действиях и рассчитывал на отдых. Но не тут-то было. Петр предупредил Шереметева и нацеливал его на продолжение войны даже зимой:

«Не след есть при несчастьи всего лишатися, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницею... ближних мест беречь (для последующего времени) и иттить вдаль, для лутчаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, так же реки и болота замерзли...»

Эта целеустремленность и решительность стали главными чертами Петра

и на все последующие годы.

Фельдмаршал Борис Петрович Шереметев.

Летом 1701 года Шереметевым была одержана первая заметная победа над шведами в Южной Эстляндии, у селения Ряпина. В январе 1702 года он одержал новую победу – у деревни Эрестфер, а потом – у деревни Рыуге в Эстляндии. Эти скромные победы, достигнутые преимущественно не умением, а числом, благоприятствовали моральному подъему русской армии, еще не пришедшей в себя после поражения под Нарвой. Кроме того, вновь набранные солдаты получали в сражениях и стычках бесценный боевой опыт.

Заглянем в источник

После того как войска Шереметева закончили поход и начали вставать на зимние квартиры, голландец де Бруин писал из Москвы: «14-го сентября привели в Москву около 800 шведских пленнх, мужчин, женцин и детей. Сначала продавали многих из них по 3 и по 4 гульдена за голову, но спустя несколько дней цена на них возвысилась до 20-ти и даже до 30 гульденов. При такой дешевизне иностранцы охотно покупали пленнх, к великому удовольствию сих последнх, ибо иностранцы покупали их для услуг своих только на время войны, после которой возвращали им свободу. Русские также купили многих из этих пленнх, но несчастнейшие из них были те, которые попадали в руки татар, которые уводили их к себе в рабы в неволю – положение самое плачевное».

Вообще, положение пленнх – как военных, так и гражданских лиц – в те времена было ужасным. До Семилетней войны в русских войсках господствовал древний обычай, согласно которому плененные воины и жители завоеванных стран являлись трофеями победителей наряду с их имуществом, скотом и прочим. По этому закону все пленные становились «полоняниками», проще –

рабами, независимо от прежнего статуса человека, живой собственностью захватившего их солдата или офицера. Убийство пленного преступлением не считалось, а разлучение и продажа захваченных в плен семей, насилие над женщинами и детьми было в те времена обычным явлением.

Летом 1701 года удалось отбить и нападение шведской эскадры на Архангельск. План шведов разорить главный порт России, через который поступали с Запада необходимые ей товары, провалился благодаря подвигу лоцмана Ивана Рябова, который посадил на мель два шведских судна прямо под пушками Новодвинской крепости и тем самым не позволил шведскому флоту пройти к городу-порту.

Действующие лица

Фельдмаршал Борис Шереметев

Почти всю Северную войну он был главнокомандующим русской армии, ее старейшим фельдмаршалом, уважаемым, родовитым аристократом. Шереметев с младых ногтей верой и правдой служил государю, был потомственным профессиональным военным и дипломатом. Крупный, даже толстый, с бледным лицом и голубыми глазами, Шереметев выделялся среди прочих вельмож степенностью, своими благородными, спокойными манерами, любезностью и воспитанностью. Петр, государь деспотичный, склонный к непристойным розыгрышам, никогда не позволял себе проделывать их со старым воином, хотя порой шутил с ним весьма жестоко. Шереметев бывал за границей, хорошо знал западные обычаи и еще до реформ Петра был одет в модную европейскую одежду и брил лицо.

Однако при всех своих заслугах Шереметев не был выдающимся человеком, оставался личностью вполне заурядной, неяркой, без воображения и духовных исканий. «Не испытлив дух имею», – признавался он в письме своему приятелю Ф. М. Апраксину. Но зато в нем была та солидная надежность, которая внушает подчиненным уверенность и придает мужество даже в самом жарком бою. Возможно, поэтому Петр и вверил ему свою армию, хотя был всегда недоволен медлительностью Шереметева. Но при этом Петр не спешил расставаться с Шереметевым, не отправлял его в отставку, ибо он знал наверняка, что старый конь борозды не испортит и что российский Кунктатор зря не станет рисковать, не бросится в авантюры. А Шереметеву было ведомо, что сам Петр не любит риск и бережет армию – единственного союзника России. Кроме того, в военной среде всегда есть некий «счет», и по нему Шереметев был, бесспорно, первым: по происхождению, знатности, стажу службы, старшинству. Он вел «негероическую», но рациональную войну, насколько она возможна в России: медленно, с огромным перевесом сил продвигаться вперед, закрепляться и ждать новых распоряжений государя.

А вообще-то жизнь фельдмаршала была тяжелой, изнурительной. Грозный для врагов, он был придавлен страшной ответственностью: все время боялся не только за врученную ему армию, но и за себя. Петр, используя способности и опыт Бориса Петровича, не доверял ему как представителю старого боярства, чуждался его и не пускал в свой ближний круг, посылая соглядатаев в штаб фельдмаршала. В этом неустойчивом, ненадежном положении Шереметев вечно страшился чем-нибудь прогневить царя, лишиться его милости, пожалований и похвалы. Он умер в Москве 17 февраля 1719 года. До самого конца у Шереметева не было ни воли, ни душевного и физического покоя. Царская служба пожирала все его время, всю его жизнь. Богатейший помещик России, он редко бывал в своих владениях. Он не раз порывался в отставку. «Боже мой, – писал он своему приятелю Апраксину, – избави нас от напасти и дай хоть мало покойно пожить на сем свете, хотя и немного пожить». Он пытался уйти в Киево-Печерский монастырь. Но Петр поднял боярина на смех и вместо пострижения приказал ему жениться на молодой женщине. Тяжело заболев в 1718 году, Шереметев просил в завещании похоронить его в Киево-Печерском монастыре – не удалось пожить

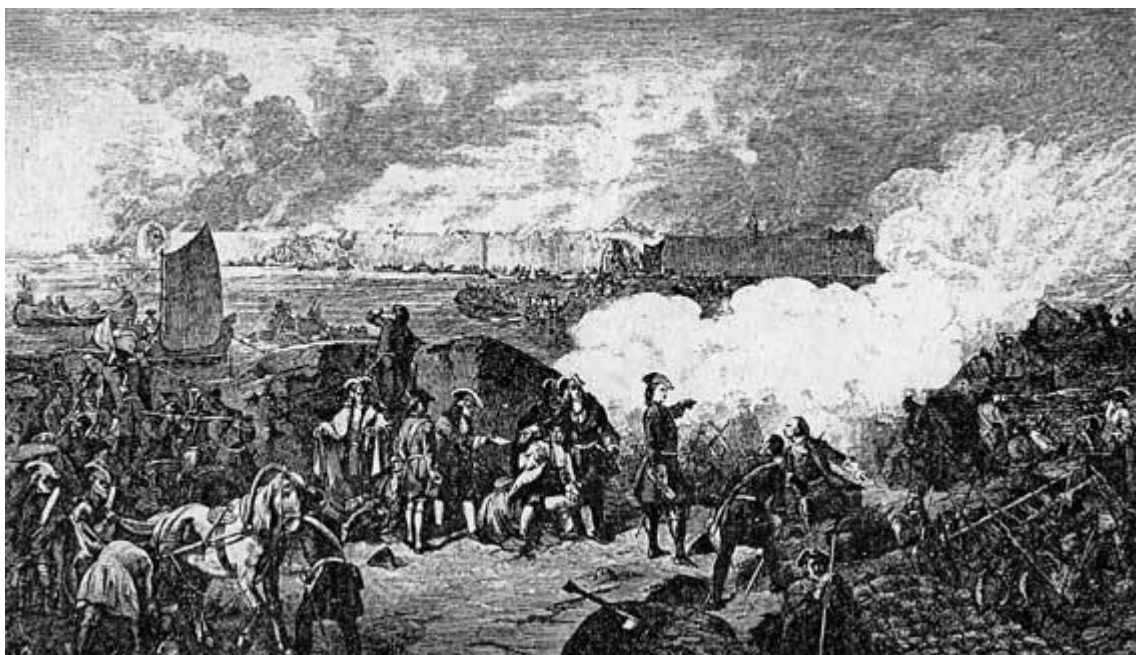
там, так буду хотя бы лежать в святом месте! Но государь решил иначе. Шереметева похоронили в Александро-Невском монастыре. Так, даже смерть старого фельдмаршала, как и прожитая им в вечном страхе и неволе жизнь, послужила высшим государственным целям – основанию знаменитого некрополя.

Как «разгрызли» Орешек

К лету 1702 года стало ясно, что не разорение Эстляндии и Лифляндии было главной целью Петра в этой войне. У него созрел план самостоятельных и неожиданных для всех участников конфликта действий. С началом 1702 года Петр решил завоевать для России шведскую Ингрию. Он тщательно готовился к походу и отвлекал внимание Карла XII, ушедшего в Польшу, рейдами армии Шереметева, не опасными для Риги и других крупных крепостей Лифляндии и Эстляндии. А в это время в тылу кипела напряженная работа: готовились и скрытно перебрасывались войска, в Ладоге и других пограничных городах делали запасы боеприпасов и снаряжения для осады и взятия крепостей. Летом 1702 года Петр уехал в Архангельск и 19 августа из приморской деревни Нюхчи писал Августу II с неясным намеком: «Мы обретаемся близ границы неприятельские и намерены, конечно с Божию помощью, некоторое начинание учинить». Что это было за «начинание», стало известно в конце августа.

Оказывается, Петр определил, что побережье Белого моря находится всего в 170 верстах от Онежского озера, соединенного рекою Свирью с Ладожским озером и – соответственно – с Невой. Он приказал проложить через лес дорогу и, используя традиции русских волоков, перетащить силами местных крестьян и солдат тринадцать морских судов, в том числе две яхты, которые уже 26 августа 1702 года были спущены в воды Онежского озера, а потом по Свири перешли в Ладогу. Одновременно Шереметеву и Репнину был дан приказ двигаться к шведской крепости Нотебург.

Петр действовал наверняка. Армия Карла была в Польше, а в Ингрии, Карелии и Финляндии оставались весьма слабые группировки и гарнизоны шведско-финских войск. Перевес русской армии, превосходившей противника в разы, был подавляющим. Занятый войной в Польше, Карл не мог помочь своим войскам и гарнизонам в Прибалтике. Серьезным недостатком русских войск было отсутствие у них военных кораблей, без которых контролировать большие водные пространства Ладоги, Невы и взморья было сложно. Но и здесь Петр многого сумел добиться. В самом начале 1702 года на только что основанной Сясьской верфи голландский мастер Воутер Воутерсон приступил к строительству первых кораблей. Одновременно были основаны две другие верфи – Новолadoжская и Лодейнопольская. Так начали создавать будущий Балтийский флот. Сюда, на Ладогу и Онегу, приехали нанятые в Европе моряки и кораблестроители, среди которых было особенно много голландцев, а также греков и иллирийцев – лучших строителей и шкиперов гребных судов на Средиземном море.

Взятие Нотебурга.

Заглянем в источник

Исторические источники дают порой редкую возможность взглянуть на совершившееся в прошлом событие с разных сторон. Сохранилась запись в «Журнале, или Поденной записке Петра Великого», внесенная туда сразу же после штурма Нотебурга. Вот описание самого острого момента штурма:

«Учинился великий пожар в крепости, и потом наши охотники (добровольцы. – Е. А.)... указ получили к нападению и... начало приступа со всех сторон к крепости учинили, который тем охотникам не гораздо удался. Того ради, посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а потом Преображенского полка майор Карпов... с командированными. И так сей приступ продолжен был в непрестанном огне 13 часов... однакож на брешь, ради крутости и сильного супротивления неприятельскаго, за краткостью наших приступных лестниц... взойти и овладеть не могли; а неприятели... непрестанно дробом по нашим из пушек стреляли, також бомбы, непрестанно зажигая, со стены катали, от чего великий и несносный вред нашим учинился, чего для уже указ послан был для отступления, но оной посланный ради тесноты пройти до командира не мог, а командующий подполковник князь Голицын суда велел порозжия отпускать, понеже стали люди некоторые от той неприятельской жестокой стрельбы бежать, и когда сие замешкалось, тогда от бомбардир поручик Менишков суда собирать начал и еще... людей к берегу явно привел для переезда на помощь нашим. Тогда неприятель, видя такое дерзплатное (отчаянное. – Е. А.) действие наших, также в 13 часов толь утомлен, ударил шамад (сдачу. – Е. А.)».

А вот дошедший до нас шведский документ – «Донесения о главнейшем, что произошло во время осады Нотебурга русскими». Он относится к 1702 году и рисует нам картину, видную со шведской стороны в тот же самый, описываемый «Журналом» Петра Великого момент, когда русские...

«...вметнули в крепость огненный шар (раскаленное ядро. – Е. А.), посредством которого куча разрушенных домов была охвачена пожаром, который с величайшим трудом смогли погасить... вскоре враги начали штурмовать все 3 бреши... Первая атака была с 1 часа до 6 часов утра и враги на этот раз были мужественно отбиты непрерывным киданием гранат, но тем не менее тотчас после этого продолжили со свежими и более многочисленными силами другую атаку... которая тогда же и таким же образом, как первая была отражена. Третья атака совершена врагами с другими свежими и еще более

многочисленными силами, с наибольшим натиском до 3 часов после полудня, и была тогда также, но с наибольшим трудом отбита, так как под рукой больше не было гранат и вместо них пришлось пользоваться камнями; и поскольку враги не позволяли себе этим удовлетвориться, но осаждали крепость со всей наличной силой, которая перевозилась на лодках, и теперь уже (у гарнизона. – Е. А.) не было под рукой многих гранат, также кремней, ружья также из-за продолжительной стрельбы разрывались, все пули были израсходованы... и гарнизон был совсем ослаблен... Тогда все офицеры сделали представление коменданту о невозможности далее обороняться от столь крупной силы, которая снова была готова напасть».

После такой достойной обороны шведы сдали крепость.

И еще один документ – знаменитое письмо Петра I думному дьяку А. Винусу с упоминанием о «разгрызении ореха»:

«Объявляю вашей милости, что помощью победыдавца Бога, крепость сия, по жестокому и чрезвычайно трудном приступе (которой начался в 4 часа по полуночи, а кончился по четырех часов по полудни), здалась на акорт (договор о сдаче. – Е. А.), по которому камендант Шлиппенбах со своим гарнизоном выпущен... Правда, что зело жесток сей орех был, аднако, слава Богу, счастливо разгрызен. Алтиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

Двадцать седьмого августа 1702 года отряд казаков под командой полковника Ивана Тырнова на тридцати лодках совершил удачное нападение на Ладожскую флотилию шведского вице-адмирала Нуммерса, стоявшую у Кексгольма. Потеряв пять судов из шести и 300 человек, шведы уже не могли прикрывать Ингрию со стороны водных пространств Ладоги. Словом, русское наступление в районе Невы было тщательно подготовлено. Как писал военный историк конца XIX века П. О. Бобровский, «ни один шаг Петра I на сухом пути не был рискованным, был обдуман заранее».

Двадцать седьмого сентября 1702 года сосредоточенная заранее в начале сентября в районе Старой Ладоги русская армия (35 тыс. человек) появилась под стенами Нотебурга, и вскоре осадная артиллерия начала обстрел крепости. Группировка шведского генерала Крониорта, находившаяся на правом берегу Невы и прикрывавшая Выборг, пыталась воспрепятствовать движению русских, но была ими легко отброшена.

Фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын.

Действующие лица

Фельдмаршал Михаил Голицын

Потомок древнего рода Гедиминовичей, сын боярина, он начал службу барабанищиком. Современники в один голос говорили о нем: «Муж великой доблести и отваги беззаветной – мужество свое он доказал многими подвигами против шведов». Особенно запомнился всем поступок Голицына 12 октября 1702 года, отчасти уже описанный выше. Тогда во главе штурмового отряда он высадился под стенами Нотебурга. Когда первые атаки стены захлебнулась кровью, царь Петр приказал Голицыну отступить. Но от него, согласно легенде, пришел дерзкий ответ: «Я не принадлежу тебе, государь, теперь я принадлежу одному Богу». Потом на глазах царя и всей армии военачальник приказал оттолкнуть от берега пустые лодки, на которых приплыл его отряд. Подвиг красивый, поистине античный, в духе спартанцев или римлян!

Да и потом Голицын блистал мужеством, никогда не отсиживаясь за спинами своих солдат. Он имел обыкновение, как пишет современник, «идя навстречу неприятелю, держать во рту трубку, не обращая внимания на летящие пули и направленное на него холодное оружие». Михаил Михайлович отличился в сражении под Полтавой, а в 1714 году стал героем завоевания Финляндии, добился там нескольких важных побед над шведами. Голицын принадлежал к особому типу генералов русской армии, которых все любили: и солдаты, и офицеры, и начальство. Невысокий, коренастый, с темным от загара лицом, ясными голубыми глазами и породистым носом, он был у всех на виду. Его любили не только за отвагу, но и за «природный добрый ум, приветливое обращение с подчиненными», приятные, скромные манеры, что, как известно, среди генералов – достоинство редкое. Да и сам Петр I высоко ценил Голицына. Какой же государь не любит полководца, из ставки которого никогда не улетает богиня Победы! Он называл Голицына так: «Прямой сын Отечества».

Как и многие выдающиеся полководцы, князь Михайло Голицын был наивен и неопытен в политических делах и во всем слушался старшего брата – хитроумного Дмитрия Михайловича. Говорят, что израненный в боях фельдмаршал не смел даже сидеть в присутствии старшего брата – так он его почитал... Близость к Дмитрию и сгубила Михаила. После прихода к власти императрицы Анны Иоанновны в начале 1730 года и роспуска Верховного тайного совета, который возглавлял Дмитрий, фельдмаршал был изгнан из армии и в конце 1730 года умер; я думаю, от тоски – ведь старый орел в клетке долго не живет.

Нотебург – Орешек, крепость на Ореховом острове, у самого истока Невы из Ладожского озера, была построена в 1323 году московским князем Юрием Даниловичем. По Столбовскому миру 1617 года она отошла к шведам и стала называться Нотебургом. Значение ее в обороне всего Приневского района было огромно. Взять же эту островную, хорошо укрепленную крепость с высокими стенами было нелегко. С самого начала русское командование прибегло к мощному и длительному обстрелу островных укреплений крупнокалиберными осадными орудиями – всего по крепости было выпущено около 3000 бомб и ядер. Это вызвало многочисленные пожары и разрушения в крепости, в ее стенах образовались проломы. Одиннадцатого октября после интенсивного обстрела царь послал на лодках штурмовые группы, однако шведский гарнизон, насчитывавший всего 500 человек, мужественно встретил противника и не позволил русским с ходу преодолеть стены. Шведы стойко сопротивлялись 13 часов.

Противники оказались достойными друг друга. Среди штурмующих особо отличился своим мужеством подполковник Семеновского полка князь М. М. Голицын. Но и повторный приступ стен крепости оказался неудачным. Позже прапорщик Кудрявцев и 22 солдата были повешены за то, что «с приступа побежали». Вскоре подоспела помощь во главе с

бомбардир-поручиком, будущим светлейшим князем А. Д. Меншиковым. Войска пошли на новый, третий по счету приступ, однако их вновь ждала неудача... Но в конце концов шведы выбросили белый флаг.

Всегда высоко ценивший воинскую доблесть, Петр I разрешил шведскому гарнизону выйти из крепости, как сказано в «Журнале» Петра Великого, «с распущенными знаменами, барабанным боем и пулями во рту (столько военных припасов по обычаям того времени разрешалось выносить сдавшимся по договору. – Е. А.), с четырьмя железными пушками». Шведы, сев на суда, ушли вниз по Неве, в Ниеншанц. Царь же приказал тотчас начать восстановительные работы в завоеванной крепости, ввел на остров двухтысячный гарнизон, а также переименовал крепость в Шлиссельбург (в переводе с немецкого – «Ключ-город»). Как человек XVIII столетия Петр I, склонный к аллегориям, выбрал такое название не случайно. Взятая крепость была действительно ключевым пунктом в обороне Ингрии.

Основание Петербурга

Петр I, отпраздновав взятие Нотебурга, не решился идти вниз по Неве и отложил поход до весны 1703 года. В ту зиму отряды Меншикова, как сообщала первая русская газета «Ведомости», напали на мызы и деревни в окрестностях Кексгольма и там захватили «простых шведов мужеска полу и женска 2000» человек. Уже с середины марта 1703 года Петр I был в Шлиссельбурге и спешно готовился к будущему походу. Он боялся упустить время, не хотел, чтобы шведы перехватили у него инициативу. Шестого апреля он писал Шереметеву, что ждет его с полками и что «здесь, за помощью Божиею, все готово и больше не могу писать, только что время, время, время, и чтоб не дать предварить неприятелю нас, о чем тужить будем после».

Армия Б. П. Шереметева от Шлиссельбурга двинулась 23 апреля вниз по Неве, по ее правому берегу, и вскоре подошла к Ниеншанцу (по-русски – Канцы/Шанцы). Комендант крепости Йохан (Иоганн) Аполлов прекрасно понимал, что силы сторон не равны и заранее запросил из Выборга помощи. В октябре 1702 года он со своим гарнизоном в 800 человек изготовился к обороне: подготовил все 49 пушек цитадели. А 20 октября приказал очистить предполье – велел поджечь городские постройки за стенами крепости, а также казенные склады на берегу Охты. Но русские той осенью не пришли...

Заглянем в источник

Девятого апреля 1703 года полковник Аполлов, предвидя новое наступление русских, писал королю:

«Как только лед сойдет с Невы, противник, вероятно, придет сюда со своими лодками, которых у него имеется огромное количество, обойдет крепость Шанцы и встанет на острие Койвусаари (Березовый остров), откуда у него будет возможность препятствовать всему движению по Неве».

Но помощь из Швеции так и не пришла. Двадцать шестого апреля Аполлов уже доносил о действиях подошедшего к крепости противника:

«Около трех часов он штурмовал бастионы Пая и Сауна. После двухчасового сражения атаку русских отбили... В моем распоряжении 700 здоровых мужчин. Командира полка нет, я сам настолько устал, что меня должны сажать в седло, чтобы я мог проверять построения обороны. Я вижу сейчас, что они идут вдоль берега с развевающимися белыми флагами».

Читая это сообщение, нужно воздать должное мужеству коменданта, не опустившего руки перед численным преимуществом противника.

Чтение указа об основании Санкт-Петербурга.

Крепость с ходу взять не удалось, и солдаты Шереметева начали готовиться к осаде — стали рыть апроши и устанавливать батареи. Двадцать восьмого апреля Петр I во главе флотилии лодок с гвардейцами проследовал вниз по Неве мимо Ниеншанца, с бастионов которого тщетно пытались помешать этому выстрелами. Итак, в самом конце апреля 1703 года Петр в первый раз оказался в тех местах, с которыми впоследствии навсегда связал свою жизнь. Плавание вниз по Неве имело отчетливо разведывательный, рекогносцировочный характер. Русское командование опасалось, как бы флотилия адмирала Нуммерса, базировавшаяся в Выборге, не подошла на помощь осажденному гарнизону Ниеншанца. Поэтому Петр хотел знать о силах и расположении шведских кораблей. Тридцатого апреля русскими была предпринята попытка нового штурма, но гарнизон вновь отбил атаку. Нужно согласиться с теми историками, которые считают, что взятие Ниеншанца было достаточно кровопролитным с обеих сторон.

Но было ясно, что крепость все равно обречена. Поэтому исполнивший свой долг комендант Аполлов, уступая превосходящим силам противника (особенно после продолжительного 14-часового обстрела и взрыва порохового погреба в крепости), согласился на почетную сдачу. Это произошло 1 мая 1703 года. Согласно условиям капитуляции, Аполлов на следующий день, 2 мая, поднес на серебряном блюде городские ключи фельдмаршалу Шереметеву и под барабанный бой вместе с гарнизоном, семьями солдат и офицеров, а также сидевшими в осаде горожанами навсегда покинул крепость.

Войска Петра вступили в Ниеншанц, там был устроен праздничный молебен. Город был тотчас переименован в Шлотбург. Есть основания считать, что между новым именем стоявшего у истоков Невы Шлиссельбурга (Ключ-город) и названием переименованного после взятия из Ниеншанца в Шлотбург (по-голландски — «Замок-город») существует

устойчивая аллегорическая связь (ключ – замок). Впрочем, скорее всего слово «замок» читалось с ударением на первом слоге. Как бы то ни было, русское господство над Невой разбивало целостность шведской обороны всей Восточной Прибалтики. Шведские войска в Карелии оказывались отрезанными от шведских войск в Эстляндии. Словом, как потом сказал поэт, «Россия твердой ногой встала у моря», и сразу же Петр решил строить здесь город.

Санкт-Петербург – один из немногих городов, который имеет точную дату основания – 16 мая 1703 года. Мы же знаем не только эту памятную дату, но и «ночь зачатия» – той же ночью 2 мая 1703 года состоялся знаменитый военный совет, решивший судьбу Петербурга.

Петербург был основан в результате продуманного замысла Петра I и многих окружавших его людей. В конце апреля 1703 года царь, отыскивая место для будущей крепости, тщательнейшим образом осматривал побережье Невы. Он исследовал территорию не один, а в сопровождении различных специалистов. Основание крепостей в то время требовало рекогносцировки на местности, анализа чертежей, промеров глубин, обсуждения многих технических вопросов с фортификаторами, артиллеристами и моряками. Феофан Прокопович писал в своей «Истории императора Петра Великого», что царь, «сед на суда водныя, от фортеции Канцов по реке Невы береги и острова ея даже до морского устья прилежно разсуждати (исследовать. – Е. А.) начал, не без совета и прочих в деле том искусных (людей)». Нам известно, что в свите Петра в то время были два специалиста-фортификатора: французский генерал-инженер Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн и немецкий инженер В. А. Киршеншейн. Первый делал чертежи восстанавливаемой после штурма 1702 года крепости Нотебург-Шлиссельбург, рукой же второго сделаны два первых плана крепости на приневском островке. До самой своей смерти в 1705 году Киршеншейн руководил строительством Петропавловской крепости. Велика роль и Ламбера – продолжателя школы великого французского инженера Вобана. Неслучайно, что осенью 1703 года Ламбер получил в награду орден Андрея Первозванного. Петр I никогда не был щедр на награждение высшим и единственным орденом России той эпохи. Возможно, так он особо отметил заслуги генерал-инженера при основании крепости на острове. Кроме того, после Азовских походов 1695–1696 годов царь и сам приобрел большой опыт в фортификации. Ведь тогда ему пришлось долго выбирать место для основания Таганрога, а также крепости Святой Петр в устье Дона. Неслучайно один из рабочих чертежей крепости на Заячьем острове сделан, как предполагают историки, рукою царя.

В ночь с 6 на 7 мая произошло еще одно памятное событие. Тридцать лодок с гвардейцами под командой Петра I и Меншикова напали на стоявшие в устье Невы шведские суда – шняву и бот – и взяли их на абордаж. В быстротечной рукопашной схватке участвовал не только Меншиков, но и сам русский самодержец. За этот подвиг государь был награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

Заглянем в источник

Важнейший момент истории великого города отражен в выписке из «Журнала, или Поденной записки Петра Великого», куда вносились самые важные исторические события времен Северной войны:

«По взятии Канец отправлен военный совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры (т. е. неудобно для обороны по природным данным. – Е. А.), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место – остров, который назывался Люст-Елант (т. е. Веселый остров. – Е. А.), где в 16 день мая (в неделю Пятидесятницы. – Е. А.) крепость заложена и именована Санктпетербург, где оставлена часть войска...».

Орден Святого Апостола Андрея Первозванного

Это был первый из российских орденов. Его учредил Петр Великий 10 марта

1699 года. Святой Андрей почитался покровителем России. Считалось, что он освятил те места, на которых потом возникли Киев и Великий Новгород. По преданию, его казнили римляне, распяв на косом кресте. Именно такой, косой (Андреевский) крест с фигуркой распятого святого и стал основой ордена. Кроме креста, знаками ордена считалась серебряная звезда и голубая лента через правое плечо. Первым кавалером его стал генерал-адмирал Ф. А. Головин. Всего при Петре I награду получили 38 человек. Сам царь стал шестым его кавалером в мае 1703 года. Орден был отменен после падения самодержавия в 1917 году, но с гибелью СССР и возрождением России он вновь стал высшей правительственной наградой. И первым орденосцем восстановленного ордена стал академик Д. С. Лихачев.

Возведение островной крепости

Остров Люст-Эланд, на котором была построена крепость, или, как тогда говорили, «город», имел и финское название: Енисаари, то есть Заячий остров. Финские названия речек, деревень, мест и урочищ были вообще характерными для устья Невы – с давних пор здесь селились финны и ингерманландцы. Позже здесь появились русские, ижорские и водские крестьяне. Строительство началось сразу в нескольких местах болотистой и лесистой долины Невы. На Заячьем острове поспешно возводилась сначала земляная, а с 1710 года – каменная крепость, строился Петропавловский собор. На соседнем обширном Березовом острове (Койвисаари), получившем позже название Городской, или Петербургский, остров, началось строительство собственно города. Для Петра был построен маленький деревянный дом, который сохранился до сих пор.

За пределами крепости была возведена Троицкая церковь, возле нее создана одноименная площадь – место официальных торжеств, построены канцелярии, торговые ряды, пристань, порт. На оконечности (стрелке) Васильевского острова была сооружена батарея, на материковой части, то есть на левом берегу Невы, развернулось строительство Адмиралтейства, задуманного одновременно и как верфь, и как крепость.

Легенды и слухи

Игры предков с датами и названиями

Всякое большое событие бывает окружено немалым числом легенд. Так, до выхода в свет в 1885 году фундаментальной книги П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга...» ни у кого не было сомнений в том, что 16 мая 1703 года на Заячьем острове был основан город, который тогда же и получил свое имя – Санкт-Петербург. Вывод этот вытекал из сообщений многих источников, в том числе и упомянутого выше «Журнала, или Поденной записки Петра Великого», где сказано: «...крепость заложена и именована Санктпетербург». Примерно так же пишет в «Истории Петра Великого» Феофан Прокопович: «Когда же заключен был совет быть фортеции на помянутом островку и нарицати ея оной именован Петра Апостола Санктпетербург». В анонимном сочинении «О зачатии и здании... Санкт-Петербурга» подробно описана легендарная история о том, как Петр 16 мая 1703 года установил на месте основания города золотой ковчег с мощами Андрея Первозванного, на крышке которого якобы было вырезано: «...основан царственный град Санктпетербург». В конце этой церемонии Петр будто бы сказал: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Основан град Санктпетербург».

Историк П. Н. Петров усомнился в том, что город при основании был назван Санкт-Петербургом. Он вообще заявил, что город основан не 16 мая, а **29 июня**, и именно с этого дня нужно вести отсчет его истории. Ученый сделал столь неожиданный для многих вывод потому, что в исторических документах до 29 июня 1703 года, до Петрова дня (т. е. дня Святых апостолов Петра и Павла, который был также днем тезоименитства (именин) государя Петра I) название

«Санкт-Петербург» не упоминается вовсе. И только с Петрова дня, когда митрополит Новгородский Иов освятил деревянную церковь на Заячьем острове во имя Святых апостолов Петра и Павла, в документах появляется название – «Санкт-Петербург» .

*Мнение Петрова было сразу же оспорено коллегами, заявившими, что следует разделять два события – **день закладки** крепости на Заячьем острове (16 мая) и **день наименования** крепости (29 июня) – точно так же, как разделяют день рождения ребенка и его крестины. Однако при этом все попытки опровергнуть утверждение Петрова о том, что полтора месяца крепость оставалась безымянной, ни к чему не привели. Обнаружилось, что еще 28 июня 1703 года*

*Петр I пометил одно из своих писем словами «В новозастроенной крепости» без упоминания ее названия. И только 30 июня на письме, полученном царем от Т. Н. Стрешнева, проставлена помета «Принята с почты в Санкт-Петербурхе». Первого июля 1703 года уже сам царь писал «Из Санкт-Питербурха», а в его письме от 7 июля мы читаем: «Из новой крепости Питербурга». Словом, точно известно, что название города появились через полтора месяца после основания крепости. Историк Н. В. Голицын, пытаясь найти аргументы против точки зрения Петрова, подтвердил его вывод, ибо наткнулся на письмо ближнего стольника, будущего канцлера Г. И. Головкина, датированное 16 июля 1703 года, в котором он сообщал своему адресату: «Сей город новостроющийся назван в самый Петров день Петрополь и уже онаго едва не с половину состроили». На письме помета: «Из Петрополя». Нельзя не заметить, что в приведенных документах город называется по-разному. Это характерно для начального периода его истории. Привычное нам имя – **санкт-Петербург** – привилось не сразу. В документах петровской поры он называется и Петрополем, и Питерполом, и S. Петрополисом. И вообще, как только не называли город, получивший впоследствии свое классическое название **санкт-Петербург**. По письмам Петра I видно, что сам царь чаще всего называл город **санкт-Питербурх** , останавливаясь на голландском написании и произношении имени Петр как **Питер** (кстати, отсюда и бытующее до сего дня это сокращенное название города). В петровские времена особенно не задумывались о написании топонимов. Только что появившийся Шлотбург писался и как Шлотбурх, и как Шлотбурк. Но более всего коверкали название Шлиссельбурга. Ну никак русский язык не справлялся с этим словом: Шлюсенбург, Шлютельбурх, Шлютенбург, Слюселбурх, Слишелбурх, что в конце концов привело к упрощенному и не очень приличному Шлюшину. Непреодолимым для языка русского человека оказалось и название Ораниенбаума – его можно узнать в Рамбове, Рамбоне, Ранибоне, Ранимбоне, Аранимбоне. Сам Петр, как известно, и вовсе не ломал голову над подобными вопросами и часто писал так, как слышал: «Ингермоландия» и т. д. То же самое можно сказать и о названии Петербурга. При этом не совсем ясно, когда на смену голландскому написанию названия Санкт-Питербурх (а также Питергоф) пришло немецкое написание Санкт-Петербург (а также Петергоф).*

Крепости на Заячьем острове было недостаточно для обороны устья Невы. Шведские корабли маячили все лето 1703 года на взморье и не давали малочисленным русским кораблям и лодкам даже выйти в море. Как только корабли шведов ушли на зимовку в Выборг, Петр, сев на яхту, осмотрел остров Риту саари (Котлин), промерил в проходящем рядом фарватере глубины и «положил там, в море, делать крепость». За зиму 1703–1704 годов по модели, построенной самим Петром, архитектор Доменико Трезини построил необычайное сооружение. На льду пролива, отделявшего Котлин от материка, в том самом месте, где находилась мель, из бревен были сбиты гигантские ящики, которые заполнили валунами. Под их тяжестью ящики опустились на мель. На этом фундаменте построили трехэтажную деревянную башню с 14 орудиями.

В это время напротив форта на берегу Котлина возвели батареи. Они позволяли вести перекрестный огонь по каждому кораблю, пытавшемуся войти в фарватер в направлении к

устью Невы. Строили очень быстро, пока не успел растаять лед и вновь не пришла шведская эскадра. Затея Петра удалась. Уже 7 мая 1704 года Новгородский митрополит Иов освятил форт и, как отмечено в «Журнале» Петра: «Тогда наречена она крепость Кроншлот, сиречь коронный замок и торжество в ней было трехдневное». С 1720 года крепость стала называться Кронштадт.

Так навсегда был закрыт проход к Петербургу вражеским кораблям, на устье Невы был «повешен» крепкий замок. Все попытки шведов в последующие годы «сбить» его, изгнать русских с берегов Невы заканчивались неудачей. Под надежной защитой Кроншлота город начал быстро расти. Сам же Кронштадт стал и главной базой военно-морского флота России. Здесь были построены необходимые для флота склады, шлюзы, заводы, поселения моряков.

Заметки на полях

Петру было всего 30 лет, когда весной 1703 года он впервые приехал на берега Невы. По тем временам он был не так уж молод, но главное – успел очень многое повидать. За его спиной была война с турками, долгие скитания по Европе и России, плавание в штормовом море, пыточные подвалы Преображенского приказа, годы напряженного труда и почти непрерывных кутежей. Словом, казалось, что его нельзя уже ничем удивить или поразить. Но, сойдя в тот памятный майский день с лодки на топкий берег будущей Петроградской стороны, он пришел в восхищение и тотчас приказал рубить на поляне сосновый дом, который вырос за три дня. Так, нежданно-негаданно для себя, окружающих и всей России, царь Петр вдруг обрел здесь милую родину, навсегда привязался к этому месту, заложил здесь город, столицу империи. Иным трудно понять, почему царь с такой необыкновенной нежностью относился к этому поначалу неказистому поселению на широкой пустынной реке, почему, вопреки реальности, он называл в своих письмах этот городок на французский манер «парадизом» и

был готов отдать упрямому шведскому королю Карлу XII Псков, чуть ли не пол-России за бесплодный клочок земли в устье Невы?

Конечно, все знают, что России тогда нужен был выход к морю, гавань на Балтике. Нужно было наконец восстановить справедливость и вернуть Ижорские земли (как тогда говорили, «старинную потерьку наши отчины и дедины»). Все так! Но здравый смысл все-таки должен был подсказать Петру, что цена этому клочку слишком велика. И потом: зачем же столицу – сердце страны – переносить на опасный пограничный рубеж, да еще на берег Невы – этого до поры спящего водяного Везувия? Но что значит здравый смысл, когда поступки человека диктует любовь!

Именно любовь сыграла огромную роль в рождении нашего города. Поразительно быстро Петр обосновался здесь и прикипел к своему «Петербургу-городку». Это понятно – раньше у него не было своего дома, той малой родины, без которой ветер жизни носит человека как перекаати-поле. За этой странной неприкаянностью повелителя-самодержца стояла печальная история его детства и юности – годы страха и ненависти к «старине», страха за свое политическое будущее и за свою жизнь. Он не любил запутанных московских улочек и проулков. Не раз царю доносили, что уже точат на него острые ножи, а ведь он ездил по вечерам и без охраны. В Москве ему нельзя было развернуться, там все дышало ненавистной стариной, все начинания тонули в московской грязи, безалаберщине и лени, все решения переносили на завтра, после праздников, «на потом». Да и личная жизнь царя не задалась: не было счастья с Евдокией, неудачен оказался роман с Анной Монс. – А между тем грозный царь Петр нуждался, как и все люди, в семейном тепле и покое. Нет, Москва не была родиной его души, уютным, родным домом! Он рвался из нее прочь при первой возможности.

Здесь же, на берегах Невы, на новом месте, не омраченном памятью прошлого, все пошло у Петра как нельзя лучше. Были одержаны первые победы над шведами, наладилась и семейная жизнь. Разве он мог подумать, что не пройдет и семи лет после основания города, а он будет плыть по морю на шняве «Лизетка», названной в честь дочери, и слать приветы своему большому семейству, жене Катеринушке, «другу сердешному»! В дальних походах он будет мечтать о том часе, когда вернется в свой парадиз и обнимет любимых детей. Да и город он строил как хотел, как мечтал, по-своему, без оглядки на «бородачей». Словом, здесь ему был простор и воля, хотя... только ему одному...

При строительстве Петербурга Петр ставил перед собой сразу несколько задач. Петербург должен был стать не только мощной крепостью на отвоеванной у шведов земле, но и городом-портом, куда будут приходить корабли со всего мира.

Весьма символично, что осенью 1703 года первый торговый корабль, плывший в шведский Ниеншанц, а попавший в русский Петербург, оказался, к радости Петра, голландским. Однако голландский корабль прошел в Неву случайно. Шведский флот полностью господствовал на Балтике и практически до конца войны в 1721 году шведские каперы представляли угрозу для коммерческого мореплавания в русские порты. Поэтому России нужно было срочно строить военно-морской флот для защиты морских путей в Петербург. Без кораблей тяжело было проводить и сухопутные операции армии. Пример Англии показывал, что морское могущество очень многое решает в мировой политике.

Петр, уже имевший опыт строительства кораблей, сразу же развернул работу по созданию флота на Балтике. Корабль той поры был сложным сооружением. Чтобы его построить, обслуживать и использовать, нужно было много различных специалистов, начиная со знатоков корабельного леса и кончая лоцманом, который мог вывести судно из гавани. Для флота нужны были верфи и цейхгаузы, склады и казармы, пристани и каналы, фабрики и мастерские, школы и академии для подготовки моряков. Времени же было крайне мало. Но Петр был хорошим организатором, он умел подобрать к каждому делу толковых людей, которые работали день и ночь. Самым же неутомимым и самоотверженным

работником был царь. Его можно было видеть в Петербурге повсюду: на верфи, стройках, на плацу, в цейхгаузе.

Как уже было сказано выше, первая верфь была основана на реке Сясь в 1702 году, на следующий год была построена Олонецкая верфь, в 1705 году заработала самая большая – Адмиралтейская верфь в самом Петербурге. За двадцать первых лет ее работы со стапелей спустили 268 судов, в том числе 33 линейных корабля. Петр так спешил, что корабли спускали даже зимой: для этого в невском льду, прямо перед Адмиралтейством, вырубали огромную полынью, куда и сходили «детки» – произведение мастера (или по-голландски «баса») Питера. И хотя «детки» строились из сырого, непросушенного леса и поэтому быстро гнили, цель была достигнута – за первые 10–15 лет был создан флот, который постепенно вытеснил с Балтики шведов. Балтийские народы скоро привыкли к бело-голубому Андреевскому флагу.

Стремясь ускорить создание собственного флота, Петр распорядился принимать на службу иностранных моряков и платить им за это большие деньги. Кроме того, он приказывал покупать на английских и голландских верфях строившиеся или уже готовые корабли и приводить их в Россию. Петр учел, что военные действия в шхерах Финляндии будут трудны из-за обилия мелей, скал, узких протоков и островов. И поэтому он, параллельно с корабельным флотом, начал строительство галер, для чего пригласил из городов Адриатики галерных мастеров. В Петербурге была основана обширная Галерная верфь, и вскоре у русского царя появился огромный флот гребных судов, позволявший воевать в неудобных для крупных кораблей местах финского побережья и перебрасывать на дальние расстояния войска, грузы и лошадей.

Перестройка сухопутной армии

Поражение под Нарвой 1700 года было воспринято Петром I как жестокий урок. Он не обвинял в разгроме генералов и солдат, себя или окружающих. Из поражения Петр сделал главный вывод – армии необходима реформа. А строить армию нужно на новых принципах регулярности. После Нарвы Петр изменил принципы стратегии и тактики армии, основы ее формирования и службы. Главной целью военных действий при Петре становится не взятие крепостей, а поражение противника в полевом сражении. При этом Петр требовал внимания и осторожности, умения опередить неприятеля, добиться превосходства в силах на решающем направлении и в нужное время. Он учил действовать согласованно пехоту и кавалерию, причем в русской армии была введена кавалерия драгунского типа, то есть всадники были обучены пешему строю и могли воевать в строю как пехотинцы.

Любимым родом войск Петра I оставалась артиллерия. После Нарвы, где русские потеряли всю артиллерию, пришлось заново отливать пушки, для чего даже сняли с церкви часть колоколов. Хотя сама акция не имела губительных последствий для колокольного звона на Руси, впечатление от нее в обществе было сильным. Новая петровская артиллерия стала одной из самых мощных и передовых в Европе. Петр не жалел ни денег, ни пороха для ее улучшения. Она была разделена на три основных вида: полковую, полевую и осадную артиллерию, хорошо укомплектована и на учебных стрельбах и в боях оттачивала свое мастерство. Особенно сильна была полевая артиллерия, насчитывавшая более ста орудий с опытной прислугой, сильными лошадьми. Не раз и не два в ходе Северной войны действия русской артиллерии влияли на победоносный для русских войск исход сражений.

Стратегия и тактика, взятые Петром на вооружение армии, требовали иной подготовки войск к боевым действиям. На смену прежним смотрам раз-два в год и редким учениям пришла постоянная подготовка, которая не кончалась с превращением молодого новобранца в «правильного» солдата. Действия каждого солдата доводились до автоматизма с помощью каждодневных учений, стрельб и строевых занятий. Так было принято в европейских армиях. Это обеспечивало мобильность ротам и полкам, облегчало управление огромными массами войск на поле боя, среди огня и смерти. Петр хотел, чтобы солдаты и офицеры его армии

были дисциплинированными и, одновременно, самостоятельными и инициативными. Следуя идеям шведского полководца и короля Густава II Адольфа, он стремился отойти от примитивной жестокости в обращении с солдатами, не хотел превращать солдата в шагающую машину, ставил цель воспитать в нем послушного подданного, честного и порядочного человека.

Заглянем в источник

В Предисловии к «Уставу воинскому» – главному документу русской армии, написанному в 1716 году, Петр выразил главную идею, которую последовательно проводил в жизнь: порядок, предсказуемость, «регулярство» – основа основ жизни армии, да и общества вообще. А итог следования этому – победа – очевиден:

«Когда войско распорядили, то какие великие прогрессы, с помощью Вышняго, учинили над каким славным и регулярным народом (шведами. – Е. А.). И тако, всяк может рассудить, что не от чего иного то последовало, токмо от доброго порядку, ибо всебеспорядочный варварский обычай смеху есть достойный и никакого добра из онаго ожидать (не)возможно. Того ради, будучи в сем деле самовидцы обоим (т. е. «регулярству» и «всебеспорядочному обычаю». – Е. А.), за благо изобрели сию книгу Воинский устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность и обязан был своим знанием, и неведением не отговаривался».

Пришлось изменить и систему комплектования и обеспечения армии. Если раньше в армии служилые люди «по отечеству» и «по прибору» служили с земли, то есть получали за службу землю с крестьянами, то теперь с этим было покончено. Вводилось единое денежное жалованье, солдат набирали из рекрутов, а в офицеры производили дворян и разночинцев, обученных в гвардейских полках. Рекрутская система возникла в 1705 году. До и после Нарвы 1700 года Петр восполнял недостаток людей в регулярных полках так называемой «вольницей», то есть добровольцами из разных слоев общества, причем холопам, пришедшим в армию, предоставлялась свобода от власти помещика. Однако к 1705 году, когда началось создание большой армии, такого источника стало недостаточно. Тогда-то и обратились к набору рекрутов – новобранцев прямо из крестьян. Было решено, что один рекрут берется со ста дворов. Но эта пропорция менялась – могли брать и с 200, и с 75, и даже с 20 дворов и т. д.

Рекрутчина – так называли в народе эту повинность – была тяжела для крестьян. Она отрывала от дома и поля сильных работников. Крестьянские матери оплакивали уходивших в рекруты сыновей, как покойников. Ведь они уже никогда не возвращались домой, так как служба в армии в то время была не только пожизненной, но и очень суровой. Чтобы не давать рекрутам возможности разбежаться, их заковывали в колодки, как преступников, держали месяцами на «станциях», больше похожих на тюрьмы. Все крестьяне каждой местности несли общую ответственность за выставленного ими рекрута, и если он бежал со службы, они были обязаны поставить другого новобранца.

В армии была введена суровая дисциплина – малейшее ее нарушение строго наказывалось. Устав воинский предполагал применять к провинившимся и преступникам жестокие наказания, в том числе такие, как четвертование, посадение на кол и другие. Чтобы предупредить побег рекрутов, указом 1712 года предписывалось «значить – на левой руке накалывать иглою кресты и натирать порохом». Эти знаки – наколки на руке – наводили ужас и назывались в народе «печатью антихриста».

Несмотря на серьезные недостатки рекрутской системы, она более 150 лет обеспечивала русскую армию этнически и социально однородным личным составом, что, в сочетании с принципами регулярности и дисциплины, обеспечивало ее боеспособность. В этом смысле русская армия копировала русское общество той поры – офицерами были дворяне, в основном помещики, а солдатами – крестьяне, в основном крепостные.

Реформа местного управления. Создание Сената

Нарвское поражение показало Петру, что изменить нужно не только армию, но и весь государственный аппарат, ведь армия – это лишь часть государства. Поначалу в системе управления не происходило важных перемен. Центральные государственные учреждения – приказы и канцелярии – собирали налоги, обеспечивали армию всем необходимым: оружием, одеждой, припасами, людьми. Но уже в первые годы Северной войны стало ясно, что все эти учреждения с большим трудом справляются с теми проблемами, которые были порождены неудачным началом войны, созданием регулярной армии. Из полков в центр непрерывным потоком шли жалобы на нехватку денег, оружия, рекрутов, провианта. Причину видели в невозможности получать все необходимое армии из подчиненных приказам уездов. Уезд как единственная административная единица допетровской России, во главе которой стоял воевода, устарел. По своим размерам уезды были огромны – даже больше современных областей. Управляло же ими очень малое число чиновников, которые не справлялись со сбором и пересылкой в армию людей, материалов, денег, провианта.

И тогда в 1707–1710 годах была проведена Первая губернская реформа. Суть ее заключена в новом территориальном делении страны на более крупные единицы – губернии, которые охватывали территории сразу нескольких старых уездов. Во главе губерний были поставлены губернаторы, наделенные большой властью. В 1712–1715 годах произошло усложнение губернской системы: губернии были разделены на провинции во главе с обер-комендантами.

Так, на смену прежней «двухчленке» управления (приказ – уезд), пришла «четырёхчленка» (приказ, то есть канцелярия – губерния – провинция – уезд). Соответственно увеличению числа учреждений выросло и количество чиновников. Теперь важнейшими помощниками губернатора становились обер-комендант (военные дела), обер-комиссар (сборы налогов с населения) и ландрихт (судья). Обер-коменданту в провинции подчинялись коменданты. Эта реформа привела к резкому усилению власти на местах за счет полномочий центральных учреждений, то есть произошла децентрализация управления. Делалось это Петром сознательно, с желанием улучшить обеспечение армии, навести порядок со сбором на местах налогов. Было решено, сколько должна каждая из губерний (в зависимости от числа дворов) посылать денег для армии, флота, артиллерии и дипломатии – главных статей государственных расходов. Чтобы избежать неминуемой потери денег при пересылке и волокиты, между губерниями и армией была установлена непосредственная связь. Армейские полки стали называть по губерниям, откуда они получали довольствие и рекрутов: Нижегородский драгунский, Смоленский пехотный и т. д. При каждом полку находился кригс-комиссар от «своей» губернии. Он следил за исправностью и комплектом обмундирования, припасов, принимал рекрутов из губернии, выдавал офицерам и солдатам жалованье из присланных с мест денег. За деятельностью губернских кригс-комиссаров наблюдал начальник специальной Кригс-комиссариатской конторы, которая действовала при Сенате.

Заглянем в источник

Впервые в России государственное учреждение получило инструкцию – указ о круге его дел и компетенций. Сенат был обязан: «1. Суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имени, тож и ябедником да последует. 2. Смотреть во всем государстве расходов и ненужные, а особливо напрасные, отставить. 3. Денег, как возможно, збирать, понеже деньги суть артерию войны...».

Новую систему ведения делопроизводства Петр вводил задолго до 1711 года. Первым из русских царей он стал собственноручно подписывать указы, причем часто латинскими буквами в голландском варианте: «Peter». Один из его указов за 1707 год до сих пор широко известен благодаря своей оригинальности. При этом, как только его не перевирают в публицистике, порой наделяя его прямо противоположным смыслом! А он прост и выразителен. Петр требовал, чтобы

участники Консилии министров все свои решения

«...своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим (т. е. подписью. – Е. А.) всякого дурость явлена будет». Иначе говоря, подписывая указ, внимательно смотри, что подписываешь, за что берешь ответственность.

Иначе опростоволосишься и будешь выглядеть в глазах других дураком.

Реформа местного управления и создание системы кригс-комиссариатов были тесно связаны с реформой высших органов власти – организацией Правительствующего Сената и подведомственных ему учреждений. Это произошло в марте 1711 года. Ранее высшим совещательным органом была существовавшая с древних времен Боярская дума. Петр I не доверял боярам, многие из которых были раньше сторонниками Софьи. Заседания Боярской думы при нем стали проводиться все реже и реже, пока в 1704 году они не прекратились совсем. С тех пор о заседаниях Думы в источниках нет никаких упоминаний.

На смену Думе пришло временное учреждение – «Консилия министров» – совет руководителей важнейших приказов и канцелярий, который заседал в помещении Ближней канцелярии – финансово-контрольного учреждения. А в 1711 году Консилию министров сменил Правительствующий Сенат. Формальным поводом для создания Сената стал предстоящий отъезд Петра на войну с Турцией. Однако уже из первых указов о Сенате видно, что это учреждение создавалось не на какое-то короткое время, а надолго, и люди, назначенные членами Сената – сенаторами, находились не на временной, а на постоянной работе. Указом 5 марта 1711 года в русское управление вводилось новшество – коллегиальность, то есть сенаторы решали дела с помощью голосования, причем каждый из членов Сената имел при голосовании только один голос. Тогда же приказные, назначенные в Канцелярию Сената, получили указ о новом ведении бумаг и оформлении канцелярских дел. Каждый сенатор должен был подписывать протоколы Сената с решениями по делам. Эту процедуру Петр считал очень важной: подпись повышала ответственность чиновника за принятое решение.

В государственном учреждении, как в воинской части, вводилась присяга служащих, которые обещали «честно, чисто и неленостно» трудиться, соблюдать интересы государства. Созданный Петром Сенат просуществовал до 1917 года и всегда был одним из важнейших элементов системы управления Российской империей.

Где взять деньги на войну?

Как видно из указа об образовании Сената, ему поручалось наблюдение прежде всего за правосудием и финансами. В указе Сенату Петр дает образное сравнение финансов с системой кровообращения, которая питает организм необходимыми веществами. Кто имеет больше денег, тот и победит в войне – такова главная мысль царя. Но откуда же брать деньги? Петр требовал, чтобы их экономии, устранили ненужные расходы. Кроме того, царь считал, что нужно развивать торговлю с другими странами, в особенности с Китаем и Персией. Перепродажа восточных товаров на Запад была одной из самых выгодных статей дохода и давала в казну много денег.

Крупным источником денег для казны были различные откупа, монополии. Допустим, люди нуждаются в каком-нибудь продукте, например, в соли. Государство заключает соглашение с неким купцом или компанией, которая берется поставлять этот продукт и продавать его покупателям. За право такой поставки и продажи эти купцы сразу платили государству большие деньги, то есть выкупали, откупали все соляное дело на какое-то время. В свою очередь, государство уже не позволяло добывать и продавать соль другим купцам и компаниям кроме тех, с которыми было заключено соглашение. Это и было монополия, откуп. Такая операция приносила государству, или как тогда говорили – казне, сразу много денег. А поскольку важных для людей товаров было немало, то и откупов вводили много. Большие прибыли казна получала и от перечеканки серебряной и медной монеты –

основного вида денег, ходивших в России. Это действие называлось переделом. Старые монеты расплавляли и из этого металла чеканили новые монеты того же достоинства, но при этом количество серебра в каждой из них уменьшали. Иначе говоря, из одного фунта (400 г) серебра раньше чеканили серебряных монет на 10 рублей, а теперь – на 14 рублей, то есть государство получало с монетного передела дополнительные деньги (4 рубля с каждых 10 рублей) и пускало их на свои нужды. Однако это было порчей монеты.

Заглянем в источник

Вот что записал в приходно-расходную книгу 1710 года староста деревни Большие Минореги Валдайской округи Конон Тихонов об отправке рекрута:

«Марта в 15 день по указу Великого государя отдан в набор... с восьмидесяти девяти дворов лекрут Марк Иванов. Отдано за того лекрута целовальнику Больших Миронег Федору Андронову за мундир и правиянт (за оржаную муку и овсяную крупу), и лекруту до отдачи (в полк) на корм денег, и при отдаче на приказные расходы двенадцать рублей. Да за опись дано два алтына... две деньги. Дано на покупку в Новеграде подъячему Василию Настоянову на лекрута платья денег два рубли с полтиною. Да на того же лекрута куплено при Валдае платья, в чем бы ему можно дойти до Новеграда без нужды, а именно: куплена шуба на вате, цена – тридцать алтын, шапка-караблик, цена – четырнадцать алтын, да чулки белыя, цена – четыре алтына. За железа ножныя дано восемь алтын, за ручныя железа – четыре алтына (из этого следует, что рекрут шел закованным в кандалы. – Е. А.). Да на дорогу лекруту дано денег двадцать алтын, да на проводы калачей на два алтына, да вина на пять копеек, да пива кружка, цена – грош. Дано караульщику Герасиму Петрову, которой караулил лекрута, двадцать алтын. Да за подводу под лекрута дано Якову чурина семь гривен. Да ходил лекрут по воле, дано ему на пиво и вино деньгами четыре алтына. При поездке топлена баня про лекрута, дано алтын. Мыла на копейку, да гребень – грош. За поимку лекрута дано Ермолаю Яковлеву по мирскому приговору денег полтина, да Семену Лукину три алтына (видно, что рекрут бежал, возможно, прямо из бани, и для его поимки наняли стрельца. – Е. А.). Да за тем лекрутом ходил стрелец Федор Щапин, дано ему денег два гривны. За хоженое ему до деревни Борисова дано два алтына, а ходил по Гавриле Салдатове для доспросу о лекруте...»

Тем не менее главным источником государственного дохода оставались налоги и повинности крестьян и горожан. Именно на их плечи пала вся тяжесть войны. И победа, как часто бывало в истории, ставшая возможной благодаря отчаянным усилиям народа, привела к его обеднению и даже разорению. Плательщики отправляли самые разнообразные повинности: людские (рекруты), отработочные (на стройках, верфях), подводные (предоставляли подводы для государственных нужд), лошадные (поставка и содержание лошадей для армии), постоянные (содержание солдат в своих дворах), натуральные (заготовка и доставка провианта для армии и фуража для лошадей) и, наконец, денежные – то есть собственно налоги в привычном для нас смысле этого слова.

Все неденежные повинности, как правило, сопровождались денежными платежами, которые не входили в число налогов. Для того чтобы отправить в армию рекрута, в 1705 году было указано собрать с каждого двора массу денег и вещей.

Снабжались деньгами и отправляемые на стройки работники, извозчики. Начинался год, и люди не знали, сколько они будут платить налогов, но никто не сомневался, что сумма налогов увеличится. Об этом говорил весь их опыт. Каждый год к тем постоянным налогам, которые уже были в прошлом году, прибавлялись новые. Они были двух видов – постоянные, которые с этого года собирались ежегодно, и чрезвычайные, которые шли на какую-нибудь неожиданную затею властей, срочное дело. Всякий раз крестьяне точно не знали, какого вида у них будут повинности: один год они собирали деньги на провиант, на следующий им сообщали, что часть провианта они должны поставить натурой в государственные хранилища, а за другую платить деньгами. На третий год им приказывали

собрать провиант и везти его на своих подводах через всю страну в Петербург или Киев. При этом часто менялся вид провианта – требовали то рожь немолотую, то муку, то крупу, то сухари. И конца такому разорительному разнообразию не было видно. В итоге многие повинности были смешанными – денежно-отработочно-натуральными. Важно помнить, что Россия – страна огромная. В одних ее районах провиант, фураж или иные припасы, необходимые для армии и флота, могли обходиться населению в несколько раз дороже, чем в других. Такая налоговая политика разоряла плательщиков, побуждала их уваливать от повинностей, бегать от сборщиков налогов, восставать против налогового гнета.

Преобразования в промышленности

Победы армии были бы невозможны без преобразований в экономике, промышленности. До войны железо привозили либо из Швеции, либо с небольших заводов Тульского уезда, построенных голландцами. Но с началом войны его явно стало не хватать. К тому же армия нуждалась не только в оружии, но и в одежде, обуви, амуниции. Значит, необходимо было строить заводы и фабрики и на них делать сукно для мундиров, валять фетр для шляп и треуголок, выделывать кожи для обуви и лошадиной упряжи, ткать полотно для парусов, крутить пеньку для канатов, молотить порох и делать многое-многое другое.

Словом, война вынудила развивать промышленность. Она, как часто бывало, становилась главным стимулом технического прогресса. Военные заказы государства были так велики, что требовалось срочное строительство новых металлургических заводов и расширение старых по всей стране: в Карелии, Туле, Липецке, на Урале и в других местах. За петровское время заводов и фабрик в России стало двести, то есть в десять раз больше, чем раньше. Главным строителем многих новых заводов выступило государство. Оно же давало деньги на расширение старых заводов, приглашало иностранных специалистов. Многообразна была помощь государства и частным предпринимателям – тем, конечно, кто обещал быстро начать лить пушки, выпускать сукно и другие нужные армии и флоту товары.

В петровскую эпоху благодаря богатейшим полезным ископаемым Урала произошел подлинный экономический скачок. Строительство заводов там было делом трудным – слишком далеко находились Уральские горы от центра, слишком дикие места приходилось осваивать первопроходцам. Но все же уже 15 декабря 1701 года первый чугуна пошел из первой домны Невьяновского завода. Вскоре же из этого чугуна выплавляли железо, не имевшее себе равных по своим прекрасным свойствам ни в России, ни в Европе, нигде в мире!

Начали поспешно строить железоделательные заводы в Олонецком крае и в Липецке. Руда в этих местах была похуже уральской, но зато сами заводы располагались вблизи от Центра. За первые 5 лет Северной войны построили 11 металлургических заводов, которые обеспечили страну железом. Если в 1700 году в России выплавляли 150 тыс. пудов чугуна, то в 1725 году в пять с лишним раз больше – 800 тыс. пудов. Это позволило расширить металлообрабатывающую промышленность, или попросту говоря, орудийное и оружейное производство. В Туле, которая издревле славилась своими мастерами-оружейниками, в 1712 году был построен знаменитый оружейный завод, а в 1721 году заработал и не менее знаменитый впоследствии Сестрорецкий оружейный завод под Петербургом. Успехи русских металлургов были так значительны, что уже с 1705 года артиллерия больше не нуждалась ни в новых орудиях, ни в снарядах к ним – всем этим добром были забиты цейхгаузы.

В петровское время начали быстро строить и фабрики легкой промышленности. Центром ее стала Москва. Там были построены фабрики по производству парусины, канатов (Хамовный и Канатные дворы), амуниции и седел (Кожевенный и Портупейный дворы), сукна и фетра (Суконный и Шляпный дворы), а также пуговичная, чулочная, бумажная мануфактуры. Суконный двор в Москве – первое в России крупное текстильное предприятие – работал на привозной шерсти. Петр издал указ о разведении мало распространенных в

России овец в южных уездах страны, и вскоре Суконный двор и другие фабрики работали уже на отечественной шерсти.

Заводы и фабрики начала XVIII века были мануфактурами – довольно примитивными предприятиями, где главенствовал ручной труд. Но все же мануфактуры отличались от средневековых мастерских тем, что один работник производил не все операции над изделием (как средневековый мастер), а лишь одну из них. Это называется специализацией труда, его разделением. На мануфактурах было уже много узких специалистов, которые вкладывали свой труд в общую работу по изготовлению продукции. Кроме того, на мануфактурах использовалась механическая сила воды, вращавшей через систему колес и тяг сверла.

Государство помогало мелким и крупным фабрикантам и заводчикам, которые строили свои заводы (термин «завод» – от глагола заводить, основывать) или хотели приватизировать государственные предприятия. Петровская эпоха позволила развернуться, обогатиться и принести пользу стране многим инициативным людям из разных слоев общества. Невзирая на различия в происхождении предпринимателей, царь помогал им деньгами, присылал к ним иностранных инженеров, металлургов, предоставлял заводчикам большие льготы. Он подчинял – «приписывал» – заводам обширные земли с десятками деревень, жители которых вместо подати государству работали на фабриканта. Из частных предпринимателей особенно известны Баженины и Демидовы.

Демидовы – отец и сын – владели на Урале и в Сибири большими металлургическими заводами. В конце XVII века деревенский кузнец Никита Демидов понравился Петру своими золотыми руками и предприимчивостью. Он при поддержке государя основал железодельный завод возле Тулы, но по-настоящему развернулся на Урале, где ему передали казенный Невьянский завод и позволили добывать руды и основывать заводы без ограничения. Вскоре Демидыч (так звал его царь) стал богачом, создал на Урале обширные владения, в которых чувствовал себя маленьким царьком. Щедрыми подарками он добивался для себя особых льгот и привилегий. Деньгами «смягчал» он строгих ревизоров, приезжавших на Урал по многочисленным жалобам на злоупотребления этого жадного до денег и жестокого предпринимателя. В 1720 году Демидыч получил дворянство и новую фамилию – Демидов. Его сын Акинфий позже построил подлинную империю на Урале, где действовал один закон – воля хозяина.

Сражения в Польше. Измена Августа II

Основав Петербург и Кронштадт, Петр I на этом не остановился. В 1704 году русская армия вновь окружила «злосчастную» для нее Нарву. Во время осады Нарвы было получено известие о падении Дерпта (ныне Тарту) – крепости в Южной Эстляндии, которую осаждал Шереметев. Шестого августа наступила очередь и Нарвы: после долгого обстрела и короткого кровопролитного штурма на башне крепости появился белый флаг. Следом сдал свою крепость и комендант Иван-города.

Петр I радовался победам в Прибалтике, но он прекрасно понимал, что судьба Петербурга зависела от событий, которые происходили далеко от Нарвы и Дерпта – в Польше. Там находился Карл XII и туда, с неизбежностью, вела Петра его военная судьба. А в Польше тем временем шла «охота» шведского льва за Августом II, который, зная сокрушительную силу Карла, всячески избегал прямого с ним столкновения. Вступив в Польшу, Карл XII вел себя как завоеватель – грубо и заносчиво.

«Этот король, – писал один француз, участник похода Карла в Польшу, – чистый солдат. Его качества, без сомнения, велики и блистательны, но та негибкость, которая определяла его характер... выявлялась в совершенной грубости и резкости, с которыми трудно свыкнуться».

Прибыв в Варшаву, король стал диктовать гордым полякам свои условия. И главным из них было свержение Августа II с польского престола. Взамен Августа Карл предложил полякам своего ставленника – воеводу Познани Станислава Лещинского. Когда поляки

попытались возражать, Карл силой оружия заставил сенаторов и шляхту избрать на престол Станислава I. В итоге, часть оскорбленных насилем сенаторов и шляхты объединились в Сандомирскую конфедерацию – дворянский союз сторонников Августа и противников Станислава. Петр умело воспользовался этим политическим промахом Карла, и в августе 1704 года в Нарве был подписан русско-польский союз. Речь Посполитая вступила в войну на стороне России. По этому договору Петр отправлял в поддержку армии Августа 12-тысячный корпус и посылал королю деньги. Для этого все русское крестьянство было обложено тяжелым дополнительным налогом.

Словом, в 1704–1705 годы русская армия начала сосредоточиваться в Польше, чтобы при случае помочь саксонским войскам Августа. В мае 1705 года сам Петр I приехал в Полоцк, где находилась главная квартира армии. Так все главные герои Северной войны – Август II, Карл XII и Петр I – оказались почти рядом. Лето и осень 1705 года прошли спокойно – Карл не двигался из Варшавы. Петр проследил, чтобы его армия дошла на зимние квартиры в Гродно, и затем уехал в Россию. Но в пути он получил ошеломляющее известие: армия Карла в лютый мороз, стремительно преодолев 360 верст, внезапно появилась под Гродно, прервала коммуникации русской армии, отрезала русскую конницу от основных сил. Петр срочно попросил помощи у Августа II, тот отправил к Гродно корпус генерала Шуленбурга, но в начале февраля 1706 года саксонцы были наголову разбиты шведским генералом Рейншильдом.

Положение русской армии стало крайне опасным: она могла оказаться в котле. История нарвского погрома могла повториться. Лишь 24 марта, воспользовавшись ледоходом на Немане (а он мешал шведам переправиться в Гродно), командующий русской армией фельдмаршал Огильви все-таки успел вывести войска из западни. Происшествие под Гродно очень неблагоприятно сказалось на всей военно-стратегической обстановке. Не преследуя поспешно уходивших на восток русских, Карл резко повернул на Дрезден, столицу Саксонии. Этим он поставил Августа – польского короля и саксонского курфюрста – в безвыходное положение.

В итоге Август пошел на фактическую капитуляцию. Тринадцатое октября 1706 года в замке Альтранштадте под Лейпцигом он подписал мирный договор с Карлом. Август отказывался от короны Польши в пользу Станислава I, разрывал союз с Россией и выдавал шведам в плен русских солдат вспомогательного корпуса. Особенностью договора было то, что Август хранил его в глубокой тайне от Петра, который по-прежнему был уверен в своем союзнике. Естественно, такое соглашение долго не утаишь, и Петр вскоре о нем узнал.

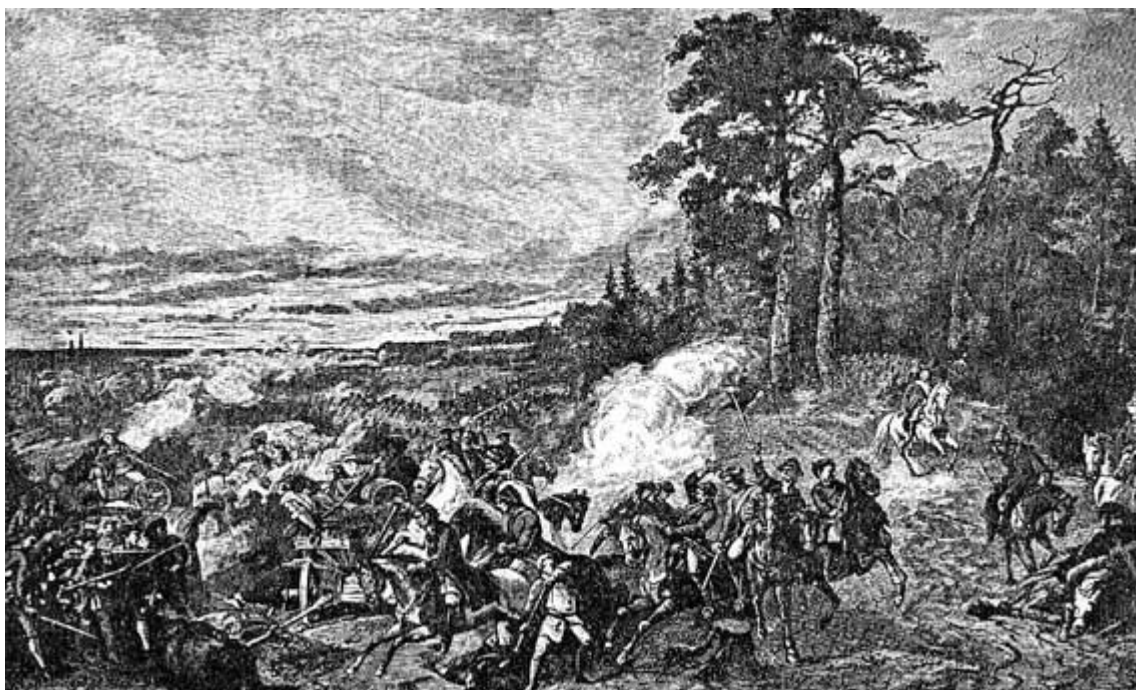
Царь был страшно возмущен и раздосадован произошедшим. Петр обиделся не на то, что бывший король подписал капитуляцию – жизнь есть жизнь. Сам Петр не раз пытался найти посредников и договориться с Карлом об окончании войны, если тот согласится на одно условие – сохранит за Россией выход к морю и Петербург. Однако Карл и слушать не хотел о таком мире с «московитом». В случае же с Августом Петр был оскорблен другим. Он никогда не думал, что Август утаит от него – ближайшего союзника – договор со шведами и тем самым не позволит царю подготовиться к борьбе в одиночку. Особенно печально было то, что до этого Петр и Август дружили, и царь называл в письмах короля «брате любезнейший и друже истинною, а не политикою», писал ему о своей особенной «братской любви». И вот «брате» бесчестно предал царя. Дипломатические последствия измены Августа были тяжелы – Северный союз распался окончательно. Россия оказалась в изоляции, один на один со шведами, помощи от Польши и Саксонии ждать больше не приходилось. Сандомирская конфедерация после отречения Августа от короны была фактически обезглавлена. Позиции Станислава I стали прочны как никогда, и его, как единственного короля, начала признавать большая часть польской шляхты. Так была потеряна как союзник Речь Посполитая, польская почва закачалась под ногами Петра I. Тогда он тоже пытался завязать отношения с Карлом, надеясь заключить с ним мир, но король-викинг, чувствуя свою силу, высокомерно заявил, что «скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем согласится оставить Петербург в руках царских». Карл хотел только одного

– чтобы Петр покорился ему, как это сделал Август.

Шведское наступление. 1708–1709

В декабре 1706 года в белорусском местечке Жолква состоялся совет русской армии. На нем решили: генерального сражения со шведами в Польше не принимать, отступить на свою территорию, «томить» неприятеля, уничтожая на своем пути провиант, фураж, разоряя жилье. В этот период войны хорошо видно, что Петр не был уверен в силах своей армии. Он еще не жаждал столкнуться с Карлом в решающем сражении. Царь решил отступить, как только шведы двинутся на его армию. Время шло, но шведские полки стояли на месте. Карл вел себя как лев, который долго выслеживает свою жертву, чтобы потом стремительно напасть на нее. До декабря 1707 года он ничего не предпринимал против Петра. Но в канун Рождества Карл внезапно бросил свои войска навстречу русским полкам, которые в это время вновь стояли в Гродно. Бросок был так стремителен и неожидан, что Петр успел умчаться из Гродно всего за два часа до того, как Карл вбежал в комнату, где ночевал русский царь.

Всем этим Петр был страшно встревожен. Ведь король, скорый на подъем, мог двинуться в любом направлении – на Псков, в Лифляндию, в Петербург, на Москву, на Украину. Но опять наступила пауза. Шведы не двигались с места пять месяцев! Наконец, в июне 1708 года шведская армия переправилась через Березину и двинулась на Могилев. Стало ясно, что король идет через Белоруссию – кратчайшим путем до Москвы.

Сражение при деревне Лесной в 1708 году.

Третьего июля 1708 года под Головчиным произошло первое полевое сражение с армией шведов. И оно, увы, было для русских неудачным. Карл, воспользовавшись тем, что русские войска, прикрывая Могилев, растянулись по дороге на несколько верст, ударил в центр русской позиции и вынудил полки дивизии генерала А. И. Репнина в беспорядке бежать. Через два дня Карл вступил в Могилев. Петр был разозлен тем, что полки Репнина плохо, неорганизованно сражались, бросили пушки. Репнина отдали под суд и разжаловали (на некоторое время) в солдаты.

Новое сражение – при селе Добром 28 августа 1708 года – оказалось удачнее. Войска князя М. М. Голицына ударили по авангарду шведов, и только когда в дело вступили

основные силы Карла XII, Голицын отступил. На этот раз Петр был доволен сражением: и тем, что войска Голицына расчетливо и смело атаковали врага, и тем, что они в полном порядке отступили. Петр писал Ф. М. Апраксину: «Я, как почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал, и не видал. Дай Боже впредь так!»

Сражение у Доброго с виду ничего не изменило. Русские войска по-прежнему отступали, шведы упрямо шли за ними по пятам. Но упорное сопротивление русских в сражениях и мелких стычках наряду с тактикой выжженной земли, когда уничтожали поля, деревни, разгоняли по лесам людей и скот, заваливали колодцы и дороги, свое действие все же оказывали. Карл стал все больше уклоняться от кратчайшего пути на Москву через Белоруссию – Смоленск.

К концу сентября стало очевидно, что зимние квартиры 1708–1709 годов для шведов будут отнюдь не в Москве, как мечтал поначалу Карл. Окончательно все прояснилось 28 сентября 1708 года, когда Петр сумел поймать Карла на тактической ошибке и обычной для шведского короля самоуверенности. Петр давно наблюдал за движением корпуса генерала Левенгаупта, который шел из Лифляндии на соединение с основными силами шведов. Он вез с собой огромный обоз провианта и других припасов, так необходимых Карлу для наступления на Москву. И как только корпус Левенгаупта оказался в нескольких переходах от армии Карла, Петр быстро перебросил наперерез ему часть своих войск и у деревни Лесное навязал шведам сражение.

Бой был кровопролитный и отчаянный. На маленькой поляне площадью в одну квадратную версту сошлись в смертной схватке тысячи солдат. Шведы выдержали десять русских атак! К вечеру наступило затишье. Утомленные сражением солдаты вражеских армий сидели на окровавленной траве поляны совсем близко друг от друга.

Заглянем в источник

В «Журнале» Петра Великого об этом писал очевидец, передававший свои ощущения и описывавший потрясающую картину, которая вставала перед его мысленным взором:

«И понеже на обе стороны солдаты так устали, что более не возможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте (т. е. на поле боя. – Е. А.) сели и довольное время отдыхали, расстоянием линий одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки или ближе... (сей случай зело дивно было видеть, будто бы неприятели между собою были так кротки и, близко друг от друга сидя, отдыхали».

Обе стороны ждали помощи. Только шведы, отрезанные от своего короля, ждали помощи от Бога, а русские от генерала Р. Х. Боура, который по вызову Петра спешно двигался к Лесной. И когда Боур подошел, судьба шведов была решена. Свежие силы русской армии сбили их с позиций и обратили в бегство.

«И потом наши паки неприятеля атаковали, где превеликий жестокий был бой и перво несколько залпов выпалили, а потом с байонетами и шпагами прямо на неприятеля пошли и помощью победодавца Бога неприятеля совсем с поля сбили и достальные пушки и обоз взяли и совершенную викторию получили, при которой окончании превеликая началась вьюга со снегом, и потом тотчас ночь наступила, и тако оставшийся неприятель случай к уходу получил, а наши, где кого та вьюга застала, тут и ночевали».

Мы видим почти кинематографическое изображение конца сражения, когда обширное, залитое кровью поле быстро погружается во тьму, и стоны раненых заглушаются воем вьюги, засыпающей снегом и живых, и мертвых.

Весь гигантский обоз попал к Петру. Сражение при Лесной очень воодушевило русскую армию. Позже царь неслучайно назвал победу при Лесной матерью Полтавской победы – между этими битвами прошло ровно девять месяцев. Неоценимо было это сражение и в стратегическом смысле. Ведь Карл, не получив пополнений и провианта, был вынужден отказаться от движения на Москву и повернул на Украину. Впрочем, король

сделал это сознательно, рассчитывая на поддержку гетмана Украины Ивана Мазепы, который уже давно вступил с ним в переписку.

Украина – поле сражения. Мазепа

В конце октября 1708 года Петр, направляясь из Смоленска на Украину, получил страшное известие о том, что гетман Мазепа перешел на сторону шведов. Это могло привести к трагическому для России перелому в войне – столь велики были силы и ресурсы Украины. Между тем гетман Мазепа считался одним из самых надежных сторонников Петра. Царь уважал ум и опытность Ивана Степановича, обращался с ним всегда дружественно и доверительно. Поэтому Петр особенно тяжело переживал предательство Мазепы.

По своим взглядам и поведению Мазепа мало чем отличался от украинской верхушки – старшины, для которой поместья, крепостные, личное богатство были важнее независимости. Однако события 1707–1708 годов все резко изменили. Поспешное отступление русской армии, та тревожная суэта, которая охватила русскую администрацию в Украине, свидетельствовали о непрочности позиций Петра и России в Украине. Отступая на Смоленск, царь, в сущности, бросал Украину на произвол судьбы. Поворот шведов на юг означал, что на землю Украины пришла чужая война. Ведь Украина не имела никакого отношения к прибалтийскому конфликту России и Швеции, а лишь посылала казаков, сопровождавших русскую пехоту в походах, да и то в 1702 году запорожцы самовольно покинули Ингрию и ушли домой.

Добавим ко всему прочему факты бесцеремонного обращения Петра, русских воевод и генералов с украинцами, которых стали принудительно сгонять на строительство укреплений и облагать многочисленными и тяжелыми налогами. Наконец, для национального самосознания украинцев было крайне неприятно заигрывание России с Польшей, которой Петр, во имя победы над Карлом, обещал отдать Правобережную Украину.

Между тем на Правобережье Украины несколько лет шло восстание Семена Палея и Самуся против поляков. Некоторые земли Правобережья фактически отделились от Польши. Но Петр не хотел обострять отношения с поляками и был готов выдать им украинских повстанцев. Мазепа учитывал эти настроения. Он понимал, что при поражении или уходе русской армии в глубину России ему, верному слуге московского царя, наступит конец. И упреждая эти события, гетман вступил в тайные переговоры с Карлом XII. Но ему не повезло. Движение шведов на Украину оказалось для него неожиданным. Он не успел подготовиться к «отложению» Украины от России, страшно испугался разоблачения, занервничал и решил бежать к Карлу с теми тремя тысячами казаков, которые у него были. Основная украинская армия в это время находилась в Белоруссии. Кроме того, Петр, узнав об измене Мазепы, времени на размышления украинцам не оставил. Русская сторона действовала стремительно. Столица Мазепы город Батурин был взят войсками А. Д. Меншикова и сожжен. Затем поспешно провели церемонию заочной казни Мазепы, чья кукла была втащена на эшафот, «награждена» специальным шутовским «орденом Иуды», а затем казнена. А самому Мазепе же была объявлена анафема – церковное проклятье. Срочно собранная украинская старшина выбрала в гетманы верного Москве Ивана Скоропадского. Тогда же русские войска внезапно напали на Запорожскую Сечь и уничтожили ее. И хотя ущерб от перехода Мазепы оказался незначительным, недоверие Петра к украинцам росло.

Тем не менее главная причина провала замысла Мазепы состояла в другом – Мазепу не поддержал украинский народ. Он уже полстолетия жил под властью Москвы и, запуганный ужасами войны и грозными царскими манифестами, в ответ на призывы Мазепы молчал. Он не верил ни старому гетману – вчерашнему холопу царя, ни суровому заморскому завоевателю Карлу, пришедшему неведомо зачем на украинскую землю. В итоге, Мазепа оказался в изоляции. Осенью 1708 года Петр с удовлетворением писал об Украине: «Сей край как был, так и есть», имея в виду, что он властвует над Украиной по-прежнему.

Гетман Левобережной Украины Иван Мазепа.

Заметки на полях

История с Мазепой, которую в русской историографии называют изменой, не была единственной и в чем-либо уникальной. Подобные истории и шатания не раз происходили с гетманами Украины, перешедшей в 1654 году в подданство России, поэтому в 1723 году Петр I, обобщая «измены» Юрия Хмельницкого, Ивана Брюховецкого, Семена Многогрешного и других гетманов XVII века, с раздражением писал: «Всем есть известно, что от времени Богдана Хмельницкого, который пришел в подданство... все гетманы являлись изменниками и какое великое бедство государство наше терпело, а наипаче Малая Россия от того». При этом Петр не упоминает, что и сам Хмельницкий к концу своей жизни разуверился в союзе с Россией и начал тайные переговоры со шведским королем Карлом XI.

Нужно признать, что подоплекой всех подобных историй было то положение, в котором оказалась Украина под властью России. В 1654 году, беря Украину «под свою высокую руку», Москва гарантировала украинцам безопасность их страны от ее извечных врагов – поляков и крымцев. На деле же оказалось, что вместе с этой безопасностью она принесла в Украину крепостничество, а этого ярма вольные казаки никогда не знали. За столетия после Переяславской рады 1654 года Украина под властью России проделала путь от демократического казачьего управления

до незавидного положения одной из многих российских губерний, населенных помещиками и крепостными. Процесс вращивания вольной Украины в самодержавную и крепостническую Российскую империю был непростым и болезненным. История гетманства Мазепы (1687–1708) – часть этого тяжелого пути.

Сам же Мазепа всегда слыл ярким сторонником Москвы, послушно выполняя

волю Петра I. Он говорил: «Где его царскому величеству угодно будет меня держать, там нехай и буду». Во мнении украинского народа это ему сильно вредило. В 1705 году было начато следственное дело сотника Мандрика, который говорил:

«Не буде у нас на Україні добра, поки сей гетман живою буде, бо ей гетман – одно з царем розумее; царь на Москве своих губит и в ссылку засылаєт, а гетман розными способами до умаления Україну приводит... он часто на Москву бегаєт, щоб там науку брать, яким то способом сей народ сгубити».

Несчастный сотник, казненный за эти слова Мазепой, не знал, что было как раз наоборот. Мазепа давал в письме Петру советы, как владеть Украиной, ее народом:

«Наш народ глуп и непостоянен... Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволят, не отлагая, прислать в Украину доброе войско из солдат храбрых и обученных, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве».

Мятеж Булавина на Дону

1708 и 1709 годы были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни Петра. Карл наступал настойчиво и упрямо. Нужно было срочно готовить Москву к обороне от шведского нашествия – ведь тогда оно казалось почти неминуемым. После измены Мазепы Петру требовалось во что бы то ни стало удержать под своей властью Украину. Кроме того, необходимо было укреплять позиции в Прибалтике – строить и ремонтировать завоеванные крепости, спускать на воду новые корабли. Ко всему прочему, Петра душила масса дипломатических дел, проблемы внутреннего управления, промышленности, финансов.

И тут, в самые драматические месяцы шведского наступления 1708–1709 годов, на Дону с яростной силой разгорелось восстание Кондратия Булавина. В какой-то момент возникла даже угроза соединения восставших с наступающим врагом и сторонниками Мазепы (Запорожской Сечи). К восстанию Булавина привела внутренняя политика Петра в первые годы Северной войны. Она отличалась особой жесткостью и неумолимостью при взыскании налогов, изъятии всего необходимого для армии, войны. Следствием стало разорение крестьян и их сопротивление властям. В источниках отмечены многочисленные случаи разбоев, нападений на помещичьи усадьбы и государственных чиновников. Но более всего против политики царя крестьяне «голосовали ногами» – они бежали из деревень на юг и на запад. Верхнее течение Дона и его притоков с давних пор было местом, где укрывались беглые из Центра. Именно беглые давали основную массу добровольцев, пополнявших ряды донского казачества. Донские казаки – отважные и смелые люди, спаянные боевым братством, – придерживались золотого для них правила: любой человек, пришедший на Дон, становился свободным. В этом они справедливо видели неиссякаемый источник существования вольного донского казачества.

Однако деспотичный Петр с этим считаться не желал и, получая от помещиков и местных властей сообщения о бегстве крестьян на Дон, распорядился летом 1707 года послать отряды «сыщиков» для поимки и возвращения беглых. Командовал операцией князь Ю. В. Долгорукий. С самого начала он действовал грубо и бесцеремонно, не считаясь с традициями и обычаями казаков. Отряды Долгорукого творили безобразия на Дону. Как писал впоследствии в своем воззвании Булавин, люди Долгорукого «многия станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали, также женска полу и девичья брали к себе для блудного помышления».

Действия Долгорукого вызвали недовольство, а потом и восстание донцов. В ночь на 9 октября 1707 года атаман Кондратий Булавин с двумя сотнями казаков убил Долгорукого и его людей. С тех пор пошло грубоватое народное выражение «разбила кондрашка». После неудачной для Булавина и его сторонников зимы 1707–1708 годов восстание вновь и с большей силой запылало весной 1708 года. А тем временем шведы перешли границу и

двинулись на Москву. Опасность соединения врагов усилилась. Начальником карательного отряда, посланного на Дон, царь назначил брата убитого Юрия Долгорукого, князя Василия, которому Петр поручил немедленно раздавить мятеж. Движимый мстью, В. В. Долгорукий был беспощаден. В указе, данном подчиненным, он писал: «Ходить по тем городкам и деревням... которые пристаю́т к воровству, и оныя жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к пристава́нью».

Такие жестокости лишь раздули пламя мятежа. Булавин вступил в столицу Донского войска город Черкасск. На казачьем кругу он был избран войсковым атаманом. Восстание быстро разрасталось, к Булавину пришла подмога – отряд запорожских казаков. Казачьи отряды вышли на Волгу, захватили Царицын, сподвижник Булавина Игнатий Некрасов осадил Саратов. Реальная угроза нависла над Азовом, Таганрогом и Азовским флотом. Петра особенно беспокоила ненадежность гарнизонов русских крепостей на юге. Ведь в них в тяжелых условиях служили и работали на укреплениях бывшие стрельцы и многие политические ссыльные. Падение Азова и Таганрога означало бы для Петра катастрофу. Это могло привести к выступлению Крыма и Турции против России. Все так неудачно совпало: 6 июля 1708 года булавинцы подступили к Азову, а через два дня, 8 июля, Карл XII разбил корпус Репнина под Головчиным. Но булавинцам не удалось взять Азов. Они попали под огонь с кораблей и из крепости и были вынуждены отступить. Седьмого июля часть казаков решила переметнуться к царю и, чтобы доказать свою верность, привезти с собой пленного Булавина. Однако в ночной стычке Булавин не дался им в руки. Он знал казачий обычай выдавать вождей-неудачников – и был убит.

Восстание пошло на убыль. Спротивляться регулярным частям, снаряженным артиллерией, казакам было затруднительно. Князь Долгорукий свирепствовал в донских городках и станицах. По Дону поплыли плоты, уставленные виселицами. С Волги на Дон двигались отряды князя Хованского, выжигавшие все на своем пути. Отправляя пленных казаков с Дона в Астрахань, на казнь, один из сподвижников Петра писал царю о казачьих женах и детях, которые остались на пепелищах: о них беспокоиться не следует – «сами исчезнут», то есть их убьет голод и наступавший холод. Около двух тысяч казаков под командой Некрасова, с женами и детьми, бежали в Турцию, и только через два с половиной века их потомки вернулись на Родину.

Полтава, славная в веках

Положение армии Карла XII на зимних квартирах в Украине было весьма тяжелым. Во-первых, зима 1708–1709 годов выдалась необыкновенно суровой, и много солдат гибло от холода. Во-вторых, Петр не давал шведам с комфортом разместиться в украинских селах – тактика выжженной земли оказывала свое действие. Наступающие шведские войска находили только пепелища или укрепленные городки, которые им приходилось брать с большими потерями. Армия Карла таяла на глазах. Мало помощи получили шведы и от Мазепы. Он обещал королю всеобщую поддержку казаков, бесчисленные запасы провианта и фуража, но ничего этого не было. В конце 1708 года Мазепа пытался вступить в переговоры с Петром и вымолить пощаду. В залог своей верности он обещал сдать русским пленного Карла. Петр, как опытный политик, от контактов с Мазепой не отказался, но переговоры по непонятным причинам прервались.

Весна 1709 года застала шведскую армию за осадой крепости Полтавы. Со взятием ее у шведов открывался путь на Харьков и Белгород, а также в Крым и в турецкий Очаков. Наконец, Карл надеялся здесь выманить Петра и сразиться с ним в чистом поле. Расчет короля оказался верен. Осада Полтавы сделала невозможным дальнейшее отступление русской армии. Петр не мог допустить сдачи Полтавы ни с точки зрения стратегии, ни по моральным соображениям. Комендант Полтавы А. С. Келин и его гарнизон героически оборонялись 7 недель, и бросить их Петр считал недопустимым.

А между тем, в начале июня 1709 года Келин сообщал царю, что крепость защищать

становится все труднее и труднее – люди устали, припасы кончаются, город разорен осадой. Петр приказал Келину держаться до подхода основной армии во что бы то ни стало. С этого момента желание Карла сразиться с Петром в поле стало и желанием Петра. Генеральное сражение стало неминуемым.

Двадцатого июня 1709 года русская армия форсировала реку Ворсклу и встала в нескольких верстах от Полтавы. За спиной у нее был крутой берег реки (отступить некуда!), слева – густой лес, справа – глубокая лощина. Солдаты быстро построили укрепленный лагерь. Перед ним тянулось довольно узкое Полтавское поле. Поперек него Петр приказал соорудить несколько земляных укреплений – редутов. Миновать их на пути к русскому лагерю противник не мог. Работы на редутах велись круглые сутки.

В короткую летнюю ночь с 26 на 27 июня не спали также и шведы. Они вышли на поле и построились в боевом порядке. Накануне в стычке с казаками, верными Петру, Карл был ранен в ногу. Его вынесли к войскам на носилках. Армия приветствовала своего короля. Главнокомандующий фельдмаршал граф Реншильд по указу короля дал команду к наступлению. В сумерках раннего утра четырьмя колоннами, под грохот барабанов, шведы двинулись навстречу русским. Это был исторический момент.

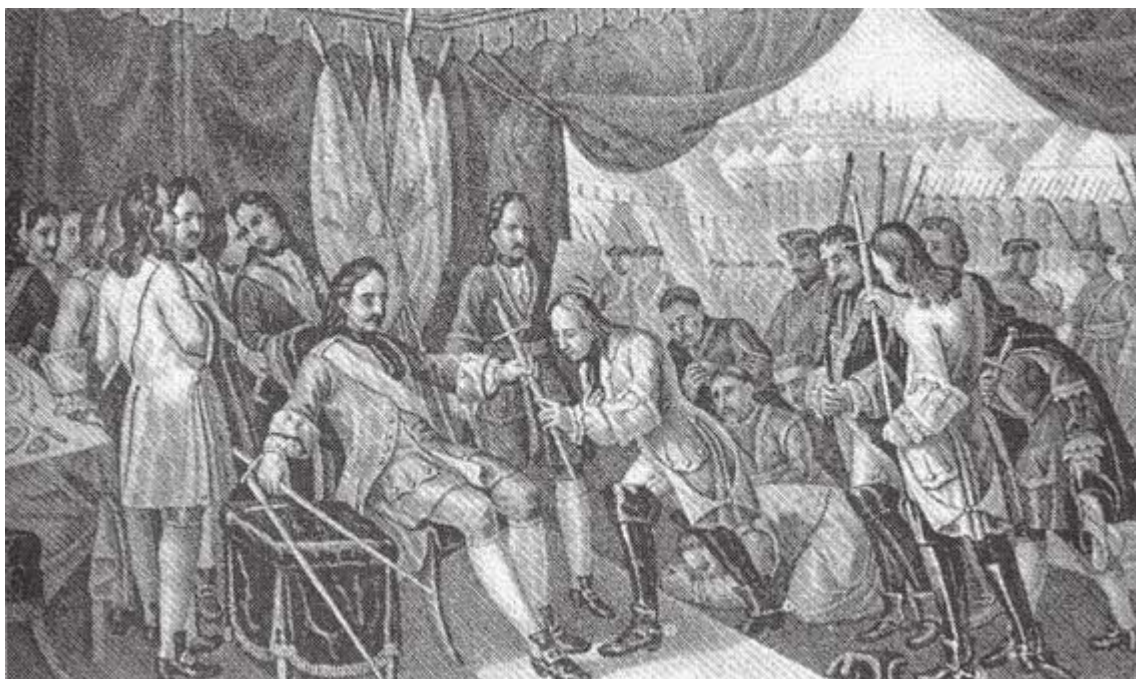
На поле боя вышла одна из лучших армий тогдашнего мира. Ее солдаты и офицеры, которых называли каролинцами, прошли горнило девятилетней войны. Они были опытные, дисциплинированные и хладнокровные. Их вели в бой талантливые генералы – Левенгаупт, Стейнбок, Спарр, Горн и другие. Наконец, во главе войска стоял великий полководец-король, не знавший до того дня поражений.

С самого начала в предрассветной мгле Полтавской битвы шведы были вынуждены решать проблемы, которые перед ними ставил Петр-полководец. По пути к русскому лагерю им пришлось сначала отбиваться от наскоков конницы Меншикова, потом они попали под огонь русских, засевших в редутах. Эти редуты с ходу взять не удалось. Пришлось обходить их на безопасном отдалении. При маневрировании одна из колонн шведов оторвалась от основных сил и была уничтожена русской кавалерией. На всех этапах боя шведы несли огромные потери. Причиной была точная стрельба русской артиллерии. Она показала свой высокий класс, а у шведов, кроме сигнальных пушек, в этом сражении орудий вообще не было. Полтавская битва шла под непрерывный гул сотни русских пушек.

И все же шведы прорвались к русскому лагерю. К этому времени армия Петра вышла из него в поле и построилась побатальонно в две линии. Русских было больше, чем шведов, – 32 тысяч человек против 20. Войска двинулись навстречу неприятелю. Впереди на лошади по кличке Лизетт ехал царь, за ним двигался фельдмаршал Шереметев, а дальше под развевающимися белыми и цветными полковыми и ротными знаменами, под грохот барабанов шла вся русская армия.

Заметки на полях

Царь Петр никогда не был трусом, но он не любил генеральных сражений, которые могли в один час решить судьбу армии, трона, родины. Он понимал, что победу может определить случай, что генеральное сражение – это игра. Как писал царь, «сия игра в Божьих руках и кто ведает, кому счастье будет?» Он знал, сколько таких «игр» закончились бедой. Взять, к примеру, битву на Косовом поле в 1525 году. Потерпев поражение в этом генеральном сражении, балканские славяне почти на полтысячи лет попали под османский гнет. А это, в свою очередь, сказалось на истории балканских стран, менталитете и образе жизни славянских народов. Однако бывает так, что генерального сражения уже никак нельзя избежать. Поэтому в июне 1709 года Петр был уже готов к главной битве своей жизни. В 1708–1709 годы он не бежал от Карла, а расчетливо отступал. При этом в быстротекущих сражениях и стычках с противником его армия набиралась опыта. Солдаты и офицеры были хорошо подготовлены к битве. К тому же русским нужно было спешить. Царю стало известно, что Станислав I намерен двинуться на Украину вместе с корпусом шведского генерала Крассоу...

Петр I после Полтавской победы возвращает пленным шведским генералам шпаги.

Под взглядами тысяч солдат и офицеров Петр передал командование фельдмаршалу Шереметеву, отошел в сторону и встал в ряды своего Преображенского полка. Русские войска были построены необычно: вторая линия располагалась на значительном удалении от первой. Это позволяло резерву избежать лишних потерь, но создавало опасный разрыв в построении. И все же расчет оказался правильным, и в нужный момент битвы свежие, нетронутые силы второй линии пришли на помощь первой линии. В этом вскоре возникла потребность, потому что шведы со всей сокрушительной силой ударили в центр первой русской линии и прорвали ее.

Петр, внимательно наблюдавший за действиями противника, срочно принял команду над солдатами второй линии и повел их к месту прорыва. Завязался упорный рукопашный бой, который стал кровоточащей волной распространяться вдоль столкнувшихся в смертельной схватке шеренг: синей шведской и зеленой русской. Наступала кульминация сражения, тот самый роковой час, четверть часа, которые порой решают в битве все. Он был выигран русскими войсками главным образом благодаря стойкости солдат, выдержавших колоссальное давление опытного и сильного противника.

Следом наступил желанный для Петра перелом. Не выдержав ответных выпадов русских, боясь окружения (так как более многочисленная русская линия при столкновении со шведской оказалась длиннее и могла захлестнуть шведов с флангов), каролинцы, как писал Петр, «скоро хребет показали», то есть побежали.

Началась погоня, которая, впрочем, закончилась быстро – на границе поля. Дальше русские войска не пошли. Линейная тактика запрещала, во избежание потери управления войсками, покидать поле битвы после победы. Кроме того, бессонная ночь, невероятное напряжение боя оказали свое действие – солдаты страшно устали. Отдыха требовали и кони. А еще вожделенные трофеи.

Они, захваченные на поле и в лагере под Полтавой, оказались огромны. В плен попали видные генералы и придворные Карла. Сам король, тщетно пытавшийся остановить своих солдат, был увезен приближенными с Полтавского поля.

Лишь только вечером удалось снарядить погоню за Карлом. Петру хотелось повидаться с «братом Карлом» – так он в шутку называл своего грозного противника. Шведы поспешно отходили в сторону Крыма и на следующий день достигли местечка Переволочна, что на берегу Днепра. Когда утомленные шведы вышли к реке, они с трудом разглядели

противоположный берег – так был широк в этом месте Днепр. Ни лодок, ни леса, чтобы сделать плоты, вокруг не было.

Заглянем в источник

С легкой руки А. С. Пушкина все знают, что сразу же после победы, прямо на Полтавском поле, Петр устроил праздничный банкет, пригласил на него пленных шведских генералов и провозгласил тост за своих «учителей» – шведов. Но мало кто знает, что тостами застолье не ограничилось. Петр, как он ни был упоен победой, напряженно думал над обстоятельствами битвы и причинами поражения столь сильного противника, каким были шведы. Пленный шведский генерал Левенгаупт вспоминал, что царь, сидя с ним за одним столом, начал расспрашивать шведов о различных эпизодах войны, в том числе об обороне Риги, которую Петру вскоре предстояло осаждать. Но потом «он больше ничего не спрашивал о Риге, но спросил, почему мы с армией столь далеко углубились, не прикрыв тыла? И почему наш король не держал военного совета? С какой целью он шел под Полтаву? Почему мы атаковали русских в том месте, где наше положение было наиболее тяжелым? Почему в деле мы не использовали пушек? Почему после первого натиска мы отступили влево и столь долго стояли на месте? И почему пехота и кавалерия не встретились на сходящихся направлениях? Мы не могли ответить на эти вопросы более того, что знали. Ведь с нами ни о чем не советовались, тогда он посмотрел на графа Головкина (канцлер. – Е. А.) и господина Шафирова (вице-канцлер. – Е. А.), который переводил его речь на немецкий, сказав, что он весьма удивлен, как это генералы ничего не знают...».

Только анализируя вопросы Петра шведским генералам, можно многое понять. Вспомним Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Даже не специалисту в военной истории ясно, что Петр глубоко проанализировал ситуацию и что сам он поступил бы иначе, предпринимая такой дальний поход и решившись на генеральное сражение. Но, забегая вперед, скажем, что человеку неведома его судьба. Ведь не прошло и двух лет, как Петр, начав войну против турок и оказавшись в окружении на реке Прут, повторил многие ошибки своего противника...

Карл, Мазепа и их приближенные, а также около 1300 солдат сумели переправиться через реку на правый берег. Все остальные войска (более 16 тыс. человек!) были так утомлены сражением и деморализованы стремительным бегством по степи, что не оказали никакого сопротивления всего лишь 9-тысячному войску А. Д. Меншикова и М. М. Голицына – все они поголовно сдались. К ногам победителей легли 142 знамени и штандарта, а свои шпаги отдали почти все знаменитые генералы шведской армии. До сих пор непонятно, почему столь сильная армия Карла потерпела такое сокрушительное поражение. Впрочем, шведы впоследствии утешились тем, что именно на поле под Полтавой завершилась эпоха, когда Швеция, напрягая силы, пыталась претендовать на мировое господство. С того момента эта сомнительная пальма первенства перешла к победителю шведского короля и его потомкам. Но и мы можем утешиться знаменитым сравнением неудачника со «шведом, который погорел под Полтавой» или издевательским выражением «Как говорили шведы под Полтавой: “Победа будет за нами!”».

Сам Петр проявил себя как зрелый полководец и смелый солдат. Он хорошо подготовился к битве, сумел создать перевес сил над шведами, внимательно следил за развитием сражения и не упустил инициативы. Когда было необходимо, он устремлялся в гущу сражения. Его шляпа была прострелена шведской пулей. Полтавское сражение стало тяжким испытанием для Петра. После него он даже серьезно заболел, но, как только поправился, стал быстро собирать обильный военно-стратегический урожай с Полтавского поля.

Восточная Прибалтика во власти России

Сразу после сражения у Петра началась нервная горячка – таким сильным было психологическое потрясение. Однако он не терял времени даром и на редкость удачно использовал Полтавскую победу для укрепления дипломатических и военных позиций России. В эти месяцы Петр проявил поразительную оперативность, которая была связана с желанием царя «ковать железо, пока оно горячо», то есть пока шведы не пришли в себя после поражения. Кроме того, потери русской армии под Полтавой были невелики и вскоре, после отдыха, она легко двинулась в поход.

После Полтавы 1709 года Россия перехватила инициативу у противника. Теперь уже непрерывно обороняться приходилось не русским, а шведам. На волне полтавского успеха Петру удалось не только вернуть польский престол Августу II, но и восстановить разрушенный Карлом XII Северный союз. Армия двинулась в Польшу. Станислав I Лещинский был изгнан из Варшавы, а королем Польши вновь стал Август II. Но после измены 1706 года Петр уже не питал прежних теплых чувств к Августу, прежде «брату истинному, а не по имени». Ситуация после Полтавы 1709 года резко изменилась в пользу России: престиж ее необыкновенно поднялся. Капризная богиня победы уже не покидала лагеря Петра.

Полтавская победа позволила Петру оформить план раздела владений Швеции. По мысли Петра, коалиция стран, куда входили Россия, Саксония, Речь Посполитая, Дания, Пруссия, Ганновер, должна была напасть на Швецию, ослабевшую в русском походе, и раздробить на куски ее владения. Ганновер, Пруссия, поляки и саксонцы брали провинции Шведского королевства в Северной Германии, датчане – в Сконе и Норвегии. А Россия оставляла себе Эстляндию и Финляндию. И хотя прежние союзные договоры не предполагали присоединения этих владений к России, полтавская победа была так ярка, влияние России так выросло, что Август II против намерений Петра не возражал. Отныне его власть в Польше полностью зависела от русского царя. Девятого октября 1709 года в Торуне он подписал с Петром союзный трактат, согласно которому к Саксонии переходила только Лифляндия с Ригой. Вскоре Дания восстановила договор с Россией. Северный союз был возрожден. В результате личного свидания Петра с прусским королем Фридрихом I в Мариенвердере Пруссия также фактически присоединилась к Северному союзу.

После возвращения Петра из-за границы в Россию в Москве был устроен грандиозный праздник победителей. Москвичи могли видеть бесчисленное количество трофеев, которые несли, тащили, везли, вели по улицам столицы под специально построенными к этому дню триумфальными воротами. Тут были шведские пушки и знамена, походная канцелярия короля Карла и его носилки, литавры и барабаны, оружие и другие трофеи. Бесконечным казался и поток пленных шведов. В первых рядах шли генералы и придворные Карла во главе с первым министром короля графом Пипером.

С весны 1710 года военные действия возобновились. Русские войска осадили столицу генерал-губернаторства Восточной Прибалтики Ригу. Осада была долгой и тяжелой. Город подвергся жестокому артиллерийскому обстрелу, начавшаяся чума косила, не разбирая, и осажденных и осаждающих. Первых умерло 60 тыс., а вторых 10 тыс. человек. Наконец, не выдержав осады, Рига открыла ворота победителям. Потом сдался гарнизон Пернау (Пярну), позже русские войска заняли остров Эзель (Сааремаа), а 29 сентября 1710 года они вступили в Ревель (Таллинн). Не менее выразительны были успехи русских войск в Карелии. Слабые шведские войска в этом районе не могли выдержать натиска русской армии: сначала, после «плотной» осады, сдался Выборг, а потом Кексгольм (Корела). Так, за одно лето вся Восточная Прибалтика оказалась в руках Петра. При этом царь нарушил условие соглашения 1709 года с Августом II – присоединил к России и обещанную ранее польскому королю Лифляндию.

Заглянем в источник

В манифесте Петра о включении Эстляндии в состав России от 16 августа 1710 года говорилось, что Эстляндия занята Россией потому, что «король

шведский, по причине известного своего упорства, не дает нам никакого покоя, так что для верного достижения этой справедливой конечной цели мы вынуждены направить свои вооруженные силы в Эстляндию, дабы укрепиться в ее морских гаванях и тем самым защитить себя от всяких вторжений».

В том же манифесте Петр утверждал:

«Мы уверены, что не только благородное рыцарство и землевладельцы, но и город Ревель надлежащим образом оценят свое освобождение от шведского ига, от коего они так долго страдали».

Итак, мы видим два мотива, объясняющие, почему Петр занимает шведские провинции: необходимость обезопасить свои владения (прежде всего Петербург) от шведского соседства и желание освободить Прибалтику от «шведского ига». Если второе объяснение – из разряда пропагандистских, то первое является типичным, распространенным во всем тогдашнем мире объяснением имперского захвата чужих территорий.

В истории с оккупацией Эстляндии и Лифляндии Петр применил обычное в мировой политике право сильного. До Ништадтского мира со Швецией, по которому Эстляндия и Лифляндия были официально закреплены за Россией, оставалось еще 11 лет, но Петр уже вел себя в Прибалтике как повелитель. Так, при сдаче Риги он потребовал, чтобы лифляндское немецкое дворянство немедленно письменно присягнуло в верности русскому царю. Это означало, что уже в 1710 году лифляндцы становились подданными царя. Подобное же было проделано и с шестью полками шведской армии, которые комплектовались из населения Восточной Прибалтики. Тотчас по занятии Риги русские солдаты стали сбивать на публичных зданиях гербы Швеции и водружать гербы России вместо них.

«Злощастный Прут»

В манифесте о включении Эстляндии в состав Российского государства упомянуто «известное упорство» Карла XII. Дело в том, что Петр ошибся в своих надеждах быстро завершить войну после Полтавы. В августе 1709 года он писал Ф. М. Апраксину, что шведы «сами станут за нами ходить», выпрашивая мир. Но так не случилось. Карл XII был действительно и упрям, и упорен. Из-под Переволочны он бежал в Турцию и вскоре поселился в Бендерах. Отсюда он тотчас послал турецкому султану Махмуду II грамоту, в которой писал: «Если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию вместе со своим коварным союзником, бросился среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на берегах Дона и Азовского моря, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи». Карл XII предлагал султану совместные действия против России. Этого как раз больше всего боялся Петр. Воевать на два фронта России было почти невозможно.

Накануне Полтавского сражения Петр I отправился в Азов и на глазах турецкого дипломата сжег часть кораблей Азовского флота (которые и так уже порядком прогнили), демонстрируя этим свое миролюбие. Кроме того, в Стамбул были посланы богатые подарки для придворных и чиновников султана. Полученные из Стамбула известия о том, что турки не будут воевать, были встречены в Москве радостным салютом. Если в 1709–1710 годы Карлу XII не удалось подтолкнуть Турцию к войне, то к началу 1711 года Петру I стало ясно, что война с турками неизбежна. Об этом говорили донесения дипломатов, а также активные военные приготовления турок. И тогда Петр I повел себя решительно, даже отчаянно смело. Ранней весной он двинул армию прямо из Прибалтики через Польшу в Валахию и Молдавию – вассальные владения Османской империи. Замысел его был прост – как можно дальше увести войну с Турцией от сильного шведского корпуса в Померании и от Украины и Польши.

Кроме того, он надеялся на помощь молдавского князя – господаря Димитрия

Кантемира, который тайно от султана (подданным которого он являлся) обещал помочь русским войскам. Надеялся Петр I и на восстание балканских славян и греков, находившихся под турецким игом. Сербь, черногорцы и греки получили грамоты русского царя с призывом поднять восстание против Стамбула.

Поход против турок оказался неудачным. Он был плохо подготовлен. Не наладили хорошей разведки, были допущены тактические ошибки, не подумали о снабжении войск. Наконец, у полтавских победителей кружилась голова от успехов, и они явно недооценили противника. Седьмого июля 1711 года турки в районе реки Прут разорвали коммуникации русской кавалерии с основной армией и окружили армию во главе с Петром I в выжженной жарким молдавским солнцем степи на берегу Прута.

Легенды и слухи

Было ли завещание Петра с Прута?

История с окружением русской армии на Пруте породила легенду о завещании Петра I. Оказавшись в окружении превосходящих сил жестокого противника, Петр I написал в Москву, в Сенат, следующее письмо:

«Уведомляю вас, что я со всею армиею без всякой вины или неосмотрительности с нашей стороны, единственно по полученным ложным известиям, окружен со всех сторон турецким войском, которое вчетверо наших сильнее, и лишен всех способов к получению провианта так, что без особенной Божией помощи ничего иного предвидеть не могу, как со всеми нашими людьми погибну, либо взят буду в плен. В последнем случае не почитайте меня царем и государем своим и не исполняйте никаких приказаний, какие тогда, может быть, от меня были бы к вам присланы, хотя бы и собственною моею рукою были написаны, пока я сам не возвращусь к вам. Если ж я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите достойнейшего из вас моим преемником».

Одни историки считают, что это письмо – фальсификация (учитывая, что подлинник его не сохранился, а содержание известно нам только в переводе с немецкого языка) и что в нем много несуразностей. Другие же историки относятся к письму серьезно, считают, что ситуация на Пруте описана точно, краткий, выразительный стиль Петра I, присущее ему мужество видны «сквозь» любые переводы. Намерение же царя передать власть не Алексею, которого он не любил, а на волю русского высшего общества не является несуразностью. Почти всех царей – его предшественников утверждали на троне выбором «всей земли». Кроме того, не забудем, что среди сенаторов был и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин – незаконнорожденный сын царя Алексея Михайловича. В письмах к нему Петр называл его «братом», а сына Ивана Алексеевича Платона «господином племянником».

Орден Святой Великомученицы Екатерины

В 1714 году Петр I учредил Орден Святой Великомученицы Екатерины – высший женский орден в России. Первым кавалером этого ордена, имевшего девизы: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом», была награждена царица Екатерина Алексеевна, проявившая мужество во время Прутского похода 1711 года, когда русские войска вместе с царем и его женой оказались в окружении и после провала переговоров многим казалось, что армия погибнет. Екатерина Алексеевна настояла на продолжении переговоров и, согласно легенде, передала для подкупа турецкого военачальника все свои бриллианты, подаренные ей царем за годы их совместной жизни.

При этом турки умело отрезали лагерь армии Петра I от воды. В это время стояла страшная июльская жара, трава – корм для лошадей – выгорела, на исходе оказались и боеприпасы. Турки же – а их было в три с лишним раза больше, чем русских, – плотно обложили русский лагерь окопами и вели по неприятельским позициям непрерывный

артиллерийский огонь. Положение Петра I и его войск становилось даже более отчаянным, чем под Нарвой осенью 1700 года. Армии грозила капитуляция, а царю смерть или плен. У Петра I оставался один выход – прорываться через турецкие редуты на стратегический простор. Но он понимал, как опасен этот путь, как велико превосходство турок в силах.

Они явно готовились к отражению возможного прорыва русских сил. Мысль о капитуляции была непереносима для Петра I. В дни «прутского сидения» он готовился скорее умереть, чем подвергнуться унижению.

Правда, к 11 июля забрезжила надежда – удалось завязать переговоры с турецким командующим визирем Балтаджи-Мохаммедом. Переговоры эти продвигались медленно, так как турки были уверены в своей победе. Но вице-канцлер П. П. Шафиров, который представлял Россию, был опытным, изворотливым дипломатом. Он сумел склонить турецкого визиря, жадного до взяток, к миру, за что, кстати, визирь вскоре поплатился жизнью.

По тому, какие распоряжения давал Шафирову Петр I из осажденного лагеря, видно, что царь был готов пойти на огромные уступки. В письме-инструкции Шафирову он разрешил отдать туркам все завоеванные во время Азовских походов города и крепости. Если же турки будут хлопотать за шведов, то Петр разрешил отдать Карлу XII все завоеванные шведские владения, кроме Ингрии. Петербургом, как и своей честью, он пожертвовать не мог и готов был отдать Карлу Псков, а «буде же того мало, то отдать и иныя провинции». В письме 11 июля, когда ожидание стало невыносимо, Петр I пошел еще дальше. Он приказал Шафирову: «Ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чево похотят, кроме шклавства», то есть кроме рабства в результате капитуляции.

Наконец Шафирову удалось заключить мир с визирем на очень тяжелых условиях. Россия обещала отдать туркам Азов, уничтожить Таганрог и другие крепости, ликвидировать Азовский флот, не вмешиваться в польские дела, разрешить Карлу XII проехать в Швецию через русские территории. Особенно тяжело было разрушить собственными руками труд 15 лет в Приазовье. Петр I плакал, когда писал губернатору Азова Ф. М. Апраксину указ об уничтожении крепостей и флота. Но иного выхода из прутской ловушки не существовало. Уже после того, как русские войска покинули проклятый прутский лагерь, Петр I 15 июля 1711 года писал в Сенат: «Итак тот смертный пир сим окончился». Про южное направление политики пришлось забыть на долгие годы.

Гангут и завоевание Финляндии

В 1711–13 годах русская армия воевала со шведами в Северной Германии, содействуя союзникам: датчанам и саксонцам.

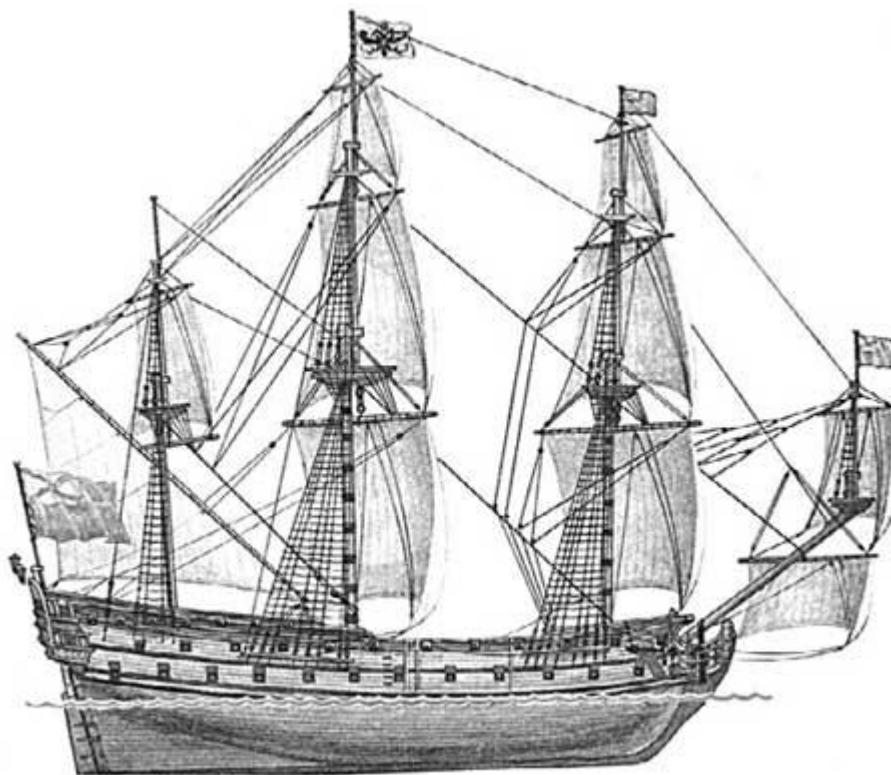
В итоге, Швеция потеряла фактически все крепости на германском побережье Балтийского моря. Но Петра особенно волновала проблема завоевания Финляндии – последней заморской провинции Швеции и ближайшего соседа Петербурга. В письме Ф. М. Апраксину царь так объяснил стратегическое и сырьевое значение Финляндии, которая нужна была России не для расширения территории, а для того, чтобы вынудить шведов быть более податливыми при заключении мира:

Итить не для разарения, но чтоб овладеть, хотя оная (Финляндия) нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших. Первое: было б что при мире уступить... Другое: что сия провинция – суть титькою Швеции (является), как сам ведаешь, не только что мяса и прочее, но и дрова оттоль. И ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мяхче гнутца станет.

Планируя завоевание Финляндии, царь разработал особую тактику прибрежной войны. Петр I понял, что движение больших масс войск по суше в Финляндии затруднено – мало дорог, много диких урочищ, скалы и болота. Тяжело было и доставлять войска по морю на кораблях: шведы обладали преимуществом в крупном корабельном флоте. Поэтому Петр I решил выгодно использовать для себя природу финского побережья, изрезанного узкими

проходами, мелкими заливами и шхерами, и широко применять в военных действиях галерный флот. Галеры – мелкосидящие гребные суда – были очень удобны для действий на мелководье. При этом они могли брать на борт большое количество солдат, лошадей, провианта и перебрасывать все это на значительные расстояния. В бою же они были верткие и быстрые. А строить их было нетрудно.

«Ингерманланд»

Двухпалубный 64-пушечный линейный корабль был построен на Петербургском Адмиралтействе в 1715 году английским мастером Р. Козенцом. Эскизы корабля принадлежат Петру Великому. Корабль стал флагманом Балтийского флота, на нем под флагом вице-адмирала Петр Великий участвовал во многих морских кампаниях Северной войны. Корабль оказался очень удачен по своей конструкции, считался образцовым судном, ибо отличался хорошими мореходными свойствами, огневой мощью и красивым внешним видом. Петр I любил его, часто плавал на нем и предписывал хранить его как реликвию. Однако в 1736 году корабль был разобран в Кронштадте.

Весной 1713 года гребной флот взял на борт 16 тыс. солдат и направился вдоль берегов Финляндии. Шведы, имея слабые сухопутные силы в Финляндии, опасались русской армии, а Петр I опасался сильного корабельного флота шведов. И он прекрасно вышел из затруднительного положения. Галеры, не уходя далеко от берега, совершали свои операции буквально под носом у шведского флота, который не мог подойти ближе к берегу и воспрепятствовать войскам Петра занять Гельсингфорс (Хельсинки), Або, Борго и другие важные города Финляндии.

Победу в Финляндии определила кампания 1714 года, которая знаменита Гангутским сражением, ставшим одной из знаменитых морских битв в русской военной истории, хотя по масштабам своим она значительно уступала последующим морским сражениям русского флота. Зато она была первая победная! Когда в конце июля русский галерный флот двинулся вдоль берега от Гельсингфорса к Або, то разведка донесла, что у мыса Гангут проход закрыт эскадрой адмирала Ватранга. Она стояла близко у берега, и сотни орудий шведских линейных кораблей и фрегатов были готовы разнести в щепки слабо вооруженные галеры.

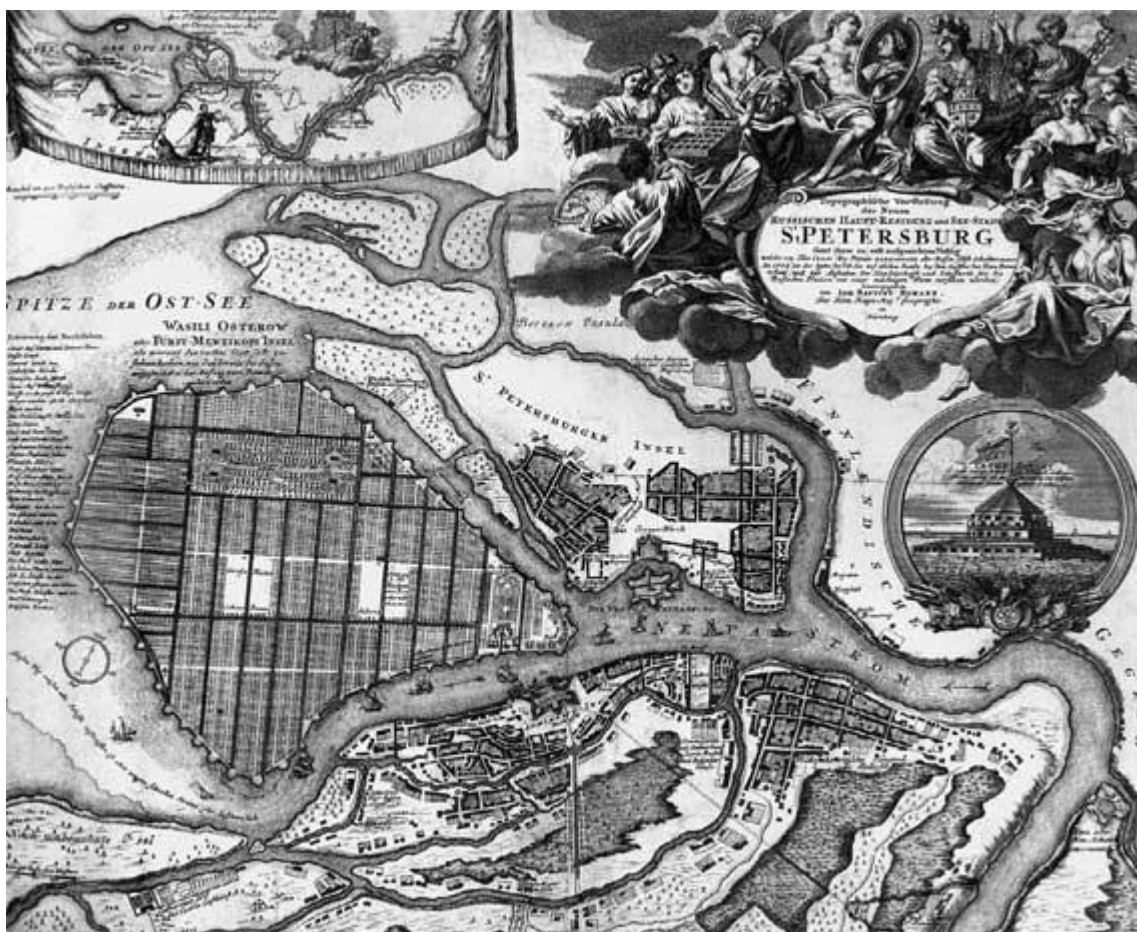
Тогда Петр I пошел на хитрость. Он изучил местность и обнаружил, что полуостров Гангут в своем основании имеет узкий перешеек. Через него можно было построить настил, перетащить галеры на другую сторону полуострова и оставить Ватранга, ждавшего русских у мыса Гангут, как говорится, с носом.

Ватранг был известен как опытный моряк. Он понял замысел Петра I и разделил эскадру на три части. Вице-адмирала Лилье он послал к тому месту, где русские будут вытаскивать корабли на настил. Контр-адмирал Эреншильд с фрегатом, тремя шхерботами и шестью галерами направился в фиорд, туда, где Петр предполагал спускать галеры с настила в воду. Сам же Ватранг с оставшимися кораблями стоял по-прежнему у мыса Гангут. И дальше началась опасная, но азартная военная операция, похожая на шахматный цугцванг, когда один из игроков победил бы, если бы ему не приходилось постоянно отвечать на острые, требующие немедленных оборонительных действий выпады противника. Петр I, увидев, что Ватранг вдвое ослабил силы у мыса Гангут, решил воспользоваться этим. Ранним утром 26 июля при полном штиле отряд русских галер обошел неподвижно стоящие шведские корабли вне досягаемости их мощных орудий подальше от берега (как говорят моряки – мористее). Следом прошел второй отряд, а когда Ватранг оттянул корабли подальше от берега, то этим воспользовался третий русский отряд, который прошел прямо под берегом.

Галеры Петра I, обойдя мыс Гангут, заперли в фиорде маленькую эскадру Эреншильда, а затем атаковали ее. С третьего раза галерам удалось пристать к шведским кораблям, и после кровопролитного абордажа корабли были взяты, а сам Эреншильд пленен. Петр I воспринял эту победу как морскую Полтаву. Это было, конечно, преувеличение, но понять царя можно – ведь за 15 лет до этого Россия не имела на Балтике ни кораблей, ни моряков, ни верфей. А тут такая победа! Успех Гангута удалось развить сразу же – в августе русские войска заняли Аландские острова. Короткий путь к Стокгольму был открыт.

Строительство европейского города

Полтавская победа оказалась решающей и в судьбе Петербурга. Строительство города пошло быстрыми темпами, и в 1712 году Петербург стал столицей государства. Вначале Петр намеревался построить новый город на острове Котлин и создал план будущей столицы, включавший в себя более 60 каналов. Но потом «котлинский проект» был отставлен, и архитекторы Доменико Трезини и Александр Леблон составили новый план застройки города, центром которого стал Васильевский остров. Одновременно перестраивались и другие кварталы города. Петр I хотел видеть свой любимый город похожим на европейские города. Особенно ему нравился Амстердам, поэтому он стремился придать городу симметрию и уют. Были разработаны типовые проекты застройки домов, чиновники строго следили за размещением домов на улицах, уделяли внимание их внешнему виду и архитектурным деталям. Создавая на новом месте столицу империи, Петр I, а потом и его преемники стремились к изысканной роскоши и богатству в архитектуре, строили многочисленные дворцы. Одним из любимых загородных дворцов Петра I был дворец в Петергофе, основанный еще в 1705 году. Царь сам придумал его план, начертал канал, шедший от моря к горе. На ней по его воле построили дворец и каскады, причем Петр I постоянно наблюдал за возведением своей загородной резиденции, вникая во все мелочи стройки. В «Журнале» Петра I встречается весьма характерная фраза: «Гулял по работам». То есть даже в свободное время он отдыхал на стройке. С таким же размахом возводились и другие дворцы и загородные резиденции – в Стрельне, в Дубках и в других местах.

План Санкт-Петербурга.

Если бы мы взглянули с высоты на молодой город «в профиль», рассмотрели его городской абрис, то Петербург можно было бы смело назвать «голландским». Это мы можем заметить, если взглянемся в задние планы гравюр А. Ф. Зубова с видами Петербурга, относящиеся к 1717 году. Там, вдали, за стоящими на переднем плане красивыми зданиями, повсюду виднеются типично голландские шпили – шпицы, на которых развеваются гюйсы и флаги, как это до сих пор можно видеть в Голландии. В Петербурге середины XVIII века было не менее 50 шпиелей! На гравюрах можно также увидеть, что большинство разводных мостов сделаны с голландскими противовесами, напоминающими склонившихся аистов и выкрашенными белилами, как это делают в Голландии до сих пор. Это и неудивительно – почти все их построил голландский мастер Герман ван Болес. Эту «голландскую картину» дополнял звон голландских курантов на церквях, на Адмиралтействе, на колокольне Петропавловского собора. Припомним также и множество типично голландских мельниц, вращавших свои крылья не только на Стрелке Васильевского острова или на Охте, где было их целое скопление, но и в самых разных местах столицы, в том числе на бастионах Петропавловской крепости.

А. Ф. Зубов. Васильевский остров. 1714 год.

Множество иностранных мастеров самых разных специальностей жили в Петербурге в то время, и не только голландцы создавали наш город. Здесь приложили свои руки французы, итальянцы, немцы, как из собственно германских государств, так и из завоеванной Россией Прибалтики. Здесь работали также армянские мастера, шведские военнопленные и, конечно, во множестве – русские архитекторы, мастера, рабочие. Но при этом не будем забывать, что все эти мастера, от великого Леблона до последнего каменщика, работая под постоянным, вездливом присмотром самого Петра I, подстраивались под его вкусы. На облике раннего Петербурга эти вкусы отразились очень четко. В основе же их лежала безмерная любовь Петра к Голландии. И то, что позже было названо «петровским барокко», на самом деле было вариантом голландского барокко, приспособленного к условиям России.

Заметки на полях

Никто не знает ту цену, которую заплатила Россия за строительство Петербурга. С давних пор встречаются общие, приблизительные данные о потерях, гибели людей от болезней, голода и непосильных работ при возведении столицы. Речь идет о десятках тысяч трупов, положенных в основание города. Сведения о потерях идут преимущественно от иностранных путешественников и дипломатов, приезжавших в Петербург много позже его основания. Они считали, что при строительстве города погибло не менее 100 тыс. человек. Конечно, в их рассказах много преувеличений, но отмахнуться от многих данных, приводимых в мемуарах, нельзя. Считать, что большая смертность на стройке – это миф, пустые слухи, было бы неверно. В 1716 году, когда в городе была уже налажена более-менее сносная жизнь, А. Д. Менишков писал кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову, что среди рабочих, занятых на строительстве Петергофа и Стрельны, «больных zelo много и умирают непрестанно, из которых нынешним летом больше тысячи померло». При этом генерал-губернатор сделал специально для Макарова приписку, что об этом царю сообщать необязательно, «понеже чаю, что и так неисpravления здешие Его царское величество не по малу утруждают». Если гибель целой тысячи людей в течение одного лета только на двух загородных стройках не кажется Менишкову достойной внимания царя, то

при каком количестве умерших государя следовало «утруждать»?

Были и другие сведения о смертности строителей уже после первого, самого неблагоустроенного десятилетия в истории Петербурга. 28 ноября 1717 года, когда до Петра I дошли слухи о многих умерших на строительстве Кронштадта, он писал начальнику стройки сенатору М. М. Самарину: «Я слышал, что при гаванной работе посоха (т. е. крестьяне. – Е. А.) так бес призрения, а особливо больные, что по улицам мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу, милостыню просят». То, что не иностранцы-мемуаристы, а информаторы царя видели валявшихся по улицам мертвецов, говорило о явном неблагополучии на стройке даже в те времена, которые считались не самыми суровыми в истории города. А, как известно, Стрельной, Петергофом и Кронштадтом строительство в окрестностях тогдашнего Петербурга не ограничивалось.

Проверить, систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях работных, практически невозможно. Неизвестна и статистика причин убыли людей на стройке. У нас есть только отрывочные, краткие данные. Так, в 1704 году генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, сообщая о высокой смертности среди работных, меланхолично писал: «И отчего такой упадок учинился, не можем рассудить». Совершенно очевидно, что потери в начальный, самый трудный период строительства города должны быть выше, чем в последующие годы. По самым общим подсчетам за первые пятнадцать лет в Петербурге на работах побывало не менее полумиллиона человек. И наиболее распространенная в литературе цифра потерь строителей – 100 тыс. (т. е. каждый пятый) не кажется невероятной. Для гибели такого числа работных были «созданы условия»: людей гнали партиями со всей страны за сотни и даже тысячи верст по трудным дорогам. В Петербурге они селились под открытым небом, в шалашах, землянках, пища была скудной, медицинское обслуживание отсутствовало. Труд же работных людей был крайне тяжел и изнурителен. В основном это были земляные работы на болотистом грунте, в холодной воде. Почти все работы велись вручную, а масштабы их были грандиозны. Ни для кого не было секретом, что чиновники, заведовавшие строительством, воровали. Для них эти работы были настоящими «серебряными копями», возможностью сколотить состояние, оправдать свою нелегкую и дорогую жизнь в новопостроенном городе. Хотя каждому работному полагалось выдавать деньги, которые были ничтожным вознаграждением за тяжелейший труд, да и, вероятно, у распорядителей работ всегда была возможность «экономить» за счет людей. Известно и о повальных болезнях, косивших работных. Будущий канцлер Г. И. Головкин в 1703 году сообщал, что у солдат и рабочих «болезнь одна: понос и цинга». Иначе говоря, это могла быть дизентерия, от которой в те чуждые гигиене времена люди мерли, как мухи. Кроме дизентерии, тифа, в XVIII веке, как и ныне, в городе с таким тяжелым климатом часто свирепствовал грипп, уносивший немало человеческих жизней. Скорее всего, именно от гриппа умер в апреле 1719 года наследник Петра I царевич Петр Петрович. Словом, дороговато обошелся России этот город.

Самым выразительным примером этой страсти может служить знаменитый деревянный Домик Петра Великого, раскрашенный под красный голландский кирпич, промышленное производство которого позже также было налажено с помощью голландских мастеров.

В 1724 году, отправляя начинающего архитектора Ивана Коробова учиться за границу, царь предписывал ему ехать в Голландию и был убежден, что «строение здешнее сходнее с голландским. Надобно тебе жить в Голландии и выучить манер голландской архитектуры, а особливо фундаменты, которые мне здесь нужны: также низко, также много воды, такие нужны тонкие стены... Сады как их размерять, украсить леском, всякими фигурами, чего нигде на свете так хорошо не делают, как в Голландии». Он же говорил: «Дай Бог мне здоровья, и Петербург будет второй Амстердам!» И, надо сказать, царь многое для этого сделал.

Позже, когда столица расширялась и перестраивалась под влиянием других

архитектурных стилей, «голландский Петербург» как бы утонул, растворился, ушел в фундаменты, скрылся за фасадами нового растреллиевского Петербурга, а потом – Петербурга эпохи классицизма. Но памятью о «голландском детстве» города могут служить золотые шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства, форма которых сохранилась со времен Петра Великого, когда их возводил и украсил Ангелом и Корабликом Герман ван Болес, а также куранты Петропавловского собора, которым дал голос голландский «курантный мастер» Оортон. Этот собор с прекрасной высокой колокольной, увенчанной, как тогда писали, «летающим ангелом», стал с 1712 года возводить в камне Доменико Трезини на месте первоначального деревянного. Петр I торопил архитектора – требовал, чтобы в первую очередь построили колокольню. Царь хотел, чтобы сначала построена была именно эта башня. Он писал: «Колокольня, которая в Городе, как возможно скорая отделать, дабы в будущем 1716-м году возможно на оной часы поставить, а церковь делать исподволь». Вероятно, царь хотел сразу же придать городу западноевропейский вид (именно шпили всегда были видны первыми при подъезде к западным городам), а также мощной, далеко видной с моря вертикалью обозначить на плоской невыразительной равнине новый город. К 1722 году покрытый золотом шпиль Петропавловского собора уже сиял над городом, сам же собор был закончен лишь в 1732 году.

Действующие лица

Архитектор Леблон

Он родился в Париже в 1679 году в семье художника и скульптора, стал одним из лучших французских архитекторов, учеником создателя Версаля А. Ленотра. Книга Леблона о том, как создавать парки, прославила его. Это сочинение переиздавали многократно во многих странах мира. Словом, Леблон был славным архитектором, и Петр I, который в 1716 году побывал во Франции, решил нанять его для строительства Петербурга. Прельстившись на большие деньги, дармовую квартиру, необычайный чин «генерал-архитекта» и думая о грандиозных возможностях, которые перед ним открывались на берегах Невы, Леблон бросил все и поехал в Россию.

В Петербурге он сразу взял все дело строительства в свои руки, работал непрерывно, напряженно и плодотворно: составил генеральный план города, учил молодых архитекторов и мастеров, создавал проекты парков и дворцов. Решительный и резкий, он забраковал все, что делали до него другие архитекторы, иначе говоря – сразу же нажил себе массу врагов. Особенно невзлюбил блестящего Леблона Карло Бартоломео Растрелли, которого поддерживал А. Д. Менишков. Леблон же, не замечая интриг, трудился не покладая рук. Неожиданно, как пишут во всех биографиях Леблона, гениальный архитектор в расцвете сил и таланта заболел и умер 27 февраля 1719 года. О причинах болезни прежде энергичного, здорового Леблона ничего не известно. Есть только темные, глухие слухи. Историки архитектуры обходят эти слухи стороной. Согласно одной из легенд, Менишков, завидовавший таланту Леблона, как-то раз оболгал его перед царем. Он сказал, что Леблон якобы приказал вырубить с таким трудом возвращенные Петром I в Петергофе деревья. Разъяренный царь, вспыльчивый и крутой, внезапно приехал в Петергоф, жестоко оскорбил Леблона и даже ударил его палкой. Леблон был так потрясен произошедшим, что в горячке слег. Спустя некоторое время Петр I разобрался, в чем дело, и страшно избил Менишкова за ложный донос. К Леблону же царь послал человека с извинениями и уверениями в своей неизменной к нему милости. Но потрясенный этими невиданными для свободного человека и дворянина оскорблениями, Леблон уже не поднялся с постели – он умер от унижения и позора. Другое дело – Менишков: вытерев кровь и сопли кружевным брюссельским галстуком, он почесал бока да и пошел по делам. Эка невидаль, барин холопа побил, ведь не убил же!

Работа по плану Леблона шла и после смерти архитектора. Все дело вел Доменико

Трезини под личным контролем самого царя. Планы Петра I по благоустройству Васильевского острова были велики. Историк XVIII века А. И. Богданов писал, что Васильевский остров царь хотел «наибогатейшим строением населить и украсить, как деревянным, так и каменным, и каналами устроить и фартецию укрепить, наподобие Амстердама, что всему тому обстоятельный план и модель зделанная имеется, по которому плану все строение на сем острове и производится». Однако осуществить планы из-за смерти Леблона, немислимой грандиозности всей этой затеи, обычного для России недостатка времени, материалов, некачественного исполнения, наконец, из-за часто менявшихся взглядов самого Петра I, который нередко приказывал разрушать то, что было уже построено, и начинать заново, не удалось. К тому же в 1725 году царь умер. А жаль! Может быть, Васильевский остров со временем действительно стал бы похож на Амстердам.

Заметки на полях

Когда же Петербург стал столицей? Мысль о том, что здесь будет столица, царь высказал уже в письме 28 сентября 1704 года, объявив о своем скором намерении «быть в столицу (Петербурх)», хотя тогда, конечно, эти слова отражали лишь мечту, а не реальность. После Полтавской победы 1709 года Петербург, действительно, уже мог стать столицей России – позиции ее в Европе и на Балтике резко усилились. Петр писал тогда своему шутовскому «повелителю» – князь-кесарю Ф. Ю. Ромодановскому: «Ныне уже без сомнения желание Вашего величества резиденцию вам иметь в Питербурхе совершилось чрез сей упадок конечной неприятеля». Тот, кто знает шутовские отношения князя-кесаря Ромодановского с его царственным «подданным», поймет, о чем желании иметь резиденцию говорится в письме.

Парадокс заключается в том, что мы не знаем точно, когда же Петербург стал столицей. Не было издано никакого особого указа об объявлении города второй столицей (Москва никогда статуса столичного города не теряла и всегда называлась «царствующим градом»), резиденцией. При отсутствии такого указа совершенно непонятно, на каких же основаниях, собственно говоря, нам следует Петербург считать столицей, резиденцией: то ли потому, что на берега Невы переехала царская семья и двор, то ли потому, что сюда перебрался дипломатический корпус или государственные учреждения? Как известно, семья царя появилась в Петербурге в 1708 году, но потом ее члены уезжали оттуда и подолгу жили в Москве. Людей, которые окружали Петра I и Екатерину, трудно назвать двором – скорее это была прислуга, сопровождавшая царя в непрерывных походах. В 1710 году в Петербурге торжественно отпраздновали свадьбу племянницы Петра Анны Иоанновны и Курляндского герцога Фридриха Вильгельма. Это как будто подчеркивало значение новой резиденции. Но когда через два года, в 1712 году, Петр I и Екатерина венчались в Петербурге, вся церемония была устроена не как традиционное пышное брачное торжество русского самодержца в новой столице, а как скромная свадьба шаутбейнахта Петра Михайлова и его боевой подруги, на которую пригласили узкий круг гостей – преимущественно моряков и кораблестроителей.

Когда Петербург стал официальной резиденцией для иностранных дипломатических представителей? Двадцать четвертого ноября 1704 года в «Посольском доме» на Петербургском острове Петр устроил прием турецкому послу. Эту дату считать началом превращения Петербурга в официальную столицу, резиденцию монарха не хватает духа. Первым же из европейских послов в 1709 году приехал на берега Невы датский посланник Ю. Юль, в 1710 году – саксонский посланник Ф. Фицрум. Но другие посланники появились в Петербурге не раньше 1718 года. Однако нужно иметь в виду, что дипломатический корпус, точнее, те несколько дипломатов, которые были аккредитованы в России, кочевали за неугодным царем по всей стране и жили в Петербурге временно, на съемных квартирах.

Нет ясности и с переездом в Петербург государственных учреждений. С основанием Петербурга многие приказы образовали на берегах Невы свои

«походные» отделения – канцелярии, которые постепенно перетянули к себе власть головных учреждений. Руководители этих приказов – ближайшие сподвижники Петра – были зачастую возле него, т. е. в Петербурге, и московские приказы (которые в 1710-е годы стали чаще называть канцеляриями) превратились в московские отделения петербургских «походных канцелярий». Происходило это переселение, «переливание» власти не вдруг, с каждым учреждением нужно разбираться отдельно. Известно точно, что высший орган государственной власти – Правительствующий Сенат – переехал в новую столицу в 1712 году. Пожалуй, именно этот год можно назвать датой превращения Петербурга в столицу. До этого пребывание Петра на берегах Невы в официальных документах именовалось «походом». Так назывался любой выезд царя из Кремля еще в допетровскую эпоху. «Поход» затянулся на многие годы, и только с 1712 года упоминание о «походе» исчезает из официальных документов. С тех пор Петербург стал второй столицей, точнее – резиденцией монарха.

Победа в войне. Ништадт. 1721

Несмотря на почти непрерывные поражения армии и флота и на потерю большей части своих владений, шведский король Карл XII упорствовал и отказывался вступать с противниками в переговоры. Он долго жил в Бендерах, серьезно поссорился с турками, которые уже не знали, как избавиться от строптивного гостя. Наконец, в декабре 1714 года, верхом, всего с несколькими спутниками, он проскакал из Молдавии через всю Европу и появился в Померании.

Когда в декабре 1715 года одна из последних опорных крепостей шведского господства в Германии – крепость Штральзунд, не выдержав осады датчан и саксонцев, пала, Карл XII из нее бежал в Швецию. Так, пятнадцать лет спустя после начала Северной войны, он появился в родной столице, но уже ничего не мог поправить. Швеция, истощенная долгой войной, была разорена, ее лучшие сыновья лежали в земле Польши, Украины, России или работали на рудниках Урала и стройках Петербурга. Деревни и города некогда процветавшей страны опустели, ее материальные ресурсы были исчерпаны, народ устал от войны и бедности.

Но король оставался упрям, суров и смел. Он продолжал воевать и теперь главную задачу видел в том, чтобы защитить Швецию от вторжения неприятелей. А противники Карла XII, воодушевленные натиском Петра I и слабостью Швеции, действовали все смелее. Нельзя сказать, что в лагере союзников Петра I царило согласие. Близость падения Шведской империи разжигала аппетиты Пруссии, Дании, Польши, России. В борьбу со шведами вступили и северогерманские княжества, которые также мечтали округлить свои владения за счет шведских колоний. При этом все они с большим недоверием следили друг за другом.

Заглянем в источник

Вот самый важный пункт мирного трактата, в котором Швеция навсегда отказывалась от Восточной Прибалтики в пользу России. Строго говоря, не будь этого пункта, не жить бы нам на берегах Невы:

«4. Его королевское величество Свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевство свейское его царскому величеству и его потомкам наследникам Российского государства в совершенное неприкословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез Его царского величества оружия от короны Свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена... с крепостями: Ригою, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям подлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами Эзель, Даго и Меном... И Его королевское величество отступает и отрицается сим наибоязательнейшим образом, как то учиниться может вечно за себя, своих

наследников и потомков и все королевство Свейское от всяких прав, запросов и притязаний, которые Его королевское величество и государство Свейское на все вышеупомянутые провинции, острова, земли и места до сего времени имели и иметь могли...».

Позже, в 1740 году, начав войну-ревани с Россией, шведы оспаривали правомерность положений Ништадтского мира и требовали возврата отнятых у них провинций. Но очередная победа русской армии над шведской в 1741 году окончательно закрыла этот столь болезненный для Стокгольма вопрос. Короче говоря, Санкт-Петербург стоит на своем месте благодаря процитированной выше статье Ништадтского мирного договора 1721 года.

Союзники Петра I не доверяли русскому царю, не без основания опасаясь его растущего имперского аппетита. Для опасений были основания. Начав с возвращения России «отчин и дедин» – Ингрии, он последовательно занял Лифляндию и Эстляндию, затем – Финляндию. С 1712 года влияние России было распространено на герцогство Курляндию, а в 1713 году в орбиту влияния России попало северогерманское герцогство Мекленбург, чей владетель Карл-Леопольд женился на племяннице Петра царевне Екатерине Ивановне. Русские интересы в этом районе поддерживали специально введенные в Мекленбург войска. С 1714 года власти другого северогерманского герцогства, Голштинии, стали искать поддержки у Петра I в своем давнем споре с Данией. Особая активность Петра I в Северной Германии беспокоила Данию и Англию. Английский король Георг I был одновременно повелителем соседнего с Мекленбургом герцогства Ганновер и поэтому волновался за целостность своих владений.

И хотя в 1716–17 годах Карлу XII удалось воспрепятствовать высадке союзников в Сконе, положение Швеции оказалось отчаянным; поэтому с мая 1718 года начались русско-шведские переговоры на Аландских островах. Они были очень трудными и вскоре внезапно прервались. Было получено известие, что в середине декабря 1718 года, при осаде датской крепости Фридрихсгал в Норвегии, был убит король Карл XII, причем обстоятельства его смерти были загадочны – возможно, он пал жертвой покушения со стороны своих приближенных. Как бы то ни было, его унаследовавшая престол сестра Ульрика-Элеонора, а с 1720 года – ее муж Фредрик I решили продолжать войну. Теперь она уже разворачивалась возле берегов Швеции и на самом ее побережье. В 1719–1721 годах русские войска не раз высаживались в Швеции и уничтожали города и деревни. Только под Умео они сожгли четыре города, 12 железоделательных заводов, 79 мыз и 509 деревень. Подобные же карательно-устрашительные акции были проведены и под самым Стокгольмом. Война впервые пришла к порогу шведской столицы. Зарево горящих деревень и потоки беженцев должны были, по мысли Петра I, убедить королевскую семью в необходимости заключить мир с Россией.

Устрашенные этими экспедициями и общим ужасающим разорением, которое навсегда отбросило Швецию в разряд второстепенных европейских держав, шведские власти пошли на переговоры с русской делегацией, которую возглавлял Яков Брюс, в финляндском городке Ништадте. Тридцатого августа 1721 года мир был подписан.

В августе 1721 года наконец исполнились самые заветные желания Петра I – закончить победой войну, получить выход к Балтийскому морю, обезопасить на долгие годы свою любимую новую столицу Санкт-Петербург и флот.

Петр – «Великий, Отец Отечества, император Всероссийский»

Во время празднования Ништадтского мира в октябре 1721 года Петр был провозглашен «Великим», «Отцом Отечества», «императором Всероссийским». С тех пор считается, что Россия стала империей. Имперский титул русского властителя был признан другими странами не сразу (Турция признала Россию империей только в 1772 году), но уже

при Петре I де-факто Россия вошла в круг ведущих стран Европы и как империя стала участвовать в разделе мира. Со времен Петра I официальный титул российского императора менялся, но все равно основу его даже к 1917 году составляли завоевания, сделанные Петром Великим и его предшественниками, с некоторыми «мелкими» добавлениями вроде Кавказа и Средней Азии:

Божиею поспешествующей милостию, Мы имярек, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Карельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовской земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северные страны Повелитель; и Государь Иверские, Карталинские и Кабардинские земли и области Армянские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский; Герцог Шлезвиг-Голштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая.

Провозглашение царя императором не просто отражало известные внешнеполитические устремления, свойственные всем империям, делившим мир на куски. Дело в том, что идеология самодержавия подверглась при Петре существенному подновлению в духе времени. Божественное происхождение царской власти было пополнено популярными тогда идеями «общественного договора», «естественного права». В идеологических документах и публицистике той поры говорится о некоей «должности», «обязанности» государя перед народом. Так, в «Правде воли монаршей» 1722 года сказано:

Царей должность есть... содержание подданных своих в беспечалии и промышлять им всякое лучшее наставление к благочестию» или «Царского сана должно... есть сохранять, защищать, во всяком беспечалии содержать, наставлять же и исправлять подданных своих.

ЦАРЬ ПЕТРЪ I ПРИНИМАЕТЪ ТИТЛО: ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ВСЕРОССИЙСКАГО Императора и великаго, 1721 года.

Царь Петр I принимает титул отца Отечества, Всероссийского императора и Великого. 1721 год.

Определение это вполне укладывалось в распространенную тогда же концепцию монарха как «Отца» подданных.

Естественно, что рассуждения об обязанностях монарха были чистой риторикой, облакались в нарочито туманную, юридически неопределенную форму, за которой, в сущности, не было никаких реальных обязательств и ответственности. Петр I, несмотря на его особую любовь к законотворчеству и регламентационную страсть, не стремился достаточно точно определить характер своей власти как власти первого императора и тем более обозначить свои обязанности. Точно так же не оговаривались и компетенции Сената в отношениях с верховной властью, а впоследствии (после смерти Петра I) и компетенции различных «Советов при особе государя». Право казнить и миловать по собственному усмотрению было и оставалось непререкаемой прерогативой государя, освященной Богом и традицией. В этом русские цари XVI–XVII и императоры XVIII веков были схожи: например, посредственная императрица Анна Иоанновна выражалась в одном из своих писем совершенно так же, как незаурядный Иван Грозный: «А кого хочу пожаловать – в том я вольна». В таком же духе высказывался и Петр Великий. В истории петровского самодержавия немало свидетельств, говорящих о безграничном самовластии одного человека. Вестернизация, поразительные нововведения в экономике, военном деле, быту, нравах, искусстве кардинально изменили Россию XVIII века. И только в двух сферах ничего не менялось: в крепостном праве и в праве самодержавия. Более того, перенесение и восприятие в России XVIII века передового по тем временам западного опыта, институтов и идей служило целям упрочения и крепостничества, и самодержавия. Представляется, что Петр, прекрасно знавший особенности государственного строя тех стран, опыт которых он высоко ценил, исходил из убеждения, что в России иной формы правления, кроме самодержавия, быть не должно. Поэтому в петровский период, ознаменовавшийся созданием нового государственного аппарата, и речи не заходило не только о каком-то представительстве сословных групп, но и о делегировании каким-то учреждениям власти самодержца.

Регалии императорской власти

Корона. *Шапка Мономаха не была единственным парадным головным убором русских царей. В Алмазном фонде до сих пор хранятся Алмазная шапка царя Ивана V Алексеевича, есть и Алмазная шапка Петра I Алексеевича. Обе были сделаны в 1682 году, когда цари стали соправителями. Первая европейская корона в России была сделана в 1724 году при подготовке коронации императрицы Екатерины Алексеевны. На дуге этой короны был укреплен рубин, вывезенный из Китая, украшенный бриллиантовым крестом. Корона Екатерины I короновался и Петр II. Для Анны Иоанновны корону переделали, в ней стало 2605 драгоценных камней, но рубин и крест сохранили. Корона вновь была изменена в 1742 году, когда короновалась Елизавета Петровна. Для своей коронации в 1762 году Екатерина II заказала новую корону, а старая, по-видимому, была разобрана. Корона матери (после частичных переделок) венчался на царство Павел I. С этой короной прошли церемонию коронации все потомки Павла I, включая Николая II. Она благополучно дошла до наших дней и хранится в Алмазном фонде. Корону сделал ювелир Позье, в ней 58 больших и 3878 малых бриллиантов, 75 больших жемчужин и большой рубин.*

Скипетр. *В допетровской Руси его заменял посох – символ «пастыря человек». Именно со своим страшным посохом людям запомнился Иван Грозный. Сохранилось несколько скипетров. Самым знаменитым считается скипетр Павла I в виде золотого, усыпанного драгоценными камнями жезла. На его верхушке закреплен бриллиант «Орлов». Скипетр держали в правой руке.*

Держава – польый золотой шар, украшенный крестом, был символом владычества над миром. В России появился из Польши, в 1606 году с державой в левой руке короновался Лжедмитрий I. С эпохи Павла русские императоры держали в руке державу, украшенную яхонтами и бриллиантами.

Были и другие символы царской и имперской власти: **Бармы** – оплечья с драгоценной вышивкой, которые при Петре заменили европейской мантией, подбитой горностаями, **Порфира**, **трон**, **Государственный щит**, **Государственный меч**, **Государственное Знамя**, **Большая**, **средняя** и **малая Государственные печати**.

Меч, **Знамя** и **Печать** впервые появились при коронации Елизаветы Петровны. К символам также относятся: **Государственный орел** и **Большой**, **Средний** и **Малый Государственные Гербы**.

Активность новой империи

Одержанные в войне со шведами победы, присоединение обширных территорий в Восточной Прибалтике, в том числе тех, которые никогда не принадлежали России, сделали ее участником сложной внешнеполитической игры на Севере Европы с участием Англии, Голландии, Пруссии, Швеции и Дании. К концу петровского царствования Россия преобладала на Балтийском море. Заключенный в 1724 году союз со Швецией укрепил доминирующее положение России. На последнем этапе Северной войны она стала активно внедряться в Северную Германию, ввела войска в Мекленбург, продолжала долгую и успешную политическую игру с голштинским герцогом Карлом-Фридрихом (он позже станет мужем старшей дочери Петра, Анны).

Заглянем в источник

«Правда воли монаршей» – так назывался этот, пожалуй, самый важный для русской имперской государственности документ. Он был написан в 1721 году идеологом петровского самодержавия архиепископом Феофаном Прокоповичем, который стремился обосновать режим самодержавия различными аргументами: ссылками на примеры из мировой истории, на Священное Писание, нормы естественного права. В *«Правде»* дано и определение самодержавия как власти ничем и никем не ограниченной:

«...высочайшая власть (величество нарицаемая) есть которой деяния ничьей власти на подлежат». И дальше следует обоснование неограниченности самодержавия: если это «верховная, высочайшая и крайняя власть, то како может законам человеческим подлежати? аще бы (если бы. – Е. А.) подлежала, не была бы верховная. А когда и сами государи творят то, что гражданские уставы повелевают, творят по воле, а не по нужде, се же или образом своим поощряя подданных к доброхотному законнохранению или и утверждая законы, яко добрые и полезные...». Как мы видим, даже если государь исполняет закон, то совсем не по обязанности, а по своему желанию. Подданные государя должны вести себя иначе:

«Должен народ без прекословия и роптания вся от самодержца повелеваемое творити».

Вместе с *«Уставом о престолонаследии»* 1722 года, предоставлявшим государю право назначать своим наследником любого из своих подданных и, при необходимости, менять свою волю, *«Правда воли монаршей»* стала краеугольным камнем самодержавной формы правления. Обосновывая полное право императора назначать своего наследника, Феофан утверждает, что царь обладает абсолютным правом как отец своих подданных, и это право выше всех других отношений, в том числе родственных. Если, пишет Феофан, у государя был бы среди подданных отец по рождению, то он, государь, «будет уже отцу своему отец по высочайшей власти своей»...

Самостоятельная активность России на Балтике беспокоила государственных деятелей Англии, Пруссии и других европейских стран. Впрочем, Петр действовал в Европе осторожно, с оглядкой, не так, как на Востоке. Он мечтал о сказочных богатствах Индии, проявляя при этом не свойственный ему авантюризм и шапкозакидательство. В 1722 году он начал войну с Персией, видя в завоевании этой страны прелюдию к войне за Индию. Персидский поход 1722–1723 годов оказался трудным из-за тяжелого климата и плохой подготовки войск. Однако в результате военных действий Россия захватила восточное и южное побережья Каспийского моря и по заключенному в Петербурге в 1723 году мирному договору с Персией присоединила эти территории. В 1724 году была начата подготовка русской эскадры во главе с перешедшим на русскую службу шведским адмиралом Вильстером для завоевания Мадагаскара с целью использования его как перевалочной базы для морского похода в Индию. Только смерть прервала обширные и вряд ли реальные имперские планы Петра I.

Легенды и слухи

О внешнеполитическом завещании Петра потомкам

Активная, подчас агрессивная политика Петра Великого и его преемников вызывала недовольство других имперских правительств – Англии, Франции, Австрии, а потом и Германии, постоянно боровшихся за сферы влияния и колонии на всех континентах. Одним из показателей отношения к России стало так называемое «Завещание Петра Великого», получившее широкую огласку и повсеместное хождение с начала XIX века и до недавних пор. Оно всякий раз использовалось для доказательства особой агрессивности России. Науке неизвестны подлинники «Завещания», и историки относят его появление ко времени похода Наполеона на Россию в 1812 году. Другие считают, что «завещание» придумано французским авантюристом и трансвеститом середины XVIII века д'Эоном, который якобы «нашел» его в Петергофе во времена Елизаветы Петровны. Между тем, подобный документ не упоминается ни в бумагах Петра Великого, ни в документах его преемников. Перед нами несомненная фальшивка. Ее автор весьма талантливо мешает правду с ложью, ловко передергивая факты и нарочито глубокомысленно «предсказывая» будущее, которое, на самом деле, для него являлось прошлым. Но при этом выясняется, что автор не знает историю и поэтому допускает нелепости, «заставляя» Петра сочинять заведомые глупости и несуразности. И все же, какой бы грубой не была эта фальшивка, ее долгая жизнь объясняется тем, что Российская империя своей завоевательной, захватнической политикой в Европе и Азии в течение 200 лет невольно подтверждала многие «заключения» автора «Завещания Петра Великого».

Коллежская реформа. Идеи камерализма

Двадцать второго октября 1721 года на торжестве в Троицком соборе в Петербурге в ответ на поздравления своих подданных по поводу заключения мира со Швецией царь, ставший в тот день императором, произнес речь. В ней он «в кратких, но зело сильных словах» сказал присутствующим в соборе сенаторам, генералам, духовенству, что желанный мир достигнут только благодаря победе в войне. Победа же стала возможна благодаря реформам в военном деле. Теперь, когда воцарился мир, нужно много стараться, чтобы добиться успехов и в гражданской сфере.

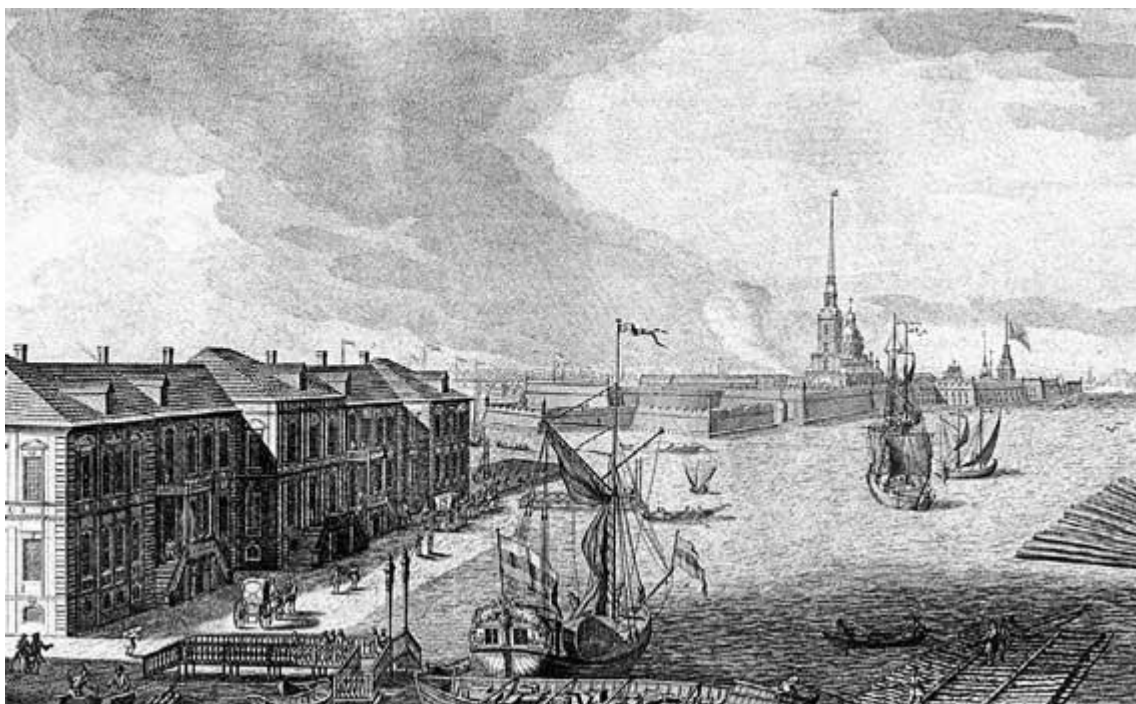
В реальности же преобразования в системе управления начались давно, в разгар Северной войны. Тогда был образован Сенат, проведена Первая губернская реформа. Теперь, после Северной войны, наступил следующий этап государственной реформы. Вся система управления должна была измениться на тех же принципах регулярности, на которых была преобразована армия. В этом был смысл праздничной речи императора.

Еще задолго до окончания войны Петр I дал задание дипломатам и разведчикам собрать сведения о государственном устройстве других стран, и прежде всего Швеции. Делалось это неслучайно. Царь хотел знать, как устроены государства, добившиеся выдающихся достижений в военном деле. Шведская система управления была построена на новейших в то время принципах камерализма – науки об управлении. Камерализм предполагал устраивать государственное управление по функциональному принципу, то есть каждое учреждение должно было ведать своей особой сферой управления. Центральным звеном были финансовые учреждения, которые четко делились на органы, занятые сбором средств, органы, сосредоточивавшие эти средства и выдающие их на расходы, и, наконец, органы, которые вели независимый финансовый учет и контроль финансов. Во всех учреждениях действовали единые принципы формуляра различного рода документов, утвержденные правила «движения бумаг», их учета и оборота в недрах канцелярии.

Заглянем в источник

В 1717 году Петр I получил из Швеции сведения об устройстве центральных органов власти. Эти сведения были доставлены посланным им шпионом, немцем Генрихом Фиком, который явился в Стокгольм под видом человека, который хочет поступить на работу в одну из шведских коллегий и поэтому якобы хочет ознакомиться с их устройством. Когда сведения были собраны, Фик кружным путем переправил их в Россию, причем наиболее важные документы были подшиты в юбке его жены. Оба супруга сильно рисковали – сведения о государственном устройстве являлись государственной тайной. В случае разоблачения Фика неминуемо ждала бы смертная казнь, как вражеского агента. Но все обошлось благополучно. Доставленные в Россию бумаги были переведены. Петр I сразу же взялся за дело. Точнее, он приказал раздать переводы шведских регламентов заранее назначенным президентам коллегий с тем, чтобы они подбирали штаты для своих учреждений и организовывали их работу с учетом главного обстоятельства – различия шведских и русских законов и принципов управления. В указе 1718 года президентам коллегий говорилось:

«Всем коллегиям надлежит ныне на основании шведского устава сочинять во всех делах и порядках по пунктам, а которые пункты в шведском регламенте неудобны или с ситуациею сего государства несходны и оные ставить по своему разсуждению. И поставя об оных, докладывать (мне), так ли их быть».

Вид здания Двенадцати коллегий со стороны Невы.

Кроме того, в основе работы такого учреждения лежал принцип коллегиального обсуждения дел, четкой регламентации обязанностей и специализации труда каждого чиновника. Каждое учреждение должно было иметь документы, по которым оно работало – регламент и штат-список должностей с числом чиновников. Труд чиновников оплачивался денежным жалованием в строго установленном размере – окладе.

Введение в России этих принципов «регулярности» могло, по мысли Петра I, изменить крайне запутанную, неэффективную систему управления. Беря за основу шведские учреждения и сохраняя суть камерализма, Петр I внес в шведские образцы существенные изменения.

Итак, государственная реформа началась в 1717 году, когда Петр I составил программу введения новых центральных учреждений – коллегий. В ней царь определил число, обязанности коллегий, назначил президентов. Поначалу было решено создать девять коллегий, потом их стало одиннадцать, потом десять.

При Петре I и после него количество коллегий не оставалось постоянным, но суть камеральной системы в коллегиях в целом сохранялась неизменной. Коллегии делились на несколько групп. В первую, ведавшую обороной и внешней политикой, входили Военная, Адмиралтейская коллегии и Коллегия иностранных дел. В особую группу выделялись финансовые коллегии – сердцевина камеральной системы. Одна – Камер-коллегия – собирала деньги со всей страны, вторая – Штатс-контор-коллегия – их хранила и выдавала на расходы, третья – Ревизион-коллегия – контролировала поступление и расходование государственных средств. В этом-то и состояла суть реформы. Ведь раньше приказы и канцелярии сами назначали, собирали налоги, сами же их и расходовали без всякого контроля. Теперь в систему финансов вводился единый порядок, напоминающий современный, когда есть Министерство финансов, Государственный банк и ревизионные финансовые учреждения.

Функциональный принцип лежал и в основе реформы судебной системы. Если раньше каждый приказ был не только органом управления, но и судебной инстанцией, а его начальник даже назывался судьей, то теперь появилась единая судебная инстанция – Юстиц-коллегия, которая ведала всеми судебными делами. Также от разных учреждений были отняты функции по управлению торговлей и промышленностью. Образовались Коммерц-коллегия (управлявшая торговлей) и Берг-мануфактур-коллегия. Вскоре последняя коллегия разделилась на Берг-коллегию, ведавшую горной и металлургической промышленностью, и Мануфактур-коллегию, занимавшуюся делами легкой промышленности. В 1720 году был создан Главный магистрат, который руководил городами и который также считался коллегией.

Обновленный Сенат

Реформе Сената Петр I уделял огромное внимание. Только «Должность Сената» – инструкцию, определявшую полномочия, структуру и делопроизводство учреждения, он переписывал шесть раз! Смысл идеи Петра I был предельно прост и вытекал из идеализации им коллегиального начала в управлении. Он намеревался создать своеобразную суперколлегию – коллегию коллегий. Сенаторами должны были стать президенты коллегий, которые сами бы составили в сенатском присутствии коллегию. По его мысли, такое устройство Сената гарантировало государство от всевозможных злоупотреблений, позволило заменять его, самодержца, у руля власти на время отсутствия. Высокое положение Сената не снимало с него ответственности, он был полностью подконтролен и подотчетен государю. Петр I отменил старую практику подчинения губерний Сенату. Теперь, после коллежской реформы, губернаторы должны были подчиняться коллегиям, то есть с децентрализацией военных времен было покончено. Новая схема государственного устройства выглядела

таким образом: Сенат – коллегии – губернии – уезды. Сенат был высшим правительственным органом, облеченным доверием государя и одновременно сохранявшим за собой функцию высшего апелляционного судебного органа.

Заметки на полях

Гуляя вдоль здания Двенадцати коллегий, любознательный турист начинает считать, сколько же было коллегий? При создании коллегий число их менялось не раз. Они сливались, разъединялись, переводились в канцелярии (т. е. понижались в статусе), создавались новые. Но их разом никогда не было двенадцать, хотя знаменитое сооружение архитектора Доменико Трезини в Петербурге и называется «зданием Двенадцати коллегий». Дело в том, что первоначально, при планировании здания, кроме девяти утвержденных царем коллегий в нем предполагалось разместить еще Правительствующий Сенат, Священный Синод, а также должна была существовать общая Аудиенц-камера для приемов и торжественных действий. Таким образом, здание состояло из двенадцати частей, что и определило его название, известное всем.

План Петра I создать высший доверенный орган власти коллежского типа, состоящий из президентов коллегий, не удался. Довольно скоро оказалось, что президенты не были в состоянии заниматься и делами своих коллегий, и делами Сената. Поэтому в 1722 году царь был вынужден отказаться от своей идеи, хотя сам принцип коллегиальности при обсуждении дел в Сенате он сохранил. В существовании Сената Петр I видел тот смысл, что он должен был получать из местного и центрального аппарата дела спорные, требующие высшего арбитража, согласования между ведомствами и – это самое главное – дела, не имевшие для своего решения точной юридической нормы. И только если Сенат не мог решить дело, оно поступало на стол государя, высшего законодателя, главного судьи, верховного правителя. Так должны были сепарироваться государственные дела.

При этом Петр I не был настолько наивен, чтобы полагать, что вся государственная система продержится только на иерархичности структуры и принципе коллегиальности. Опыт научил царя не доверять своим чиновникам. Поэтому в систему коллегий и Сената он закладывал контрольную, независимую службу – генерал-прокуратуру. Залог ее успешной работы Петр I видел в строгой регламентации ее деятельности и в независимости от Сената. Генерал-прокурор являлся вершиной пирамиды прокуратуры: у него был заместитель – обер-прокурор, а также подчиненные ему прокуроры во всех коллегиях и судебных органах. Все компрометирующие государственных чиновников материалы через систему прокуратуры должны были, не останавливаясь на промежуточных звеньях, подниматься вверх. Генерал-прокурору также подчинялись официальные тайные доносчики – фискалы, сидевшие на всех уровнях управления, благодаря чему генерал-прокурор был в курсе тайных махинаций чиновников. Генерал-прокурор мог опротестовать и приостановить решение любого правительственного органа, включая и Сенат. Он же имел право непосредственного доклада Петру, что резко повышало значение самого института надзора.

Систему контроля за судопроизводством Петр придумал в 1722 году. Тогда он утвердил при Сенате должность генерал-рекетмейстера, который собирал как жалобы подданных на волокиту в разборе их дел, так и жалобы «в неправом решении», то есть в нарушении законов в Юстиц-коллегии. Жалобы на низшие суды не принимались: челобитчик должен был дойти до Юстиц-коллегии через все необходимые инстанции снизу вверх. Генерал-рекетмейстер также имел право доклада царю. Само собой разумеется, что созданные институты прокуратуры и рекетмейстера имели свои конторы и делопроизводство.

Павел Иванович Ягужинский.

Наконец, еще одним «уровнем» защиты государственных учреждений от должностных преступлений, наряду с прокуратурой и рекетмейстерством, стал институт фискальства, то есть состоящих на службе государства доносчиков. Он существовал с 1711 года, но лишь в 1723 году Петр перестроил весь институт государственных доносчиков, установив иерархию фискалитета: провинциал-фискалы, фискалы центральных учреждений и судов, обер-фискал и, наконец, генерал-фискал со своей Фискальской конторой и прямым подчинением генерал-прокурору.

Действующие лица

Генерал-прокурор Павел Ягужинский

Он родился в Польше в 1683 году в семье органиста, переехавшего в Москву и служившего в кирхе Немецкой слободы. Был взят в денщики Петром и со временем превратился в капитана гвардии, исполнителя многих поручений Петра I. Для этого у Ягужинского были все данные: аналитический ум, знание нескольких языков, красивая внешность, легкость в общении с людьми, умение в них разбираться, недюжинные организаторские способности. При этом Ягужинский – человек веселый, симпатичный, обаятельный – был своим в семье царя; не раз ему доверяли личные дела царя и Екатерины. А еще он всегда был истинной душой компании: галантный кавалер, остроумный рассказчик, неутомимый танцор, обаятельный собутыльник. Неслучайно в 1718 году Петр I сделал его маршалом учрежденных ассамблей. В 1718 году начинается и серьезная государственная карьера Ягужинского. Царь поручил ему следить за ходом начатой тогда государственной реформы. Наконец, в 1722 году Петр I назначил Ягужинского на невиданную ранее должность генерал-прокурора, главного контролера империи. За всю свою карьеру он ни разу не подвел государя, неизменно пользуясь царским доверием и став одним из влиятельнейших сановников Петра I. Сила его заключалась не в близости к царю (были люди, стоявшие к государю и поближе), а в том, что Ягужинский был честным и неподкупным человеком. Поэтому он казался опасной белой вороной в толпе высокопоставленных воров и воришек у трона. Недостатки Ягужинского были естественным продолжением

несомненных достоинств Павла Ивановича. Он был человеком прямым, вспыльчивым и неуживчивым. часто (а к концу жизни – почти всегда) он, нетрезвый, громогласный и решительный, не выбирал выражений и никого не щадил. Это как раз нравилось Петру I, но страшно злило других «птенцов гнезда Петрова», которые могли похвастаться многим, но только не честностью и неподкупностью. Неудивительно, что как только Петр Великий умер, Меншиков и другие сановники, оказавшиеся у власти при Екатерине I, постарались задвинуть Ягужинского подальше, отправив его послом в Берлин.

В последние годы жизни Ягужинского штоф с водкой стал главным утешителем и товарищем бывшего генерал-прокурора, а характер его испортился окончательно. Он стал вздорен и неуживчив, часто скандалил при дворе, ввязываясь во все конфликты. И когда весной 1736 года Ягужинский умер, многие вздохнули с облегчением – уже никто публично не мог обозвать их ворами и ничтожествами.

Губернии, провинции, уезды

Завершением всей реформы исполнительно-судебной власти стало создание новой системы местных учреждений, введенных в ходе Второй областной реформы Петра I. Основой реформы стал проект Г. Фика, воспроизводивший устройство шведской областной администрации. Петр I, в свойственной ему манере, распорядился шведскую систему «спускать с русским обычаем, что может быть по старому и что переменить». Шведская система местного управления была трехчленной: приход (кирхшпилль) – дистрикт (херад) – земля (ланд). Петр взял только два последних звена шведской системы: дистрикт и землю (или, как ее называли в России, «провинцию»), причем провинция стала основной местной единицей. Все губернии были поделены сначала на 45, а потом на 50 провинций, во главе которых стояли провинциальные воеводы. Фактически это означало крушение губернской системы: власть губернатора отныне распространялась только на провинцию губернского города. Губернатор также ведал военными и судебно-апелляционными делами на территории губернии. Причина перемены очевидна: с введением мощной системы коллегий потребность в сильных региональных центрах исчезла. Местная система последовательно состыковывалась с центральным аппаратом. Сердцевину ее составляли финансовые органы: камерирская контора, ведавшая сборами налогов и пошлин, а также рентрея, в которой хранились деньги. Осуществление податной реформы 1718–1728 годов привело к тому, что дистрикты стали районами размещения армейских полков. Командир же полка получил огромную власть в самом нижнем звене управления, полностью подчинив себе земского комиссара из местных дворян, ответственного за сборы подушной подати с населения дистрикта.

После завершения реформы местного управления процесс бюрократизации пошел вширь и вглубь по стране. На месте примитивных уездов появилась целая «гроздь» учреждений: губерния, провинция, уезд, дистрикт. Произошла значительная дифференциация, специализация управления при соответствующем росте числа чиновников и служащих разного уровня. Петр последовательно проводил принципы камерализма и однообразия в местном управлении. Это достигалось единством внутреннего устройства, четкой соподчиненностью, идентичностью компетенций органов и должностей одного уровня на территории всей страны, подлинно военной регулярностью.

Бюрократическое государство

Известно, что Петр Великий придавал особое значение реформе государства. В нем он видел единственный и мощный рычаг, который позволит вытащить Россию из ненавистной ему «старины». В итоге в 1717–1725 годы Петр, привлекая западный, прежде всего

шведский, опыт, провел грандиозную по масштабам перестройку. В результате он фактически создал новый государственный аппарат, отличавшийся от старого значительной целостностью, согласованностью отдельных элементов на всех уровнях. В систематизации, введении принципов камерализма и военной дисциплины заключались сильные черты преобразования государственной структуры. Однако выявившиеся довольно скоро недостатки резко понизили эффективность работы нового аппарата, а в ряде случаев привели к отмене важнейших элементов нового шведско-русского административного гибрида сразу же после смерти Петра Великого.

Следствием реформы было и создание аппарата, состоящего из многочисленных учреждений, наполненных несметным по тем временам количеством чиновников. Только в центральном аппарате после реформы их стало в два раза больше, чем в старом приказном аппарате! Резко возросло число канцелярских бумаг. Сохранившиеся данные о их движении в сравнительно небольшой Коммерц-коллегии показывают, что за один 1723 год коллегия получила из других учреждений 2725 документов, а сама отправила 1702 исходящих бумаги. Всего через коллегию, в которой работало 32 человека, прошло почти 4500 документов. Если считать, что есть прямая связь между числом служащих и количеством бумаг, то окажется, что весь коллежский аппарат за год пропускал через бумажный конвейер не менее 200 тыс. бумаг.

Бюрократизация управления – естественный процесс в истории всех цивилизованных государств, функционирующих на основе законов, приводимых в действие государственными служащими. И Петр, осуществляя свои реформы, шел обычным для Запада путем. Но в условиях России многим современникам петровских реформ казалось, что с введением коллегий и провинций, прокуроров и земских комиссаров начал действовать некий «вечный двигатель» бюрократии. Его сутью было не решение дел, а непрерывное движение бумаг. А изощренная бюрократичность и бездушие новорожденного монстра превосходили все, что раньше люди называли приказной «московской волокитой». Вся последующая история российской государственной власти показала: расчет Петра I на то, что недостатки старого аппарата будут сняты внедрением принципов камерализма, коллегиальности и военной дисциплины, оказались несостоятельны. Новая административная система не только восприняла все пороки старой, но и умножила их за счет бюрократизации.

Бюрократизм, неповоротливость государственной машины в решении дел серьезно беспокоили Петра уже в начальной стадии работы нового аппарата. Чтобы добиться необходимой эффективности, царь прибегал к привычным ему репрессивным и даже показательным жестоким мерам. Так, в 1721 году был устроен суд над сибирским губернатором, князем Матвеем Гагариным, уличенным в воровстве, а также в 1723 году над сенатором П. П. Шафировым и обер-прокурором Г. Г. Скорняковым-Писаревым, которые обвинялись в нарушении сенатской «Должности». Гагарин был казнен перед зданием коллегий и, как живой укор взяточникам, сидевшим в своих конторах, висел на цепях несколько месяцев. Шафиров и Писарев, лишенные чинов, были сосланы в ссылку. Кроме того, Петр I создал специальный Вышний суд, обязанный заниматься расследованием различных должностных преступлений, в которых были уличены многие сановники, в том числе первый из них – А. Д. Меншиков.

Заметки на полях

Кроме вышеописанных были и более серьезные причины сбоев в работе нового аппарата. Работая с иностранными источниками, царь стремился приспособить иностранные институты к русской действительности, «спустить», по его терминологии, «с русским обычаем». А что же имелось в виду? Этот «обычай» складывался из нескольких компонентов. Во-первых, это самодержавие как неограниченная, не контролируемая никем верховная власть. Во-вторых, это отсутствие какого-либо, пусть даже формального сословно-представительного органа. В-третьих, это отсутствие самоуправления

в городах и в сельской местности. Наконец, в-четвертых, это крепостное состояние почти половины населения страны. В соответствии с этими условиями и «спускали» шведскую систему управления. Но дело в том, что в Швеции того времени абсолютизм не имел таких прочных корней, как самодержавие в России, и просуществовал недолго – чуть больше ста лет (1611–1718). Власть абсолютистских королей никогда не становилась подобной власти московского царя-самодержца. Создание коллегиального управления на основе камерализма относится в Швеции к началу XVII века, когда сложилась система «херредагов» – периодических собраний глав дворянских фамилий, духовенства, выборных от горожан и крестьян как на местном, так и на общешведском уровне для решения общих вопросов.

Шведские коллегии появились как один из элементов разветвленного государственного устройства, в котором ключевую роль играл риксдаг – четырехсословный парламент, а также государственный совет – риксрод, ставший высшим коллегиальным органом управления и суда. Он состоял из знатнейшего дворянства и чиновников и замещал короля на время отсутствия его в стране. Коллегии были как бы приводными ремнями всей системы власти, основанной на сословно-представительном начале. На самом низшем уровне власть находилась в руках выборных магистратов городов и в кирхшпиле – приходе, управляемом кирхшпильфогтом, который работал вместе с пастором и выборными от крестьян. Королевская власть, несмотря на ее обширность, регулировалась специальным документом – «Формой правления» 1634 года, которую ни один король не мог нарушить, как и ликвидировать херредаги, риксдаг или риксрод. Одним словом, шведские коллегии действовали в единой, достаточно целостной и сбалансированной, утвержденной традициями и регламентами системе власти. Однако Петра I кроме коллегий совершенно не интересовали никакие другие части механизма власти Швеции. Когда 3 ноября 1718 года обсуждался вопрос о воспроизведении в России шведской системы местного управления, Сенат вынес решение, одобренное Петром: «Кирхшпильфогту и ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывають по указом из городов, а не от церквей, к тому ж и в уездех ис крестьянства умных людей нет».

Итак, естественно, что в «стране дураков» самым умным оказывается назначенный сверху чиновник. Росток бюрократического дерева, контролируемого в своем развитии на шведской почве выборными органами, был высажен на русскую почву, не имеющую, или, точнее сказать, давным-давно утратившую всякие черты самоуправления и элементы сословного представительства. Поэтому это дерево получило в России бурное, неконтролируемое развитие. В итоге Россией с петровских времен правила бюрократия, исходившая в своих действиях в первую очередь из собственных интересов.

К концу царствования Петра обстановка настолько накалилась, что Петр I, по некоторым данным, готовил серьезную чистку аппарата, коррумпированность которого достигла устрашающих размеров. Причины неэффективности работы новой системы управления были многосложны. России явно не хватало квалифицированных, опытных кадров, чтобы воплотить в жизнь камералистские институты. Система финансирования находилась в зачаточном состоянии и, не получая годами и без того скромного жалованья, чиновники «кормились от дел», а попросту воровали. Коллежское управление было делом новым, правильно распределить компетенции между коллегиями сразу не удалось, пришлось их реорганизовывать по ходу работы, что приводило к неразберихе и волоките. В законодательстве о работе аппарата было много прорех, и все титанические усилия Петра по созданию регламентов и инструкций кардинально дела не меняли. Но все же главным недостатком в работе коллегий, да и других новых учреждений, было то, что принцип коллегиальности, так любимый и лелеемый Петром I, в русских условиях оказался нежизнеспособен. Никакого равенства членов коллегий при обсуждении дел не было и в помине. Отдельные демократические процедуры или даже целые институты, вводимые в

систему власти, построенной на недемократических принципах, с неизбежностью превращались в фикцию. Процедура тайного голосования, обставленная со всеми предосторожностями, не была главной в процессе принятия решений, ибо дело решалось в кулуарах еще до того, как чиновники шли голосовать.

«Поправление духовного чина»

Многие современники сомневались в православии и вообще вере русского царя. Нет сомнений, что Петр Великий был религиозен, верил в Бога, но он смотрел на мир с позиций рационализма. Сохранилась история о том, как однажды Петр смотрел в телескоп и был потрясен видом звездного неба. Оторвавшись от окуляра, он задумчиво произнес: «Бесконечен звездный мир, что свидетельствует о бесконечности Бога и его непознаваемости людьми. Светские науки далеко еще отстают от познания Творца и его творения». То же можно сказать и теперь, в эпоху космических полетов.

Как бы то ни было, но с церковью царь поступал подчас весьма круто. Тому были две главные причины. Во-первых, среди политических противников Петра было немало церковников, не хотевших, чтобы Петр из рода Нарышкиных сидел на троне, и поэтому встречавших все его реформы в штыки. Церковники были частью той «старины», которую ненавидел Петр. Отношение к ним видно из указа Петра 1698 года: певчим запрещалось появляться в Новодевичьем монастыре, где сидела соперница и сестра Петра царевна Софья. Кажется, что гневом дышит этот указ: «Певчих в монастырь не пускать, поют и тамошние старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют “Спаси от бед”, а на паперти деньги на убийство дают».

Заметки на полях

Петр – единственный из русских царей, кто так резко выражался о монашестве: «Нынешнее житье монахов только вид есть и поношение от иных законов, немало и зла происходит, понеже большая часть – тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность, то сколько расколов и возмутителей произошло, всем ведомо есть... что же прибыль общества от сего – воистину токмо старая пословица: ни Богу ни людям, понеже большая часть бегут в монастыри от податей, а также от лености, дабы даром хлеб есть». что же стояло за этим? Его ненависть к «старине»? Модные протестантские идеи общей пользы и всеобщей службы и труда? Конечно, среди монахов было немало бездельников, но было же немало праведников и святых людей.

В этом-то и суть дела. Петр не принимал саму идею монашества. Ему была невыносима мысль, что в его государстве есть люди, независимые от него – светского правителя, люди, живущие с другими ценностями и идеалами. И он начал тотальное наступление на монашество. Монахам запрещалось писать запершись. Это понятно – из среды образованных монахов вышли все памфлеты против петровских начинаний. Затем был категорически запрещен прием в монахи нестарых мужчин, а потом вообще кого бы то ни было. Вместо новых послушников монастыри были обязаны брать отставных, покалеченных воинов. Проживи Петр еще несколько лет, он бы полностью уничтожил монашество в России.

В царствование Петра были проведены кардинальные, невиданные изменения в церковном устройстве. Патриаршество было отменено, учреждена Духовная коллегия, за работой которой наблюдал гвардейский офицер. Наступление на церковь началось по всем направлениям. Был создан Духовный регламент, регулировавший все действия церкви. Подданные были обязаны ходить в церковь, где их учитывали в специальных книгах. Они должны были исповедоваться у священника, а он, в свою очередь, был обязан, под страхом наказания, доносить на своих духовных детей, если в исповеди был состав государственного преступления. О святости тайны исповеди даже речи не шло! Священники клялись на

Евангелии, что обещаются «о ущербе его величества интереса, вреде и убытку, как скоро о том уведаю, не только заблаговременно объявлю, но и всяки мерами отвращу...». Государство начало решительно превращать церковь в одну из своих контор. Этой конторе поручалось окормление подданных в указанном светской властью духе. Весьма выразителен анекдот, записанный токарем Петра Нартовым: «Государь, присутствуя в собрании с архиереями, приметив в некоторых из них усиленное желание к избранию патриарха, вынув одной рукою из кармана Духовный регламент и отдав им, грозно сказал: “Вы просите патриарха – вот вам духовный патриарх, а противо мыслящим сему (выдернув из ножен кортик и воткнув в стол) – вот вам булатный патриарх! Так и живите!”»

Действующие лица

Архиепископ Феодосий Яновский

Личность Феодосия, одного из сподвижников Петра, не представляет собой загадки. Выходец из Польши, воспитанник знаменитой Киево-Могилянской академии, он слыл чужаком в среде московского духовенства. Так было со многими учеными украинцами и поляками, без церковных знаний которых в России все-таки обойтись не могли. Но Феодосий прославился не ученостью, а тем, что в старину называли «пронырством» – подлым приспособленчеством, умением держать по ветру нос, извечной готовностью к предательству. Он выскочил наверх, затоптав своего благодетеля митрополита Новгородского Иова, в епархию которого входила Ижорская земля. Основав Александро-Невский монастырь, Феодосий фактически отделился от Новгородской епархии, а потом и сам занял Новгородскую кафедру, перенеся ее с берегов Волхова на берег Невы. Он был один из тех, кто стоял у истоков синодального периода истории церкви, окончательно превратившего ее в идеологическую контору самодержавия. Его можно было видеть и на церемониях, и на попойках кощунственного для церкви Всепьянейшего собора. Он сопровождал Петра в заграничной поездке и особенно увивался возле царицы Екатерины. В церковной иерархии Феодосий вытеснил с первого места патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского, став первым человеком в образованном Петром в 1720 году Священном синоде. Он беспрекословно исполнял волю Петра, внося немыслимые для православных перемены в обряды русской церкви. Феодосий был настоящий инквизитор; неумолимо и жестоко преследовал он всех противников официальной церкви, в особенности старообрядцев, на которых охотились как на диких зверей. Но как только умер Петр, Феодосий публично обрушился на все, что сделал в России его повелитель. Это не было озарение или покаяние. Феодосию показалось, что ему уже нет преград и ограничений. Он стал отважно пинать мертвого льва. В этом проявилась его неистовая, злобная натура. В присутствии своих коллег по Синоду он, не стесняясь, поносил Петра, называя его страшным грешником, тираном и распутником. К тому же он не проявил должного уважения к новой императрице Екатерине I, считая ее слабой и недостойной правительницей. Весной 1725 года его арестовали и сослали в холмогорский Корельский монастырь. Когда в июне 1726 года его привезли в этот монастырь, тут он и понял, что погиб безвозвратно, и стал просить прощения. Но было уже поздно: дело Феодосия становилось все толще и толще – подходили все новые запоздавшие с доносами и разоблачениями коллеги Феодосия, вскрылись дела о хищении им денег и о множестве других грехов. Феодосия лишили архиерейской и иерейской мантий. Он превратился в простого монаха старца Федоса, которого «запечатали», т. е. замуровали в келье под церковью. Там он и умер без покаяния и доброго человеческого слова.

Царская власть и церковь в России никогда не прекращали борьбы со старообрядцами, оставшимися верными заветам дедов и проклинавшими «никониан», «поганивших истинную христианскую веру». Сожжение 17 августа 1681 года в Пустозерске знаменитого протопопа Аввакума не означало и победы официальной церкви над старообрядцами. Видя бесполезность и опасность прежних открытых дискуссий с никонианами, старообрядцы

начали уходить в глухие места, строить там скиты, которые становились центрами сопротивления официальной церкви и царской власти.

В далеких скитах заработали скриптории – книжные мастерские, где писцы копировали старинные церковные книги, размножали тайные послания уважаемых в старообрядческой среде старцев. Эти послания расходились по всей стране, воодушевляя сторонников двоеперстия и шестиконечного креста.

Непросто складывались отношения старообрядцев с властью при Петре Великом. С каждым годом эта власть, издавая суровые полицейские указы, делала их жизнь все опаснее и сложнее. В полицейском государстве Петра места старообрядцам предусмотрено не оставалось. Серией законов они были поставлены вне общества и права, фактически признаны преступниками. Пожалуй, самым выразительным стал многократно подтверждаемый указ о необходимости ношения раскольниками (так официально назывались старообрядцы) специальной одежды. Ее главной отличительной чертой был красно-желтый козырь – лоскут, который раскольники должны были пришивать на спине.

Отныне каждый верноподданный мог следить за поведением «меченного» таким образом раскольника в толпе и доносить о всяком его нарушении властям, за что получал награду. Женам раскольников предписывалось носить специальный головной убор – «шапку с рогами». За попытку снять установленное указами платье или переодеться в красный кафтан, на фоне которого козырь был не виден, раскольников жестоко преследовали. Указами 1720 и 1724 годов всем раскольникам было предписано немедленно, под угрозой смерти, сдать властям старопечатные и рукописные дореформенные книги.

Реформа налогообложения – введение подушной подати – особенно обострила отношения власти и старообрядцев. Их (как мужчин, так и женщин) переписывали и клали в двойной подушный оклад. Но не двойной оклад более всего пугал сторонников старой веры. Они были готовы платить двойной оклад, как и особый налог на бороды, – откупиться от антихристовой власти деньгами так просто! Старообрядцы прекрасно поняли полицейское значение подушной переписи, которая создавала для них ловушку, из которой не было выхода. К тому же перепись душ воспринималась в свете приближающегося, по их мнению, конца света, когда Антихрист пытается заполучить точные сведения о числе душ истинных христиан.

Когда был принят закон 1722 года о нарушении священником тайны исповеди во имя разоблачения врагов государства, всякие пути возвращения старообрядцев в лоно Русской православной церкви окончательно закрылись. Более грубого вмешательства светской власти в духовный мир человека трудно и придумать.

И принять новый порядок старообрядцы не могли. Много волнений в среде старообрядцев вызвал указ Петра от 5 февраля 1722 года о престолонаследии, согласно которому император получал право назначить себе в наследники любого человека. При этом имя наследника в указе не стояло. Это-то более всего и смущало старообрядцев. «Да человека ли? – вопрошали старообрядцы. – Не Антихриста ли?» Ведь только его имя вслух не произносилось верующими. Поэтому, как только власти потребовали всенародной присяги в верности указу о безымянном наследнике, старообрядцы по всей стране решительно отказались подчиняться властям. В мае 1722 года от присяги отказался целый город в Сибири – Тара. Влияние старообрядцев в нем было особенно велико.

Не следует забывать, что у русского народа в то время отсутствовало размежевание на старообрядцев и «верных сынов матери-церкви». Пропаганда смелых, талантливых проповедников – духовных детей и последователей гениального протопопы Аввакума – сильно влияла на сознание паствы официальной церкви. Кроме жестокости, доноительства и подчинения капризам светской власти она ничего не могла противопоставить ярким посланиям старообрядческих старцев, беспощадно клеймивших «богомерзкую» власть «царя-табашника» и его иноземных министров. Именно поэтому старообрядцы пользовались всенародным уважением, получали помощь, имели повсюду тысячи своих сторонников.

Так было и в Таре. Осенью 1722 года из Тобольска в Тару был отправлен карательный

отряд, создана специальная розыскная канцелярия, которая схватила сотни жителей Тары. Начались невиданные еще по масштабам репрессии против старообрядцев. К розыскам и кровавым пыткам были привлечены тысячи людей, началась ловля старообрядцев как диких зверей по всей Западной Сибири. Оказалось, что Сибирь-матушка, дававшая на своих просторах пристанище всем обиженным и гонимым властями, уже не может спасти свободного человека от жестокой власти грубого солдата и подьячего. Сибирское население было напугано страшными вестями из Тары, где как бы начали сбываться жуткие предсказания старцев о приходе Антихриста. Людей можно понять – ведь сведения о массовых казнях подтверждаются документами. Известно, что за три-четыре года Тарского сыска повешено, колесовано, четвертовано, посажено на кол не меньше тысячи (!) тарских жителей и округи – простых крестьян, казаков, посадских. Крестьяне, причастные и непричастные к расколу, бросая отвоєванную у тайги землю, построенные деревни и заимки, бежали куда глаза глядят – подальше от ужаса перед надвигающимися муками.

По всей Сибири запылали страшные гари – самосожжения старообрядцев, видевших спасение только в огне, в гибели. Гари, как правило, начинались с длительных переговоров прибывшего военного отряда с обитателями старообрядческих скитов. Командир отряда, получивший жесткие инструкции о переписи и положении в двойной оклад старообрядцев, аресте их лидеров, стремился поначалу уговорить раскольников подчиниться мирно царским указам. Старцы отвечали мягко, но решительно: «Ото всея братии ответ: тово ради мы не пишемся в нынешни времена, боимся Ереси... того ради мы дани не даем в нынешни времена, что у вас годы и времена променены. А у нас люди беспомощни: старой да малой, слепой да хромой. А мы живем Бога ради, хмель не берем и не промышляем, и мы... седим в запоре и не смеем никуда выехать. Аще вы нас погоните, и мы живы в руки вам не дадимся: береста и смолье, и дрова, и солома, и пороху с пуд приготовано. И вы творите, что вам повелено».

Положение прибывшего начальника было очень сложным. Ведь исполнить царский указ без жертв невозможно: раскольники упорны, их скиты имели прочные двери, узкие окна, через которые раскольники отстреливались от солдат. Изнутри все помещение было обложено горючим материалом. Сидевшие там мужчины, женщины, дети, старики, доведенные непрерывной зауспокойной службой и песнопениями до иступления, только и ждали наступления «антихристово воинства», чтобы поджечь скит и уйти от преследователей на небо. Тарский розыск ожесточил старообрядцев, гари запылали одна за другой. В лесах за рекой Пыжмой сгорело в одной гари 145 беглых крестьян из тюменских и ишимских деревень, а ранее – еще 400 человек. Но самой страшной гарью XVIII века стала Елунская гарь в Томском уезде. Как и большинство других гарей, ее спровоцировало прибытие воинской команды для поимки «зачинщиков и возмутителей». Еще многие десятилетия память о Тарском сыске жила в сознании народа, а волна самосожжений, которая прокатилась по Уралу и Сибири, стала ответом на усилия власти подчинить старообрядцев.

Введение подушной подати

К концу Северной войны стало ясно, что налоговую систему, унаследованную Петром от предков, нужно также срочно менять, как раньше приказы и канцелярии. Как же собирались налоги и отправлялись многочисленные повинности – рекрутские, подводные и другие? С 1678 по 1724 год существовало подворное обложение. Это означало, что единицей обложения крестьян и горожан был «двор». Иначе говоря, переписчики объезжали деревни и города и переписывали не собственно людей, а число дворов, в которых они жили. Так, по каждому населенному пункту или земельному владению (вотчине или поместью), а потом – по уезду образовывалось так называемое «дворовое число», которое и лежало в основе всех податных расчетов. Например, нужно было собрать определенную сумму денег А. Ее делили на число дворов Б по всей стране. В итоге получалось число В. Это и был налог с каждого

учтенного при переписи двора, подворный налог.

За годы Северной войны налоги и повинности росли непрерывно и в конце царствования Петра стали для крестьян очень тяжелыми. Множество плательщиков бросали свои хозяйства, дворы и бежали на Дон, за границу, в другие владения. Стала образовываться «убыль дворов». Провести учет пустых, «убылых дворов» было технически очень сложно. Поэтому новые налоги по-прежнему рассчитывались по указанному выше принципу $B = A$: B : A . Иначе говоря, еще большая податная тяжесть ложилась на оставшиеся «жилые дворы».

В 1710 году власти все же провели новую подворную перепись, но ожидаемого результата – роста «дворового числа» в сравнении с предыдущей переписью 1678 года – не произошло. Наоборот, оно сократилось на 20%! В 1715 году было решено провести еще одну перепись. И опять неудача – «дворовое число» не превысило прежней величины. Примечательно, что до Петра I и его чиновников стали доходить сведения о том, что «дворовая убыль» вызвана не только бегством или высокой смертностью крестьян, но и их упорным нежеланием нести тяжелые повинности. Это было видно уже по тому, что число дворов не увеличивалось, а населенность двора между тем росла. Это означало, что крестьянские семьи не делились, как прежде, и молодые крестьяне не строили собственных дворов, а жили во дворе родителей. И все это делалось для того, чтобы не платить налогов.

В качестве радикальной меры Петр I решил изменить принцип налогообложения и единицей обложения сделать не «двор», а «душу мужского пола». Важно, что Петр I решил провести реформу налогообложения одновременно с реформой содержания армии. Огромная по тем временам 200-тысячная армия вернулась после войны в страну, и ее нужно было где-то разместить, на какие-то деньги содержать. И здесь Петр I опять же прибег к шведскому опыту. С давних пор шведские солдаты жили в тех местностях, где их полки получали деньги на содержание. Это было удобно – деньги от плательщиков поступали прямо в кассы приписанных к ним полков. Петр I решил воспроизвести эту систему.

Двадцать шестого ноября 1718 года был издан указ о проведении в стране подушной переписи. Все помещики и старосты подавали реестры, или, как тогда говорили, «сказки», с указанием числа мужчин, живущих в каждой деревне, селе, вотчине. За 1719 год сказки, в основном, были собраны. Но властям стали известны многочисленные факты жульничества: переписи избежал каждый третий плательщик. Тогда решили собрать специальные военные команды и провести проверку, или, как тогда говорили, «ревизию», числа душ мужского пола.

Проверка населения оказалась делом сложным, и работа ревизоров затянулась до 1724 года. Перед ними возникало много проблем. Ведь им предстояло проехать через каждую деревню, проверить сказки по этой деревне, внести в них исправления, выявить, поймать и отослать на прежние места жительства всех беглых, определить, что делать с разными категориями населения, которые раньше податей не платили, и т. д.

В итоге к 1724 году стало известно о 5 млн 656 тыс. душ мужского пола. К этому времени уже были сделаны расчеты содержания армии. По проекту 1720 года расходы на кавалериста составляли 40 рублей, а на пехотинца – 28,5 рублей; в целом же расходы на всю армию достигали 4 млн рублей. Сумма налога на одну душу определялась путем деления 4 млн рублей на 5,6 млн душ. Получилось, что подушный налог составил 74 копейки. Так начала свою долгую (длившуюся свыше 150 лет) историю подушная система. Она была удобна для властей – сразу же были отменены десятки налогов, податей, меньше стало проблем со сборами и пересылкой налогов в центр. Полки разместились в тех дистриктах, откуда они получали деньги. Полковые офицеры, вместе с выбранными из местных дворян земскими комиссарами, собирали подушину прямо в полковую кассу. В целом подушная подать не была тяжелее подворной, но она все равно оказалась весьма болезненной для плательщиков. Им, как и раньше, приходилось платить за умерших, бежавших, больных. Ведь следующая проверка сказок – ревизия – после 1724 года была организована лишь в 1742 году! Солдаты стали селиться в деревнях, что доставляло больше хлопот для крестьян. Кроме того, с введением подушной подати контроль государства за подданными усилился.

Все ведь должны быть записаны в сказки, крестьянину стало трудно выйти на заработки. Об уходе на новое место жительства или работы не приходилось и говорить, так как до следующей ревизии было запрещено покидать те места, где крестьяне записывались в сказки. Податная реформа Петра I – введение подушной подати – имела колоссальное воздействие не только на финансы, но и на социальную структуру населения.

«Произведение всероссийского народа». Дворянство

Когда в 1721 году в торжественный день празднования Ништадтского мира Сенат «поднес» Петру I несколько титулов («Великий», «император», «Отец Отечества»), государь не ломался, как это подчас бывает заведено у тиранов, а с благодарностью принял эти титулы, ибо по праву считал, что заслужил. Особо интересен в этом смысле римский по происхождению титул «Отца Отечества». Действительно, Петр I относился к своим подданным как к детям, подчас неразумным, даже ленивым, и много делал для их образования. Но истинно и то, что он с помощью реформ создал заново российское общество, придал ему иную, чем прежде, структуру, образ жизни и мышления на многие десятилетия вперед.

Важнейшим результатом реформ стало образование нового сословия дворянства. То дворянство, которое мы знаем по русской классической литературе XIX века, появилось именно благодаря Петру I. До него понятие «дворянин» относилось к довольно низкой служилой прослойке – «дворяне московские», «дворяне городовые». Выше них по лестнице чинов стояли жильцы, стольники, бояре, элита того времени. Они были горды своим происхождением, «отечеством», славными предками, кои были в родстве с Рюриковичами. Петр I разрушил старую систему чинов и ввел новую, непривычную. В этой системе главным было не происхождение, а личная, персональная выслуга перед царем и Отечеством. Теперь все служилые люди независимо от происхождения становились «российскими дворянами» или, как тогда на польский манер говорили, «российским шляхетством».

Петр утвердил принцип, по которому по-настоящему привилегированным членом общества – дворянином – ты являешься только тогда, когда служишь. Указом 1712 года он установил старшинство офицера перед неслужащим дворянином: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях, какой бы фамилии не был, почесть и первое место давал каждому офицеру и службу почитал. А ежели не почтит шляхтич офицера, положить штраф треть его жалования». После такого указа любой прапорщик может встать впереди любого знатного бездельника, штафирки. Петр воспринимал себя не только Отцом нации, но прежде всего учителем, мастером, который учеников, подмастерьев учит делу, а у непослушных спины «полирует» дубиной. В одном из посланий жене Екатерине он писал, что садовники его не сообщают ему о ходе дел в Летнем саду. Скажи им, пишет Петр, вот приеду, привезу им в подарок «по кафтану стеганому». Какие «стеганые кафтаны» склонный к мрачному юмору Петр привозил своим непослушным подданным, все знали! Первая заповедь для русского дворянства была «Учиться! Учиться! Учиться!», а кто не хотел – берегись! В истории России уникален указ 20 января 1714 года. Согласно ему молодому дворянину, не постигшему первоначальных знаний, запрещено жениться: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей цифири, геометрии и положить штраф такой, что не вольно будет жениться, пока сего выучится». Правда, почти сразу возник вопрос, что делать с дураками, которые знаний постигнуть не могут, а жениться хотят. По указу Петра людям слабоумным, больным, признанным негодными к службе, запрещалось жениться, а слабоумных девиц запрещали выдавать замуж. Были определены так называемые «урочные годы» – испытательный срок для «дураков», взятых на службу. Если они его выдерживали, то женитьба им разрешалась.

Императорским указом 1724 года Петр запретил таким дуракам жениться. Тогда же на Руси появились первые «пенсионеры», отправленные учиться за границу на казенный счет.

Для оставшихся в России дворян единственным путем стать офицером была служба в солдатах гвардии. Иначе говоря, им предстояло пройти путь самого Петра.

Понеже многие производят сродников своих в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для вида по несколько недель или месяцев, того ради... впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород в офицеры не писать, которые не служили солдатами в гвардии. Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии.

Петр знал, о чем он говорил. Не начавший служить снизу службы знать не будет. Как-то раз царю донесли, что матросов с какого-то корабля во множестве ловят на кражах. Царь распорядился провести строгую ревизию доходов офицеров корабля, ибо считал, что «ноги матросского воровства из злоупотреблений начальства растут».

Уже поэтому как-то неудобно называть петровское дворянство господствующим классом. Учись, служи всю жизнь, да все с ограничениями, под угрозой наказаний. А состарился дворянин на службе, прискакал на деревяшке на смотр, врачи освидетельствуют, что глух, слеп, из ушей черви ползут (и такое бывало), – все равно служи где полегче: в воеводах, комендантах. А не послушаешься, скроешься в деревне – соседи про то донесут в «Стукалов приказ» (так называлась тайная полиция, куда «стучат»), государь имения лишит, да на каторгу в Петербург пошлет!

Государева служба была тяжела, от нее стонали дворяне, они негодовали на государя. Когда в 1725 году Петр умер, против одного полковника было начато следственное дело. Его сосед позвал на похороны государя, а тот и ответил: «А что мне там делать, я в деревню отпущен, двадцать лет там не был, не пойду!». Но были и другие дворяне. Один из них, бедный дворянин Иван Неплюев, выучившийся на моряка, так понравился своим разумением царю, что тот направил его российским посланником в Стамбул, и Неплюев прекрасно справлялся со своими обязанностями. Он вспоминал, как царь его напутствовал словами: «Не кланяйся, братец, я вам от Бога приставник, а должность моя – смотреть того, чтоб недостойному места не дать, а у достойного не отнять: буде хорош будешь – не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь, а буде худ – так я тебе истец, ибо Бог от меня за всех вас требует, чтобы злomu и глупому не дать вред делать. Служи верой и правдой. Бог, а по нему и я не оставлю тебя».

Заглянем в источник

Все виды службы – военной, придворной, гражданской – были сведены Петром в знаменитой Табели о рангах, обойти которую дворянин не мог, а был обязан служить, поднимаясь с одной ступеньки (чина) на другую. И здесь тоже, по мысли Петра, выслуга была породу. Когда Военная коллегия запросила императора:

«Как считать знатное шляхетство: по дворовому ли числу (от ста крестьянских дворов и выше) или по Табели о рангах до которого класса», Петр ответил: «Знатное дворянство по годности считать... Никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характеры (т. е. оценки. – Е. А.) не получают».

Петр предусмотрел, чтобы дворяне не рассчитывали отсидеться от службы в своих имениях, надеясь на наследство. В 1714 году был принят закон о единонаследии. Все виды земельной собственности признавались единой недвижимой собственностью, которую наследовал только один, старший сын, а остальные, как написал в указе Петр, «не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что оные сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть».

После этого можно понять чувства Неплюева, который, узнав о смерти Петра, писал, что несколько дней плакал, ибо «сей монарх Отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать нас, что и мы люди, одним словом, на что в России ни взгляни, все его

началом имеет... а мне собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный».

Как бы то ни было, XVIII век не оказался безвозвратно потерян для любезного многим дела свободы. Замкнутый круг деспотизма и свободы все-таки кое-кто пытался разорвать. Так случилось, что «рабовладельческое дворянство» при Петре не только было глухо застегнуто в служилые мундиры, лишено права жениться (пока не выучится), не могло по своей воле передавать в наследство имения, но и приобрело ряд навыков и принципов, присущих европейскому дворянству. Несмотря на всеобщую «азиатчину», понятия дворянской чести, благородного поведения дворянина становились достоянием даже не самых высоколобых дворян, а вполне заурядных, которые были готовы, защищая свое имя и честь, встать со шпагой в «дуельную позытуру».

Государь дал могучий толчок развитию дворянского самосознания («И мы люди!»), росту самоуважения, привил понятия достоинства, высокие представления о служении России, истине (что не всегда совпадало!). Российское дворянство стало «закваской» многих благодатных для России явлений, а уж культуру без дворянства в России представить невозможно. Посмотрим дворянские списки того времени: почти каждая фамилия позже, уже через 50–70 лет, дала блестящего потомка: Аксаков, Алябьев, Анненков, Апухтин, Арцыбашев, Балакирев... Через несколько страниц: Мусоргский, Милюков, Скрябин, Сомов, Столыпин, Суворов, Писемский, Полонский, Потемкин, Пушкин... И так до конца: Чаадаев, Чаплыгин, Чебышев, Яблочков, Языков, Якушкин... И все эти люди – потомки петровских недорослей. Эти недоросли стали дедами и прадедами знаменитых писателей, композиторов, полководцев, реформаторов, государственных деятелей – словом, соли Русской земли. Им и их потомкам Россия во многом обязана свободой и зарождением ныне элементов гражданского общества.

Заметки на полях

Постоянно помня, что Петр I был сыном и внуком русских самодержцев, нельзя не отметить сознательного уничтожения царем-реформатором многих тех начал Московской Руси, тех принципов «старины», которые (при естественном разложении старого московского порядка) могли способствовать складыванию гражданского общества в России. О чем идет речь? Во-первых, мы видим, как петровская эпоха уничтожила юридическое понятие «вольный человек». Под широко распространенным юридическим понятием «вольные и гулящие люди» допетровская эпоха понимала категорию лично свободных людей, пополнявшуюся из вышедших на волю холопов, детей служилых и тяглых крестьян и т. д. Из их среды вербовались служилые, новые холопы. Массы таких вольных людей составляли главный резерв свободной рабочей силы – основы основ капитализма. Тысячи «вольных» и «гулящих» обслуживали водные пути, работали на первых частных мануфактурах.

Петровская эпоха покончила с этими свободными людьми. Уже Палата об уложении 1700 года записала, что необходимо отменить 20-ю статью Соборного Уложения 1649 года о приеме в жительство к помещику «вольных людей». Там было прямо сказано: «Сию статью оставить... для того, что... вольных, oprичь церковников, никого нет». В ходе дальнейших реформ Петр I провел учет и церковников.

Часть из них попала в штаты церквей, а остальные были отданы местным помещикам. А затем петровское законодательство вообще отказывалось признавать «вольных и гулящих». Они автоматически приравнивались к беглым, т. е. преступникам, и преследовались в соответствии с законами о беглых. Одним из следствий такой политики стало превращение русской промышленности в крепостническую. Она опиралась только на труд крепостных крестьян владельцев заводов и приписных крестьян.

Со сходных позиций Петр I подходил и к понятиям политической свободы. Взяв за основу западноевропейский государственный опыт (Швеции, Дании, Франции), он полностью изъясил из копируемых в России учреждений все

составляющие их суть органы выборного представительства с самого верха (парламент) до самого низа, т. е. до системы местного управления (выше упоминалась резолюция о введении шведского кирхшпиля: «В уездах из крестьянства умных людей нет»).

Важно заметить, что Петр четко представлял, что опыт самой демократичной страны того времени – Англии – абсолютно непригоден для России. В известном рассказе Андрея Нартова вполне в духе Петра записана концепция политической свободы, как ее понимал русский самодержец: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии законы содержат в себе добро, а не вред государству. Аглинская вольность здесь не у места, как к стенке горох. Надлежит знать народ, как оным управлять... Полезное слушать я рад и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен – лишь бы не отягощали меня только бездельством... Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру».

Такое понимание русской свободы закрепилось в сознании людей. В послепетровское время оно находило выражение в забавных резолюциях императрицы Анны Иоанновны: «Из Сибири его свободить, а жить ему в деревнях своих свободно, без выезда». Есть и другая формула русской свободы, записанная в документах: «человек вольный с указным паашпортом». Вот так которое столетие мы и жили: свободные без выезда или вольные с указным паспортом.

В целом можно сказать, что петровская эпоха резко сузила возможности иного, т. е. несамодержавного, некрепостнического, неполицейского развития России. Из многих вариантов движения в будущее благодаря петровскому «прогрессу через насилие» у России остался только один путь, по которому она шла до сих пор. Ясно, что в конце XVII века «ветер истории» дул в направлении реформ западного типа. Наверняка они были бы осуществлены, но не были бы такие жестокие, поспешные и бескомпромиссные. Известны слова В. О. Ключевского о том, что Петр «надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная».

Русское купечество и промышленность

Во все, что делал Петр, он вкладывал всю душу, весь свой темперамент. И не все получалось у него хорошо, или вообще не все получалось. На Западе царь был восхищен видом городов, благоустроенностью, четкой организацией городского управления. И вернувшись в Россию, он занялся реформой городов, решил, как писал, «собрать рассыпанную хранину всероссийского купечества». А она действительно рассыпалась. Налоги во время войны на горожан были такими огромными, что они побежали из городов в деревню, многие укрывались в монастырских землях и т. п. Для начала Петр запретил передвижение купцов: «А купецким людям всем объявить, чтоб им без указа, собою, з города на город для житья не переходить и домов своих не оставлять». Купечество, как один человек, зароптало – как же так, как можно коммерцию вести, никуда не переезжая? Пришлось отказаться от мысли ограничить передвижение коммерсантов.

И все же Петр хотел хранину эту перестроить заново. Он решил ввести на Руси западные магистраты, гильдии и цехи. Однажды утром 16 января 1721 года горожане проснулись и узнали, что все они зачислены в гильдии и цехи. Это напоминает анекдот о том, что развести английскую лужайку просто – поливай четыреста лет, и все. Так и здесь –

действия Петра были примитивны: если на Западе купеческие гильдии, ремесленные цехи возникали в течение столетий, то в России они были учреждены указом. Это привело к формализму, злоупотреблениям, неразберихе. Местное начальство, выполняя волю царя, начало записывать в гильдии и цехи не только купцов и ремесленников, а всех подряд. В ремесленные цеха были включены люди, о которых говорили, что профессия у них – «черная работа». По-нашему говоря, это были чернорабочие, неквалифицированные кадры. Зато в России разом были введены магистраты, цехи и гильдии.

Вообще, Петр был щедрым покровителем русского предпринимательства. Он не жалел денег, материалов, предоставлял льготы каждому, кто хотел начать свое дело. Как-то раз он приехал в Архангельск, к братьям Бажениным, которые основали верфь и стали строить корабли. Довольный их работой, верфью, государь поднялся с братьями на колокольню. И оглядывая невообразимые просторы северных лесов, царь сказал Бажениным, что жалуется им все земли, что видны с колокольни, как раньше говорили – «земли ваши от этого берега до тех пор, куда топор и коса ходят».

При Петре Великом Россия пережила бурный экономический подъем: основывались новые заводы, расширялись старые, появилось много новых товаров, предназначенных в первую очередь для армии. Все это было достигнуто усилиями государства, которое финансировало, поощряло развитие промышленности и торговли. На последнем этапе петровских реформ эта политика претерпела существенные изменения. Если раньше в торговле царилась система откупов, монополий, то теперь государство дало купцам и компаниям право свободной торговли, как внутри страны, так и за рубежом. Такой же стала и промышленная политика. «Берг-привилегия» 1719 года позволяла всем желающим отыскивать полезные ископаемые и основывать заводы. Одновременно власти стали передавать в частные руки государственные предприятия. Новые владельцы могли рассчитывать на привилегии: с них не брали налоги, помогали в сбыте товаров. В этом смысле роль государства в образовании и развитии русской промышленности была велика. Ведь у русских купцов и предпринимателей не было капиталов, чтобы основывать дорогостоящие заводы, русские товары не могли конкурировать по качеству с западными.

В 1724 году был принят таможенный тариф, который устанавливал такие высокие пошлины на ввозимые из-за границы товары, что иностранцам стало невыгодно ввозить в Россию те виды товаров, которые выпускались на русских мануфактурах. Этот тариф назывался протекционистским, то есть он устанавливал протекцию, покровительство товарам, промышленности своей страны.

Государство не отстранялось от экономики полностью. Наоборот – его роль в промышленности была велика. С помощью Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегии, Главного магистрата оно контролировало экономику. От суровых запретов, монополий, пошлин и налогов, повсеместного господства казны в промышленности и торговле Петр I перешел к системе бюрократического наблюдения за деятельностью купцов и промышленников. Многочисленные регламенты позволяли чиновникам следить за работой частновладельческих предприятий, регулировать производство товаров. Чиновники могли отобрать мануфактуру у предпринимателя, лишиться его привилегии, стоило ему нарушить регламент или инструкцию. Регламентировалось все: стопроцентный тогдашний госзаказ, продукция только определенного качества, вида, размера. А чуть что не так – завод отберут в казну и отдадут другому предпринимателю. В итоге в экономике не было конкуренции, стимула расширять и совершенствовать производство. Да и сами предприниматели стремились получить побольше крепостных крестьян, стать дворянином и уйти от хлопотного промышленного дела.

Опекая и лелея таким образом промышленность, государство одновременно ограничивало, сковывало ее развитие. Власти были заинтересованы в развитии только тех отраслей, которые служили запросам государства, а еще точнее – армии. Все остальные отрасли были брошены на произвол судьбы и поэтому развивались слабо. Государство благосклонно смотрело и на просьбы «своих» предпринимателей, которые просили ввести

монополии на производство их продукции. Таким образом, никто, кроме этих купцов, не имел право производить определенные товары. Конкуренты же, конечно, разорялись. А значение конкуренции в промышленности ведь очень велико – она заставляет предпринимателей думать над улучшением производства, качества самих изделий. Вот как происходило установление монополий. В конце 1720 года кожевники всей страны узнали, что некто М. Павлов основал компанию и получил привилегию на заведение кожевенного завода. Отныне всем продавцам кож было предписано поставлять кожи только на завод Павлова под страхом большого штрафа. С тех пор Павлов мог конкурентов не бояться и самочинно мог диктовать цены на готовую продукцию.

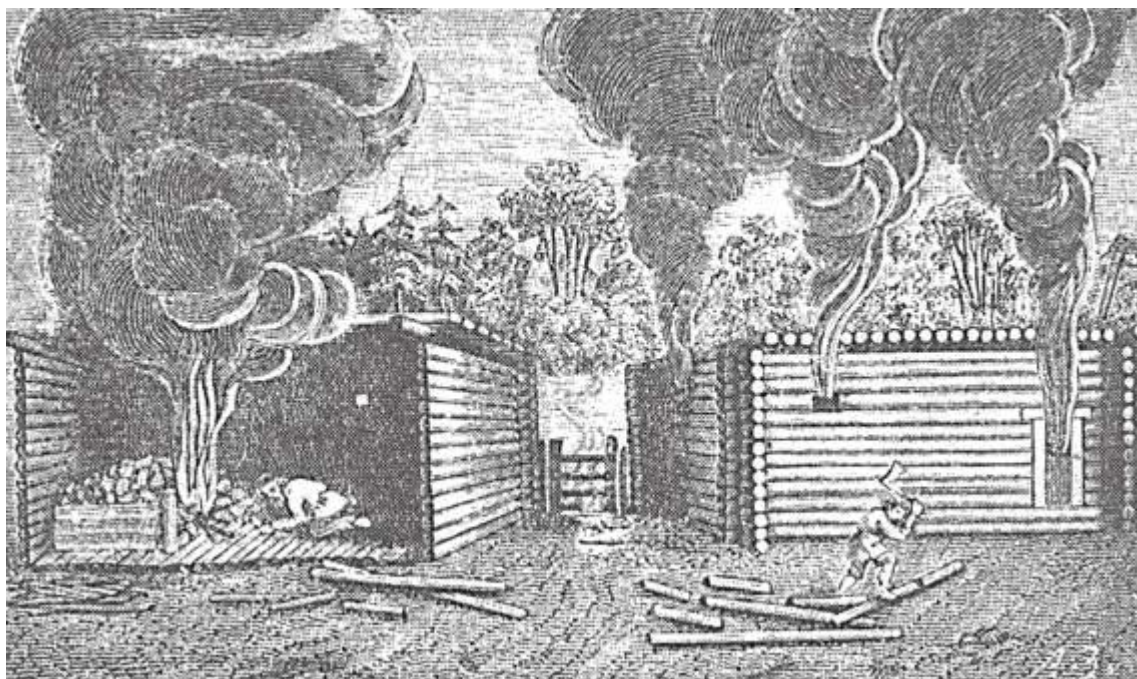
На тех немногочисленных предприятиях, которые существовали в России до реформ Петра I, рабочими были так называемые «вольные и гулящие люди». Среди них встречались как свободные неподатные люди, так и беглые крестьяне. В годы бурного промышленного строительства начала XVIII века рабочих рук на заводах не хватало, и Петр I стал передавать предпринимателям землю с деревнями, население которых становилось рабочими заводов. Сквозь пальцы смотрели власти и на обилие беглых на заводах. Восемнадцатого января 1721 года Петр I подписал указ, который разрешил мануфактуристам покупать крестьян для своих предприятий. Этим был сделан решительный шаг к превращению промышленных предприятий в вариант вотчинных, помещичьих заводов, а рабочих – в крепостных крестьян. Также был важен и другой указ – от 15 марта 1722 года. Он разрешал оставлять беглых помещичьих крестьян на заводах, при этом закрепляя их за владельцами предприятия как за новыми хозяевами. Это позволило предпринимателям-помещикам закреплять за собой и свободных людей, пришедших к ним по доброй воле. В итоге, через несколько лет на мануфактурах практически не осталось вольнонаемных. Это означало, что русская промышленность стала развиваться не по капиталистическому пути, на котором главными фигурами были свободные рабочие, продававшие (по экономическим причинам) свою рабочую силу фабрикантам, а предприниматели-помещики и рабочие-крепостные. Впоследствии это сильно затормозило экономический прогресс, отрицательно сказалось на социальном развитии русского общества.

«Простецы» в круговерти петровских реформ

Реформы Петра укрепили Российское государство, но для широких масс народа преобразования и война обернулись своей самой неприятной стороной: ростом налогов и повинностей, принудительными высылками на строительство крепостей и городов, ежегодными рекрутскими наборами, жестокостью и бессердечностью власти, произволом чиновников. При пересчете на деньги объем налогов и повинностей крестьян за годы петровского правления возрос в три раза, а в отдельных местах еще и больше. Петр I был реалистом, он понимал, что реформы и войны – тяжелое испытание для России. В предисловии к «Истории Свейской войны» он, обращаясь к своему читателю, писал: «Итак, любезный читатель уже довольно выразумел, для чего сия война начата, но понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют». Это слово – «тягость» – часто встречается в указах Петра I. В 1711 году он предписывает Сенату увеличить денежные сборы, но «без тягости народной». В другом указе Петр I указал губернаторам изыскивать доходы «без тягости народа».

Во время поездки во Францию в 1716 году он видел бедственное положение французских крестьян и писал в Сенат о своих, русских: «Что надлежит до зборов денежных, о том наипаче смотреть надобно, ибо и без великого отягчения людей сыскать можно, в чем наипаче труды приложите». Во взгляде царя на эту проблему виден прагматизм государственного деятеля, который прекрасно понимает, что разорение крестьянства самым серьезным образом скажется на благополучии государства. Но, сознавая все это, царь-реформатор не собирался сокращать масштабы начатых и очень разорительных для народа преобразований. Он считал, что знает свой народ, терпению которого, казалось, нет

предела, и сможет им управлять и дальше как грозный учитель, отец с помощью принуждения и жестокости.

Курная изба в конце XVII столетия.

Между тем к середине 1720-х годов положение в деревне резко ухудшилось. Многочисленные налоги и повинности истощили крестьянское хозяйство. Об этом свидетельствовали многочисленные недоимки в сборах налогов. По подсчетам Военной коллегии общая сумма недоимок за 1720–1725 годы составила 3,5 млн рублей при ежегодном сборе 4 млн рублей. Первые годы после Северной войны ознаменовались неурожаями и голодом крестьян во многих уездах страны.

Посланный в 1723 году в Пошехонский уезд офицер сообщал о высокой смертности крестьян от голода, о том, что крестьяне пекли хлеб: «1) Из одной травы вахты и пихты, 2) из одной мякины, 3) из житной и овсяной мякины с соломою, 4) из лесного моху». Подобные сообщения, получаемые Петром из разных мест, побудили императора прибегнуть к крайней мере – конфисковать излишки хлеба у помещиков и раздать их голодающим крестьянам. Петровские реформы затронули крестьян России еще и потому, что резко ужесточили полицейский режим. Система контроля за подданными, созданная при Петре I, существенно препятствовала перемещению населения по стране, ограничивала возможности наиболее предприимчивых из крестьян. К этому нужно прибавить, что податная реформа благоприятным образом сказалась на крепостнической системе.

За время петровских реформ власть помещика над крестьянами значительно усилилась. Если раньше, до подушной переписи, поиск, поимка и отвоз беглого крепостного был частным делом помещика, то теперь, когда всех крестьян «положили» в подушный оклад в определенной местности, борьба с бегством стала делом государственным. И теперь вся сила власти устремлялась на помощь владельцу беглой «души мужеска полу».

Важным оказалось и то, что широкие массы народа не были вовлечены в тот бурный процесс усвоения западноевропейских культурных ценностей, о котором шла речь выше. Царь не требовал от крестьян ни обучения грамоте, ни ношения «новоманирных» нарядов. Жизнь русской деревни осталась такой же, как и прежде – традиционной, неторопливой, в гармонии с природой и миром. Время русского крестьянина подчинялось извечному круговороту времен года с их земными хлопотами в поле и на скотном дворе. Русское крестьянство во многом сохранило и традиционные праздники, обычаи, обряды. Рубаха,

порты и кафтан из сермяги, сапоги, лапти, в холода поверх кафтана армяк или тулуп – эта традиционная одежда русского крестьянина просуществовала столетия, мало в чем изменилась при Петре I и после его смерти.

В петровскую эпоху выявился тот важный разлом, раскол, который многие десятилетия не давал покоя русскому обществу. Раньше, до Петра, народная культура была широко разлита в русском обществе, включая и его верхи. Песельники, сказочники входили в дом боярина и простого крестьянина, царя и холопа, общие праздники и обычаи предков с равным уважением ценились на всех «этажах» русского общества. Теперь, с введением Петром новых одежд, праздников и обычаев, интеллектуальная и властная часть русского общества все дальше и дальше отходила от народа, становясь ему чуждой, вызывая неприятие и насмешку как своими париками, так и непонятным выговором с немецким или французским акцентом. Последствия этого культурного раскола, усугубленного также жестким делением общества на крепостных и помещиков, податных и свободных от подати, сказались на последующей истории России.

Реформы в сфере культуры. Образование

В идеологии петровского времени был популярен образ школы, которую заканчивала вся страна, «посаженная» грозным «учителем». Но для царя-реформатора это был не только яркий образ, но и реальная государственная задача. Петр I стал основателем светского школьного образования. Указом от 14 января 1701 года в Москве, в Сухаревой башне была открыта школа «математицких и навигацких наук», которая вскоре стала называться Навигацкой школой. Здесь готовили моряков, артиллеристов, инженеров. В 1715 году высшие классы Навигацкой школы перевели поближе к морю, в Петербург и превратили в Морскую академию, которая существует до сих пор. Большая часть учеников состояла из дворянских недорослей и подьяческих детей.

После Навигацкой школы стали одна за другой открываться другие: Артиллерийская, Инженерная, Медицинская, Хирургическая школы. В них учили по преимуществу военным профессиям – ведь шла война. На заводах действовали особые Горные школы, которые готовили рудознатцев-геологов, металлургов. Примечательна и гимназия пастора Глюка, которую открыли в Москве в 1703 году. Молодых людей в ней учили иностранным (в том числе и восточным) языкам, а также светскому обхождению, что так необходимо было молодым дипломатам новой мировой державы.

Книги Петровского времени.

Эти специальные школы впоследствии, в XIX веке, превратилась в институты и высшие технические училища. Но все же большинство грамотных людей выходило из начальных, так называемых «цифирных» школ, основанных по царскому указу 1714 года. В школы принимались «робятки всякого чину», кроме крестьянских детей. Ученикам преподавали чтение, письмо, грамматику, арифметику, геометрию, Священное Писание. Учителями в цифирных школах работали монахи, да и содержание этих школ полностью лежало на церкви. Для солдатских детей были созданы Солдатские школы, похожие на обычные цифирные.

Учение в школах петровской поры начиналось с азбуки. Для этого брали учебник Федора Поликарпова, появившийся в 1701 году, или подобный ему букварь. В 1720 году Феофан Прокопович напечатал свое «Первое учение отрокам, в ней же буквы и слоги». Ученики постигали азбуку путем заучивания (или, как тогда говорили, «затверживания») в несколько приемов. Сначала они учили буквы и их названия: а – «аз», б – «буки», в – «веди», г – «глаголь». Затем учили сочетания гласных и согласных букв, слоги – «ба, ва, га, да, жа»... После этого переходили к более сложным: «бла, вла, гла, брю, врю, грю», что уже позволяло читать небольшие тексты – преимущественно молитвы и нравоучительные поучения вроде такого: «Храни себя, падению же братню не смеися». И только потом начинали изучать русскую грамматику по древнему изданию – учебнику Мелентия Смотрицкого, опубликованному еще в 1618 году.

Из наук первойшей считалась арифметика. В 1703 году в Москве была издана «Арифметика» Леонтия Магницкого. Это был отличный учебник – простой, ясный, умный. Несколько поколений русских людей XVIII века учили по нему арифметику, начала алгебры, геометрии, тригонометрии. Магницкий преподавал в Навигацкой школе, он знал, что нужно ученикам. Его «Арифметика» давала, прежде всего, практические сведения по математике, которые можно было тотчас применить на корабле, верфи, в лавке, у орудия на поле боя.

В школах петровской поры, как и в Средние века, школьники разных возрастов и классов сидели в одном помещении и вслух твердили наизусть весь преподаваемый учителем материал. Учителя обращались с ними жестоко. Педагогическая наука того времени утверждала, что никакая учеба без принуждения невозможна. Поэтому за непослушание, шалость, малейшую запинку при повторении вытверженного урока учитель бил ученика линейкой, ставил в углу голыми коленями на горюх или наказывал розгами так, что школьник долго не мог сидеть. А по субботам пороли всех подряд, не разбирая правых и виноватых. Делалось это ради профилактики, на будущие времена.

И все же, несмотря на открытие школ, специалистов в России не хватало. Опыт собственного путешествия с Великим посольством натолкнул царя на мысль посылать русских юношей учиться за границу. Там они постигали навигацию, кораблестроение, медицину, учились другим наукам. Юным «пенсионерам» (так их, получающих за границей пособие-пенсию от русского правительства, называли) разрешалось служить в иностранных армиях и флотах, участвовать в сражениях. Большинство из них ехали за границу неохотно. Когда Петр узнал, что один молодой человек (Конон Зотов) сам просит отправить его учиться за границу, удовольствию царя не было предела, «понеже, – писал он, – зело редко случаетца, дабы кто из младых, оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел». Многие из «пенсионеров» не теряли время даром и возвращались домой отменными знатоками своего дела. Их экзаменовал сам царь, и уже после этого они, по своим знаниям и способностям, получали чины и должности в армии, на флоте. Горе же тем юношам, которые за границей наук не постигли, провели время в гульбе и веселье! Таких шалопаев Петр I сразу же с экзамена отправлял служить в простые матросы и солдаты.

Петр I хотел, чтобы в России были такие школы, училища, университеты и академии, как в Западной Европе. Поэтому он решил основать Академию наук. В 1718 году царь писал: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет». По мысли Петра I Академия наук должна быть не просто научно-исследовательским центром,

сообществом ученых, занимающихся только проблемами чистой науки. Важной частью Академии должен был стать академический университет с тремя факультетами: философским, медицинским и юридическим. На этих факультетах свои науки студентам преподавали бы академики-ученые. Студенты же, в свою очередь, учили бы гимназистов академической гимназии. Тем самым должен был возникнуть научный и одновременно учебный центр.

Двадцать восьмого января 1724 года Петр I подписал Устав Академии наук. Но с открытием Академии пришлось повременить – в России собственных ученых тогда не было. По многим университетам Европы были разосланы приглашения Петра I ученым с просьбой приехать в Россию. Здесь они могли получить работу, деньги, добиться уважения и почета. Решившиеся попытать счастья в далекой стране стали прибывать в Петербург весной 1725 года, когда основатель Академии уже умер. Академия была открыта Екатериной I летом того же года.

Преобразование быта

Новые, подчас непривычные нравы и обычаи входили в русскую жизнь. Но все делалось поспешно, необдуманно! Принципом Петра I во всех делах была любимая присказка: «Фундамент всему, что поспешайте! Поспешайте!» Не всегда спешка приводила к хорошим результатам. Реформы в одежде и в быту грянули так неожиданно, что внесли немалое смятение в головы людей. Кроме того, власти, выполняя царскую волю, действовали обычно грубо и бесцеремонно. Огромное количество русских людей было оскорблено и унижено массовыми насильственными переодеваниями и брадобритием. Они понесли большие материальные и моральные потери, что, конечно, не прибавляло популярности царю-реформатору.

Новые моды и нравы долго поддерживались только с помощью страха и насилия. Одна из причин восстания против царя, начавшегося в Астрахани в 1705 году, объяснялась восставшими горожанами и стрельцами тем, что «бороды резаны у нас с мясом и русское платье по базарам и по улицам, и по церквам обрезаывали ж... и по слободам учинился от того многой плач». Петр I регулярно издавал указы, в которых угрожал каторгой и другими карами тем, кто пренебрегает новыми одеждами и обычаями. Нужно учитывать, что согласно старинной традиции мужчина должен быть похож на Бога и лишение его бороды считалось оскорблением. Для старообрядцев брадобритие было лишним свидетельством прихода на царство самого антихриста. Некоторые горемыки прятали срезанные бороды и просили положить их после смерти с ними в гроб, чтобы предстать перед Господом в надлежащем виде.

Заглянем в источник

В 1717 году появилось на свет знаменитое «Юности честное зеркало, или Показание житейскому обхождению». Это была книга, составленная из переводных пособий о поведении молодежи. Она учила молодого человека, как ему нужно вести себя в обществе. Из нее молодой человек впервые узнавал, что дворянину присуще достоинство, собственное мнение. При необходимости он может оспорить чужое суждение, но не должен грубить, ответ надлежало давать «с учтивостью и вежливыми словами». Далее:

«57. Рыгать, кашлять и подобныя такая грубия действия в лице другаго не чини, или чтоб другой дыхание и мокроту желудка, которая восстает, мог чувствовать, но всегда либо рукою закрой, или отворотя рот на сторону, или скатертью, или полотенцем прикрой, чтоб никого не коснутца тем сгадить. 58. И сия есть не малая гнусность, когда кто сморкает, яко бы в трубу трубит или громко чхаает, будто кричит и тем в прибытии других людей или в церкви детей малых пужает и устрашает...

Разным людям, особенно пожилым, было трудно приспособиться к бритью,

тесной и неудобной для них одежде. Одни возмущались публично, за что попадали в тюрьмы, на виселицы, другие затаивались и, придя домой, спешили сбросить с себя ненавистные узкие»

новоманирные» одежды и обрядиться в одежды старые, свободные, приятные. Наконец, третьи – особенно молодые – быстро привыкали к новым одеждам и обычаям. Молодежи нравились завитые парики, расшитые камзолы, драгоценные табакерки, модные цветные «галстухи». Шпага на боку придавала кавалеру мужественности, а новые высокие башмаки с золотыми пряжками так замечательно скользили по паркету! Женщины и девицы поначалу стыдились появляться в обществе в открытых платьях, с новыми вычурными прическами, но стоило одной-другой блеснуть на ассамблее новым нарядом, как им следовали многие – ведь мода всегда заразительна!

61. Должно, когда будешь в церкви или на улице людем, никогда в глаза не смотреть, якобы из их насквозь кого хотел провидеть, и ниже везде заглядываться или рот розиня ходить, яко ленивый осел, но должно идти благочинно, постоянно и смиренно... Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: во-первых, обрежь свои ногти, да не явится якобы оныя бархатом обшиты, умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первой в блюдо, не жри как свиния и не дуй в ушное (т. е. в суп. – Е. А.), чтоб везде брызгало, не сопи егда яси, первой не пей, будь воздержан и бегай пьянства, пий и яждь, сколько тебе потребно; в блюде будь последний; когда часто тебе предложат, то возми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари ему; руки твои да не лежат долго на талерке, ногами везде не мотай, когда тебе пить – не утирай рта губ рукою, но полотенцем и не пий, пока пици не проглотил; не облизывай перстов, не грызи костей, но обрежь ножом, зубов ножом не чисти, но зубочисткою... Над ествою не чавкай, как свиния и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо так делают крестьяне; часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо – отрежь наперед хлеба и смотри, чтоб при том не вытекло и яждь скоро... между тем не замарай скатерти и не облизывай перстом, около своей талерки не делай забора из костей, корок хлеба и протчаго; когда престанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лице и выполощи рот...».

В «Зерцале» есть целый раздел для девиц, который называется «Девической чести и добродетели венец». В нем говорится, как не надлежит себя вести порядочной девушке: такая особа «разиня пазухи, садится к другим молодцам и мущинам, толкает локтями, а смиренно не сидит, но поет блудные песни, веселитца и напивается пьяна, скачет по столам и скамьям, дает себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва, ибо где нет стыда, там и смирение не является».

Отрывок говорит о том, что, во-первых, вряд ли следует преувеличивать особую забитость русской женщины, «заключенной» в тереме «Домостроем», и, во-вторых, русская женщина с таким восторгом встретила свободы, что ее почти сразу же приходилось призывать к скромности.

«Зерцало» рисует молодого дворянина трудолюбивым, старательным, образованным, воспитанным, вежливым. И еще: он складно говорит, знает иностранные языки, хорошо танцует, владеет шпагой и конем. Так и видишь этого благонравного юношу в расчесанном парике с чистыми ногтями, который держит в руке гусиное перо и сочиняет письмо. Перед ним лежит книжка под названием «Приклады, како пишут комплименты». Это переводное пособие с образцами писем и посланий по разному поводу к начальнику, родителю, возлюбленной, приятелю и т. д. Наш же юноша пишет матушке поздравление с Новым годом, отмечать который стали по европейскому обычаю с 1 января 1700 года:

Высокопочтенная госпожа мать! Чадския любви обязательство, которое меня всегда к тому привлекает вам всякого блага желать, требует в сие время, когда мы Божиим дарованием в Новый год вступаем, наипаче от меня сею должностию, которой и от всего сердца последствую...

Как они развлекались

Петр I активно приучал созданное им же светское общество к новым развлечениям. Так, 26 ноября 1718 года появились ассамблеи. Указ об их введении начинался с объяснения, что это такое: «Ассамблеи – слово французское, которого на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать:

вольное; в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела, ибо тут может друг друга видеть и всякой нужде переговорить, также слышать что, где делается, притом же и забава. А каким образом оные ассамблеи отправлять, то определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай войдет». Ниже шли «пункты», как нужно вести себя на ассамблеях: хозяин гостей не встречает, не потчует, не провожает, гости «вольны сидят», при виде начальства и даже царя не вскакивают... Ведал ассамблеями петербургский генерал-полицмейстер. Он назначал время и дом для этого «вольного развлечения» и со своими людьми следил там за порядком. Ассамблеи проводились в домах сановников, от посещения их спасала только смерть или тяжкая болезнь. Нарушителей правил ассамблей ждало серьезное испытание – штрафной кубок «Большого орла», вмещавший два литра вина.

В итоге провинившийся гость в этот вечер стоять на ногах уже не мог. Он наверняка даже не слышал, как начинались танцы – главное событие ассамблеи. Впрочем, известны случаи и добровольного питья из кубка. Это происходило тогда, когда щедрый хозяин, шутки ради, бросал на дно заполненного спиртным кубка десяток-другой золотых. Они могли достаться только тому, кто опорожнял кубок до дна. Редко у кого хватало здоровья или жадности дотерпеть до того момента, когда золотые начинали позванивать на дне опустевшего кубка.

Нам, людям начала XXI века, было бы не очень уютно на петровских ассамблеях. В маленьком зальце, переполненном разгоряченными, нетрезвыми и не особенно чистоплотными людьми, невыносимо жарко и душно. Не лучше и в соседних комнатах, где стояли столы со снедью и вином и где за картами и шахматами с кружками пива сидели мужчины. Клубы табачного дыма застилали свет, крики и пьяное пенье заглушали разговор, кто-то из гостей уже лежал под столом, кому-то от выпитого лишнего кубка требовалась неотложная помощь. При этом всем нужно держать ухо востро: маршал ассамблеи с этим проклятым кубком расхаживал между гостей, высматривая нарушителей. Достоинством таких собраний было то, что на них предполагалось естественное, «без чинов», общение, впервые были допущены женщины, которые ранее не выходили, кроме церкви, за пределы своего дома и уж тем более никогда не танцевали европейские танцы с чужими мужчинами.

Ассамблея времен Петра.

Застолью придавалось большое значение. Столы во дворце расставляли и в больших залах, и в покоях поменьше. В зале сидел Петр I и вельможи: сенаторы, адмиралы, генералы, президенты коллегий, за столом в соседних покоях – духовенство, дальше – армейские и флотские офицеры. Отдельно сидели купцы, кораблестроители, иностранные шкиперы судов, стоявших в это время в Петербурге. Императрица и дамы света располагались также в отдельном покое. На столах стояли стеклянные бокалы (или, как говорили в XVIII веке, «покалы»), кружки, кубки, стаканы и так называемые стопы. Гости пили разные вина и водки, которые подавали слуги – на столах бутылки не стояли. Известно, что сам царь более всего любил анисовую водку и токайское вино. Но слуги подавали также сухие французские и немецкие вина, различные настойки, пиво. Столы были уставлены большими серебряными и оловянными блюдами с многочисленными холодными закусками, как мясными, так и рыбными.

Позже шли перемены горячих блюд, которые готовил царский повар Фельтон. Десерта за царским столом обычно не подавали. Фрукты выставлялись сразу, вместе с закусками. Но они не были особенно привлекательны для гостей. Обычно их доставляли в Петербург издалека в засахаренном или засоленном виде – гости угощались вываренными в сахаре сливами, лимонами, а также солеными арбузами. Конфеты («конфекты») подавались только к дамскому столу.

Государь как хозяин дома был страшен для гостей, особенно для тех, кто не привык еще к царскому застолью. Все современники, оставившие записки, утверждают, что Петр I почти насильно спаивал гостей, заставляя их поднимать тосты не только с вином, но и с дешевой водкой (так называемое «хлебное вино»), неприятной на вкус и омерзительно пахнувшей сивухой. Петр I не давал гостям встать из-за стола, держал их там часами, а иногда и сутками. При этом сам нередко покидал застолье, чтобы вздремнуть часок-другой в своих покоях.

Выставленные в дверях часовые не выпускали гостей даже ради совершения неотложных нужд. Известно, что полы пиршественных зал предусмотрительно устлались рогожей, сеном и соломой, чтобы спасти паркет от продуктов жизнедеятельности засидевшихся гостей.

Танцы под музыку обычно полковых оркестров были непременной частью празднеств.

Они позволяли гостям размяться после многих часов сидения за столом. Танцы устраивались в Большом зале и были обязательны для всех гостей. Обычно сам Петр с Екатериной открывали действо. Начиналось все с медленных, церемонных танцев: «аглинский» (контрданс), «польский», менуэт. Царственная пара отличалась неутомимостью и, бывало, выделяла такие сложные фигуры, что пожилые гости, шедшие за ними и обязанные повторять предложенные первой парой движения, под конец танца еле волочили ноги. Зато молодые были в восторге. Об одном таком эпизоде иностранец пишет, что старики довольно быстро закончили танец и пошли курить трубки да в буфет закусить (в соседних покоях выставлялись столы с закусками), а молодым не было удержу:

Десять или двенадцать пар связали себя носовыми платками, и каждый из танцевавших, попеременно, идя впереди, должен был выдумывать новые фигуры. Особенно дамы танцевали с большим удовольствием. Когда очередь доходила до них, они делали свои фигуры не только в самой зале, но и переходили из нее в другие комнаты, некоторые водили (всех) в сад, в другой этаж дома и даже на чердак.

Заглянем в источник

Петр сам редко напивался до бесчувствия (хотя и такое бывало), но любил смотреть, как его гости приходят в скотское состояние. Один из иностранцев – датский посланник Юст Юль писал, что царь это делает с умыслом, чтобы из ссор и пьяных откровений своих подданных вызнать их тайны. В итоге, как писал другой иностранец, голитинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, побывавший на празднестве, зрелище через несколько часов застолья становилось занятным:

«Великий адмирал (Ф. М. Апраксин. – Е. А.) до того напился, что плакал как ребенок, что обыкновенно с ним бывает в подобных случаях. Князь Меншиков так опьянел, что упал замертво и... его люди с помощью разных спиртов привели его немного в чувство и испросили у царя позволение ехать с ним домой».

Примечательно, что во время застолий гости не смешивались, переходить от стола к столу им запрещалось. Это мог делать только царь, который, как писал англичанин П. Г. Брюс, «в каждом застолье поддерживал беседу соответственно профессиям и занятиям присутствующих».

Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

Словом, танцы открывали неограниченные возможности для волокитства. Правда, разгоряченным танцорам в помещениях дворца, маленьких и тесных, было невероятно душно. Густые винные пары, табачный дым, запахи еды, пота, нечистой одежды и немытых тел (предки наши не были особенно чистоплотны) – все это делало атмосферу праздника тяжелой в прямом смысле этого слова, хотя и веселой по существу. В праздник, когда за окном темнело, все ждали так называемой «огненной потехи». Она начиналась в виде зажженной иллюминации: тысячи глиняных плошек с горящим жиром были выставлены на стенах Петропавловской крепости, других сооружений, «очерчивая» таким образом в темноте контуры зданий. Но все ждали главного действия – фейерверка.

Действующие лица

Генерал-адмирал Федор Апраксин

С парадных портретов генерала-адмирала Федора Матвеевича Апраксина на нас смотрит суровый седой воин в латах, с мерцающей на груди бриллиантовой звездой высшего российского ордена Андрея Первозванного. Для знающих суть дела во всей этой нарочитой воинственности видна усмешка судьбы. Апраксин действительно провоевал всю свою жизнь, но не стал ни воином, ни флотоводцем; он вообще не был ни воинственным, ни грозным. Он стал первым президентом Адмиралтейской коллегии, командовал флотом, но вряд ли самостоятельно смог бы ввести в гавань хоть один корабль. Многие его морские и сухопутные победы принадлежали другим – часто за спиной Апраксина стоял сам царь Петр, который уходил в тень, оставляя славу победителя Апраксину. Так было и в 1713 году, когда Апраксин был объявлен главным героем занятия богатой шведской провинции Финляндии. Как писал историк Мышлаевский, при завоевании Финляндии проявилось самое главное различие между Петром и Апраксиным. Царь был военным гением, в любой ситуации действовал решительно и нестандартно, а Апраксин – военной посредственностью, которая всегда норовит тянуть время.

Но царю нужен был Апраксин как формальный глава флота. Он был добр, мягок, безответен, послушен. Федор Матвеевич олицетворял русское начало в первом русском адмиралитете, состоявшем сплошь из англичан, датчан, голландцев и шведов. Так уж получилось в судьбе Апраксина. На заре своей жизни он, как и многие другие юные дворяне, попал в «потешные» Петра, прошел типичный путь петровского сподвижника: непрерывные и сложные поручения сурового царя, дело, к которому не лежала душа этого вальяжного московского человека. Из переписки Апраксина с его ближайшим другом фельдмаршалом Шереметевым видно, что Апраксин никогда не горел служебным энтузиазмом плебея Менишикова, не жаждал знаний как князь Кантемир или Брюс. Апраксин был недобровольным сподвижником царя-реформатора, воспринимал Петра как данное Богом испытание и беспрекословно подчинялся высшей воле. Воспитанный в старомосковских традициях, он остался на всю жизнь добросовестным «нижайшим рабом», как называл себя в письмах, хотя Петр требовал от Апраксина – члена интимной «компании» собутыльников – обращения к нему как к равному.

Апраксин – адмирал поневоле, не был, как царь-романтик, влюбленным в море и корабли человеком. Но зато он был исполнителен и надежен. А в верности «нижайшего раба» всегда были сомнения. И Петр – человек пронизательный – как-то сказал Федору Матвеевичу: «Хоть ты всегда одобрял мои предприятия, особенно по морской части, но я читаю в сердце твоём, что если я умру прежде тебя, ты будешь один из первых осуждать все, что я сделал». Как в воду смотрел царь. После смерти Петра Апраксин вошел в состав Верховного тайного совета и вместе с другими петровскими сподвижниками отважно критиковал дела царя-реформатора. А как он был рад, когда внук Петра Великого Петр II в 1728 году перенес столицу в Москву! Апраксин был, как и прежде, на первых ролях в

государстве, но, больной и усталый, не участвовал в политической борьбе тех лет. В 1728 году так нелюбимая им стихия настигла горе-адмирала – он умер от водянки.

Иллюминация Петропавловской крепости в январе 1735 года.

Фейерверк тех времен был сложным делом, синтезом пиротехники, живописи, механики, архитектуры, скульптуры и даже литературы и граверного дела. Для каждого фейерверка изготавливалась гравюра, которую оснащали пояснениями различных фигур фейерверка и поэтическими надписями. Эти гравюры играли роль современных театральных программ, которые раздавали (но чаще продавали) зрителям. С этими гравюрами-программками в руках зрители (тогда их называли «смотрителями») выходили на крыльцо дворца или смотрели за «огненной потехой» из окон. Царь обожал фейерверки, сам участвовал в их создании и их сожжении, причем не раз рисковал жизнью, но считал огненные потехи очень важными, ибо так можно было приучить людей не бояться огня и унимать «Вулкановы злобства» как на пожарах, так и в бою. Вначале с участием самого государя составлялся подробный проект фейерверка, затем художники и пиротехники брались за изготовление «плана фейерверка» – так называлась огромная деревянная рама высотой до десяти метров. На эту раму натягивались шнуры, пропитанные горючими пиротехническими составами. Переплетения шнуров образовывали рисунок – порой сложную композицию из нескольких фигур с «девизом», который пояснял изображение. При дневном свете все это представляло собой лишь малопонятную путаницу шнуров и веревок, и только когда в темноте концы шнуров поджигали солдаты, бегавшие по узким трапам с обратной стороны плана, изображение и буквы «девиза» бывали видны за сотни метров. Таких рам-планов в одном фейерверке могло быть несколько, благодаря им создавалась нужная перспектива. Между планами ставили различные скульптуры из дерева, гипса или бумаги, которые в темноте были подсвечены. Пока горел план, в различных местах начинали извергать огонь разные пиротехнические сооружения – «вулканы», «фонтаны», «каскады»,

«огненные колеса», создававшие феерическую картину «пиршества огня». Искусные мастера фейерверка каждый раз стремились чем-то удивить зрителей. Бывало, что в начале фейерверка по протянутым и невидимым в темноте тросам к плану «подлетал» сияющий огнями двуглавый орел, державший «в ноге» пучок «молний», которыми он и поджигал план. Так, в 1723 году, в день тезоименитства Екатерины Алексеевны фейерверк был «зажжен слетевшим из императорской залы ангелом с ракетой». Наверняка в путь от окна залы к раме фейерверка его отправлял сам государь – во время фейерверка царь был главным распорядителем и хлопотал больше всех. Ангел поджег план, и все «смотрители» увидели девиз из белого и голубого огня, представлявший вы сокую колонну с императорской короною наверху и по сторонам ее две пирамиды, увитые лавровыми ветвями. После того как сожгли фейерверк, гремел мощный салют, от которого нередко вылетали стекла соседних с дворцом домов.

Легенды и слухи

Всепьянейший собор

Кроме ассамблей в петровское время было и другое – уже для узкого круга избранных – развлечение под названием «Всепьянейший», или «Всешутейший собор». Это довольно сложное явление жизни верхов петровской России. Его корни уходят в традиции шутовской скоморошеской культуры, когда в Святки устраивали карнавные действия с ряжеными, шутками, разгулом и пьянством. Петр I сделал эти развлечения постоянными, ввел в их организацию четкий порядок и регламент. «Заседания», или, проще говоря, попойки «Всепьянейшего собора», проходили по утвержденному царем ритуалу, каждый участник имел карнавальное имя, свою шутовскую роль. Сам Петр был «протодьяконом» Собора, а главой многие годы оставался Никита Зотов – некогда учитель Петра. Он носил титул «патриарха князь-папы», которому все участники Собора шутовски поклонялись. Непременными участниками Собора были многочисленные придворные шуты, карлы, уроды. Собор во многом копировал церковную иерархию, что отражалось в титулах участников, в названиях церемоний. И хотя многие считали, что на Соборах пародируется католицизм, но заметно, что там осмеивалось и православие. В основе ритуалов Соборов лежала система святочных «передразниваний» реальной, вполне «серьезной» жизни, типично средневековый публичный смех с его озорством, беспробудным пьянством, непристойностями и издевательствами над людьми. Душой Собора был сам царь, который мог бросить все дела, чтобы сочинить очередной шутовской указ или регламент шутовской церемонии. Неясно, какие цели при этом ставил сам царь, не давая угаснуть этому сомнительному с точки зрения морали, веры и утомительному для многих людей «учреждению». Возможно, Собор для Петра, перегруженного сотнями ответственных дел, был своеобразной отдушиной, давал необходимый перерыв в нескончаемой государственной работе. В окружении соборян-субутильников он мог расслабиться, отдохнуть. Как человек с фантазией, юмором, энергией, но, одновременно, с довольно низкой культурой, он находил развлечение не просто в попойках, а в «организованном, регламентированном пьянстве» в рамках Собора, смахивающего на церковь и, вместе с тем, на канцелярию, учреждение. Не исключено, что Собор, подобно Эрмитажу Екатерины II, позволял царю в неслужебной, вольной обстановке лучше изучить людей, понять их стремления и характер. Со смертью Петра Собор прекратил существование, хотя и оставил после себя дурную память как пример самовластия и самодурства великого реформатора.

Создание женского общества в России

Как известно, в допетровской России женщина жила по нормам «Домостроя» – кодекса домашнего поведения XVI века. Эти нормы были довольно жестоки в отношении женщины:

полная власть мужчины в семье, имущественное и юридическое бесправие, многочисленные ограничения, которые делали невозможным самостоятельную жизнь женщины в обществе. С петровскими реформами женщина вышла из терема. Вместе с мужчиной она появлялась на празднествах, ассамблеях. Как видно из процитированного выше отрывка из «Юности честной зерцала», женщину даже приходилось укорачивать – так она быстро восприняла данные ей вольности.

Женщинам (женам и дочерям) было разрешено сопровождать мужей за границу. А сколько проблем принесли женщинам новые западные моды!

Древнерусская одежда существенно отличалась от европейской. На смену шушунам – длинным сарафанам, телогреям, летникам с рукавами до земли пришли платья с большим вырезом на груди и спине, жесткие корсеты и фижмы, причудливые парики. На головах дам громоздились несусветной величины шляпы или прически в виде многопушечного фрегата, замка, букета цветов. Это означало подлинную революцию в жизни русских женщин. В богатых домах появились парикмахеры – «куаферы», без искусства которых «строительство» такого фрегата на голове было невозможно.

Новоманирные наряды стоили очень дорого. Поначалу их привозили из-за границы, но вскоре и в России научились делать шляпки, ленты и прочие «галантереи». Русские портные, привыкшие шить только летники и телогреи, быстро усвоили и шитье западных платьев. Да и нужда их заставляла: попасть под кнут за шитье старомодной одежды, как обещали указы Петра I, никому не хотелось. Русская женщина петровской поры была большая модница. Особенно любила она румяниться и белить лицо, для чего расходовала за свою жизнь килограммы румян и белил. Иностранцы поражались, как быстро русские дамы усвоили новые моды и манеры. Один из иностранцев писал: «Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда в некоторых отношениях даже имеет перед ними преимущество». Мужья таких дам без радости смотрели на успехи своих жен на ассамблеях – за цену иной модной шляпки можно было купить неплохую деревеньку с десятком-другим «крестьянишек». Кроме того, нравы менялись медленней, чем моды, – светское поведение женщин не одобрялось в обществе. Петр I изменил и старинный обычай заключения браков. Ведь раньше, до Петра I, жених видел невесту впервые только за свадебным столом – их судьбу решали родители. Теперь наступили новые времена – молодежь встречалась на публичных празднествах, ассамблеях, на вечеринках. Поэтому молодые люди виделись до обручения – обмена кольцами. Кроме того, девушка, которой не понравился жених, могла расторгнуть брачное соглашение.

Благодаря Петру в русское общество внедряется идея любви и свободной воли сторон как решающей причины брака. Двадцать второго апреля 1722 года Петр I указом запретил браки, заключенные по принуждению со стороны как родителей, так и помещиков (если речь шла о крепостных молодых людях). Легче становятся и разводы. Царь как-то сказал: «Бог установил брак для облегчения человека в горестях и превратностях здешней жизни и никакой союз в свете так не свят, как доброе супружество; что же касается до дурного, то оно прямо противно воле божьей, а потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его, продолжать же его крайне опасно для спасения души». И все же и в XVIII веке муж обладал огромной властью над женой, его с большим доверием слушали судьи при разводе, он оставался безраздельным хозяином общей собственности семьи. Самым обычным в семье были побои женщины. За убийство жены мужа обычно наказывали кнутом или посылали на покаяние в монастырь на несколько месяцев.

Бывало, что нелюбимая жена, не в силах сопротивляться побоям и тиранству мужа, уходила в монастырь и тем самым позволяла мужу жениться снова. Двухвостая плеть была устойчивым символом семейной жизни того времени. И тем не менее новое все глубже входило в жизнь русского общества, особенно дворянского. В книге «Юности честной зерцало» есть целый раздел для девиц, который называется «Девической чести и добродетели венец». В нем перечислены двадцать добродетелей, которыми должна обладать

воспитанная девица. Среди них – набожность и богобоязнь, почитание родителей, трудолюбие, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость, воздержание, целомудрие, бережливость и др. Особо приветствовались такие достоинства дам, как молчаливость и стыдливость.

Заглянем в источник

Преступницу-женщину, особенно если она убила мужа, ждала страшная казнь – ее живой (по грудь или по горло) закапывали в землю. И если на улице было тепло, а стража вовремя отгоняла голодных псов, готовых разорвать жертву, то мучения несчастной затягивались на недели. Вот типичное доношение в Брянскую воеводскую канцелярию:

«Сего 1730 года, августа в 21-го дня в Брянске, на площади вкопана была крестьянская жонка Ефросинья за убийство до смерти мужа ее. И сего сентября 22-го дня она жонка, вкопанная в землю, умре».

Следовательно, крестьянка прожила в земле больше месяца!

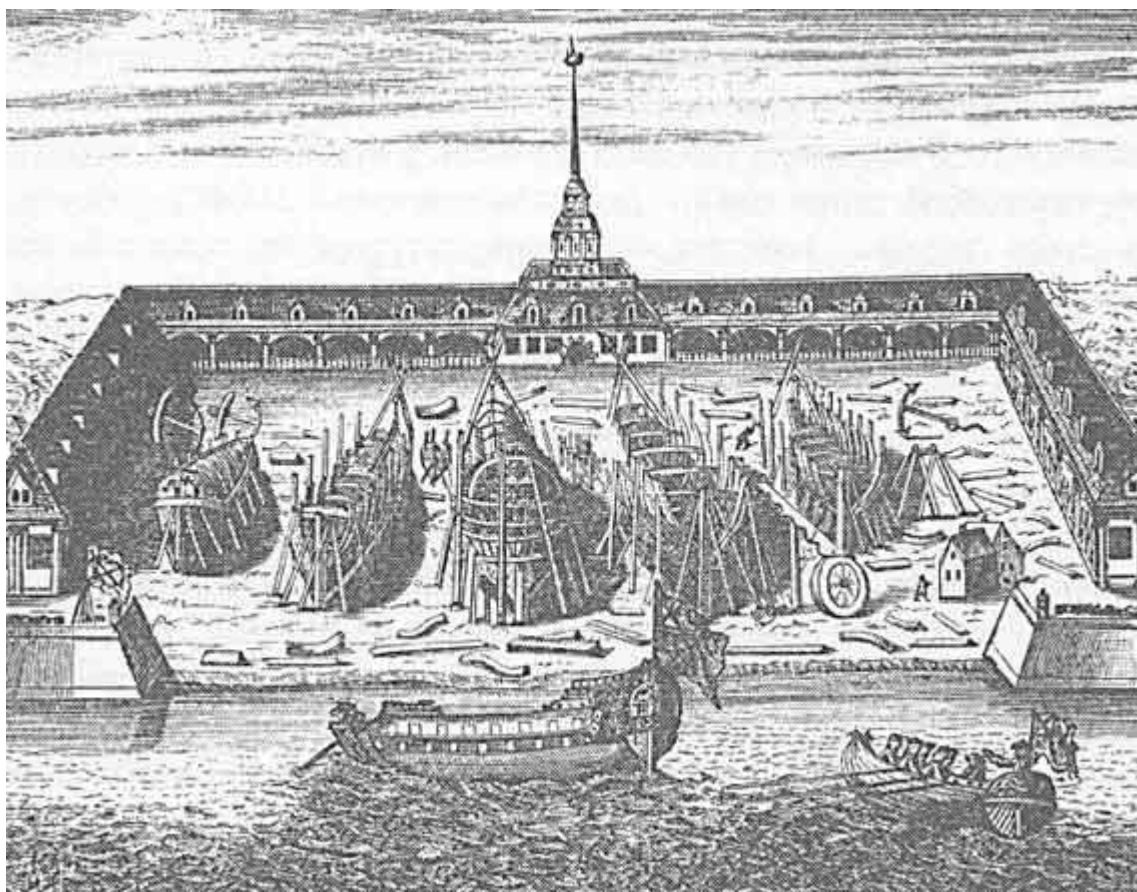
Петербург – имперская столица

Город, заложенный весной 1703 года, строился с несколькими целями. Петр стремился создать в устье Невы не просто город, а цитадель, крепость, которая бы стала опорным пунктом русской обороны в этом районе. Две крепости – Петропавловская и Адмиралтейская – обеспечивали безопасность нового города, который начал расти под прикрытием крепостных орудий. В 1716 году архитектор Леблон разработал план возведения на берегах Невы мощнейшей цитадели – неприступной крепости. Однако план этот не был реализован. Угроза со стороны шведов к этому времени ослабла, а уже созданная система обороны Петербурга и Кронштадта довольно хорошо показала себя в первые годы жизни города.

Возведение собственно города было второй целью Петра I. Город начал строиться в нескольких местах почти одновременно. Старейшей частью петербургского посада является застройка на Петербургской (Петроградской) стороне, на берегу Невы, на Васильевском острове. Но все-таки третий естественный центр города возник на его материковой части, которая называлась Адмиралтейским островом (пространством суши вокруг Адмиралтейства, ограниченном Невой и реками Мойкой и Фонтанкой). Здесь возвели Зимний и Летний дворцы Петра, вдоль Невы возвышались дома первейших вельмож. В начале будущего Невского проспекта образовалась «нерегулярная», довольно хаотичная слобода. В маленьких домиках жили мастера и рабочие Адмиралтейства, селились купцы – тут, на берегу Мыи – Мойки стоял Гостиный двор. Это место хотя и не отличалось благоустройством, но нравилось первым петербуржцам. Отсюда начиналась Перспектива – Невский проспект, которая выводила к основанному в 1710 году Александро-Невскому монастырю. Отсюда начиналась и жизненно важная для города дорога в Россию – на Новгород и Москву. Молились жители Адмиралтейской слободы в Исаакиевском соборе, основанном в честь Исаакия Далмацкого, в день рождения которого появился на свет Петр I.

Развивая торговлю, Петр I связывал с этим еще одну цель основания города – Петербург должен был стать главным портом России, основным перевалочным пунктом для товаров, шедших с Запада в Россию и из России на Запад. Выполнить эту задачу, несмотря на географическое удобство нового города, оказалось непросто. Мало было создать портовые причалы и склады, нужно было обеспечить удобство, безопасность и выгодность торговли в Петербурге. Долгое время шведы господствовали на Балтике и захватывали все корабли, которые шли в Петербург. Не менее опасно было плавание по внутренним водоемам. Ладожское озеро отличалось своим непредсказуемым вздорным нравом и пожирало сотни судов, направившихся в Петербург. Наконец, нельзя забывать, что торговые пути в России на протяжении столетий сливались, как реки, в одном главном направлении – к Белому морю, Архангельскому порту, куда уже весной прибывали сотни иностранных судов.

Петр I много сделал, чтобы Петербург стал главным портом России. Благодаря усилению русского флота Балтика очищалась от шведских каперов, вдоль берегов бурной Ладоги начали строить канал, который уже в 1728 году позволил судам безбоязненно проходить опасную для мореплавания зону. Для петербургской торговли создавались особые, льготные условия. Пошлины здесь были ниже, чем в Архангельске, Риге, Ревеле. Кроме того, царь не останавливался перед насилием. Он запрещал купцам торговать в Архангельске, заставляя купцов внутренних городов России заводить дело в Петербурге, перебираться сюда с домочадцами и основными капиталами. И хотя еще долгие десятилетия товары из России увозились в основном на иностранных судах, власть помогала купцам и организацией торгового мореплавания.

Адмиралтейство. С гравюры 1716 года.

Наконец, одной из важнейших целей Петра I было превращение Петербурга в имперскую столицу России. Кажется, что такая цель ставилась царем с самого начала – со дня основания города в 1703 году. Ведь уже осенью 1704 года Петр I называл Петербург столицей. Но это были лишь мечты – слишком опасно жилось в Петербурге в начальный период Северной войны. Поражения от шведов в Польше и на Украине могли привести к утрате Ингрии и Петербурга. Воюя вдали от своего «парадиза», царь постоянно думал о его судьбе.

Сразу после Полтавской победы Петр I радостно писал Ф. М. Апраксину: «Ныне уж совершенно камень во основании Санкт-Петербурху положен с помощью Божию». Взятие Выборга в 1712 году позволило, по образному выражению Петра, «положить под бок» новой столицы удобную «подушку». Занятие русскими Прибалтики, и особенно Эстляндии, было продиктовано желанием Петра во что бы то ни стало обеспечить новой столице зону безопасности.

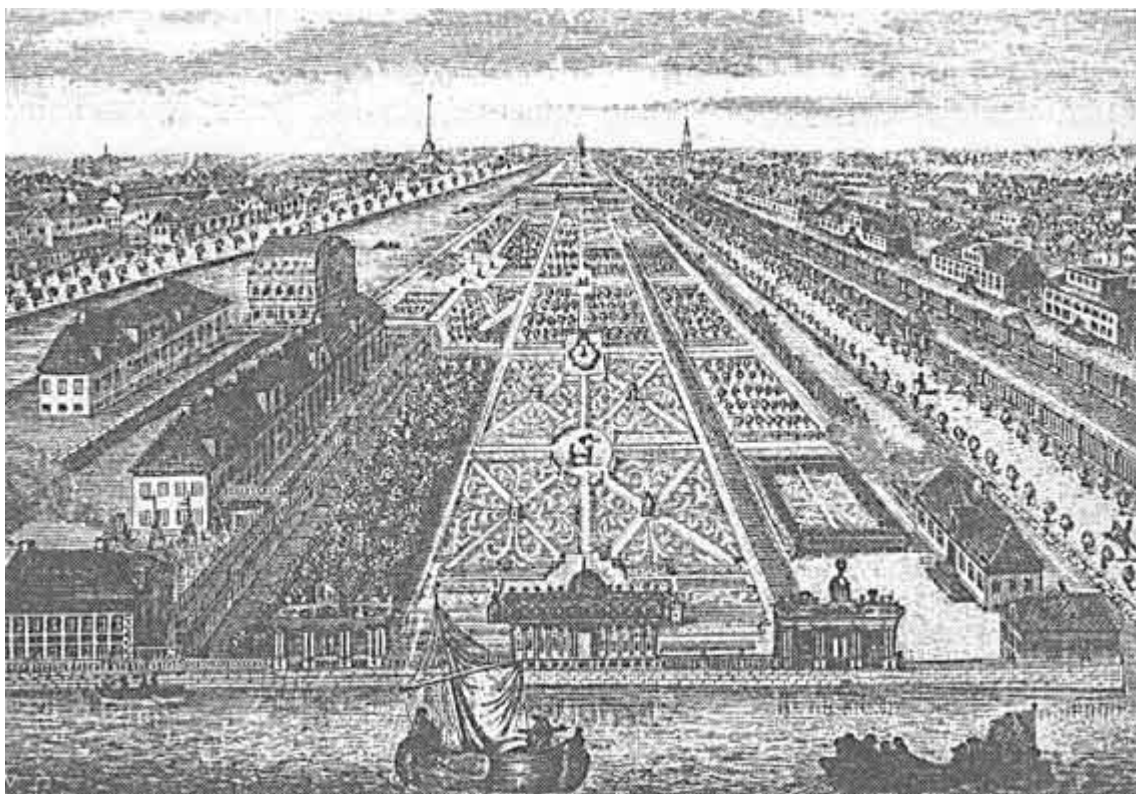
Мы так и не знаем, когда точно – в 1712 или в 1713 году – Петербург стал резиденцией

царя, столицей. Никакого указа об объявлении Санкт-Петербурга столицей (или второй столицей) не сохранилось. Фактически с этого времени на берега Невы перебрались иностранные дипломаты, а петербургские канцелярии – ранее временные филиалы московских приказов – стали основными правительственными учреждениями. Сам же Петр I жил в Петербурге с самого его основания и в 1708 году перевез сюда свою семью. В 1712 году он венчался с Екатериной именно в Петербурге, подчеркнув тем самым его столицность.

С нежностью относился Петр I к своему юному городу. Для него Петербург был символом всего нового, совершенного и удобного. Трудности, которые вставали перед строителями в этих угрюмых, лесистых и болотистых местах, не смущали Петра, он верил в великое будущее своего детища. Приезжая сюда, в свой «парадиз» из дальних походов, царь отдыхал душой. Ни одна мелочь не ускользала от него. Он был истинным главным архитектором и строителем города. Петербург возводился не только (как потом писал А. С. Пушкин) «назло надменному соседу» – Швеции, но и на зло старой России, ненавистной Петру Москве, в хаосе застройки которой, в неспешной, традиционной жизни которой он постоянно ощущал угрозу для себя.

Иначе все было на берегах Невы, вдали от Москвы. Именно здесь Петр решил воплотить свою мечту о городе, который будет похож на любимый им Амстердам, а также Венецию с их каналами, уютными улочками и высокими колокольнями церквей. На Васильевском острове «голландский» вид городу должны были придать каналы, пересекающие вдоль и поперек весь остров, и построенные по их берегам сплошными рядами – стена к стене – дома. Их планировали по единому образцу в мастерской швейцарского архитектора Доменико Трезини, ставшего первым главным архитектором города.

Петр начал свою деятельность в Петербурге осенью 1703 года, когда приехал на берега Невы с целой командой иностранных архитекторов – немцев, французов и датчан. Все первые постройки Петербурга осуществлялись под его руководством. Для строительства города в 1709 году создали Канцелярию от строений. В ее распоряжении были материалы, деньги и рабочие. Самым важным строительством для Трезини стал каменный Петропавловский собор с огромной, непривычной русскому глазу колокольней. На ее верхушке «летел» на огромной высоте белый ангел, который своими крыльями как бы прикрывал новый город. Вообще, вид высоких шпилей стал характерным, примечательным для Петербурга. Он как бы подчеркивал западную ориентацию, новизну города, так отличавшегося от вида традиционных русских городов, над которыми виднелись луковки-маковки русских церквей. Необычен для русского глаза был и Летний сад. Это обширный парк, в котором до сих пор стоит изящный Летний дворец Петра работы архитекторов Трезини и Шлютера. По указу Петра в Летнем саду сделали искусные гроты, высоко в небо били фонтаны, среди зелени деревьев белели мраморные статуи. Их начали привозить из Италии через несколько лет после основания города. Петр не жалел денег для того, чтобы украсить свой «огород» – так называл он Летний сад. Крупные итальянские скульпторы П. Баратта, А. Тарсия и другие работали по заказам русского царя. Но все-таки самой выдающейся диковинкой Летнего сада стала античная фигура Венеры – богини любви. С огромными трудностями скульптуру доставили из Италии в Петербург и водрузили в Летнем саду. А чтобы возмущенные консерваторы не повредили беломраморное тело Венеры, возле нее поставили часовых.

Летний сад и дворец. С гравюры 1716 года.

Царь стремился создать не просто парк – место отдыха, но и своеобразную школу под открытым небом. Посетители наслаждались не только зрелищем красивых статуй, но и могли пополнить свои знания по истории, мифологии. Так, глядя на скульптурную группу «Похищение сабинянок», они узнавали легендарный эпизод из истории Древнего Рима, когда римляне добывали себе жен посредством бесчестной кражи их у соседнего племени. Чтобы усилить назидательность скульптуры, возле фонтанов с сюжетами на темы басен Эзопа были повешены железные доски с текстом басен и пояснениями к ним. На лугу возле сада возвышался павильон; в нем находился знаменитый Готторпский глобус, диаметр которого достигал 336 см. Он был сооружен в 1664 году, а в 1713 году герцог Голштинский подарил его Петру I. Внешняя поверхность глобуса изображала земную сферу, а внутри размещалась карта небесной сферы. За столом внутри глобуса рассаживались 10–12 человек, глобус вращали, и сидевшие в темноте глобуса люди видели, как летит Земля в океане звезд и созвездий.

На Васильевском острове внимание гостей привлекал огромный дворец светлейшего князя Меншикова, который строили архитекторы Д. М. Фонтана и И. Г. Шедель. Красотой и изяществом отличалось внутреннее убранство дворца. Особенно поражал гостей Ореховый кабинет, комнаты с изразцовыми стенами и потолками, а также Большой зал, где проводились первые торжественные церемонии и танцы для петербургской знати и гостей. Лето Петр I нередко проводил за городом – поближе к морю, кораблям. В 1710 году на самом берегу моря, под высокой горой начали строить маленький уютный дворец, получивший названием Монплеизир («Моя утеха»). А. Шлютер, Ж.-Б. Леблон и другие архитекторы создали подлинный архитектурный шедевр – две пронизанные солнцем галереи ведут в высокий сводчатый зал, стены которого обшиты дубовыми панелями, увешаны картинами. Из широких – во всю высоту дворца – окон видно синее море, идущие к Кронштадту корабли.

Вдоль берега был разбит большой парк, он стал называться Нижним, в отличие от Верхнего, который окружал поставленный в 1714 году над крутым обрывом Большой дворец. К подножью обрыва от моря был прорыт канал, так что царь мог доплывать на лодке

прямо к лестнице, ведущей наверх, к Большому дворцу. Самой большой достопримечательностью Петергофа стала система высоких и шумных фонтанов, бивших в Нижнем саду. В инженерном смысле это было выдающееся сооружение. Система прудов на подступах к Петергофу собирала воду, и та, устремляясь с 15-метровой высоты холма вниз, затем с силой рвалась вверх из жерл фонтанов.

Заглянем в источник

Петр I понимал значение того, что он делал. В 1714 году при спуске корабля «Шлиссельбург» он произнес выразительную речь:

«Есть ли кто из вас такой, кому бы за двадцать лет пред сим пришло в мысль, что он будет со мною, на Балтийском море, побеждать неприятелей на кораблях, состроенных нашими руками, и что мы переселимся в сии места, приобретенные нашими трудами и храбростию? Думали ль вы в такое время увидеть таких победоносных солдат и матросов, рожденных от российской крови, и град сей, населенный россиянами и многим числом чужестранных мастеровых, торговых и ученых людей, приехавших добровольно для сожития с нами? чаяли вы, что мы увидим себя в толиком от всех владельцев почитании?»

Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оной изгнаны, скрылись в Италии и потом рассеялись по Европе до самой Польши, но в отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадением наших предков, и мы остались в прежней тьме, в какой были до них и все немецкие и польские народы. Но великим прилежанием искусных правителей их отверзлись им очи и со временем соделались они сами учителями тех самых наук и художеств, каковыми в древности хвалилась одна только Греция. Теперь пришла и наша черед, ежели только вы захотите искренне и бесприкословно вспомоществовать намерениям моим, соединя с послушанием труд, памятуя присно латинское оное присловие: “Молитесь и трудитесь”».

Царь любил Петергоф – место уединения и покоя. Здесь не было привычных для Петербурга шумных застолий и потех «Всеപ്പьянейшего собора». Гости могли посещать загородную резиденцию царя только по его особому приглашению, каждому отводили помещение, всем вести себя надлежало смирно и трезво. В специальных «Пунктах о Петергофе», написанных самим Петром I, запрещалось приезжать в Петергоф без пригласительного билета – «нумера постели». Кроме того, посетителям предписывалось: «Не разувся с сапогами или башмаками не ложиться на постели». И хотя обычных угроз к нарушителям в «Пунктах» не перечислялось, гости вели себя так, как хотел хозяин дворцов, – непривычно тихо и скромно.

Русские художники

Сам Петр немало делал для того, чтобы русские наверстали отставание от других народов в искусствах и ремеслах. Он отправлял за границу учиться не только на моряков, инженеров, кораблестроителей, но и на архитекторов, скульпторов, художников. Другим методом обучения было создание специальных «архитектурных команд» при тех знаменитых архитекторах, которые приезжали с Запада в Россию.

Эти команды состояли из русских молодых людей, которые, выполняя вспомогательную, чертежную работу, учились у заграничного мастера тайнам профессии. С 1710 года в учениках Трезини ходил будущий выдающийся архитектор Михаил Земцов. Потом он работал и в мастерской итальянского архитектора Николо Микетти, который был прекрасным учителем. Среди русских художников петровской эпохи первые места занимали Иван Никитин и Андрей Матвеев. Никитин прошел традиционную иконописную школу Оружейной палаты, где его учили древним секретам писать иконы. Потом, по воле царя, Никитин перебрался в Петербург, где стал учеником немецкого художника И. Г. Таннауэра. В 1716 году он отправился на четыре года для обучения «молярству» в Италию, в Венецию.

Впечатления от великолепной венецианской школы живописи окончательно сформировали Никитина как художника. С 1720 года Никитин, которым так гордился Петр I, стал гоф-малером русского царя, писал портреты как самого царя, так и членов его семьи.

Моложе Никитина был Андрей Матвеев. Он происходил из подьячих. Жена Петра I Екатерина как-то заметила, что у мальчика, брата своей прачки, удивительно каллиграфический почерк, и поручила его обучать. Матвеев делал успехи в рисовании, и в 1716 году вместе с другими русскими «пенсионерами» – учениками Иваном Коробовым, Иваном Устиновым, он отправился в Голландию, которая славилась не только кораблестроением, но и живописью. Учение портретному мастерству в Голландии было продолжено во Фландрии, в антверпенской Академии художеств – одной из лучших академий в Европе. Матвеев вскоре стал там лучшим учеником. Он вернулся в Россию в 1727 году, когда Петра I уже не было в живых, но всегда помнил: благодаря великому царю он, подьяческий сын, стал выдающимся живописцем России.

Алексей Зубов вышел из семьи иконописца, учился и работал в Москве, в Оружейной палате. В 1699 году он стал учеником голландского гравера Адриана Шхонебека. В 1711 году, когда Матвеев перебрался в Петербург, он был уже опытным мастером. Первой его большой работой стала гравюра «Изображение брака Петра I и Екатерины Алексеевны». В 1716 году он начал работу, которая обессмертила его имя в русском искусстве. Это была серия гравюр «Вид Петербурга» – первая изобразительная «летопись» новой столицы на восьми больших досках с проспектами отдельных его частей и зданий. Гравюры Зубова изящны, глубоки, наполнены жизнью. На них мы видим великий город в самом начале его истории.

Г. С. Мусикийский. Портрет светлейшего князя А. Д. Меншикова.

С Зубовым работали и другие русские мастера. Григорий Мусикийский специализировался на редком искусстве – он делал финифтяные миниатюры. Работа была

сложнейшая, тонкая. Изготовленные Мусикийским портреты царя предназначались в качестве наград отличившимся в воинских подвигах. Особенно восхищала современников миниатюра «Семейный портрет Петра I». На крошечном квадратном пространстве миниатюры – полноценный парадный портрет царской семьи. С Мусикийским соперничал другой мастер – А. Овсов, чьи миниатюрные портреты Петра, Екатерины, Меншикова не уступают в совершенстве миниатюрам Мусикийского. Художник Федор Васильев переносит нас на улицы молодого Петербурга. Мы видим барки у моста, бастион крепости, а его рисунок «Капрал докучает женкам» – одна из первых жанровых сенок, дошедших до нас с тех давних времен.

Царь не успел увидеть творений многих художников и архитекторов, которые по его воле учились за границей. Но успехи и прилежание их были известны ему; все это внушало надежду на будущие времена. Ведь в России изменилась вся обстановка, уже возникла хрупкая, но благодатная среда для научного и художественного творчества. Созданные Петром I школы и академии, верфи и заводы, армия и флот, архитектура, новые обычаи и развлечения требовали в огромном количестве специалистов разных профессий. Стали переводиться и издаваться книги по военному делу, архитектуре, строительству, осаде крепостей, математике, физике, истории. Эти книги стали печататься в новых типографиях, которые стали возникать в России. С января 1703 года начала выходить первая русская газета «Ведомости». Для облегчения чтения в 1710 году Петр I собственноручно исправил шрифт, заменив церковнославянское написание букв упрощенным, гражданским. В 1714 году в Петербурге была организована библиотека, ставшая впоследствии Библиотекой Академии наук, а также первый русский музей – «Кунсткамера». Здание для них начали строить в 1718 году на Васильевском острове. По указу Петра I по всей стране разыскивали старинное оружие, рукописи, различные редкости – «кун-сты». Петровская Россия еще не могла похвастаться выдающимися писателями, но в круге чтения русских людей появилось немало книг светского содержания. Феофан Прокопович сочинял пьесы, речи. Он стал одним из зачинателей русского классицизма, учителем А. Кантемира и М. Ломоносова. Особой популярностью среди читателей пользовались оды, «орации», канты – сочинения по случаю одержанных побед и знаменитых событий. Из прозы читатели любили анонимные сочинения: «Гисторию о российском матросе Василии Кариотском» и «Историю об Александре, российском дворянине».

Дело царевича Алексея

Непросто складывались не только царствование Петра Великого, но и его личная жизнь. Как было сказано выше, в 1698 году Петр I заточил свою жену царицу Евдокию в монастырь и довольно долго оставался неженатым. Роман с Анной Монс оборвался осенью 1702 года, когда она была уличена в измене. Второй раз Петр женился на простолюдинке Марте Скавронской – Екатерине. С 1703 года она оказалась в доме Петра, а в 1712 году венчалась с царем церковным браком. Петр очень любил жену, как и многочисленных детей, ею рожденных. Иначе складывались отношения Петра со старшим сыном Алексеем. В восемь лет оторванный от матери, он не стал близким человеком и для отца. Тот не проявлял к мальчику ни ласки, ни внимания. С годами Алексей превратился в недоброжелателя своего отца, стал ненавистником его дела. Этому содействовали люди, окружавшие царевича. Они смотрели на наследника с надеждой, мечтая о возвращении к старым добрым временам с того момента, как сам царевич вступит на престол.

Царевич Алексей Петрович.

Царь знал о настроениях наследника и не особенно волновался, пока в октябре 1715 года жена Алексея кронпринцесса София-Шарлотта не родила мальчика, названного Петром. Буквально через две недели царица Екатерина родила сына, также названного Петром. В перспективе, с взрослением этих царевичей, в стране мог возникнуть династический кризис. Петр I осознал опасность, возникшую для детей от любимой жены Екатерины. Именно с рождения царевичей начался конфликт царя с Алексеем. Петр I, обвиняя Алексея в лени и нежелании быть хорошим наследником, требовал, чтобы он либо «изменил свой нрав», либо отказался от наследства. Царевич согласился на второе предложение отца и был готов даже уйти в монастырь.

При этом Петр I не доверял сыну. Уехав из Петербурга в Копенгаген по делам войны, царь в августе 1716 года письмом вызвал Алексея к себе. Тот собрался в дорогу, но боялся неистового гнева отца или подстроенного им покушения по дороге. Ведь царь в своем письме требовал, чтобы Алексей детально указал маршрут и время прибытия в каждый из городов на пути в Копенгаген с тем, чтобы контролировать передвижение сына. На пути к отцу, в Польше, царевич неожиданно изменил маршрут и бежал во владения Австрии, где правил родственник покойной жены царевича, точнее, австрийской императрицей была сестра Шарлотты. Это было не предательство Алексея, как пытался потом представить дело Петр I и русская пропаганда, а акт отчаяния, попытка царевича спастись от неминуемой гибели. Но бегство это породило в душе Алексея страшные душевные муки. Он потерял покой и не мог найти себе место, чувствуя свою вину перед отцом и Россией.

Угрызениями совести, охватившими царевича, ловко воспользовался П. А. Толстой, посланный со строжайшим указом Петра I во что бы то ни стало найти и привезти Алексея в Россию. Он в компании с А. И. Румянцевым долго прочесывал владения австрийского императора, пока, наконец, не обнаружил беглеца в Италии, под Неаполем. Умело разжигая чувство вины царевича, обещая ему – от имени Петра I – безусловное прощение в случае

явки с повинной, Толстой сумел выманить царевича в Россию. Вот уж кто оказался предателем, так это любовница царевича – Ефросинья, простая крепостная девушка, которую Алексей полюбил и увез с собой в эмиграцию. Она помогала Толстому сломить волю царевича, погасить его страх и заманить в западню. В материалах Тайной канцелярии сохранилась краткая запись, сделанная уже потом, несколько лет спустя после гибели царевича. Ефросинья получила на свадьбу с неизвестным нам человеком две тысячи рублей... из денег покойного царевича. По тем временам это была огромная сумма денег, и это были иудины сребреники.

Легенды и слухи

Как погиб царевич Алексей

Обстоятельства смерти царевича навсегда останутся тайной. Сохранилось письмо, приписываемое одному из ближайших сподвижников Петра I генералу А. И. Румянцеву, который описывает казнь царевича, совершенную по прямому приказу Петра в Трубецком бастионе. И хотя подлинность этого письма ставится под сомнение, оно содержит ряд весьма правдоподобных деталей:

«Тогда мы, елико возможно, тихо перешли темные упокои и с таким же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампады, пред образами горящей. И нашли мы царевича спяща, разметавши одежды, яко бы от некоего соннаго страшнаго видения, да еще по времени стонуца... И, не хотяще никто из нас его мирного покоя нарушати, промеж себя сидяще, говорили: “Не лучше ли-де его во сне смерти предати и тем от лютого мучения избавити?”. Обаче (иначе. – Е. А.) совесть на душу легла, да не умрет без молитвы.

Сие помыслив и укрепясь силами, Толстой его, царевича, тихо толкнул, сказав:

“Ваше царское высочество! Возстаните!” Он же, открыв очеса и недоумевая, что сие есть, седе на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства (не) вопрошая. Тогда Толстой, приступив к нему поближе, сказал: “Государь-царевич! По суду знатнейших людей земли Русской, ты приговорен к смертной казни за многия измены государю, родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царского величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаянием приготовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей уже близ есть к концу своему”.

Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из этого успеха не возмев, нача горько плакаться и глаголя:

“Горе мне бедному, горе мне, от царской крови рожденному!”... А как увидали, что царевич молиться не хочет, то взяв его под руки, поставили на колени и один из нас, кто же именно от страха не упомяну, говорить за ним начал: “Господи! В руци твои предаю дух мой!” Он же, не говоря того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Той же, мню, яко Бутурлин, рек: “Господи! Упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец!” И с сим словом царевича на ложницу спиною повалили и, взяв от возглавья два пуховика, главу его накрыли, пригнетая, дондеже (пока. – Е. А.) движение рук и ног утихли и сердце биться перестало, что сделалось скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разобрать не мог, ибо от страха близкия смерти, ему разума помрачение сталося. А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича, яко бы спящаго и, помолвися Богу о душе, тихо вышли».

Царевича, вернувшегося домой, ждало не прощение царя, а его гнев и опала. Алексея подвергли допросам, очным ставкам, пыткам, причем сам отец сидел за столом следователя в пыточной палате. Он смотрел, как сына, родного ему человека, заплечные мастера подвешивают на дыбу, бьют кнутом и рвут у него ногти. Нет, Петр I не был садистом, но для него интересы государства, будущее России были превыше всего на свете; ради этого он принес в жертву своего сына. Летом 1718 года состоялся суд. Он не был праведным, и все

сподвижники Петра, составившие судилище, один за другим вынесли приговор: «Виновен, достоин смертной казни». А потом наступил момент, когда нужно было привести приговор в исполнение. И опять позвали Толстого и Румянцева...

Политический сыск. Тайная канцелярия

Тайная канцелярия как орган политического сыска возникла в 1718 году в связи с началом дела царевича Алексея Петровича. Раньше политическими делами занимался Преображенский приказ под ведением князя Ф. Ю. Ромодановского. Руководителем следствия по делу Алексея был один из ближайших сподвижников Петра I П. А. Толстой – человек умный, жестокий, беспринципный и циничный. До 1726 года Тайная канцелярия вела дело сообщников царевича, потом она была распущена, но в 1732 году, уже при Анне Иоанновне, возрождена вновь и существовала до 1762 года. Большая часть дел Тайной канцелярии была связана со «Словом и делом». Так назывались дела, возбуждаемые по публичному доносу. Человек кричал «Слово и дело!» и тем самым сообщал, что знает людей, которых может обвинить по оскорблению самодержца словом и злоумышлению на его здоровье и жизнь. В реальности же обычно это были случайно сказанные слова, неосторожные суждения и мнения о политике правительства, матерное слово, не к месту и не вовремя сорвавшееся с губ, злоумышленные доносы, которыми сводили счеты с врагами. Никакой реальной угрозы для власти люди, оказавшиеся в Тайной канцелярии, как правило, не представляли. Однако раз попав в застенок, они уже не могли оттуда выйти, если не проходили все круги ада – цикл допросов, очных ставок, пыток и наказания кнутом или ссылки в Сибирь. Естественно, это создало сыскному учреждению дурную славу в обществе. Вся система отношений в обществе была построена таким образом, что у каждого из подданных был шанс стать либо обвиняемым, либо свидетелем, либо доносчиком, причем недонесение по «Слову и делу» рассматривалось как одна из разновидностей государственных преступлений и жестоко преследовалось государством.

Царевич Петр Петрович.

Трагедии в семье Петра и Екатерины

На следующий день после гибели старшего сына Петр торжественно отпраздновал день Полтавской победы. Наследником престола стал младший, любимый сын царя Петр Петрович. Он был здоровым живым малышом. «Шишечка», «Потрошенок» (то есть плоть от плоти. – *Е. А.*) – так звали сына Петр и Екатерина в своих письмах. Как юные родители-молодожены восхищаются своим первенцем, так уже немолодая царская чета с восторгом встречала первые шаги своего сынка. «Прошу у Вас, батюшка мой, защиты, – шутит в письме Екатерина, – так как он немалую ссору имеет со мной из-за Вас: когда я про Вас помяну ему, что папа уехал, то не любит такой речи, что уехал, но более любит и радуется, когда скажешь, что здесь папа».

В письмах царь и царица мечтают о будущем сына. Конечно же, это счастливое будущее. С Шишечкой были связаны все династические надежды царственных родителей. Екатерина называет сына «Санкт-Петербургским хозяином». Но 4-летний мальчик заболел и умер в апреле 1719 года. Смерть сына и наследника потрясла царя. Вообще, в конце жизни Петру I было суждено испытать тоску и одиночество. Все его надежды были сосредоточены на Екатерине. В мае 1724 года он торжественно венчал ее в Успенском соборе Кремля как императрицу. Все расценили это как намерение передать ей трон. Соответствующее завещание было, вероятно, составлено тогда же.

Но той же осенью Петр I неожиданно узнал, что любимая его жена – «Катеринушка, друг сердешненькой» – изменяет ему с камер-юнкером Вилимом Монсом. Петр I был в ярости. После расследования должностных преступлений (формальная причина ареста любовника императрицы) Монса казнили, а между супругами наступило отчуждение. В последние годы жизни Петр I много болел. Его организм был расшатан тяжелой жизнью, постоянными походами, подорван пьянством и неумеренными развлечениями. Он умер в Зимнем дворце в ночь на 28 января 1725 года.

Императрица Екатерина I.

Заглянем в источник

5 февраля 1722 года Петр подписал составленный им же самим «Устав о наследии престола», ставший одним из важнейших законов, положенных в основу самодержавия. Уже первый раздел Устава объясняет причину его создания:

«Понеже всем ведомо есть какую авесаломскую злостью надмен был сын наш Алексей, и что не раскаянием его оное намерение, но милостию Божиею ко всему нашему отечеству пресеклось... а сие ни для чего иного взросло, токмо от обычая старого, что большому (т. е. старшему. – Е. А.) сыну наследство давали, к тому ж один он тогда мужеска полу нашей фамилии был и для того ни на какое отеческое наказание смотреть не хотел».

Итак, Петр видит причину трагедии сына в господстве традиционного обычая передачи наследства старшему и единственному сыну. Между тем, как пишет Петр, были примеры отмены такого порядка наследия: согласно Библии жена Исаака добилась передачи наследства мужа младшему брату, да и в русской истории был случай, когда великий князь Иван III вначале передал трон внуку

Дмитрию, даже венчал его шапкой Мономаха, а потом передумал и вернул наследство старшему сыну Василию.

Все это, по мысли Петра, позволяет «сеи Устав учинить, дабы сие было всегда в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея сию узду на себе».

Иначе говоря, государь получал право передавать трон фактически любому из своих подданных и, при необходимости, мог изменять и это решение. Это и есть самодержавие, утвержденное законом, позволяющим нарушать принятые же им самим законы.

Действующие лица

Императрица Екатерина Алексеевна

Известно, что Марта Скавронская – таково было имя Екатерины, данное ей при рождении – попала в плен к русским, осаждавшим в августе 1702 года шведскую крепость Мариенбург (ныне Алуксне). Многие в истории молодой Екатерины остаются неясным. Одни историки утверждают, что Екатерина по происхождению шведка, другие уверены, что она появилась на свет в латышской крестьянской семье. Наверняка можно сказать, что Марта родилась 5 апреля 1684 года не в дворянской семье, что юность провела в доме лютеранского пастора Глюка в Мариенбурге, что образования она никакого не получила и в пасторском доме была на жалком положении воспитанницы, девочки при кухне и прачки – «портмои». Известно также, что к подходу русских войск она была уже замужем за шведским солдатом-барабаничиком, словом, была подданной шведского короля. Недаром много лет спустя, поздравляя жену с праздником взятия Нотебурга, ставшего Шлиссельбургом, Петр писал жене, что сколько уже лет «нога наша в вашу землю вступила»...

В тот августовский день 1702 года Марта попала в плен в числе других жителей городка, была продана солдатом офицеру. Последний же, желая угодить начальству, подарил пленницу фельдмаршалу Шереметеву, а тот сделал ее своей прачкой, да заодно и наложницей. Потом она попала к влиятельному фавориту Петра I Александру Меншикову и, наконец, примерно в 1703 году Марта очутилась среди так называемых «метресс», которых всюду возил с собой охочий до женского полу царь Петр. Современники считали, что Екатерина приворожила Петра каким-то кореньем – так быстро она выделилась из прочих жениц, так крепко и болезненно-сильно полюбил ее, простую прачку-портмою, царь. Полонянка Марта своей добротой, бескорыстием, какой-то уютной теплотой со временем покорила сердце недоверчивого к людям царя. Он стал признавать рожденных ею детей (всего их было 11!). Лютеранка от рождения,

Марта приняла православие и стала Екатериной. Крестным отцом ее был сын Петра царевич Алексей. Кто мог подумать, в какой тугой узел потом завяжутся судьбы этих двух людей! В феврале 1712 года в Петербурге была сыграна скромная свадьба адмирала Петра Михайлова (морской псевдоним царя). На ней были только самые близкие люди. Свадьба хотя и была скромна, но все знали, что это не шутовская свадьба, а Екатерина стала настоящей царицей. Волшебное превращение не изменило характера лифляндской Золушки. Она оставалась такой же милой, скромной, неприхотливой боевой подругой царя, была рядом в его нескончаемых походах, даже рожала в поездках и, переждав день-другой, спешила к своему «старикам». Она смогла каким-то образом приспособиться к тяжелому, порой невыносимому характеру царя, умела угодить его вкусам, смиренно терпеть его странности и капризы.

В Екатерине не было ни изящества, ни красоты. Посторонним наблюдателям она казалась дурно и неряшливо одетой, мужиковатой простолудинкой, но в ней, по-видимому, было обаяние Геры – богини домашнего уюта и тепла. Она смирилась и с постоянными изменами царя. Даже наоборот, посылала к нему «метресс». Уж лучше все это будет у нее на глазах, чем тайно, за ее спиной и, может быть, ей на замену. Петр был без ума от Катериночки, своего «друга сердешинького» (так он обращался к ней в письмах): она стала матерью любимых им детей, хранительницей домашнего очага, которого у царя раньше никогда не было. С годами его чувства к Екатерине разгораются жарким поздним пламенем, царь угрожает ее малейшим желаниям. Она становится необходимой Петру. Екатерина была умна и тактична. Как писал один дипломат, Екатерина не забывала, кто и откуда она. И верно, в одном письме к мужу в шутку она просит не забывать и ее, «старую портовою». Не проявляла она и жадности до богатых подарков. В 1717 году, находясь во Фландрии и собираясь заказать Екатерине знаменитые брюссельские кружева, Петр просил ее прислать образец рисунка для мастериц. И она отвечала: ничего особенного не нужно, «только б в тех кружевах были сделаны имена, Ваше и мое, вместе связанные».

Ради Катериночки, своей последней любви, царь шел на многое: он лишился наследства, а потом казнил своего старшего сына Алексея, а когда на следующий год умер любимый родителями 4-летний сын Петр, император решается завещать престол жене. Весной 1724 года он венчал Екатерину императорской короной.

Но вся эта сказочная идиллия внезапно рухнула осенью 1724 года, когда Петр случайно узнал об измене жены с камер-юнкером двора Монсом. Что произошло? Мы уже никогда не узнаем об истинных причинах этой драмы у трона. Может, в описанной выше любовной истории любил только один он, а она, как часто случается в жизни, была лишь талантливой приспособленкой, которая любила прежде всего жизнь и в страшное время войны отчаянно цеплялась за нее. Может быть, Екатерина просто флиртвала с Монсом, не смогла удержаться от соблазнов, которыми так полна придворная жизнь...

В гневе Петр уничтожил подписанное на имя Екатерины завещание. Той осенью царь был особенно мрачен и беспощаден: Монса казнили, приближенных Екатерины били кнутом и сослали на каторгу. Измена «друга сердешинького» болезненно ударила по Петру. У царя не было больше надежды на будущее: он не знал, кому теперь передать свое великое ДЕЛО так, чтобы оно не стало достоянием любого прыгнувшего в постель Екатерины проходимца. Он умирал в страшных нравственных и физических мучениях, а она ждала...

Легенды и слухи

Есть ли тайна смерти Петра?

О смерти первого императора ходило немало слухов. Согласно распространенной легенде, он не успел назначить наследника и на грифельной доске якобы написал только два слова «Отдайте все...». На самом деле Петр до самого конца не решил этой проблемы. Он полагал, что болезнь его еще не

смертельна, что он выкарабкается. Планы же государя относительно наследства были таковы. Как только он узнал об измене жены, завещание в ее пользу было уничтожено, и позднее осенью 1724 года Петр дал согласие на брак голиштинского герцога Карла-Фридриха и старшей дочери Анны Петровны. В брачный контракт было включено одно важное условие – как только у супругов родится мальчик, они отдадут его деду. Именно этот мальчик и должен был унаследовать трон... Но замысел не удался – смерть опередила царя. Согласно другой легенде, причиной смерти Петра стало организованное зарубежными разведками отравление императора. Эта легенда тоже не достоверна. Точно известно, что он умер от воспаления в мочевом пузыре и общего отравления организма, вызванного затрудненным мочеиспусканием из-за развития аденомы предстательной железы или стриктуры уретры – последствия перенесенной им гонореи...

Личность Петра Великого

...В 1707 году поп из города Козельска ездил в Москву по своим делам. Он вернулся домой, пришли родственники, соседи, стали спрашивать, какие новости, видел ли отец Федор царя. Поп сказал, что видел государя. Шел он, поп, мимо дома Александра Даниловича Меншикова и видел, как со двора выезжал государь, без свиты. Не в карете, а один в двуколке, сам вожжи держал. Да побежала за ним рыженькая собачка и все лаяла. Остановил государь коляску, собачка прыгнула в коляску, а русский православный царь ну ее целовать-миловать, а она его лижет. Тьфу! Господи! Поразились гости: как так? русский царь с собакой целуется? Кто-то на попа донес, его арестовали, началось расследование, да вскоре священника выпустили. Ничего он не соврал, не придумал. Была и двуколка обшарпанная, на которой русский самодержец разъезжал по городу, была и рыженькая собачка любимая. Звали ее Лизетка, любил Петр I имя Лизавета – собаку назвал так, корабль, дочь... А чучелко собачки до сих пор хранится в Зоологическом музее...

Конный портрет Петра I.

История с козельским попом примечательна тем, что дает представление о том необыкновенном впечатлении, которое производил на окружающих русский царь. Современники, как русские, так и иностранцы, поражались простоте манер Петра I, его скромному жилищу, непритязательности в еде. Они с удивлением встречали русского самодержца, едущего в одиночестве или с одним спутником в двуколке, видели его с топором на стройках и верфях, наблюдали, как царь лезет по вантам на мачту корабля или стоит за его штурвалом. Это порождало среди народа слухи о том, что якобы в детстве, когда у царицы Натальи Кирилловны родилась девочка, ее подменили на мальчика из Немецкой слободы, поэтому царь наш подмененный, немецкий. Другие говорили, что это чушь – царя подменили во время поездки на Запад. Схватили его, бедного, посадили в Стекольне, в стеклянной башне, а к нам прислали очень похожего шведа, вот он и правит нами. «Не царь у нас, а царишка!»

Слухи эти возникали из-за необычайной внешности и поведения Петра. Все в нем было как-то странно, непривычно. Необычна была вся его высокая, непропорциональная фигура, резкие движения, размашистая быстрая походка, взгляд пронзительных черных глаз, подергивания головы, судорожные движения лица, рук и ног. Почти всегда небрежно одетый в недорогую и даже затрапезную одежду, он был чужд формальному почитанию и даже подчеркнутому вниманию окружающих. Но именно поэтому он был всюду виден, притягивал взгляды...

Иностранец, столкнувшийся с Петром на улице Амстердама, писал:

Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают ему величественный и бодрый вид и показывают его бесстрашный дух. Он ходит в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень идет. Его величество бывает обыкновенно в таком

простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя. Он не терпит при себе большой свиты и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги.

Другие иностранцы видели, как царь качался на качелях на Масленице, а потом зашел посмотреть на свадьбу простого булочника. Известно также, что Петр пел в церковном хоре. Любопытно, что древняя история для нас нема, мы не знаем, какой был голос у Наполеона, Юлия Цезаря. И только в записках простого солдата Никиты Кашина мы читаем о Петре: «Государь во время обедни сам читал Апостол – голос сиповатый, не тонок и не громогласен». Казалось, что царь сознательно избегал повсеместных проявлений полубожественного почитания своей персоны. Более того, Петр демонстративно пренебрегал обычаями старины, освященным веками этикетом. Но неправильно думать, что это был каприз, что он стремился разрушить почитание верховной власти. Просто у него был иной подход к этой власти, своей личности и своей роли. В одном из указов он писал, что подданные обязаны воздавать почтение государю, «однакож церемонии оному не всегда чинить надлежит», смотря по обстоятельствам, иногда желает государь, «чтоб не всегда голосен (то есть известен. – Е. А.) его проезд был, иногда же частого ради употребления оному наскучит». В истории нашей страны весьма мало правителей, которым когда-либо «наскучил» пышный ритуал их полубожественного почитания. Конечно, такое необыкновенное поведение царя – «работника на троне» – не могло не вызывать к его личности глубокой симпатии потомков, которые чаще сталкивались с иной манерой поведения правителей, лишенных порой даже толики гения Петра. В чем же суть и смысл такого поведения Петра?

Петр пренебрегал традиционным ритуалом потому, что он мешал ему жить по созданным им же принципам. Он шагал в солдатском строю, рубил топором на верфи, тушил пожары не только потому, что ему нравилась конкретная работа, что он любил видеть конкретный результат своего труда. Он был у всех на виду, он подавал пример, он считал себя учителем, мастером. Реформы, война воспринимались Петром как постоянная учеба, школа, которую должен был пройти русский народ, чтобы добиться успехов, подобных успехам западноевропейских народов. Пример же был главным методом воспитания в этой школе. Как-то, попивая целебные олонекские воды, он наставительно сказал: «Вот, тело свое лечу водами, а подданных примерами». Английский посланник Чарльз Уитворт писал:

Царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее командующим, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это вероятно делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как воображало о себе прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем.

Подобное же увидел и датский посланник Юст Юль. Он наблюдал поведение царя на верфи. Петр снял шапку и почтительно поклонился адмиралу:

Такое почтение он выказывал... и всем старшим по службе лицам... Пожалуй, это может показаться смешным, но в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушливы своему начальству.

Впрочем, не будем обольщаться демократизмом первого императора. В довоенном фильме «Петр Первый» есть один замечательный по своей выразительности эпизод. Он соответствует исторической действительности. Иностраный дипломат, впервые попавший на петровскую ассамблею, поражен, он видит Петра за столом в окружении простых шкиперов и купцов, с которыми царь весело пьет пиво и курит трубку. Он вопрошает стоящего рядом вице-канцлера Шафирова: «Говорят, царь прост?», на что Шафиров со сладкой улыбкой отвечает: «Государь прост в обращении». И это так! Да, он был прост, доступен, участвовал запанибрата в частых попойках при дворе, но внимательный наблюдатель видел и другую сторону поведения царя:

На всех пирах лишь только соберутся гости, прежде чем они примутся пить, царь

уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, кого рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что я редко видел его пьяным в стельку. Между тем остальных гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрость.

Всем были известны его взрывная импульсивность, страстность натуры, бешенство, которое его порой охватывало, и тогда он крушил все вокруг себя. Петр вызывал страх у многих своих современников. Некоторым он казался пришельцем из другого мира, антихристом, насланным на Россию за грехи ее. За Петром тянулась дурная слава палача и любителя застенка. В 1698 году в Преображенском приказе велось дело одной помещицы и ее крепостного, говоривших о царе такие слова: «Без тово-де он жить не может, чтоб ему некоторый день крови не пить», а «как крови изопьет, так весел, а нет, то хлеб ему не есца». Как бы в подтверждение этой мысли как помещицу, так и ее крестьянина за эти слова казнили. Мнение о царе-кровопийце жило в обществе и потом. Скажем так: мнение народное, как всегда, пристрастно.

Конечно, царь не был кровожадным палачом и сумасшедшим вроде Ивана Грозного, и кровь человеческую он не пил. По своему характеру, устремлениям царь был типичным, не знающим сомнений фанатиком служения своей идее. И ради нее он не считался ни с чем. Люди для него мало что значили. С ними он был циничен, бесцеремонен и даже эгоистичен. Примеров этому множество. В 1703 году, столкнувшись с большой смертностью солдат в армии, он писал из-под Шлиссельбурга боярину Т. Стрешневу, который ведал наборами солдат: «Изволь, не помедля, еще солдат сверх кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня». Мы видим, что люди для Петра – как зубья в гребешке, которые нужно быстро заменить. Он был рационалистом, истинным сыном своего века, который превыше всего признавал опытное знание, практику, презирал всякие сантименты и относился к человеку как к подручному материалу, с помощью которого возводил новую Россию, осуществлял эксперименты общегосударственные, да и научные. Известно, что в 1705 году Петр, присутствуя при казни преступника, остановил казнь и прямо с эшафота отправил преступника для опытов к доктору Бидлоо. Мужик здоровый, ну отрубят ему голову без пользы для отечества, а тут, может, он пригодится, как кролик для ученого. В деле сказано, что преступник через шесть дней у Бидлоо умер: тот ему печень вырезал. В другой раз, стоя в соборе вольного города Гданьска возле бургомистра, царь вдруг протянул руку, сорвал с головы бургомистра парик и нацепил себе на голову. Все онемели от ужаса, Петр же стоял как ни в чем не бывало – а что собственно произошло? Дуло из дверей, государю стало холодно, вот он и снял парик с бургомистра. Он был циником и прагматиком, ни во что не ставившим жизнь других людей. Отношение Петра к людям было практически лишено всякого гуманизма.

Опытное знание, веру в законы природы Петр ставил выше всего. Поэтому он любил по преимуществу науки точные, прикладные. Среди «художеств», которые следовало внедрить в России, он перечисляет математику, механику, черчение, баллистику, фортификацию, ботанику и вообще не упоминает об искусстве, которое для него – лишь пособие для обучения или способ украшения жилища. Рационально он подходил к переводам книг. В одном из указов он писал: «Понеже немцы обвыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого перед всякою вещию разговора, переводить не надлежит». А еще он обожал медицину, точнее – хирургию. Он пристрастно следил за здоровьем своих окружающих и незамедлительно предлагал, к их вящему ужасу, свои услуги. Так, голштинский придворный Берхгольц писал в своем дневнике:

Герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна находится в большом страхе, что

император примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно берется за всякого рода операции над больными. Так, в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал фабриканту Тамесу операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, операция представлялась ему весьма опасной.

Но обошлось.

Петр I был необыкновенным человеком, по-своему симпатичным. Неблагоприятное впечатление от порой грубых хваток и отталкивающих привычек царя значительно смягчалось, отходило на задний план перед тем удивлением и восторгом, которые вызывали у людей его глубокий ум, трезвость и верность суждений, необыкновенное трудолюбие. От этого удивительного царя обычно оставались в восторге люди военных, технических, естественнонаучных профессий и увлечений – он поражал их своими глубокими знаниями и умениями, неиссякаемой любознательностью, искренним восторгом перед гением творца сложных машин и механизмов. И тогда обычно прижимистый в тратах царь не жалел денег ради того, чтобы привезти в Россию какое-нибудь диковинное изобретение, вроде паровой машины для фонтанов Летнего сада или анатомической коллекции голландца Рюйша.

Впрочем, часто царь, человек бешеного нрава и темперамента, преображался, когда речь заходила об интересах его страны, и за столом дипломатических переговоров он проявлял необыкновенное терпение, выдержку, знание сложных тонкостей и «конъюктур» европейской политики, в чем разбирался не меньше, чем в секретах строительства и вождения кораблей. Один иностранец пишет, что в вежливой беседе с иностранным послом Петр сквозь зубы сказал приближенному по-русски: «Черт его возьми, надоел он мне хуже горькой редьки!», но дело есть дело, и царь терпеливо вел переговоры.

Не раз Петр говорил, что по-доброму Россией править невозможно. Он был вообще плохого мнения о своих подданных, считал русский народ ленивым, был убежден, что без насилия ничего путного в России не будет, и поэтому нередко хватался за свою знаменитую палку. Он не терпел беспорядка, возмущался московским «тотчас» и «завтра», нещадно бил даже знатных своих подданных. Но порой его охватывало отчаяние. Как-то, возвратясь из Сената и видя, как прыгает радостно возле него любимая собачка Лизетка, он присел и стал ее гладить, приговаривая: «Когда б послушны были в добре так упрямыцы, как послушна мне Лизета, тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побоев, знать, в ней более догадки (ума), а в тех – заматерелое упрямство». По письмам Петра видно, что у него были причины приходиться в отчаяние. Он нес тяжкое бремя реформатора, которого не понимал никто, он требовал от людей хотя бы точного исполнения своих обязанностей. «Стройте не образом, но делом, – призывал он подданных, – чтобы было крепко и добрым мастерством, и сие не токмо волею, но и неволею делать». Но все его призывы были напрасны. В 1716 году он получил письмо от своего ближайшего сподвижника Ф. М. Апраксина, который сообщал, что несколько дней не получал от царя указов и теперь «истинно во всех делах как слепые бродим, не знаем что делать, стала везде великая растрейка... денег ниоткуда не везут, все дела становятся». Наверняка тяжело вздохнул государь, прочитав это письмо. Несомненно, им должно было владеть острое чувство одиночества, сознание того, что его все боятся, не любят, не понимают. Петр имел все основания думать, что без него все дела встанут, а люди, как только он отвернется, бросят работу. Отчаянием проникнуты строки письма к царевичу Алексею: «Я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Всевышнего насаждение и уже некоторое возвращенное оставлю?»

И все же так случилось, что в памяти людей необыкновенная личность царя запомнилась не слабостями и недостатками, пороками и грехами, а великой целью прославить Россию, сделать ее просвещенной и могучей. Историк М. П. Погодин как-то заметил о Петре:

Концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы не оглянемся, везде мы встречаемся с этой колоссальной фигурой, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая (фигура. – Е. А.) в

настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко не ушли мы в будущее.

Опросы общественного мнения в постсоветское время показывают, что среди выдающихся деятелей России у Петра

Великого нет соперников: он один привлекает более 50 процентов общественных симпатий. Этот показатель кажется важным. Это значит, что люди признают необходимость мирных реформ и ненужность революции. В любви к первому императору видно и сожаление об исчезнувшей империи, ее утраченных огромных пространствах, которые в русском сознании всегда были символом могущества. Здесь и восхищение людей сильной личностью, хозяином, ведущим народ вперед. А более всего здесь – преклонение перед безупречной государственной репутацией Петра Великого, который никогда не заботился о своих богатствах, наградах, славе, а жил только ради России, ради ее будущего.

Часть II

Послепетровская империя и ее правители. 1725-1762

Возведение на престол Екатерины I

Итак, в ночь с 27 на 28 января 1725 года умер Петр Великий. Смерть 52-летнего императора была тяжелой и мучительной. Страшные физические боли не давали царю ни минуты передышки, они терзали его тело. Непokoйна была его душа – он не знал, кому передать престол, поручить свое огромное, многотрудное дело. Восемь из одиннадцати детей Петра I и Екатерины умерли в раннем возрасте, остались только три дочери-цесаревны: 17-летняя Анна, 16-летняя Елизавета и 6-летняя Наталья. После гибели старшего сына царевича Алексея остался его сын, 9-летний внук Петра I великий князь Петр Алексеевич. Но Петр I не решился написать завещание в пользу одной из дочерей. Он опасался за их судьбу и не верил, что Анна или Елизавета удержат в своих слабых руках руль государственного корабля. Не хотел царь передавать престол и внуку Петру. Петр знал, что сын царевича Алексея пользуется особой любовью всех, кто ненавидит его реформы, ту новую Россию, которую царь создавал с таким трудом. Вступление на престол Петра II могло привести к власти в стране оппозицию, которая, по мнению реформатора, уже не пощадит плоды преобразований.

Ранее император, казалось бы, решил проблему передачи власти: согласно завещанию 1724 года наследницей становилась жена Петра – императрица Екатерина Алексеевна. Но, как уже было сказано выше, ее измена с Монсом заставила Петра отменить свое решение – он уничтожил завещание, написанное в пользу жены. До самой смерти царь надеялся на чудо, верил, что выживет, и не решался написать новое завещание. Умиравший царь только слабо отмахивался рукой, говоря столпившимся у его постели сановникам: «После, после! Я потом все решу!» Но этот момент так и не пришел. В 5 часов 15 минут утра 28 января 1725 года Россия осталась без своего повелителя.

Столь неопределенное, трагическое положение страны продолжалось недолго. Видя, что Петр Великий умирает, его ближайшие сподвижники – те, кто были выдвинуты царем не по знатности, а по «годности» – А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин, Феофан Прокопович и другие, решили захватить инициативу и возвести на престол Екатерину. Тем самым они хотели удержать свою власть и воспрепятствовать приходу на трон внука Петра I, великого князя Петра Алексеевича, и его сторонников – князей Долгоруких и Голицыных. Замысел «худородных» вполне удался, так как они сумели привлечь на свою сторону гвардию – преображенцев и семеновцев. Для этого они не жалели ни денег, ни вина, ни обещаний. И вот сразу же после смерти Петра в зале Зимнего дворца собрались высшие сановники. Они ожесточенно спорили о том, кому передать трон, как вдруг за стенами

дворца раздался грохот барабанов, и в окна дворца все увидели мелькание зеленых мундиров гвардейцев. Дворец был окружен, раскрасневшиеся от мороза и вина офицеры и солдаты повалили в зал. Все предложения «партии» сторонников великого князя Петра Алексеевича тонули в приветственных выкриках гвардейцев в честь «матушки-государыни» и бесцеремонных угрозах «расколоть головы боярам», если они не подчинятся Екатерине. Улучив подходящий момент, Меншиков, перекрывая шум, громко крикнул: «Виват, наша августейшая государыня императрица Екатерина!» «Виват! Виват!» – подхватили гвардейцы. «И эти последние слова – вспоминает голштинский министр Бассевич, – в ту же минуту были повторены всем собранием, и никто не хотел показать виду, что произносит их против воли и лишь по примеру других». Все быстро и бескровно кончилось – на престол взошла императрица Екатерина I. К восьми часам утра был оглашен манифест о ее воцарении, гвардейцам раздавали водку... Утро 28 января 1725 года Петербург встречал уже с новой государыней.

Императрица Екатерина I.

Заметки на полях

Двадцать восьмого января 1725 года гвардейцы впервые вышли на подмостки театра политики. Создавая в 1692 году два первых гвардейских полка, Петр Великий хотел противопоставить их стрельцам – привилегированным пехотным полкам московских царей, которые к концу XVII века стали вмешиваться в политику. «Янычары!» – так, уподобляя стрельцов турецкой придворной пехоте, презрительно именовал их Петр. Он навсегда запомнил два мятежа стрельцов в 1682 и 1698 годах и люто их ненавидел. Но не успел основатель и первый полковник Преображенского полка закрыть глаза, как его любимцы в зеленых мундирах превратились в новых янычар. История русской гвардии XVIII века противоречива. Прекрасно снаряженные, образцово вооруженные и обученные, гвардейцы всегда были гордостью и опорой русского престола. Их мужество, стойкость, самоотверженность много раз решали в

пользу русского оружия судьбу сражений, кампаний, целых войн. Не одно поколение русских людей замирало в государственном восторге, любясь на «однообразную красоту» гвардейских батальонов во время их торжественного марша по Марсовому полю – главной площади военных торжеств в Петербурге.

Но была и иная, менее героическая страница в летописи императорской гвардии. Гвардейцы – эти красавцы, дуэлянты, волокиты, избалованные вниманием столичных и провинциальных дам, составляли особую привилегированную часть русской армии со своими традициями, обычаями, психологией. Главной обязанностью гвардии была охрана покоя и безопасности двора и царской семьи. Стоя на часах снаружи и внутри царского дворца, они видели изнанку придворной жизни, оборотную сторону волшебного для миллионов простых подданных бытия. Мимо них в царские спальни прокрадывались фавориты, они слышали сплетни и безобразные ссоры, без которых не мог жить двор. Гвардейцы не испытывали благоговейного трепета перед блестящими золотом и бриллиантами придворными, они скучали на пышных церемониях – для них все это было привычно, и обо всем они имели свое, часто нелюбимое мнение. Важно и то, что у гвардейцев было преувеличенное представление о своей роли в жизни двора, столицы, России. Между тем оказывалось, что «свирепыми русскими янычарами» можно успешно управлять. Лестью, посулами, деньгами ловкие придворные дельцы умели направить раскаленный гвардейский поток в нужное русло, так что усатые красавцы даже не подозревали о своей жалкой роли марионеток в руках интриганов и авантюристов. Впрочем, как обоюдоострый меч, гвардия была опасна и для тех, кто пользовался ее услугами. Власть императоров и первейших вельмож нередко становилась заложницей необузданной и капризной вооруженной толпы гвардейцев. И вот эту будущую злоеющую в русской истории роль гвардии пронизательно понял французский посланник в Петербурге Жан Жак Кампредон, написавший своему повелителю Людовику XV сразу же после вступления на престол Екатерины I: «Решение гвардии здесь закон». И это была правда. XVIII век вошел в русскую историю как «век дворцовых переворотов». Все эти перевороты делались руками гвардейцев. Начало же мрачной традиции было положено глухой январской ночью 1725 года...

Государыня Екатерина I Алексеевна правила чуть больше двух лет – с января 1725 по май 1727 года. Началось ее царствование с грандиозных похорон Петра Великого в Петропавловском соборе Петербурга. Вся процессия похорон была торжественной и печальной. Она запомнилась современникам неумолчным звоном десятков колоколов, оглушительным грохотом орудий, заунывным пением сотен певчих. Петербург прощался со своим основателем. Смерть Петра глубоко потрясла русских людей. Так часто бывало в России, когда умирал пусть и нелюбимый, но грозный, суровый правитель. Его считали отцом, благодетелем своих детей-подданных, которые без него чувствовали себя осиротелыми.

Екатерина I у власти. 1725–1727

После смерти Петра жизнь вошла в свою привычную колею. Новая самодержица Екатерина I не обладала ни способностями, ни желанием управлять государством. Все свое время она тратила на развлечения и пиры в узком придворном кругу. Реальная власть сосредоточилась в новом высшем правительственном учреждении – Верховном тайном совете, созданном в феврале 1726 года. В указе императрицы об образовании совета говорилось, что он создан «при боку нашем не для чего, инако только, дабы Нам вспоможение и облегчение учинил». Так новая императрица расписалась в своей полной непригодности как правитель. Члены Верховного тайного совета назывались верховниками, они и составляли правительство. Но главным, самым влиятельным верховником был светлейший князь А. Д. Меншиков. Он – давний друг и сподвижник Екатерины – пользовался ее полным доверием и фактически управлял страной. А после смерти Петра

Великого это давалось непросто. Пока жил на свете грозный царь, его могучей власти боялись, он господствовал над умами людей, заставлял их подчиняться силой своего авторитета, слова, дубинки, кнута и каторги. Преемники Петра уже не могли так же смело действовать, игнорировать те трудности, которые возникали перед ними.

Заглянем в источник

Речь над свежей могилой Петра Великого произнес архиепископ Псковский Феофан Прокопович. Это была краткая – всего на 10 минут – и выразительная речь. Он призывает присутствующих оглянуться, осознать, что совершается в это мгновение, понять, что это не сон, не наваждение, а суровая воля Бога, призвавшего смертного на свой суд:

«Что се есть? До чего мы дожили, о, россияне? что видим? что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах, как истинная печаль! Ах, как известное наше злоключение!»

Посмотрим, говорит далее оратор, кем для нас был Петр, оценим его роль в нашей истории и жизни, сравним с великими людьми прошлого. Он был для России непобедимым библейским Самсоном, который разорвал пасть льву (вспомним, что лев – символ Швеции). Он был мужественным мореплавателем, подобный другому библейскому герою – Иафету. Кроме того, он, как мудрый пророк Моисей, давший евреям закон, составил законы для России. Петр подобен и царю Соломону – справедливому судье, похож он и на византийского императора Константина – смелого реформатора церкви. Потеря россиян огромна, невозполнима. Но, призывает слушателей Феофан, – не надо предаваться безмерной скорби. Оглянитесь, о, россияне, вокруг! Смахните слезы, ведь все созданное им осталось: чудный молодой город, доблестные победоносные полки, могучий флот:

«Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое... его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую – любима и будет, сделал врагам страшную – страшная (им) и будет, сделал на весь мир славную – славная и быти не престанет. Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления. Убо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам».

Орден святого князя Александра Невского

В 1725 году появился третий орден России – Святого князя Александра Невского. Он был задуман Петром Великим в 1724 году и приурочен к переносу праха святого князя из Владимира в Петербург. Этим орденом предполагалось награждать исключительно за воинские заслуги. Однако Екатерина I стала жаловать им не только военных, но и гражданских лиц. Девиз ордена – «За труды и Отчество», крест ордена – золотой с красной эмалью с изображением Александра Невского на белом коне. При этом награжденному надевали муаровую ленту через левое плечо, носил он также и серебряную звезду, положенную к знакам ордена.

А из губерний, уездов, от воинских начальников приходили многочисленные сведения о разоренных в ходе непрерывных войн городах, об опустевших деревнях, о тысячах беглых крестьян, бежавших куда глаза глядят – на Дон, в Сибирь, в Польшу и Турцию, – только бы подальше от тяжелой власти государя, его чиновников и своих помещиков. Огромная армия съедала 85% всех поступлений денег в казну, остальные шли на флот и двор. Но и этих денег постоянно не хватало. Крестьяне по всей стране не могли заплатить положенные на них налоги. Недоимки с них, то есть долги по налогам, множились, возрастали из года в год. Верховники понимали, что от того, как живет крестьянство, зависит могущество государства и армии. В 1727 году в одном из правительственных проектов Меншиков, Остерман и другие писали:

«Армия так нужна, что без нее государству стоять невозможно, того ради и крестьянах

попечение иметь надлежит, ибо солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата».

Голод – впервые за много лет – стал угрожать России. Он стал результатом многолетних неурожаев. Страна испытывала усталость от грандиозных реформ Петра; требовался какой-то перерыв, несколько мирных, спокойных лет без войны и огромного напряжения. И, понимая это, верховники резко уменьшили темпы петровских преобразований, от некоторых из них отказались вообще, другие остро критиковали. Они временно убавили подушную подать, сократили число чиновников и расходы на них, остановили продвижение империи на Восток, в Индию.

Представить многие петровские реформы неудачными было, в принципе, выгодно пришедшим к власти верховникам. И хотя они понимали, что прошлое уже никогда не вернуть, критика реформ Петра Великого была нужна им для упрочения своих позиций у власти. Это была типичная политическая спекуляция, игра на общих настроениях многих людей, недовольных суровым правлением царя-реформатора. Особенно внимательно верховники посматривали в сторону мальчика великого князя Петра Алексеевича, который быстро рос и притягивал к себе всех потенциальных врагов Меншикова и Екатерины. За юным Петром – внуком Петра Великого – было будущее. И лучше всех это понимал Меншиков. Он видел, что императрице становится все хуже – непрерывные попойки, празднества и танцы подрывали ее здоровье. Она явно прожигала свою жизнь. Меншикову нужно было думать о будущем. Он знал, что если Екатерина умрет, воспрепятствовать вступлению на престол Петра II будет очень сложно. Ведь это был прямой потомок Петра Великого, его родной внук, и престол принадлежал ему по праву. И когда в апреле 1727 года императрица окончательно слегла, Меншиков добился от нее подписи под завещанием, которое называлось на европейский манер «Тестаментом».

Согласно завещанию Екатерины престол переходил к великому князю Петру Алексеевичу. Одновременно будущий царь обязался жениться на дочери Меншикова Марии. В этом-то и состояла хитрость Меншикова, который мечтал продлить свою власть несмотря ни на что. Намерения Меншикова породниться с будущим царем напугали тех, кто помогал ему в 1725 году возвести на престол Екатерину I. Теперь сподвижники Меншикова поняли: ради собственного благополучия светлейший бросает их на произвол судьбы. Особенно встревожились П. А. Толстой – главный следователь по делу царевича Алексея, а также генерал-полицмейстер А. М. Девьер и обер-прокурор Сената Г. Г. Скорняков-Писарев. Меншиков, зная характер своих товарищей, к их мятежу уже приготовился: Толстой с товарищами были арестованы, допрошены, обвинены в заговоре. За несколько часов до смерти 6 мая 1727 года Екатерина I, по просьбам и требованиям Меншикова, подписала указ о ссылке заговорщиков.

Светлейший торжествовал: ему казалось, что он победил всех своих недругов.

Заглянем в источник

Завещание Екатерины дошло до нас в копии, которая хранилась среди бумаг Коллегии иностранных дел. Сам подлинник был предъявлен дважды и затем исчез навсегда. В первый раз он появился 7 мая 1727 года, на следующий день после смерти Екатерины. Тестамент прочитал А. И. Остерман на заседании Верховного тайного совета в присутствии Петра II и его родственников. В нем было сказано:

«1) Великий князь Петр Алексеевич имеет быть суксессором (наследником. – Е. А.); 2) И именно со всеми правами и прерогативами, как мы оными владели... 8) Ежели великий князь без наследников преставится, то имеет по нем цесаревна Анна со своими десцендентами (потомками. – Е. А.) наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют...»

Затем, уже после присяги, целования креста, литургии, император и все остальные вышли к людям: созданному для этого генералитету и высшим чиновникам. Тогда Тестамент был зачитан во второй раз, и все присутствующие подписали соответствующий событию официальный протокол. 19 мая на

заседании Верховного тайного совета, с Тестамент сняли копии, которые забрал канцлер Головкин. И все... Больше никто и никогда не видел подлинник Тестамент. Почему? Да потому, что каждому из пришедших к власти после Петра II властителей этот документ был не нужен и даже вреден. Дело в том, что он содержит внутреннее противоречие. Он – иллюстрация применения в жизни петровского «Устава о наследии престола». Назначение преемников великого князя Петра Алексеевича было подано в нем как реализация священного права самодержца распоряжаться престолом по своему усмотрению. Вместе с тем, не отменяя петровский Устав, Тестамент закрывал возможность его применения на будущее, так как определял порядок наследования после возможной смерти Петра II в случае отсутствия у него детей-наследников. Между тем, достигнув совершеннолетия, Петр, согласно тому же Уставу, мог сам, по собственной воле решать судьбу трона, и тут ему Тестамент – завещание предшественницы – был ни к чему. Точно так же думала пришедшая к власти после смерти Петра II императрица Анна Иоанновна. В своеобразном положении оказалась дочь Петра Великого Елизавета Петровна, совершившая в 1741 году государственный переворот. Она могла бы извлечь Тестамент, ибо она упоминалась в нем как одна из возможных наследниц Петра II. Но вот незадача: по установленному Тестаментом династическому счету вперед нее шла старшая сестра Анна Петровна и ее «суксессоры», т. е. сын покойной, здравствующий в Голштинии герцог Карл-Петер-Ульрих, известный в истории как Петр Федорович (Петр III). Захватив власть, Елизавета, естественно, не хотела передать ее сразу своему племяннику. Поэтому о Тестаменте более не упоминали, а голштинский герцог был вызван в Россию, где стал наследником престола.

Император Петр II. Опала Меншикова

Для Меншикова, казалось, наступила самая счастливая пора. На престол вступил его «протеже» – император Петр II. В мае 1727 года он обручил Марию с императором, став генералиссимусом русской армии, полным адмиралом. Не церемонился Меншиков и со старшей дочерью Петра Великого Анной. В 1725 году ее выдали замуж за голштинского герцога Карла-Фридриха, и после смерти Екатерины I Меншиков выпроводил любимую дочь Петра и ее мужа в Голштинию. Чтобы не спускать глаз с юного императора, Меншиков перевез его из Зимнего дворца к себе, во дворец на Васильевском острове, всюду ездил с ним по столице и окрестностям.

В. Суриков. Меншиков в Березове.

Но летом 1727 года Меншиков неожиданно очень тяжело заболел, а когда поправился, оказалось, что Петр II уже не хочет подчиняться воле светлейшего князя. Он не скрывал, что его опека императору весьма стеснительна, а невеста Мария – неприятна. Настроить Петра II против Меншикова сумели его приближенные – князь Иван Долгорукий и воспитатель царя вице-канцлер А. И. Остерман. Последний, как оказалось впоследствии, вел двойную игру: заверял Меншикова в своей преданности и, одновременно, настраивал Петра II против опекуна и будущего тестя.

Сентябрь 1727 года стал роковым для Меншикова: он был арестован, а затем сослан вместе с семьей в ссылку. Современники удивлялись необыкновенной легкости, с которой был сброшен с вершины власти и могущества этот временщик. В самый ответственный момент Меншиков не пытался сопротивляться, почти сразу же подчинился воле императора, начал слать ему уничижительные челобитные, в которых просил «всемилодивейшего прощения» и заклинал: «Да не зайдет солнце во гневе Вашем!»

Заметки на полях

что же сломало волю этого могущественного вельможи, что привело к победе мальчика-царя, который поначалу так боялся и слушался Меншикова? Не будем забывать предшествующие столетия русской истории, особенность социального строя России, при котором не было европейских сюзеренов и вассалов, а был лишь один господин – государь, а все остальные числились его подданными-рабами. С ними государь был волен поступать по своему усмотрению. Мало что изменилось в системе власти и подчинения при Петре I. Ф. М. Апраксин – генерал-адмирал, граф, президент Адмиралтейской коллегии, брат царицы – жены Ивана V, униженно подписывал свою челобитную царю, как его предки во времена Ивана Грозного: «Раб твой государской, пав на землю, челом бью». Другие подписывались иначе: «Всенижайшее, рабски припадая к стопам Вашего величества...». Официальные формы обращения в документах и до сих пор очень многое говорят о реальных отношениях людей. Прав французский посланник при русском дворе маркиз Шетарди, писавший о таких вельможах:

«Знатные только по имени, в действительности же они были рабы и так свыклись с рабством, что большая часть из них не чувствовала своего положения».

Таков был и Меншиков.

Светлейший князь А. Д. Меншиков.

Действующие лица

Генералиссимус Александр Меншиков

Впервые имя Меншикова упоминается в 1698 году как имя «царского фаворита Алексаики из низшего рода людей»... Его происхождение темно, но подданный в России, независимо от происхождения, становится «большим» только тогда, когда он в фаворе. В конце 1680-х годов Алексаика приглянулся молодому Петру I, и это решило его судьбу: он стал царским денщиком, а потом – порученцем. Петр любил Меншикова, делил с ним стол, вечную свою дорогу, трудности и, как подозревали многие, – постель. Меншиков был по-настоящему талантлив. Он оказался тем человеком, тип которого культивировал царь: преданным государю, усердным в учебе, отважным в бою, любящим море и корабли, неутомимым в работе, стойким в непрерывных попойках, покладистым и необидчивым в общении. При взятии шведской крепости Нотебург (Орешек)

осенью 1702 года Меншиков показал себя отчаянным смельчаком. На глазах царя в белой распахнутой на груди рубахе он отважно лез в самый огонь. Так, как трофей, Меншиков «взял» свое первое «кресло» – стал комендантом этой крепости, названной Шлиссельбургом, срочно ее отремонтировал... Словом, доказал на деле, что не зря ест царский хлеб. В 1703 году он был назначен первым генерал-губернатором Петербурга. Он был на своем месте: умен, деловит, памятлив, инициативен. Таких людей было мало, и Петр их особенно ценил, прощая им многие их прегрешения. Ну, а грехов у Меншикова было много. Выскочка из низов, он жадно искал признания посредством богатств, чинов, титулов и наград. Но не только гордыня владела душой Меншикова. Он был нечист на руку, оказался редкостным даже для России стяжателем и казнокрадом, а потому скопил невероятные богатства. Много раз его ловили за руку, но от эшафота и кнута его спасала любовь Петра и умение раскаться, добровольно сдать в казну все, что было им наворовано.

И на поле боя Меншиков отличался не раз. Он обладал талантом полководца, был отличным кавалеристом – смелым, горячим. Мчаться вперед сломя голову на врага и рубить его «в капусту» как раз по его силам и страстям. Велика роль меншиковской кавалерии в победе над шведами под Полтавой и Переволочной.

После Полтавы Меншиков воевал недолго. Во время кампании в Германии, где он в союзе с датчанами и пруссаками выбивал шведов из их померанских крепостей, разразился грандиозный скандал. Заняв одну из важных шведских крепостей, не передал ее, как было заранее оговорено, датчанам, а... продал за миллион талеров прусскому королю. Петр был вынужден отозвать светлейшего. Наверное, и деньги у него отобрал! Может быть, это так и было задумано, но с тех пор Меншиков редко покидал Россию. Он осел в Петербурге, в своем роскошном дворце на берегу Невы. Каждое утро еще затемно он спешил на стройки, верфи... Лучше него свой «парадиз» знал только сам государь. Вечером Меншиков возвращался в свой роскошный дворец на Васильевском острове, на котором была видна печать необыкновенной личности Меншикова – человека яркого, амбициозного, богатого, жившего щедро, с размахом, с демонстративным желанием поразить гостя своим богатством, шальным счастьем через край. Истинно новый русский! Здесь он и свил свое гнездо: женился по любви на дворянке Дарье Арсеньевой, нажил с нею троих детей и был здесь вполне счастлив... Уезжая в походы и странствия, в доме Данилыча оставлял своих детей даже сам Петр.

Но не всегда небо было безоблачно над гнездом Меншикова. Порой царь бывал суров к светлейшему. Все аферы, «жульства» и махинации Меншикова быстро становились ему известны, и в 1723 году светлейший ощутил растущее раздражение царя, уставшего «подтирать» за непрерывно «гадившим» любимцем. Но на этот раз за любимца вступилась жена Петра, царица Екатерина – бывшая любовница Меншикова. Их связывало нечто большее, чем память о поросшем быльем романе. Они, выходцы из низов, были одиноки в толпе родовитой знати, ненавидимы всеми в завистливом придворном мире, а поэтому держались друг за друга, боясь пропасть поодиночке. И когда в 1725 году Петр умер, Меншиков отблагодарил свою, как писал датский дипломат, «давнюю подругу сердца», сделав ее императрицей Екатериной I. Но покоя светлейшему не было и тогда – государыня много болела, родовитая оппозиция во главе с великим князем Петром, сыном покойного царевича Алексея, нетерпеливо ждала своего часа. Вот тогда-то он и осуществил свою комбинацию с Тестаментом, определив для себя место будущего тестя нового императора Петра II. Но планы его были разрушены недругами. Его свергли, и он с семьей под конвоем отправился в Сибирь. Меншиков не сопротивлялся – он сам безжалостно топтал людей без счета и знал повадки властителей. Он умер в Березове осенью 1728 года.

Возвращение двора в Москву

О Меншикове, сосланном в Березов, довольно быстро забыли. У трона уже были другие фавориты. Ближайшим другом императора стал князь Иван Долгорукий – красивый молодой человек. Он был на семь лет старше Петра II и пользовался безусловным доверием мальчика-царя как более «опытный», «повидавший жизнь» человек. Долгорукий, по своему характеру человек легкомысленный и пустой, был заводилой всех попок и дерзких проказ, в которые не без успеха втягивал Петра II. Современники с ужасом вспоминали, как бесчинствовал «злодерзкий» фаворит царя, «по ночам в честные дома вскакивал, гость досадный и страшный». Под стать ему был и сам император. Ему не исполнилось и 14 лет, но он уже поражал наблюдателей ростом, физической крепостью и тяжелым характером. «Темперамент желчный и жестокий», упрямый – «стоит на своем, не терпит возражений и делает что хочет», «черты лица его хороши, но взгляд тяжел и, хотя император юн и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного». Так отзывались о Петре II иностранные

дипломаты.

Никто не смел перечить царю, как только он освободился от власти Меншикова. Мальчик забросил учебу и с головой погрузился в любимое дело – охоту и травлю зверей. В этом ему особенно потакали Иван Долгорукий и его многочисленные родственники, занявшие первые места при дворе. В начале 1728 года императорский двор, а вслед за ним государственные учреждения, дипломатический корпус и многие дворяне перебрались в Москву. Поначалу говорилось, что поездка предпринята для того, чтобы короновать царя по традициям предков в Успенском соборе Кремля. Прошла пышная церемония коронации, но Петр II, увлеченный охотой в богатых дичью подмосковных лесах, возвращаться в Санкт-Петербург не собирался.

В Москве юный Петр II, увлекаясь только охотой, пропадал месяцами в подмосковных лесах и полях. И это вызывало беспокойство иностранных дипломатов. Многим стало казаться, что Россия возвращается к допетровским временам. Император Петр II быстро мужал, превращаясь в сильного, ловкого молодого человека. Современники отмечали, что характер у него был тяжелый, капризный. Он ни в чем не знал меры и любые советы встречал с неудовольствием. Окружение юного императора, состоявшее из людей недалеких и пустых, поощряло его капризы и охотничьи увлечения. Некоторое время императора сдерживала его старшая сестра Наталья Алексеевна, но в ноябре 1728 года она умерла от скоротечной чахотки. Как точно писал историк С. М. Соловьев, постепенно «император дичал».

Великую княжну Наталью похоронили в усыпальнице московских царей – в Архангельском соборе. Эти и другие факты с неумолимостью говорили, что окружение царя – князя Долгорукие и Голицыны, среди которых выделялся князь Дмитрий Голицын, – не хотят возвращения императора на берега Невы. Нельзя сказать, что было официально сказано об окончании «петербургской эпопеи» в истории России, но люди, стоявшие у трона, старались не вспоминать Петра Великого, не думать о судьбе государства.

Санкт-Петербург оказался покинут двором, дипломатами. Но город не погиб. Он жил своей жизнью. В порту все теснее становилось у причалов – десятки купеческих кораблей под флагами всех стран мира приходили сюда по мирной Балтике. С верховьев Невы непрерывной вереницей плыли тысячи барок с товарами – почти бесплатными дарами России: лесом, железом, пенькой, хлебом, воском и т. д. Делала свои первые шаги и Петербургская академия наук. Открытая в 1725 году, при Екатерине I, она растворила двери для европейских ученых, которые приехали сюда из знаменитых университетов Европы. Среди них были и опытные исследователи, и начинающие: астроном Ж. Н. Делиль, ботаник И. Г. Гмелин, математик Л. Эйлер, историк Г. Ф. Миллер и другие. Они заложили основы науки в России, обучили многих талантливых русских студентов. Продолжались научные экспедиции, начатые раньше.

Бездарный для политиков 1728 год стал знаменательным годом в истории русской науки. В этом году открылась библиотека Академии наук, в новой типографии стали печатать первые научные журналы как по естественным и математическим наукам, так и по гуманитарным. Научные публикации ученые могли печатать в основанном Г. Ф. Миллером журнале «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания к Ведомостям». Издание первой и единственной в то время газеты «Санкт-Петербургские ведомости» было продолжено. Словом, Петербург, давший приют науке, мореплаванью, европейской культуре, жил, несмотря на то, что двор перебрался в Москву, а царь был мал и глуп. России уже были нужны наука, знания. Она жила единой жизнью с европейским миром.

Заметки на полях

Жизнь Петербурга в эти годы продолжалась как бы по инерции. Будущее его было туманно. Как известно, император Петр II умер в 1730 году 14 лет от роду, а ведь он мог жить и жить, править, как его современник Людовик XV, лет шестьдесят, например, до 1790 года! Он женился бы на княжне Екатерине

Долгорукой, окруженный ее старомосковскими родственниками, устроился бы в Москве навсегда. А что было бы тогда с Петербургом? Думаю, Петербург не умер бы, не исчез, как исчез в песках египетский Ахетатон – столица фараона-реформатора Эхнатона. Мы знаем, что церковное здание живет и дышит теплом маленьких свечек и верой прихожан, а без этого непременно гибнет и разрушается, несмотря на систему отопления. Так и город существует и живет благодаря людям, их суете. Унылые проспекты и линии скучны и мертвы только на планах, а на самом деле их переполняет жизнь людей, как кровь переполняет сосуды живого существа. Петербургские проспекты и линии – это «линии жизни» (А. Белый). Словом, Петербург продолжал бы существовать, и это могло длиться очень долго. После отъезда двора в Москву Петербург не покинули иностранные специалисты. Они, нанятые еще Петром Великим, честно отработывали свои контракты. А работали они хорошо – плохих специалистов Петр не брал. Да разве только иностранцы знали и любили свое дело! В Петербурге жили новые русские люди (не будем воспринимать это словосочетание «новые русские» иронично!), талантливые и работающие, честные и верные своему предназначению. Это были «птенцы» опустевшего гнезда Петрова. Он уже «поставил их на крыло», дал им, как написали бы в советское время, «путевку в жизнь». Это было совершенно новое поколение русских моряков, инженеров, мастеров и художников, родившихся в самом начале петровских реформ и уже вдохнувших воздух западной цивилизации.

Многие из них учились за границей, но вернулись в Россию, и Петербург стал их домом. Они хорошо понимали значение Петра и Петербурга в своей жизни и жизни страны. Они искренне, не «послуя глаза», скорбели о кончине государя, свято чтить его память. Один из них, русский резидент в Стамбуле Иван Неплюев нашел самые точные слова о Петре:

«Он научил узнавать, что и мы люди, одним словом, на что в России не взгляни, все его началом имеет, и, что бы впредь не делалось, от сего источника черпать будут».

Длинен ряд этих «птенцов». Для них уже не было другой жизни, кроме жизни в Петербурге – городе их прижизненной и посмертной славы.

Впрочем, город жил теплом и других людей. Их, как и всегда, было большинство. Одни невольные петербуржцы рады были бы уехать из этого гнилого места, да не могли, другим некуда было возвращаться. С тех пор как их согнали с родного места и переселили в Питер, прошла целая вечность, и на родине остались только руины да могилы. Наконец, третьи не могли сдвинуться из-за внутренней, присущей многим людям лени, из-за боязни неизбежных трудностей и расходов, да и какой смысл в переездах? Хорошо там, где нас нет!

Все так! Но мы-то знаем, что люди, их мнения, мысли и чувства – не самое важное в России, власть в ней куда важнее. А в это время город как раз и лишился этой власти. Я думаю, что без императорской короны Петербург жил и развивался бы в XVIII–XX веках как крупный промышленный и портовый, но все-таки провинциальный центр. И сейчас мы поставили бы его в один ряд с достойными провинциальными городами России и Украины, основанными в XVIII веке: Петрозаводском, Таганрогом, Оренбургом, Екатеринбургом, Екатеринославом, Херсоном, Омском, Пермью, Липецком, Севастополем, Симферополем, Одессой. Мы сейчас гордились бы, что у нас есть областная филармония, большой парк культуры со множеством аттракционов, известный даже в самой Москве драмтеатр и что скоро, несмотря на трудности подземной проходки, у нас тоже пустят метро. Мы писали бы, что к 300-летию Петербурга на главной площади им. В. И. Ленина поставят конный памятник основателю города Петру Великому работы Зураба Церетели, и что, наконец, реставраторы восстановили в заброшенном Петергофе второй фонтан! А о «блистательном Петербурге», о его позднейшей необыкновенной судьбе и выдающейся роли в истории России мы даже и не подозревали бы...

Саксонский посланник Лефорт писал в 1728 году о положении в Москве:

Здесь везде царит глубокая тишина. Все живут здесь в такой беспечности, что человеческий разум не может постигнуть, как такая огромная машина держится без всякой подмоги, каждый старается избавиться от забот, никто не хочет взять что-либо на себя и молчит... Стараясь понять состояние этого государства, найдем, что его положение с каждым днем делается непонятнее. Можно было бы сравнить его с плывущим кораблем: буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули... огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не думает о будущем.

Мы видим, что здесь снова всплыл образ России-корабля, который совсем недавно спустил на воду Петр Великий и под полными парусами повел вперед. И вот теперь великого шкипера нет, направление движения утеряно, паруса заполоскались на ветру... На «мостике» развернулась упорная борьба, точнее придворная драчка за милости, привилегии, богатства.

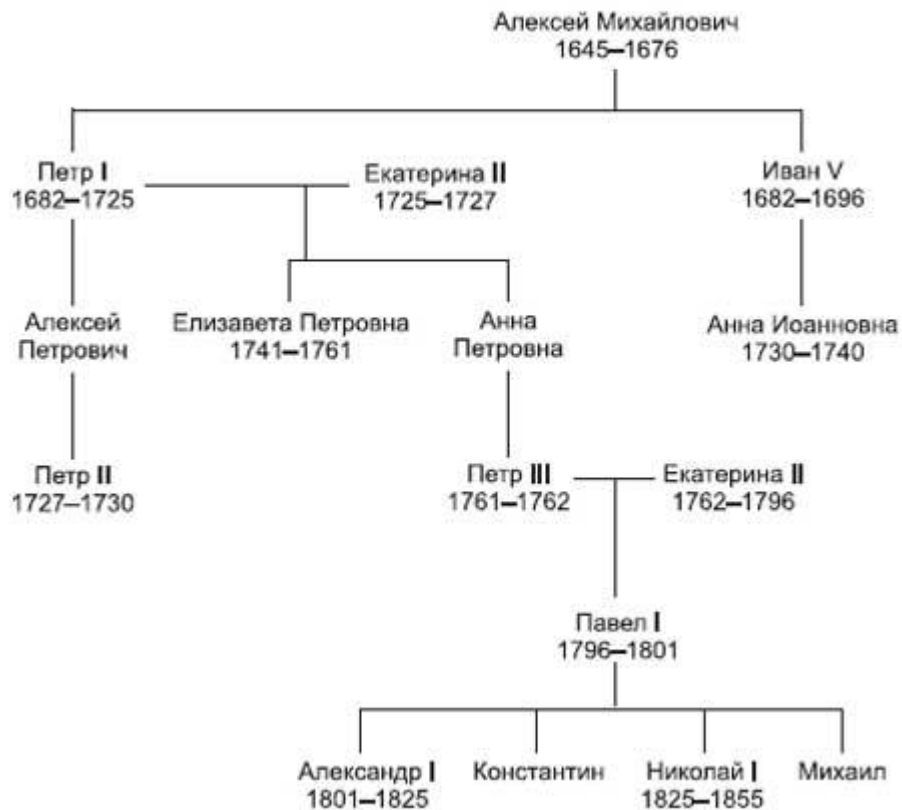
Более всех преуспел в ней отец фаворита Ивана Долгорукого – князь Алексей Долгорукий. Он сумел «приручить» юного царя-охотника и добился, чтобы его дочь, княжна Екатерина Алексеевна, была обручена в конце 1729 года с императором. Свадьбу назначили на 17 января 1730 года. Подобно Меншикову, Долгорукие торжествовали. Но нет... Они, по словам современника, лишь открыли «второй том глупости Меншикова». На этот раз судьба вмешалась в честолюбивые расчеты временщиков: 6 января 1730 года Петр II сильно простудился, затем у него началась оспа. Болезнь протекала тяжело, и в ночь с 18 на 19 января император умер в Москве, в Лефортовском дворце. Его последними словами был зловещий по смыслу приказ: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре!»

«Затейка» верховников. 1730

Сразу после смерти 14-летнего императора в Лефортовском дворце на экстренное заседание собрался Верховный тайный совет. Верховники были встревожены – неожиданная смерть юного царя могла обернуться для страны несчастьем, смутой. Было неясно, кто же сядет на русский трон, ведь умер последний прямой мужской потомок династии Романовых, внук Петра Великого, правнук Алексея Михайловича, праправнук основателя династии Михаила Романова!

Все остальные наследники, как мы видим из фрагмента родословного древа Романовых, шли по женской линии: Елизавета Петровна и ее племянник – двухлетний Карл-Петер-Ульрих (сын уже умершей к тому времени Анны Петровны и Карла-Фридриха). Об этих потомках первого императора от второго брака на заседании Верховного совета даже и не вспоминали – слишком «низкопородны» были дети Екатерины, вчерашней лифляндской портомой! Долгорукие, князь Иван и его отец князь Алексей, задумали возвести на престол... невесту Петра II княжну Екатерину Алексеевну, сделать ее Екатериной II и тем самым удержать власть в своих руках. Они даже сочинили фальшивое завещание, якобы подписанное Петром II накануне смерти. Но когда А. Г. Долгорукий выложил «завещание» на стол перед Верховным советом, верховники его высмеяли – уж слишком очевидна была эта «липа». И тогда слово взял самый опытный и старший среди верховников – князь Дмитрий Михайлович Голицын. Этот человек происходил из древнего боярского рода, служил дипломатом, администратором.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ВЕТВЬ 2 (фрагмент родословного древа Романовых)

Сразу после смерти Петра I в глазах многих Голицын стал лидером родовой оппозиции, недовольной господством «худородных» сподвижников Петра I. К 1730 году Голицын был уже стар, умудрен жизненным опытом. Он был образованным человеком, много читал, знал несколько языков, имел великолепную библиотеку. По своим взглядам Голицын был просвещенным консерватором, противником резких мер Петра I. Его сдержанная манера поведения, его достоинство вызывали уважение окружающих. Голицын предложил коллегам избрать на престол курляндскую герцогиню Анну Иоанновну. Ее отцом был старший брат Петра Великого – царь Иван, а матерью – царица Прасковья Федоровна. Вместе с сестрами Екатериной и Прасковьей Анна представляла старшую ветвь династии Романовых. Предложение Голицына пришлось по душе всем верховникам. Они знали, что «Ивановны» – так запросто называли сестер – не пользовались никаким авторитетом и влиянием при дворе. Анна, которая провела многие годы вдали от столицы, в маленьком прибалтийском герцогстве Курляндия, была мало известна в стране. Еще более воодушевило верховников новое предложение Голицына:

не давать Анне всей той власти, которой пользовались ее предшественники на троне, и ограничить ее «кондициями» – условиями, при исполнении которых она могла находиться у власти. Кондиции были написаны, посланы с князем В. Л. Долгоруким, и вскоре было получено согласие Анны. Верховники не скрывали своей радости. В присутствии высших чинов государства кондиции и письмо Анны были прочитаны. В письме было сказано: «Пред вступлением моим на российский престол, по здравому разсуждению, изобрели мы за потребно, для пользы Российскаго государства и ко удовольствованию верных наших подданных» написать, «какими способы мы то правление вести хошем, и, подписав нашею рукою, послали в Верховный тайный совет».

Заметки на полях

События 1730 года имели большое значение для истории России. Ведь речь

шла не о простой сходке, на которой верховники сообщили о своем решении высшим чинам государства, а о всероссийском совещании, почти Соборе, где волею «земли», «всех чинов», «общества», «народа» уже со времен Бориса Годунова избирали на престол русских царей. Именно так на Земском соборе 27 апреля 1682 года был избран Петр I. С годами состав «земли» уменьшался, утрачивал черты Земских соборов первой половины XVII века. Это была печальная для нашей истории и неизъяснимая эволюция, досадное для наших свобод «усыхание» общественной власти, сокращение влияния народа (через своих представителей) на верховную власть. Возможно, что этот процесс был непосредственно связан с усилением самодержавия, стимулировавшим отмирание последних элементов сословно-представительной монархии. Порой кажется, что всякое представительское, избирательное, сословное или демократическое начало в России нужно верховной власти только до тех пор, пока эта власть испытывает серьезные трудности, когда ей нужно спрятаться от бед и напастей за спиной народа, выкарабкаться из затруднений за его счет. И тогда подданных называют непривычно и диковинно «братьями и сестрами», приглашают выборных людей «советовать, думать думу». По мере того как к середине XVII века верховная власть крепла, она все менее нуждалась в «совете с народом», а с улучшением финансового положения отпала необходимость просить у него помощи в поисках денежных средств. Соответственно, с этого времени судьбу престола и страны решало все меньшее и меньшее число людей.

Известно, что на Земском соборе 1682 года были представлены не только высшее духовенство, бояре, но и служилые московские чины – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, а также высшие разряды московских посадских людей. Но уже к 1720-м годам все кардинальным образом изменилось. «Общество», «народ», «собрание всех чинов» состояли, как правило, из руководителей и высших чинов государственных учреждений: Сената, Синода, коллегий и некоторых канцелярий (всего от ста до двухсот человек). Появился также новый влиятельный политический институт, некое новое сословие – «генералитет», включивший в себя фельдмаршалов, генералов, адмиралов, обер-офицеров гвардии и, частично, армии и флота. Именно такое «общество» вершило суд над царевичем Алексеем в 1718 году; оно же обсуждало, кому быть императором в январе 1725 года, а позже, в 1727 году, одобрило Тестамент Екатерины I, подписав его.

Подобное же собрание, имевшее в период междуцарствия законодательную силу, подтвердило в 1730 году и выбор верховников. Но тут произошел на первый взгляд незаметный, но ставший роковым сбой в системе, которую построили Голицын и другие верховники. Как писал один из современников, верховники объявили лишь об избрании Анны, «не вспоминая никаких к тому кондиций или договоров, но просто требуя народного согласия», которое и было дано «с великою радостью». Иначе говоря, верховники утаили от высокого собрания, что после смерти Петра II составили кондиции, ограничивавшие полномочия новой императрицы, и что власть сосредоточивается исключительно в их руках. План солидных, уважаемых людей – верховников, был по-жюльнически прост: представить Анне кондиции как волю «общества», а после получения ее подписи под ними поставить «общество» перед свершившимся фактом ограничения власти императрицы в пользу Верховного тайного совета. В этом-то и состояла суть чисто олигархического переворота, задуманного Голицыным.

Заглянем в источник

Кондиции

Анна Иоанновна обещалась в кондициях «в супружество во всю... жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять». И ниже в кондициях следовало самое главное – положение об ограничении власти императрицы Верховным тайным советом:

«Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякаго государства

от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать, и без онаго Верховнаго тайнаго совета согласия: 1) Ни с кем войны не вчинять. 2) Миру не заключать. 3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать. 4) В знатные чины, как в статские, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховнаго тайнаго совета. 5) У шляхетства живота, и имения, и чести без суда не отымать. 6) Вотчины и деревни не жаловать. 7) В придворные чины как русских, так и иноземцев без совету Верховнаго тайнаго совета не производить. 8) Государственные доходы в расход не употреблять. И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской».

Сопоставление первоначальной редакции кондиций с последней показывает, что, дорабатывая кондиции, верховники стремились ввести как можно больше ограничительных статей для императрицы. Если вначале царская власть ущемлялась только в делах войны и мира, при введении новых налогов, в расходовании казенных денег, при раздаче деревень, а также в чиновном производстве и праве судить дворян, то в окончательной редакции 19 января императрица лишалась права командовать гвардией и армией, вступать в брак и назначать наследников, а также жаловать в придворные чины.

Но тут произошло неожиданное: вперед выступил князь А. М. Черкасский и потребовал, чтобы верховники (уж коли власть новой императрицы будет ограничена) позволили подготовить и обсудить новые, помимо кондиций, условия государственного устройства. Скрепя сердце, Д. М. Голицын и его товарищи были вынуждены согласиться.

Действующие лица

Князь Алексей Черкасский

Многие современники видели в князе Алексее Михайловиче черкасском лишь ленивца и глупца, который делал карьеру благодаря удачному стечению обстоятельств да умению ловко дремать с открытыми глазами на бесчисленных заседаниях. Из-за особой тучности черкасского называли «телом» правительства, а «душой» считали других – более честолюбивых, ловких, пронырливых. Но они, эти ловкачи, вдруг куда-то исчезали, проваливались, всходили на эшафот, а «глупый» черкасский из года в год неизменно и невозмутимо вел заседания, пересидев всех своих друзей и недругов, да еще пятерых самодержцев. Все писали о его фантастическом богатстве. черкасский был богатейшим человеком России, владельцем поместий величиной с иные европейские державы. При этом современники и потомки были суровы к черкасскому. В нем они обычно не видели никаких достоинств. Язвительный князь М. М. Щербатов писал:

«Сей человек – весьма посредственный разумом своим, ленив, незнающ в делах и, одним словом, таскающий, а не носящий имя свое и гордящийся единым своим богатством».

Да еще, добавим, родством. Сын боярина Михаила Яковлевича, он был потомком выходца из ханского рода Большой Кабарды, связанного родственными узами со знатнейшими родами России. Умственные и деловые качества черкасского современники даже не обсуждали – и так все знали, что они весьма посредственные. Но известно, что ни богатство, ни знатность, ни родство, ни тем более глупость обычно не спасали людей от опалы, гнева или недовольства самодержца. В личности «непотопляемого» черкасского есть своя загадка. В петровское время он 7 лет руководил Городовой канцелярией, которая ведала строительством Петербурга. В его подчинении были тысячи людей, а также заготовка и поставка строительных материалов. Одним словом, это была, по-современному говоря, огромная строительная компания, руководителю которой не очень-то удавалось дремать на заседаниях. Потом он был губернатором Сибири и там не ударил в грязь лицом. Возможно, он не был так

инициативен, как другие, но он явно сидел на своем месте, умел подбирать людей и успешно вел непростые дела. Конечно, после смерти Петра многие сановники расслабились. Но, как видно из документов, черкасский дремал в полглаза. Этот флегматичный толстяк мог вдруг проснуться и сказать несколько слов, которые в устах этого несуетного и молчаливого вельможи звучали особенно весомо и авторитетно. Так и произошло в начале 1730 года, когда после смерти Петра II на встрече дворянства с членами Верховного тайного совета в Кремле именно черкасский потребовал от верховников, чтобы будущий строй России обсуждали не в кулуарах, а на публике, в среде дворянства. Он превратил свой богатый дом в своеобразный штаб дворянских прожектеров и сам был автором проекта о новом устройстве России, в которой не было более места бессудным казням, засилию фаворитов, а голос дворянства должен был слышен всем. Враз он стал авторитетнейшим лидером одной из дворянских «партий». Во многом именно благодаря черкасскому со товарищи хитроумная «затейка» верховников провалилась, а самодержавие через 37 дней было восстановлено.

Но мечтам черкасского и его соавторов по прожектам не суждено было сбыться. Вскоре все вернулось на круги своя, и черкасский мог вновь мирно дремать на заседаниях. Императрица Анна Иоанновна, получив самодержавное полномочие, черкасского от дел не отставила. Такой человек, как черкасский – родовитый, богатый и влиятельный вельможа, – был нужен новой государыне. Кабинет-министр с 1732 года, он в 1740 году достиг и служебной вершины – стал канцлером России. Но при этом он вел себя спокойно, скромно и незаметно, как и раньше подпевая сильнейшим. Вспышка гражданской активности черкасского, поразившая русское общество в 1730 году, прошла, и всю оставшуюся жизнь он молчаливо «таскал свое имя». Материалы Тайной канцелярии показывают, что черкасский вел себя достойно, не замарал себя доносами, никого не травил. У него вообще не было врагов. А это так много для государственного деятеля! черкасский мирно досидел в кресле великого канцлера до самой своей смерти в 1742 году.

После выступления Черкасского как будто прорвало плотину молчания и покорности. Все присутствующие его поддержали, и в домах знатных вельмож и в кремлевских палатах стали собираться десятки, сотни дворян, дни и ночи напролет обсуждавшие проекты государственной реформы. За короткое время было составлено не менее 12 проектов, под которыми подписалась почти тысяча человек. Одним из самых глубоких и обоснованных проектов был проект, написанный при активном участии историка В. Н. Татищева. Главное, чего требовали почти все прожектеры:

ликвидировать Верховный тайный совет, создать высший законодательный орган – предположительно – из двух (верхней и нижней) палат из выборных представителей дворянства. Они бы и назначали всю администрацию. Кроме того, дворяне требовали для себя гарантий неприкосновенности личности, имущества, различных привилегий. Впрочем, вариантов устройства страны предлагалось множество, и споры вокруг них разгорелись не на шутку. Происходившее в Москве в начале 1730 года казалось необычайным: «верные рабы государевы» вдруг обрели голос, стали свободно, публично обсуждать то, о чем и помыслить без страха раньше не могли. Что же произошло? Петровские реформы принесли в Россию не только западные достижения в технике или искусстве. Они принесли и новые нравы, понятия, ценности. Новые книги, учеба, поездки за границу, знакомство с иностранцами и их жизнью не прошли даром для русского дворянина.

В эти годы складывалось новое представление о том, кто такой дворянин, шляхтич. Появилось понятие о дворянской чести, которую нужно – если потребуется – защищать ценой собственной жизни, о достоинстве дворянина, которого в других странах нельзя, как холопа, пороть или казнить без суда. «Верный сын Отечества» – понятие, ставшее со времен Петра I традиционным, предполагало не родовую, как раньше, а личную, персональную ответственность за судьбу своей страны. Требование выборов дворянских представителей и участия их в управлении государством тоже свидетельствовало о появлении новых понятий

и представлений. Кроме того, послепетровские годы показали, что ничтожные личности на троне, господство фаворитов вроде Меншикова или Долгорукого страну до хорошего не доведут, и дворяне сами страдали от их капризов. Все это в совокупности и привело к дворянским проектам 1730 года.

Но в сознании дворян послепетровской России еще были сильны традиционные представления о лежащем в ногах повелителя «государеве рабе», о полной зависимости каждого и всех от воли самодержца (вспомним историю падения Меншикова). Силен был в душе и страх нового, неизвестного, опасение как бы не прогадать, не ошибиться. Многие думали: «Введем новое устройство, а будет жить еще хуже, распри начнутся. С одним-то Хозяином всяко лучше. Он хоть и суров бывает, но и милостив тоже!»

Верховники же, видя подъем дворянского движения, так и не сумели изменить свою политику. Они думали только о себе, о своей власти, не хотели ею делиться с дворянами, объединить с ними усилия. Поэтому разброд в стане сторонников ограниченной монархии не затихал. Наоборот, как только 10 февраля 1730 года в Москву прибыла Анна, резко усилилась «партия самодержавия без границ». Анна быстро оценила обстановку, собрала преданные ей силы. Двадцать пятого февраля во время очередного собрания дворянства в Кремле Анна, опираясь на поддержку гвардейцев, совершила контр-переворот – публично порвала подписанные ею же кондиции. Тем самым она восстановила самодержавие, которое без изменений просуществовало до 1917 года.

Правление Анны Иоанновны. 1730–1740

Итак, в 1730 году, неожиданно для всех (и для самой себя) Анна Ивановна стала самодержицей. Современники оставили о ней в основном неблагоприятные отзывы. Некрасивая, излишне полная, громогласная, с тяжелым и неприятным взглядом, эта 37-летняя женщина была подозрительна, мелочна и груба. Она прожила нелегкую жизнь. Родилась Анна в 1693 году в царской семье и в 1696 году после смерти отца – царя Ивана V Алексеевича – поселилась с матерью, вдовствующей царицей Прасковьей Федоровной и сестрами Екатериной и Прасковьей в подмосковном дворце Измайлово. Здесь и прошло ее детство. В 1708 году оно неожиданно оборвалось. По указу Петра I семья царицы Прасковьи Федоровны переехала жить в Санкт-Петербург. Вскоре, в 1710 году Анну выдали замуж за Фридриха-Вильгельма – герцога соседнего с Россией государства Курляндии (на территории современной Латвии). Так Петр хотел упрочить позиции России в Прибалтике и породниться с одной из знаменитых династий Европы. Но молодожены прожили вместе всего 2 месяца – в начале 1711 года на пути в Курляндию герцог неожиданно умер. Тем не менее Петр I распорядился, чтобы Анна следовала в Митаву и поселилась там как вдова герцога. Как в случае с браком, так и в истории с переездом в чужое государство, никто не спрашивал Анну. Ее жизнь, как и жизнь всех других подданных Петра Великого, была подчинена одной цели – интересам государства. Вчерашняя московская царевна, ставшая герцогиней, была несчастна: бедна, зависима от воли царя, окружена враждебным курляндским дворянством. Приезжая в Россию, она тоже не находила покоя. Царица Прасковья не любила среднюю дочь и до самой своей смерти в 1723 году всячески ее тиранила.

Перемены в жизни Анны относятся к 1727 году, когда у нее появился фаворит – Эрнст-Иоганн Бирон, к которому она сильно привязалась и стала поручать ему государственные дела. Известно, что Анна не разбиралась в управлении страной. Для этого у нее не было необходимой подготовки – учили ее плохо, да и умом природа ее не наградила. Не было у Анны и желания заниматься государственными делами. Своим поведением и нравами она напоминала необразованную мелкопоместную помещицу, которая со скукой смотрит в окно, разбирает склоки дворни, женит своих приближенных, потешается над проделками своих шутов. Кривлянье шутов, среди которых встречалось немало знатных вельмож, составляло важную часть жизни императрицы, которая также любила содержать возле себя различных убогих, больных, лилипутов, гадалок и уродов. Такое

времяпровождение не было особенно оригинально – так жили в Кремле ее мать, бабушка и другие родственники, которых всегда окружали приживалки, чесавшие им на ночь пятки, и бахарки-сказочницы.

Императрица Анна Иоанновна. 1730-е годы.

Анна была человеком переломной эпохи, когда старое в культуре сменялось новым, но еще долго соседствовало с ним. Поэтому наряду с традиционными шутами и приживалками при дворе Анны в специально построенном театре на тысячу мест ставились итальянские оперы и комедии. Слух и зрение придворных во время обедов и праздников услаждали оперные певцы и балерины. В историю русского искусства время Анны вошло датой основания в 1737 году первой балетной школы. При дворе была образована хоровая капелла, работал приглашенный из Италии композитор Франческо Арайя. Но более всего Анна, не в пример московским царевнам, увлекалась охотой, точнее стрельбой. Это было не просто увлечение, а глубокая страсть, которая не давала царице покоя. Она часто стреляла по летящим в небе воронам, уткам, била в цель в крытом манеже и в парках Петергофа. Участвовала она и в грандиозных охотах, когда загонщики, охватив гигантское пространство леса, постепенно (нередко неделями) сужали его и гнали лесных обитателей на поляну. Посредине нее стоял специальный высокий экипаж – «ягт-ваген» – с вооруженной императрицей и ее гостями. И когда обезумевшие от ужаса звери: зайцы, лисицы, олени, волки, медведи, лоси – выбегали на поляну, предусмотрительно огороженную стеной из корабельной парусины, тогда начиналась омерзительная бойня. Только за лето 1738 года Анна лично застрелила 1024 животных, в том числе 374 зайцев и 608 уток. Сколько же всего зверей убила царица за 10 лет, даже трудно и представить!

Шутовство при дворе Анны Иоанновны

О шутах Анны Иоанновны известно больше, чем о ее министрах. Особенно знаменит шут Иван Балакирев. В 1735 году императрица писала московскому генерал-губернатору Салтыкову:

Семен Андреевич! Пошли кого нарочно князь Никиты Волконского в деревню... и вели роспросить людей... как он жил и с кем соседями знался, и как их принимал – спесиво или просто, также чем забавлялся, с собаками ль ездил или другую какую имел забаву... а когда дома, то каково жил, и чисто ли в хоромаш у него было, не едал ли кочерыжек и не леживал ли на печи... Сколько у него рубах было и по скольку дней он нашивал рубаху.

Это письмо о новом придворном шуте князе Волконском. Поиск наиболее достойных кандидатов в придворные дураки был делом ответственным. Поэтому-то Анна и хотела знать, каков князь Волконский по нраву, чистоплотен ли, не портит ли в палатах воздух, чем увлекается в свободное от безделья время.

Не каждый кандидат мог попасть в придворные дураки и «дурки» (так называли шутих. – Е. А.). Не прошло и нескольких лет, как среди шутов двора Анны Иоанновны были самые лучшие, «отборные» дураки в России, подчас люди известные, титулованные. Сразу же отмечу, что княжеский или графский титул не открывал дороги в шуты. При этом ни сами шуты, ни окружающие, ни Анна Иоанновна не воспринимали назначения в шуты как оскорбление дворянской чести. Для всех было ясно, что шут, дурак, исполняет свою «должность», памятуя о ее четких границах. В правила этой должности-игры входили и известные обязанности, и известные права. Шут, действительно, мог сказать что-то неллицеприятное, но мог и пострадать, если выходил за рамки, установленные повелителем. И все же роль шута была весьма значительна, и оскорблять шута опасались...

В «штате» Анны было шесть шутов и около десятка лилипутов – «карлов».

Свадьба карликов в 1710 году.

Самым опытным был «самоедский король» Ян д'Акоста, которому некогда царь Петр I подарил пустынный песчаный островок в Финском заливе. Петр часто беседовал с шутком по богословским вопросам – ведь памятный космополит, португальский еврей д'Акоста мог соревноваться в знании Священного Писания со всем Синодом. Упомянутый выше Волконский, вдовец, супруг той бедной Асечки, чей салон разгромил Меншиков, также стал

полноправным шутом при дворе Анны. У него были важные обязанности – он кормил любимую собачку императрицы Цитриньку и разыгрывал бесконечный шутовской спектакль – будто он по ошибке женился на князе Голицыне. С другим шутком, неаполитанцем Пьетро Миро (или в русской, более непристойной редакции «Педрилло») Анна обычно играла в подкидного дурака, он же держал банк в карточной игре. Исполнял он и разные специальные поручения императрицы: дважды ездил в Италию и нанимал там для государыни певцов, покупал ткани, драгоценности, да и сам приторговывал бархатом. Граф Алексей Петрович Апраксин был из знатной, царской семьи, племянник генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и царицы Марфы Матвеевны. Этот шут был проказником по призванию. О нем говорил Никита Панин, что это «несносный был шут, обижал всегда других и за то часто бит бывал». Возможно, за ревностное исполнение своих обязанностей он получал от государыни богатые пожалования.

Жизнь и судьба еще одного вельможного шута – князя Михаила Голицына – весьма трагичны. Он был внуком князя Василия Васильевича Голицына – первого сановника царевны Софьи, жил с дедом в ссылке, потом был записан в солдаты. В 1729 году он уехал за границу. В Италии Голицын перешел в католицизм, женился на простолюдинке-итальянке и потом с ней и ребенком, родившимся в этом браке, вернулся в Россию. Свою новую веру и брак с иностранкой Голицын тщательно скрывал. Но потом все открылось, и в наказание за отступничество Голицына взяли в шуты. Все могло случиться иначе, и Голицын попал бы, в лучшем случае, в монастырь.

Однако до императрицы Анны дошли сведения о необычайной глупости Голицына. Она приказала привезти его в Петербург и взять ко двору. Следы же его несчастной жены-итальянки теряются в Тайной канцелярии. Муж же ее благополучно жил при дворе и получил прозвище Квасник, потому что ему поручили подносить государыне квас. Именно этого Квасника и решила шутовски женить Анна Иоанновна в знаменитом Ледяном доме, построенном весной 1740 года на Неве...

Действующие лица

Шут Иван Балакирев

Но все-таки главным шутком императрицы Анны был единодушно признан Иван Емельянович Балакирев. Столбовой дворянин, ловкий и умный, он чем-то приглянулся при дворе и был зачислен в придворный штат. Балакирев сильно пострадал в конце царствования Петра I, оказавшись втянутым в дело фаворита царицы Екатерины Виллима Монса. Он якобы работал у любовников «почтальоном», переносил записочки, что вполне возможно для добровольного шута. За связь с Монсом Балакирев получил 60 ударов палками и был сослан на каторгу. Подобные обстоятельства, как известно, мало способствуют юмористическому взгляду на мир. К счастью для Балакирева, Петр вскоре умер, Екатерина I вызволила с каторги верного слугу, а при Анне Иоанновне отставной прапорщик Балакирев стал шутком. Тут-то он и прослыл большим остроумцем и прекрасным актером.

Всякое профессиональное шутовство – всегда представление, спектакль. Анна и ее окружение были большими охотниками до шутовских спектаклей, «пьес» шутов. Конечно, за этим стояло древнее восприятие шутовства как дурацкой, вывернутой наизнанку традиционной жизни, шутовское воспроизведение которой и смешило зрителей до колик, но было порой непонятно иностранцу, человеку другой культуры. Каждый шут имел в «спектакле» свою, затверженную роль. Но шутки-интермедии Балакирева, густо замешанные на непристойностях, были особенно смешны, они тянулись порой годами. При дворе долго разыгрывался карточный «спектакль» Балакирева – в придворной карточной игре он стал проигрывать лошадь. О том, что Балакирев проиграл уже половину скакуна, Анна написала в Москву и просила высших чиновников помочь несчастному отыграть животное. В шутовские «спектакли» Балакирева втягивались не только придворные и высшие чины, но и иерархи церкви. Раз Балакирев стал публично жаловаться на свою жену, которая отказывала ему в

постели. Этот «казус» стал предметом долгих шутовских разбирательств, а потом Синод на своем заседании принял решение о «вступлении в брачное соитие по-прежнему» Балакирева со своей супругой. Пикантность всей ситуации придавал известный всем факт сожительства Бирона с Анной. Почти так же открыто, как при дворе обсуждали беды Балакирева, в обществе говорили, что Бирон с Анной живут как-то уж очень скучно, «по-немецки, чиновно», и это вызывало насмешку.

Смех, который вызывали проделки одного шута, всегда огорчал других. Периодически вспыхивали непристойные распри и драки шутов, и весь двор катался со смеху, вспоминая «сражения» этой «войны»... А между тем распри шутов бывали нешуточные. Борьба за милость государыни тут шла с не меньшим напряжением, чем в среде придворных и чиновников: с кляузами, подлостями и даже мордобоем. А это и было смешно... Свары и драки шутов особенно веселили государыню. Но следует знать, что смешить – грязная работа и довольно мерзкое зрелище. Если бы нам довелось увидеть шутки Балакирева и ему подобных, то ничего кроме отвращения к этому похабному представлению, замешенному на вульгарных шутках о проявлениях «низа», мы бы не испытали. Люди же прошлого иначе относились к непристойным словам и грубым выходкам шутов. Психологическая природа шутовства состояла в том, что шут, говоря непристойности, обнажая душу и тело, давал выход психической энергии зрителей, которую держали под спудом строгие, ханжеские нормы тогдашней морали. Как пишет историк Иван Забелин, «на то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности, вольные движения жизни». Императрица Анна была ханжой, блюстительницей общественной морали, но при этом состояла в незаконной связи с женатым Бироном. Отношения эти осуждались верой, законом и народом. Об этом государыня отлично знала из донесений Тайной канцелярии. Поэтому не исключено, что шуты с их непристойностями и скабрзностями, обнажением «низа» позволяли императрице снимать неосознанное напряжение, расслабляться. Не смешно было только самому Балакиреву. Это была его работа, служба, тяжелая и порой опасная. Поэтому, когда в 1740 году умерла императрица Анна, Балакирев выпросился в свою рязанскую деревню и провел там, в тиши и покое, остаток жизни – 20 лет. Свое Балакирев уже отшутил.

Заметным событием анненской эпохи стало строительство в феврале 1740 года на льду Невы Ледяного дворца. Делалось это к шутовской свадьбе князя Михаила Голицына по кличке Квасник с калмычкой Авдотьей Бужениновой.

Возле дворца стояли ледяные кусты с ледяными ветками, на которых сидели ледяные птицы. Ледяной слон в натуральную величину трубил, как живой, и выбрасывал по ночам из хобота горящую нефть. Еще больше потрясал сам дом: через окна, застекленные тончайшими льдинками, виднелась мебель, посуда, лежащие на столах предметы, даже игральные карты. И все это было сделано изо льда, выкрашенного в естественные для каждого предмета цвета! В ледяной спальне стояла «уютная» ледяная постель. После долгих церемоний, более похожих на издевательства, в спальню привезли в клетке, как зверей, молодоженов. Здесь они под охраной солдат провели целую ночь так, что от холода зуб на зуб не попадал. Зато царица и ее придворные были очень довольны ледовым праздником.

Царь-колокол.

Легенды и слухи

Царь-колокол

При Анне, в 1735 году, для колокольни Ивана Великого в Кремле был отлит знаменитый Царь-колокол, как его называли в документах – «Успенский Большой колокол». Эту работу доверили литейщику Ивану Маторину. Прежний колокол, отлитый в 1654 году, упал и разбился во время пожара 1701 года при царе Алексее Михайловиче. Его грандиозные обломки (весил он 8 тыс. пудов), лежавшие с тех пор у подножья колокольни, привлекали всеобщее внимание. Императрица Анна в 1731 году решила в память о своем царственном деде отлить новый, еще больший колокол весом в 9 тыс. пудов. Были изготовлены чертежи, на поверхности колокола предстояло изобразить «образы и персоны» Анны Иоанновны и Алексея Михайловича. С осени 1734 года началась отливка, точнее, растопка меди в специальных печах-домнах. Двое суток непрерывно горели печи, но вдруг на третий день часть меди прорвалась и ушла под печь. Маторин, чтобы восполнить потерю, начал бросать в печь старые колокола, олово, старые медные деньги. Однако расплавленная медь вновь вырвалась из печей, загорелись окружающие печь сооружения. Пожар с трудом погасили, а отливка колокола закончилась полной неудачей. Вскоре от огорчения Маторин умер, а его дело продолжил сын Михаил, бывший при отце помощником. 25 ноября 1735 года колокол был отлит. Мы не знаем, когда колокол получил привычное теперь название «Царь-колокол», но другого такого медного монстра нет нигде в мире. Он весит даже больше, чем хотела императрица Анна – 12 327 пудов. После отливки колокол так и остался стоять в глубокой яме, потому что поднять его никак не удавалось. Только через сотню лет, в 1836 году, да и то со второго раза, этого гиганта за 42 минуты и 33 секунды сумел вытащить из ямы великий инженер и архитектор Огюст Монферран, создатель Александровского столпа и Исаакиевского собора. Возможно, колокол подняли бы и раньше, да в этом не было острой необходимости – он был давным-давно никому не нужен. Дело в том, что через год после отливки колокола, 29 мая 1737 года, в Кремле начался страшный пожар. Он охватил деревянное сооружение над ямой, в которой стоял колокол. Пожарные тушили огонь, заливая его водой. К этому времени колокол раскалился, и как только вода попала на него, он лопнул. Так никогда и не загудел самый большой колокол в мире...

Войны России с Польшей и Турцией

Внешней политикой России при Анне Иоанновне фактически ведал вице-канцлер А. И. Остерман. Он стремился вести осторожную, взвешенную политику, поддерживать союзнические отношения с другими старнами, прежде всего с Австрией. Благодаря его усилиям в 1726 году с Австрией был заключен союзный договор, который надолго определил политику России в Европе. Эти две империи объединяла общность имперских интересов. И Россия, и Австрия имели соседями Речь Посполитую – Польшу и слабеющую, но еще опасную Османскую империю – Турцию. Территории этих государств и стали объектом интересов России и Австрии в последующий период. Это отчетливо проявилось в двух войнах, которые разгорелись в царствование Анны. Первая война – русско-польская – началась в 1733 году после смерти старого союзника Петра I польского короля Августа II Сильного. Большая часть польского шляхетства на выборах нового короля в Варшаве отдала свои голоса кандидатуре Станислава Лещинского, уже бывшего польским королем во время Северной войны и свергнутого с престола Петром I. Россия и Австрия, уже давно мечтавшие о богатых польских землях, выступили категорически против кандидатуры Станислава. Они поддерживали сына Августа II покладистого Августа III.

При этом имперские намерения союзников скрывались за лицемерной заботой о сохранении в неизменном виде политического строя Речи Посполитой – дворянской республики, при которой король играл декоративную роль. Малейшие попытки польских монархов ограничить дворянские вольности, мешавшие укреплению польской государственности, встречались в штыки и в Петербурге, и в Вене, и в Берлине: там были заинтересованы, чтобы Польша никогда не усилилась, а наоборот, все больше слабела. Избрание Станислава I, имевшего мощную поддержку Франции, как раз и вызвало опасения союзников. Они, не мешкая, приступили к действиям: 31 июля 1733 года русский корпус генерала Петра Ласси вторгся в Польшу. В августе ему на помощь выступили австрийцы. Превосходство союзников было подавляющим, и Станислав бежал на балтийское побережье – в Гданьск, в надежде, что на помощь ему придет французский флот. Польша стала ареной гражданской войны, распрей, интервенции, беззакония и грабежей. В начале 1734 года русская армия осадила Гданьск. Прибывший вскоре на смену генералу Ласси Б. Х. Миних сумел не только утеснить осажденных, но и отбить десант, высадившийся с прибывшей французской эскадры. В июне город сдался на милость победителям, а Станислав тайно бежал во Францию.

На престол Польши вступил, опираясь на русские штыки, король Август III. Он слепо следовал в фарватере русской политики, приближая конец Польского государства.

Только закончилась война «за польское наследство», как Россия начала в 1735 году новую войну – с Турцией. Это было второе в XVIII веке столкновение русских и османов. Долгие десятилетия оба государства вели кровопролитную борьбу за господство над Причерноморьем и Балканами. Турки воевали против «неверных» за расширение владений ислама на север. Русские стремились изгнать «басурман – врагов Креста Господня» из священной столицы православия – Константинополя, который уже почти 300 лет был турецким Стамбулом. Ставилась также цель освободить от турецкого ига балканских славян и завладеть черноморскими проливами. Кроме того, эта война была для России войной мести. Унизительный Прутский мир 1711 года, по которому Петр I лишился Азова, Тамани, с таким трудом построенного Азовского флота, очень болезненно воспринимался в России. О нем не забывали ни при Петре I, ни при Анне. Командование армией было поручено фельдмаршалу Миниху.

Фельдмаршал Б. Х. Миних.

Действующие лица Фельдмаршал Миних

Бурхард Христофор Миних родился в Ольденбургском герцогстве в 1683 году. Его отец – военный инженер – получил дворянство уже после рождения сына, что впоследствии сказалось на личности Миниха, стремившегося доказать всем свое превосходство. Бурхард пошел по той же стезе, требовавшей немалых знаний и способностей. За два десятилетия службы Миних, как и многие другие ландскнехты, сменил пять европейских армий! Его ранняя биография соткана из непрерывных войн, постоянных ссор и частых дуэлей. Миних был смельчаком; он воплощал распространенный тогда тип ландскнехта, наемника, готового продать свою шпагу хоть черту. В конце 1710-х годов он, служа в армии Августа II, рассорился с начальством и обратился к Петру I. Тот взял его на службу и послал на строительство Ладожского канала, которое он успешно завершил. После отъезда двора в Москву в 1728 году Миних стал главным начальником Петербурга. С началом же правления Анны Иоанновны в 1730 году для Миниха наступил звездный час, он вошел в число доверенных сановников новой императрицы. В 1732 году он стал во главе военного ведомства, получил чин фельдмаршала. Было бы большой ошибкой представлять Миниха грубым солдафоном. Оставшиеся после него письма свидетельствуют об изощренности ума автора, его умении красиво выразиться. Вот что писала о нем англичанка леди Рондо своей корреспондентке в 1735 году: «Вы говорите, что представляете его стариком, облику которого присуща вся грубость побывавшего в переделках солдата... У него красивое лицо, очень белая кожа, он высок и строен, и все его движения мягки и изящны. Он хорошо танцует, от всех его поступков веет молодостью, с дамами он ведет себя как один из самых галантных кавалеров этого двора и, находясь среди представительниц нашего пола, излучает веселость и нежность». Леди Рондо добавляет, что все это, тем не менее, малопривлекательно,

ибо Миниху не хватает чувства меры; он лжив, фальшив, и это видно за милю. И далее, описывая обращенный к дамам нарочито томный взор Миниха и то, как он нежно целует дамские ручки, леди Рондо отмечает, что «искренность – качество, с которым он, по-моему, не знаком». Портрет Миниха, нарисованный Рондо, нельзя не признать точным. К тому же храбрость и решительность, обаяние и любезность сочетались в нем с невероятным апломбом, самолюбованием, высокомерием, спесью. Кажется, что у Миниха был поразительный способ наживать себе смертельных врагов: он сначала приближал людей, стремился расположить их к себе, а потом грубо оскорблял и унижал, что вызывало смертельную обиду. Зато он был льстив и ласков с сильными мира сего.

Миних был отличным инженером, но горе-полководцем. В его действиях во время Русско-турецкой войны 1735–1739 годов было столько грубых ошибок, непродуманных решений, неоправданных людских потерь. Но – что удивительно – удача и счастье никогда не покидали Миниха! В остальном Миних действовал как многие русские полководцы – не жалел солдат, за что они прозвали его «Живодер». На совести Миниха, кроме доносов и безобразных склок, есть и преступления. Причем одно из них – убийство в 1739 году шведского дикпурьера барона Синклера – получило огласку, вылилось в грандиозный международный скандал.

В 1740 году Миних попытался возглавить правительство Анны Леопольдовны, но неудачно. А при Елизавете Петровне его сослали в Сибирь, в Пелым, откуда он вернулся двадцать лет спустя. Умер Миних в 1767 году.

Начиная войну с турками, Миних составил план, по которому армии предстояло воевать четыре года, занять Се верное Причерноморье, Крым, Молдавию, Валахию и в 1739 году войти в Константинополь. Этому грандиозному плану не суждено было осуществиться, но поначалу дела у русской армии пошли неплохо. Донская армия Ласси без труда взял Азов, а 22 мая 1736 года произошло историческое событие – впервые русские войска вступили в Крым. Надо сказать, что 1736 году предшествовали столетия крымских набегов на Русь.

Десятки русских городов были разграблены и преданы огню, сотни тысяч русских пленных были уведены татарами и проданы в рабство. Крым всегда рассматривался в России как опаснейший враг. И вот наступила очередь Крыма: Миних получил распоряжение разорить дотла цветущий край, названный в указах «гнездом разбойников». Огнем и мечом прошли русские войска по Крыму, что повторили с такой же неоправданной жестокостью и на следующий год, и в 1738 году. Русская армия как будто стремилась не оставить в Крыму ни одного целого дома. Татары, бывшие не в состоянии воспротивиться нашествию регулярной армии, бежали в горы. Успешно развивались военные действия западнее Крыма. Летом 1737 года русские войска взяли крупную турецкую крепость Очаков. Но быстрого движения на Стамбул не получилось. Задача эта тогда была трудно выполнима – могущество турок еще не удалось сломать. Кроме того, Миних показал себя как бездарный полководец. Он не сумел приспособиться к трудным условиям войны на Юге. Потери от боев в его армии оказались ничтожны в сравнении со смертностью от болезней и бездушного обращения с солдатами. Подвела Россию и союзница, Австрия, которая сдала Турции Белград. Поэтому, несмотря на победу русской армии под Ставучанами и занятие крепости Хотин в 1739 году, война завершилась при содействии французской дипломатии не выгодным для России Белградским миром. По этому миру она возвращала Турции все свои завоевания. Однако значение этой войны было велико – дорога к Черному морю российской армии была теперь известна. Следующее поколение русских солдат и полководцев при Екатерине II быстро двинется по ней.

Дворянская политика при Анне Иоанновне. Экономика

Случайно оказавшись на престоле, Анна не была уверена в прочности своего положения – уж очень мощным казалось в 1730 году шляхетское движение по ограничению

императорской власти. И это не могло не испугать Анну, женщину мнительную и недоверчивую. У нее не было уверенности даже в гвардии, опираясь на поддержку которой она стала самодержицей. Из дел Тайной канцелярии известно, что в 1730 году императрица случайно подслушала разговор гвардейцев, возвращавшихся после тушения дворцового пожара. Они говорили между собой: «Эх, жаль, что нам тот, который надобен, не попался, а то буде его уходили (то есть убили. – Е. А.)». Речь шла о Бироне, который к этому времени приехал в Москву и сразу же, на зависть многим, ближе всех стал возле трона.

В 1730-х годах на Урале было открыто богатейшее в мире железорудное месторождение – гигантская гора, которую Анна приказала назвать горой Благодать (так переводится с древнееврейского имя Анны). Сама она также сидела на своеобразной «горе Благодать» – вершине самодержавной власти, и от нее зависели богатства и привилегии, благополучие подданных, стоящих у подножия этой «горы власти». И в толпе придворных и чиновников имела значение не национальность, а преданность, рабская готовность подданного исполнить волю царицы. Внутренняя политика правительства Анны строилась, в целом, на сохранении тех принципов, которые были характерны для политики Петра I. Активно развивалась экономика, в первую очередь торговля и промышленность. Резко увеличился экспорт из Архангельска, Петербурга, Риги и Ревеля металла, леса, хлеба, говяжьего сала, икры и других товаров, которыми всегда была богата Россия. У горы Благодать и на других богатейших залежах Урала и Сибири строились новые металлургические заводы, новые домны. В 1740 году Россия выплавилла 25 тыс. тонн чугуна и обогнала Англию – главную «кузницу мира», общая выплавка которой составила 17,3 тыс. тонн. Экономика в России была в это время на подъеме.

Легенды и слухи

Были ли у Анны и Бирона дети?

Знакомясь с документами, читая «Санкт-Петербургские ведомости», нельзя не заметить, что в государственном протоколе двум сыновьям Бирона отведено было особое и весьма почетное место, на которое не могли претендовать дети любого заморского герцога. Дети Бирона совершенно свободно чувствовали себя при дворе, проказничая, шалая без меры, тем самым приводя в трепет придворных. Все обращали особое внимание на родившегося в Митаве в 1728 году младшего сына, Карла Эрнста. Он пользовался особой симпатией государыни. Примечательно, что после подписания кондиций Анна поехала в Москву налегке, но взяла с собой... ребенка – Карла Эрнста, которому исполнился год и три месяца. Анна, ехавшая навстречу неизвестности, взяла с собой крошечного ребенка как самое близкое ей, родное существо. Не менее примечателен и тот факт, что младший сын Бирона с младенчества и до 10 лет постоянно спал в кроватке, которую ставили ему в императорской опочивальне. Скорее всего, этот мальчик и был сыном Анны от Бирона. что же касается взаимоотношений императрицы с женой Бирона (а Бирон был женат с 1727 года на знатной некрасивой немецкой дворянке), то можно с уверенностью утверждать, что фаворит, его жена и императрица Анна составляли как бы единую семью. И удивительного в этом нет. История знает много таких любовных треугольников, шокировавших чинное общество, хотя внутри такой житейской геометрической фигуры давным-давно все было решено и совершенно ясно для каждой стороны. Впоследствии на допросах в 1741 году Бирон показал, что так желала сама императрица и что «хотя от Ея императорского величества как иногда он, или его фамилия (т. е. жена и дети. – Е. А.) и отлучались, тогда, как всем известно, изволила в тот час жаловаться, что он и фамилия его ее покидают и якобы-де она им прискучила». В этом эпизоде сказанному Бироном можно верить. Ведь любя фаворита, не обязательно терпеть его жену и чужих детей. Для Анны семья Бирона была ее семьей. А Карл Эрнст вырос настоящим шалопаем, кутилой и нечистым на руку человеком. Будучи во Франции уже во времена Екатерины II, он был посажен в Бастилию за подделку векселей и стал одним из тех узников, которых освободил

революционный народ во время знаменитого штурма «оплота тирании», Бастилии, 14 июля 1789 года.

Привязанностью к Бирону и недоверием к шляхетству, гвардии, Москве продиктованы многие поступки Анны. Для собственной защиты она образовала новый гвардейский полк – Измайловский, который – в противовес Преображенскому и Семеновскому полкам – набирался не из дворян, а из однодворцев Юга и иностранцев. Недоверием к прежним вельможам объясняется создание в 1731 году (вместо распущенного Верховного тайного совета) Кабинета министров, а также переезд в 1732 году в Санкт-Петербург – подальше от «мятежной» Москвы. Наконец, самое важное: не доверяя политикам предыдущего царствования, Анна выдвинула на первый план некоторых иностранцев во главе с Бироном. По его имени правление Анны стали называть «бирановщиной».

Императрица искала опору своей власти среди тех, кто не разделял намерений верховников и шляхетства в 1730 году. Многие иностранцы, служившие в России задолго до царствования Анны, не связывались в эти события, и поэтому им-то Анна и доверяла. Речь идет о фельдмаршале Б. Х. Минихе, вице-канцлере А. И. Остермане, братьях Левенвольде. Но все же самым близким ей человеком оставался Бирон.

В царствование Анны, как и при ее предшественниках (и преемниках), крепостничество господствовало в экономике страны и продолжало усиливаться. В 1736 году был принят указ, который окончательно ликвидировал категорию свободных от крепостной зависимости рабочих. Все те рабочие, которые знали ремесло и были свободными людьми, отныне признавались навсегда прикрепленными к владельцам фабрик и заводов. Но, как и при Петре I, сам мануфактурист не чувствовал себя полным хозяином на своей фабрике. Государство придирчиво следило, чтобы он выпускал только те товары, которые нужны казне, чтобы эти товары были определенного качества и в определенном количестве – а иначе не посмотрят, что завод твой, возьмут и конфискуют!

При Анне заметны стали перемены и в дворянской политике самодержавия.

События 1730 года заставили власти задуматься над проблемами, которые волновали всех без исключения дворян. Речь шла, прежде всего, об уменьшении срока службы и о праве помещиков на земельную собственность. Двумя указами – 1730 и 1731 годов – петровский указ 1714 года о единонаследии был отменен. Теперь помещики получили большую, чем раньше, свободу распоряжаться своими земельными владениями. Не менее важен для дворян был указ Анны от 1736 года. Он касался службы их в армии и государственном аппарате. Впервые в русской истории на смену пожизненной службе дворянина устанавливался 25-летний срок службы, после которого он мог вернуться в свое имение. Разрешалось оставлять в доме одного из сыновей – для содержания хозяйства. В 1732 году вдвое повысили жалованье русским офицерам, которые со времен Петра Великого получали вполуполовину меньше денег, чем принятые на службу иностранцы.

Жизнь дворян, как и других сословий, в аннинской России была тревожной. Известно, что личность правителя и его приближенные всегда накладывают отпечаток на жизнь страны, общества. Императрица Анна имела тяжелый характер, была женщиной злопамятной и жестокой. Под стать ей был и Бирон, чьих капризов боялись при дворе. Все знали его умение настроить императрицу против кого угодно. Люди боялись стать жертвой доноса, опасались высказать свое мнение о политике государства или его чиновниках. Каждое такое высказывание могло повлечь страшное обвинение в «оскорблении чести Ее императорского величества». На улицах городов часто звучало «государево слово и дело».

Ужас на людей наводило только упоминание Тайной канцелярии и ее начальника А. И. Ушакова. В пыточных подвалах этого карательного учреждения подозреваемых ждали изощренные пытки огнем, железом, водой. Аннинское царствование знало все виды жестоких средневековых казней: посадение на кол, закапывание, а также сожжение живьем, четвертование, колесование и т. д. Анна не забыла событий начала 1730 года и стремилась

расправиться с его активными участниками. Первый удар был обрушен на головы князей Долгоруких. Весной 1730 года князь А. Г. Долгорукий вместе с семьей был выслан в Сибирь. Туда поехала и «порушенная невеста» – так называли невесту Петра II княжну Екатерину Долгорукую, а также князь Иван Долгорукий со своей молодой женой Натальей. В 1729 году она, 15-летняя дочь и наследница фельдмаршала Б. П. Шереметева, согласилась выйти замуж за фаворита Петра II князя И. А. Долгорукого. Вскоре император умер, и фавор князя Ивана кончился. Родственники советовали порвать брачный сговор и вернуть жениху обручальное кольцо. Но девушка, честная и благородная, отказалась это сделать. Она вышла замуж за Ивана и разделила с мужем все испытания неволи в Сибири, в Березове. Оставленные ею безыскусные «Собственноручные записки» о прожитом говорят о том, что можно достойно пройти свой жизненный путь, если во всем руководствоваться любовью, смирением и милосердием.

Заметки на полях

Почти в каждой энциклопедии можно прочитать, что «бироновицина – реакционный режим в России 1730–1740 годов при императрице Анне Иоанновне, по имени Э. И. Бирона. Засилье иностранцев, разграбление богатств страны, всеобщая подозрительность, шпионаж, доносы, жестокое преследование недовольных». В этом определении хорошо видна вся идеологическая, резко отрицательная «начинка». Более того, легко понять, откуда все это пошло. Дело в том, что десятилетнее правление Анны Иоанновны превратилось в историографическую «бироновицину» сразу же после того, как Елизавета Петровна захватила власть под патриотическими лозунгами освобождения России от гнета ненавистных иностранцев. Она, как провозглашали с амвона церковью, решила «сидящих в гнезде орла Российского ноцных сов и нетопырей, мыслящих злое государству, прочь выпужать, коварных разорителей Отечества связать, победить и наследие Петра Великого из рук чужих вырвать, и сынов российских из неволи высвободить и до первого привести благополучия». Эти конъюнктурные, пропагандистские оценки царствования Анны, сформулированные во времена Елизаветы, прочно закрепились и в нашей историографии и в художественной литературе – все помнят роман И. Лажечникова «Ледяной дом» и «Думы» Кондратия Рылеева.

При дворе Анны господствовали не немцы, а интернациональная клика придворных. В борьбе у подножия трона за милости монарха ни национальность, ни вероисповедание значения не имели. Словом, пестрая компания, окружавшая престол Анны – между прочим, ее дед Салтыков был некогда подданным польского короля, – состояла из курляндца Бирона, лифляндцев братьев Левенвольде, ольденбургца Миниха, вестфальца Остермана, «литвина» Ягужинского, потомка кабардинских князей черкасского, а также русских: Головкина, Ушакова и Волынского. И эта компания не составляла единства; это была типичная придворная камарилья, раздираемая никогда не стихавшей борьбой за власть, влияние, милости. Если же посмотреть на результаты внутренней и внешней политики того времени, то они свидетельствуют, что при Анне был продолжен курс на укрепление империи, развитие экономики, дворянству были даны существенные льготы, в армии и во флоте иностранцев было не больше, чем при Петре I. Что же касается недоимок, свирепой Тайной канцелярии, жестокого преследования недовольных, разграбления богатств страны и прочих извечных пороков отечественного управления, то они были всегда: и до Бирона, и после него. При этом порой Бирон даже проигрывал в сравнении с ворами из природных русских в последующие периоды русской истории, по сравнению с деяниями которых злоупотребления времен «бироновицины» кажутся невинными шалостями. Недооценивать роль Бирона, естественно, не следует. Истоки его подавляющего влияния на императрицу крылись не только в личности времени – человека красивого и волевого, сколько в чувствах императрицы, видевшей в Бироне своего повелителя, мужа и защитника. Все десять лет царствования Анна и ее фаворит не расставались ни на один день. Бирона не любили и боялись. Он

был необразован, невоспитан и груб, порой покрикивал и на императрицу. Десять лет Бирон фактически управлял страной, чему довольно быстро обучился, и не совершал при этом грубых ошибок. Он обычно держался в тени, имея всюду своих ставленников и шпионов. Высокомерный, жестокий и мстительный, он был беспощаден к своим врагам, отличался цинизмом, корыстолюбием, обожал грубую лесть и породистых лошадей.

Вместе с Бироном и другими иностранцами у трона было немало и русских, которые пользовались доверием Анны Иоанновны: родственники по матери Салтыковы, а также помогшие ей победить верховников вельможи П. И. Ягужинский, А. М. черкасский, Феофан Прокопович, начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков и другие. Все вместе они составляли окружение императрицы, раздираемое распрями и интригами не по национальному принципу, а исключительно ради высших милостей, наград, пожалований.

Долгорукие прожили восемь долгих лет в Березове – там, где жили и умерли Меншиков и его дочь Мария – первая невеста Петра II. В 1738 году на князя Ивана донес местный подьячий, обвинив его в недобрительных высказываниях об императрице. Всех Долгоруких свезли в Шлиссельбург. Там их допрашивали, пытали, а осенью 1739 года князь Иван и еще трое из семьи бывшего фаворита были казнены под Новгородом. Ивана Долгорукого колесовали – раздробили руки, ноги, позвоночник и затолкали еще живого в обод тележного колеса. Еще раньше Анна расправилась с главой верховников князем Д. М. Голицыным. Старый, больной Голицын был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер весной 1737 года. Крайне тяжелое впечатление на общество произвело и дело Артемия Волынского. Еще в 1711 году он, молодой, толковый ротмистр, потомок бояр, приглянулся Петру I, и тот стал давать Волынскому поручения, назначил послом в Персию. Волынский «прославился» злоупотреблениями, горячим, необузданным характером. Он возвысился при Анне благодаря Бирону, который сделал его кабинет-министром. Попав в высший круг власти как доверенное лицо Бирона, Волынский был поначалу верным ставленником временщика, служил ему рьяно и угодливо, но постепенно стал дерзок по отношению к патрону. Расследование, начатое против Волынского в Тайной канцелярии, контролировал А. И. Остерман, который еще раньше конфликтовал с ним. В обычной жизни склонный к малодушию и ябедничеству, Волынский на дыбе, под пытками проявил себя мужественным человеком и достойно принял свою позорную смерть. Волынского обвинили в попытке организовать заговор. Поводом для такого страшного обвинения стали вечеринки в доме хлебосольного кабинет-министра, который имел много друзей и обсуждал с ними свой «Генеральный проект о поправлении государственных дел» – плод наблюдений и размышлений о государственном хозяйстве и его проблемах. Собрания крупных сановников в доме Волынского были бельмом на глазу у властей, а ставшие известными неллицеприятные отзывы кабинет-министра об Анне, Бироне и других возбудили гнев царицы.

Главным доносчиком по делу Волынского стал его дворецкий Василий Ку банец, слышавший и запомнивший откровения своего господина. После недолгого и неправого суда Волынский и двое его друзей – архитектор Петр Еропкин и советник Андрей Хрущев – были казнены на Обжорном рынке Петербурга 27 июня 1740 года. Напрасно Волынский – еще недавно лучший министр и докладчик у императрицы – ждал помилования. Оно так и не пришло. Анна в это время отдыхала и охотилась в Петергофе...

В день вступления Анны на русский престол в 1730 году москвичи были поражены зловещим кроваво-красным свечением полночного неба над городом. Это странное северное сияние было истолковано как предвестник кровавого царствования. И действительно, конец правления Анны, благодаря процессам Долгоруких и Волынского, был окрашен в цвета крови. Пятого октября 1740 года с императрицей прямо за обеденным столом случился приступ болезни, началась кровавая рвота. Состояние здоровья Анны быстро ухудшалось. По-видимому, осенью 1740 года от увлечения верховой ездой у нее произошло обострение почечнокаменной болезни. Анна, жестоко страдающая от болей, слегла в постель. Ко всему

прочему добавилась истерика. Страх возник у нее, возможно, в связи со странным происшествием, случившимся ночью во дворце незадолго перед болезнью императрицы. Дежурный гвардейский офицер, несший ночной караул, заметил в темноте тронного зала фигуру в белом, чрезвычайно схожую с императрицей. Она бродила по залу и не откликалась на обращения к ней. Бдительному стражу это показалось подозрительным – он знал, что императрица отправилась почивать. То же подтвердил разбуженный им Бирон. Фигура между тем не исчезала, несмотря на поднятый шум. Наконец, разбудили саму Анну, которая вышла посмотреть на своего двойника. «Это моя смерть», – сказала императрица и ушла к себе. Бирон не отходил от постели больной императрицы, пока она не подписала завещание, которым назначила наследником престола своего внучатого племянника, младенца Ивана Антоновича, и объявила Бирона регентом до 17-летия юного императора Ивана VI. Смерть пришла за императрицей Анной 17 октября 1740 года. Умирая, она до самого конца смотрела на стоящего в ее ногах и плачущего Бирона, а перед самой смертью произнесла: «Небось!», то есть «Ничего не бойся!»

Регентство и свержение Бирона

Действительно, Бирону нечего было бояться – в шкатулке у вице-канцлера Остермана уже лежало подписанное Анной перед смертью завещание, согласно которому престол наследовал Иван VI Антонович. Он родился в августе 1740 года и Анне Иоанновне приходился внучатым племянником – был сыном принцессы Анны Леопольдовны и принца Антона-Ульриха Брауншвейгского (см. выше ветвь родословного древа Романовых).

История этой ветви Романовых такова. В 1716 году Петр I поступил со старшей дочерью царицы Прасковьи Федоровны Екатериной Ивановной так же, как и со средней – Анной: он выдал ее замуж за иностранного герцога, владельца северогерманского Мекленбурга Карла-Леопольда. Екатерине Ивановне не повезло: ее муж был неотесанным и грубым человеком, и в 1721 году она вместе с родившейся в 1718 году дочкой Анной под благовидным предлогом бежала от мужа и поселилась у матери – царицы Прасковьи. Со вступлением на престол своей тетки Анны Иоанновны в 1730 году положение Анны Леопольдовны изменилось, ибо императрица была бездетна. Было публично объявлено, что наследником престола станет сын, который родится от будущего брака племянницы Анны Леопольдовны с тогда еще неизвестным иностранным принцем. Принца нашли в Брауншвейге и привезли в Россию в 1734 году. Принц – болезненный и несмелый юноша – не понравился невесте, да и императрице. Свадьбу решили отложить до лучших времен. Наконец, в 1739 году она все же состоялась, и в августе 1740 года у Анны Леопольдовны родился мальчик, которого в честь деда – царя Ивана V Алексеевича – назвали Иваном.

Герцог Эрнест Иоганн Бирон.

Вручая ему престол, Анна Иоанновна действовала как самодержавная императрица строго по букве и смыслу петровского «Устава о наследии престола» от 5 февраля 1722 года – кому хотела, тому и отдала трон. Впрочем, Анна, передав престол грудному младенцу – сыну своей племянницы Анны, не могла поступить иначе. Она ни за что не хотела передавать корону дочери прачки Екатерины I Елизавете Петровне или 12-летнему Голштинскому герцогу – сыну старшей дочери Петра Великого Анны Петровны. Лучше всех было положение у Бирона: согласно завещанию Анны он становился правителем-регентом до 17-летия императора Ивана или, в случае его смерти, до 17-летия другого ребенка Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха. Он получал неограниченную власть во внутренних и внешних делах, мог заключать международные трактаты от имени императора, быть главнокомандующим армии и флота, ведать финансами. Никто не мог предположить, в том числе и сам Бирон, что господство его не продлится и месяца. Почти с самого начала регентства стало ясно, что Бирон будет стремиться удержать власть всеми средствами. Он тотчас арестовал недовольных его назначением, запугал родителей императора и даже посадил отца его, принца Антона-Ульриха, под домашний арест. Но вся сила временщика состояла лишь в привязанности к нему покойной императрицы Анны. Когда она умерла, Бирон не располагал в русском обществе никакой опорой, кроме соглядатаев и шпионов. Но и они проглядели опасность, которая возникла за спиной регента. Бирона сверг его близкий сподвижник Миних. Фельдмаршал был недоволен своим положением и наградами, которые он получил за поддержку Бирона в момент смерти Анны Иоанновны. Ему хотелось большего, он мечтал о жезле генералиссимуса, о власти, равной власти Бирона. Временщика же что-то беспокоило, он подозревал интриги против себя. Накануне переворота он спросил Миниха, не приходилось ли тому предпринимать какие-либо действия ночью. Миних с трудом скрыл свое волнение. И вот, ночью 9 ноября 1740 года, получив накануне одобрение Анны Леопольдовны, Миних с 80 гвардейцами двинулся к Зимнему дворцу. Заняв все входы

и выходы, он послал своего адъютанта с солдатами арестовать Бирона. Когда Манштейн ворвался в спальню регента и разбудил его, Бирон тотчас полез под кровать, а затем, как описывает Манштейн, *...встав, наконец, на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую тут карету фельдмаршала.*

Так совершился этот переворот.

При этом Миних рассчитывал на благодарность Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха. Однако честолюбивый, властный фельдмаршал ошибся. Родители императора не хотели, чтобы он стал для них новым Бироном. Поэтому чин генералиссимуса ему не достался, его получил отец императора принц Антон-Ульрих Брауншвейгский. Государственные же дела оказались в ведении А. И. Остермана. Сама Анна Леопольдовна была объявлена Великой княгиней и Правительницей Российской империи до совершеннолетия императора Ивана VI Антоновича. Обиженный Миних в начале 1741 года подал прошение об отставке, думая, что без него никак не обойдутся, будут даже умолять остаться. Правительница же тотчас отправила этого – как он себя называл в мемуарах – «Столпа Отечества» в отставку.

Анна Леопольдовна у власти. Дворцовый переворот Елизаветы Петровны

Правление Анны Леопольдовны оказалось невыразительным. Сама правительница не обладала ни умом, ни способностями к государственной деятельности. Она тяготилась государственными делами, большую часть времени проводила во внутренних покоях дворца, ходила неодетой и непричесанной. Как вспоминал Миних, бывавший до своей отставки у нее на докладах, она вяло просматривала дела и говорила о том, чтобы ее сын скорее вырос и взял в руки управление страной. Под стать правительнице был ее муж – принц Антон-Ульрих. Чуждый интересам страны, в которую он попал волею судьбы, он не пользовался авторитетом ни в армии, ни в обществе. Всеми делами заправляли А. И. Остерман и М. Г. Головкин.

При Анне Леопольдовне в обществе подспудно зрело недовольство. Особенно ярко оно проявлялось в гвардейских казармах, среди рядовых солдат. Многие из них служили в гвардии со времен Петра Великого, помнили его блестящие победы, тот высокий престиж, который был у России к концу его царствования. Жестокости и «суровства» петровского царствования забылись, и в целом гуманное регентство Анны Леопольдовны казалось жалкой карикатурой на «эпоху славы» великого реформатора. У власти оказалась иностранная Брауншвейгская фамилия (так называли в России семью императора-младенца), страной правили бездарные слабые люди – все это раздражало гвардейцев. Они видели в этом «забвение начал Петра Великого». Внимание их было сосредоточено на личности дочери Петра I цесаревны Елизаветы – прямой наследницы великого царя, русской красавице, доброй к ним, сподвижникам царя-полководца. Цесаревне Елизавете Петровне в 1740 году было уже за 30 лет. Она жила веселой и беззаботной жизнью в окружении своих фаворитов и кавалеров. Во времена Анны Иоанновны она держалась подальше от политики, опасаясь, как бы ее не выдали замуж в какое-нибудь маленькое германское княжество. Когда же после свержения Бирона и отставки Миниха у власти оказалась ее племянница Анна Леопольдовна, ситуация изменилась. Окружение цесаревны, в особенности ее врач Лесток, начало подталкивать Елизавету к более решительным действиям, разжигая ее честолюбие и желание властвовать. Этому способствовали и иностранные дипломаты – французский посланник маркиз дела-Шетарди и шведский посол Э.-М. Нолькен. Франция была заинтересована в изменении внешнеполитического курса России, дружившей с Австрией – соперницей Франции в Европе. Швеция же хотела ревизии, отмены Ништадтского мира 1721

года, возвращения королевству Восточной Прибалтики. Штарди и Нолькен обещали Елизавете поддержку и деньги, если она решится на переворот. Но более всего воодушевляли дочь Петра симпатии гвардейцев, которые, как сообщали шпионы Анны Леопольдовны, проявляли особую «горячность» к Елизавете. Подражая своему великому отцу, Елизавета водила дружбу с гвардейцами, запросто, не чинясь, беседовала с ними, соглашалась быть крестной матерью их детей, принимала гвардейцев у себя во дворце. Миних, побывавший с поздравлениями у цесаревны в канун нового 1741 года, был поражен обилию гвардейцев, наполнявших все приемные покои и лестницу дворца. Заметил он также, что гвардейцы запросто обращались к цесаревне «на ты», называя ее кумой. Согласно православному обычаю, так можно называть крестную мать своих детей: родство у купели считалось не менее близким, чем кровное.

Граф А. И. Остерман.

Действующие лица

Граф Андрей Остерман

Генрих Остерман родился в семье приходского священника из Бохума, учился в Йене и 4 мая 1703 года в пьяной трактирной драке убил товарища. После этого он бежал в Голландию, а потом завербовался в Россию. Зная многое о долгой и непростой жизни Остермана, нельзя сказать, что трактирная история была случайностью, неожиданным, нелогичным событием. В характере, личности Остермана заключена тайна. Смирный и тихий, он порой внезапно и неожиданно для окружающих взрывался злым поступком. За внешним хладнокровием, хитростью, разумностью его скрывался вулкан честолюбия, гордости, тщеславия и даже авантюризма. Порой этот умнейший аналитик не мог справиться со своими страстями, допуская нелепые промахи и оказываясь в крайне затруднительном положении. В России Остерман быстро сделал карьеру: попал

как переводчик в Посольскую канцелярию, был замечен Петром, который стал привлекать юношу к серьезной работе. Гибкий ум, исполнительность, немецкая педантичность и точность – все было по нраву царю. И еще у Остермана было одно поражающее всех в России качество. Его отличала фантастическая работоспособность. С годами значение Остермана-дипломата росло. Без него не обходилось ни одно крупное дипломатическое событие, в котором участвовала Россия. Вершиной профессиональных успехов Остермана можно считать заключение осенью 1721 года Ништадтского мира, по которому Россия получила прибалтийские территории.

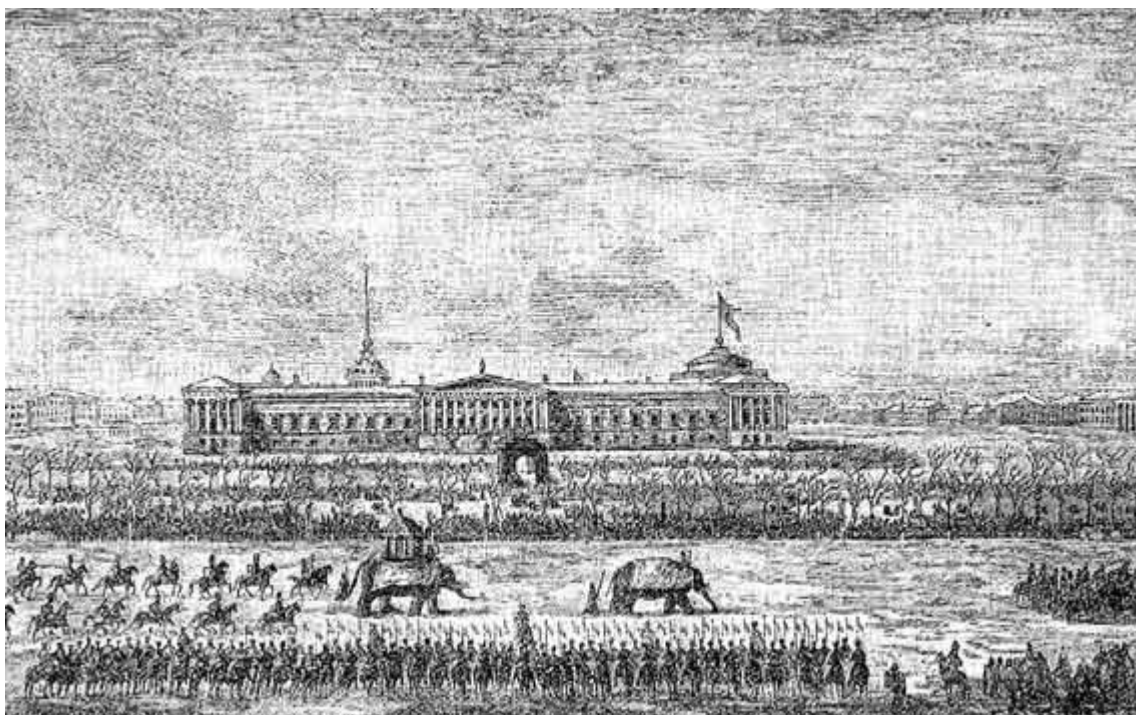
В 1723 году Остерман стал вице-канцлером России – должность почти заоблачная для любого чиновника. Он был сильным дипломат. Основу политики он видел в последовательном соблюдении российских интересов, в трезвом расчете, прагматизме, намерении и умении завязывать союзнические отношения только с теми державами, которые могут быть полезны России.

Но быть дипломатом и не быть политиком невозможно, особенно при дворе. Много раз Остерман повисал над бездной, но благополучно выкарабкивался наверх. В правление императрицы Анны Иоанновны он ближе всего подошел к вершине власти. Он стал министром Кабинета, влиятельным сановником и уже не ограничивался только внешней политикой, а вел и внутренние дела. На должности кабинет-министра Остерман проявил все те качества, которыми его наделила природа: он был умным, хитрым, скрытным, эгоистичным человеком, беспринципным политиком, хорошо знавшим себе цену. Тут важно особо отметить, что он был одним из редчайших деятелей России XVIII века, который не замарал себя взятками и воровством. Его жизнь целиком была поглощена работой и интригой. Все остальное казалось ему второстепенным и неважным.

Андрей Иванович (так его звали русские), прожив в России почти столетия, так и не приобрел друзей, приятелей. Он был всегда одинок. Да это и понятно – общение с Остерманом было крайне неприятно. Его скрытность и лицемерие были притчей во языцех, а не особенно искусное притворство – анекдотичным. В самые ответственные или щекотливые моменты своей политической карьеры он внезапно заболел. Впрочем, в своем притворстве Остерман знал меру: острый нюх царедворца всегда подсказывал ему, когда нужно лежать пластом и слабо приподнимать веки, а когда, стелая и охая, нередко на носилках, все-таки следует отправиться во дворец.

Остерман всегда знал, кого держаться на крутых поворотах истории, а потом своих благодетелей предавал. К началу 1741 года после серии переворотов и отставок на политической сцене вдруг не осталось сильных фигур, и у власти оказалась слабая и недалекая правительница Анна Леопольдовна. Тогда-то Остерман и решил, что его час пробил! Та скрытая честолюбивая энергия, которая в нем клокотала с юности, вырвалась наружу. Он стал при правительнице первым министром, фактическим руководителем государства. Но его триумф продолжался недолго. После очередного переворота, когда к власти пришла Елизавета Петровна, он с громким шумом слетел с Олимпа и угодил в Березов, куда он ранее отправил своего благодетеля Менишкова. Там он и умер в 1747 году, не дожив до 60 лет.

И все же Елизавета долго не решалась на переворот. Уж слишком опасным казалось это дело для привыкшей к праздной и беззаботной жизни цесаревны-красавицы. К тому же помощь из-за границы задерживалась. Хотя летом 1741 года Швеция начала войну против России, поход потомков Карла XII на Петербург закончился сокрушительным провалом. Русская армия, возглавляемая фельдмаршалом Петром Ласси и другими иностранными генералами, не посрамила чести русского оружия и 23 августа 1741 года наголову разгромила шведскую армию в Финляндии под крепостью Вильманstrand. Эта победа была не особенно приятна Елизавете и ее сообщникам – шведам дорога в Петербург была закрыта.

Вид Адмиралтейства и Дворцовой площади во время шествия слонов.

Десятого октября 1740 года жители Петербурга увидели необыкновенное зрелище: по улицам города шли верблюды, мулы с огромными тюками. Это было посольство персидского шаха Надира Ашрафа, которое привезло русскому царю невероятно богатые дары: драгоценные украшения, дивные восточные ткани, золотые сосуды, богатую конскую сбрую, усыпанное бриллиантами оружие. Но более всего петербуржцы были потрясены зрелищем четырнадцати слонов, которых привел в подарок императору Ивану персидский посол. Эти великаны торжественно вышагивали по улицам «полуночного града», поражая толпу своим величественным видом. Их поместили в специальный Слоновый двор, иногда выводили гулять на Марсово поле и водили по улицам города для променаду, без всякой полезной цели. Возможно, с тех пор и стали всякое бессмысленное гулянье называть одним словом – «слоняться» или выражением «слоны слонять» – ходить без дела. Оказалось, что Надир-шах прислал посольство и богатые дары неспроста. Он хотел посвататься к цесаревне Елизавете Петровне – слухи о ее красоте достигли Персии. Под благовидным предлогом Остерман не дал послу шаха возможности увидеться с цесаревной, что ее очень оскорбило.

Осенью 1741 года обстановка для заговорщиков стала ухудшаться. По столице поползли слухи о заговоре цесаревны против Брауншвейгской фамилии, о том же правительству Анны Леопольдовны сообщали шпионы из-за границы. Но ни правительница, ни ее вялый муж-генералиссимус ничего не предпринимали. Двадцать третьего ноября 1741 года правительница решилась по-семейному пристыдить зарвавшуюся тетушку Елизавету и в беседе с ней фактически раскрыла все свои карты. Поняв, что власти знают о заговоре и намерениях заговорщиков, Елизавета решилась на путч.

В ночь на 25 ноября 1741 года, горячо помолвившись и надев кавалерийскую кирасу, Елизавета с тремя приближенными поехала по спящему Петербургу в казармы Преображенского полка, где ее уже ждали. Подъехав на саних в сопровождении трехсот преображенцев к Дворцовой площади, она вместе с солдатами пешком двинулась к Зимнему дворцу. Однако, застревая в сугробах, цесаревна задерживала движение своего отряда, и тогда гвардейцы подхватили своего «полководца» на руки и так внесли ее во дворец. Стража дворца сразу же перешла на сторону мятежников. Гвардейцы ворвались в спальню Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха и арестовали их. Из кровати они вытащили и годовалого императора, которого сразу же отнесли Елизавете.

Заглянем в источник

Вот как описывает произошедшее один из его свидетелей – генерал-прокурор Сената Я. П. Шаховской. Он проснулся от громкого стука в окно сенатского эзекутора, который потребовал, чтобы Шаховской немедленно явился во дворец к императрице:

«Я сперва подумал, не сошел ли эзекутор с ума, что так меня встревожил и вмиг удалился; но вскоре я увидел многих по улице мимо окон моих бегущих необыкновенными толпами в сторону, где дворец был, куда и я немедленно поехал, чтобы скорее узнать точность такого чрезвычайного происхождения. Не было мне надобности размышлять, в какой дворец ехать. Ибо хотя ночь тогда темная и мороз великой, но улицы были наполнены людьми, идущими к цесаревинному дворцу, гвардейские полки с ружьями шеренгами стояли вокруг одного в ближних улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни; а другие подносили друг другу, пили вино, чтобы от стужи согреться. Причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: “Здравствуй (т. е. Да здравствует! – Е. А.), наша матушка императрица Елизавета Петровна!” – воздух наполняли. И тако я, до одного дворца в моей карете сквозь тесноту проехать не могши, вышел из оной, пошел пешком, сквозь множество людей с учтивым молчанием продираясь, и не столько ласковых, сколько грубых слов слыша, взошел на крыльца лестницу и следовал за спешащими же в палаты людьми...».

Здесь невозможно удержаться от небольшого комментария. В августе 1991 года вышел составленный мною сборник мемуаров из эпохи дворцовых переворотов в России, и в предисловии к нему я писал, что, мол, нам, современным людям, теперь, 250 лет спустя, не дано испытать чувства предков, проснувшихся на следующее утро после ночного государственного переворота. И вскоре по выходу книги я проснулся от громкого стука в окно (дело было на даче). Запыхавшийся сосед сказал мне, что Горбачев свергнут, ночью в стране произошел государственный переворот...

В городе арестовали всего несколько человек – А. Остермана, Б. Х. Миниха, М. Головкина, Левенвольде. Столица, ничего не ведавшая о «славной» революции дочери Петра Великого, проснулась под утро от необычайного шума на улице. Примечательно, что среди гвардейцев, которые внесли Елизавету на престол, было немало тех, кто шел с Минихом свергать Бирона.

Императрица Елизавета как женщина и властительница

Императрица Елизавета Петровна царствовала 20 лет. Как и все ее ближайшие предшественники, она оказалась неподготовленной к тяжелой работе у руля управления такой огромной страной, как Россия. Да это и не было ее главной целью в жизни. С самого детства цесаревну предназначали в королевы Франции или какой-нибудь другой страны. Ее научили языкам, танцам, умению одеваться, вести светский разговор, весело проводить время. Именно веселому времяпровождению и посвящала все свое царствование Елизавета Петровна. По отзывам современников, Елизавета была божественно красива. Екатерина II вспоминала об императрице, которую она видела в возрасте 34 лет, так:

Поистине нельзя было тогда видеть в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива... Она танцевала в совершенстве и отличалась особой грацией во всем, что делала, одинаково в мужском и в женском наряде. Хотелось бы все смотреть, не сводя с нее глаз, и только с сожалением их можно было оторвать от нее, так как не находилось никакого предмета, который бы с ней сравнился.

Затмевать всех своей красотой – во многом к этому и сводилась цель жизни

императрицы-модницы. И это ей с успехом удавалось. В 1733 году на бал при дворе Анны Иоанновны пригласили китайского посла. В светской беседе императрица спросила посла, какая женщина самая красивая. Он показал на Елизавету и сказал, что «среди такого множества прекрасных женщин он считает самой красивой ее, и если бы у нее не были такие большие глаза, никто не мог бы остаться в живых, увидев ее». То, что с точки зрения китайца считалось недостатком, было ее достоинством: ни у одной женщины в те времена не было таких огромных, лучистых, темно-синих глаз, такого нежного цвета лица и пепельных вьющихся волос. Современники отмечали фантастическую, всепоглощающую страсть Елизаветы к нарядам и развлечениям, которую она успешно «внедряла» в высшее общество столицы. Все отмечали необычайную элегантность ее нарядов, причесок и украшений. Было известно, что императрица запрещала другим дамам одеваться так же, как она. Как только приходил корабль с галантерейными товарами и тканями из Франции, императрица лично проводила досмотр товаров и отбирала все, что ей казалось лучшим, тем самым держа петербургских модниц «на голодном пайке».

Успехи других дам вызывали болезненное раздражение у Елизаветы, и она нередко приказывала им переодеться. Сама же императрица меняла наряды каждый день и даже по несколько раз на дню. Когда она умерла, в ее гардеробе нашли около 15 тыс. платьев, несколько тысяч пар обуви, более сотни кусков великолепных материй. За пределами бального зала Елизавета была совсем другой. Ее близкие, придворные, слуги страдали от капризов, взбалмошности императрицы. Неуравновешенная, вздорная, она вымещала свое раздражение на окружающих. Приноровиться к ее привычкам и повадкам было очень непросто. Так, она почти никогда не спала по ночам, никто точно не знал, когда императрица спит или обедает. Такая необычайная жизнь была следствием неводержанности императрицы, неумения управлять собой и... страха ночного переворота. Она помнила ту ночь, когда гвардейцы пришли вместе с ней арестовывать Анну Леопольдовну, и боялась такой судьбы. Часто бывало, что поздно вечером Елизавета внезапно собиралась и уезжала в неизвестном для большинства направлении – в Царское Село, Петергоф или в какой-нибудь еще дворец. В ее дворцах не было постоянных спален: их оборудовали каждый раз в новом месте. Склонность императрицы к переездам была вызвана не только страхом. Она вообще любила много путешествовать и делала это с большим комфортом: на пути из Петербурга в Москву для нее построили более 20 дворцов, где она находила для себя все необходимое.

Несмотря на показную приветливость, Елизавета была очень подозрительной и недоверчивой. Незнающим ее людям порой казалось, что они, расположив к себе легкомысленную царицу, смогут ею управлять. Но их ждало разочарование; Елизавета не была проста и наивна, как Анна Леопольдовна, и не позволяла господствовать над собой. В принципе, несмотря на свою неуравновешенность, она не была ни суетлива, ни скоропалительна при решении государственных дел. Наоборот, когда требовалось подписать какую-нибудь бумагу, императрица вдруг начинала колебаться, бывала нерешительна и излишне осторожна – она знала высокую цену своей подписи. Никто не мог обвинить Елизавету в кровожадности. Существует легенда, что, вступая на престол, императрица поклялась не подписывать смертные приговоры. Так это и случилось. Ни один правитель России не может похвастаться, подобно Елизавете, что в течение его царствования не казнили ни одного человека.

Приближенные Елизаветы Петровны

Вместе с Елизаветой к власти пришли новые люди – в основном близкие ей, те, кому она доверяла. В 1742 году она тайно обвенчалась с Алексеем Разумовским, и на протяжении многих лет он пользовался огромным влиянием при дворе. Разумовский появился в окружении цесаревны в 1731 году, когда его, Розума, простого украинского парубка с дивным голосом, привезли из черниговского села Чемары в Петербург, в придворную капеллу. Певчие с Украины высоко ценились в Петербурге, но Разумовский особенно

понравился Елизавете и стал ее фаворитом. С вступлением Елизаветы на престол он получил высшие чины, стал богат, но, в отличие от Бирона, был человеком вполне безобидным, с мягким украинским юмором. Разумовский, лишенный страсти властвовать и кого-либо подавлять, отличался скромностью и семейственностью, любил свою многочисленную черниговскую родню. Влияние Разумовского на императрицу было огромно, она не расставалась с ним ни на минуту. Сохранилось множество свидетельств той любви, которая связывала императрицу с Разумовским. Один видел, как в сильный мороз, выходя из театра, самодержица Всероссийская заботливо застегивала ему шубу и поправляла на его голове шапку. Другой наблюдатель видел, как на охоте в палатку к простудившемуся Разумовскому вошла государыня и «как словно со своего мужа рубашку сняла и надевала другую». Третий подсмотрел: весело хохоча, самодержица Всероссийская сидела на коленях у Разумовского. Это была завидная, счастливая пара. Секрет этой искренней, вызывающей зависть и ненависть любви императрицы к бывшему пастуху таился не только в плотском влечении Елизаветы к этому красавцу, но и в его несокрушимой надежности, верности и доброте. В придворном мире интриг, подлости и коварства Разумовский выделялся тем, что, обладая безграничными возможностями фаворита императрицы, он никогда и ни в чем не посягнул на власть государыни, не позволил хотя бы заподозрить себя в интригах за ее спиной. И она ценила в своем Олеше это бескорыстие, называя его в письмах «Друг мой нелицемерный!» При этом Разумовский не был наивен или излишне прост. Наоборот, он был умен и всю свою благополучную – через край – жизнь помнил, откуда он, кто он, и в чем секрет его необыкновенного счастья. Он знал цену и людям, и самому себе и не обольщался, слыша над головой звуки медных труб. Не раз с присущим украинскому народу мягким юмором Разумовский шутил над той волшебной историей, которая произошла с ним, сыном бедного крестьянина.

Граф А. Г. Разумовский.

Легенды и слухи

Была ли замужем Елизавета Петровна?

Осенью 1742 года в глубокой тайне два раба Божьих – «раб Алексей» и «раба Лизавет» – венчались в сельской церкви подмосковного села Петрово. (Об этом знали только несколько человек.) Так украинский пастух стал мужем русской императрицы. Впоследствии Елизавета построила здесь дворец, разбила великолепный парк и подарила имение Разумовскому. У нас нет прямых свидетельств заключения этого брака – бывшие в церкви об этом не рассказывали. Но косвенные доказательства все-таки есть. Особо важны именные списки лейб-компаний – тех 306 участников переворота, которые помогли Елизавете Петровне вступить на трон. Они были все награждены и обласканы государыней. В именных списках лейб-компаний подробно расписаны данные об их происхождении, образовании, душевом владении и семейном положении. Последняя графа вполне стандартна: отмечается, что человек женат, холост или вдов. В графе о семейном положении Разумовского зияет пробел: у него, единственного лейб-компанца, нет отметки о семейном положении. Кажется, что этот пробел как раз убедительнее всего говорит о тайном браке с императрицей. что же мог туда записать писарь: «холост» или «женат». Тогда кто жена? Поэтому ничего не написали...

Разумовский – ленивый, вальяжный, в парчовом шлафроке, вместе с одетой по-домашнему Елизаветой обедал в кругу близких людей за столом. Часто подавали любимый фаворитом наваристый украинский борщ, изумительный запах которого (а варили его шесть часов!), а также запах пампушек с чесноком распространялись по дворцу.

Конечно, глядя на эту прекрасную пару, трудно было не подумать о том, какие же красивые дети должны у них быть! Слухи о тайных детях Елизаветы и Разумовского волнами расходились по стране, будоража умы всех российских и зарубежных сплетников. Говорили, что эти дети получали образование за границей, в Швейцарии под фамилией «Таракановы», что одна из дочерей кончила свою жизнь в монастырском заточении. Но все это легенды, хотя дыма без огня не бывает. Точно известно, что в Швейцарии учились дети старшей сестры Алексея Разумовского, носившей по мужу фамилию Дараган, которую досужие немецкие газетчики переделали в «Таракановы», а потом, уже при Екатерине II, за эту легенду ухватилась безвестная самозванка, о которой пойдет рассказ ниже. Допускаю, что дети в этом браке все-таки были. Но в те времена дети не казались бесценными созданиями, как ныне. Обычно новорожденных бастардов стремились убрать с глаз подальше, передавали за умеренное вознаграждение в семьи придворных слуг, местных жителей, причем приемные родители не всегда и знали, чей это ребенок: ползают трое, пусть ползает и четвертый, авось выживет!

Алексей Разумовский немало сделал и для своей родины – Украины, к которой после истории с Мазепой царская власть относилась настороженно. Разумовский сумел добиться для украинского старшины разных льгот, и в 1750 году императрица разрешила Украине выбрать гетмана. Им стал младший брат Алексея – Кирилл Разумовский. Его история напоминает сказку. Однажды за ним, 16-летним пастухом, приехали из Петербурга, доставили в столицу, умыли, одели и отправили учиться и путешествовать за границу. Вернувшись в Россию, он в 22 года стал гетманом Украины и президентом Петербургской академии наук. Кирилл был похож на брата – ленив, добродушен и не жаден до власти. В начале 1750-х годов Разумовских отеснили от престола Шуваловы. Это стало возможным, потому что у 40-летней Елизаветы появился новый молодой фаворит – Иван Иванович Шувалов.

С начала фавора Ивана Шувалова в государственном управлении на первое место выдвинулись его двоюродные братья графы Александр и Петр Ивановичи Шуваловы. С давних пор они находились в окружении цесаревны Елизаветы. Если Александр был человеком довольно «бесцветным», хотя и зловещим – он ведал знаменитой Тайной канцелярией, то глава клана Шуваловых, Петр Иванович – личность яркая, запоминающаяся.

Граф И. И. Шувалов.

Действующие лица

Обер-камергер Иван Шувалов

Шувалову в это время было 22 года от роду. Многим казалось, что его «случай» будет недолгим, и на смену ему придет новый юноша, как уже бывало прежде. Но придворные оракулы просчитались. Недели или за неделями, складывались в месяцы, годы, а Ванечка все не шел с ума капризной красавицы-императрицы. Присмотревшись к молодому Шувалову, можно было заметить, что он резко отличается от других молодых людей при дворе. Шувалов родился в 1727 году, получил домашнее образование и был пристроен ко двору своими двоюродными братьями – влиятельными Петром и Александром Шуваловыми. Те надеялись, что юноша там оботрется, приобвыкнется, начнет делать карьеру, как все Шуваловы. Но Иван превзошел все ожидания родни – он стал фаворитом императрицы Елизаветы и был им до самой ее смерти. Конечно, Шувалов был нужен стареющей кокетке Елизавете. Рядом с красивым юношей она чувствовала себя молодой. Новая любовь на фоне блестящих праздников и развлечений помогала отодвинуть неизбежную и печальную осень жизни. Но не только это привязало ее к Шувалову. Она узнала и оценила поистине золотой характер своего молодого любовника. С самого начала Иван, вопреки надеждам корыстолобивых кузенов, не проявил характерной для них наглости и жадности в хватании богатств, земель, титулов и должностей. А между тем возможности его были огромны. В конце жизни императрицы Шувалов был единственным ее докладчиком, готовил тексты указов и объявлял сановникам ее решения. И при этом фаворит никакой выгоды не извлек. Он оказался бессребреником. Разумеется, фаворит императрицы не бедствовал, но все же никто не мог прошептать ему вослед: «Вор!» Остаться, да еще так долго у кормушки власти честным, бескорыстным, незапятнанным человеком – подвиг редкостный.

Рассказывали, что после смерти Елизаветы Иван Шувалов передал ее преемнику императору Петру III миллион рублей – прощальный подарок государыни. Этот поступок Шувалова вполне соответствует всему, что мы о нем знаем. Известно также, что после смерти Елизаветы и отставки он часто занимал деньги у своей сестры. Он был просто не очень богат для вчерашнего фаворита императрицы. И в этих его качествах кроется одна из причин долгого фавора Шувалова. Всегда подозрительная к малейшим попыткам фаворитов использовать ее любовь к ним в ущерб ее власти, Елизавета безгранично доверяла Шувалову, потому что не раз убедилась в его бескорыстии и порядочности.

Попав в любовники государыни, гоdivшейся ему в матери, Шувалов вряд ли смущался этим обстоятельством. Ведь фаворитизм был полноценным общепринятым придворным институтом. Молодой, красивый, модно одетый Шувалов был сыном своего века и от своего счастья отказываться не собирался. Естественно, что Елизавете он, конечно, понравился не столько ученостью, сколько светскими манерами и щегольством. Но все же Шувалов был необычным фаворитом, потому что при всех внешних признаках светского щеголя-петиметра он оказался просвещенным человеком, тонким ценителем искусства. Он был глубоко и искренне предан культуре, просвещению. Без него еще долго бы не было Московского университета, Академии художеств, первого публичного театра. Его покровительству многим обязан Ломоносов, а значит, вся русская наука и литература.

Вместе с Ломоносовым Шувалов задумал создать первый университет в России, в Москве. Используя все свое влияние в высших сферах, он добился-таки открытия этого университета и стал его истинным попечителем. В меценатстве Шувалова была ясная, четкая идеология: развить в России науки и искусства и доказать миру, что русские люди, как и другие народы, могут достичь успехов во всем – только создайте им условия! Конечно, в меценатстве была своя корысть. В ответ на моральную и материальную поддержку гения меценатом последний мог рассчитывать на благодарность Мастера. А какова же может быть благодарность гения, как не желание увековечить мецената в произведении искусства, помочь ему, восторженному любителю прекрасного, переступить порог вечности, на правах друга гения попасть в бессмертие? Но это простительная слабость, тем более, что роль первого мецената вполне удалась Ивану Шувалову – поколения не забыли его заслуг перед русской культурой.

Но при этом Шувалов оставался светским человеком, всю свою жизнь любил красиво одеться, хорошо поесть, да при этом старался поразить гостя каким-нибудь удивительным блюдом, вроде сочетания диковинной печеной картошки со столь же диковинным ананасом. Он был истинным русским барином со смягченными европейской культурой причудами своих предков. Как ни дружил Шувалов с Ломоносовым, как ни восторгался он разнообразными талантами великого помора, все-таки фаворит относился к Ломоносову порой снисходительно, по-барски. Он от души смеялся, глядя, как ссорятся на подстроенной им же встрече за его столом два соперника в поэзии и заклятые враги в жизни – Сумароков и Ломоносов. Это сраживание двух поэтов было не чем иным, как смягченной формой традиционной барской потехи с шутами во время долгого, сытного и скучного обеда.

Праздничная придворная жизнь, власть, подбострастие окружающих разом прекратились 25 декабря 1761 года, когда на руках Шувалова умерла императрица Елизавета. Но, утратив власть, он получил свободу и покой, к которым давно стремился. После смерти Елизаветы к власти пришел сначала Петр III, потом Екатерина II. Обер-камергер покойной Елизаветы ей был совсем не нужен, да и клану Шуваловых Екатерина не доверяла. Иван Иванович отпросился за границу, провел там 7 лет, прославив в Париже просвещенным русским вельможей. Жил он и в благословенной Богом Италии; на своей вилле принимал и устраивал русских художников – выпускников любимой им Академии. Он скупал картины, а сотню шедевров кисти Тициана, Рембрандта, Веронезе и

других гениев он подарил Академии. Позже эта изумительная коллекция стала основой коллекции живописи Эрмитажа.

Вернувшись в Россию, по-прежнему оставаясь холостым, он вел тихую жизнь среди картин и книг, в 1761 году покинув, как и мечтал, императорский дворец. Исполнилась и другая его мечта – его окружали друзья. В своем доме Шувалов создал первый литературный салон. За обеденным столом Шувалова регулярно собирались его близкие друзья: поэты Гавриил Державин, Иван Дмитриев, Осип Козодавлев, Ипполит Богданович, адмирал и филолог Александр Шишков, переводчик Гомера Ермил Костров и другие – люди незаурядные, талантливые. Всем было уютно и покойно в доме Ивана Ивановича. Он любил друзей, нуждался в их участии и внимании.

Когда умерла Елизавета, Шувалову было 35 лет. Он прожил еще 35 лет так, как и мечтал, – без прежней суеты и придворных интриг, в свое удовольствие. Ему можно позавидовать. Он наслаждался одиночеством, искусством, поэзией, много путешествовал. Шувалов умер осенью 1797 года. Это был конец счастливой жизни. Слава добрейшего, честнейшего, умнейшего человека сопутствовала ему при жизни. Никто не может отнять у него этой славы и после смерти.

Современники единодушны в отрицательной оценке Петра Шувалова, многие годы крепко державшего все нити внутренней политики в своих руках. В его характере, манере поведения было много отталкивающих черт. Непомерно честолюбивый, напыщенный, надменный и сказочно богатый Шувалов имел массу врагов и недоброжелателей. Как вспоминает современник, генерал-фельдмаршал граф Шувалов «возбуждал зависть азиатской роскошью в дому и в своем образе жизни: он всегда был покрыт бриллиантами, как Могол (моголы – властители сказочно богатой Могольской империи в Индии XVI–XIX веков. – Е. А.), и окружен свитой из конюхов». Успех Шувалова определила удачная женитьба на любимой фрейлине Елизаветы Мавре Шепелевой – женщине некрасивой, но умной и, как говорили в XVIII веке о ловкачах, «пронырливой». Она, прекрасно зная нравы своей госпожи, умело помогала карьере своего супруга. Да и он сам много для этого сделал. Надменность и напыщенность не мешали Шувалову быть предприимчивым, энергичным; он обладал умением понять и оценить новое, будь то оригинальное устройство пушки, финансовый проект или план фейерверка. Как сообщает современник, в доме Шувалова располагалось целое бюро по разработке различных проектов. С 1744–1745 годов и до своей смерти в 1762 году Шувалов представил императрице и Сенату огромное число законопроектов по многим отраслям государственного хозяйства и военного дела. В ряде проектов Шувалов выступал как типичный прибыльщик – искатель доходов для казны. Так, по инициативе Шувалова начали снова «портить» монету. Обычно из пуда меди чеканилось медной монеты на 8 рублей, а Шувалов начал чеканку облегченной монеты – из пуда стало получаться 16 рублей, а потом и 32 рубля медных денег. Соответственно, сказочно росли доходы казны. По предложению Шувалова были реализованы проекты о винной и соляной торговле, что привело к росту цены на эти продукты. Благодаря Шувалову в России начало активно разрастаться банковское дело. С 1756 года под его руководством заработал Медный банк, который выдавал ссуды дворянам и предпринимателям. Особенно любил Петр Иванович военное дело, точнее – артиллерию. Можно без преувеличения сказать, что русская артиллерия во второй половине XVIII – начале XIX века стала одной из лучших в мире. Заслуги Шувалова в ее реорганизации огромны. Он расширил парк орудий за счет новых типов пушек, которые постоянно совершенствовались под руководством генерал-фельдцейхмейстера (главного начальника артиллерии) Шувалова. Наибольшую известность получили так называемые шуваловские гаубицы и единороги. Они выгодно отличались от прежних типов орудий прочностью, легкостью и маневренностью, скорострельностью, что вместе с широким применением разрывных снарядов и картечи увеличивало эффективность огня русской артиллерии. Как и многие сановники XVIII и других веков, П. И. Шувалов был казнокрадом и стяжателем. Он добивался различных промысловых откупов, то есть имел исключительное право на ловлю трески, морского зверя

в Белом море, на льготных условиях ему и его брату Александру передавались казенные металлургические заводы, приносившие колоссальные доходы. Но всего этого Шувалову было мало: жажда наживы сжигала его, и он шел на все новые авантюры, не гнушаясь запускать руку в казенный карман. Но все его предприятия закончились крахом. Гигантские расходы на поддержание домов, кухни, выезда, массы других дорогостоящих затей разоряли богатейшего сановника, и, когда он умер, его наследнику достались одни лишь долги. Общее состояние Шувалова оценивалось в 588 тыс. рублей – гигантскую по тем временам сумму, а долги составляли 680 тыс. рублей!

Экономика и внутренняя политика Елизаветы

В 1744–1747 годах была проведена Вторая ревизия населения, отразившая изменение численности населения страны со времен Первой, петровской, ревизии 1719–1724 годов. Итоги ревизии порадовали власти – страна пережила тяжелый кризис, вызванный Северной войной и реформами Петра Великого. Число ревизских душ, а стало быть и всего населения, увеличилось с 5 млн в 1724 году до 7 млн в 1747 году. Если мы учтем женщин (половина населения), дворян и другие неподатные сословия, а также тех, кто избежал ревизии, то в Российской империи времен Елизаветы, по площади примерно равной нынешней Российской Федерации, жило не более 20 млн человек! Для такой гигантской территории это было ничтожно мало. Большая часть людей жила, как прежде, в деревнях. Из 100 россиян в городе жили только 4 человека. Но все-таки экономика развивалась. Особенно бурно росла промышленность. В Западной Европе довольно быстро оценили достоинства русского железа и чугуна с Урала. В 1750 году спрос на русский металл достиг беспрецедентного уровня – 100% всей продукции русских заводов. Иначе говоря, сколько бы русские заводы ни производили металла, он весь поглощался западноевропейским рынком. Это породило промышленный бум – ведь строить металлургические заводы в этих условиях стало весьма выгодно.

В 1752–1753 годах Петр Шувалов предложил смелую реформу таможенного обложения. Дело в том, что в России, как и в других странах, со времен Средневековья на границах областей, некогда присоединенных к единому государству, и в городах существовали таможи. Они назывались внутренними. Доходы с внутренних таможен хотя и приносили пользу государству, но само существование их мешало развитию торговли. Шувалов предложил вообще отменить внутренние сборы с торговли, но на внешних таможнях увеличить на 13 копеек как ввозные, так и вывозные пошлины. Указом 13 декабря 1753 года реформа была осуществлена. Поверив Шувалову, Елизавета подписала этот весьма рискованный указ. Но успех превзошел все ожидания: в 1753 году внешние таможи дали в казну 1,5 млн рублей, в 1761 году – уже 2,7 млн рублей. Подобную операцию с внутренними таможнями Франция осуществила только в ходе революции 1789 года. Повышение доходов таможен говорило о росте торговли в стране.

Просвещение в России

Елизаветинское время в России совпало с подъемом Просвещения в Европе. Это было мощнейшее идейное движение, начавшееся во Франции и охватившее все страны Европы. Деятели Просвещения отстаивали многие принципы, которые кажутся теперь вполне естественными: равенство всех людей, свобода личности, независимость человека от церкви. Они мечтали о том, чтобы с помощью широчайшего распространения знаний построить на земле «царство разума», добиться всеобщего счастья. Не миновало это движение и России. Все новинки французской литературы, и прежде всего книги кумира читателей – блестящего, язвительного Вольтера, приходили из Парижа и сразу же становились предметом оживленных разговоров в среде русских интеллектуалов.

А их было достаточно много, по крайней мере, в середине 1750-х годов. Иван Шувалов

издавал журнал «Литературный хамельон», который выходил на французском языке тиражом в 300 экземпляров. Это был по тем временам большой тираж, особенно для журнала на иностранном языке. В нем печатались известия из Франции, литературные произведения. Шувалов многие годы вел переписку с Вольтером, Даламбером, Гельвецием. В сохранившихся письмах и бумагах Ивана Шувалова мы видим, как воспринималось Просвещение в России елизаветинской поры. Конечно, Шувалов и его друзья отвергали атеизм Вольтера, его издевательства над верой.

Та сторона Просвещения, которая была направлена на низвержение старого порядка, монархии, как бы пропускалась деятелями русского Просвещения. Главный смысл Просвещения они находили именно в просвещении, образовании, победе знания над невежеством. В этой победе Шувалов видел залог благополучия государства: «И когда суеверие и невежество – главные противники просвещения – исчезали, надлежало ожидать несомненных успехов». Теперь Петр Великий рассматривался не просто как полководец или реформатор государства, а как просветитель, воспитатель подданных, борец против дикости и невежества. «Главное сего монарха попечение было, – писал Шувалов, – сделать способных (людей) к правлению разных должностей». Но смерть, считает Шувалов, увы, не позволила Петру Великому довершить начатое дело. Так случилось, что послепетровские правители забросили просвещение народа, отчего успехи России остановились, а «ревность к учению» была погашена в россиянах. Главная задача теперь, по мысли Шувалова, состояла в том, чтобы продолжать дальше дело просвещения русского народа.

В чем же смысл русского прочтения идей Просвещения? Он в том, что государство может и должно путем создания «премудрых учреждений» воспитывать просвещенных, сознательных, образованных и послушных подданных, которые должны своими знаниями, умением крепить государство, приносить славу России. Иначе говоря, Просвещение должно не разрушать, как у французских просветителей, «старый порядок» в России, а наоборот – укреплять его, делать более гибким, приспособленным к изменениям в мире. Важно, что идеи Просвещения во времена правления Елизаветы сочетались с идеями патриотизма, подчеркнутой любви к России. В 1740–1750-е годы мы видим в русском обществе подъем патриотических настроений. Именно они во многом способствовали приходу дочери Петра Великого на престол, и наоборот, ее приход усилил патриотическую волну. Елизавета воспринималась в пропаганде как продолжательница дела Петра Великого. Но и само Просвещение благоприятствовало идеям патриотизма. Дело в том, что общие идеи Просвещения объединяли страны и народы как равных, ибо солнце знаний светит всем одинаково. Россия пережила трудный период петровских реформ; русским людям приходилось быстро, под палкой Петра, усваивать многие ценности европейской цивилизации, копировать европейские обычаи, порядки. И вот после Петра прошла четверть века, сменилось поколение, и это новое поколение Ивана Шувалова и Михайлы Ломоносова, благодаря Просвещению, хотело видеть себя равным в единой семье просвещенных народов, то есть быть не хуже других. Шувалов с досадой писал французскому философу Гельвецию о послепетровском времени: «Столь неприятный для нас промежуток времени дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше не способно производить таких людей, какими бы они должны быть», то есть просвещенных, талантливых. Убедить Европу в обратном, доказать, что русские способны делать все, что делают другие народы, – такой была патриотическая цель Шувалова и его круга. Наиболее емко выразил эту мысль Ломоносов:

...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

М. В. Ломоносов.

А возможности для этого были. Просветители видели их в чертах национального характера русского народа. Друг Шувалова М. И. Воронцов писал в 1758 году генералу Фермору, командующему русской армией в Пруссии, что у противника нужно перенимать все новое и полезное:

Нам нечего стыдиться, что мы не знали о иных полезных воинских порядках, кои у неприятеля введены; но непростительно б было, если бы их пренебрегли, узнав пользу оных в деле. Смело можно народ наш, в рассуждение его крепости и узаконенного правительством послушания, уподобить самой доброй материи, способной к принятию всякой формы, какую ей дать захотят.

Патриотизм Шувалова и его круга нес в себе идею собственного совершенствования народа. Он ничего не имеет общего с тем патриотизмом, который строит все сравнения с другими народами на унижении их, на подчеркивании собственной исключительности. Раскрыть творческие способности русского народа с помощью системы образования – такой была цель Шувалова и его круга. И тогда все увидят, что мы не хуже других народов. Н. Н. Поповский, ученик Ломоносова, при открытии в 1755 году гимназии Московского университета произнес речь, в которой, обращаясь к юношам, сказал: «Если будет ваша охота и прилежание, то вы скоро можете показать, что и вам от природы даны умы такие ж, какими целые народы хвалятся; уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела».

Действующие лица

Академик Михайло Ломоносов

Он родился в 1711 году под Холмогорами в деревне Денисовка и был потомственным помором. Это особая порода русских людей. Некоторые ученые считают поморов отдельным народом, подобным донским казакам, – так

разительно отличались они от прочего российского народа. На Севере не было рабства, здесь ценились предприимчивость, удачливость, фарт. Характеры людей, уходивших в океан за морским зверем, закалялись в тяжелой борьбе с морем. Так, «упрямка» – воля, настойчивость великого ученого, как и его необузданность, – от поморской крови в его жилах. Был какой-то толчок, часто придающий всей жизни человека необычное направление. Возможно, что гений Ломоносова пробудила и необыкновенно красивая, величественная северная природа. На море она всегда кажется особенно могучей, живой, манящей и таинственной. Природа всегда волновала Ломоносова. В отличие от миллионов людей он всегда видел ее необыкновенную красоту и чувствовал ее захватывающую тайну. Точно можно сказать, что без петровских реформ Ломоносов бы не состоялся. Как и Петр, Ломоносов по своему характеру был нонконформист, мятежник. Недаром в юности он пытался сойтись со старообрядцами, боровшимися против официальной церкви. Потом, вопреки всему, в декабре 1730 года с рыбным обозом он отправился в Москву учиться. Это был шаг, похожий на первую почти авантурную поездку Петра I с Великим посольством для учебы в Голландии. Он странно выглядел среди детей – учеников Славяно-греко-латинской академии, а потом он стремительно ворвался в науку. Его душу палила неутолимая жажда познания. И это был его внутренний двигатель. В 1736 году он был в Германии, в Марбурге, сидел на лекциях у знаменитого философа Христиана Вольфа – светила мировой величины.

Несомненно, Ломоносов был универсальным гением, как титаны Возрождения. С легкостью он переходил от проблем химии к проблемам астрономии. Математика, физика, минералогия были так же ему доступны, как и филология или история. Конечно, такова была универсальная наука того времени, еще не знавшая современной специализации. Но в то же время универсализм был заложен в незаурядной природе Ломоносова, которому многое давалось с необыкновенной легкостью. А то, что он был великим поэтом, стало ясно уже с его ранних стихов. Ломоносов явно обладал фантастическим по тем временам чувством родного языка.

Но не поэзия, а экспериментальная наука была истинным смыслом его жизни. Как и для Петра Великого, для Ломоносова было важно только то, что добыто опытным знанием, экспериментом, что приносит практическую пользу науке, людям, Отечеству. Для огромного числа русских людей Ломоносов уже при жизни был живым воплощением победы разума, учения над невежеством и темнотой. Только свет просвещения позволил Ломоносову подняться наверх, к вершинам славы. Несомненно, он был первым русским человеком, который собственным примером показал России, как он сам писал, что можно «чести достичь не слепым счастьем, но данным... от Бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно, для учения». Ломоносов осознавал свое место в истории и не скромничал: «Я через шестнадцать лет одами, речью, химиею, физикою, историею делаю честь Отечеству».

И все же его мучили многие комплексы. Он остро и болезненно ощущал свою социальную неполноценность – ведь он был выходцем из низов, ему был недоступен придворный круг. Сознавая свое величие как ученого и поэта, Ломоносов оставался в то же время обычным смертным, охочим до наград, поощрения, ласки сильных мира сего, он угождал этим сильным, льстил, унижался перед ними. Вместе с тем, в нем проявлялся гордый человек, готовый взбунтоваться, защитить свое достоинство. Наука, Академия не могли дать Ломоносову полного удовлетворения. То, что он гений, понимали не все. Вообще, значение науки и ученых в тогдашнем обществе было невелико. На Академию смотрели как на государственную контору по изготовлению планов фейерверков и проведению публичных опытов для общего развития подданных. Статус ученых был весьма низок. Любой воевода мог без дальних разговоров вышибить вон академика, приехавшего к нему с телескопом для наблюдения за Венерой или для любой другой научной надобности. Ломоносов постоянно страдал от недостатка денег. Ему казалось, что все коллеги живут лучше его. Отвечая своим недоброхотам,

недовольным пожалованием Ломоносову деревни с крепостными, он писал: «Музы не такие девки, которых всегда изнаильничать можно. Они кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример, с его стороны, Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны, Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы».

Но с годами разрыв между желаемым – почетом, богатством, властью – и реальностью все увеличивался. Ломоносов тратил бесценное время гения на непрерывную борьбу в Академии с академическим начальством, коллегами, на кляузы и ссоры с окружающими. Тяжелый характер, вспыльчивость и часто – чрезмерная любовь к штофу делали его невыносимым для коллег, родных, друзей, искренне любивших его. Невоздержанный на язык и руку, пристрастный и подозрительный, лишенный таланта руководить людьми, Ломоносов тем не менее стремился к власти, рвался в начальники. Особые надежды в этом деле Ломоносов возлагал на свою дружбу с Иваном Шуваловым, всесильным фаворитом Елизаветы. Трудно даже представить, насколько это были разные по происхождению, возрасту, темпераменту, положению в обществе люди. Один – человек молодой, интеллигентный, мягкий, уклончивый и одновременно беззаботный, избалованный. Другой – человек, повидавший жизнь, тяжелый, необузданный, подозрительный, честолюбивый, вечно страдающий от укусов, как ему казалось, сплошных ничтожеств и бездарностей. И тем не менее они были близки. Их объединяло то, что можно назвать просвещенным патриотизмом: вера в знания, талант, науку, просвещение и уверенность в том, что «и русским людям даны умы такие же, какими хвалятся другие народы». Шувалов восхищался гением Ломоносова, его феноменальными способностями, особенно в поэзии. Шувалов был истинным меценатом, внимательным и восторженным слушателем.

Но Ломоносову было мало восторгов Шувалова, ему требовалось, чтобы фаворит через императрицу помогал осуществлять грандиозные планы, в центре которых был он сам, несравненный Ломоносов. Он хотел стать вице-президентом Академии, настаивая, что «в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели». Шувалова же пугали деспотические замашки гениального друга. Он знал, что Ломоносов часто поступает круто, своевольно, неразумно, да порой и просто глупо. Борьба же с немцами-академиками в Академии, которую вел Ломоносов, часто выходила за рамки научной полемики, превращалась в безобразную склоку, инициатором которой бывал сам Ломоносов, опускавшийся до обыкновенного хулиганства. Поэтому Шувалов, как ни любил Ломоносова, но не решался замолвить слово перед государыней за его проект об университете и вице-президентстве, а все тянул и тянул. Приехав домой после очередной безуспешной поездки ко двору, Ломоносов тил горькую...

В 1761 году умерла императрица Елизавета, исчез из дворца Шувалов, к власти пришли новые люди. На дворе были иные времена. Однажды новая государыня Екатерина II внезапно заехала в дом Ломоносова и прошла в его кабинет. Грузный, больной и одинокий хозяин отрешенно сидел в креслах в такой глубокой задумчивости, что не заметил высоких визитеров. Ему не было и 55 лет, а он чувствовал себя глубоким стариком и готовился к смерти. Так случилось, что годы правления Елизаветы, которые Ломоносов, недовольный своим положением, судьбой, не особенно и ценил, оказались, в сущности, лучшим временем его жизни, самым плодотворным, радостным, наполненным работой, стихами, дружбой и теплом... А теперь это время кончилось. Он умер в 1765 году, убежденный, что о нем «дети отечества пожалеют». Так оно и было...

Московский университет и Академия художеств

Идеи Просвещения принесли свои плоды на русской почве. В 1755 году в Москве по

замыслу Ломоносова и усилиями Ивана Шувалова был создан университет. Его открытие протекало торжественно и красочно. Эта процедура чрезвычайно важна для судьбы каждого университета. Торжественно объявляя о начале своей работы, университет тем самым входит в международное сообщество университетов, и диплом его признается наравне с дипломами других университетов. Открытие было невозможно, если у университета не было устава, если он не имел утвержденных государем привилегий. А они были необходимы: университет в прошлом – это целый закрытый мир со своими порядками, выборами, судом, системой наказаний. Только так, с помощью привилегий, универсанты могли защитить себя, свои научные занятия от вмешательства разных властей, в том числе духовных. А церковь очень не одобряла, например, работу студентов с трупами в прозекторской или наблюдения в астрономической обсерватории. Шувалов сумел преодолеть сопротивление различных бюрократических учреждений, он добился специального указа об университете, утвержденных государыней привилегий. Он получил для университета помещения в самом центре Москвы, утвердил его бюджет, штаты, организовал типографию и библиотеку. Шувалов стал первым куратором Московского университета, сам хлопотал о найме преподавателей, сидел над каталогами книг для его библиотеки, причем покупал их часто на свои деньги и слал в университет.

В стране не было средних учебных заведений, поэтому при университете была основана гимназия, которая готовила будущих студентов. Еще одна гимназия, ставшая в начале XIX века университетом, была открыта в Казани. Ее закончил Гавриил Державин. Очень быстро Московский университет зажил полноценной жизнью интеллектуального центра. В нем образовался круг просветительской интеллигенции, литераторов. Там же в конце 1750-х годов возникла первая масонская ложа. Среди первых выпускников университета оказалось немало талантливых людей.

Здание Московского университета на Моховой.

Другим достижением елизаветинской эпохи стало образование в Петербурге в 1757 году Академии художеств. Инициатором создания этого высшего учебного учреждения, готовившего художников, скульпторов, графиков, архитекторов, выступил тот же Иван Шувалов. При составлении устава Академии были использованы уставы подобных учреждений на Западе. Шувалов, пользовавшийся известностью в развитых странах, сумел

пригласить опытных преподавателей, которые сразу же начали работу с русскими учениками, отобранными по всей стране. У него было чутье на талантливых людей. В 1761 году он написал в Дворцовую канцелярию, что «находится при дворе Ее императорского величества истопник Федот Иванов сын Шубной, который своей работой в резьбе на кости и перламутре дает надежду, что со временем может быть искусным в своем художестве мастером». Поэтому Шувалов просит причислить дворцового истопника в Академию, «где надежно, что он время не напрасно и с лучшим успехом в своем искусстве проводить может». Шувалов не ошибся: благодаря его заботе Россия получила одного из своих выдающихся скульпторов – Федота Шубина, чьи скульптурные портреты людей екатерининского времени украшают залы музеев.

Уже первый выпуск Академии дал стране сразу несколько талантливейших мастеров: архитекторов Василия Баженова и Ивана Старова, гравера Евграфа Чемисова, скульпторов Федота Шубина и Федора Гордеева, художника Антона Лосенко. Без этих талантов немислимо было развитие русского искусства последующих времен. Уехав за границу, Шувалов продолжал заботиться об Академии. Долгие годы он жил в Италии, и к нему приезжали на стажировку выпускники Академии. Шувалов посылал в Петербург слепки с античных статуй, чтобы студенты Академии могли учиться на выдающихся образцах. Академия получила в подарок от Шувалова и коллекцию из 101 картины выдающихся художников: Рубенса, Ван Дейка, Тинторетто, Веронезе, Пуссена, Рембрандта и других. Впоследствии эта коллекция стала основой всемирно известной коллекции живописи Государственного Эрмитажа.

Музыка и театр времен Елизаветы

«Век песен» – так назвал царствование Елизаветы Петровны поэт Гавриил Державин. Елизаветинское время отмечено необыкновенным подъемом музыкальной культуры в стране. Заслуга самой императрицы в этом огромна. Елизавета была очень музыкальным человеком. Сохранились песни, которые она сочинила, или, как тогда говорили, напела. От Елизаветы идет знаменитый русский романс. В придворной капелле находился специальный пульт, за которым императрица пела вместе с искуснейшими хористами. При дворе Елизаветы были в почете русские народные песни и танцы. Однако все-таки не русская, а итальянская музыка составляла основу репертуара придворных музыкантов. При Елизавете придворный оркестр возглавлял известный итальянский композитор и дирижер Франческо Арайя. Под его управлением находились прекрасные немецкие, итальянские, французские музыканты. Они исполняли преимущественно итальянские и французские произведения – так тогда было принято при всех европейских дворах. Музыка и пение звучали на всех придворных праздниках и обедах, которые продолжались 4–7 часов. В конце 1740-х годов в Петербурге стали проводить публичные концерты для горожан. Сохранилась петербургская афиша 1748 года, в которой говорилось, что по средам в 6 часов вечера в доме князя Гагарина на Большой Морской улице будут устраиваться концерты. На них разрешалось присутствовать горожанам, купцам. Запрещалось приходить только пьяным, лакеям и проституткам.

Увлечение музыкой при дворе Елизаветы способствовало появлению в России арфы, мандолины, а главное – гитары, ставшей впоследствии популярнейшим инструментом. В 1757 году императрица впервые слушала новый, уникальный «инструмент» – роговой оркестр. Его изобрел чешский валторнист Иоганн Мареш. Он создал оркестр из нескольких десятков музыкантов-исполнителей на рогах. Рога были разной длины – от 10 см до 10 м. На каждом роге бралась лишь одна нота. Чтобы играть на нем, знать нотную грамоту было не обязательно, нужно было лишь считать паузы, чтобы не пропустить своей партии. С помощью долгих репетиций Мареш добился того, что роговой оркестр мог исполнять сложнейшую органную музыку, но слушать ее рекомендовалось в поле, и не ближе чем за полверсты – так громко звучал этот диковинный живой орган.

Опера считалась еще одним из любимых зрелищ людей середины XVIII века.

В царствование Елизаветы поставили более 30 опер. По тем временам постановка оперы была сложнейшим и очень дорогим делом, и устраивались они крайне редко – по праздникам. Оперы ставились преимущественно на античные сюжеты, были перегружены аллегориями, отвлеченными символами, скучным назиданием, заканчивались непременно победой добра над злом. Но зрители валом валили на оперные спектакли. Они заполняли ложи, партер, галерку гигантского – на 5 тыс. мест – театра, чтобы видеть и слышать не только сольное и хоровое пение, но и балетные номера, декламацию – художественное чтение стихов – составную часть оперного спектакля.

Люди приходили в оперу еще и потому, что тянулись к красочному, праздничному. Они хотели посмотреть и на сверкающие золотом костюмы актеров. Привлекали и великолепные живописные декорации, которые создавали полную иллюзию далекой южной природы, переносили зрителя на берег голубого моря, в горы, в заросшие диковинными растениями развалины. Но более всего русского зрителя, не избалованного зрелищами, влекло волшебное искусство итальянца Джузеппе Валериани. Он был непревзойденным мастером театральных механизмов – «махин», скрытых от зрителей приспособлений и эффектов, вступающих в дело по ходу оперного спектакля. Простодушные зрители восторгались «полетами» богов и богинь на «пушистых облаках», они содрогались от ужаса, видя перед собой «огнедышащую бездну ада». Их ослепляли сверкания «молний», оглушали удары «грома», они изумлялись «волшебному» исчезновению героев со сцены или «вознесению» их на «небо». В неяркой, довольно скучной жизни людей того времени опера была запоминающимся надолго событием.

Увлечение итальянской оперой было благоприятно для русской музыкальной культуры. В операх участвовали певчие придворной капеллы, в основном – украинцы. Среди них особенно выделялись М. Ф. Полторацкий и М. С. Березовский. В 1758 году в опере «Альцеста» впервые выступил семилетний Дмитрий Бортнянский – в будущем (как и Максим Березовский) выдающийся русский композитор второй половины XVIII века. Оба они получили признание в знаменитых центрах европейской музыкальной культуры. Балерины и танцовщики из русских готовились опытными преподавателями Ланде и Фоссалино. Либретто для некоторых опер писал поэт А. П. Сумароков. Так, с середины XVIII века постепенно закладывались основы русской оперы и балета, появлялись традиции, школы, преемственность, укреплялась тесная связь с европейским миром искусства, без чего не может существовать никакое национальное искусство.

Федор Волков.

Действующие лица

Актер Федор Волков

Волков был наделен выдающимся дарованием, которое завораживало зрителей, приводило их в восторг, вызывало слезы. Знарок театра XVIII века Якоб Штелин писал, что Волков обладал «бешеным темпераментом», был естественным на сцене, вдохновенным и величавым в трагедиях, смешным в комедиях. За 34 года своей жизни он сыграл не меньше 60 ролей самого разного плана, хотя лучше всего ему удавались роли героические, возвышенные. Это был красивый, статный мужчина, при первой встрече он казался немного угрюмым и колючим. Но потом собеседник попадал под обаяние его живых глаз, видел в нем доброго и любезного человека. Волков отличался образованностью, умом, начитанностью, был личностью яркой, и не только на сцене. Поэт Денис Фонвизин писал, что Волков был «мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным». Он родился в 1729 году в Костроме, происходил из купцов, его отец рано умер, мать вышла замуж за богатого ярославского купца Полушкина и переехала с сыном в Ярославль. Полушкин хорошо относился к пасынку и дал ему первоначальное образование. Существует легенда, что учителем Волкова был немецкий пастор – духовник Бирона, жившего в ссылке в Ярославле с 1742 года. Затем мальчик попал в Москву, где учился в Заиконо-спасской академии. Вернувшись в Ярославль, он вошел в дело отчима и преуспел как предприниматель – владелец заводов и купец. Однажды в 1746 году по купеческим делам Волков приехал в Петербург и попал на спектакль придворного театра. С тех пор театр стал его главной страстью, высокой мечтой.

После смерти отчима он создал в Ярославле первую труппу и летом 1750

года в обширном амбаре поставил драму на библейский сюжет – «Эсфирь». Волков был не просто главным исполнителем в спектакле, но и режиссером, художником, оформителем, главным театральным техником. То, что солидный купец покровительствует искусству, да и сам был к нему причастен, чрезвычайно понравилось ярославцам. Спектакли Волкова пользовались огромным успехом. Вскоре на добровольные пожертвования он построил деревянное здание театра. Слава о волковской труппе, в которой играли знаменитые впоследствии актеры Яков Шумский и Иван Дмитриевский, а также брат Волкова – Гаврила, дошла до столицы. В 1752 году ярославцев пригласили поставить трагедию «Хореев» в Царском Селе перед самой императрицей Елизаветой. Несмотря на успех труппы Волкова при дворе, ее по неизвестным причинам распустили; основную часть актеров зачислили в кадеты Шляхетского корпуса, где часто ставились спектакли. Волков быстро стал главным актером и там. Наконец, 30 августа 1756 года произошло великое событие в истории русской культуры – указом императрицы Елизаветы был учрежден «Русский для представления трагедий и комедий публичный театр». Он размещался в Петербурге, на Васильевском острове. Директором театра стал Александр Сумароков, а Волков, получивший звание «придворного актера», стал его первым трагиком. В творческом смысле это было прекрасное содружество: Сумароков был талантлив, он писал пьесы «под Волкова», и они имели оглушительный успех. Волков был не просто актер и режиссер, в нем жил организаторский талант, он постоянно совершенствовал спектакли, их технику и оформление. В 1759 году ему поручили организацию публичного театра в Москве, и он справился с этим делом. Волкова высоко ценили при дворе, он получил дворянство. Умер он от простуды в 1763 году.

Образование русского драматического театра было обусловлено двумя обстоятельствами: страстной любовью Елизаветы к театру и гением Федора Волкова. Уже в царствование Анны при дворе цесаревны ставились любительские спектакли. Их играли придворные Елизаветы по пьесам, сочиненным приближенной цесаревны Маврой Шепелевой. Когда цесаревна вступила на престол, театр стал любимейшим ее увлечением. Она могла, к ужасу окружения, по 10–12 часов смотреть спектакли и не уставать, требуя повторения полюбившихся пьес. В основном их играли заезжие труппы из Германии, Франции, Италии. Свои, русские спектакли играли любители, как правило, кадеты Сухопутного Шляхетского корпуса. Там же начал свою работу и Александр Сумароков – поэт и драматург. Но по-настоящему профессиональный театр возник в результате усилий Федора Волкова, которого В. Г. Белинский называл «отцом русского театра». Конечно, театр XVIII века мог бы показаться нам, людям начала XXI века, странным и смешным. Его связывали каноны классицизма: в спектакле непременно должно быть пять актов, сохранялось обязательное единство времени и места, игра актеров была ближе к костюмированной декламации, чем к свободной игре, естественному поведению на сцене. Как раз все это категорически запрещалось. Актер не мог высоко поднимать руки, закрывать ими лицо, сжимать руку в кулак он мог только тогда, когда изображалось «грубое простонародье». По сцене актер двигался приставным шагом, чувства свои выражал с помощью преувеличенной мимики и ужимок. И, несмотря на это, театр был переполнен. Сотни зрителей, начиная с императрицы в золоченой ложе и заканчивая приказчиком на последнем ряду галерки, с напряжением смотрели на сцену, плакали и смеялись как один человек, сопереживая Гамлету, который выходил к ним со своим неразрешимым вопросом: «Быть или не быть?» Знаменитая пьеса Шекспира при Елизавете впервые появилась на русской сцене, чтобы уже никогда с нее не сходить. Сумароков сильно «поправил» Шекспира. Традиции того времени не допускали, чтобы принц Датский погиб, а зло победило. И Гамлет в финале пьесы Сумарокова освобождает свой народ от тирании Клавдия, становится королем и женится на Офелии, которая и не думала сходить с ума. Но все-таки главный монолог сохранен. Читая его, мы чувствуем, как русским, еще запинаящимся языком того времени, все-таки ясно выражена вся сложная гамма чувств и

мыслей о спасительной и ужасной смерти, которые порой посещают каждого живущего на земле:

...Но если в бедах жизнь была вечна,
Кто б не хотел иметь сего покойна сна?
И кто бы мог снести злостастия гоненье,
Болезни, нищету и сильных нападение,
Неправосудие бессовестных судей,
Грабеж, обиды, гнев, неверности друзей,
Влиянный яд в сердца великих лести
устами?
Когда б мы жили в век и скорбь жила б
в век с нами –
Во обстоятельствах таких нам смерть
нужна.
Но ах! Во всех бедах еще страшна она.
Каким ты, естество, суровством
подчиненно!
...Умреть... и внити в гроб – спокойствие
прелестно,
Но что последует сну сладку? –
Неизвестно.
Мы знаем, что сулит нам щедро божество,
Надежда есть, дух бодр, но слабо естество!

А как смеялись зрители на комедиях! Их сочинял Сумароков. Его стихи были просты, благозвучны, понятны тогдашним зрителям – не то что итальянские оперные арии и напыщенные декламации. Сюжеты комедий были остры, актуальны, мизансцены – остроумны. Все узнавали героев комедий, и зрительный зал содрогался от хохота и аплодисментов. Сумароков хорошо постиг науку смеха зрителя. В одном из своих стихотворений он так сформулировал свою программу драматурга-комедиографа:

Представь бездушного подьячего
в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает
нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж
дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без «ерго» ничего.
Представь мне гордого, раздута как
лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку.
Представь картежника, что, снявши крест,
Кричит из-под руки, с фигурой сидя:
«Рест!»

Архитектура елизаветинского барокко

Барокко – художественный стиль, характерный для времени Елизаветы. И хотя он появился в России еще в конце XVII века, расцвет его пришелся на 1740-е – начало 1760-х годов. Барокко – это стиль жизни, это отношение к миру. В этом отношении была своя легкость, непринужденность. Люди середины XVIII века в Европе еще не знали ужасов Французской и иных революций, не испытывали особо страшных природных катастроф. Они наслаждались жизнью, они радовались всем ее проявлениям. Эту радость несет в себе живопись, музыка, но более всего архитектура. В России самым выдающимся архитектором барокко считался Бартоломео Франческо (или как его звали в России Варфоломей Варфоломеич) Растрелли. Итальянец по происхождению, он приехал в Россию с отцом Б. К. Растрелли – скульптором и архитектором, по приглашению Петра I в 1716 году. С ранних лет он участвовал в архитектурной работе отца, несколько лет учился в Италии, чья архитектурная традиция стиля барокко повлияла на его творчество. Расцвет гения Растрелли приходится на 1740–1750-е годы, когда он становится главным архитектором Елизаветы и получает многочисленные заказы от императрицы и ее сановников. Архитектурные амбиции Елизаветы Петровны были так грандиозны, а возможности государственной казны так велики, что Растрелли стал одним из счастливейших архитекторов – он сумел воплотить в жизнь почти все свои замыслы. Растрелли заново осмыслил концепцию барокко, придав постройкам в этом стиле невиданный для других стран размах. Он создавал в России не просто здания, но целые ансамбли, поражавшие наблюдателей богатством внешней отделки и фантастической роскошью внутреннего убранства. Этот пышный стиль полностью отвечал представлениям Елизаветы о красоте и образе жизни среди всего только изящного, веселого, удобного и благозвучного. Растрелли умел угодить вкусам императрицы, гениально сочетать желания и капризы заказчицы с правилами архитектуры и национальными традициями России. Так, знаменитый собор Смольного монастыря (1748–1764) строился с учетом композиции Успенского собора в Кремле, а его колокольню предполагалось сделать с оглядкой на колокольню Ивана Великого. Возведенные Растрелли сооружения вызывали восторг и современников, и потомков. Архитектор первой половины XIX века В. П. Стасов писал о Растрелли:

Характер зданий, произведенных графом Растрелли, всегда величественен, в общности и частях – часто смел, щеголеват, всегда согласен с местоположением и выражает точно свое назначение, потому что внутреннее устройство превосходно удобно...

В. В. Растрелли. Большой Царскосельский дворец.

Растрелли оказал сильное влияние на русскую архитектуру и культуру; под его руководством работали многие русские архитекторы: И. В. Мичурин, К. И. Бланк, В. И. Баженов, С. И. Чевакинский. Среди творений Растрелли выделяется Большой дворец в Петергофе (1745–1755), при строительстве которого прекрасно учтена природа, и в особенности – близость моря, великолепие знаменитого каскада фонтанов. Он же построил и Зимний дворец в том виде, в котором он красуется сейчас на Дворцовой площади Петербурга. Но все же шедевром шедевров стал роскошный Екатерининский дворец в Царском Селе (окончен в 1756 году) – воплощенный рай-парадиз, обиталище императрицы – земной богини. Дворец долго строился в довольно диком, удаленном от столицы месте, каким была мыза матери Елизаветы – Екатерины I (отсюда и название дворца – Екатерининский). И когда его закончили, все увидели архитектурное чудо. Уже на подъезде к Царскому Селу гостям открывалось сказочное зрелище – среди зелени или белых снегов сиял золотыми украшениями на фоне неба голубой дворец. Золото было везде. Растрелли писал о дворце:

Весь фасад Дворца был выполнен в современной архитектуре итальянского вкуса; капители колонн, фронтоны и наличники окон, равно как и столпы, поддерживающие балконы, а также статуи, поставленные на пьедесталах вдоль верхней балюстрады Дворца – все было позолочено.

Впечатление роскоши усиливалось тогда, когда гости попадали внутрь дворца. Из первого же зала им открывалась анфилада великолепных комнат, сияющих на солнце блеском золота, хрусталя, зеркал, гобеленов, разноцветного паркета, голубых изразцов печей. Каждая комната-зал чем-то удивляла посетителя. Тут был и Китайский зал с коллекциями восточной живописи, мебели и редкостного фарфора, и знаменитая Янтарная комната. Мягкий сияющий свет стен-панелей из дивной красоты янтаря разных оттенков в сочетании с подобранным в тон паркетом навсегда запоминались гостям.

Стены Столовой залы, в которую входили гости, сверху донизу были завешены ценнейшими картинами. Там была вывешена 101 картина. Большой зал сверкал живописным плафоном, наборным паркетом из редких сортов деревьев, позолоченной резьбой, орнаментами и тремя сотнями огромных зеркал в простенках окон.

Легенды и слухи

Судьба янтарной комнаты

Янтарная комната была сделана по эскизам архитектора Андреаса Шлютера для дворца первого прусского короля Фридриха-Вильгельма I в Шарлоттенбурге. Это было истинное чудо света – подобным образом еще никогда не поступали с янтарем. Обычно его использовали в украшениях, инкрустациях, при оформлении мебели. Здесь же мастера, тщательно подбирая обработанные куски янтаря, создавали панели и мозаичные картины необыкновенной красоты. В Пруссии Янтарную комнату так и не собрали в отдельном помещении, и прусский король Фридрих-Вильгельм I, прославившийся скопидомством и презрением к роскоши, спрятал панели комнаты в цейхгаузе. Теперь неясно, при каких обстоятельствах она попала к Петру Великому. Скорее всего, царь получил ее в подарок от короля (Петр не стеснялся выпрашивать понравившиеся ему шедевры), или король расплатился комнатой за содействие в получении Пруссией отвоёванной союзниками шведской Померании. Привезенные в Россию драгоценные панели так и не были нигде установлены до 1743 года. Тогда-то Елизавета и распорядилась установить их в своем Зимнем дворце. Там они простояли до середины 1750-х годов, когда поступил новый указ: «Ентарный кабинет» поставить в Царскосельском Екатерининском дворце. чтобы не повредить драгоценные панели, солдаты на руках их перенесли в Царское Село. Произошло это весной 1755 года. Архитектор Растрелли и мастер Мартелли полтора месяца устанавливали панели во дворце, причем зал, предназначенный для Янтарной комнаты, был немного великоват. Поэтому часть панелей была переделана, к подлинным панелям присоединили новые, сделанные краской «под янтарь», установили также зеркальные пилястры, золоченый фриз и другие интерьерные детали в стиле барокко. Вдоль стен стояли столики с янтарными статуэтками и другими поделками из янтаря. И хотя потом Комната переделывалась не раз, она сохраняла как основные идеи Растрелли, так и непревзойденное мастерство немецких мастеров Эрнста Шахта и Готфрида Тарау. В 1941 году немцы, занявшие Пушкин, демонтировали и вывезли шедевр из России. И с тех пор он как в воду канул. Многочисленные поиски на дне озер, в горных выработках, пещерах, крепостных сооружениях результата не дали – Янтарная комната исчезла безвозвратно. Возможно, она была уничтожена во время налетов союзной авиации на Германию, возможно, ее разрушили – отдельные части ее иногда всплывали на рынке антиквариата. Как бы то ни было, советские реставраторы, не дожидаясь возвращения Янтарной комнаты, начали ее восстанавливать по сохранившимся чертежам и черно-белым фотографиям. Эта работа была закончена в начале 2000-х годов. И хотя их произведение заслуживает внимания, но, учитывая уникальность, неповторимость янтаря, можно утверждать, что создана новая Янтарная комната, тогда как судьба шедевра Шахта и Тарау так и остается неизвестной.

Заглянем в источник

Сделано так было не случайно. Современник Елизаветы, французский дипломат де ла Мессельер вспоминает, что посреди праздника в Большом зале «все шторы были разом спущены, и дневной свет внезапно заменен блеском 1200 свечей, которые отражались со всех сторон в многочисленных зеркалах... Загремел оркестр, состоящий из 80 музыкантов... Вдруг мы услышали глухой шум, имевший нечто величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидели великолепный трон, с которого сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла в Большую залу. Воцарилась всеобщая тишина...».

Ради таких мгновений и строился дворец для Елизаветы...

Застолье в середине XVIII века

С петровскими реформами изменилась не только одежда, но и еда русских людей. Как известно, Петр Великий отдавал первенство европейским деликатесам, лимонам, французским и венгерским винам. Одним из первых зданий новой столицы стала кофейня, где – по примеру Голландии – можно было выпить чашечку кофе или чая. Естественно, и в XVIII–XIX веках головой всему был по-прежнему хлеб. В пекарнях, наряду с традиционными хлебами, выпекали белые крупчатые хлеба (французские), различные булки и кренделя. Но по привычке многие русские (особенно из простонародья) предпочитали черный (ржаной) хлеб, да и дворяне, вернувшись домой после долгих путешествий по Европе, не могли насладиться этим чисто русским хлебом.

Мясные ряды, бойни, издаваемые ими тяжелые запахи, были непременной частью всех городов России. Летом в крупные города из ближних и даже дальних мест на убой гнали огромные стада (коров, овец, свиней). Зимой же сотни, тысячи возов с битым мороженым мясом пересекали городские заставы. Но кажется, что дичь составляла важнейшую часть мясного рациона всех слоев общества. Утки, глухари, рябчики, зайцы повсюду продавались очень дешево – окрестные леса ими кишели. Нередко было и мясо лосей, медведей. Повсеместно ели мясо в вареном, жареном, копченом виде. Во времена императрицы Анны Иоанновны сенаторов упрекали в том, что во время заседаний они не слушали дела, а ели крендели с сушеными рябчиками. Видно, это было обычным блюдом, чтобы «заморить червяка» в ожидании обильного обеда, что-то вроде сэндвича. Знатки ценили хорошо приготовленные поваром внутренности: «баранье легкое, налитое молоком и яйцами», «жареные бараньи мысли» (то есть мозги), сердце, почки, печень. Впрочем, печень была самым бросовым мясным товаром. Все простолюдины покупали ее почти задаром.

Заглянем в источник

Рыбный стол был традиционно разнообразен и давал истинное спасение от голода во время постов. Всюду, в еще не загрязненных промышленностью водах ловили ирук, судаков, лещей, сига (их чаще всего засаливали). Любили копченую селедку. В Петербурге была в большой моде ладожская селедка, по мнению иностранцев, отвратительно пахнувшая. Она была излюбленным деликатесом простолюдинов. Иностранец, побывавший в Петербурге петровских времен, замечал: «Рыбой полны все воды. Она разных сортов и отличного вкуса. Особенно следует назвать один вид речных рыб, который они (русские. – Е. А.) называют хариусом». В XVIII–XIX веках непременной частью пейзажа русских городов, стоявших на реках, были так называемые «рыбные садки» – загородки в воде, из которых продавец мог достать любую понравившуюся покупателю живую рыбу. В Петербург их доставляли с Волги и с других рек в специальных баржах с проточными трюмами. Зимой с побережья Белого моря в центр государства шли рыбные обозы с мороженой рыбой, особенно треской. С одним из таких обозов, как известно, прибыл в Москву в 1711 году Михаил Ломоносов. Славилась и русская икра (красная и черная); добываемую на Волге и Яике, ее ели, как и раньше, с уксусом, лимоном, слегка подсаливая. Да и позже она не была деликатесом. Ели ее все: и богатые, и простолюдины, причем волжская вобла считалась «ужовистой» икры. Ценились и разные виды сушеной рыбы, а также рыба горячего и холодного копчения – треска, леци. Английская гувернантка Элизабет Джастис, жившая в Петербурге в середине 1730-х годов, не может скрыть восторга, описывая рыбные блюда, которыми лакомились петербуржцы:

«У русских в большом изобилии рыба... Самой ценной мне показалась рыба, которую русские называют стерлядь... Эта рыба чрезвычайно сочна, и вода, в которой она варится, становится желтой, как золото. Стерлядь едят с уксусом, перцем и солью. У русских чрезвычайно хороши судаки и икра, которую добывают из осетра. Большую часть икры они кладут под груз и отправляют в Англию. Но такая не идет в сравнение с местной. Икру едят на хлебе с перцем и солью, и вкус у нее как у превосходной устрицы... Я обедала с русскими в Великий пост и видела,

как они с аппетитом ели сырую спинку лосося. Сняв кожу, они режут спинку на большие куски, затем намазывают в тарелке масло, уксус, соль, перец и поливают этим лосося. У них есть маленькая рыбка... ее жарят и подают на стол в одной и той же посуде. Все дело в том, чтобы есть эту рыбку горячей и хрустящей». Совершенно ясно, что речь идет о знаменитой петербургской корюшке.

Из овощей особенно ценились репа, горох, капуста, огурцы. Картофель (тогда его называли «тартуфель») стал получать широкое распространение лишь во второй половине XVIII века, а в середине века он долго воспринимался как экзотический продукт. Недаром за столом И. И. Шувалова его подавали с ананасом. Картофель – ныне привычная пища сельской местности – сажали тогда только в дворцовых садах и огородах, а также богатые помещики у себя в имениях. Во всех слоях общества ценились как полезные и лечебные редька, чеснок и лук, которые ели с разными кушаньями и отдельно в качестве закуски. Подобное увлечение порой придавало людям XVIII века особый «русский дух», на который обращали внимание иностранцы. Из мемуаров неизвестного поляка времен Елизаветы Петровны мы узнаем:

Я стоял (на часах в путевом дворце. – Е. А.) когда императрица, направляясь в комнату, сказала своему гофмаршалу Шепелеву, что не пора ли выпить водки и с редькою. Заметив, что гофмаршал затруднялся, где последнюю добыть, я предложил ему мою собственную, необыкновенной величины. Так как господин Шепелев меня хорошо знал, то и согласился принять мое подношение, предложив мне самому поднести редьку Ее величеству. Елизавета Петровна при виде редьки покраснела, но дала мне поцеловать руку и спросила о моем имени, отчестве и чине. Ответив на вопросы, я возымел надежду сделаться, по крайней мере, ротным командиром, вместо того Ее величество только приказала своему гофмаршалу дать мне рюмку водки и сто рублей.

Повсюду спросом пользовались брусника, морошка и клюква. Моченые, они шли как приправы к разным блюдам, из них также делали напитки. В Петербурге более всего ценилась клюква из Новгородской губернии, причем горожане потребляли более 20 пудов клюквы в год на душу! В Петербург и Архангельск завозили из-за границы на судах свежие, засоленные и засахаренные фрукты, порой экзотические. Сама Россия была щедра своими фруктовыми садами, в которых вызревали яблоки, груши, сливы. Однако в рационе крестьян плоды культурных садов были редкостью. Простолюдины больше налегали на «дары лесов» – ягоды, сбор которых летом был обязательным для деревенских женщин и детей, как и сбор грибов и орехов. Да и помещики брали ягоды и грибы в виде оброка со своих крестьян, а также постоянно гоняли дворовых в лес на сбор ягод. Ведь нет на свете ничего слаще и ароматнее лесной земляники и малины. Чтобы крепостные девушки украдкой не ели ягоды, их заставляли непрерывно петь.

Водка, пиво и мед – традиционные русские напитки, существенно пополнились другими напитками, родиной которых были страны Европы. Водка, называвшаяся тогда вином, была двух видов – «простое» (первой перегонки) и «двойное» (повторной). Пили также разные настойки на водке (так называемый «пенник», «травник»), которую настаивали на ягодах и травах. В ходу были разные сорта водки. Как известно, Петр Великий каждый день выпивал рюмку любимой им «анисовой» водки. Цирюльник Ерофеич в 1726 году составил «декохт посполитый» или «елексир секретный на разные болезни с ингридиенцией... наливши можжевелевою водкой». Целебный травник получил имя изобретателя – «Ерофеич». Также возникли настойки «Трофимовка», «Августиновка» и т. д.

Водка в России стоила смехотворно мало. На полкопейки в начале XVIII века можно было купить почти литр водки. В середине столетия ведро пива стоило 33 копейки. Русские люди охотно пили также английское пиво, полпиво (легкое пиво), а также портер, появившийся в России в конце XVIII века. Пиво не считалось напитком знати. Недаром императрицу Елизавету Петровну в петербургских салонах упрекали в пристрастии к английскому пиву, что якобы говорило о низкородности царицы – ведь она же была дочерью портомой Екатерины I! Сами знатные и родовитые давно уже забыли, что пили их

отцы в допетровскую эпоху, и вслед за Петром Великим пристрастились к заморским красным и белым, сухим и крепленным винам из Франции, Италии, Испании, Венгрии и Германии. Прибывший в Петербург в 1739 году французский посланник маркиз де ла Шетарди привез с собой несколько тысяч бутылок шампанского и пристрастил к нему высшее русское общество, которое без этого шипучего напитка уже было невозможно представить. Оно служило признаком торжественности ситуации и подавалось к любому блюду, начиная с супа.

Правление Елизаветы Петровны стало подлинным «веком конфет». На смену дедовским моченым яблокам, засахаренным дыням, соленым арбузам и лимонам пришли мармелады и конфеты («конфекты») – изящные произведения кондитеров Италии и Франции. Вместо меда и его производений в моду входит редкостный продукт – сахар; в России возникают первые сахарные заводы. Елизавета Петровна обожала сладкое, и ей даже пилюли закатывали в мармелад и конфеты – так она не любила лечиться! Появилось на русском столе и первое мороженое. Дамы больше всего любили мороженое жасминовое, из белков яичных, из кислых щей, каштановое, померанцевое, фиалочное, из ягод можжевельных.

Многочасовые праздничные обильные застолья в XVIII веке были важнейшей частью ритуала и времяпрепровождения. Они обычно происходили в просторных, богато украшенных залах – парадных столовых, которые стали непременной частью царских дворцов и богатых домов. Петр I славился тем, что насильно задерживал гостей за столом нередко на целые сутки, спаивая их и не позволяя при этом встать из-за стола по нужде. Позже, при преемниках Петра, нравы значительно смягчились, хотя застолья продолжались много часов. Кажется, что царствование Елизаветы Петровны все прошло под непрерывный шум застолий, причем порой грандиозных. В залах дворца устанавливались столы причудливой формы – в виде извивающейся змеи, узора или буквы, точнее – вензеля императрицы. Скатерти с причудливыми оборками украшали разноцветные ленты, которые были приколоты к ним красивыми, большим розетками. Во время кавалерских обедов (то есть посвященных кавалерам какого-либо ордена) соблюдалась гамма орденских цветов в украшении столов, одежде участников, а также в посуде.

В елизаветинское время на столах появились не только золотые и серебряные сервизы, но и фарфор – сначала севрский из Франции, потом из Германии, а с середины XVIII века – собственный, Санкт-Петербургского фарфорового завода. Он прославился как раз грандиозными «кавалерскими» сервизами. На столах стояли и диковинные сервизы. Их предметы порой напоминали окорок или кочан капусты. При этом мастера достигали такого сходства с оригиналом, что иной захмелевший гость мог запросто ткнуть вилкой в фарфорового «поросенка» или «пирожок». Сам стол напоминал сложное архитектурное сооружение со ступенями и пирамидами. На их вершинах стояли различные символические фигуры. На столах устраивались также фонтанчики, букеты и целые клумбы живых и искусственных цветов (китайских бумажных и итальянских из перьев тропических птиц), крошечные живые деревья. Здесь же живописными грудами лежали и стояли сладости в виде огромных съедобных «картин» («Десерт представлял Марсово поле с Марсом и разными приличными тому украшениями»). На столы сразу же выставлялись сотни блюд с холодными кушаньями и закусками. Стол освещался канделябрами и подсвечниками с сотнями белых восковых свечей, украшенных золотыми узорами. За такими столами протокол соблюдался строго – каждому указывалось его место, и он не мог его менять или расхаживать вдоль столов. Перед каждым гостем стоял куверт, в который входили нож, вилки, ложки, тарелки, бокал, салфетка. Государыня с избранными гостями сидела за особым столом под балдахин, на возвышенном месте. Иные гости сидели от дородной самодержицы так далеко, что видели ее лишь как крошечную, сверкающую бриллиантовой короной куколку.

Сотни официантов – «подавальщиков» – в нарядных ливреях обслуживали столы. Как писал француз Мессельер, «были кушанья всех возможных стран Европы, и прислуживали

русские, немецкие и итальянские официанты, которые старались ухаживать за своими соотечественниками». Частенько императрица, нередко одетая в домашнее платье, любила обедать в узком кругу близких людей, за столом-лифтом. Этот механический стол обслуживался на нижнем этаже и поднимался (весь или какая-то его часть) наверх, к сидящим вокруг него гостям, которые могли написать на лежащей перед ними грифельной доске название желаемого ими блюда. Такие столы к концу столетия появились и в богатых домах.

Современный читатель был бы разочарован блюдами XVIII века, которыми его могли угостить. Выставленные на столах картинные гордые лебеди, трогательные поросята с пучком зелени во рту, дичь, говядина, порезанная на толстые куски – все это было приготовлено задолго до пира и давно остыло. Не были горячими и те блюда, которые приносили на золотых и серебряных подносах официанты во время обеда, хотя тогда уже использовали столовые сосуды, сохранявшие тепло. Впрочем, холодные блюда смягчались разнообразными соусами. XVIII век был истинным веком соусов. К тому же тосты (список которых утверждался как меню) следовали один за другим часто, и каждому гостю свой «покал» надлежало наливать доверху и выпивать до дна – иначе подумают, что ты не желаешь государыне здоровья и против побед русского оружия. Так что через некоторое время гости хмелели, и со столов сметалось все, что на них там лежало и стояло – голод не тетка!

Об одном таком «преступлении» писал в своем доносе 1749 года большой знаток и любитель хмельного канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. Как сообщал государыне Бестужев, придворный, выпивая за здоровье фаворита императрицы А. Г. Разумовского, «в покал только ложки с полторы налил», тогда как канцлер «принуждал его одной полон выпить, говоря, что он должен полон выпить за здоровье такого человека, который Ея императорского величества верен и в Ея высочайшей милости находится». В своем доносе он вспоминает и недавний, по его мнению, безнравственный поступок обер-церемониймейстера Федора Веселовского, который «на прощательном обеде у посла лорда Гиндфорта, как посол, наливши полный покал, пил здоровье, чтоб благополучное Ея и. в. государствование более лет продолжалось, нежели в том покале капель, то и все оный пили, а один Веселовский полон пить не хотел, но ложки с полторы и то с водою токмо налил, и в том упрямо пред всеми стоял, хотя канцлер, из ревности к Ея величеству и из стыда пред послами, ему по-русски и говорил, что он должен сие здоровье полным покалом пить, как верный раб, так и потому, что ему от Ея императорского величества много милости показано пожалованием его из малого чина в толь знатный».

Как только тостующий произносил тост, специальный служитель взмахивал платком, и по этому сигналу гремел залп батареи стоявших поодаль орудий. Таких залпов бывало (по числу тостов) до сотни, и к концу праздника они учащались... Залпы пушек заглушали пение и игру оркестра, которые все долгие часы обеда непрерывно услаждали слух пирующих прекрасными звуками.

Русский помещик времен Елизаветы у себя дома

Неспешно, спокойно текла жизнь рядового дворянина-помещика в провинции. Он просыпался на утренней заре в спальне своего обширного деревенского дома. Помещичьи дома тех времен отличались от крестьянских изб только размерами, но не удобствами. Строились они все из одного материала – дерева. Комнаты (как говорили тогда – «хоромы») в них были низки и неуютны, с голыми деревянными стенами, потемневшими от старости и копоти. Свет с трудом пробивался сквозь маленькие слюдяные или стеклянные переплеты окон. Петровская эпоха принесла нечто новое даже в самые глухие уголки. Вернувшись в деревню со службы, дворяне привозили новые вещи, украшения. Дедовская примитивная мебель соседствовала с каким-нибудь «новоманерным» столиком или немецким стулом с высокой резной спинкой.

Бревенчатые стены и дощатые потолки с огромными щелями тоже не нравились тем дворянам, которые видели, как живут люди в Петербурге или за границей. Поэтому они приказывали обить потолки парусиной или обмазать мелом, на стенах же прибивались обои из расписных тканей. В деревне обходились не дорогими купленными обоями, а самодельными, расписанными крепостным художником, который изображал, как правило, растительный орнамент. Гобелены и ковры были только у очень богатых людей.

Услышав, что барин проснулся и вылез из-под пуховиков (спали на перине и такой же укрывались), дверь спальни открывал ближний, доверенный слуга-лакей с подносом, на котором стоял чайник с чаем или кофейник с «кофием», варенье, подогретые сливки или рюмка водки – в зависимости от вкуса и привычек господина. Другой лакей следом нес уже раскуренную трубку – привычка к табаку становилась устойчивой и модной. Курение вообще считалось полезным, особенно в сырую, холодную погоду – дым якобы согревал горло. Надев шлафрок – широкий халат, и не снимая с головы ночной мягкий колпак, барин выходил в другую комнату. Многие помещики начинали день с молитвы – в спальне или в особой комнате, в ее красном углу громоздились старинные иконы с пышными окладами. Перед иконами горела неугасимая лампада, заправленная конопляным или льняным маслом. Помещик молился, благодарил Бога за еще один дарованный ему день.

Пробуждения «болярина» давно ждал и староста, который докладывал о том, как в имении прошла ночь, какие предстоят работы в поле и по дому, выслушивал распоряжения барина. Положение старосты (управляющего) всегда было довольно сложным. С одной стороны, все требования и прихоти помещика считались для него нерушимым законом, а с другой стороны, ему приходилось иметь дело с крестьянами, учитывать реальное положение дел. Немало было старост, которые, пользуясь полным невежеством барина в сельском хозяйстве, обманывали, обворовывали его, злоупотребляли доверчивостью господина, чтобы прибрать власть к рукам и стать маленьким диктатором в деревне. Но встречались помещики, которые вникали во все тонкости сельского хозяйства, с раннего утра садились на коня и объезжали свои владения, зорко посматривая, нет ли порубок в их лесу, потравы в полях. Известно, что крестьянам больших имений жилось легче, чем малых. В крупных поместьях контроль был слабее и, как правило, барщина легче.

Помещик завтракал обычно с семьей и гостями, которые часто подолгу жилали у него в особых покоях или в отдельных пристройках – флигелях. С давних пор при богатых помещиках жили обедневшие родственники, соседи – приживалки, которые часто исполняли роль шутов, становились предметом довольно грубых шуток. Частым гостем барина бывал и местный батюшка – священник приходской церкви. Хотя священник и был свободным человеком, но он во многом зависел от хозяина земли, на которой стоял храм, постоянно требовавший ремонта, пожертвований на утварь, иконы. Обед затягивался надолго. Как писал Пушкин, «нескоро ели предки наши», смены блюд следовали непрерывной вереницей. Кушанья отличались простотой, были обильны и жирны. Крепостные поварихи искусно готовить не умели, а повар – выученик какого-нибудь столичного французского повара – встречался редко и стоил не меньше, чем свой куафер-парихмахер, умевший завивать волосы. Впрочем, в деревне одевались и причесывались попроще. Здесь, вдалеке от строгой власти, можно было не нацеплять на голову каждый день парик, редко надевали и нарядный кафтан из шелка или бархата. Из-под него виднелся безрукавный камзол и белая полотняная рубашка без воротника с пышным жабо – оборкой на груди. Вспомните по кинофильмам лихих дворян-дуэлянтов в таких белых рубашках со шпагами в руке.

Послеобеденное время по русской традиции – время отдыха. Всюду наступало сонное затишье. Все спали: барин – в спальне, дворовые – в тени на земле или у порога дома. Вечера проходили довольно скучно. В полутемной гостиной – восковые свечи были дороги – барин сидел с гостями, играли в карты, пили чай, слушали рассказы, сплетничали о соседях. Новости из столиц получали через письма родственников, приятелей, приказчиков, да из старых номеров «Санкт-Петербургских ведомостей», которые изредка доходили до глухих дворянских гнезд. Известно, что наиболее интересные статьи переписывали и передавали

друг другу. Характерные для XIX века музыкальные вечера еще не вошли в моду, да и иностранные инструменты многим были недоступны.

Вечером спать ложились рано – как только темнело. Зевая, барин отправлялся к своим пуховикам. Слуги обходили хоромы, проверяли запоры, ложились на войлоке у дверей спальни барина или в людской на полу и лавках. С улицы слышался лишь лай собак, стук в деревянную доску или треск трещотки – это сторожа, обходя усадьбу, отпугивали лихих людей. В доме только тускло светила лампада, начинали шуршать мыши да выползать из своих щелей тараканы и клопы – верные спутники человека XVIII века, которые порой долго не давали уснуть.

Издали помещичья усадьба казалась скопищем построек, замыкающих широкий и грязный двор. К дому пристраивались людские избы, где в тесноте и грязи жили слуги – дворовые люди. Вокруг двора громоздились разные хозяйственные постройки: сарай, погреба, конюшня, псарня и т. д. Домашним хозяйством, как правило, руководила сама помещица, давая распоряжения ключнице – доверенной холопке, которая ведала припасами. Работы всегда было много. Дворовые не только готовили еду на день, но и занимались заготовками – крестьянки приносили из леса ягоды и грибы, в саду созревали яблоки и груши, на огороде поспевали овощи. В девичьей целыми днями работали над пряжей и шитьем крепостные девушки. Осенью, когда убрали хлеб, любимым занятием помещика становилась псовая охота.

Иначе жили крепостные. Деревянный дом с маленькими окошками, затянутыми бычьим пузырем, казался темной пещерой, куда попадали через низенькую, обитую рогожами дверь. Единственная, без перегородок горница с земляным полом, иконами в красном углу и мебелью – столом и лавками вдоль стен – отапливалась по-черному, то есть печь не имела трубы. Дым уходил вверх в темную мглу. Привычных для нас потолков не строили, и внутренняя часть крыши служила потолком. Черное отопление позволяло лучше согреть дом. Дров на черную печь шло в два раза меньше, чем на печь с трубой. Заготовка дров с одним только топором, при отсутствии в те времена привычных нам пил, была делом хлопотным и долгим.

Возле печи – места работы хозяйки с раннего утра до вечера – строились полати, то есть помост, который упирался одной стороной на печь, а другой – в стену дома. На полатах спали дети, старики же забирались на лежанку печи – самое теплое место. Под полатами на зиму селили телят, овец. На этом узком пространстве, освещаемом вечером лучиной, и протекала жизнь русского крестьянина первой половины XVIII века. Так жили государственные, дворцовые, помещичьи крестьяне. Всем им хлеб доставался в тяжком труде на поле, в непрерывной борьбе с природой. Все они боялись недорода, ранних заморозков, долгих дождей. Нередко они с тревогой всматривались в небо, если очень долго не было дождей. Жизнь людей XVIII века, и особенно крестьян, была коротка: недоедание, болезни, несчастные случаи обрывали ее задолго до 35–40 лет. Но все же хуже всех приходилось крепостным крестьянам. Их жизнь часто зависела не только от природы, но и от помещика – полновластного хозяина своих крепостных.

Легенды и слухи

Ванька Каин, или московский оборотень

Имя вора и разбойника Ваньки Каина стало нарицательным еще в XVIII веке. Любопытно, что Каин прославился не только беспримерными злодеяниями, убийствами, обманами, но и ... писательством, литературной деятельностью. В какой-то момент, отбывая каторгу в Рогервике (ныне порт Палтийски, Эстония), он надиктовал одному из своих грамотных товарищей рифмованные записки о своих приключениях. Мемуары эти были такие же лихие, талантливые и нахальные, как и сам Ванька. История эта началась тривиально – с доноса. В декабре 1741 года вор и разбойник Ванька Каин добровольно явился в московскую полицию (так называемый Сыскной приказ) и подал челобитную, в которой признавался, что он вор и грабитель и что, горько раскаиваясь в своих

преступлениях, он просит власти дать ему шанс «ко исправлению» и «во искупление» содеянных им злодейств готов выдать полиции всех своих товарищей. Затем в сопровождении отряда солдат он начал ходить по известным ему притонам и хватать преступников, которых до этого безуспешно разыскивали по всей стране. Вступить на стезю добродетелей знаменитого уголовника вынудили суровые обстоятельства...

А до этого биография Ваньки Каина (в миру – Ивана Осипова) складывалась вполне банально. Крепостной купца Филатьева из Ростовского уезда был определен в московский двор своего помещика, пожил там несколько лет, а потом решил бежать, ограбив (с сообщником по кличке Камчатка) хозяина. Сообщники, сделав свое дело, скрылись в одном из притонов. Но Ваньке не повезло. Он вышел из убежища – и тут же попался дворовому Филатьева, который сгрэб юношу и поволок его домой, к разъяренному барину, который посадил вора в холодную. Однако тут Каин, проведая от знакомых дворовых, кричал «Слово и дело!» – клич доносчиков. В полиции он донес на господина, что его дворовые убили солдата и спрятали его тело, хотя хозяин даже и не знал об этом. Донос подтвердился, и Ванька в награду за это получил вольную. И началась преступная карьера Каина. Он сразу же стал выделяться из московского воря редкой изобретательностью, тонким знанием человеческой психологии, умением импровизировать. Особых успехов Ванька достиг в тонком, требовавшем тренировки и таланта «карманном мастерстве», умел ловко и незаметно вытаскивать из карманов ротозеев деньги, платки, табакерки и часы – по тем временам настоящее состояние. Воровская кооперация, солидарность играли в преступной жизни Каина и его сообщников большую роль. Летом Каин и многие ему подобные отправлялись на традиционные «гастроли» по городам и ярмаркам, где воровали, грабили, убивали. Как-то осенью 1741 года заскучал Каин от опасной воровской жизни и решил, как уже рассказано выше, пойти «с повинкой» в полицию и предложить властям сотрудничество. Сохранился первый отчет (за 28 декабря 1741 года) протоколиста, который с солдатами ходил с Ванькой по притонам и хватал бывших соратников Каина: «Он же, Каин, близ Москворецких ворот, указал пещеру (пещеру. – Е. А.) и сказал, что в той пещере мошенник беглый извозчик Соловьев Алексей, и в той пещере оного Соловьева взяли, у него же взяли из кармана доношение, в котором написано рукою его, что он знает многих мошенников и при том написан оным мошенникам реестр». Иначе говоря, Каин с солдатами влезли в «пещеру» в тот самый момент, когда Соловьев заканчивал список «товарищей» для сдачи их полиции. Возможно, Каин не случайно начал облаву с Соловьева. Он знал о намерениях беглого извозчика и решил его опередить – в реестре Каина сам Соловьев был отмечен одним из первых...

По наводке Каина солдаты брали один притон за другим. С февраля 1742 года Каин получил право сам, без начальников, заниматься облавами. И тут он развернулся вовсю: нанял на Зарядье дом, ставший местом, куда приводили пойманных воров, где их дальнейшую судьбу решал сам Каин – отпустить или сдать в полицию. Сюда заходили чиновники Сысского приказа, доносчики, просители, вообще нужные люди. Тут же шла большая карточная игра. Словом, недалеко от Кремля открылось уникальное частное сысское бюро, точнее настоящая легальная «малина» большой банды воров, грабителей и убийц. Ванька стал настоящим оборотнем. Как было записано потом в его деле, «доноситель Иван Каин под видом искоренения таких злодеев, чинил в Москве многие воровства и разбои, и многие грабительства». Из материалов этого дела следует, что Каин окружил себя не только преступниками, но и богатыми клиентами. Он охотно обслуживал высокопоставленных персон, у которых случались несчастья – дом обворовали, родственника ограбили, слуга бежал. Полиция, как и всегда, разводила руками, а Ванька действовал. через своих людей в воровском мире он быстро находил украденное и затем небескорыстно возвращал вещи и ценности хозяину. И так это нравилось почтенным москвичам, что в 1744 году Каин получил охранную грамоту от Сената, которая предписывала всем властям и частным лицам «Каину в поимке злодеев обид не чинить и напрасно на него не клеветать». Так

Каин стал неуязвим для всех и на 5 лет превратился в настоящего короля преступной Москвы!

Пересказывать «подвиги» Каина – все равно что цитировать современную уголовную хронику. Главное – борьба Каина с преступностью тесно переплеталась с нею же. Для «отчетности» он ловил мелких воришек, с крупных брал дань, давал «крышу» купцам и ремесленникам, порой наказывал их за строптивость или, узнав постыдные тайны их обогащения, шантажировал. Подпольные ремесленники и контрабандисты души в нем не чаяли – он был их покровитель и пастырь. Конкурентов «своих» предпринимателей он безжалостно сдавал полиции или сам убивал. Постепенно вокруг него образовалась «старая гвардия» головорезов – около 40 проверенных и верных людей. С ними, да с отрядом солдат, Ванька совершал «торговые инспекции» по Москве: проверял, не обвешивают ли торговцы солью бедный народ (и находил, что, действительно, обвешивают!), хватал торговцев запрещенным товаром и воришек в рядах. Когда он уставал от дневной «законной деятельности», то выходил ночью с кистенем «руку правую потешить», совершал налеты, грабил, убивал, брал заложников и волок их к себе в Зарядье, где поутру ждал родственников с деньгами. Впрочем, Каин не был особенно жаден до денег – их у него было довольно. Часто он шел на «дело», движимый страстью авантюриста, который испытывает удовольствие от опасности и скучает без риска.

Ясно, что, живя в тяжких грехах, Ванька понимал, что ему грозит опасность разоблачения, и делал все, чтобы избежать эшафота. Из дела Каина видно, что он дружил с сильными мира сего – чиновниками Сыскного приказа, полиции, Сената. Дружба была взаимная – он платил им деньгами и услугами, они его всячески покрывали. Сращение власти и уголовщины было полным. Позже Каин показал, что чиновники, «за то, чтоб его остерегали, дарил им и многократно в домах у них бывал и, как между приятелей обыкновенно, пивал у них чай и с некоторыми в карты игрывал». Дарил он чиновникам и конфискованные у воров вещи, которые раскладывал (для удобства выбора) на столе в судейской комнате – так сказать прямо на алтаре правосудия, посредине которого стояло «зерцало» Петра Великого с законами империи!

Как-то раз Каин «для непотребного дела сманил», а потом, как ненужную тряпку, выбросил 15-летнюю дочь солдата. Отец девушки сумел подать жалобу и на Каина, и на чиновников, его покрывавших. Началось следствие в тайной полиции. Каин, не привыкший к «суровству», испугался и стал давать показания. Пошли аресты, допросы, дело закрутилось. Между тем руководство Сыскного приказа, на котором «подрабатывал» Каин, во что бы то ни стало хотело заполучить Каина к себе. Чем могло закончиться для Ваньки это расследование, объяснять не надо. Но московский генерал-полицмейстер Татищев оказался человеком порядочным и умным – Ваньку в Сыскной приказ не отдал, а караулы приказал удвоить... Дело тянулось долго-долго. Только в 1755 году Каина приговорили к смерти. Однако поскольку при Елизавете никого не казнили, то Каину «навели красоту»: вырвали ноздри, выжгли на лбу «В», на левой щеке – «О», а на правой – «Р» и, заклепав в кандалы, отправили «в тяжкую работу» на каторгу в Рогервик, где он и надиктовал свои мемуары – одну из любимых народом книг. Но что примечательно – каторга не место для отдохновений, видно, и там Каин пристроился. Как писал служивший конвойным офицером в Рогервике А. Т. Болотов, те из преступников, кто имел деньги, «дикий» камень не ломали и в порт его не таскали, а жили припеваючи в выгороженных в казарме каморках. Из высокопоставленных сообщников Каина никто на каторгу не попал, кто-то был уволен, кто-то переведен в другую канцелярию, кто-то отделался испугом...

Дело Салтычихи

Бесконтрольная власть одного человека над личностью, жизнью другого при

крепостном праве не могла не порождать страшных жестокостей, особенно когда эта власть оказывалась в руках людей неуравновешенных, психически больных. Елизаветинское время оставило потомкам пример чудовищного помещичьего изуверства. Речь идет о «Салтычихе», 25-летней Дарье Николаевне Салтыковой, к которой в 1756 году, после смерти мужа ротмистра Глеба Салтыкова, перешло по наследству богатое имение. И вот к концу 1750-х – началу 1760-х годов по Москве поползли слухи о страшных делах, которые творятся в доме Салтычихи на Кузнецкой улице.

Когда власти начали расследование дела Салтыковой, то следователи были поражены масштабами преступления. Многочисленные свидетели показали, что Салтычиха за несколько лет замучила, лично убила или приказала своим людям умертвить не менее 100 своих крепостных! Юстиц-коллегия, тщательно расследовав все показания, пришла к заключению:

Салтыкову можно признать убийцей если не всех ста человек, объявленных доносителями, то несомненно 50 человек, о коих собранными справками сведения так положительно клонятся к ее обвинению... В числе убитых мужчин было два или три, остальные затем все женщины... Некоторые из этих женщин забиты до смерти конюхами или другими людьми Салтыковой, наказывавшими их непомерно жестоко по приказанию госпожи (из дела видно, что муж-конюх, по приказу Салтычихи, засек насмерть свою жену. – Е. А.), но большею частью убивала она сама, наказывая поленьями, вальком, скалкой и пр. Наказаниям подвергались женщины преимущественно за неисправное мытье полов и белья.

Салтычиха не знала меры в своей жестокости и преступления совершала в самом центре Москвы, на глазах полиции. Дворовые Салтычихи многократно жаловались на жестокое обращение своей госпожи властям, но она умела задобрить власти взятками и потом с еще большей жестокостью принималась убивать людей. Долгие годы тянулось следствие по делу Салтыковой. Оно закончилось в 1768 году. Салтычиха, так и не раскаявшаяся ни в одном из совершенных ею убийств, была лишена дворянства, заключена в подземную тюрьму московского Ивановского монастыря, где провела 11 лет. Затем ее, названную в императорском указе «уродом рода человеческого», перевели в каменную пристройку у стены собора того же монастыря. Здесь она просидела еще 22 года, как зверь кидаясь на решетку при появлении любопытствующих посетителей.

Избавиться от крепостничества, кроме как по воле помещика, крепостному было невозможно. Все остальные способы добиться свободы были либо аморальны, либо преступны, уголовно наказуемы. Так, в материалах Тайной канцелярии аннинского и елизаветинского царствований встречаются такие дела, которые были начаты по доносам дворовых, подслушавших разговор господ в спальне и потом кричавших «Слово и дело» – призыв доносчика к властям. Они надеялись, что получат – согласно закону – свободу как вознаграждение за донос. Но не все могли идти таким бесчестным путем и поэтому сами нередко вступали на путь преступления. А для этого так мало требовалось – уйти без спросу помещика или приказчика со двора или из деревни. И вот ты уже и преступник, беглый! Но что делать? Бегство было единственным и самым распространенным способом спасения от крепостного права. Крестьяне обычно бежали в Польшу, на Юг (Дон и его притоки), в Сибирь. Традиционно действовали и власти: заставы, воинские команды, облавы, кандалы, наказание и... возвращение к помещику. Немало крепостных, отчаявшись, брались за оружие, уходили в многочисленные разбойничьи шайки, нападавшие на помещичьи усадьбы. Не все такие истории говорили о сопротивлении крестьян крепостному праву. Среди разбойников укрывалось немало беглых уголовников, опустившихся личностей, садистов, наслаждавшихся мучениями помещичьих жен или детей. Известно много случаев, когда такие банды возглавляли дворяне-помещики, сделавшие свои имения притонами для разбойников и воров. Но все же признаем, что между разгулом крепостничества и разбоями существовала прямая связь: крепостное право с неизбежностью порождало ответное насилие.

Ко времени правления Елизаветы относится история братьев Роговых – крепостных прокурора Пензенского уезда Дубинского. Двое из братьев – Никифор и Семен – бежали от помещика, но их поймали и отправили в ссылку. По дороге братья бежали вновь, вернулись в уезд и пригрозили помещику расправой. Их поймали и снова отправили по этапу: Никифора – в Сибирь, в Нерчинск, а Семена – в Оренбург, откуда он несколько раз убежал. Несмотря на жестокие наказания за побег с каторги, Семен не унимался. В послании помещику он писал: «Хотя меня десять раз в Оренбург посылать будут, я приду и соберу партию и (тебя) изрежу на части». В 1754–1755 годах имение Дубинского трижды поджигали, а в 1756 году Семен бежал с каторги, добрался до уезда и спрятался у третьего из братьев – Степана. Помещик, узнав об этом, писал властям, что Семен собрал «партию человек до сорока и дожидается меня, как я буду в оную деревню, чтобы меня разбить и тело мое изрубить на части». Степана арестовали за укрывательство беглого брата, но он бежал из-под караула и ушел вместе с сыном из вотчины, пригрозив помещику расправой. Дубинский был так напуган, что не решался приезжать в свою деревню, пока Роговы гуляли на свободе. Надо полагать, что причины такой яростной, отчаянной ненависти братьев Роговых к своему помещику, по-видимому, вполне основательны. Братья не похожи на разбойников с большой дороги, которым все равно кого грабить и убивать.

Заглянем в источник

Дело Салтычихи было уникально, но и типично. Такого ужасающего количества замученных одной помещицей русское общество, конечно, не знало, но глумление над людьми, унижение их человеческого достоинства были повсеместными явлениями. Издевательства, страшные порки на конюшнях и порой даже неосторожные убийства совершались в помещичьих домах постоянно. Вспоминая о Москве 1750 года – подлинной дворянской столице России, Екатерина II писала в мемуарах:

«Предрасположение к деспотизму выращается там лучше, чем в каком-либо другом обитаемом месте на земле; оно прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить цепи без преступления».

Бесстрашные смельчаки, подобные братьям Роговым, встречались нечасто. Они составляли ничтожную часть той многомиллионной массы рабов и рабынь, которые смиренно несли свой крест. Особенно драматично было положение крепостных женщин и девушек. Не случайно, что большая часть замученных Салтычихой людей были сенные девушки, выполнявшие домашнюю работу. Они были совершенно беспомощны и беззащитны перед издевательствами, насилием и глумлением. С мужиком-крепостным поступить жестоко считалось нерационально и опасно – он был рабочей силой, приносил доход, за него платились в казну налоги, он становился рекрутом. В ревизских сказках он писался «душой», женщины же вообще не учитывались в переписи. Мужик, наконец, имел возможность оказать сопротивление. Доведенный до отчаяния, он мог – часто ценою своей жизни – отомстить за унижения. Иначе со слабыми женщинами – им не было спасения, им никто бы не пришел на помощь. Дворянских девушек держали под суровым контролем, они не могли бежать, сопротивляться. Их сознание подавлял страх. Поэтому они безропотно умирали от непосильной работы, побоев, под кнутом в конюшне, замерзали раздетыми на морозе. Молодые девушки сами лезли в петлю или бросались в омут, чтобы избавиться от постоянных мучений, которые почему-то называли жизнью.

Заглянем в источник

Крепостных девушек никто не жалел, это была «человеческая трава». Цена на «хамку» – так презрительно звали крепостных помещики – была самой низкой

на рынке рабов. Вот один из обычных документов – купчая:

«Лета тысяча семьсот шестидесятого, декабря в девятый на десять день (т. е. 19-го. – Е. А.). Отставной капрал Никифор Гаврилов сын Сипягин, в роде своем не последний, продал я, Никифор, майору Якову Михееву сыну Писемскому старинных своих Галицкого уезда Корежской волости, из деревни Глобенова, крестьянских дочерей, девок: Соломониду, Мавру, да Ульяну Ивановых дочерей, малолетних, на вывоз. А взял я, Никифор, у него, Якова Писемского, за тех проданных девок денег три рубли. И вольно ему, Якову, и жене, и детям, и наследникам его теми девками с сей купчей владеть вечно, продать и заложить, и во всякие крепости учредить».

Разумеется, никому не было дела до того, что чувствовали маленькие девочки-сестры, оторванные от матери и увезенные из родной деревни навсегда. И таких купчих заключались тысячи, десятки тысяч. Люди – мужчины, женщины, дети – целыми деревнями, семьями и поодиночке продавались как скот, мебель или книги.

Не следует считать, что все помещики были жестокими садистами, как Салтычиха. Вряд ли Никифор Сипягин продал девочек-сестер по рублю за голову на вывоз, желая доставить им несчастье. Помещики были разные, многие из них относились к крестьянам вполне гуманно. Даже обязательные порки регламентировались. В инструкции 1751 года выдающегося полководца графа П. А. Румянцева написано, что если дворовым дадут 100 плетей или 17 000 розог, то «таковым более одной недели лежать не давать, а которым дано будет плетями по полусотне, а розгами по 10 000 – таковым более полунедели лежать не давать же; а кто сверх того пролежит более, за те дни не давать им всего хлеба, столового запаса...».

А вот как писал в инструкции своим приказчикам в 1758 году один из просвещеннейших людей того времени – князь М. М. Щербатов:

«Наказание должно крестьянам, дворовым и всем прочим чинить при рассуждении вины батогами... Однако должно осторожно поступать, дабы смертного убийства не учинить или бы не изувечить. И для того толстой палкой по голове, по рукам и по ногам не бить. А когда случится такое наказание, что должно палкой наказывать, то, велев его наклоня, бить по спине, а лучше сечь батогами по спине и ниже, ибо наказание чувствительнее будет, а крестьянин не изувечится».

В этой инструкции столько рачительной предусмотрительности, нешуточной заботы... о «живом инвентаре», который нельзя повредить. Так же предусмотрителен он, когда дает указания о содержании скота, о севообороте, сборе податей. Именно в том, что крепостное право было таким обычным, заурядным, и состояла его самая страшная сторона. Оно казалось естественным состоянием общества, одной из тех основ, на которой держался порядок на русской земле.

Вот помещица зимой заперла двух сенных девушек в холодном чердаке за какую-то провинность, да и забыла. Вспомнила о них на следующий день, а девушки уже замерзли. Их нашли мертвыми на полу, в обнимку, свернувшихся калачиком. Случилась беда, конечно, но не судить же за это столбовую дворянку! А причина не в садизме помещицы, а в том, что она забыла про девок! Но из дворни никто не решился напомнить барыне о девушках, замерзающих на чердаке. Екатерина II писала: «Если посмеешь сказать, что они (т. е. крепостные. – Е. А.) такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую, что в меня станут бросать камнями». Вспоминая конец 1760-х годов, она продолжала:

«Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди. А в 1750 году их, конечно, было еще меньше, и, я думаю, мало людей в России даже подозревали, что для слуг существовало другое состояние, кроме рабства».

Шувалова

Крепостничество, достигшее в середине XVIII века такого могущества и размаха в реальной жизни людей, требовало своего юридического оформления, хотя правовые основы крепостного права были заложены в Соборном уложении 1649 года. В 1754 году по инициативе Петра Шувалова была образована Комиссия для составления нового Уложения – свода законов империи. Комиссия собирала пожелания дворянства, их требования, изучала старые законы. К 1761 году была закончена очень важная часть будущего Уложения под названием: «О состоянии подданных вообще». Она так и не увидела свет, но идеи, в ней заложенные, во многом отражают дворянские требования, их социальные мечты. К середине XVIII века у дворян сложилось представление о своем особом, привилегированном положении в русском обществе. Одна из глав Уложения так и называлась: «О дворянах и их преимуществах». В ней говорилось, что дворяне отличны «от прочих сограждан своим благоразумием и храбростью», показали «чрезвычайное в государственных делах искусство, ревность (то есть усердие. – Е. А.) и знатные услуги Отечеству и Нам», то есть императрице.

Этому должны были соответствовать и привилегии, особые отличия дворян перед другими группами общества. Таких главных, коренных привилегий, согласно проекту Уложения, у дворянства – три. Во-первых, отменялся принцип петровской Табели о рангах 1722 года, позволявший недворянам дослужиться до такого чина, который давал дворянское звание. В проекте Уложения пояснялось: Петр ввел этот принцип, чтобы поощрить разночинцев к успехам в науках, мореплавании, военном деле. А все это делалось для того, чтобы дворяне, глядя на них, «возымели ревность и получить большую охоту» к полезным занятиям. Теперь, мол, дворяне в службе вполне преуспели, а способным разночинцам нет необходимости давать дворянство.

Заглянем в источник

Прочитав отрывок из проекта Уложения «О власти дворянской», невозможно сказать, какие же права оставались у крепостного крестьянина:

«Дворянство имеет над людьми и крестьяны своими, мужескаго и женскаго полу, и над именованием их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток. И для того волен всякий дворянин тех своих людей и крестьян продавать, и закладывать, в приданные, и в рекруты отдавать и во всякие крепости укреплять, на волю и для прокормления на время, а вдов и девок для замужества за посторонних отпускать, из деревень в другия свои деревни... переводить и разным художествам и мастерствам обучать, мужскому полу жениться, а женскому полу замуж идти позволять и, по изволению своему, во услужение, работы и посылки употреблять и всякия, кроме вышеписанных наказания чинить или для наказания в судебные правительства представлять, и, по рассуждению своему, прощение чинить и от того наказания свободять».

Это и есть крепостное право, весьма похожее на рабство.

Дарованные властью привилегии превращали бы дворянство в узкую, замкнутую, обладающую особыми, исключительными правами группу населения, которая безраздельно властвовала бы в стране. Но дворяне в своих мечтах шли дальше. Это нашло отражение в «Фундаментальных и непрменных законах», составленных и поданных императрице И. И. Шуваловым. При написании этого законодательного проекта Шувалов использовал знаменитое сочинение Ш. Монтескье «О духе законов». Суть проекта Шувалова состояла в том, чтобы императрица и ее подданные присягнули в строгом соблюдении «Фундаментальных и непрменных законов», которыми устанавливались те особые преимущества дворян, о которых шла речь в проекте Уложения. Кроме того, отныне и навсегда русский престол мог переходить только к православным государям, а все сенаторы, президенты коллегий и губернаторы набирались только из русских, как и две трети генералитета. Утверждение «Фундаментальных и непрменных законов» привело бы – если исходить из схемы

Монтескье – к переходу России от деспотии к монархии. Ни проект Уложения, ни проект Ивана Шувалова, так ярко отражавшие социальные мечты русского дворянства, не осуществились, хотя некоторые важные положения их были реализованы в следующие царствования.

Авторы Уложения предусмотрели такой порядок, при котором обязательность государственной службы для дворян отменялась, они получали свободу от участия в местных «земских» делах, могли свободно выезжать за границу, а при желании восстанавливаться на службе. Дворянина нельзя было арестовывать (без поимки с поличным на месте преступления), пытать, подвергать телесным наказаниям, ссылать на каторгу. Он судился особым судом. Наконец, в-третьих, дворяне получали исключительное право на владение винными, стекольными, металлургическими, горными мануфактурами. Купцам и предпринимателям запрещалось владеть этими самыми доходными отраслями промышленности.

Внешняя политика России при Елизавете

Правление Елизаветы стало временем, когда Российская империя утвердила свой международный авторитет, закрепила за собой зоны влияния в Европе, ясно выявила свои интересы и мощью вооруженных сил и экономики заставила уважать себя как великую державу. В этом смысле политика дочери Петра Великого продолжала политику правительства Анны Иоанновны, хотя в ней были свои оттенки. Большую часть царствования Елизаветы Петровны в России царил мир. В 1743 году закончилась русско-шведская война. Для шведов она оказалась крайне неудачной, и мирный договор в Або подтвердил прочность завоеваний времен Петра Великого. Условия мира, заключенного в 1721 году в Ништадте, были подтверждены. Основное внимание русской дипломатии сосредотачивалось на международной ситуации в Западной Европе.

В начале 1740-х годов произошла смена главных фигур на европейской политической сцене. В 1740 году умерли три монарха: российская императрица Анна Иоанновна, австрийский император Карл VI и прусский король Фридрих I Вильгельм. В России к власти пришла Анна Леопольдовна, а через год – в 1741 году – Елизавета Петровна, в Австрии – Мария-Терезия, а в Пруссии – Фридрих II. Между двумя последними и разгорелся конфликт. Дело в том, что покойный император Карл VI не имел сыновей, а передача трона империи женщине ранее не практиковалась. Карл VI приложил огромные усилия, чтобы большая часть стран подписали так называемую «Прагматическую санкцию», которой гарантировалась передача императорского трона его дочери Марии-Терезии. Однако стоило Карлу навеки закрыть глаза, как все соглашения рухнули. Возмутителем европейского спокойствия стал Фридрих II.

Граф А. П. Бестужев-Рюмин.

Действующие лица

Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, родившийся в 1693 году, принадлежал к младшим «птенцам гнезда Петрова», т. е. к тем молодым людям, которых великий государь послал учиться за границу. Бестужев учился прекрасно, особенно хорошо знал языки и «обхождение европейское». Он стал посланником в Дании, и на этом посту карьера его притормозилась. Лишь к середине 1730-х годов Бестужеву удалось прибиться к Бирону и понравиться ему. К лету 1740 года он, по воле всесильного Бирона, стал кабинет-министром вместо казенного Волынского. Но ненадолго. После смерти Анны осенью 1740 года Бирон был свергнут, вместе с ним полетел с Олимпа и Бестужев. На допросах он дал показания против своего патрона, но на очной ставке с Бироном от показаний отказался. В октябре 1741 года к власти пришла Елизавета Петровна, и Бестужев вышел на свободу. Тотчас же он ловко «прицепился» к новой повелительнице, как рыба-прилипала к акуле. Он стал вице-канцлером вместо сосланного Остермана, а в 1744 году – графом и канцлером России. На этом высшем государственном посту Бестужев пробыл 14 лет, фактически самостоятельно определяя курс внешней политики России. Однако за все эти годы он так и не сблизился с Елизаветой и ее кружком, хотя изо всех сил угождал фаворитам императрицы. Граф Бестужев оставлял у людей странное, неприятное впечатление. Елизавета Петровна не любила своего канцлера. Ее, вечно занятую балами и спектаклями, утомяла его назойливость, скучная речь, раздражал сам вид неопрятного шамкающего старика в грязном парике. Государыня брезгливо принюхивалась к нему – не пьян ли канцлер опять? Слушая Бестужева, она вспоминала все ужасные сплетни о его скандальных семейных делах, о его самодурстве и диких выходках. Но она не удаляла от себя Бестужева, потому что он всегда говорил дело и знал все наперед, оставаясь истинным

королем русской дипломатии. Бестужев блистал образованностью, был опытен, прекрасно разбирался в европейской политике, был патриотом, или, как тогда говорили, «верным сыном Отечества».

Да и как царедворец он не делал ошибок, был всегда лоялен к государыне, никому не доверял, никого не любил, в совершенстве владел искусством интриги. На многих сановников и иностранных дипломатов он терпеливо собирал досье, куда складывал записки об их прегрешениях, коллекционировал перехваченные письма. Никогда раньше в придворной борьбе так широко не использовали шпионаж и перлюстрацию дипломатической корреспонденции. Бестужев был подлинным мастером этого грязного дела. К дешифровке писем дипломатов он подключил даже Академию наук. Этими бумажками, вовремя поданными государыне и вызывавшими ее страшный гнев, Бестужев свалил немало своих опаснейших врагов. Канцлер так долго продержался у власти не только из-за своих феноменальных способностей к интриге, но и благодаря отличному знанию государыни. Он в совершенстве постиг нрав, вкусы, пристрастия и пороки Елизаветы. Один из современников писал, что Бестужев годами изучал императрицу, как науку. Так и было. Со временем он стал выдающимся «елизаветоведом». Канцлер точно определял, когда нужно подойти к императрице с докладом, чтобы заставить ее слушать, а когда лучше удалиться. Он знал, как привлечь внимание легкомысленной Елизаветы, какие детали ей интересны, как незаметно вложить ей в голову нужную идею, а потом развить ее так, чтобы государыня считала эту мысль своей собственной. Он сразу понял, что за внешним, показным легкомыслием Елизаветы, которое обманывало многих, скрывается личность подозрительная, мнительная, тщеславная, но и гордая от сознания того, что она дочь Петра Великого, что ей предназначено Богом и судьбой продолжить славные дела отца. Только так можно было найти дорогу к ее сердцу и добиться своего.

Все современники говорили, что Бестужев брал от иностранных дипломатов взятки – дело тогда обычное. Но у Бестужева в этом деле был свой простой секрет – он не брал взятки от врагов (французов и пруссаков), а разорял только друзей России (австрийцев и англичан), благо Елизавета делала ставку на союз с Англией и Австрией против Пруссии и Франции. Отчего ж в этих условиях и не поживиться за счет союзников? Ведь они думают, что близость с Россией держится именно на «подарках», которые они исправно преподносят Бестужеву, а не на его патриотизме и желании угодить дочери Петра Великого в ее миссии возвеличить Россию?

Однако, как часто бывает, плут рано или поздно попадает на своих проделках. Попался и Бестужев – не на взятках, а на хлопотах о будущем! Дело в том, что к концу 1750-х годов императрица Елизавета Петровна болела все чаще. На престол должен был вступить ее наследник, великий князь Петр Федорович. Он же был поклонником Фридриха II, а значит – лютым врагом Бестужева, который многие годы вел отчетливо антипрусскую политику. В какой-то момент канцлер, думая о том, как бы продлить свою власть, решил не допустить прихода на российский престол Петра III. Он затеял интригу в пользу жены Петра, Екатерины Алексеевны, с тем, чтобы после смерти Елизаветы привести к власти Екатерину, а самому стать при ней первым министром. Но старый интриган просчитался! Заговор раскрыли, и Бестужева арестовали...

Бестужев был хоть и старый, но все же лис. Он почуял опасность заранее и предусмотрительно уничтожил все опасные для себя письма и бумаги. А без бумаг, как известно, дело «сшить» можно, но очень трудно. Один из следователей по делу канцлера писал приятелю: «Бестужев арестован, а мы теперь ищем причины, за что его арестовали». В итоге у следователей остались одни не подкрепленные фактами подозрения. И все же Бестужева приговорили к смертной казни, которую заменили ссылкой в дальнюю деревню. С приходом к власти в 1762 года Екатерины II Бестужеву вернули все чины, ордена, дали пенсию, назначили «первым императорским советником», и императрица пожаловала ему чин фельдмаршала. Как писал один иностранный дипломат, на

одном из придворных приемов он видел, как старик Бестужев «пьянее вина» не отпускал императрицу и что-то ей назойливо говорил, говорил и говорил... А потом Бестужев понял, что значение его при дворе ничтожно, хотя почет велик, что делами управляют новые люди, что пришло новое поколение, и Екатерина слушает их, а не его, старого лиса... Он ушел в отставку и вскоре умер.

Король был необычайным, ярким человеком. Прекрасно образованный, умный, ядовитый и острый на язык, он был известен как тонкий знаток литературы и философии. Фридрих дружил с Вольтером и на всю Европу прослыл безбожником, «философом из Сан-Суси» (так назывался его загородный дворец в Потсдаме под Берлином). Глубокая любовь к философии, веротерпимость сочеталась у Фридриха с истинно прусским солдафонством, любовью к муштре, военной аванюре. Он был гениальным полководцем, блестящим стратегом и тактиком. Благодаря нестандартности мышления, способности управлять войсками, знанию тонкостей военного дела Фридрих одержал много ярких побед на полях сражений. Вместе с тем Фридрих II прославился как совершенно беспринципный политик, готовый ради своих интересов нарушить данное им слово или подписанный договор. Его лицемерие, коварство, наглость и цинизм были известны всем. Он писал, что истинные государи сами решают, когда нужно начать войну, и ведут ее, а трудолюбивые юристы ищут оправдание агрессии. Так он и поступил в декабре 1740 года, когда вторгся и оккупировал провинцию Австрии Силезию. Началась Силезская война, потом заключили мир, который Фридрих почти сразу нарушил и снова напал на Австрию.

Елизавета с тревогой наблюдала за событиями в Германии. Усиление Пруссии вообще не нравилось Петербургу – для России в Германии был нежелателен сильный соперник, который претендовал на главенство среди немецких государств. Кроме того, сам Фридрих II не нравился Елизавете Петровне как личность. Она запрещала даже упоминать в ее присутствии имя этого «нахала и безбожника». Поэтому все действия прусского короля рассматривались как однозначно враждебные. Антипруссские настроения императрицы поддерживал глава внешнеполитического ведомства канцлер А. П. Бестужев-Рюмин.

Прусский король Фридрих II вел себя в отношении России с большой осторожностью. Он опасался мощи русской армии и стремился усилить свое влияние при русском дворе. Но предотвратить заключение русско-австрийского союза в 1746 году, тем не менее, прусский король не смог. Этот союз был направлен против Пруссии. Продолжалось и сближение России с другим противником Пруссии и Франции – Англией. В 1748 году русский корпус князя В. А. Репнина даже двинулся через Германию на Рейн, чтобы защищать против французов английские интересы в Германии. Так продолжалось до 1756 года, когда неожиданно для многих произошла смена политических декораций. В этом году Англия, воевавшая с Францией в Америке, заключила договор с Пруссией. Тем самым русско-английским дружеским отношениям пришел конец – в одном блоке с Фридрихом Елизавета состоять не желала. В это же время Австрия, опасаясь усилившейся Пруссии, пошла на сближение со своим давним врагом – Францией. Они подписали Версальский договор. Мария-Терезия пригласила Елизавету присоединиться к нему и заключить с Австрией наступательный союз. Россия это и сделала. Дело в том, что Россию с Австрией объединяли принципиально важные для нее интересы в Польше и на юге – против Турции, и рисковать ими она не хотела. Русская сторона обещала всячески помочь австрийцам в войне против ее противника. Кто им был – догадаться было нетрудно. Фридрих внимательно наблюдал за дипломатическими переговорами русских и австрийцев и вскоре решил на авантюру – разбить Австрию, пока ее союзники не успели ей помочь. В августе 1756 года он напал на союзницу Австрии и России Саксонию. Австрия, а потом и 1 сентября 1756 года Россия, объявили Пруссии войну. Тринадцатилетний мирный период русской истории окончился, Россия вступила в очередную войну.

Семилетняя война и участие в ней России

С началом войны выяснилось (как это почти всегда бывало и раньше, и потом), что русская армия подготовлена к ней плохо: до полного комплекта не хватало солдат, лошадей. Неважно обстояли дела и с толковыми генералами. Командующим армией, двинувшейся только весной 1757 года к прусской границе, был назначен фельдмаршал С. Ф. Апраксин – человек нерешительный, праздный и малоопытный. К тому же без особых инструкций из Петербурга он не мог сделать и шага. В середине июля русские полки вступили на территорию Восточной Пруссии и медленно двинулись по дороге на Алленбург и далее, к столице этой части королевства – Кенигсбергу. Разведка в армии работала плохо, и когда 19 августа 1757 года русские полки авангарда вышли по лесной дороге на опушку, то они увидели перед собой построенную в боевом порядке армию фельдмаршала Левальда, который сразу же дал кавалерии приказ наступать. Однако 2-й Московский полк, оказавшийся в самом горячем месте, сумел перестроиться и сдержать первый натиск пруссаков. Вскоре ему на помощь командир дивизии генерал В. А. Лопухин привел еще четыре полка. Эти пять полков и приняли бой с прусской пехотой – основной силой Левальда. Сражение оказалось кровопролитным. Генерал Лопухин был смертельно ранен, взят в плен, снова отбит. Потеряв половину солдат, полки Лопухина стали беспорядочно откатываться к лесу. Положение спас молодой генерал П. А. Румянцев – будущий фельдмаршал. С полками резерва он сумел буквально продрагаться сквозь лес и ударил во фланг прусских полков, гнавших остатки дивизии Лопухина, что и стало причиной русской победы.

Хотя потери русской армии в два раза превосходили прусские, поражение Левальда оказалось сокрушительным, а дорога на Кенигсберг открыта. Но Апраксин не пошел по ней. Наоборот, неожиданно для всех он дал приказ отступить, причем от Тильзита организованный отход стал походить на беспорядочное бегство... По слухам, такие действия главнокомандующего вызвало полученное им из Петербурга письмо, в котором говорилось о якобы смертельной болезни императрицы Елизаветы. Приход к власти ее наследника Петра III – большого почитателя прусского короля – мог навредить карьере нечаянного победителя пруссаков – Апраксина. Вот он и начал отступление. Болезнь Елизаветы оказалась тяжелой, но не смертельной, и она поправилась, Апраксина отстранили от командования, отдали под суд, и отставной фельдмаршал вскоре умер в тюрьме. Итоги похода в Восточную Пруссию были плачевны: армия потеряла 12 тыс. человек. На поле боя погибли 4,5 тыс. человек, а от болезней умерли 9,5 тыс.!

Генерал В. В. Фермор, назначенный новым главнокомандующим, уже в январе 1758 года беспрепятственно занял Кенигсберг и к лету двинулся в Бранденбург – основную территорию Прусского королевства, чтобы соединиться с австрийцами для совместных действий против Фридриха II в Силезии. Фридрих решил не допустить этого. В свойственной ему решительной манере он двинулся из Силезии в Бранденбург и, переправившись через Одер, обошел русскую армию с тыла. Тем самым он отрезал ей пути к отступлению и не дал соединиться с корпусом Румянцева, который безуспешно поджидал пруссаков на другой переправе через Одер. Обходный маневр Фридриха был обнаружен, Фермор развернул армию и принял бой.

Битва при Гросс-Еггерсдорфе.

Битва началась с того, что прусская пехота атаковала правый фланг позиций армии Фермора превосходящими силами в соответствии с излюбленным Фридрихом «косым боевым порядком». Батальоны пехоты шли не сплошной массой, а уступами, вступали в бой поочередно, усиливая давление на противника на узком пространстве. Но в этот раз части батальонов основных сил не удалось поддержать косою порядок своего авангарда, так как по пути пришлось огибать горящую деревню Цорндорф. Заметив разрыв в построении пруссаков, Фермор дал приказ своей пехоте наступать. В итоге контратаки авангард и подошедшие вскоре основные силы Фридриха были отброшены. Но Фермор просчитался. Он не заметил, что вся прусская конница генерала Зейдлица еще не вступила в бой и только выжидала момент для атаки. Он наступил, когда преследовавшие прусскую пехоту русские полки обнажили свой фланг и тыл. Силами 46 эскадронов отборных черных гусар Зейдлиц нанес удар русской пехоте. Это была страшная атака. Вышколенные кони разогнались и переходили на полный карьер с расстояния более полкилометра. Эскадроны шли без интервалов, сомкнутым строем, стремя к стремени, колено к колену. Только человек с крепкими нервами мог выдержать эту атаку. От бешеного топота тысяч копыт содрогалась и гудела земля, и на тебя неумолимо и стремительно, все ускоряясь и ускоряясь, мчался высокий черный вал, готовый смять и растоптать на своем пути все живое. Нужно оценить мужество русских grenадер перед лицом такой устрашающей атаки. Они не успели построиться в каре – оборонительные боевые квадраты, а лишь успели встать кучками спина к спине и приняли на себя удар конницы Зейдлица. Сплошной строй распался, сила удара ослабла, Зейдлиц отвел в тыл расстроенные эскадроны. С этого момента Фермор бросил войска и покинул командный пункт. Вероятно, он считал, что сражение проиграно. Однако русские полки, несмотря на серьезные потери и панику части солдат, начавших разбивать бочки с вином и грабить полковые кассы, удержали позиции. К вечеру сражение стало стихать.

Заглянем в источник

Генеральные сражения были всегда запоминающимися событиями для людей, которые в них участвовали или хотя бы видели. Большинство участников таких сражений обычно не имели никаких иллюзий относительно себя и не надеялись выжить. Потери столкнувшихся армий обычно бывали ужасными, ядра и картечь рвали в клочья стоявшие или двигавшиеся сомкнутым строем полки.

Перед началом сражения священники проводили службу, но в сущности, уже заранее отпевали будущих покойников. Начало сражения представляло собой грандиозное, запоминающееся зрелище. Вот как очевидец сражения – пастор Теге – описывает памятное утро 14 августа 1758 года:

«С высоты холма я увидел приближавшееся к нам прусское войско; оружие его блистало на солнце, зрелище было страшное... прусский строй вдруг развернулся в длинную кривую линию боевого порядка. До нас долетел страшный грохот прусских барабанов, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы услышали звуки гобоев, игравших известный гимн: “Господи, я во власти твоей!”... Пока неприятель приближался шумно и торжественно, русские стояли тихо, что казалось, живой души не было между ними. Но вот раздался гром прусских пушек...»

Впервые в XVIII веке потери русских войск были так велики: они составили половину личного состава, причем убито было больше, чем ранено, – 13 тыс. из 22,6 тыс. человек. Это говорит о страшной кровопролитности и жесточенности сражения. Обычное же соотношение убитых и раненых было 1 к 3. Из 21 русского генерала 5 были взяты в плен, 10 убиты. В строю осталось только 6! Неприятелю досталось 85 пушек, 11 знамен, войсковая казна. Но и потери пруссаков были велики – свыше 11 тыс.

человек. Поэтому через день они не воспрепятствовали отходу русских с поля беспримерно жестокой битвы, залитого кровью и заваленного тысячами трупов людей и

коней. Построившись двумя походными колоннами, между которыми разместили раненых, 26 трофейных пушек и 10 знамен, русская армия, растянувшись на 7 верст, несколько часов шла перед позициями пруссаков, но великий полководец так и не решился атаковать ее. Битва под Цорндорфом не была победой русских – поле битвы осталось за Фридрихом II (а в старину – это главный критерий победы на поле боя), но Цорндорф – это и не поражение. Императрица Елизавета по достоинству оценила происшедшее: посредине вражеской страны, вдали от России, в кровопролитнейшем сражении с величайшим тогда полководцем русская армия сумела выстоять. Это, как говорилось в рескрипте императрицы, «суть такие великие дела, которые всему свету останутся в вечной памяти к славе нашего оружия».

Кампания 1759 года примечательна двумя сражениями русской армии, которую возглавил 60-летний генерал граф П. С. Салтыков. Десятого июля прусская армия под командой Дона перерезала путь русским под деревней Пальциг, на правом берегу Одера. Быструю атаку пруссаков отбила пехота, а контратака русских кирасир – тяжелой конницы – довершила дело: пруссаки бежали, потери русских были впервые меньше, чем у противника, – 5 тыс. против 7 тыс. человек.

Битва с Фридрихом произошла 1 августа под деревней Кунерсдорф неподалеку от Франкфурта-на-Одере. Ситуация Цорндорфа повторилась: Фридрих опять зашел в тыл русской армии, отрезав ей все пути к отступлению. И снова пруссаки стремительно атаковали русских во фланг. Но на этот раз положение сражающихся было несколько иным. Русские войска занимали позиции на трех высотах-холмах: Мюльберг (левый фланг), Большой Шпиц (центр) и Юденберг (правый фланг). Справа в резерве стояли союзные войска австрийцев. Фридрих атаковал левый фланг русских, и весьма успешно: корпус князя А. М. Голицына был сбит с высоты Мюльберг, и прусская пехота устремилась через овраг Кунгруд на холм Большой Шпиц. Смертельная угроза нависла над русской армией. Потеря центральной позиции вела к неминуемому поражению. Прижатая к берегу Одера, русская армия оказалась бы обреченной на капитуляцию или истребление.

Командующий войсками Салтыков вовремя дал приказ стоявшим на Большом Шпице полкам развернуться поперек бывшего фронта и принять удар вышедшей из оврага прусской пехоты. Так как хребет Большого Шпица был узок для построения, то образовалось несколько линий обороны. Они вступали в бой по мере того, как гибли передние линии. Это была кульминация битвы: если бы пруссаки прорвали линии, Большой Шпиц пал бы. Но, как пишет современник, хотя противник «с неописанным мужеством нападал на наши маленькие линии, одну за другой истреблял до основания, однако, как и они, не поджав руки, стояли, а каждая линия, сидючи на коленях, до тех пор отстреливалась, куда уже не оставалось почти никого в живых и целых, то все сие останавливало сколько-нибудь пруссаков». Попытка сбить русские позиции в центре с помощью кавалерии Зейдлица также не удалась – русско-австрийская кавалерия и артиллерия отбили атаку. Пруссаки начали отступление. Общие потери 48-тысячной армии Фридриха достигали 17 тыс. человек, 5 тыс. пруссаков оказались в плену. Трофеями русских и австрийцев стали 172 орудия, 26 знамен. Русская армия потеряла 13 тыс. человек. Это было так много, что Салтыков не решился преследовать впавшего в панику Фридриха II и в шутку сказал, что еще одна такая победа, и ему одному придется идти с палочкой в Петербург сообщать о победе.

Плоды победы на поле под деревней Кунерсдорф России так и не удалось собрать. Кровь была пролита зря. Вскоре выяснилось, что Салтыков страдает той же болезнью, что и его предшественники, – нерешительностью и медлительностью. Моральная ответственность за врученную ему армию, распри с австрийцами угнетали полководца, и он пал духом. С раздражением императрица писала новоиспеченному фельдмаршалу по поводу его рапортов о главном намерении – сберечь армию: «Хотя и должно заботиться о сбережении нашей армии, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну несколько лет вместо того, чтобы окончить ее в одну кампанию, одним ударом». В итоге более 18 тыс. русских солдат, погибших в 1759 году, оказались напрасной жертвой – противник побежден не был. В середине кампании 1760 года Салтыкова пришлось сменить на фельдмаршала А. Б.

Бутурлина. К этому времени в окружении Елизаветы росло недовольство как действиями армии, так и общей ситуацией, в которой оказалась Россия. Победа под Кунерсдорфом досталась русским не случайно. Она отражала возросшую мощь армии. Опыт непрерывных походов и сражений говорил о том, что полководцы действуют не так решительно, как нужно. В рескрипте Салтыкову 13 октября 1759 года образованная с началом войны Конференция при высочайшем дворе отмечала: «Так как король прусский уже четыре раза нападал на русскую армию, то честь нашего оружия требовала бы напасть на него хоть однажды, а теперь – тем более, что наша армия превосходила прусскую и числом, и бодростью и толковали мы вам пространно, что всегда выгоднее напасть, чем подвергаться нападению». Нерасторопность союзных генералов и маршалов (а против Фридриха воевали Австрия, Франция, Россия, Швеция, многие германские государства) приводила к тому, что четвертую кампанию подряд Фридрих выходил сухим из воды. И хотя союзные армии превосходили прусскую армию в два раза, победами и не пахло. Фридрих, непрерывно маневрируя, нанося удары поочередно каждому союзнику, умело восполняя потери, уходил от общего поражения в войне. С 1760 года он стал вообще неуязвим. После поражения под Кунерсдорфом он по возможности избегал сражений и непрерывными маршами, ложными выпадами доводил до иступления австрийских и русских полководцев.

В это время и созрела идея занять Берлин, что позволило бы нанести Фридриху большой материальный и моральный ущерб. В конце сентября русско-австрийский отряд подошел и обложил столицу Прусского королевства. В ночь на 28 сентября все прусские войска внезапно оставили город, который тотчас капитулировал на милость победителя, поднеся им ключи от городских ворот. Союзники пробыли в городе два дня и, получив известие о стремительном движении Фридриха на помощь своей столице, поспешно покинули Берлин. Но за два дня они успели содрать с берлинцев огромную контрибуцию, дотла разорить огромные склады и цейхгаузы прусской армии, сжечь оружейные заводы в Берлине и Потсдаме. Берлинская операция не могла восполнить неудач на других театрах военных действий. Главный противник Пруссии – австрийская армия, действовала крайне неудачно, терпела поражения от Фридриха, а ее командующие так и не смогли найти общий язык с русскими. Недовольство Петербурга вызывало то, что в самого начала войны России отводилась подчиненная роль, она обязывалась все время подыгрывать Австрии, воевавшей за Силезию. Русские же стратегические и имперские интересы между тем были направлены на другие цели. С 1760 года русские дипломаты все решительнее требовали от союзников солидной компенсации за пролитую на общую пользу кровь. Уже с начала 1758 года Восточная Пруссия с Кенигсбергом была оккупирована Россией. Более того, ее жители присягнули в верности императрице Елизавете Петровне, то есть признавались подданными России.

Это напоминало историю с Лифляндией и Эстляндией 1710 года, когда задолго до заключения мира Петр Великий включил обе провинции в состав Российского государства. И теперь Россия намеревалась удержать Восточную Пруссию в составе империи. Одновременно русская армия всерьез взялась за осаду ключевой на прусском побережье крепости Кольберг, контроль над которой позволил бы решительнее действовать против Фридриха и столицы его королевства. Крепость пала 5 декабря 1761 года, а через 20 дней умерла императрица Елизавета Петровна.

С этого дня международная ситуация начала стремительно меняться. Пришедший на российский трон Петр III тотчас разорвал союз с Австрией и предложил Фридриху II мир без всяких условий. Пруссия, доведенная пятилетней войной до разорения, была спасена, что позволило ей воевать еще до 1763 года. Россия, вышедшая из войны ранее, никаких территорий или компенсаций потерь не получила.

Смерть Елизаветы Петровны. Петр III – император

В конце своей жизни Елизавета часто болела. Неумеренный образ жизни, любовь к

тяжелой, жирной пище, нежелание лечиться – все это приблизило конец веселой прожигательницы жизни. Она все чаще уединялась в Царском Селе. Столь обязательные прежде для всех маскарады, поездки, спектакли прекратились. С ужасом смотрелась в зеркало вчерашняя божественная красавица и не узнавала себя – ведь она думала, что будет прекрасной всегда! Смерть пришла к ней в Рождество – 25 декабря 1752 года. Многие опасались прихода к власти ее племянника Петра Федоровича. Придворная камарилья во главе с Шуваловыми понимала, что тотчас по вступлении на трон нового государя все они лишатся влияния, власти и доходов. Поэтому обсуждались планы устранения Петра от власти посредством возведения на престол его сына, семилетнего Павла Петровича (очень любимого покойной Елизаветой), при назначении в регенты супруги великого князя Екатерины Алексеевны. Были и сторонники просто высылки семьи Петра Федоровича за границу, в Голштинию, откуда он был привезен в Россию в 1742 году. Но смерть Елизаветы Петровны в Рождество 1761 года оказалась для заговорщиков неожиданной, и Петр III беспрепятственно стал Императором Всероссийским.

Наследник престола Петр Федорович за долгие годы жизни в России так и не сумел стать русским, патриотом России. Все русское было ему чуждо, все немецкое, особенно прусское, наоборот, было ему ближе и роднее. При этом он не скрывал своих симпатий к прусскому королю Фридриху II, с которым в этот момент вела войну Россия. И как только Петр Федорович стал императором Петром III, он резко изменил политику России, пошел на заключение невыгодного для России мира с Фридрихом. Он намеревался начать войну против Дании – давней обидчицы его родной Голштинии, передел русскую армию в прусские мундиры, стал насаждать в войсках непривычные для них прусские порядки.

Внешнеполитические симпатии нового императора, его демонстративное пренебрежение русскими обычаями, православной верой, да еще в сочетании с характерной для Петра прямолинейностью, экспансивностью, очень сильно вредили его репутации в глазах общества и гвардии. Между тем, при ином, не таком вызывающем поведении Петра III, он мог бы упрочиться на троне и стать весьма популярным в обществе. Уже первые его указы говорили о понимании Петром насущных проблем страны.

Девятнадцатого февраля 1762 года Петр III издал манифест о секуляризации церковных земель, которые (как и доходы с них) отныне переходили к государству. Для управления этими землями учреждалась Коллегия экономии. При этом значительная часть крепостных церкви становилась свободна от крепостной зависимости. Наконец, третий указ Петра III освободил русских людей от страха стать жертвами доносчиков. Отныне и навсегда запрещалось кричать «Слово и дело!» – магическую формулу публичного объявления доноса, после которой полиция была обязана хватать всех, на кого укажет кричавший «Слово и дело!» доносчик. Закрывалась наводившая страх на поколения русских людей Тайная канцелярия – орган политического сыска. Функции сыска были переданы в Сенат. Однако эти выдающиеся по своим последствиям указы не способствовали упрочению позиций самого Петра III. Люди воспринимали его скорее эмоционально, чем прагматично, видели в нем «тирана», низвергателя «добрых установлений доброй матушки Елизаветы», хотя этот человек не был ни жестоким, ни злым, не пролил ничьей крови, а оказался, в сущности, лишь жертвой неблагоприятных обстоятельств, а также собственной самонадеянности и легкомыслия.

Почти до самого конца своего царствования он был убежден, что пользуется всеобщей поддержкой. Он казался каким-то нелепым, странным, случайным на русском троне человеком. Необузданный и взбалмошный, он, приняв во всем объеме безграничную власть тетушки, не был в состоянии контролировать события, быть политиком, осознавать себя российским самодержцем. Фигура Петра III драматична. Ему не повезло с судьбой, страной. Если бы он остался в Голштинии, то, наверное, прожил бы долгую жизнь и умер бы, оплаканный своими добрыми подданными, как примерный герцог. Но он попал в Россию, и за ним упрочилась репутация ненавистника России, любителя муштры, самодура и глупца. Но все же если каждый человек – хозяин своей судьбы, то Петр распорядился ею бездарно.

Нужно согласиться с Екатериной, как-то написавшей, что «у Петра III-го первым врагом был он сам».

Петр III.

Заглянем в источник

Петр III вошел в историю как государь, подписавший 18 февраля 1762 года знаменитый «Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству». Только перечень прав, которые он включает, говорит, что ничего подобного в России еще не было:

«1) Все, находящиеся в разных наших службах дворяне могут оную продолжать сколько долго пожелают и их состояние им дозволит, однакож военные ни во время кампании, ниже пред начатием оной за три месяца о увольнении из службы или абишда (отставки. – Е. А.) просить да не дерзуют... 2) Всех служащих дворян за добропорядочную и беспорочную нам службу награждать при отставке по одному рангу... 3) Кто же, будучи в отставке некоторое время или после военной находяся в статской и других наших службах пожелают паки вступить в военную службу, таковые приняты будут естли их к тому достоинства окажутся теми ж чинами, в каковых они состоят. 4) Кто ж, будучи уволен из нашей службы, пожелает отъехать в другие европейские государства, таким давать нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно. 5) Продолжающие службу, кроме нашей, у прочих европейских государей российские дворяне могут, возвратясь в отечество свое, по желанию и способности вступить на вакансии в нашу службу...»

Но как мы сие наше всемиловейшее учреждение всему благородному дворянству на вечные времена фундаментальным и неперменным правилом узаконяем, то в заключении сего мы, нашим императорским словом наиторжественнейшим образом утверждаем навсегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах и нижепоследующие по нас законные наши наследники в отмену сего в чем-либо поступать могут, ибо сохранение сего нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением

самодержавного всероссийского престола, напротив ж того мы надеемся, что все благородное российское дворянство, чу(в) ствуя толикия наши к ним и потомках их щедроты, по своей к нам всеподданнейшей верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностию и желанием в оную вступать...».

Итак, в манифесте сказано о праве дворянина оставлять службу в любое, кроме военного, время, возвращаться на нее. Согласно букве манифеста дворянин может вообще не служить, выехать в свое поместье, за границу, поступить на иностранную службу, обучать детей дома и т. д. Манифест был принципиально важным для дворян документом. Это был подлинный прорыв в направлении гражданского общества. Многие с радостью встретили манифест, но общего бегства со службы не произошло, ибо большинство дворян существовать без государственного жалования не могли. Однако сама возможность выбора: служить или не служить, оказалась для них весьма важной. Именно с манифестом 1762 года историки связывают расцвет дворянских усадеб, становившихся центрами распространения европейского быта и культуры, как, впрочем, подчас и сурового крепостничества. Важно, что с этого документа начинается долгий процесс эмансипации русского общества – освобождения его от тяжкого давления государства.

Петр совершенно устранился от жены, открыто жил со своей любовницей Елизаветой Воронцовой, хотел жениться на ней, вынашивая планы развода с Екатериной. Честолюбивая же и деятельная Екатерина не собиралась мириться с уготованной ей судьбой. Она согласилась на предложение гвардейцев свергнуть Петра III. Намерение гвардейцев, развернувших активную агитацию в пользу Екатерины в войсках, совпадало с желаниями части знати, недовольной Петром и его политикой, опасавшейся за свое будущее при неуравновешенном и непредсказуемом императоре Петре III. При этом Петр III вел себя весьма легкомысленно и игнорировал все предупреждения о готовящемся перевороте, чем способствовал его приближению.

Часть III

Империя времен Екатерины Великой и Павла I

1762-1801

Екатерина II в юности

Екатерина II (София Августа Фредерика) происходила из древнего, хотя и бедного германского княжеского рода Ангальт-Цербских властителей. Это по линии отца, князя Христиана Августа. По линии же матери – княгини Иоганны Елизаветы – ее происхождение было еще более знатным, ибо Голштейн-Готторпский герцогский дом, из которого вышла мать Екатерины, принадлежал к знатнейшим в Германии. Брат же матери Екатерины Адольф Фридрих (или по-шведски Адольф Фредрик) был даже шведским королем в 1751–1771 годы. К моменту рождения принцессы Софии, или по-домашнему – Фике, отец ее командовал расквартированным в Штеттине (ныне Щецин, Польша) прусским полком, был генералом. С молоком кормилицы Фике впитала французский язык – великий и могучий двигатель интеллектуального прогресса в XVIII веке. Особенно часто она вспоминала мадемуазель Елизавету (Бабетту) Кардель – француженку-эмигрантку, которая стала ее воспитательницей и очень много сделала для развития девочки.

К концу 1743 года судьба Фике была решена. В это время императрица Елизавета Петровна искала невесту для своего племянника и наследника престола великого князя Петра Федоровича. Среди множества принцесс из королевских и княжеских семейств Европы именно на Фике пал выбор капризной императрицы. Ангальт-Цербская принцесса

более всего устроила Елизавету Петровну, которая полагала, что такая девушка из знатной, но бедной семьи не избалована вниманием и богатством и поэтому не будет иметь при дворе «свою партию» и не окажет влияние на политику России. В начале 1744 года Фике вместе с матерью Иоганной Елизаветой приехала в Россию. Им был оказан самый теплый прием, невеста и ее мать оказались среди роскоши двора Елизаветы, в центре всеобщего внимания. Фике довольно быстро приспособилась к новой обстановке. Двадцать восьмого июня 1744 года она перешла в православие и навсегда стала Екатериной Алексеевной.

А вскоре великий князь Петр Федорович и Екатерина были повенчаны в Успенском соборе Московского Кремля. Жизнь молодых не задалась сразу же. Между супругами не сложилось близости, сердечной привязанности, как и многие годы не было интимных отношений. Петр, которому в момент свадьбы было 16 лет, отличался крайней инфантильностью, вовсе не обращал внимания на молодую жену, часто оставлял ее в одиночестве или в окружении невежественных и недоброжелательных к ней придворных. Постепенно Екатерина привыкла к своему положению и увлеклась чтением. Именно чтение стало подлинным университетом будущей великой императрицы. Сначала она читала романы, затем перешла к более серьезному чтению – журналам и энциклопедиям, содержащим всю премудрость того времени. Увлечение трудами французских просветителей Екатерина пронесла через всю жизнь и не без оснований считала, что они дали ей настоящее образование. С годами общительная и умная жена наследника престола сумела завоевать уважение наиболее умных и дальновидных людей. После рождения сына Павла в 1754 году Екатерина получила значительно больше, чем раньше, свободы, и вокруг нее сложился кружок придворной молодежи, появились друзья среди гвардейцев. Благодаря некоторым придворным – особенно Сергею Салтыкову, «который по части интриг был настоящий бес» (слова Екатерины) и Льву Нарышкину – она тайком выезжает из дворца, чтобы повидаться с друзьями, которых становится все больше, повеселиться, поговорить о делах. С ее политическими суждениями, которых она не скрывала, начинают считаться первейшие вельможи елизаветинского двора, такие как Шуваловы, фельдмаршал С. Апраксин, вице-канцлер М. И. Воронцов, братья Разумовские, а также канцлер А. П. Бестужев.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна.

Заглянем в источник

Не каждый знает, что при принятии православия во время крещения в церкви нужно ясно и четко произнести не только знаменитую молитву «Отче наш», но и молитву «Символ веры». Это одна из основ православия. Вот ее канонический текст:

«Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за ны (т. е. нас. – Е. А.) при Понтийстем Пилате и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную (справа. – Е. А.) Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь».

Канцлер, человек опытный, увидев, что Екатерина умна и, по его же словам, имеет «характер в высшей степени твердый и решительный», первым решился втянуть великую княгиню в свою политическую интригу. В середине 1750-х годов здоровье Елизаветы Петровны ухудшилось, и канцлер понимал, что после прихода к власти Петра III ему самому, последовательному врагу Пруссии, придет конец. Поэтому он и сделал ставку на Екатерину, увидев в ней личность, которая способна прийти к власти. Себе же Бестужев отводил роль

наставника и руководителя Екатерины. Он старался понравиться великой княгине. В частности, помог наладить ей тайную переписку с матерью (императрица Елизавета запретила Екатерине переписываться с родителями), всячески покровительствовал бурному роману Екатерины с красавцем С. А. Понятовским, который приезжал в Петербург в 1755 году вместе с английским посланником Ч. Г. Уильямсом, а потом вернулся в Россию в качестве посла Речи Посполитой.

Заговорщики опасались, что императрица Елизавета, умирая, подпишет завещание в пользу цесаревича Павла и сделает кого-то из Шуваловых регентом при малолетнем императоре, отстранив тем самым от престола и Петра, и Екатерину. Бестужев составил проект манифеста, согласно которому к власти приходила Екатерина как регентша при императоре Павле, а он, Бестужев, получал пост президента всех главных коллегий и командующего всеми гвардейскими полками. Честолюбивый канцлер, предлагая свой план Екатерине, даже не подозревал, что имеет дело со сложившимся политиком, уже не нуждавшимся в обучении и покровительстве.

Заговор против Петра III

Императрица Елизавета умерла 25 декабря 1760 года, мирно простившись с Екатериной и Петром, прося наследника любить маленького сына Павла. Без всяких проблем великий князь стал императором, а великая княгиня – императрицей. Но тревога Екатерины за будущее только усилилась, особенно после того, как стало ясно, что привязанность Петра к Елизавете Романовне Воронцовой сильна и глубока. Именно в этом и заключалась опасность для Екатерины. Елизавету Воронцову поддерживал весь влиятельный при дворе клан Воронцовых во главе с ее дядей – канцлером Михаилом Илларионовичем, который рвался к власти.

Шел июнь, двор переехал за город. Екатерина поселилась в Петергофе, а Петр жил в своем любимом Ораниенбауме. Двадцать восьмого июня, накануне дня своего тезоименитства (ведь 29-е июня – праздник святых Петра и Павла), он вместе с канцлером Воронцовым, прусским посланником, возвращенным из ссылки фельдмаршалом Б. Х. Минихом, девицей Воронцовой и прочими ближними дамами и кавалерами, отправился в Петергоф. Там должен был быть большой прием в Монплеzure. «По прибытии в Петергоф, – пишет очевидец событий Якоб Штелин, – дворец, в котором живет императрица, найден пустым, и с удивлением услышали, что императрица еще в пять часов утра потаенно уехала в Петербург»...

Легенды и слухи

«Неприличная» песня о Екатерине

Петр III не только не скрывал своей связи с Воронцовой, но и не раз высказывал намерения оставить опостылевшую ему супругу. Слухи о секретной подготовке некоей уютной келейки для разведенной императрицы в Шлиссельбургской крепости, неподалеку от тюрьмы Ивана Антоновича, ползли по столице. В письме барону Остену в июне 1761 года сама Екатерина писала: «Против меня замышляют ужасные вещи. Отец и дядя госпожи Воронцовой замышляли заточить меня и посадить ее на мое место». Опасения эти, как сказано выше, не были лишены основания. Этот, казалось бы, мелкий эпизод придворной жизни отразился в сознании народа. В 1766 в Москве была записана песня, бывшая, как писали шпионы, «между простым народом в употреблении». Песня была посвящена печальной судьбе императрицы и сочинена в жанре плача:

Мимо рощи шла однихоханька, однихоханька, маладехонька.

Никого в рощи не боялася я, ни вора, ни разбойничка, ни сера

волка –

зверя лютова,

Я боялася друга милова, своево мужа законнова,
Что гуляет мой сердешный друг в зеленом саду, в
полусадничке,
Ни с князьями, мой друг, ни с боярами, ни с дворцовыми
генералами,
Что гуляет мой сердешной друг со любимую своею
фрейлиной, с Лизаветою
Воронцовою,
Он и водит за праву руку, они думают крепку думушку,
крепку думушку,
за единое,
Что не так у них дума зделалась, что хотят они меня срубить,
сгубить...

Ко всем прочим проблемам Екатерина оказалась беременной от Орлова и держала это в тайне от Петра III. В апреле 1762 года она родила мальчика – сына Орлова (будущего Алексея Григорьевича Бобринского). Новорожденного тотчас тайно увезли из дворца в дом камердинера императрицы Шкурина. Друзья Екатерины предлагали не сидеть сложа руки и, пользуясь всеобщей ненавистью к Петру III, свергнуть его, заточить в каземат, чтобы самой править как самодержице или как регентше при малолетнем императоре Павле I. Ситуация начала лета 1762 года этому благоприятствовала: особенно негодовала армия и гвардия, которые должны были вскоре садиться на суда и плыть на войну с Данией. Российский император хотел отомстить ей за аннексию в 1702 году части Голштинского герцогства. О том, что эта война была непопулярна, как, впрочем, и прусского покроя мундиры, в которые переодели армию, много говорить не приходится. Екатерина знала, что она не одинока, и верные друзья пойдут за ней без колебаний – стоило только посмотреть на Орлова и его братьев. Кроме того, отдельно от Орловых Екатерина обсуждала вариант переворота с графом Кириллом Разумовским – влиятельнейшим сановником и командиром Измайловского полка, а также воспитателем наследника Никитой Паниным. Эти люди тоже были готовы поддержать Екатерину. Но, как бывает в подобных случаях, решиться на такое отчаянное дело, как переворот, было трудно. Для этого нужен был повод, толчок, после которого возврата назад уже не было бы. Им и стал инцидент на торжественном обеде 9 июня 1762 года, когда Петр III, разгневавшись на свою жену, в присутствии знати, генералитета, дипломатического корпуса крикнул ей через весь стол: «Folle!» («Дура!») «Только с этого дня, – писала потом Екатерина, – я начала склоняться на предложения, которые мне делались с самой кончины императрицы Елизаветы».

Дворцовый переворот. 1762

«Пора вставать, все готово, чтобы провозгласить вас!» – таковы были исторические слова, которыми Алексей Орлов рано утром 28 июня в Монплезире приветствовал внезапно разбуженную им Екатерину. Она тотчас встала, быстро оделась и вместе со своей фрейлиной Екатериной Шаргородской села в карету, которой управлял Орлов, и поехала в Петербург. Алехан (так звали Алексея Орлова близкие) кучером был отменным: от Петергофа до Автово он доставил императрицу за полтора часа. Там Алехан бережно передал ее, как ценную эстафету, брату Григорию, который уже поджидал карету с государыней. Они пересели в коляску и поехали в слободу Измайловского полка. Здесь коляску окружили измайловцы, оглушительно крича здравицы «матушке». Тут же полковой поп привел солдат и офицеров к присяге и, во главе со своим командиром графом Кириллом Разумовским, измайловцы двинулись за коляской к казармам других полков, которые один за другим переходили на

сторону императрицы. Отовсюду бежал народ: казалось, что происходил не государственный переворот, а триумфальное шествие, демонстрация победителей на Невском проспекте. На некоторое время шествие остановилось у Казанского собора для богослужения, а потом двинулось дальше. В Зимнем дворце императрицу уже ждало все «государство» – Сенат, Синод, чиновники, придворные, чтобы присягнуть в верности своей новой государыне. Энтузиазм солдат был так велик, что никакие заговорщики не сумели бы так быстро подготовить и доставить на Дворцовую площадь фуры с отменным Петром III елизаветинским обмундированием. Солдаты, не стесняясь дам, тут же начали переодеваться, бросая наземь ненавистные прусские мундиры. После отдыха и совещаний с доверенными лицами было решено кончать дело. Екатерина написала указ на имя Сената. В нем сказано, что она выходит в поход с войском, «чтоб утвердить и обнадежить престол, оставляя вам, яко верховному моему правительству, с полною доверенностью, под стражу: отечество, народ и сына моего». Конечным пунктом похода был Ораниенбаум, а противником – бывший уже император Петр III. Трудно вспомнить в истории нечто подобное: война жены против мужа.

Петр III не сумел проявить необходимых в этой критической ситуации качеств. Обнаружив бегство жены и поняв, что стоит за этим внезапным ночным отъездом, он растерялся, поддался панике, а главное – не сумел перехватить инициативу у противника. Он посылал в город людей из своей свиты и напрасно их ждал – все они тотчас переходили в стан императрицы. Не удалось императору привлечь на свою сторону и армейские полки, недолголюбивавшие гвардейцев. Не сумел он бежать в Прибалтику, где находились верные ему части. Когда вместе с приближенными он оправился на галере в Кронштадт, там уже заправлял заранее присланный эмиссар Екатерины II Талызин. Известие об этом повергло Петра III в уныние, и он, получив письмо Екатерины с требованием отречься от престола, дал свое согласие. Из его писем жене видно, что он слабо ориентировался в обстановке и имел какие-то несбыточные иллюзии относительно своей судьбы, надеялся на случай.

Отряд гвардейцев во главе с Алексеем Орловым доставил свергнутого императора в закрытой карете в охотничий дворец Ропша. Через несколько дней стало известно, что бывший император умер. Обстоятельства его смерти остаются тайной.

Легенды и слухи

Тайна смерти Петра III

Несомненно, Екатерина не отдавала приказ убить Петра. Но есть все основания полагать, что она и не предупредила эту трагедию, хотя сделать это могла. Письма А. Орлова из Ропши от 2 июля и 6 июля 1762 года – тому свидетельство. Второго июля Орлов писал:

«Матушка, милостивая государыня, здравствовать вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуску сего письма и со всею командою благополучны. Только наш (арестант, Петр. – Е. А.) очень занемог и схватила его нечаянная колика и я опасен, чтоб он сегоднешнюю ночь не умер, а больше опасаясь, чтоб не ожил».

И далее Орлов поясняет, в чем опасность выздоровления бывшего императора:

«Первая опасность для того, что он все вздор говорит и нам это нисколько не весело. Другая опасность, что он, действительно, для нас всех опасен для того, что он иногда так отзывается, хотя (т. е. желая. – Е. А.) в прежнее состояние быть».

В том-то и крылись истоки будущей трагедии, что Петра охраняли те, кто был непосредственно замешан в заговоре и свержении императора – тяжчайшем государственном преступлении. И эти люди, естественно, были заинтересованы в том, чтобы Петр исчез навсегда, а не угрожал им расправой по своему возвращению на трон, от чего им становилось «невесело». Екатерина не могла этого не понимать. Письмо Орлова от 2 июля более чем откровенно, и, тем не менее, императрица промолчала, тюремщиков в Ропше не поменяла, оставила все

как есть. Теперь о здоровье Петра.

Действительно, 30 июня он приболел – сказалось нервное потрясение предшествующих дней. Но прибывшие 3-го и 4-го июля врачи констатировали улучшение состояния больного. 6-го июля Орлов прислал императрице два последних письма. В первом говорилось:

«Матушка наша, милостивая государыня. Не знаю, что теперь начать. Боюсь гнева от Вашего величества, чтоб Вы чего на нас неистового подумать не изволили, и чтоб мы не были причиною смерти злодея Вашего и всей России, также и закона нашего. А теперь и тот приставленный к нему для услуги лакей Маслов занемог. А он (т. е. Петр. – Е. А.) сам теперь так болен, что не думаю, чтоб дожил до вечера и почти совсем уже в беспмятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорее с наших рук убрался. А оный же Маслов и посланный офицер может Вашему величеству донести, в каком он состоянии теперь, ежели Вы обо мне усумниться изволите».

Из этого письма следует, что дело явно неумолимо близится к развязке: утром вдруг «занемог» лакей бывшего царя Маслов, его удалили от господина и тем не менее привезли в Петербург, чтобы он подтвердил, как внезапно и сильно заболел Петр. Подозрительно, что сам Орлов – совсем не врач, поставил «диагноз» – больной до вечера не доживет. Этот «диагноз» более похож на приговор. Так и случилось – около 6 часов вечера пришло последнее письмо Орлова:

«Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не милуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал и как нам задумать поднять руку на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором (Бяратинским. – Е. А.), не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй, хоть для брата! Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил, прогневили тебя и погубили души навек».

Убийство совершилось. При каких обстоятельствах – не знает никто. Неслучайно Орлов просит не назначать расследования, так как «принес повинную». Расследования и не было. Иначе как можно объяснить противоречие двух последних писем Орлова за 6 июля: в первом говорится о смертельной болезни Петра, что тот «почти совсем уже в беспмятстве», а во втором сказано, что этот казался бы безнадежный больной как ни в чем не бывало пил со своими тюремщиками, вступил за столом в спор, а потом и в драку с Бяратинским... Екатерина эти «белые нитки» прекрасно видела, но она мыслила уже другими категориями. Смеем подозревать, что ей был важен конечный результат, и она его получила – Петр был мертв, проблемы свергнутого императора и ненавистного мужа более не существовало... Публично было объявлено, что бывший император скончался «от геморроидальных коллик».

Первые реформы Екатерины II

Царствование Екатерины II (1762–1796) стало временем непрерывных преобразований. Понятия «власть» и «реформы» в этот период оказались почти неотделимы. Преобразования были вызваны не только теми причинами, которые принято называть объективными (рост значения государства в жизни общества, реформирование несовершенных государственных и общественных структур), но и субъективными. И речь идет не только о вполне естественном желании новой императрицы укрепить свою личную власть, но и о присущей Екатерине потребности, ее глубоком желании воплотить в жизнь новые, передовые доктрины о новом отношении власти и общества, популярные в европейской «интеллектуальной державе» – сообществе ученых, писателей и политиков. В основе этих доктрин лежала идеология Просвещения. Екатерина широко использовала понятия и

принципы Просвещения. И это было не только демагогической уловкой «Гартюфа в юбке» (чего тоже отрицать полностью нельзя), но и важной частью мировоззрения, идеологии Екатерины II, ее образа мышления.

Русская императрица, несомненно, достойна восхищения – столь глубоки ее познания, смелы реформаторские замыслы, основательно их исполнение. Остается загадкой, как из провинциальной немецкой принцессы, получившей домашнее образование, обреченной судьбой и выбором императрицы Елизаветы с 14 лет быть лишь женой наследника престола, матерью его детей, вырос выдающийся деятель нашей истории, реформатор, вставший в один ряд с Петром Великим и Александром II. Естественно, что уроки царствования Петра III Екатерина II учла вполне. Как женщина умная, тонкая, она не только принимала во внимание общественное мнение, но и умело формировала его, направляла в нужное для себя русло. Между тем, придя на престол в результате путча, свергнув и убив мужа – законного императора, Екатерина оказалась в сложном положении. Проблема укрепления власти, завоевание авторитета как правителя в первые годы было для нее задачей первостепенной. Довольно скоро после прихода к власти Екатерина выяснила, что необходимы преобразования высшего звена управления.

Вначале мало сведущая в государственных делах императрица нуждалась в квалифицированной помощи опытных советников. Одновременно ее не устраивало место, которое занимал высший правительственный орган – Правительствующий сенат – в системе управления времен Елизаветы и Петра III. Екатерину явно не удовлетворял характер власти этого учреждения. В письме А. Вяземскому – новому генерал-прокурору Сената – императрица с ревностью писала, что Сенат «вышел из границ», что он присвоил не принадлежащее ему право издавать указы, раздавать чины, одним словом, делает «почти все». В этом было сознательное преувеличение императрицей законодательных возможностей Сената, о чем свидетельствует анализ его постановлений за многие десятилетия. Сенат всегда оставался послушным институтом самодержавия. Но Екатерину более волновали потенциальные возможности Сената как некоего правового центра, властной корпорации, «наработавшей» законодательную традицию и имевшей возможность оппонировать самодержавию. Нужный императрице результат – усиление императорской власти при ослаблении Сената – достигался, по мнению Екатерины, во-первых, созданием специального совета доверенных сановников-порученцев, во-вторых, реформой собственно Сената. Составить проект о Совете Екатерина поручила графу Н. И. Панину, занявшему в начале ее царствования видное место при дворе.

Проект Панина получился совершенно не таким, каким хотела его видеть Екатерина. В нем отразилось «аристократическое прочтение» русскими консерваторами просветительских идей о государстве. Панин, разделяя идеи И. И. Шувалова о необходимости введения в России неких «фундаментальных», непререкаемых законов, не выступал открытым противником самодержавия. Он лишь искал правовые гарантии от неизбежного в системе самодержавия произвола, господства, в ущерб государству и подданным, фаворитов, когда «в производстве дел действовала более сила персон, нежели власть мест государственных». Это была, действительно, серьезная политическая проблема. Вереница всевластных фаворитов прошла у современников перед глазами, да и у новой государыни сразу же появился свой фаворит Григорий Орлов с братьями. Но предложение Панина создать Императорский совет не понравилось императрице не только потому, что удар Панина метил в ее фаворита.

Панин предлагал для улучшения системы управления «разумно» разделить власть государыни «между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон», что позволило бы «оградить самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оных». Здесь-то Екатерина, по-видимому, и усмотрела угрозу самодержавной власти. Кажется, что это опасение имело под собой основания. Императорский совет в редакции Панина приобретал огромное значение в законодательстве. Одно из положений проекта учреждения Совета позволяло толковать его так, что императрица имела право подписывать указы

только после одобрения их Советом. Были и другие положения проекта, которые можно было толковать двояко.

Д. Г. Левицкий. Портрет Екатерины II в виде законодательницы в храме богини Правосудия.

Ознакомившись с проектом Панина, императрица поначалу подписала манифест о создании Императорского совета, но вскоре одумалась и, подобно Анне Иоанновне в 1730 году, порвала его, точнее, оторвала у документа его нижнюю часть, где была ее подпись. Пятнадцатого декабря 1763 года появился манифест, в котором о Совете не сказано ни слова, зато Сенат был поделен на шесть департаментов и в системе управления была резко усилена роль доверенного лица императрицы – генерал-прокурора Сената, который видел полномочия Сената так, как хотела видеть их и Екатерина: «Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных».

В. Боровиковский. Портрет графа Н. И. Панина.

Мятеж Мировича и убийство Ивана Антоновича

В ночь с 5 на 6 июля 1764 года в Шлиссельбургской крепости вдруг начался бой. Инициатором сражения был один из офицеров охраны крепости, подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович. С отрядом солдат, которых он подбил на бунт, Мирович пытался захватить особую тюрьму, в которой содержали секретнейшего узника. Во время боя, развернувшегося между отрядом мятежников и охраной секретного узника, погибло несколько солдат и был убит этот самый секретный узник русской истории. Мирович, узнав о смерти узника, сдался на милость властей и был тотчас арестован. Все подбитые им на бунт солдаты были также схвачены. Началось расследование страшного преступления...

Действующие лица

Братья Никита и Петр Панины

Братья Панины (Никита родился в 1718 году, а Петр – в 1721) происходили из вполне благополучной семьи не особенно богатых дворян, получили довольно хорошее домашнее образование. Поначалу оба пошли по военной стезе. За пустяшную провинность гвардеец Петр Иванович Панин был отправлен в армейский полк, в действующую армию на турецкую войну, под Очаков, и, пройдя это горнило, превратился в профессионального военного. Никита, также начав службу при дворе, стал жертвой придворных интриг и был направлен в дипломатическую миссию в Стокгольм, где провел много лет и благодаря этому хорошо изучил дипломатическое ремесло. Пока Никита сидел посланником в Стокгольме и изучал политический строй Швеции, Петр Панин маршировал со своей ротой, потом долгие годы командовал полком и к началу Семилетней войны в 1756 году дослужился до генерала. Он блестяще проявил себя в Гросс-Егерсдорфском сражении, но особенно хорош оказался в сражении при Цорндорфе... В 1762 году он был назначен генерал-губернатором Восточной

Пруссии. Когда к власти пришла Екатерина II, она была довольна Паниным, который тотчас привел к присяге вверенные ему войска и за верность получил чин полного генерала.

По внешности и привычкам это был военный человек. У него была семья. После смерти первой жены, родившей ему 17 детей, он женился вторично. Вторая жена родила ему еще пятерых отпрысков. Впрочем, семья для него всегда была второстепенным делом по сравнению с войной. При всей прямолинейности, негибкости своей натуры он во всем подчинялся своему старшему брату Никите.

В 1760 году судьба Никиты резко переменилась. Его отозвали в Петербург и назначили воспитателем цесаревича Павла Петровича. Место воспитателя наследника почетно всегда – ведь в его руках будущее России. К тому же место это оказалось политически важным. До самой смерти императрицы Елизаветы было неясно, кому она отдаст трон – племяннику Петру Федоровичу или прямо его сыну Павлу Петровичу, которого государыня особенно любила. Панин не хотел рисковать ни ребенком, ни своей карьерой. Он договорился с матерью Павла Екатериной и согласился – при необходимости – поддержать именно ее претензии на власть. Тем самым он обеспечил себе – после прихода к власти Екатерины – безбедную жизнь на будущее.

По характеру Никита Панин был противоположностью своего прямого, цельного как кремень брата Петра, похожего на римского центуриона. Гаррис, английский посланник, так писал о нем: «Добрая натура, огромное тщеславие и необыкновенная неподвижность – вот три отличительные черты характера Панина». Почти все современники отмечают эти черты Панина. Добрый, нежадный Панин не трясся над деньгами. Он любил жизнь, удовольствия, обожал приударить за симпатичной дамочкой и особо любил сладко покушать. Современники Панина, как один, сообщают нам о его «неподвижности», лени. Екатерина II в шутку писала, что Панин обязательно умрет, если куда-нибудь поспешит. Но не будем обольщаться. Крокодил тоже порой кажется ленивым... Это была форма внешней жизни Панина и его маска. Ленивый с виду Панин был замечательным дипломатом. Неопытная поначалу Екатерина II тотчас же ухватила за Никиту Ивановича, сделала его руководителем внешней политики. Он оправдал ее надежды: умел мыслить системно, глобально, и Екатерине было чему поучиться у Панина. Не менее десятка лет бок о бок с Екатериной он определял внешнюю политику России, стал создателем так называемой Северной системы – союза северных государств во главе с Пруссией и Россией.

Так, силой обстоятельств Екатерина и братья Панины оказались «в одной лодке». Младший, генерал, был своим человеком в армии, старший знал, как вести дела внешние, да и во внутренних отлично разбирался.

Все это время Никита был воспитателем наследника. Некоторые считают, что Панин был плохим воспитателем. Он не держал мальчика в ежовых рукавицах, возбуждал его чувственность, говорил в его присутствии о своих любовных романах, рассказывал ему о похождениях Казановы. Но это была эпоха Просвещения, эпоха Руссо, когда считалось, что ребенок должен развиваться свободно, в гармонии с миром и собой. И в этом смысле Панин был хорошим воспитателем, он не мучил мальчика назойливым надзором. Но у Панина-педагога была мечта, о которой поначалу мало кто догадывался. Он хотел вложить в душу Павла дорогие для него политические принципы и идеалы. Простой, доброжелательный, немного потешный, но необыкновенно умный и тонкий, он заменял Павлу отца и мать...

По мысли Панина, Павел должен был стать необыкновенным императором, который ограничил бы собственную власть, в корне изменил бы политический строй России, смог бы раз и навсегда избавить страну от самодержавия, точнее – от самовластия. Неудача с проектом реформы Сената в 1763 году огорчила Панина, но не очень. У него был козырной туз – наследник русского престола...

Идеи, которые внушал Павлу Панин, отражены в завещании, которое он, умирая в 1783 году, оставил для своего воспитанника. Оно называлось «Рассуждение о непременных законах». «Верховная власть, – сказано там, –

вручается государю для единого блага его подданных. Государь – подобие Бога, преемник на земле высшей его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановляя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем. Без сих правил, без непрременных государственных законов не прочно ни состояние государства, ни состояние государя».

Павел рос, впитывая как губка идеи Панина. Направленность этих идей, да и само влияние Паниных на юношу не нравились Екатерине, ее фавориту Орлову и его братьям, которые интриговали против него. А так как он сам был большой мастер интриги, то завязалась упорная подковерная борьба... Кончилась она тем, что в 1771 году, как только Павлу исполнилось 17 лет, Панина отстранили от него и, в сущности, отлучили от двора. У его брата Петра в начале 1770-х годов появились серьезные проблемы. Тогда он жил в Москве, в отставке, которую попросил, будучи обойден наградами во время Русско-турецкой войны. Панин уехал в Москву, где повел себя довольно резко, стал центром московской фронды, вел себя вызывающе, открыто критикуя политику Екатерины II, а главное, нравы при дворе и поведение ее сподвижников, что вызывало гнев государыни, получавшей донесения агентов о «болтаниях» Панина. Спасая репутацию брата, Никита добился, чтобы Петр был послан на подавление вспыхнувшего тогда восстания Пугачева. Бунт был подавлен, Панин отличился, но... тотчас был уволен со службы. Императрица оказалась злопамятна...

Никита Иванович брату помочь ничем не мог. Отстраненный от Павла, потерявший доверие императрицы, он хандрил и в 1783 году тихо скончался, лишенный всякой власти и влияния. А что же Петр Иванович? Он жил в Москве, вдали от дел, тоскуя о брате. До самой своей смерти в 1789 году он вел переписку с Павлом. Известно, что он так и не передал наследнику упомянутое политическое завещание брата – проект конституционной реформы, не исполнил воли брата, как свято ни чтил ее. Почему? Из писем Павла он понял, что у Павла уже нет «сердечного примышления к истинному благу». Панин был умным человеком, он наблюдал, как менялся Павел, как течение жизни вымывает из души прежде восторженного сторонника либерализма семени, некогда посеянные братом Никитой. Им не было суждено взойти...

Но кто же был этот узник? Это была страшная государственная тайна, но все в России знали, что узником был русский император Иван Антонович, проведенный в заточении почти четверть века. 25 ноября 1741 года цесаревна Елизавета Петровна свергла Ивана Антоновича. После этого начался крестный путь семьи Ивана Антоновича по тюрьмам. Сначала их держали под Ригой, потом в Воронежской губернии, в Раненбурге. Здесь родителей разлучили с четырехлетним мальчиком. Под именем Григория капитан Миллер повез его на Соловки, но из-за осенней непогоды добрался только до Холмогор, где его поместили в бывшем доме местного архиерея. Здесь, в Холмогорах, мальчика и посадили в одиночную камеру, и отныне он видел только слуг и охранников.

О бывшем императоре Иване Антоновиче было запрещено даже упоминать. Только за произнесение имени «Иванушки» (так его называли в народе) следовали пытки в Тайной канцелярии и ссылка в Сибирь. Его имя было запрещено упоминать в государственных бумагах и в частных разговорах. В борьбе с памятью о своем предшественнике императрица Елизавета Петровна прибегла к удивительному, но, впрочем, знакомому нам способу борьбы с исторической памятью. Императорским указом было предписано изъять из обращения все монеты с его изображением, уничтожить все портреты императора Ивана. Если среди тысяч монет, привезенных в казначейство в бочках, обнаруживался рублевик с изображением опального императора, каждый раз начиналось следствие. Всем было предписано вырвать титульные страницы книг, посвященных императору-младенцу, предписано собрать все до последнего опубликованные указы, выдрать из всех государственных сборников и журналов учреждений все протоколы и докладные записки с упоминанием имени Ивана VI

Антоновича. Эти бумаги были тщательно запечатаны и спрятаны в Тайной канцелярии. Так в русской истории образовалась огромная «дыра» с 19 октября 1740 года, когда он вступил на трон, и до 25 ноября 1741 года. По всем бумагам получалось, что после окончания царствования императрицы Анны Иоанновны сразу же наступило славное царствование Елизаветы Петровны. Ну, уж если никак было нельзя обойтись без упоминания о времени правления Ивана VI, то прибегали к эвфемизму: «В правление известной особы». В 1888 году историки опубликовали два огромных тома бумаг царствования Ивана Антоновича. Это была своеобразная документальная «фотография» эпохи.

Анна Леопольдовна с императором Иваном Антоновичем на руках.

Однако, как обычно в России, самая большая тайна была всегда известна всем. Стоило только побывать на холмогорском или шлиссельбургском базаре. Там или в ближайшем кабаке за полуштофом водки любопытствующему сразу же рассказали бы, кого так тщательно оберегают в тюрьме и за что. Все ведь давно знали, что держат Иванушку за верность «старой вере», и страдает он, естественно, за народ. Известное дело, за что же так мучить человека?

Этот «династический грех» не давал покоя ни Елизавете Петровне, ни пришедшему ей на смену Петру III, ни Екатерине II. И все эти самодержцы непременно хотели увидеть таинственного узника. Так случилось, что в своей жизни Иван Антонович видел только трех женщин – свою мать правительницу Анну Леопольдовну и двух императриц! Да и то Елизавета при встрече с ним в 1757 году (Ивана привезли в закрытой кибитке в Петербург) была одета в мужское платье. В марте 1762 года император Петр III сам отправился в Шлиссельбург, под видом инспектора вошел в камеру узника и даже разговаривал с ним. Из этого разговора стало ясно, что узник помнит, что он совсем не Григорий, а принц или император. Это неприятно поразило Петра III. Он-то думал, что узник сумасшедший, беспамятный, больной человек. Екатерина II, придя к власти, тоже, движимая любопытством, отправилась в Шлиссельбург в августе 1762 года, чтобы посмотреть на секретного узника и, возможно, поговорить с ним. Нет сомнения, что Иван Антонович производил тяжкое впечатление на посетителей своим диким видом, его жизненный опыт

был деформированным и дефектным. Двадцать лет заключения в одиночке искалечили его. Ребенок – не котенок, который и в пустой комнате вырастает котом. Четырехлетний же малыш оказался заброшен людьми, никто не занимался его воспитанием, он не знал ласки, доброты, и вообще... он жил в клетке. Известно, что офицеры охраны, люди невежественные и грубые, со злости и от скуки дразнили Иванушку, как собаку, били его и сажали «за непослушание» на цепь. Как справедливо писал М. А. Корф, автор книги об Иване Антоновиче, «до самого конца жизнь его представляла одну нескончаемую цепь мучений и страданий всякого рода». И все же, в глубине его сознания навсегда сохранилась память о раннем детстве и страшной, похожей на сон истории его похищения и переименования. В 1759 году один из охранников сообщал в своем рапорте: «Арестанта, кто он, спрашивал, на что прежде сказал, что он человек великий и один подлый офицер то от него отнял и имя переименовал». Как тут не вспомнить капитана Миллера, отнявшего ребенка у родителей в 1744 году и назвавшего мальчика Григорием. Позже Екатерина писала, что она приехала в Шлиссельбург, чтобы увидеть принца и, «узнав его душевные свойства, и жизнь ему по природным его качествам и воспитанию определить спокойную». Но якобы ее постигла полная неудача, ибо «с чувствительностью нашею увидели в нем, кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычия (Иван сильно заикался и, чтобы внятно говорить, поддерживал рукой подбородок. – Е. А.), лишение разума и смысла человеческого». Поэтому, считала государыня, никакой помощи несчастному оказать невозможно, и для него не было ничего лучшего, как остаться в каземате. Вывод о безумии Иванушки делался не на основании исследований врачей, а по донесениям охраны. Какими психиатрами бывают охранники, мы хорошо знаем из советской истории. Профессиональные же врачи к Ивану Антоновичу никогда не допускались. Словом, гуманная императрица так и оставила узника догнивать в сырой, темной казарме. Третьего августа 1762 года, после отъезда императрицы из Шлиссельбурга, охранники секретного узника, офицеры Власьев и Чекин, получили новую инструкцию.

Заметки на полях

Вообще, это страшная история. Живого и веселого мальчика все его детство, всю его юность непрерывно держали в наглухо закрытой комнате. У него не было игрушек, игр, он никогда не видел цветов, птиц, животных, деревьев. Он не знал, что такое день – в камере окна были густо замазаны краской, и круглые сутки горели свечи. Раз в неделю, под покровом ночной темноты, его выводили в баню во дворе архиерейского дома, и он, вероятно, думал, что на дворе всегда стоит ночь. А за стенами камеры Ивана, в другой части дома, поселили его родителей, братьев и сестер, которые родились уже после него, и которых он так никогда и не увидел.

Императрица Елизавета никогда не отдавала приказа убить Ивана, но делала все, чтобы он умер. Императрица запретила учить его грамоте, а когда он 8-ми лет заболел оспой и корью, охрана запросила Петербург, можно ли пригласить к тяжело больному доктора? Последовал указ: доктора к узнику не допускать! Но Иван поправился на свою беду... В 1756 году 24-летнего заключенного внезапно перевезли из Холмогор в Шлиссельбург и поселили в отдельной, строго охраняемой казарме. Охране были даны строжайшие предписания не допускать посторонних к узнику Григорию. За узником непрерывно наблюдал дежурный офицер. Когда приходили слуги убирать в помещении, Григория заводили за ширму. Это была полная изоляция от мира...

Заглянем в источник

В данной Екатериной инструкции (в явном противоречии с приведенным выше утверждением императрицы о безумии узника) было сказано, что с Григорием нужно вести разговоры такие, «чтоб в нем возбуждать склонность к духовному чину, то есть к монашеству... толкая ему, что житие его Богом уже

определено к иночеству и что вся его жизнь так происходила, что ему поспешать надобно себе испрашивать пострижение».

Вряд ли с сумасшедшим, «лишенным разума и смысла человеческого», можно вести такие высокие разговоры о пострижении в монахи. Крайне важно, что в эту инструкцию, в отличие от предыдущих подобных документов, был внесен и такой пункт:

«4) Ежели, паче чаяния, случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя бы офицер... и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать... Бude же оная сильна будет рука, что спастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать...»

Так сказать, на всякий случай!

Попытка освобождения Ивана Антоновича, предпринятая ровно через два года после этого, была как будто угадана авторами инструкции 1762 года. Как по написанному сценарию, появился неизвестный офицер с командой, бумаг необходимых охране не предъявил, завязался бой, нападавшие усилили натиск и, видя, «что оная сильна будет рука», Власьев и чекин кинулись в камеру. Они, как сообщал современник, «напали с обнаженными шпагами на несчастного принца, который к этому времени проснулся от шума и вскочил из постели. Он защищался от их ударов и, хотя был ранен в руку, но сломал одному из них шпагу; тогда, не имея никакого оружия и почти совершенно нагой, он продолжал сильно сопротивляться, пока, наконец, они его не одолели и не изранили во многих местах. Тут, наконец, он был окончательно умерщвлен одним из офицеров, который проколол его насквозь сзади».

Как бы то ни было, свершилось дело темное и нечистое. Есть основания подозревать Екатерину II и ее окружение в стремлении уничтожить Ивана Антоновича, который, при всей его беззащитности, оставался для царствующей императрицы опасным соперником, ибо был законным государем, в 1741 году незаконно свергнутым Елизаветой. В обществе ходили благожелательные слухи об Иване Антоновиче. В 1763 году был вскрыт заговор, участники которого предполагали убить Григория Орлова, фаворита императрицы, и поженить Ивана Антоновича и Екатерину, чтобы тем самым закрыть долгий династический спор. Такие планы заговорщиков явно не нравились ни Орлову, ни самой Екатерине. В общем, был человек, и была проблема...

Развязка в Шлиссельбурге, несомненно, обрадовала Екатерину II и ее окружение. Никита Панин писал императрице, которая в это время была в Лифляндии: «Дело было произведено отчаянною ухваткою, которое несказанно похвальною резолюциею капитана Власьева и поручика Чекина пресечено». Екатерина II отвечала с откровенной радостью: «Я с великим удивлением читала ваши рапорты и все дивы, происшедшия в Шлиссельбурге: руководство Божие чудное и неиспытанное есть!». Получается, что государыня была довольна... Зная Екатерину II как человека гуманного и либерального, даже соглашаясь с тем, что она не была причастна к драме на острове, все-таки согласимся, что объективно смерть Ивана была выгодна ей – нет человека, нет проблемы! Ведь совсем недавно, летом 1762 года в Петербурге передавали друг другу шутку фельдмаршала Миниха, сказавшего, что никогда не жил при трех императорах одновременно: один сидит в Шлиссельбурге, другой в Ропше, а третья в Зимнем. Теперь, после смерти Петра III «от геморроидальных коллик» и гибели Иванушки, шутить об этом уже никто не будет.

Легенды и слухи

Миссия Василия Мировича

Тут-то и появился подпоручик Василий Мирович – бедный, нервный, обиженный, честолюбивый молодой человек. Когда-то его предка, сподвижника Мазепы, сослали в Сибирь, и он хотел восстановить справедливость и вернуть прежние богатства семьи. Когда Мирович обратился за помощью к своему влиятельному земляку, гетману Кириллу Разумовскому, то получил от него не деньги, а совет – сам прокладывай себе дорогу, подражай другим, старайся

схватить Фортуна за чуб и станешь таким же паном, как и другие! После этого Минович и задумал освободить Ивана Антоновича, отвезти его в Петербург и поднять мятеж. Однако дело сорвалось, что некоторым историкам кажется вполне естественным, так как они считают, что Минович пал жертвой провокации, в результате которой погиб опасный для Екатерины соперник. Поняв, что дело проиграно, Минович сдался коменданту крепости.

Когда судили Миновича, то среди судей неожиданно вспыхнул спор: как могли офицеры охраны поднять руку на царственного узника, пролить царскую кровь? Но тут оказалось, что от судей была утаена инструкция 3 августа 1762 года, данная Власьеву и чекину и предписывавшая умертвить узника при попытке его освобождения. Однако судьи, не зная об инструкции, были убеждены, что Власьев и чекин поступили столь жестоко по собственной инициативе, а не выполняли приказ. Спрашивается, зачем властям нужно было утаивать эту инструкцию от суда?

Заметки на полях

Произошедшее в Шлиссельбурге вновь ставит извечную проблему соответствия морали и политики. Две правды – божеская и государственная – сталкиваются тут в неразрешимом, страшном конфликте. Получается так, что смертный грех убийства невинного человека может быть оправдан, если это предусматривает инструкция, если грех этот совершается во имя государственной безопасности. И этому люди, вполне гуманные и порядочные, радуются. (Не говорим уж о радости и поздравлениях по поводу тайного убийства преступника.) Но, справедливости ради, мы не можем игнорировать и слова Екатерины, которая писала, что Власьев и чекин сумели «пресечь пресечением жизни одного, к несчастью рожденного», неизбежные бесчисленные жертвы, которые несомненно воспоследовали бы в случае удачи мятежа Миновича. Действительно, трудно представить, какие реки крови потекли бы по улицам Петербурга, если бы Минович привез Ивана Антоновича (как он предполагал) в Литейную слободу и захватил бы там пушки, поднял бы на мятеж солдат, мастеровых... И это в центре огромного, густонаселенного города.

Следствие по делу Миновича было недолгим, а главное – необыкновенно гуманным, что для дел подобного рода того времени кажется странным. Екатерина II запретила пытаться Миновича, не позволила допросить многих его знакомых и даже брата арестанта, отделавшись шуткой: «Брат мой, а ум свой». Обычно же на следствии в политической полиции родственники становились первыми из подозреваемых в пособничестве преступнику. Минович держался необыкновенно спокойно и даже весело. Складывалось впечатление, что он получил какие-то заверения относительно своей безопасности. Он был спокоен, когда его вывели на эшафот, построенный на Обжорке – грязной площади у нынешнего Сытного рынка в Петербурге. Собравшиеся на казнь несметные толпы народа были убеждены, что преступника помилуют. Ведь уже больше двадцати лет людей в России не казнили. Палач поднял топор, толпа замерла...

Принято, что в этот момент секретарь на эшафоте останавливал экзекуцию и оглашал указ о помиловании, жалуя, как тогда говорили, «вместо смерти живот». Но этого не произошло, секретарь молчал, топор обрушился на шею Миновича, и голова его тотчас была поднята палачом за волосы. Теперь известно, что казнь должна была непременно состояться. Накануне экзекуции палачи долго тренировались на бойне – вострили навык на баранах и телятах. Народ же, как писал Г. Р. Державин, бывший очевидцем казни, «ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились». Люди попадали в Кронверский крепостной ров. Истинно, концы были схоронены в воду... а также в землю. Ведь еще раньше казни Миновича Екатерина распорядилась закопать тело Иванушки тайно, где-нибудь в крепости.

Заглянем в источник

Осенью 1764 года Н. И. Панин разослал русским послам особый циркуляр с информацией о случившемся в Шлиссельбурге. Если наш читатель не ознакомился с предыдущим этой врезке текстом, то содержание циркуляра может вызывать у него только недоумение.

В преамбуле документа указана его цель – опровергать тех, кто поливает Россию грязью:

«Случившееся в ночи с 4-го на 5-е число в Шлиссельбургской крепости происшествие, хотя и не имеет по себе никаких следствий, но в самом существе своем столько странно, что по неизвестности в публике прямых дела обстоятельств, без сомнения, должно из оногo ожидать многих пустых, а может быть и ненавистнейших еще толков между теми, кои благополучию Российскому завидуют. Для предупреждения сего неудобства и отвращения по тому всех худых действий, кои могли бы иногда противники клеветами своими по крайней мере на первое время воспричинствовать, не хотел я оставить, чтобы не уведомить вас предварительно об истинности происшедствия и о его причине, что и будет уже служить вам основанием и руководством к испровержению всяких затеваемых лжесей».

Далее Панин пишет о некоем узнике:

Содержался от некоторого времени в той крепости один арестант под именем Безымяннаго, которой в причине такого своего ареста соединял со штатским резонном резон и совершеннаго юродства в своем уме, и потому был поручен особливому хранению двух состарившихся в службе обер-офицеров, при которых под их команду был малый от гарнизона пикет.

Можно представить себе задумчивость русских посланников, никогда не слышавших о каком-то особо охраняемом узнике «Безымянном», и вообще, как понять, что это за «штатский резон» в сочетании с «резонном совершенного юродства»?

Теперь – о сути произошедшего:

Стоящий же в крепости на недельном карауле подпоручик, узнав то место, где арестант содержится, принял бесполезное, но отчаянное намерение освободить его и для того, встревожа ночью весь свой караул и объявля солдатам им самим сочиненный подложный Его императорского величества именной указ, который будто скорейшаго требовал исполнения, повел их к квартире коменданта и его арестовал, а потом атаковал оружием и место арестантово, но, получа такое супротивление своему изменческому предприятию, какова только от верных и заслуженных офицеров ожидать было должно, наконец, взят и арестован тою своею собственною командою, коя тогда из супротивления ясно увидала, что командир их начинал своевольно дело безответственное и противное должности и присяге его.

Как видит читатель, об убийстве секретного узника в циркуляре ничего не сказано.

Теперь – о мотивах совершенного:

Как по сему главному, так и по всем другим обстоятельствам видно весьма, что предприятие караульного подпоручика не было следствием какого-либо знатного заговора, но единственно происходило от собственного его побуждения или, лучше сказать, от отчаяния молодого, промотавшегося и оттого в фанатизм впавшего человека, каков он оказался и по другим его ныне открытым частным делам.

Как это понять: «...от отчаяния молодого, промотавшегося» человека и почему он вдруг «впал в фанатизм»?

Вконец запутавшийся в циркуляре, русский посланник, вероятно, брал лежавшую у него на столе гамбургскую или лондонскую газету и читал в ней примерно следующее:

В ночь с 14 на 15 августа 1764 года (по русскому календарю – с 4 на 5 августа) подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Минович подговорил солдат своей команды к мятежу. Во главе них он пытался освободить содержащегося в особой казарме в

Шлиссельбургской крепости (расположенной на острове в самом устье Невы при выходе ее из Ладожского озера) бывшего русского императора Ивана VI. Однако охрана казармы оказала мятежникам сопротивление и, видя превосходящие силы наступающих, убила знатного узника. Некоторые поговаривают, что как попытка мятежа, так и убийство знатного узника подстроены властями и что императрица специально на это время уехала в Лифляндию.

Прочитав подобный текст, он теперь мог спокойно опровергать различные гнусные измышления врагов России, которые «благополучию Российскому завидуют».

Уложенная комиссия и Наказ Екатерины II

Предпринятые в 1763 году реформы показали Екатерине II неудачными. Она решила, как некоторые из ее предшественников на троне, обратиться к обществу, созвать комиссию из депутатов, выбранных народом во всех губерниях, и поручить этой комиссии разработку необходимых стране законов. При этом Екатерина II чувствовала потребность в некоем обобщающем теоретическом документе, который осмыслял бы все необходимые перемены и предназначался для этой Комиссии. И она засела за работу. Наказ Комиссии для сочинения нового Уложения, написанный самой императрицей в 1764–1766 годах, представлял собой талантливую компиляцию из работ французских и английских правоведов и философов. В основу сочинения были положены идеи Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Э. Люзака и других французских просветителей. Почти сразу же в Наказе утверждается, что для России с ее пространствами и особенностями народа никакой иной формы, кроме самодержавия, быть не может. При этом провозглашалось, что государь должен править в соответствии с законами, что законы должны опираться на принципы разума, здравого смысла, что они должны нести в себе добро и общественную пользу и что все граждане должны быть равны перед законом. Там же было выражено первое в России определение свободы: «право все то делать, что законы дозволяют». Впервые в России провозглашалось право преступника на защиту, сказано было о презумпции невиновности, о недопустимости пыток и о допущении смертной казни лишь в особых случаях. В Наказе сказано, что право собственности должно быть защищено законом, что подданных нужно воспитывать в духе законов, христианской любви. В Наказе были провозглашены такие идеи, которые были новыми в тогдашней России, хотя теперь они кажутся простыми, известными, но, увы, подчас не исполняемыми и до сих пор: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»; «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют»; «Приговоры судей должны быть народу ведомы, так как и доказательства преступлений, чтоб всяк из граждан мог сказать, что он живет под защитою закона»; «Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей, прежде нежели доказано будет, что он нарушил оные»; «Сделайте, чтоб люди боялись законов и никого бы, кроме их, не боялись». И хотя в Наказе не говорилось о необходимости отмены крепостного права, мысль о естественном праве людей на свободу от рождения в Наказе проведена довольно отчетливо. Вообще же, некоторые идеи Наказа – произведения, написанного самодержицей, были необыкновенно смелы и вызвали восторг многих передовых людей.

Реформируемая по идеям Екатерины II система государственных учреждений – суть лишь механизмы реализации верховной воли просвещенного самодержца. Нет и следа учреждений, которые могли бы в чем-то оппонировать верховной власти. Сам государь должен «хранить» законы, наблюдать за их соблюдением. Так принцип самодержавия, то есть неограниченной власти, был первым и основным принципом государственного строительства Екатерины II, незыблемо лежал в основе реформируемого ею политического режима.

Наказ не стал официальным документом, законом, но его влияние на законодательство было значительным, так как это была программа, которую Екатерина II хотела бы воплотить в жизнь.

В Европе Наказ принес Екатерине II славу либерального правителя, и во Франции Наказ был даже запрещен. Наказ, как уже сказано, был предназначен для созданной со всей страны Комиссии для сочинения Уложения. Именно в ее деятельности первоначально предполагалось реализовать идеи Наказа. Нельзя сказать, что сама мысль о Комиссии была особенно новой. Такие комиссии почти непрерывно существовали в течение XVIII века. Они рассматривали законодательные проекты, привлекали с мест представителей, обсуждали их мнения. Но разные причины мешали этим комиссиям сделать заново свод законов на смену Соборного уложения 1649 года – кодекса, который использовался в судебной практике даже во времена Екатерины II.

Заглянем в источник

Когда императрица писала Наказ, то главным направлением ее реформаторской мысли было обоснование концепции незыблемого по своей сути самодержавия новыми идеологическими и правовыми доводами, помимо тех, которые уже давно использовались русским правом и публицистикой XVIII века (теологическое обоснование – власть царя от Бога), концепция харизматического лидера – «Отца (или Матери) Отечества». При Екатерине II появляется популярный на Западе «географический аргумент», обосновывающий самодержавие как единственно приемлемую форму правления для страны таких масштабов, как Россия. В Наказе сказано:

«Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно с пространством толь великого государства... Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оными правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое... Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно... Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим... Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большего ото всех добра».

Во многом благодаря Наказу Екатерины, открывшему новую страницу в истории русского права, и многочисленным законам, вытекавшим из принципов Наказа, в России осуществилась правовая регламентация самодержавия. В следующем, XIX веке она отлилась в формулу 47 статьи «Основных законов Российской империи», согласно которой Россия управлялась «на твердом основании положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих».

Как раз разработка комплекса правовых норм, обосновавших и развивших первейший «фундаментальный» закон – монарх является «источником всякой государственной власти» (ст. 19 Наказа), и стала главной задачей Екатерины. Просветительская концепция самодержавия включала признание основой жизни общества законность, законы, установленные просвещенным монархом. «Библия Просвещения» – книга «Дух законов» Монтескье утверждала: если монарх намерен просвещать подданных, то это невозможно осуществить без «прочных, установленных законов». Это и делала Екатерина. Согласно ее идеям, закон пишется не для монарха. Единственным ограничением его власти могут служить его же высокие моральные качества, образованность. Просвещенный монарх, обладая высокой культурой, думая о подданных, не может поступать как неотесанный тиран или капризный деспот. Юридически это выражается, согласно 512 статье Наказа, словами о том, что власть просвещенного государя ограничивается «пределами, себе ею ж самой положенными».

Уложенная комиссия собралась в 1767 году в Москве. В ее работе участвовали 564 депутата, более трети из них были дворянами. Делегатов от крепостных крестьян в Комиссии не было. Однако речи против помещичьего всевластия и непомерной тяжести повинностей

крепостных прозвучали. Это были выступления Г. Коробьева, Я. Козельского, А. Маслова. Последний докладчик даже предлагал передать ведение крепостных в специальное государственное учреждение, из которого помещики получали бы свои доходы. Однако большинство депутатов были за сохранение крепостного права. Екатерина II, несмотря на ее понимание всей порочности крепостной зависимости, не выступила против существующего социального порядка. Она понимала, что для самодержавной власти попытка ликвидировать или даже смягчить крепостное право будет смертельна. Заседания Комиссии, как и ее подкомитетов, быстро выявили огромные противоречия между сословиями. Недворяне настаивали на своем праве покупать крепостных, а дворяне считали это право своей монополией. Купцы и предприниматели, со своей стороны, были резко настроены против дворян, которые заводили заводы, вели торговлю и, тем самым, «вторгались» в сословные занятия купечества. Да и в дворянской среде не было единства. Аристократы и родовитые дворяне выступали против «выскочек» – выслужившихся из низов согласно Табели о рангах, и требовали отмены этого петровского акта. Дворяне великорусских губерний спорили о правах с прибалтийскими немцами, которые им казались большими. Сибирские дворяне, в свою очередь, хотели таких же прав, которыми обладали великорусские дворяне. Дискуссии часто выливались в ссоры. Выступавшие, заботясь о своем сословии, часто не думали об общем деле. Одним словом, депутаты были не в состоянии преодолеть разногласия и искать согласие ради выработки общих принципов, на которых бы и строились законы. Проработав полтора года, Комиссия не утвердила ни одного закона. В конце 1768 года, воспользовавшись началом войны с Турцией, Екатерина II распустила Комиссию. Однако ее материалы императрица-законодательница долгие годы широко использовала в своей работе. Комиссия так и не приняла нового Уложения. Возможно, причина неудачи крылась в организации работы Комиссии, точнее – в отсутствии рабочей атмосферы, которую было трудно создать в таком грандиозном и пестром собрании представителей разных социальных, региональных и национальных групп делегатов, раздираемых противоречиями. Да и собравшиеся в Кремле законодатели не были подготовлены к сложной работе. Возможно, что и вообще для таких универсальных сводов законов прошло время. Нужна была уже иная, целостная система правовых кодексов, которые объединяла бы одна генеральная идея. По этому пути и пошла Екатерина II. Подготовка к работе Уложенной комиссии и сама работа ее, ничем не закончившаяся, оказали Екатерине II большую услугу: дали пищу для законодательной работы самой императрице, которая с тех пор профессионально занялась законодательством. Оценивая то, что было сделано ею за многие годы, можно без особого преувеличения утверждать, что Екатерина II, десятилетиями работая над законодательством, в некотором смысле заменила собой целую Уложенную комиссию.

«Наказ ея императорского величества Екатерины Второя самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения».

Чумной бунт. 1771

Социальная обстановка в стране в конце 1760-х годов была весьма напряженной. В разных губерниях происходили крестьянские мятежи, участились убийства помещиков. На дорогах хозяйничали разбойничьи шайки. Их составляли не только уголовные преступники, но и беглые крестьяне. Длительным и ожесточенным было так называемое Кижское восстание (1769–1771), которое подняли приписанные к казенным металлургическим заводам государственные крестьяне Карелии, стремившиеся освободиться от тягостного бремени труда на заводских отработках. Но если о Кижском восстании, как и о других мятежах, проходивших в глухой провинции, до столиц долетали только слухи, то Чумной бунт, вспыхнувший в Москве в 1771 году, развернулся на глазах центральных властей. Поводом для мятежа, охватившего старую столицу (как некогда в XVII веке Медный или Соляной бунт), стали санитарные меры властей в связи с приходом в Москву эпидемии чумы. Она распространялась с Юга, шла от театра Русско-турецкой войны и, добравшись до города в сентябре 1771 года, оказалась очень жестокой – люди умирали сотнями и тысячами в день. Жизнь Москвы оказалась парализованной. Лавки, магазины, рынки были закрыты, многие состоятельные жители бежали за город, в провинцию, в свои дальние имения или к родственникам, надеясь переждать у них эпидемию.

Московские власти во главе с главнокомандующим Москвы, фельдмаршалом Петром Салтыковым, оказались беспомощными перед лицом опасности. Они не предприняли никаких действий, которые могли бы остановить волнения. Сам Салтыков покинул Москву и укрылся в подмосковном имении. Брошенные властью на произвол судьбы, толпы москвичей устремились к Варварским воротам, где находилась чудотворная икона Богородицы. В народе стремительно распространялись слухи, что прикосновение к иконе спасет человека от страшной болезни. Чудовищное скопление народа и давка у иконы только способствовали распространению заразы. Тогда московский архиепископ Амвросий приказал увезти икону. Это намерение, а особенно запечатывание ящика для пожертвований у иконы, вызвало вспышку ярости черни. 16 сентября 1771 года, вооружившись чем попало, толпа устремилась в Донской монастырь, где укрылся Амвросий. Толпа всюду разыскивала архиепископа, и он, возможно, избежал бы гибели, если бы край его платья из-за иконостаса

не заметил мальчик, вбежавший в церковь вместе с толпой. Амвросия выволокли и начали публичный допрос.

Архиепископ отвечал спокойно и с достоинством, что несколько успокоило толпу. Но тут прибежавший из кабака дворовый Василий Андреев ударил Амвросия колом, и озверевшая толпа разом накинулась и растерзала святителя. Бои мятежников и правительственных войск продолжались на улицах Москвы 3 дня. Все дело решил генерал П. Д. Еропкин, который собрал в кулак все разрозненные воинские команды и нанес мятежникам поражение у стен Кремля. Дело довершил прибывший с гвардейцами из Петербурга граф Г. Г. Орлов. Кроме того, он предпринял решительные санитарные меры по подавлению чумы, а наступившие морозы избавили старую столицу от эпидемии и бунта.

Пугачевский бунт

Начавшееся в 1773 году восстание под руководством донского казака Емельяна Пугачева вспыхнуло в казачьих поселениях на реке Яик (Урал). Ему предшествовали многочисленные случаи появления в разных частях страны самозванцев – «Петров III». Страшная история с убийством императора в Ропше в 1762 году отозвалась в народной среде и породила такое явление, как самозванчество, основанное на наивной вере простонародья в волшебное «спасение» императора, якобы «ушедшего в народ». Несомненно, в этом можно видеть надежду простых людей на справедливость, облегчение их жизни, которое принесет добрый, чудесно избежавший убийц государь Петр Федорович. Вместе с тем, казачья верхушка, поддержавшая самозванца и авантюриста Пугачева, не верила в его «волшебные царские знаки» на теле, в его рассказы о побеге из Петербурга. Зато авторитетные казаки, недовольные политикой власти на Яике, увидели в Пугачеве человека, который способен повести за собой людей и, в случае неудачи мятежа, будет нести всю ответственность. Выступление началось в сентябре 1773 года, когда отряд Пугачева двинулся на столицу Яицкого казачьего войска – Яицкий городок. Он сразу не решился на штурм крепости и двинулся вверх по Яику, захватывая небольшие, слабо укрепленные крепости, и устраивал казни попадавших в руки мятежников офицеров и дворян. Войско Пугачева росло как на дрожжах. К нему перебежали солдаты и казаки, шли со всех сторон беглые. С отрядом в 3 тыс. человек он подступил к Оренбургу и после неудачного штурма приступил к его осаде. Гарнизон крепости Оренбург был не в состоянии справиться с Пугачевым, который пользовался огромной популярностью как в самом Оренбурге, так и в его окрестностях. Особенно возрос авторитет Пугачева, когда ему удалось разгромить шедший на помощь оренбургскому гарнизону отряд генерала В. А. Кара. В этот момент башкирские части под командованием Салавата Юлаева изменили властям и перешли к Пугачеву, что резко усилило его движение. Подкрепления стоявшему в Берде Пугачеву шли из Башкирии, Калмыкии, с Урала от приписных к заводам крестьян, которые везли с собой пушки.

Самозванец – «анператор Петр Федорович» – изо всех сил старался играть роль самодержца. Он образовал «Военную коллегию» – совет «графов» и «полковников», создал также свою «гвардию». Было ясно, что власти имеют дело с дерзким авантюристом, обладавшим организаторскими способностями, полководческим дарованием, личной смелостью и отвагой. Этот самозванец, пользовавшийся огромной популярностью народа по всей стране, представлял огромную опасность для режима, и бороться с ним силами местных инвалидных команд (обычные при других обстоятельствах каратели) было невозможно.

На место бежавшего из-под Оренбурга Кара в район восстания был направлен опытный генерал и доверенный Екатерины А. И. Бибиков, а после его смерти и другие опытные люди. В начале 1774 года правительственным войскам удалось разбить мятежников, однако до победы было еще далеко. Бежавший в Башкирию Пугачев сумел вновь организовать войско, которое с переменным успехом боролось с царскими отрядами. Неожиданным для властей оказался тактический ход Пугачева, который двинулся на Запад, в район Волги, и тотчас нашел поддержку у мари, удмуртов и чувашей. 12 июля 1774 года произошло то, что

повергло власти в панику. Пала Казань, и мятежники устроили в городе жуткую резню и грабеж. И хотя пришедший следом за Пугачевым отряд Михельсона разгромил мятежников, возникло серьезное опасение, что Пугачев, перешедший на правый берег Волги, может двинуться прямо на Москву и, как писала Екатерина II (не доверявшая успокоительным рапортам местных чиновников), выскочить там как черт из табакерки, что было бы катастрофой для страны. Екатерина II прибегла к экстренным мерам. Во главе войск был поставлен опытный генерал П. И. Панин, а потом с театра Русско-турецкой войны был отозван самый блестящий полководец – генерал А. В. Суворов. Но гения Суворова не понадобилось. Пугачев терпел одно за другим поражения от неотступно шедшего по его следу генерала Михельсона. В августе 1774 года Михельсон разбил Пугачева в последний раз (под Царицыным), и тогда Пугачев бежал за Волгу и двинулся на Яик. Неудачи «Петра III» побудили его сторонников к решительным действиям – на казачьем круге большая часть высказалась за арест и выдачу властям самозванца, что и было сделано.

Самозванца доставили в Москву, где началось следствие. Нужно сказать, Екатерина II подозревала, что за спиной Пугачева стоят высокопоставленные лица из знати, недовольной ею, Екатериной. Однако тщательное расследование на сей счет, которое провел начальник Тайной экспедиции – тогдашнего политического сыска С. И. Шешковский, не дало нужного императрице результата. Стало ясно, что не высокопоставленные покровители воодушевляли Пугачева, а народ, пошедший за ним в надежде на лучшую участь. Екатерина не была жестока и не хотела прославиться в Европе как кровавый палач. Она настаивала на возможно более мягком приговоре зачинщикам бунта, а в отношении рядовых участников считала, что нужно ограничиваться телесными наказаниями и возвратом на прежнее место жительства. Суд над Емельяном Пугачевым и его сообщниками назывался «Полным собранием» и заседал два дня (30–31 декабря 1774 года). В состав «Собрания» входили сенаторы, члены Синода, «первых 3-х классов особ и президентов коллегий, находящиеся в... Москве». Этому Собранию предстояло в Тайной экспедиции заслушать доклад следователей генералов кн. Волконского и Павла Потемкина и затем «учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию».

Заглянем в источник

Пугачев талантливо разыгрывал роль самодержца, милующего и карающего своих подданных. В «именном указе» 17 сентября 1773 года, с которым «Петр Федорович» обратился к яицким казакам, выдержан формуляр настоящих императорских указов с характерными для народного сознания вкраплениями:

«Во имянное мое указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем жалованы – казаки, калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Федаравичу, винные были и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас рякою с вершын и до уся, и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порохом, и хлебным правиянтом.

*Я, великий государь император, жалую вас, Петр Федаравич.
1773 году, синтября 17 числа».*

Допрос Пугачева перед судом был ограничен шестью составленными заранее вопросами. Их перед тем, как ввести преступника в зал, зачитал судьям сам генерал-прокурор А. А. Вяземский. Целью этого допроса была не организация судебного расследования, не уяснение каких-то неясных моментов дела, а только стремление власти убедить всех, что перед ними – тот самый Пугачев, простой казак, беглый колодник и самозванец, и что на следствии он показал всю правду, а теперь раскаивается в совершенных им преступлениях.

«1. Ты ли Зимовейской станицы беглой донской казак Емелька Иванов сын Пугачев?; 2. Ты ли, по побегу с Дону, шатаясь по разным местам, был на Яике и сначала подговаривал яицких казаков к побегу на Кубань, потом назвал себя покойным государем Петром Федоровичем?» и т. д. После утверждения судом этих вопросов ввели Пугачева, который, как записано в журнале судебного заседания, упав на колени, на помянутыя вопросы, читанные ему господином генерал-прокурором и кавалером, во всем признался, объявля, что сверх показанного в допросах ничего объявить не имеет, сказав, наконец: «Каюсь Богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому».

На этом судебное расследование крупнейшего в истории России XVIII века мятежа, приведшего к гибели десятков тысяч людей, закончилось. Судьи сели писать приговор.

Пугачев на цепи.

Императрица Екатерина II, тщательно контролируя подготовку процесса, дозируя информацию для судей, вместе с тем, дала суду определенную свободу действий, что привело к возникновению дискуссии среди судей. Она коснулась меры наказания преступника и поставила Вяземского в довольно трудное положение. Как известно, русское дворянство было потрясено пугачевщиной, обеспокоено последствиями бунта, опасалось за сохранение крепостного права, а поэтому требовало примерной жестокой казни бунтовщиков. У Екатерины II в конце 1774 года были все юридические основания и силы казнить тысячи мятежников, как это в свое время сделал Петр I, уничтожив фактически всех участников стрелецкого бунта 1698 года и выслав из Москвы тысячи их родственников. И тем не менее Екатерина II не пошла на такую демонстративную жестокость. Она дорожила общественным мнением Европы. «Европа подумает, – писала она относительно жестоких казней Якову Сиверсу в декабре 1773 года, – что мы еще живем во временах Иоанна Васильевича». И хотя в охваченных бунтом губерниях – правда, без особой огласки – с пугачевцами расправлялись весьма сурово, устраивать в столице средневековую казнь с

колесованием и четвертованием императрица не хотела. Конечно, дело было не только в нежелании Екатерины казнями огорчать Европу. Она считала, что жестокость вообще не приносит пользы и мира обществу, и нужно ограничиться минимумом насилия. В переписке с Вяземским императрица наметила «контуры» будущего приговора: «При экзекуциях чтоб никакого мучительства отнюдь не было и чтоб не более трех или четырех человек», то есть речь шла о более гуманных казнях, да и то только для нескольких человек. Еще не зная о вынесенном в Кремле решении, она писала 1 января 1775 года московскому генерал-губернатору М. Н. Волконскому: «Пожалуй, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем». Между тем судьи, высшие сановники и все дворянство исходили из иного принципа: «Чтоб другим неповадно было». В случае, если суд пойдет на ужесточение наказания, А. А. Вяземский предполагал прибегнуть к «модерации», то есть к затяжке с вынесением приговора. И все же судьи поступили по-своему: вместо предполагаемых Екатериной 3–4 приговоренных к смерти суд назвал шестерых, при этом Пугачева и Перфильева суд обрек на четвертование. Екатерине пришлось одобрить «Решительную сентенцию» без изменений. И все-таки Вяземский сумел выполнить негласный указ императрицы о смягчении наказания. Во время казни приговоренных он обманул суд и публику, собравшуюся на месте казни на Болоте. По его тайному приказу палач четвертовал Пугачева «неправильно». Для продления мучений нужно было отсекал преступнику поочередно руки и ноги, а потом голову. Он же якобы «ошибся» – вначале отсек голову, а потом руки и ноги. Автором этой «гуманной» ошибки была императрица.

Пугачев и его ближайшие сообщники 10 января 1775 года были казнены в Москве, остальные были сосланы. Пугачевщина произвела сильнейшее впечатление на русское общество. Ожесточение народного бунта с его казнями, грабежами и убийствами, загаженными и ограбленными церквями, разоренными помещичьими усадьбами долго помнили в стране.

Заметки на полях

Примечательно, что суд из высших должностных лиц, получив некоторую свободу при выборе средств наказаний, использовал ее только для ужесточения приговоров. Государственная безопасность понималась судьями не с точки зрения государственного деятеля, стоящего над сословиями, классами, «состояниями», думающего о восстановлении в стране гражданского мира, а только с узко-корпоративных позиций дворянства, полного мстительного желания примерно наказать взбунтовавшихся «хамов». Императрица же Екатерина II была как раз дальновидным государственным деятелем. Она была сторонницей минимума жестокостей при казни предводителей мятежа. Для нее вчерашние бунтовщики – крестьяне, работные люди, казаки, инородцы – оставались подданными. И она как государыня представляла и защищала государственные, общенациональные интересы, в числе которых были и интересы других, помимо дворян, сословий. Более того, императрица сделала надлежащие выводы из пугачевщины, продолжила свои реформы и сумела ослабить социальную напряженность. Это привело к стабилизации и подъему экономики, установлению достаточно прочного внутреннего порядка.

Русско-турецкая война. 1768–1772

Французский дипломат вспоминал о том, как он, вместе с Екатериной II и двором, присутствовал на знаменитом Полтавском поле. Войска под командованием Г. А. Потемкина воспроизвели – разыграли сражение армии Петра I и шведского короля Карла XII в 1709 году. Дипломат пишет, что он поразился необыкновенному воодушевлению Екатерины II в этот момент: «Глаза ее горели, и казалось, что кровь Петра Великого струится в ее жилах». И хотя в ее жилах текла только немецкая кровь, Екатерина II была настоящей русской

патриоткой и даже первой русской националисткой. Смысл своей жизни она видела в продолжении имперской политики Петра Великого, в упрочении и расширении созданной им империи. Это встречало ожесточенное сопротивление других могущественных империй, которые к этому времени в основном уже поделили мир и не жаждали допускать Россию к общему пирогу. Поэтому вхождение России в элиту мировых империй сопровождалось тяжелыми войнами сначала со шведами, потом с турками. Столкновение с Османской империей зрело давно. Противоречия усилившейся России и слабеющей Османской империи в борьбе за Причерноморье усиливались еще со времен Петра Великого.

Д. Ходовецкий. Сражение при Кагуле.

Война, как и все войны, которые Россия вела на юге, оказалась тяжелой. Тут важно заметить, что у русской армии на протяжении ста лет образовался своеобразный «комплекс неполноценности» – она постоянно терпела поражения в войнах с турками. Вспомним Чигиринские, Крымские, Прутский походы, не совсем удачную по результатам войну 1730-х годов. Турки же вообще привыкли думать, что кого-кого, а русских они будут бить всегда. И как не бить этих олухов, которые, окружив себя гигантскими рогатками, построившись в огромный четырехугольник – каре, посередине которого скрипели тысячи фур, медленно двигались по выжженной степи мимо отравленных источников. Во время похода Миниха в Крым в 1730-х годах множество русских солдат умерло от дизентерии, голода. Десятки тысяч трупов лошадей вдоль степных дорог, брошенные орудия и амуниция ясно говорили – с этим противником справятся своими силами даже татары с луками и саблями. И вот, когда началась эта Русско-турецкая война, поначалу успехи России были незначительны.

Д. Левицкий. Портрет П. А. Румянцева-Задунайского.

Однако в 1770 году произошел перелом. На притоке Прута реке Ларге командующий 1-й армией П. А. Румянцев одержал победу над турками и татарами. Вскоре на реке Кагул произошло новое сражение. Румянцев с 27-тысячным войском наголову разбил 150-тысячную армию турок. Турецкие потери были огромны, а превосходство русской армии – подавляющим. Это были две воодушевляющие победы. Благодаря гению Румянцева, его новой тактике ведения боя была прервана столетняя полоса военных неудач России в войнах с Турцией. А потом пришли новые победы.

Действующие лица

Фельдмаршал Петр Румянцев

Имя полководца Румянцева стало известно еще в Семилетнюю войну. В августе 1757 года в сражении с прусской армией в Восточной Пруссии, у деревни Гросс-Егерсдорф он проявил себя с самой лучшей стороны. Румянцев решил исход этого победного сражения, прорвавшись через лес со своими полками и нанеся пруссакам решительный удар. Так в первый раз сверкнуло золотом славы имя Петра Александровича Румянцева. Раньше оно сверкало иначе, и совсем не золотом... Дело в том, что за Румянцевым тянулась дурная молва бездельника и шалопая, как тогда говорили, шалуна. Он отличался «мотовством, леностью и забиячеством», за что его отозвали из Берлина, куда он поехал учиться, а потом выгнали как бездельника из Кадетского шляхетского корпуса после нескольких месяцев учебы. Тем не менее карьера его стремительно развивалась. Императрица Елизавета сделала 19-летнего юношу командиром полка, полковником прямо из подпоручиков. Но и тогда Румянцев не угомонился. Он продолжал потрясать общество своими постыдными проделками. И все ему сходило с рук. Причина безнаказанности, как и служебных успехов Румянцева, крылась в том, что он приходился императрице... братом! Современники были убеждены, что его отцом был Петр Великий, любовницей которого была жена генерала Румянцева Мария.

На поле Гросс-Егерсдорфа 32-летний генерал проявил себя как герой. Так сказать, он свое отгулял и взялся за ум. Отличился он и в 1759 году в сражении

при Кунерсдорфе, где командовал русской кавалерией и вел себя как герой. А через два года после долгой осады он принимал ключи мощной прусской крепости Кольберг. Екатерина II после своего воцарения назначила Румянцева главнокомандующим Малороссии, а, в сущности, своеобразным вице-королем Украины. Он поселился в роскошном имении недалеко от Киева и своими вальяжными нравами и повадками мало отличался от соседа – крымского хана. Никакие жалобы на него не помогали. Румянецев обладал редким литературно-бюрократическим дарованием и мог легко отписаться от любых наветов. Впрочем, вряд ли бы мы вспомнили об одном из наместников на Украине, если бы не феерический 1770 год, на века прославивший Румянцева.

«Не рогатки, а огонь и меч – единственная защита ваша». Так писал Румянецев в приказе по армии, выступившей в поход на турок. Румянецеву, в отличие от своих предшественников, удалось переломить судьбу – он сумел победить турок в жару, в июле, в степи, у них дома. что нового внес Румянецев в военное искусство? Во-первых, он отказался от сплошного, огромного каре. Он разбил войска на несколько подвижных небольших каре, командиры которых, зная общий план битвы, действовали самостоятельно. Во-вторых, он произвел селекцию армии: из каждого полка выбрал самых сильных, умных, толковых солдат, сделал их гренадерами, а самые лучшие из лучших стали егерями, которые действовали вообще самостоятельно, в зависимости от ситуации. Их учили ползать, маскироваться, даже прикидываться убитыми. В-третьих, Румянецев не боялся грозной татарской и турецкой конницы и не прятался от нее за рогатками. Опыт Семилетней войны сгодился ему на юге. Он реформировал русскую конницу, снял с нее тяжелые кирасы, которые ни от чего не спасали, а лишь мешали в бою. Сплоченный удар русской конницы сметал рассыпную лаву татар. В-четвертых, он приучил артиллерию быстро передвигаться по полю боя, сосредотачивая огонь по вражеской артиллерии и скоплению неприятеля. Наконец, он учил солдата действовать смело, свободно, непринужденно. Он сумел найти удивительное сочетание огня и движения. Вот и весь секрет! Наступательный темп, атака стали главным оружием Румянцева. И пошли одна за другой победы. После победы при Ларге Румянецев, всегда любивший роскошь, устроил молебен в великолепном шатре только что бежавшего крымского хана. Особенно кровопролитным было сражение при Кагуле с превосходящими силами фанатичного, отважного неприятеля. Причем Румянецев не медлил, не ждал, что будет делать неприятель, а смело атаковал его сам. Победитель был щедро вознагражден императрицей.

В начале 1773 года Екатерина потребовала от Румянцева решительных действий против турок, а точнее – переправы через Дунай, атаки крепости Шумлы в предгорьях Балкан. Румянецев, гордившийся тем, что сбивал врага с ходу, на этот раз замешкался. Он не был уверен в успехе дела. Но все же, после некоторой заминки, 11 июня 1773 года армия Румянцева перешла Дунай. Это был исторический момент. Переход Дуная открывал путь на Балканы. За этот переход Румянецев получил титул «Задунайский». Однако через три дня он вдруг повернул назад. Получилось, что Румянецев как будто сплавал на тот берег исключительно за почетным титулом «Задунайского». Екатерина была этим так огорчена, что даже не ответила на пояснительное письмо Румянцева. А наш герой на том берегу титул-то нашел, но при этом будто потерял мужество. Он сник, скис, писал, что противник очень силен, а его армия очень мала, что его вынудили на переправу, чтобы опорочить, ибо придворные недруги жаждут его крови. Екатерина была крайне недовольна пассивностью Румянцева.

И все же войну удалось закончить блестящим миром 1774 года в Кючук-Кайнарджии. Румянцева щедро наградили, но все равно он был недоволен тем, что получил мало славы. Еще больше он был недоволен тем, что появились люди, которые хотят забрать себе всю власть на юге. Речь шла о восходящей звезде царствования Екатерины – Потемкине, который как раз развил бурную деятельность на Юге, осваивая Новороссию. Румянецев же сидел в Украине. Из своего богатого поместья, как паук, он дергал за паутинки, которыми оплел весь

Петербург и двор. Всюду у него были сторонники, соглядатаи, друзья, обязанные ему своим возвышением люди вроде фаворита императрицы Петра Завадовского и Алексея Безбородко. Жена Румянцева, подростки дети и, долгое время, мать находились в столице, при дворе и обо всех придворных пасах и интригах сообщали главе могущественного клана, нажившего огромный «придворный капитал» и умело им распоряжавшегося.

Когда в 1787 году началась новая Русско-турецкая война, Румянцев новой славы не снискал. Богиня победы уже нашла себе другого любимца – быстрого, смелого Суворова. Румянцев вновь забился в свой украинский угол, где и прожил до самой смерти в 1797 году. Но Россия не забыла своего дерзкого героя, научившего ее побеждать на юге.

Чесма. 1770

Одновременно с сухопутными победами Румянцева при Ларге и Кагуле пришли морские победы, причем вдали от русских берегов. По инициативе А. Г. Орлова была организована «Морейская экспедиция». Цель ее состояла в том, чтобы ударить в тыл Османской империи. Русский флот из Балтики, соединившись с кораблями, пришедшими из Архангельска, совершил тяжелый переход вокруг Европы и в апреле 1770 года вошел в Средиземное море. Уже сам по себе этот переход был подвигом. Экспедиционный корпус остановился у берегов Греции, в порту Наварин. Отсюда 24 июня русский флот под командой А. Г. Орлова (9 линейных кораблей, 3 фрегата) начал боевые действия против турок. Турецкий флот (16 линейных кораблей и 6 фрегатов) под командованием алжирца Д. Хасан-бея не выдержал навязанного ему возле острова Хиос в Эгейском море боя. Потеряв флагманский корабль «Реал-Мустафа», турки отошли в Чесменскую бухту. Было полное безветрие, турки оттащили свои корабли с помощью галер, и преследовать противника русское командование уже не могло. К тому же в бою погиб русский линейный корабль «Евстафий». В ночь на 26 июня русские корабли вошли в бухту и начали обстрел противника. Одновременно брандер – небольшое судно, наполненное горючими веществами, – под командованием лейтенанта Дмитрия Ильина незаметно подкрался к турецкому флагманскому кораблю «Стамбул» и сцепился с ним. Ильин дал приказ поджечь брандер и покинул его со своими людьми.

Орден Святого Георгия

Полное название – орден Святого великомученика и победоносца Георгия. Он был учрежден в 1769 году. По статуту орденом награждали за исключительные подвиги в военное время. Орден имел три степени. Символ ордена повторял часть герба России – всадник, поражающим копьем дракона. Девиз – «За службу и храбрость». Знак ордена – золотой крест с белой эмалью, звезда – ромбовидная, золотая, ее носили на левой стороне груди. Особенно выразительна была лента ордена. Она состояла из трех черных и двух оранжевых полос, носилась через правое плечо. Орден Святого Георгия пользовался необыкновенным авторитетом. Кроме учредительницы ордена, императрицы Екатерины II, кавалером 1-й степени был только Александр II. Все остальные цари выше 4-й степени не поднимались. За всю историю ордена только четыре военачальника получили все 4 его степени. Первым из них был М. И. Кутузов.

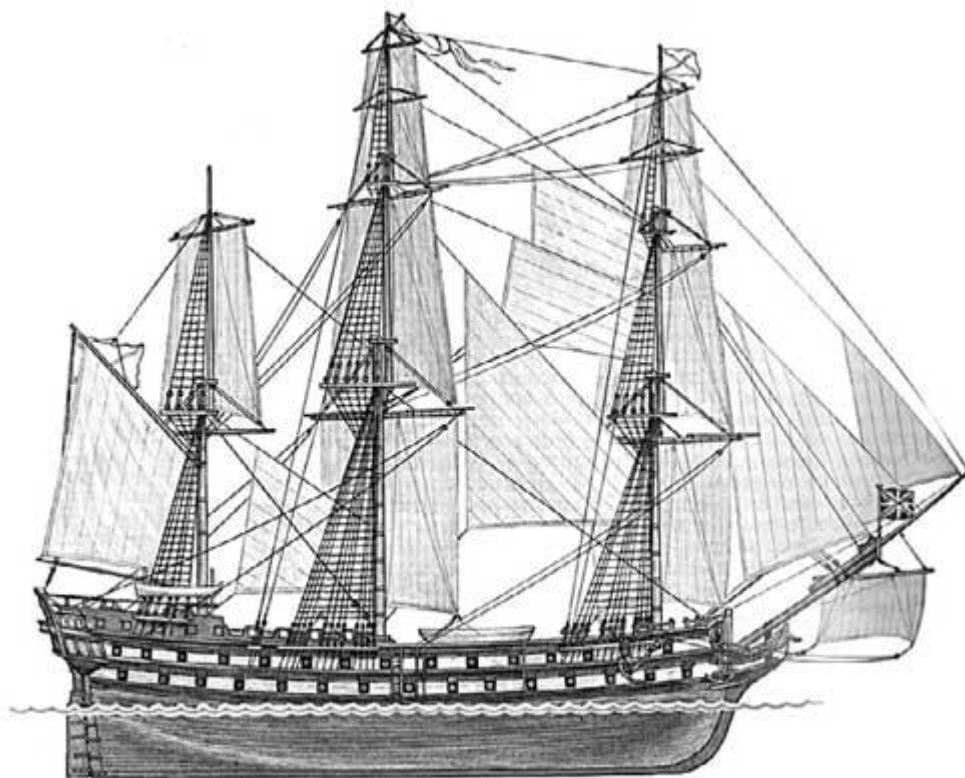
Орден Святого Владимира

Орден Святого равноапостольного князя Владимира был учрежден в 1782 году. Девиз ордена – «Польза, честь и слава». Имел четыре степени, одна из почетнейших наград офицерам за боевые подвиги – Владимир 4-й степени с бантом из орденской ленты – красной с широкими черными полосами по краям.

Турецким морякам не удалось потушить пожар на «Стамбуле»; огонь охватил корабль и перебрался на другие турецкие суда, скученно стоявшие у берега. К утру сгорели и

взорвались 15 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, погибло свыше 10 тыс. человек. В пожаре, напоминавшем взрыв вулкана, погиб весь турецкий флот. Победа была легкая и ошеломительная. Позже была выбита памятная медаль с изображением гибнущего турецкого флота и надписью в одно слово – «Быль». Успехом увенчались и последующие военные действия России на суше, в Причерноморье. Русские войска овладели нижним течением Дуная и в 1771 году заняли Крым, а войска Суворова, разбили турок при Туртукае в 1773 году и при Козлуджи в 1774 году. Эти победы поставили точку в войне – турки пошли на заключение мира.

«Евстафий»

«Святой Евстафий Плакида» – 66-пушечный линейный корабль, был построен в Петербурге в 1763 году. В Средиземноморской экспедиции Балтийского флота им командовал капитан А. И. Круз. На нем же в чесменском сражении держал флаг адмирал Г. А. Спиридов. В ночь на 26 июня 1770 года «Евстафий» возглавил авангард русской эскадры, атакующей турецкие корабли в чесменской бухте. Моряки «Евстафия» взяли на бордаж флагман турецкого флота – 80-пушечный корабль «Реал-Мустафа». К несчастью, на турецком судне начался пожар и его мачта обрушилась на «Евстафий». От этого вспыхнул и русский флагман, что привело к взрыву порохового погреба «Евстафия»; при этом погиб почти весь его экипаж – 755 из 818 человек. Затем взорвался «Реал-Мустафа». С тех пор по традиции один из кораблей черноморского флота назывался «Памяти Евстафия».

Десятого июля 1774 года в Болгарии, в деревне Кючук-Кайнарджи, был подписан мир с необыкновенно благоприятными для России условиями. Согласно условиям мира русские корабли не только могли плавать по Черному морю, но и проходить Проливы, выходить в Средиземное море. Кроме того, Россия получала многострадальный Азов, закреплялась на Керченском проливе и устанавливала свой протекторат над Молдавией и Валахией. Крымское же ханство признавалось независимым от Османской империи (читай – то есть зависимым от России). Исполнилась мечта императора Петра Великого – своими границами Россия коснулась черноморских вод, и после Кючук-Кайнарджийского мира оказалась

выполненной объявленная еще в 1769 году воля Екатерины – «учреждение российского флага на Черном море». В истории Русско-турецких войн не было столь блестящего для России мира.

Легенды и слухи

Кто она – «княжна Тараканова»?

В начале 1770-х годов посланники России в Европе стали сообщать о появлении некоей особы, которая называла себя «принцессой Владимирской Елизаветой», дочерью покойной императрицы Елизаветы Петровны и ее тайного мужа графа Разумовского. Слух об этом сильно встревожил Екатерину II. Особенно насторожило императрицу то обстоятельство, что «побродяжка» (так она называла самозванку в письмах) свободно и на широкую ногу жила в Европе, а значит, имела деньги. К тому же она была окружена враждебными России польскими эмигрантами, которые смели возражать против раздела Польши. Мало того, она перебралась в Италию, в Ливорно, на рейде которого стояла русская эскадра под командованием графа А. Г. Орлова, и обратилась к нему с официальным посланием. В нем она объявляла себя дочерью императрицы Елизаветы, предлагала перейти на ее сторону, огласить на флоте ее манифест к русскому народу, который она приложила к посланию. Самозванка писала, что успехи ее «брата» Пугачева ободряют ее как наследницу российского престола на этот шаг. Одновременно самозванка написала в Россию письмо Никите Панину, в котором сообщала, что будет стоять за свои права на престол до конца, а также изъявила свою готовность тайно приехать в Петербург, если он поручится за ее безопасность.

Все это было уже крайне серьезно. Затем стало известно, что самозванка вела переговоры с турками, английским послом в Неаполе, побывала в Риме, где демонстративно приняла католичество и открыто заявила о своих претензиях на русский трон. Из дела Емельяна Пугачева, законченного в начале 1775 года, видно, что Екатерина подозревала, что за спиной «анператора Петра III» стоят ее недруги из среды столичной знати. Такие же мысли были у государыни и на этот раз, хотя с самого начала было ясно, что «принцесса» – явная авантюристка, сумевшая воспользоваться ходившими по Европе слухами о каких-то тайных детях Елизаветы Петровны, будто бы скрывавшихся в Швейцарии.

Как известно, императрица Елизавета была бездетна, и при ее дворе жили племянники фаворита Алексея Разумовского, дети его сестры Прасковьи Дараган. Когда дети подросли, Елизавета послала детей учиться в швейцарский пансион, где они были записаны под фамилией Дарагановы. Слухи о таинственных детях из России появлялись в немецких газетах, и вскоре «Дарагановы» превратились в тайных деток Елизаветы и Разумовского – «Таракановых»...

Словом, как бы то ни было, проблему самозванки нужно было срочно решать. И в Петербурге решили «побродяжку» из Италии выкрасть. Такое задание для русских спецслужб было не впервой. Стукнуть чем-нибудь тяжелым по голове, втолкнуть в карету, перегрузить на русский купеческий корабль – минутное дело. Однако случай с «принцессой» был потруднее для подобной операции – ее все время окружали люди, и при попытке ее захватить мог подняться всесветный шум. И тогда был придуман поистине дьявольский план.

Графу Алексею Орлову, по прозвищу «Алехан», императрица поручила соблазнить «побродяжку», заманить ее на русский корабль и отвезти в Россию. Алехан, брат фаворита Екатерины II Григория Орлова, один из убийц императора Петра III, был человек наглый, беспринципный и по-своему талантливый. Роль свою он сыграл отменно: познакомился с ней, увлек ее обещаниями и подарками, сумел понравиться и даже влюбил ее в себя. Не без циничной гордости за свои выдающиеся мужские достоинства, о которых знали все шлюхи Петербурга, он писал на имя государыни:

«Она ко мне казалась быть благосклонною, чего для я и старался пред нею быть очень страстен. Наконец, я ее уверил, что я бы с охотой и женился на ней, и в доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь, более поверила».

22 февраля 1776 года она поехала с Орловым в Ливорно, отобедала на берегу. Потом они отправились венчаться на русский флагманский корабль «Три иерарха», который стоял на рейде. Так она оказалась на территории Российской империи, где и была задержана. Но не без иезуитского коварства. Вначале переодетые в рясы матросы разыграли комедию «венчания», а потом уже капитан арестовал «молодоженов». Тем временем корабль снялся с якоря и вышел в открытое море. После этого якобы арестованный Алехан «тайно» переслал «супруге» записку. Он «с отчаянием» сообщал, что его держат под арестом и что он просит возлюбленную потерпеть, обещая освободить ее из заточения. Вся эта ложь нужна была только для того, чтобы самозванка сохраняла иллюзию надежды, не затосковала и не умерла бы с горя во время долгого плавания к берегам России. Сам же Орлов сел в шлюпку, вернулся на итальянский берег и письменно рапортовал Екатерине: успех обмана полный, самозванка «по сие время все еще верит, что не я ее арестовал»...

Всю дорогу до берегов Англии самозванка вела себя спокойно, полагаясь на обещание Орлова выволить ее каким-нибудь лихим внезапным налетом. Но потом она поняла, что ее обманули, пыталась выброситься с борта русского корабля в английскую шлюпку, звала на помощь, но ее успокоили... В Петербурге дело было поручено князю А. М. Голицыну. Требовалось узнать подлинное имя «побродяжки», выведать, кто ей покровительствовал и каковы были ее планы. Но Голицын, несмотря на свой ум и опыт, целей этих не достиг. Он, как и все другие, так и не узнал, кем же на самом деле была эта женщина, так убежденно и много говорившая как о своем происхождении от императрицы Елизаветы и Разумовского, так и о своих полудантасических приключениях в Европе и Азии. На одном из допросов она показала:

«Зовут ее Елизаветой, от роду ей 23 года, откуда и кто ее родители не знает. В Киле, где провела детство у госпожи Пере, была крещена по греко-восточному обряду при ком и кем ей неизвестно. Девяти лет три незнакомца привезли ее в Петербург. Здесь ей сказали, что повезут к родителям в Москву, а вместо этого отвезли на персидскую границу и поместили у образованной старушки, которая говорила, что была сослана по указу Петра III. Она узнала несколько туземных слов, похожих на русские, начала учиться русскому языку. С помощью одного татарина ей и няньке удалось бежать в Багдад. Здесь их принял богатый персиянин Гамет, год спустя друг его, князь Гали, привез ее в Испань, где она получила блестящее образование. Гали часто говорил ей, что она дочь покойной русской императрицы, о чем ей повторяли и другие».

Проверить эти сведения не представлялось возможным – какая-то «Тысяча и одна ночь»! Голицын писал Екатерине: «История ее жизни наполнена несбытными делами и походит больше на басни, однако же по многократному увещанию ничего она из всего ею сказанного не отменяет, так же и в том не признается, чтоб она о себе под ложным названием делала разглашение...».

Голицын поначалу не прибегал к жестокости, а более стремился достичь результата лишь угрозами, лестью, различными уловками. Стремясь уличить самозванку, говорившую, что она якобы бежала из России через Персию и что хорошо знает персидский и арабский языки, Голицын заставил ее написать несколько слов на этих языках. Эксперты из Академии наук, посмотрев записку, утверждали, что язык этот им неизвестен, что это просто каракули. И тем не менее она без конца «повторяла вымышленные или вытверженные ею басни, иногда между собою несообразные». Она говорила, что родилась в 1752 году, значит, ей 23 года. Даже в каземате она была привлекательна. В ней была видна порода, чувствовалась грация и красота светской дамы. Голицын писал: «Быстрота ее мыслей и легкость выражений такова, что человеку неосторожному она легко может вскружить голову».

Между тем шли месяцы, а результатов не было никаких! Государыня гневалась, читая признания самозванки, что Пугачев ее «кузен», возмущалась: как эта негодяйка смеет подписываться под протоколами: «Елизавета»!

Императрица потребовала ускорить следствие, тем более что стала заметна беременность самозванки, и к тому же у нее проявились симптомы скоротечной чахотки – болезни в сыром каземате нередкой. Голицын перешел к угрозам, угрожал арестантке, что применит к ней «крайние способы для узнания самых ее тайных мыслей». Какие «крайние способы» применяли в России, знали все, и только эта женщина не понимала, о чем идет речь, даже вынуждая Голицына объяснять «разницу между словесными угрозами и приведением их в исполнение». Но все было бесполезно. Тогда Екатерина предписала Голицыну: «Примите в отношении к ней надлежащие меры строгости, чтобы, наконец, ее образумить». Больную, беременную женщину лишили одеял, теплой одежды, более не пускали к ней служанку, на обед стали давать грубую пищу. Особенно тягостен был для самозванки «крепкий караул». Сутки напролет в камере, при свечах, находились офицер и несколько солдат, которые, сменяя друг друга, не спускали с нее глаз. Все естественные отправления женщине приходилось совершать тут же. «С ними я и объясниться не могу», – писала самозванка. Наконец, Екатерине стало известно, что «утеснение строгостью» приближает не истину, а лишь смерть арестантки. Возможно тогда, чтобы сломить волю преступницы, к ней приходил Алехан и рассказывал ей о подлинных мотивах его «романа» и затеи со свадьбой. Но и это не помогло. Тогда было решено привлечь в помощники приближающуюся смерть. Последовал новый указ – пусть ее исповедует священник! Как известно, в России тайны исповеди не существовало – священник обязан был доносить «куда следует» обо всем, что услышит на исповеди. Два дня вел «исповедальный допрос» священник, но «принцесса» так себя и не назвала и вины за собой никакой не признала. В отместку за это поп не отпустил ей грехи и ушел из камеры... 4 декабря 1775 года в 7 часов пополудни она умерла. Не было наводнения, не было омерзительных крыс, которые лезли на койку (это мы с детских лет привыкли видеть на картине Флавицкого). Под взглядами солдат она умерла, унеся в могилу и неродившееся (возможно, от Орлова?) дитя, и свою тайну.

А была ли вообще тайна? В те времена по Европе кочевало немало авантюристов и проходимцев, вроде Калиостро или Казановы. У них не было родины, дома, семьи. Эти «безродные космополиты» были талантливы, умели легко входить людям в доверие. От бесконечного повторения своего вранья они уже сами верили в то, что плели о себе другим. Голицын прав, когда пишет: «Увертливая душа самозванки, способная к продолжительной лжи и обману, ни на минуту не слышит голоса совести. Ни наказания, ни честь, ни стыд не останавливают ее от выполнения того, что связано с ее личной выгодой. Природная быстрота ума, ее практичность в некоторых делах, поступки, резко выделяющие ее среди других, свелись к тому, что она легко может возбудить к себе доверие и извлечь выгоду из добродушия своих знакомых»... А ведь это можно сказать о многих, в том числе о самой Екатерине II...

Первый раздел Польши. 1772

Польская проблема была для русского двора острейшей, и поляки-иммигранты искали разнообразные пути и средства борьбы с Россией. Не случайно они были в окружении «княжны Таракановой». Почти сразу же после вступления на престол Екатерине II пришлось заниматься польскими делами. В 1763 году умер польский король Август III, долгие годы шедший в фарватере русской политики. Россия не хотела уступать инициативу, считая Польшу «своей», и благодаря ее давлению королем стал бывший посол Речи Посполитой и прежний любовник Екатерины Станислав-Август Понятовский. Это позволило России сохранить в Польше архаичный, безвластный политический режим, который не позволял полякам укрепить свою государственность. В среде польской шляхты господствовало мнение, что «черные орлы» – символы Австрии, Пруссии и России – будут всегда ссориться из-за Польши и не оставят в покое польского «белого орла». Однако произошло наоборот, «черные орлы» сумели найти общий язык и начали попросту делить Речь Посполитую между

собой. План раздела Польши придумали пруссаки еще в 1760-е годы, однако опасения России усилить тем самым Пруссию и Австрию долго не позволяли ей вступить в сговор против Речи Посполитой. В 1772 году это стало возможным. Двадцать пятого июля 1772 года Россия получила часть Речи Посполитой с населением более 1,3 млн человек. К России отошли польская Ливония, белорусские города Полоцк, Витебск и часть Минского воеводства. Малая Польша отошла к Австрии, Пруссия овладела Великой Польшей и Гданьским районом. Фактически Речь Посполитая (объединенное государство Польши и Литвы) перестала существовать. Русский посол в Варшаве давал указания польскому королю Станиславу-Августу. Это и был первый раздел Польши. В 1780 году русские войска окончательно разместились в Польше. Это произошло уже после нескольких лет вооруженной борьбы польских патриотов с русскими войсками. В боях с партизанами особенно проявился талант А. В. Суворова, несколько раз разбивавшего отряды восставших поляков и ставшего за это генералом.

Крым в составе России

Черноморская политика России с самого начала царствования Екатерины II отличалась напором и агрессивностью. Уже в 1764 году была создана Новороссийская губерния, в которую со всей Европы для освоения целинных степей приглашали переселенцев. Всем было ясно, что без Крыма эти территории не имеют удобного выхода к морю, что русская царица не потерпит привычные для крымских татар набеги на земли новообразованной губернии. Победа России в войне с Турцией в 1768–1774 годах резко изменила обстановку. Крым попал под влияние России. На полуострове среди татарской знати развернулась ожесточенная борьба сторонников и противников русской ориентации.

В 1776 году русские войска вторглись в Крым и посадили на ханский престол ставленника России хана Шагин-Гирея. Человек умный и образованный, он пытался провести в Крыму реформы европейского толка, но натолкнулся на сопротивление духовенства и народа. Началось восстание против Шагин-Гирея. В Крым вновь вступили русские войска, подавив мятеж. После долгих колебаний в 1779 году турки признали Шагин-Гирея крымским ханом, но ему так и не удалось удержаться на троне. После очередного мятежа в 1781 году Шагин-Гирей уехал в Россию, а в 1783 году Крым и Кубань благодаря дипломатическому таланту Потемкина и превосходящим силам русской армии без единого выстрела вошли в состав Российской империи. Аннексия Крыма и Кубани завершила процесс оформления новой огромной имперской области на юге страны. Он сопровождался массовым перемещением населения. Покровительствуемые властями христиане, как из Западной Европы, Центральной России, так и из других южных земель, переселялись в Причерноморье и в Крым. Оттуда же под давлением власти в турецкие владения бежали мусульмане. Военное и хозяйственное освоение Крыма (Тавриды) и всей Новороссии связано с именем Г. А. Потемкина.

И. Лампи. Портрет Г. А. Потемкина.

Действующие лица

Светлейший князь Григорий Потемкин

Личность Григория Александровича Потемкина необычна, даже фантастична. Граф Сегюр писал о нем:

«Никогда еще ни при дворе, ни на поприще гражданском или военном не бывало царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе с тем нерешительного. ...В нем, – продолжал французский дипломат, видевший, как Потемкин в халате и без штанов принимал польское посольство, – непостижимо смешаны были величие и мелочность, лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность... Этого человека можно сделать богатым и сильным, но нельзя было сделать счастливым; то, чем он обладал, ему надоедало, чего он достичь не мог – возбуждало его желание».

Традиции гедонического XVIII века, вся предыдущая история его жизни, оригинальный психологический тип личности и долгая, безграничная, развращающая даже самых строгих постников власть – это и, вероятно, многое другое определили экстравагантное поведение и шокирующие повадки Потемкина. Но справедливости ради скажем, что Потемкин вошел в русскую историю не как чудак, а как имперский деятель исполинского масштаба, не уступающий самому Петру Великому. Говорят, что Потемкин обратил на себя особое внимание Екатерины II умением невероятно смешно шевелить ушами и подражать голосам ближайших сподвижников императрицы. Это было уморительно видеть и слышать. Впрочем, тогда же Потемкин не только шевелил ушами, но и выполнял различные поручения царицы. Однако быть шутом при дворе честолюбивому Потемкину не нравилось, и он вдруг резко изменил свою судьбу... Так в его жизни бывало не раз. Гриц, как его звали дома, родился в 1739 году под Смоленском в бедной дворянской семье. После смерти отца и переезда семьи в Москву юноша стал проявлять необыкновенный интерес к наукам, засиживаясь за книгами по ночам. В итоге он успешно поступил в только что открытый Московский университет и после первого курса, в 1757 году, получил золотую медаль за успехи в учебе. В числе лучших студентов его отвезли в Петербург и представили императрице Елизавете как нового Ломоносова. Но вскоре юного гения с позором

выгнали из университета за прогулы – наука ему вдруг смертельно наскучила. Он решил служить не Афине, а Марсу в Конной гвардии, поступил в полк и быстро достиг успехов в воинском деле. Семнадцатилетний вахмистр отличился в дни переворота 28 июня 1762 года, и о нем как смелом и деятельном унтер-офицере писала даже Екатерина. Был Потемкин и среди ропшинских убийц Петра III. За все это он получил от государыни щедрые награды, и вдруг, неожиданно для многих, стал помощником обер-прокурора Синода. Это был очередной поворот судьбы по воле самого человека. Потемкин решил попробовать себя на этом новом для себя поприще, ибо увлекся богословием и был в этих вопросах человеком весьма образованным.

Неизвестно, как бы дальше сложилась служба Потемкина в Синоде, но и богословие быстро приелась ему. И вот тут Потемкин вновь переломил судьбу через колено. Неожиданно он отпросился у императрицы на начинающуюся в 1768 году войну с турками, поступил в конницу, оказался на передовой, под турецкими пулями. Делал он это осознанно, ради карьеры и чтобы обратить на себя внимание императрицы. Потемкин хотел изменить свое, привычное в глазах императрицы, амплу шутника и богослова-самоучки на занятие, более достойное его талантов, и этим самым добиться расположения Екатерины. Это Потемкину в полной мере и удалось: на войне он быстро сделал карьеру, отличился как храбрый кавалерийский генерал в сражениях этой войны. Вскоре императрица, которая тайно поддерживала с ним переписку, весной 1774 года вызвала его в столицу; он стал генерал-адъютантом.

Роман Екатерины и Потемкина был бурным и... недолгим. Вообще, в отношениях Екатерины и Потемкина есть своя тайна. Возможно, в 1775 году они тайно обвенчались, но после нескольких лет упоительной и горячей любви между супругами произошел разлад, и был заключен своеобразный «пакт о сотрудничестве», причем оба предоставили друг другу полную свободу. Сам же Потемкин не уступал Екатерине в любовности и открыто возил с собой небольшой гарем из смазливых девиц и чужих жен. Потемкина и Екатерину связывала вещь «поважнее амуру», они составляли семью «тружеников империи». Оба тянули тяжкий воз имперских дел, занимались беспокойным российским «хозяйством». Именно это стало сутью их отношений, это нашло отражение в стиле и содержании писем Екатерины – рачительной хозяйки, «матери» к Потемкину – своему доброму хозяину, «батиньке», «папе»: «Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах: ты мне служишь, а я признательна, вот и все тут... прикажит-ко, барин, когда тебе удобно будет, по степи на каждые двадцать верст сделать сарай ли корчму».

Потемкин был коренником в этой упряжке, без него имперский воз двигаться не мог. Все остальное в отношениях Потемкина и Екатерины казалось им не таким уж и важным. А благодарность ее, «матушки», «хозяйки» (так он называл ее в письмах), достижениям и усердию «бати» в делах не знала границ: «Нет ласки, мой друг, которую бы я не хотела сказать вам, вы очаровательны за то, что взяли Бендеры без потери одного человека». И еще один рефрен: «Не опасайся, не забуду тебя», в том смысле, что врагам твоим не верю, кредит твой надежен, и за будущее будь спокоен.

К этому времени Потемкин ввязался в грандиозное, невиданное со времен Петра Великого дело. На Юге он открыл для себя Новороссию – отвоеванное у турок Северное Причерноморье – и отдал этой земле свое сердце. Многие годы он руководил и военными действиями против турок, и грандиозной стройкой по берегам черного моря. В Новороссии и Тавриде (Крыму) Потемкин нашел свою новую родину, тот простор, где легче дышалось, где было вдоволь места строить, создавать новое, непривычное – этого всегда жаждала его беспокойная душа. Здесь, в степях Новороссии, он нашел возделенную новизну – спасение от сплина и тоски, которые преследовали его всю жизнь. В начинаниях Потемкина, как в свое время и Петра, было много поспешности, жесткости, капризов и самодурства, но был и русский размах: если уж возводить собор в Екатеринославе, то чтоб не меньше собора Святого Петра в Риме, если уж

создавать оркестр, так чтобы в капельмейстеры выписать из Вены самого Моцарта!

В 1787 году Екатерина II отправилась в Крым. Поездка эта знаменита своими «потемкинскими деревнями». И правда, деревни по пути следования кортежа часто были искусными декорациями, умело возведенными по приказу светлейшего. Но при этом как-то забывают, что прекрасный белый Севастополь и другие города Новороссии, построенные Потемкиным, не были декорациями! Не были ряжеными и потемкинские войска. Светлейший князь покровительствовал Суворову, да и мысли их о военном деле были схожи. Вот как Потемкин критикует старую манеру одеваться в армии: «Завивать, пудриться, плесть косы – солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же букли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал и готов».

Не из фанеры были сделаны и корабли юного черноморского флота, стоявшего на рейде в Севастополе. Под командой отважного адмирала Федора Ушакова – «русского Нельсона» – этот флот одержал вскоре блистательные победы. И все это – благодаря организаторскому гению Потемкина, который умел руководить сотнями тысяч людей, умел воодушевить, заставить, поощрить их... до тех пор, пока не впадал в хандру и не заваливался в одном халате на любимый диван, где лежал порой месяцами. Екатерина была необычайно довольна успехами Потемкина на Юге.

В 1791 году светлейший приехал в столицу и устроил государыне грандиозный праздник в своем новом великолепном дворце – Таврическом. Это был последний визит светлейшего в Петербург. Потом он вернулся в любимую Новороссию. По дороге его мучили скверные предчувствия. Вскоре он заболел и умер в октябре 1791 года прямо на степной дороге. Последнее, что он увидел в жизни, – это яркие звезды Юга, ставшие благодаря Потемкину русским. Екатерина была в отчаянии – обрушилась главная опора ее царствования. Но потом тоска прошла – старость почти равнодушна к смерти, да и новый фаворит Платон Зубов был забавен. Тело светлейшего даже не повезли в Петербург, а похоронили в Херсоне. Могила его давно потеряна... Но мы твердо знаем, что прах его навсегда слился с землей, водой и небом бесконечно любимой им Новороссии и Тавриды...

«Греческий проект»

Поездка Екатерины II в Тавриду и Новороссию воодушевила ее. За несколько лет пустынные степи и безлюдное побережье превратились в цветущий край. Это, казалось, приблизило осуществление имперской мечты Екатерины II и Потемкина, так называемого «Греческого проекта». Суть его сводилась к вытеснению турок из Стамбула (Константинополя), Балкан и Малой Азии и основанию на обломках Османской империи нового государства – Византийской греческой империи. Во главе этой империи должен был встать младший сын цесаревича Павла Константин, чье греческое имя, данное при рождении в 1778 году, говорило само за себя (основателем Византийской империи был Константин Великий, такое же имя носил и последний византийский император Палеолог, погибший в бою с турками на стенах Константинополя).

Победы в войнах с турками, казалось, как никогда, приблизили осуществление планов освобождения православных народов от турецкого ига. Но в авторстве Екатерины II и Потемкина «Греческий проект» был далек от моральных и даже религиозных намерений. Он имел отчетливые имперские черты – завладеть «ключами Востока» – Проливами, захватить Балканы, Кавказ и Закавказье, расширить империю на юг и восток и в конечном счете повелевать миром, как некогда Римская или Византийская империи. Не случайно, что наряду с Византийской империей предполагалось создать еще две – одну на Кавказе, а другую – на

Балканах, причем в последней империи государем предполагал стать сам Потемкин. Не случайно также, что в 1783 году был подписан русско-грузинский Георгиевский трактат, согласно которому Картлино-Кахетинское царство Ираклия II входило под протекторат России, а в Тифлис входили русские войска.

Заметки на полях

Вообще, восстановление погибшей в XV веке при драматических обстоятельствах православной Византийской империи было давней мечтой российских политиков и идеологов. Нужно учесть, что с той давней поры Россия находилась в окружении неправославных государств и народов и испытывала религиозное и культурное одиночество. Не будем забывать, что из всех конфессий только православные оказались (и до сих пор) грубо отторгнутыми от своих святынь, и в первую очередь от Храма Святой Софии, превращенного в мечеть. При этом значительная часть православных – южные славяне, а также греки, румыны, валахи и другие православные народы, находились под тяжким османским игом. Освобождение их от него, очищение от мусульман Константинополя и его святынь было всегда официальной целью России и, во многом, мечтой многих просвещенных русских людей в самой России, видевших в этом свой долг перед Богом. В немалой степени под воздействием этих чувств возникла концепция «Москва – третий Рим», утверждавшая приоритет православия в собственных глазах и делавшая Россию единственно «правильным» преемником погибшей православной империи – «второго Рима». Это породило комплексы и фобии, надежды и мечты. Сознание своей религиозной исключительности возвело стены изоляционизма вокруг России, сделало неприемлемыми любые союзы, связи и даже контакты с другими христианами, на которых в Москве смотрели как на еретиков, отступников от истинной веры, косвенных (а порой и непосредственных) соучастников гибели Византии.

Вместе с тем в сознании балканских славян столетиями жила вера в то, что наступит час и придут русские братушки, чтобы освободить их от чужеземного ига...

С этими обстоятельствами нельзя не считаться, когда речь идет о внешней политике России на Юге в последние пять столетий...

С этого момента было и положено начало печальной «кавказской истории». Однако от мечты, даже если мечтают могущественные государи, до реальности – дистанция большая. Чтобы занять Стамбул, нужно было победить Османскую империю, ослабевшую, но все еще сильную, имевшую большие людские и материальные ресурсы. Кроме того, подобное усиление России в Проливах было крайне невыгодно европейским державам – Франции, Англии.

Не в восторге от планов Екатерины был и ее ближайший союзник – австрийский император Иосиф II. Он ясно давал понять, что предпочитает иметь дело со слабыми «соседями в чалмах», чем с сильными и агрессивными «соседями в треуголках». Поэтому из всех огромных планов отвоевания Константинополя и создания империи удалось осуществить только обучение великого князя Константина греческому языку.

Войны с Турцией и Швецией

Путешествие Екатерины II в Тавриду, не скрываемые императрицей грандиозные завоевательные планы вызвали крайнее раздражение Турции, которая не считала себя сломленной. В июле 1787 года турки потребовали вывода русских войск из Закавказья, возвращения Крыма и отказа от покровительства Молдавии. Это был неисполнимый ультиматум. Русские ответили отказом, турки начали войну. Вновь Россия оказалась в тяжелом положении – ей пришлось воевать на два фронта. По согласованию с османами в 1788 году с Россией начала войну Швеция. Королю Густаву III, усилившему свою власть в

стране, показалось, что наступил благоприятный момент для пересмотра условий Ништадтского мира 1721 года, по которому Швеция потеряла Восточную Прибалтику. Основные войска России были на Юге, там же воевали наиболее талантливые генералы и адмиралы. Шведы планировали разгромить русский Балтийский флот и высадить десант на Дворцовой набережной Петербурга. Опасность была весьма велика. Екатерина II очень беспокоилась и была даже готова для отражения шведского десанта вооружить горожан, создать в Петербурге народное ополчение. От пушечной пальбы русского и шведского флотов у острова Гогланд (то есть в непосредственной близости от Петербурга) содрогались стекла Зимнего дворца, и на улицах ощущалась пушечная гарь. Однако победы адмирала В. Я. Чичагова и успехи сухопутных войск в Финляндии отвели угрозу от столицы. В 1790 году шведы запросили мира, и он был подписан в Вереле. Прежние границы двух государств были вновь подтверждены.

Русско-турецкая же война занимала основное внимание императрицы. На Юге сражались две армии – одна под командованием П. А. Румянцева, другой руководил Г. А. Потемкин, который осуществлял главное командование. Он должен был занять важную крепость турок в Северном Причерноморье – Очаков. Эта крайне важная операция затянулась по вине Потемкина надолго, войска несли большие потери, пока, наконец, в декабре 1788 года крепость не была взята в ходе кровопролитного штурма.

Можно сказать, что эта война стала войной Суворова и Ушакова. Они словно состязались в громких победах – один на суше, другой на море. После того как Суворов блестяще отразил турецкий десант возле Очакова, на мысе Кинбурн в 1787 году, он еще несколько раз наносил туркам поражение – дважды в 1789 году в союзе с австрийцами при Фокшанах, а потом при Рымнике. В этих сражениях суворовские войска продемонстрировали необыкновенную по тем временам подвижность, совершая дальние марши и с ходу вступая в бой. И союзники, называвшие Суворова «генерал-вперед», и противники не могли не признать выдающийся гений русского полководца, побеждавшего численно превосходящего врага. Один из австрийских участников сражения вспоминает, что во время атаки Фанагорийского полка на расположения турок он вдруг услышал дружный смех русских солдат. Этот смех под огнем, в решительную минуту атаки, когда страх смерти леденит даже самые отважные людские души, показался наблюдателю хохотом из преисподней. Однако вскоре он понял, что смех русских солдат, вызванный каким-то забавным обстоятельством, лишь демонстрировал несокрушимый дух суворовских солдат, их уверенность в победе и в своем обожаемом командующем.

Легенды и слухи

Тайна личности Суворова

Среди распространенных в обществе слухов было утверждение, что Суворов был сыном Петра Великого. Этого быть не может – Петр умер в 1725 году, а Суворов родился в 1729 году. Впрочем, как и Ломоносов, Суворов был духовным сыном основателя империи, имел в своей душе некий огромный заряд творческой энергии и страсти. Не нужно представлять Суворова таким солдатским, лубочным, народным полководцем. Он относился к солдатам так, как и Петр, и как каждый военачальник не колеблясь посылал их на смерть, в огонь тысячами и потом хладнокровно переступал кровавые ручьи, текшие по полям его победных сражений. Для него солдаты были расходным материалом, с которым он работал. А как же иначе на войне! Однако он берег, знал и понимал русского солдата, умел с ним вести дело. Известно, что победитель Наполеона на поле Ватерлоо герцог Веллингтон на поле боя воодушевлял солдат словами: «Вперед, сволочи, вперед, ублюдки, негодяи, висельники!» Все они были набраны из отребья по кабакам и притонам и иных слов не понимали. В России было иначе. С русским солдатом – вчерашним рекрутом, помещичьим крестьянином обращаться следовало по-другому. Мужик приносил в армию из деревни патриархальность, артельность, дух общины. Для него командир был дворянином, отцом-помещиком, строгим, справедливым, он мог и пошутить, а мог и прибить.

Суворов сумел найти нужный и удобный ему свободный тон отношения с солдатами так, что его любили как своего, но на шею не садились.

В чем секрет военного гения Суворова? Почему до сих пор никто в России не смог сравниться с ним по величине военного таланта, что и порождает слухи о его происхождении от Петра Великого? Он считал, что основа военного успеха – смелость, решительность. Суворов развивал в подчиненных чувство превосходства, нравственной силы – матери бесстрашия:

«Сикурс (помощь. – Е. А.), опасность и прочие вообразительные в мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть, чтобы ноги не переломить».

Прибытие Суворова в войска имело огромное значение: силы солдат будто удваивались, а противник начинал нервничать. Суворов считал, что самый верный способ приучать солдата бесстрашно смотреть опасности в глаза – не ждать ее, а идти опасности навстречу. Поэтому такое внимание он уделял наступлению, непрерывным маршам, особенно по ночам. Теперь даже трудно представить, как могли его солдаты с полной выкладкой весом почти в пуд пройти в день по 80 верст! «Это еще ничего, – шутил Суворов, – римляне двигались шибче, прочтите Цезаря». Суворов был сторонником штыковой атаки. И дело не в несовершенстве тогдашнего стрелкового оружия, просто он хорошо изучил своего солдата. Склонность русского солдата к рукопашной была всегда инстинктивной, она заложена в национальном характере: шапку оземь! Раззудись рука, пропадай все пропадом – вперед, ура! Этот порыв удалства (обычно без ума) Суворов уснастил воинскими навыками, превратил в орудие победы. Поражает простота принципов, заложенных в суворовской системе. Он считал, что в бою многосложность действий забывается, порождает нерешительность, робость. Большие своего главного маневра солдату знать не нужно и даже вредно. Добивайся всеми средствами, чтобы солдат был уверен в себе, тогда он будет храбр!

Постепенно он стал настоящим любимцем армии – отважным, смелым, суровым к трусам и бездельникам, добрым и простым. О его непритязательности ходили легенды. С детства он приучал себя к аскетизму, в походе спал на соломе, скудно питался. Надо сказать, что легенды о непритязательности Суворова – человека богатого, но скупого – так перемешиваются с реальными фактами, что разделить их трудно, тем более, что сам Суворов плодил легенды о себе. Как пишет французский посол, в ответ на вопрос: верно ли, что Суворов спит одетый, на соломе и даже в ботфортах со шпорами и никогда не расслабляется, тот отвечал, что это неправда: иногда расслабляется – одну шпору отвинчивает!

В сложной личности Суворова было как бы несколько «слоев». Когда читаешь его письма, то кажется, что их писали несколько разных людей – так поразительно меняется их стиль. То это письмо простого, незатейливого солдата, режущего как бы невзначай правду-матку в глаза, не привыкшего держать в руке перо. То это тонкий интеллект, знаток литературы, античности, цитирующий классиков. То это прижимистый помещик, который пишет управляющему, чтобы письмо писал для экономии бумаги мелким почерком и с двух сторон листа и сам относил на почту. То это угодливый царедворец, готовый к унижению, к льстивым словам... И все это один человек – Суворов. Долгие годы он был верным клиентом Потемкина, заверял фаворита Екатерины, что «милости ваши превосходят мои силы, позвольте посвятить остатки моей жизни к прославлению столь беспредельных благодеяний». Однако после взятия Измаила Суворов, видя, как стал слабеть великий Потемкин, позволял себе дерзить сановнику. В ответ на вопрос светлейшего, какую награду он желает за взятую турецкую крепость, Суворов отвечал, что он не купец и торговаться не намерен, и его могут наградить только государыня и Бог. Это было несправедливо – ведь Потемкин всегда высоко ценил Суворова, и все награды, которые получал полководец от Екатерины II, были предложены ей Потемкиным. Увы! Суворов уже повернул нос в другую сторону – он хотел понравиться новому фавориту Екатерины Платону Зубову и хамским обращением со своим прежним

благодетелем прокладывал к Зубову дорогу. Со многими людьми у Суворова были тяжелые отношения, особенно с генералами – товарищами по оружию. Он часто показывал им свой вспыльчивый, необузданный и склочный характер. Всех поголовно он считал бездарностями и ничтожествами и не скрывал своего к ним презрения. Одновременно, он выпрашивал, кланчил, требовал для себя награды, вечно считая себя обделенным: «Вашему сиятельству и впредь служу, я человек бесхитростный... лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс» (из письма к И. П. Салтыкову с требованием наградить его орденом Святого Георгия 2-го класса).

Очень много писалось о чудачествах Суворова в присутствии царственных особ. Он сам говорил, что шутит как Балакирев, чтобы говорить царям правду. Это далеко не так. В кривлянии Суворова, в его вызывающем, шутковском поведении – соединение множества комплексов. Комплекс неполноценности и одновременно – превосходства, уверенность победителя и боязнь поскользнуться на придворном паркете. В шутковстве Суворова – своеобразная система защиты, стремление скрыть свою стеснительность, неловкость, неумение вести себя в непривычной обстановке, боязнь показаться смешным...

После победы при Фокшанах Россия быстро завоевала все пространство до Дуная, заняв Кишинев, Белгород, Хаджибей (там была основана Одесса), а также Бендеры. На следующий год, в 1790 году, Суворов штурмом взял Измаил – сильнейшую турецкую крепость на Дунае. Крепость была укреплена по последнему слову тогдашней техники, гарнизоном, превосходящим осадный корпус на 5 тыс. человек (!), командовал отважный комендант, отвергший все предложения Суворова о почетной сдаче. Тогда 11 декабря 1790 года начался штурм крепости. Он был настолько тяжел и опасен, что потом Суворов сказал, что такие крепости штурмуют только раз в жизни. Бои на укреплениях и улицах Измаила отличались необыкновенным ожесточением сторон. Из 35-тысячного гарнизона в бою пали 26 тыс., число погибших жителей Измаила неизвестно. Русские потери составили около 10 тыс. человек.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков.

Морские победы Федора Ушакова

Поспешно созданный в Херсоне и Николаеве Черноморский флот начал морскую войну с турками неудачно. В октябре 1787 года он понес сильный ущерб в открытом море от шторма, однако позже под командованием Ф. Ф. Ушакова одержал несколько блестящих побед.

Вначале капитан-бригадир Ушаков на линейном корабле «Святой Павел», командовавший в 1788 году русским авангардом, разбил турок в Фидонисском сражении у одноименного мыса (ныне мыс Змеиный). При этом он применил редкий тактический прием – на своем корабле вышел из боевой колонны и атаковал турецкий флагман адмирала Хасан-паши. Не выдержав смелой атаки, турецкий флагман вышел из боя, следом бежала и вся его эскадра.

В 1790 году в Тендровском сражении, уже командуя всем флотом, Ушаков разгромил турецкий флот, используя свое преимущество в движении, в умении создавать резервы, сосредоточить атаки на флагмане противника.

Еще более впечатляющей стала победа Ушакова при мысе Калиакрия в июле 1791 года. Он обнаружил турецкий флот (18 линейных кораблей и 17 фрегатов), стоявший у берега, под защитой береговых батарей. Воспользовавшись тем, что часть экипажей в мусульманский праздничный день находилась на берегу, Ушаков прошел с кораблями между берегом и стоящей на рейде эскадрой, отрезав экипажи от их судов.

Как и при Калиакрии, Ушаков атаковал флагмана и обратил турок в бегство.

«Все чины флота, – писал Ушаков императрице, – с крайним рвением и беспримерной храбростью выполнили свой долг».

Черное море оказалось под полным контролем России. Это побудило султана искать мира. Подписанный в 1791 году в Яссах мир был крайне выгоден России. Он закреплял все

ее завоевания в Причерноморье и на Кавказе. Границей двух империй стал Днестр. Правда, о «Греческом проекте» пришлось забыть, потому что война была тяжелой и до разгрома Турции было далеко. К этому времени умер и самый активный сторонник авантюры на Босфоре Г. А. Потемкин.

Станислав-Август Понятовский, король Польский.

Действующие лица

Станислав-Август Понятовский

Польский король Станислав-Август, видевший, как гибнет польская государственность, пытался добиться одобрения реформ политического строя Речи Посполитой у Екатерины II. Как известно, Станислав-Август стал королем исключительно по личному желанию императрицы Екатерины II. В конце 1750-х годов у нее был бурный, горячий роман с красавцем-поляком, но после того, как его, польского дипломата, уличили в связи с женой наследника престола, он, к горю Екатерины, был навсегда выслан из России. Все месяцы разлуки он хотел вернуться, но обстоятельства изменились; у Екатерины II появился новый фаворит – Григорий Орлов, и она уже не хотела возвращения Понятовского, особенно после переворота 1762 года, когда она стала государыней и опасалась, как бы подданные не обвинили ее в близких отношениях с иностранцем. Но все же она чувствовала некоторую вину перед Понятовским за невольное предательство их любви. Казалось, Екатерина ждала момента, чтобы отблагодарить Понятовского, загладить свою вину. И этот подарок-отступное, которое она вручила Понятовскому, оказался не только ослепительно великолепен, но и чрезвычайно опасен для обоих: отступным стал польский трон. Это произошло после смерти короля Августа III в октябре 1763 года. через год при помощи угроз, насилия и кровопролития Станислав-Август был втащен русскими дипломатами и генералами на престол Польши.

Все сановники Екатерины II были против этого шага, все считали, что государыня сошла с ума, предаваясь воспоминаниям старой любви. Но никто не знал, что кроме воспоминаний о романе у Екатерины II были политические цели в начатой «польской партии». Зато это сразу же понял Понятовский. Узнав о

своем жребии, он впал в отчаяние. «Не делайте меня королем, призовите меня к себе», – писал он Екатерине II. Тщетно. Все было уже решено – благодаря Понятовскому Польша должна стать подвластна России... Екатерина II хорошо знала своего бывшего возлюбленного и сознательно делала его марионеткой. Красивый, мужественный любовник Понятовский по своей натуре был слабым, безвольным, легко управляемым человеком. 2 ноября 1763 года он писал Екатерине: «Вы часто мне повторяли, что человек без честолюбия не мог бы нравиться вам. Вы вскормили его во мне... Мои стремления, впрочем, всегда ограничивались обязанностями подданного... Я точно не знаю, что вы хотите сделать из меня при настоящих обстоятельствах, но вы достаточно знаете меня, чтобы понять – такой престол с теми пределами власти, которыми вы хотите его ограничить, с тою моею посредственностью (если не сказать хуже) не есть положение, в котором бы я приобрел славу».

Екатерина знала, что он всегда боится совершить решительный поступок, никогда не рискнет его сделать. Вместе с тем она понимала, что как человек гордый, честолюбивый и тщеславный, Понятовский никогда не откажется от престола. В этом-то и состоял золотой капкан, расставленный Екатериной II. Императрица цинично и расчетливо думала и писала о нем: «Из всех искателей престола он имел меньше всех прав и, следовательно, больше других должен был чувствовать благодарность к России». Так король Станислав-Август стал «своим» королем для России.

Отныне защита короля от его внутренних и внешних врагов была объявлена долгом России. Все это открыло печальную страницу в истории Польши. Недаром Станислава-Августа называли «соломенным королем». Всеми делами в государстве заправлял русский посол Репнин. В 1771 году началось восстание; шляхта объединилась в Барскую конфедерацию, которая свергла короля. Следом идет привычный для русско-польских отношений XVIII века сюжет: ультиматум Петербурга, подкуп членов сейма, русский карательный корпус, кровь, смерть или Сибирь для поляков-конфедератов. Во всем, что происходило в Польше, Понятовский играл самую жалкую роль. Так, в ноябре 1771 года с ним случилось постыднейшее происшествие. На одной из варшавских улиц на его карету напали конфедераты и похитили короля, но потом они один за другим разошлись по каким-то своим неотложным делам. Последний из похитителей вообще бросил короля на произвол судьбы, как ненужную трость...

Прошли годы. Король царствовал, но не правил, приближалась эпоха разделов Польши. Они проходили на глазах короля, и он ничем не мог помочь ни Польше, ни себе – словом, слабый, безвольный человек.

«Государыня, сестра моя! – писал он тогда Екатерине II. – Невзирая на то, что меня огорчает молчание, которое Вашему императорскому величеству угодно хранить по поводу моих последних писем, невзирая также на то, как поражен я был, когда ваш посол, во время нашего последнего с ним разговора, заявил мне в резких выражениях, что судьба четверых моих министров, двое из которых являются моими близкими родственниками, может стать судьбой преступников... Но ведь не для того же, чтобы меня ненавидели, пожелали вы сделать меня королем? Не для того же, чтобы Польша была расчленена при моем правлении, угодно было вам, чтобы я носил корону?»

Но как раз Понятовского и сделали королем, чтобы он не мешал делить Польшу. Горячие же его слова ничего уже не значили для Екатерины... К тому же она знала, что Понятовский, страдая от своего бессилия, унижения, живет отнюдь не жизнью страдальца, а на широкую ногу, делает миллионные долги, которые приходится платить ей, российской императрице. Скорбя о судьбе Польши, он не отказывал себе ни в безумной роскоши, ни в изысканных утехах, ни в любовницах и дорогостоящих развлечениях. Его знаменитые «четверги» собирали во дворце всех выдающихся интеллектуалов, ярче всех на них блистал король. Знаменитый ловелас Казанова, посетивший двор Станислава-Августа, писал:

Король, пребывавший, как и всегда в присутствии гостей, в прекрасном настроении и

знавший итальянских классиков лучше, чем какой-либо другой король, завел речь о римских поэтах и прозаиках. Я вытаращил глаза от восхищения, услышав, как его величество цитирует их... Мы болтали о чем угодно с ним, и каждый раз, как я вспоминаю поистине достойные уважения качества, коими обладал этот великолепный государь, я не могу понять, каким образом мог он совершить столь грандиозные промахи – то, что он пережил свою родину, быть может, наименьший из них.

Второй и Третий разделы Польши

И вдруг в 1786 году ситуация резко изменилась, когда прусский король Фридрих-Вильгельм II поддержал Станислава-Августа в противовес России, с которой в это время находился в недружественных отношениях. Тут слабый, изнеженный, плачущий король, которого ненавидели многие на родине, все-таки показал, что и он поляк, и любит родину больше, чем роскошь и удовольствия. Ситуация позволила польскому королю в 1791 году провести реформу – ввести новую конституцию, которая ограничила права всемогущих прежде магнатов, установила наследственную монархию, отменила право каждого члена сейма кричать «вето», что уничтожало всякое, даже нужное нации решение сейма. Эта конституция в корне меняла судьбу Польши. Страна становилась конституционной монархией, у нее впервые появлялась регулярная армия, был учрежден новый воинский орден, словом, Польша как государство получила шанс возродиться к жизни. Но, увы, мужества королю хватило ненадолго. «Сестра» из Петербурга прикрикнула на него, велела королю отменить самую конституцию, примкнуть к противникам конституции, уничтожить учрежденный орден и явиться в Гродно. И он все послушно и привычно исполнил. В Гродно его арестовали, и он утвердил своей подписью второй раздел Польши. Пятнадцатого ноября 1795 года последний польский король отрекся от престола. Ему предписали жить в Гродно, русское правительство оплатило все его долги – 3 млн золотых, он был официально взят на содержание разделивших польские земли России, Пруссии и Австрии.

Между прочим, в основе новой польской конституции лежали так хорошо знакомые Екатерине II идеи Просвещения, идеи естественных прав народа. Однако русская императрица уже давно не думала так, как во времена писания своего Наказа. Она увидела в польской конституции опасность для могущества России, привыкшей верховодить в делах Польши. Не поддержала поляков и Пруссия, оставив Польшу один на один с Россией. Но все же главный удар новой польской власти нанесли своевольные и эгоистичные польские магнаты. Они, с помощью русских денег, собрали оппозиционную королю Тарговицкую конфедерацию, которая попросила Екатерину II о помощи. Эта помощь незамедлительно и была им оказана. 100-тысячное войско вошло в Польшу и в 1792 году заняло Варшаву. В спину полякам нанесла удар и Пруссия. Ее войска вступили в Польшу и захватили Гданьск, Торунь, Познань. Позже эти захваты были оформлены в виде русско-прусской конвенции. Россия получила часть Белоруссии и Правобережную Украину. Необыкновенно бесцеремонная политика союзников в Польше вызвала среди поляков бурю протеста. Весной 1794 года в Кракове вспыхнуло восстание, которое возглавил Тадеуш Костюшко, отважный воин, сражавшийся в Северной Америке на стороне колонистов, против англичан. Он сумел организовать свои войска, и они, воодушевленные идеями свободы и независимости своей родины, стали одерживать победы над союзниками. Костюшко освободил Варшаву и издал Поланецкий универсал об освобождении крестьян от крепостного права. Но неравенство сил сказалось довольно скоро. Поляки не смогли ничего противопоставить превосходящим силам русской армии, которую возглавил непобедимый Суворов. Он нанес Костюшко тяжелейшее поражение и после кровопролитного боя взял предместье Варшавы Прагу, где его солдаты устроили зверскую резню, и затем вступил в польскую столицу. За это он был произведен Екатериной в генерал-фельдмаршалы. Раненый Костюшко был захвачен и отправлен в Петербург. Восстание польского народа было утоплено в крови. Это была та военная катастрофа, после которой потерпевшая поражение страна исчезает с политической

карты мира. Так это и произошло. Осенью 1795 года Пруссия, Австрия и Россия, сев за стол переговоров, стерли с карты имя Польши, поделив ее территории. Это и был Третий раздел Польши. К России отошли Курляндия, Литва, Западная Белоруссия, западная часть Волыни. Пруссия оккупировала Варшаву, Австрия – Люблин. «Польская проблема» была решена. Станислав-Август Понятовский был привезен в Россию. Последний польский король умер в Петербурге.

Легенды и слухи

Посмертная история Понятовского

Он умер в феврале 1798 года в Мраморном дворце на берегу Невы. Последнее, что видели его глаза – белое ледяное поле Невы, обрамленное каменными стенами мрачной Петропавловской крепости. Станиславу-Августу устроили пышные королевские похороны. Согласно легенде, император Павел I возложил на голову покойного позолоченную серебряную корону. Его похоронили в церкви Святой Екатерины на Невском проспекте, в самом центре имперской столицы. Но праху изгнанника не было покоя. Его могилу вскрывали несколько раз, и однажды, в 1858 году, произошел ужасный случай.

Дело в том, что к праху Понятовского было решено подхоронить маленький гробик с останками другого польского короля-изгнанника Станислава Лецинского. Его судьба так же трагична, как и судьба Понятовского. Он был дважды избран королем (в 1704 и 1733 годах). Его дважды свергали с трона русские – сначала Петр I, потом Анна Иоанновна. Укрывшись во Франции, он стал тестем Людовика XV, выдав за него свою дочь Марию. Станислав погиб в 1766 году при ужасных обстоятельствах. Он задремал в кресле у камина, незаметно выпавшая из камина головешка подожгла одежду экс-короля, и он заживо сгорел. Его похоронили в Нанси. В 1793 году революционеры разграбили могилу и разбросали кости польского экс-короля. часть из них удалось собрать в маленький гробик и вывезти в Польшу. Но в 1830 году гробик стал трофеем русских войск, подавивших польское восстание, и его привезли в Петербург. И только в 1858 году в присутствии брата царя Александра II великого князя Константина Николаевича было решено предать его земле, поставить в склеп Понятовского.

И вот когда вскрыли склеп, то «для удовлетворения любопытства присутствующих» подняли гроб Понятовского и открыли его. Вдруг в этот момент, как описывает свидетель, голова короля с позолоченной короной выпала из истлевшего гроба «и в тишине с грохотом покатила по каменному полу. Под впечатлением этого ужасного происшествия все онемели. Тогда великий князь Константин упал на колени и начал читать “De profundis”, и все последовали его примеру. Крышку положили на место, и оба гроба спустили вниз».

Накануне Второй мировой войны, в 1938 году, при закрытии храма большевиками прах польских королей был передан полякам. Но Польша, похоронив патриота Лецинского в Кракове, не хотела знать короля-предателя Станислава-Августа, и его прах погребли в скромном костеле местечка Волчин, где когда-то он родился. Но и на этом не закончились злоключения несчастного Станислава-Августа. В 1939 году по пакту Молотова – Риббентропа Волчин отошел к СССР; могила была вновь вскрыта и кем-то ограблена. Исчезла позолоченная корона, гербы и большая часть костей. И только в 1995 году, почти двести лет спустя, прах последнего польского короля был с почестями перезахоронен в Варшаве. Наконец, он обрел покой – Родина-мать приняла и простила его...

Екатерина и революция во Франции

Драматические события в Польше проходили на фоне грандиозных перемен во Франции, где пала одна из великих европейских монархий и уже давно шла кровавая вакханалия революции. Революция началась в 1789 году и поначалу не вызывала в

Петербурге особого беспокойства. Екатерина II, не дружившая с Людовиком XVI и Францией вообще, даже с некоторой долей злорадства следила за трудностями, которые встали перед Бурбонами. В России была даже опубликована Декларация прав человека и гражданина, в которой было много параллелей с Наказом Екатерины II. Но постепенно, по мере того как все больше и больше разгорался революционный пожар, Екатерина тревожилась все больше и больше. Когда же она получила известие о казни короля Людовика XVI, то даже слегла в постель от огорчения. Нет, она не боялась французской интервенции – слишком далека была Франция. Ее беспокоило другое – судьба идей, которые легли в основу революции. А дело в том, что, как ни парадоксально звучит, это были и ее идеи. Идеи Просвещения, идеи равенства, человеческого достоинства, свободы породили и Французскую революцию, и просвещенный абсолютизм Екатерины II. Идеями Просвещения, мыслями Монтескье, Вольтера, Д'Аламбера были пронизаны многие реформы Екатерины. Но эти же идеи и мысли породили и кровавую гидру революции. Екатерина яростно защищала своих кумиров. Она писала, что не философы виноваты в злодеяниях революции, а ловкачи-политики, которые этими идеями спекулировали. Поэтому государыня опасалась, как бы и в России не появились такие же, как во Франции, Робеспьеры, Мараты. Они начали с того, что тискали статейки в газетенках, листовках, сочиняли пьески о республике, свободе, тирании. Особо недолго любила государыня масонов. Раньше, в прежние годы, она ото всей души смеялась над их дурацкими обрядами, черепами, страшилками в полутьме, над их тайнами, перстнями и считала их шарлатанами. Но когда во Франции началась революция, она узнала, что многие ее вожди – члены масонских лож. К этому вспоминалась американская революция, где все главари мятежников были масонами.

Словом, на масонов началось гонение. Их стали подозревать в том, что по своим каналам они переправляют в Россию литературу, устанавливают связи. Когда в Риге были внезапно арестованы два студента, ехавшие домой из Европы, то их бумаги все перетрясли, а начальник Тайной экспедиции Степан Шешковский спрашивал у них на допросе, «от чего произошла французская революция, сие чудовищное произведение кровопийственной философской просвещенной политики» и какое участие в этом принимали масоны. Шешковский сам таких и слов не знал, он явно говорил с голоса государыни, которой масоны очень не нравились. Екатерина стала относиться к событиям во Франции все более серьезно. «Дело французского короля, – писала императрица, – есть дело всех государей». Она понимала революцию во Франции как угрозу всему европейскому порядку, более всего опасаясь разгула черни, подобного нашей пугачевщине. Она стала оказывать помощь бежавшим из Франции эмигрантам, думая, что революционный пожар будет потушен роялистским движением.

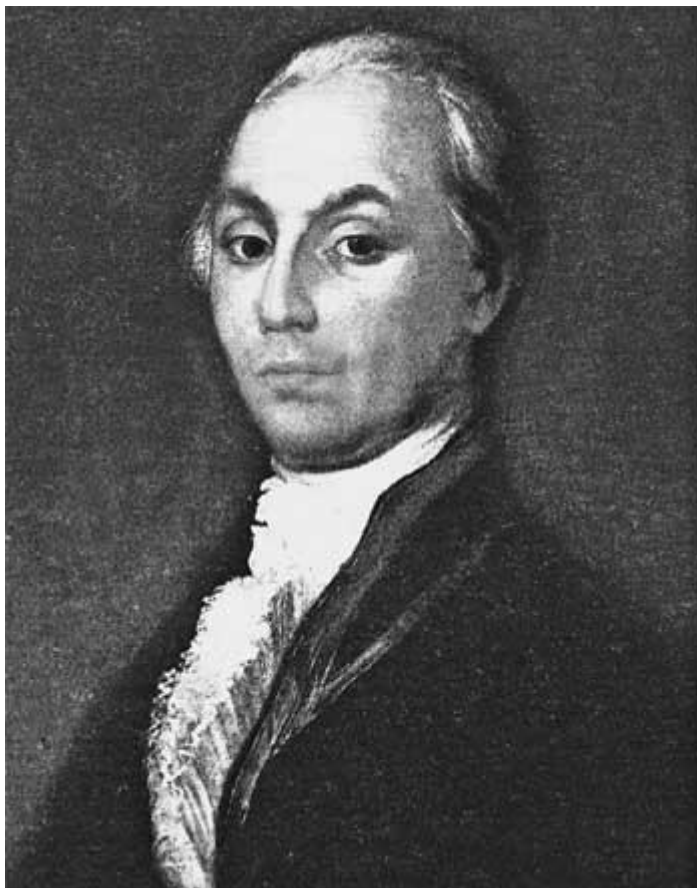
Арест, казнь короля и королевы повергли Екатерину II в болезненное состояние. Узнав об образовании республики, она решила, что это долго не протянется и что придет властный, сильный человек, который восстановит порядок. Поддерживая эмигрантов, императрица была весьма невысокого мнения об их вождях, считая их неспособными организовать сопротивление революционерам. Мало надеялась она и на действия крупных европейских держав, думавших о своих интересах. Впрочем, стоя во главе одной из таких держав, она была лишена сентиментальности. По большому счету падение Франции было выгодно России, ведь почти весь XVIII век французская политика была недружественна России. Франция покровительствовала антирусским силам в Польше, Швеции, Османской империи. Вместе с тем, как и другие государи, императрица внимательно наблюдала за тем, чтобы после победы над революцией никто из европейских держав не получил особых преимуществ.

Дела Радищева и других просветителей

Екатерина II была уверена, что России ничего не угрожает. Слишком далека была от ее границ Франция; но все же она была обеспокоена событиями в этой стране. Прозвище

«якобинец» в ее устах стало ругательством. Так она называла восставших поляков, опасалась происков якобинцев в России и других странах. Были предприняты некоторые превентивные полицейские меры. За эмигрантами-французами был установлен строгий (в том числе тайный) контроль. Екатерина II была убеждена, что с идеями нельзя бороться пушками, и, вопреки своим прошлым представлениям, начала возводить «умственные плотины» на пути революционных идей или мнений, которые казались ей чем-то опасными.

Самым громким «книжным делом» стало дело директора петербургской таможни А. Н. Радищева, написавшего в 1790 году «Путешествие из Петербурга в Москву». Не дочитав до конца книгу, Екатерина II сказала: «Тут рассеивание заразы французской: отвращение от начальства», – и приказала найти и арестовать автора, что и было вскоре сделано. Так летом 1790 года над головой в общем-то благополучного чиновника Радищева разразилась страшная гроза. Он внезапно был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость. Когда к нему домой явились люди, он спросил, от кого они приехали. «От Шешковского», – был ответ. Радищев упал в обморок. Имя начальника Тайной экспедиции всех приводило в трепет... Радищева арестовали, заковали в кандалы, заключили в каземат. Страшно было то, что делу дала ход сама императрица Екатерина.

А. Н. Радищев.

Когда Радищев, с недельной щетиной, в одежде со срезанными пуговицами, с мыслями в беспорядке, появлялся перед столом начальника Тайной канцелярии Степана Ивановича Шешковского, из него можно было вить веревки. При запирательстве Шешковский применял к дворянам легкое принуждение. Как писал сын Радищева,

Шешковский сам хвалился, что знает средства вынуждать признания, а именно он начинал тем, что допрашиваемое лицо хватит палкой под самый подбородок, так что зубы затрещат, а иногда и повыскакивают. Ни один обвиняемый при таком допросе не смел защищаться под опасением смертной казни.

Сохранились письма и завещание Радищева, написанные им в первые дни ареста. Из них ясно – Радищевым в Петропавловской крепости владел страх, подчас истерическая паника. Видно, что человек готовился к самому худшему. Радищев не был трусом, но, по-видимому, Шешковский его сломал. Это он делал не раз. Так, в конце 1790 года он допросил автора «Вадима Новгородского» Якова Княжнина. Четырнадцатого января 1791 года Княжнин впал в жестокую горячку и умер.

Думаю, что Шешковский был страшен тем, что для Радищева он олицетворял «государственный страх», огромную беспощадную машину насилия, которая могла превратить человека в прах, пыль. Здесь, в тесном и темном каземате, по стенам которого сочилась вода, человек в полной мере понимал свою незащищенность. Его не спасали ни дворянские привилегии, ни законы. Ждать помощи снаружи было бессмысленно. Хозяин застенка мог сделать с тобой все, что угодно. Нужно было только собрать остатки мужества и не позволить ему шить коллективное дело, заговор. И Радищев сумел отстоять себя в этом неравном состязании. На суде произошел такой диалог:

Судья : С каким намерением сочинили вы оную книгу?

Радищев : Намерения при сочинении другого не имел, как быть известным в свете сочинителем и прослыть остроумным писателем.

Судья : Кто именно вам в этом сообщники?

Радищев : Никого сообщников в том не имел.

Судья : Чувствуете ли важность своего преступления?

Радищев : Чувствую во внутренности моей души, что книга моя дерзновенна, и приношу в том мою повинность...

Заглянем в источник

По воле государыни Радищев оказался в крепости. Это было серьезным испытанием для психики человека, особенно если он был не из простонародья. Современник Радищева Григорий Винский описывает в своих мемуарах, как его приняли в Петропавловской крепости сразу после ареста:

«Не успел я, так сказать, оглянуться, как услышал: “Ну, раздевайте!” С сим словом чувствую, что бросились расстегивать и тащить с меня сюртук и камзол. Первая мысль: “Ахти, никак сечь хотят!” (согласно привилегиям, дворяне не подлежали телесным наказаниям. – Е. А.) – заморозила мне кровь; другие же, посадив меня на скамейку, разували; иные, вцепившись в волосы и начавши у косы разматывать ленту и тесемку, выдергивали шпильки из буколей и лавержета, заставили меня с жалостью подумать, что хотят мои прекрасные волосы обрезать. Но, слава Богу, все сие одним страхом кончилось. Я скоро увидел, что с сюртука, камзола, исподнего платья срезали только пуговицы, косу мою заплели в плетешок, деньги, вещи, какия при мне находились, верхнюю рубаху, шейный платок и завязку – все у меня отняли, камзол и сюртук на меня надели. И так, без обуви и штанов, повели меня в самую глубь каземата, где, отворивши маленькую дверь, сунули меня в нее, бросили ко мне шинель и обувь, потом дверь захлопнули и потом цепочку заложили... Видя себя в совершенной темноте, я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода. Из осторожности простерши руки вправо, я оцупал прямую мокрую стену; поворотясь влево, наткнулся на мокрую скамью и, на ней севши, старался собрать распавшийся мой рассудок, дабы открыть, чем я заслужил такое неслыханно-жестокое заключение. Ум, что называется, заходил за разум, и я ничего другого не видал, кроме ужасной бездны зол, поглотившей меня живого».

Такое сидение в темноте в течение нескольких дней было хорошо продуманным шагом, психологической обработкой изнеженного узника.

Судьба Радищева была решена уже в самом начале его дела. Вообще-то Радищеву страшно не повезло. Он не вовремя написал свое произведение и попал под обычную в России кампанию. В книге Радищева, написанной довольно плохо, затрагивались те современные проблемы России, о которых часто писали другие авторы в русской печати, в

том числе и сама Екатерина II. Однако, к несчастью Радищева, книга вышла в тот момент, когда императрица решила положить конец распространению «французской заразы». Уже в Сибири он признавался, что если бы издал книгу лет за десять до Французской революции, то его еще наградили бы как автора, указавшего на многие пороки системы. Но тут наградой стали кандалы и Петропавловка. Книга его была сожжена, прах развеян. Радищева за «умствования, разрушающие покой», признали государственным преступником, приговорили к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. В первый раз в новой истории России общегражданский суд выносил суровый приговор автору художественного произведения, которое признали призывом к бунту. В качестве главного доказательства судьям вслух читали «Путешествие из Петербурга в Москву». Суд был формальностью – все решили пометы императрицы на полях книги... Судьба Радищева оказалась печальной. Его приговорили к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Как говорили в старину, «Сибирь – та же Россия, но только пострашнее». Пять лет провел в Илимске Радищев. Он жил там несравненно лучше, чем другие узники. Отдельный дом, разрешенные прогулки по окрестностям. Он собирал гербарии, охотился. Сестра жены привезла к нему детей, он учил их наукам. Потом Радищев женился на этой женщине. Любопытно, что местный урядник пытался сорвать с Радищева взятку. Он полагал, что начальник столичной таможни попал сюда за злоупотребления по финансовым делам. На второй день своего царствования Павел I распорядился освободить Радищева, а Александр I вернул его в Петербург, возвратил орден, чин и дал работу. Но жизнь и судьба Александра Николаевича были безвозвратно сломаны могучей силой государства. Он был убежден, что если мучения от жизни превосходят меру, то жизнь нужно оборвать. Одиннадцатого сентября 1802 года утром Радищев выпил стакан азотной кислоты (крепкой водки). Придворный медик Виллие пытался его спасти, но безуспешно. Уезжая от умирающего, Виллие, совсем не знавший Радищева, сказал: «Видно, что этот человек был очень несчастлив».

Суровая участь ждала и попавшего в опалу знаменитого московского просветителя и масона Николая Новикова. Как уже сказано выше, в 1790-х годах Екатерина II изменила свое мнение о масонах. Они стали ей казаться проводниками идей революции. К тому же Екатерина II подозревала (не без оснований) в связях с масонами собственного сына Павла, которого не любила и не хотела видеть на престоле после себя. Поэтому Новиков был арестован, его издательство закрыто, без суда его заключили в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет. Это, по мысли Екатерины II, должно было стать предупреждением всем, причастным к масонству. Суровая расправа с Радищевым, Новиковым, а также автором пьесы «Вадим Новгородский» Яковом Княжниным произвела гнетущее впечатление на тех, кто знал Екатерину II – сторонницу свободы слова.

Совет при высочайшем дворе. Имперская идея

Неудачный проект Панина 1763 года не отбил у Екатерины охоту учредить Совет, а лишь скорректировал план создания будущего совещательного органа. Вся предыстория самодержавия говорила о необходимости создания такого органа. В результате Екатерина пошла по традиционному пути и в конце 1768 года создала такой «Совет при высочайшем дворе», компетенции которого четко не определялись, а общая задача его деятельности была сформулирована по-старинному туманно:

Иметь как рассуждение, так и бдение, дабы ничего не было упущено, что служить может к обороне и безопасности государства, также и к военным действиям, о чем о всем сей Совет непосредственно Нам докладывать должен.

Словом, советуйте, а мы посмотрим! Естественно, что в состав Совета вошли только близкие, доверенные сановники Екатерины. Совет занимался множеством дел, но императрица при окончательном решении могла и не считаться с советами его членов.

Созданный Совет нельзя рассматривать изолированно от всей системы власти, которая сложилась при Екатерине. Он был одним из ее важных элементов, причем общий характер

созданной системы и ее функционирования строился на началах, прямо противоположных тем, о которых ратовал в своем проекте Панин. Это было, по терминологии историков русского права XIX века, «личное начало». Оно проявилось в реформе Сената, когда генерал-прокурор А. А. Вяземский приобрел огромную власть – большую, чем его предшественники, начиная с первого генерал-прокурора П. И. Ягужинского. Известно, что в секретной инструкции Вяземскому Екатерина написала: «Совершенно надеетесь на Бога и на меня, а я, видя ваше угодное мне поведение, вас не выдам». Таким образом, воля императрицы была выше закона. Личное начало проявлялось и в том значении, которое придавалось при Екатерине II президентам трех важнейших коллегий – Военной, Адмиралтейской и Иностранных дел. Эти президенты – доверенные люди, фактически были министрами, управлявшими своими учреждениями практически без всякой коллегиальности. В этом видна давняя, еще с петровских времен традиция выделения трех первых коллегий из ведомства Сената и отсутствие в них коллегиальности.

Ко временам Екатерины II введенная Петром Великим коллегиальность управления не выдержала испытание временем ни в Сенате, ни в центральных учреждениях. Система самодержавия, порожденное им господство фаворитов, «ласкателей» и «сильных людей», низкая исполнительская культура чиновников – все это делало коллегиальность формальной и малоэффективной.

Изменения в сфере высшего и центрального управления были связаны не только с неэффективностью коллежского начала, но и с желанием Екатерины II глубже, чем ее предшественники, вникать в дела и реально управлять страной. Известно высказывание Екатерины II о том, что она часто видит тщетность всех своих усилий. Что бы она ни делала, для России это остается каплей в море. Если отбросить литературность этого высказывания, то можно понять проблемы императрицы – повелительницы гигантской страны, размеры которой продолжали увеличиваться. В царствование Екатерины II разнообразные геополитические факторы, связанные с расширением империи, начинают оказывать все более серьезное влияние на внутреннюю политику, устройство государства. Если при Петре I, когда Россия получила название империи, для политики все же были еще характерны типично средневековые представления о статусе многих завоеванных и добровольно присоединенных к России нерусских территорий как о «вотчинах», «царствах» русского царя, то в екатерининское время все изменилось. По мере расширения экспансии на Запад (разделы Польши) и Юг (завоевание Причерноморья и Крыма) эта политика становится имперской, то есть она отражает комплекс имперских идей властвования над другими народами в многонациональной стране. Сутью ее в аннексированных землях, лежащих за пределами первоначального расселения великорусской народности, становятся три начала: русификация, централизация и унификация.

Нужно учитывать и психологию Екатерины – вчерашней иностранки, страстно хотевшей, чтобы русские признали ее своей. Основная линия родства Екатерины с Россией шла через империю, династию. Она воспринимала себя не вдовой Петра III, а членом династии Романовых. Когда Екатерина II пишет: «Покойная моя бабка», – то имеет в виду не Альбер тину Фредерику Баден-Дурлахскую, а императрицу Екатерину I. В таком же контексте она использует выражение «предки мои», говоря о династии Романовых. Не случайно граф Сегюр, видевший императрицу на показательных учениях на знаменитом Полтавском поле, писал: «Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины II. Казалось, кровь Петра Великого струилась в ее жилах».

Заметки на полях

Русификация проявлялась не только в том, что многие ценности цивилизации приходили к «инородцам» через русскую культуру и русский язык, и не только в том, что русские начали переселяться на окраины, а в сознательном стремлении власти подчеркнуть превосходство русских, их культуры. Во многом это объясняется особым патриотизмом самой императрицы. Нетрудно понять, откуда это пришло. Здесь и трезвый политический расчет – Екатерина II не

забыла, что пренебрежение Петром III всем русским стало одной из причин его падения. Здесь и искренняя любовь Екатерины к стране, которая сделала ее великой императрицей, принесла ей бессмертную славу. Здесь и восхищение русским народом, за спиной которого, при всех передрыгах, можно чувствовать себя, как за каменной стеной («Русский народ есть особенный в целом свете, Бог дал отличные от других свойства»).

Екатерина II была непоколебимо убеждена в изначальном превосходстве русских над другими народами. Если ее филологические занятия, приводившие государыню к убеждению, что все языки произошли от русского и что название «Гватемала» переводится как «Гать Малая», и что английские парламентские учреждения вышли из Новгорода Великого, могут вызвать улыбку, то все выглядит иначе, когда императрица занималась политикой. В отношении нерусских частей империи Екатерина II осторожно, но последовательно проводила политику усиления русского элемента; при ней осуществлялась продуманная стратегия постепенного выравнивания статуса этих территорий, которые исторически отличались от России. Делалось это преимущественно путем административных изменений, на основе унификации и централизации.

Екатерина понимала всю сложность работы своих чиновников на Украине и призывала того же Румянцева вести политику осторожно, «иметь и волчьи зубы и лисий хвост». Совершенно нетерпима была Екатерина II к полякам. Таких резких, уничтожающих характеристик, которые императрица давала полякам, польской нации, еще не звучало в XVIII веке. Можно предположить, что столь несвойственная гуманной Екатерине ярая ненависть к полякам объясняется политическими причинами, вольнолюбием шляхты, традициями дворянской демократии Речи Посполитой. Это все и вызывало зубную боль как в Берлине, Вене, так и в Петербурге. Кроме того, трагедия польской государственности, которую она переживала в XVIII веке, интерпретировалась Екатериной II как неспособность польского народа существовать самостоятельно, как проявление природной порочности поляков. В имперской политике Екатерины II использовался универсальный имперский принцип: «Разделяй и властвуй». Во время польского восстания 1794 года она рекомендовала Т. И. Тутолмину использовать давний антагонизм белорусских крестьян и польских помещиков, «ободряя покровительством» русской власти первых против вторых.

Заглянем в источник

В инструкции А. А. Вяземскому в 1764 году Екатерина II так сформулировала свою имперскую стратегию:

«Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конформированными (т. е. утвержденными. – Е. А.) им привилегиями, нарушать оныя отрешением все вдруг весьма непристойно б было, однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостью. Сии провинции, также и Смоленскую (губернию), надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы оне обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях».

А в наставлении 1764 года П. А. Румянцеву, назначенному главнокомандующим Украины, уточнялись многие способы достижения имперских целей. Среди них: ограничение свободы передвижения украинских крестьян, распространение на них крепостного права, что и было при Екатерине II с успехом сделано. Кроме того, в 1764 году на Украине было ликвидировано гетманство, а в 1791 году императрица подписала манифест об установлении черты оседлости для евреев. Активно прорусской была политика Г. А. Потемкина в Причерноморье. Недаром новое генерал-губернаторство называлось Новороссией, а крымские татары были сильно ущемлены в своих правах.

Императрица Екатерина II была уверена, что включение польских территорий в Россию

принесет полякам благо. В мае 1772 года она писала генералу В. В. Каховскому, которого намеревалась назначить губернатором будущей Могилевской губернии и посылала в Польшу для общей разведки на территории, где ему предстояло стать губернатором:

Решились мы ныне на присоединение к империи нашей некоторых польских земель... Вы всячески стараться будете, чтобы с вступлением новых провинций под скипетр наш в оных пресекались всякия угнетения, притеснения, несправедливости, разбои, смертоубийства... одним словом, мы желаем, чтобы не токмо сии провинции силою оружия были нам покорены, но чтобы все сердца людей в оных живущих добрым, порядочным, правосудным, снисходительным, кротким и человеколюбивым управлением Российской империи присвоили, дабы они сами причину имели почитать отторжение свое от анархии Республики Польской за первый шаг к их благоденствию.

Губернская реформа 1775 года

Твердое убеждение императрицы в том, что захваченные территории будут жить лучше, попав под ее скипетр, зиждилось на уверенности в значительных возможностях внутреннего режима управления. С петровской эпохи, с проведения первой и второй областных реформ утвердился универсальный принцип, согласно которому все области России, вне зависимости от национальных, социальных, исторических, геополитических особенностей, получали единую систему местного управления, построенную на основах строгого централизма и бюрократизации. В послепетровские годы система местного управления, заимствованная из Швеции, утратила многие черты своего оригинала. Начала камерализма, разделение функций различных ветвей власти – это и многое другое было забыто. Слишком громоздким, дорогим и неудобным казался весь созданный Петром Великим аппарат. В целом, в системе местного управления при ближайших преемниках Петра Великого произошел серьезный откат от петровских принципов регулярного государственного устройства, проявилось почти полное возвращение к примитивной допетровской воеводской системе управления.

Полученное от предшественников наследие не устраивало Екатерину II потому, что допотопный воевода, воплощавший в одном лице судью, главного финансиста и администратора, принципиально не соответствовал просветительским концепциям Екатерины II в области права. Местное управление казалось императрице архаичным, порождавшим извечные пороки русской бюрократии – волокиту, взятки, злоупотребления. Оно было слабо управляемо из центра, поражало дикостью административных нравов. Кроме того, просветительская концепция требовала от местного управления участия в социальной политике, в управлении сословиями.

Основной документ реформы – «Учреждения для управления губерниями», изданные в 1775 году, – был написан в основном самой императрицей, которая при работе над текстом прибегала к помощи сановников и знатоков западноевропейской и прибалтийской местной администрации. По своему значению «Учреждения» стали крупнейшим после Наказа произведением Екатерины II как государственного деятеля. Если Наказ был во многом публицистическим сочинением, то «Учреждение» явилось полноценным законодательным актом на базе идей Наказа. Так она мыслила перестроить всю систему государственной власти в России. В этом документе Екатерина II продемонстрировала все свое искусство соединить самодержавную форму правления с законностью.

Заметки на полях

Побед добиваются люди, и нельзя не признать, что царствование Екатерины II стало временем появления незаурядных, выдающихся государственных, политических и военных деятелей, художников и писателей. На знаменитой «скамейке» вокруг статуи Екатерины II в Петербурге довольно тесно сидят 9 ее сподвижников: Александр Суворов, Петр Румянцев, Григорий Потемкин, Алексей Орлов, Екатерина Дашкова, Иван Бецкой, Василий Чичагов,

Александр Безбородко, Гавриил Державин. Но им можно было бы потесниться и дать место еще десятку или полтора, если не больше, знаменитостей. Здесь нашлось бы место и историку князю Михаилу Щербатову, и адмиралу Федору Ушакову, и графу Никите Панину, а также архитекторам: Василию Баженову и Николаю Львову, поэту Михаилу Хераскову и многим-многим другим достойнейшим людям.

Не приходится сомневаться, что все эти многочисленные таланты созрели «под сению» Екатерины II. Она обладала редкой способностью подбирать людей, облекать их своим высоким доверием, делать их обязанными и бесконечно благодарными ей. Много раз Екатерина II пыталась объяснить, как это у нее получалось. Не все сказанное и написанное ей на эту тему – чистая правда, но факт есть факт – императрица прошла по истории, буквально окруженная толпой талантов, чего, например, не скажешь о правлении ее внуков. Екатерина II никогда не жаловалась на недостаток толковых людей:

«По моему мнению во всяком государстве найдутся люди, и искать их нечего; нужно только употребить в дело тех, кто под рукою. Про нас постоянно твердят, что у нас неурожай на людей, однако, несмотря на это дело делается. У Петра I-го были такие люди, которые и грамоте не знали, а все-таки дело шло вперед. Стало быть, неурожая на людей не бывает, их всегда многое множество».

Этому признанию лучше не верить. Легкость императрицы в подборе нужных людей кажущаяся. В 1769 году английский дипломат писал: она выбирает людей, «сообразуясь с их личными способностями и с тою целью, для которой они ей нужны».

«Изучайте людей, – предостерегала она потомков, – старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю света: по большей части оно скромно и прячется где-нибудь в отдалении. Доблесть не выказывается из толпы, не стремится вперед, не жадничает и не твердит о себе».

Екатерина обладала способностью нравиться людям, увлекать, сманивать их на свою сторону, превращать их – прежде враждебных, равнодушных или нейтральных – в своих верных слуг, надежных сторонников, добрых друзей. Исторические документы донесли до нас множество проявлений этого редкостного таланта. Один из адмиралов говорил, что Екатерина II перед его походом в море с такой уверенностью приказывала победить противника, что у него не было никакого другого выбора в действиях. В 1771 году она писала занявшему Керчь фельдмаршалу князю В. М. Долгорукову:

«Приметна мне стала из писем ваших персональная ко мне любовь и привязанность и для того стала размышлять чем бы я, при нынешнем случае, могла вам сделать с моей стороны приятнь».

С этим милым посланием Екатерина II отправила фельдмаршалу изящную табакерку со своим портретом и с «просьбой ее носить, ибо я ее к вам посылаю на память от доброго сердца». Сердце старого солдата не могло не растаять от этой ласки повелительницы. То же можно сказать о сердце французского дипломата графа Сегюра, который, несмотря на все свои симпатии к Екатерине, не смог сопротивляться усилившейся в 1780-х годах антирусской политике Версаля. Сегюр вспоминал, что раз, после неприятных известий из Франции, он, сидя на спектакле неподалеку от императрицы, предавался в полутьме своим мрачным мыслям:

«Я был весь погружен в думу, как вдруг услышал голос под самым ухом. Это был голос императрицы, которая, склонившись ко мне, говорила тихо: “Зачем грустить? К чему ведут эти мрачные мысли? что вы делаете? Подумайте, ведь вам не в чем упрекнуть себя”».

Когда-то мадемуазель Кардель непрерывно твердила маленькой Фике, что от частого употребления слов «милостивый государь» язык не отсохнет, что вежливость и внимание к людям – важнейшие качества доброго человека. И Екатерина эти уроки усвоила хорошо. Здесь вспоминается ее неприятие всякого

насилия над слугами, ее манера брать табак из табакерки левой рукой, чтобы гостям, пожалованным к руке (по обычаю – к правой), не был неприятен запах никотина. Памятна и смешная история с победителем шведов адмиралом чичаговым. Екатерина II хотела видеть героя. Окружающие отговаривали ее: адмирал – человек несветский, и к тому же изрядный матершинник! Императрица на своем все же настояла. Свидание состоялось, и адмирал стал ей повествовать о своей победе над шведской эскадрой. Сначала он был смущен, косноязычен, но постепенно распался, забылся и под конец произнес в адрес своих неприятелей несколько привычных ему непечатных слов. Спихтавшись, он рухнул в ноги Екатерине просить пощады, а она, как ни в чем не бывало, кротко сказала: «Ничего, Василий Яковлевич! Продолжайте, я ваших морских терминов не разумею».

Именно в личной доверительной беседе Екатерина II познавала и покоряла людей. У нее была способность слушать собеседника, а не ждать паузы в его речи, чтобы – как это делают многие люди – начать говорить о себе любимом. Как мы уже писали, беседовать с царицей было легко и приятно. Барон Гримм вспоминал:

«Императрица обладала редким талантом, которого я ни в ком не находил в такой степени: она всегда верно схватывала мысль своего собеседника, следовательно, никогда не придиралась к неточному или смелому выражению и, конечно, никогда не оскорблялась таковым... Нужно было видеть в такие минуты эту чудную голову, это соединение гения и грации, чтобы составить понятие, какие блестящие мысли толпились и сталкивались, так сказать, устремлялись одна вслед за другою, как чистые струи водопада».

Некоторые принципы ее поведения с людьми мы можем понять из пространного письма императрицы генерал-губернатору Москвы фельдмаршалу П. С. Салтыкову, который в ноябре 1770 года должен был принять в старой столице важного зарубежного гостя – брата Фридриха II принца Генриха. Екатерина II в письме не только показывает свое глубокое знание людей, но и дает своему сановнику неназойливые советы, как себя вести с гостем, как ему понравиться:

«Надо вам еще сказать, что с первого взгляда принц Генрих отличается чрезвычайной холодностью, но не ставьте в счет эту холодность, потому что она оттаивает. Он очень умен и весел, он знает, что генерал-фельдмаршал граф Салтыков также бывает весел и любезен, когда захочет... Постарайтесь, чтоб принц не скучал. Он любезен и охотник обогащаться сведениями. Устройте, чтоб он мог видеть все достопримечательное. Наконец, господин фельдмаршал, надеюсь, что вы всем скажете, что вежливость и внимательность никогда никому не вредили, и что ими не столько воздаешь почта другим, как внушаешь о самом себе доброе мнение. Я бы желала, чтобы этот принц, возвратившись домой, сказал: “Русские так же вежливы, как и победоносны” (Салтыков – победитель Фридриха II в знаменитом сражении при Кунерсдорфе в 1759 году. – Е. А.). Вы знаете мою любовь к Отечеству, мне хочется, чтоб народ наш славился всеми воинскими и гражданскими доблестями и чтоб мы во всех отношениях превосходили других».

Как использовал советы Екатерины II грубоватый Салтыков, мы не знаем, но после чтения этого письма можно наверняка сказать, что императрица была умна, тонка, умела вести дело с самыми разными людьми, и неизменно – с выгодой для себя и России. Она не требовала от людей невозможного, не раз повторяла свою любимую поговорку: «Станем жить и дадим жить другим». Екатерина II умела брать от людей то, что они могли дать. Как-то раз ей донесли о том, что Сенат получил от некоего провинциального воеводы доношение о невероятном, по мнению этого дремучего чиновника, событии – солнечном затмении, и предложили сместить невежду. Императрица отказалась это сделать: «А если он добрый человек и хороший судья? Пошлите ему (лучше) календарь». чиновник, облеченный доверием императрицы, мог рассчитывать на ее полную поддержку. При этом в отношениях с людьми Екатерина II не была ни сентиментальна, ни, в

ущерб себе и делу, излишне добра или терпима. Ею владел дух рационализма, и никакие прежние воспоминания и дружеские связи не останавливали гнева императрицы, если она видела леность, бесчестность, обман, что-то недостойное в поведении своего сановника. В цитированном выше письме о мнимом неурожае в России на людей она раскрывает суть того, что считает важнейшим в работе «с кадрами»: «Нужно только их заставить делать что нужно и, как скоро есть такой двигатель, все пойдет прекрасно. что делает твой кучер, когда ты сидишь в закрытой карете? Была бы добрая воля, так все дороги открыты!» Словом, нужно ставить людей к делу, которое они знают и могут успешно делать, и все будет в порядке – вот что хочет сказать здесь императрица. В другом письме Гримму она прямо говорит:

«Я всегда чувствую большую склонность быть под руководством людей, знающих дело лучше моего, лишь бы только они не заставляли меня подозревать с их стороны притязательность и желание обладать мною».

А вот еще одно признание:

«Сверх того, по временам, я любила свежие головы, которые очень полезны рядом с головами более умудренными – это вводные лица в пьесе: вовремя и кстати выпущенные на сцену, они только оживляют действие».

Вероятно, в этом-то умении использовать людей, быть двигателем и кроется главное достоинство Екатерины II как руководителя.

Но не только! Екатерина II была сама талантлива, трудолюбива и прекрасно осознавала свои достоинства. Она не боялась соперничества и понимала, что свет чужих талантов не затемнит, а лишь усилит блеск ее собственного дарования. В одном из писем она сообщала Гримму:

«О, как жестоко ошибаются, воображая, будто чье-либо достоинство страшит меня; напротив, я бы желала, чтоб вокруг меня были только герои, и я всячески старалась внушить героизм всем, в ком замечала к тому малейшую способность... Бог мне свидетель, что я не имею никакой особенной склонности к дуракам, а их много на свете».

Вот поэтому в истории она окружена героями и талантами.

Основой областной реформы стало такое реформирование местного управления, которое усилило значение центра и самой самодержицы в жизни страны. Проведение аналогий между действиями Екатерины II в 1775 году и действий Петра I в 1708–1711 годах кажется вполне обоснованным. Как известно, тогда Петр ликвидировал большую часть приказов, создал губернии, во главе которых поставил обладавших огромной властью «принципалов», бывших непосредственно связанными с царем. По такому же пути пошла и Екатерина II: ликвидация большинства коллегий привела к передаче многих функций этих учреждений местным властям. Главной фигурой местной администрации стал губернатор или наместник, который в наиболее важных частях страны получал титул генерал-губернатора, связанную с этим огромную власть и прямое подчинение самой императрице. С самого начала он рассматривался как доверенное лицо монарха в губернии. Как и Петр Великий (некогда посадивший в губернаторские кресла своих ближайших сподвижников), Екатерина II поставила на эти должности людей проверенных. Генерал-губернаторами стали Г. А. Потемкин, П. А. Румянцев, Я. Сиверс и другие. В итоге наместники пользовались личной дружбой и полным доверием императрицы. Они, сосредоточив в своих руках огромную власть, действовали совершенно самостоятельно, но во всем отчитывались только перед государыней.

Новая губернская реформа означала продолжение процесса бюрократизации, привела к росту численности чиновников. Количество губерний увеличилось с 25 до 41, а потом – до 50. Они формировались из расчета 300–400 тыс. жителей в каждой, и их размеры применительно к России позволяли власти вполне успешно контролировать положение на местах. Степень унификации и единообразия их устройства была так высока, что губернии не отражали национальную, историческую специфику каждой территории, в особенности тех, которые оказались аннексированы Россией. Так, Литва стала Виленской, а Крым –

Таврической губернией. Текущими делами только исполнительского характера в губернии занимались губернские правления, подчиненные наместнику. Все финансы центральных органов переходили теперь к губернским казенным палатам. Кроме того, создавались приказы общественного призрения, ведавшие образованием, медициной, социальным обеспечением. В уездах делами ведал городничий и капитан-исправник.

Заглянем в источник

В 1782 году был принят «Устав благочиния, или полицейского», который стал важным актом о местном управлении. Городская управа благочиния во главе с городничим и подчиненными ему квартальными надзирателями занималась не только благоустройством, санитарией, но зорко стояла на страже нравственности, наблюдая за поведением людей, разгоня всякие «сходбища» и «сборища». При этом чиновники были обязаны «всякую новизну, узаконению противную, пресекать в самом начале». «Устав благочиния» дополнялся «Зерцалом управы благочиния». Это был кодекс норм высокоморального поведения подданного. В основе его лежал французский трактат полицейского права Деламера 1722 года, дополненный чисто туземными запретами, вроде знаменитого и в России неисполнимого предписания: «Всем и каждому воспрещается пьянство». Но все-таки этот документ важен в нашей истории. Впервые государство заговорило с подданными языком не угроз и предупреждений, а языком заповедей добра, которые предназначались к исполнению как закон:

«В добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимущему, напои жаждущаго... Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему... Блажен, кто и скот милует; буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее... С пути сошедшему указывай путь».

Не будем забывать, что это был XVIII век – время, в которое человеческая личность не ставилась ни в грош.

Изменился и суд. Принцип независимости суда от администрации и отделение уголовного судопроизводства от гражданского составляли суть реформы. Создание при этом так называемого «Совестного суда» знаменовало собой появление в России первого всесословного судебного органа, игравшего роль третейского суда и разбиравшего гражданские тяжбы. Кроме того, он занимался рассмотрением жалоб арестованных и заключенных. Конечно, можно сильно сомневаться в эффективности работы этого суда. Значение его все же состояло в другом: в своей идее Совестный суд нес на русскую почву зачатки гражданского общества, презумпцию невиновности, мысль о гуманности, человеколюбии, которые верховная власть гарантирует законом. В манифесте 1775 года создание Совестного суда объяснялось необходимостью обеспечить любому из подданных равные права перед законом, утверждалось, что личная безопасность каждого подданного «весьма драгоценна есть человеколюбивому монаршему сердцу». В этих словах «Учреждения» можно усмотреть реальное воплощение идей просвещенной монархии Екатерины II.

Губернская реформа оказалась важной в социальной, точнее, дворянской политике правительства Екатерины. Согласно «Учреждениям» 1775 года, дворянская сословная корпорация получила возможность влияния на местную администрацию через своих выборных представителей – уездного предводителя и капитанов-исправников. Это было давно ожидаемое политическое решение, подготовленное всей предшествующей историей русского дворянства в послепетровскую эпоху, но умело осуществленное не как опасный своим резонансом политический акт, а как естественный этап создания новой местной системы управления.

«Жалованная грамота дворянству». 1785

О дворянстве не забывал ни один российский правитель. Проблема дворянства как

опоры режима была всегда актуальна, а его самосознание и сословная корпоративность в поспетровское время неуклонно возрастали. Правительство Елизаветы близко подошло к намерению оформить сословные права и привилегии дворянства: и те, которые фактически существовали, и те, которые дворяне требовали от властей. Среди последних было освобождение от обязательной службы и усиление роли дворянства в управлении и обсуждении законодательных вопросов. Реальные последствия пробуждения дворянского самосознания проявились в подготовленном еще при Елизавете, но принятом при Петре III знаменитом указе о вольности дворянства 1762 года. Екатерина II, оказавшись у власти, пошла по намеченному уже ранее пути, но при ней концепция отношений власти и дворянства обогатилась рядом важнейших положений, которые вытекали из просветительства. Смысл преобразований состоял в том, чтобы русское общество, как в Западной Европе, было организовано на сословных началах, чтобы было несколько основных сословий, которые получили бы неотторжимые привилегии, записанные в законах. Это урегулирует отношения между различными группами населения, даст каждому подданному гарантии, которые защитят от всяческого произвола.

Все эти обстоятельства Екатерина II не могла не учитывать. К ее вступлению на престол дворянство получило ряд привилегий (Манифест о даровании вольности 1762 года). Отнимать их императрица, как трезвый политик, не думала, хотя документы свидетельствуют, что она без восторга отнеслась к Манифесту – законодательному наследию ее предшественника-супруга. Новый цикл обсуждения дворянского вопроса начался в Комиссии об Уложении. Наказ Екатерины II безусловно признавал дворянство как высшее сословие, но напрямую связывал достоинство и почести дворянина с его добродетельной, усердной службой и наградами государя – единственного источника его благополучия. Но на заседаниях Комиссии схлестнулись представители родовитого дворянства (прежде всего князь М. М. Щербатов) и защитники принципов Табели о рангах (Я. П. Козельский и др.). Если первые настаивали на «очищении» дворянства от «неродословных» людей, которые «унизили» дворянское звание, то вторые считали, что «лишение выходцев из недворянской среды права на получение дворянства усердной службой устранил стимул к ней и тем самым принесет вред государству».

Заметки на полях

После долгого перерыва наши историки вернулись к традициям русской дореволюционной науки и отказались от упрощенного представления об отношениях власти и дворянства в XVIII веке, которое в советское время выражалось фразами: «царь – первый помещик-феодал» или «царь осуществлял диктатуру феодально-помещичьего класса». Все было намного сложнее. Конечно, у каждой группы населения были свои интересы. Можно говорить о противоречиях этих интересов, о различиях интересов верховной власти и социальных групп. Как в коллективных челобитных служилых людей и посадских XVII века, так и в проектах и прошениях дворян и купцов первой половины XVIII века отчетливо видны их социальные интересы, характерные для того положения, в котором они оказывались. Обобщенно можно сказать, что дворяне последовательно добивались от самодержавия различных особых прав-привилегий: монополии на душевладение и владение населенными землями, на свободу распоряжения земельными владениями, на преимущественное право занятия коммерцией и предпринимательством. Они же добивались более легких условий службы, гарантий их собственности на беглых крестьян и холопов, помощи государства в их возвращении, судебной справедливости и равных прав в тяжбах с «сильными», уменьшения государственных податей для крепостных крестьян и т. д. Как показано выше, самодержавие постепенно шло на удовлетворение многих этих требований. Верховная власть не могла не считаться с «первым членом» общества. Но рука дающая была и весьма тяжелой для дворянства, когда заходила речь о службе, о сохранении известного социального равновесия, о монополии самодержавия на политическую власть и др.

Но вместе с тем оно никогда не становилось только на позицию дворянства, а учитывало интересы и других групп населения. Некая надсословность, независимость верховной власти, защита ею общих интересов всех подданных ясно понимались императорами.

Ясно, что императрица была на стороне последних, хотя мнение родовитых она также не могла игнорировать, что отразилось на последующем законодательстве о дворянстве. Не менее серьезными были споры о торгово-промышленной монополии дворянства. Екатерина II никогда не намеревалась давать особые привилегии исключительно дворянству, чтобы тем самым не уничтожить торгово-промышленный класс.

После Манифеста 1762 года, работы Уложенной комиссии, ряда законодательных инициатив самодержавия очертания дворянского корпуса становились все четче. Этому способствовали многие обстоятельства. В ходе начавшегося в 1765 году Генерального межевания земель землевладельческие права дворянства значительно окрепли, а владения многих дворян округлились за счет казенных земель. Произошло освобождение дворянских земель из-под контроля государства, что не могло не способствовать росту сословного самосознания. Этому же способствовала и повседневная жизнь дворянской провинции с выборами представителей дворянства, с активной общественной деятельностью, в которую втягивались ранее безвылазно сидевшие по своим углам дворяне. Логическим завершением всех этих тенденций формирования дворянства как сословия стала изданная 21 апреля 1785 года «Жалованная грамота дворянству».

Заглянем в источник

Жалованная грамота закрепила достигнутое этим сословием фактическое положение как «главного члена», утвердила корпус его привилегий и прав в вопросах службы, землевладения, суда, гарантировала свободы дворян от постоя, налогообложения и телесных наказаний.

В грамоте было сказано так о личных преимуществах дворян: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели на чальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное...

3. Дворянин сообщает дворянское достоинство жене своей.

4. Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно.

5. Да не лишится дворянин или дворянка дворянского достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступлением дворянского достоинства противным...

8. Без суда да не лишится благородной дворянского достоинства.

9. Без суда да не лишится благородной чести.

10. Без суда да не лишится благородной жизни.

11. Без суда да не лишится благородной имения.

12. Да не судится благородной, кроме своих равными... 15. Телесное наказание да не коснется до благородного...

17. Подтверждаем на вечныя времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу.

18. Подтверждаем благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам...»

Были строго определены критерии причисления к дворянству, составление родословных книг расставляло всех дворян по местам. Дворянское сословие было разбито на шесть частей: в шестой, самый почетный список вносились «древние благородные дворянские роды», в пятый – титулованное дворянство, затем шли «иностранские роды», потом – получившие дворянство согласно Табели о рангах в гражданской службе, а к концу, во втором разделе, учитывали выслуживших дворянство на военной службе.

Наконец, наименее знатными членами общества были «действительные

дворяне», получившие дворянство за особые заслуги. Дворянское собрание в губерниях получило юридическое оформление: обладая отныне выборными должностями, бюджетом, помещением, архивом и печатью, оно становилось законным сословным институтом.

Значение сословной реформы Екатерины II невозможно переоценить. Императрица нашла те принципы, формы, методы социальной политики, которые позволили удовлетворить сословные чаяния разных слоев дворянства, не доведя их до состояния конфронтации как между собой, так и в отношениях с верховной властью. Сама власть при этом не потеряла контроля над созданным ею сословием, а принятые ею законы были признаны вечными, фундаментальными. При этом важно, что содержание этого понятия существенно отличалось от мечтаний И. И. Шувалова, а также Н. И. Панина с товарищи. В руках самодержавия сохранились мощные рычаги управления и влияния на дворянство, начиная с Табели о рангах, через систему личных пожалований и кончая опалой, выраженной, разумеется, в более цивилизованных, чем раньше, формах отставки или удаления от двора.

Но все же главным было то, что претензии дворянства на власть были ослаблены тем, что отныне оно должно было действовать в рамках утвержденных правил. Так Екатерине II удалось совладать с дворянскими амбициями и претензиями на власть. Отныне дворяне, получившие многочисленные права, оппонировать самодержавию уже не могли.

Экономика времен Екатерины II

На экономическую политику Екатерины II мощное воздействие оказывал рост товарного производства в сельском хозяйстве, увеличение значения денег в народном хозяйстве. Шли и интенсивные процессы складывания всероссийского рынка, специализации районов России. На развитие экономики воздействовала и внешняя политика империи. Как и всегда, войны (а их было в царствование Екатерины II много) дорого обходились казне и народному хозяйству, но успешные последствия их для империи – завоевание новых территорий – оказывало благотворное воздействие на экономическое развитие. Разделы Польши означали включение в империю, а значит, в экономику страны, экономически сильных областей. Последствия завоевания Причерноморья вышли далеко за рамки сиюминутных имперских интересов. Огромные неосвоенные черноземные степи Новороссии, Крыма и юга Украины оказались втянутыми в хозяйственное освоение. Все это привело к росту сельскохозяйственного производства, активному переселенческому движению, ускорило создание инфраструктуры, строительство городов (в том числе и портовых), резко увеличилось производство товарного хлеба, его экспорт за границу.

Непрерывно возрастали и объемы промышленного производства. Обогнав Англию по выплавке чугуна в 1740 году, Россия до 1780 года наращивала это превосходство и довела отрыв до 70 тыс. тонн (Россия – 110 тыс., а Англия – 40 тыс. тонн). И лишь в два последних десятилетия этот разрыв, благодаря началу в Англии промышленной революции, начал сокращаться: в 1790 году Россия выплавляла 130,5 тыс., а Англия – 80 тыс. тонн, в 1800 году – соответственно 162,5 тыс. и 156 тыс. тонн. В целом, и в других отраслях промышленности крепостническое производство при Екатерине II еще не исчерпало своих возможностей.

Это естественным образом сказалось на устойчиво положительном внешнеторговом балансе страны. Все царствование Екатерины II Россия была страной преимущественно вывоза – как сырья, так и промышленных товаров. Если в первой половине 1760-х годов в среднем за год из России вывозилось товаров на 11,7 млн, а ввозилось на 8,7 млн руб., то в первое пятилетие 1790-х годов внешнеторговый баланс стал еще более активным: при ввозе на 34 млн руб. вывоз составил 43,5 млн руб.

В середине XVIII века происходит образование банковской системы. В 1754 году открывается Государственный заемный банк, состоявший из Дворянского заемного банка с

уставным капиталом в 700 тыс. руб. и Купеческого банка. Оба давали ссуды из низкого расчета годовых с рассрочкой на несколько лет. Дворянский заемный банк обслуживал только дворян под залог драгоценностей и населенных имений. С целью поддержки разорившихся дворян в 1786 году создали еще один банк – Заемный, процент которого был увеличен до 8%, а срок возврата ссуды возрос до 20 лет. Дворянская опека осуществляла возврат долга разорившихся должников. Купеческий банк, вместе с созданным в 1764 году в Астрахани Банком для восточной торговли, а также Ссудным армянским банком (1779 год), довольно скоро стал важным фактором экономической жизни России.

Получило бурное развитие вексельное право, у Медного банка появились конторы векселей, которые облегчали междугородную торговлю. Банковская система становилась неременной частью экономики. Особенно это стало очевидно с организацией Ассигнационного банка с двумя отделениями в Москве и Петербурге и вводом в обращение ассигнаций. Первые бумажные деньги появились в 1769 году, и их введение преследовало цель, с одной стороны, вытеснить из обращения медную монету, а с другой – обеспечить пополнение финансовых резервов в связи с началом Русско-турецкой войны. Введенные ранее векселя лишь отчасти спасали положение, и учреждение бумажных денег стало радикальным выходом из положения.

Пятирублевая ассигнация екатерининского времени.

Инициатором этой важной реформы стал граф Яков Сиверс, подавший в 1768 году императрице специальную записку о введении бумажных денег. Опыт введения ассигнаций оказался чрезвычайно удачным. Общество вполне доверяло казне, и в первые 17 лет оборота ассигнаций была достигнута уникальная ситуация, когда стоимость ассигнаций даже превышала стоимость серебряных денег! Лишь с 1782 года, когда власти, желая восполнить дефицит бюджета, резко увеличили выпуск бумажных денег, доверие к ним стало падать. Нельзя сказать, что финансовое положение страны в царствование Екатерины II было неустойчивым. Дефицит бюджета – неизбежное следствие огромных военных расходов и трат на обустройство Новороссии – к середине 1780-х годов был значителен и составил 12 млн руб. при доходах в 50 млн и расходах в 62 млн руб. Однако в целом он успешно погашался умелой финансовой политикой. Для этого использовались как традиционные средства (порча монеты, увеличение налогов и пошлин), так и новые – эмиссия ассигнаций,

которая сочеталась с обращением к иностранным займам. Без иностранных займов уже трудно представить экономику России, почти непрерывно воевавшей в конце 1780-х – начале 1790-х годов.

Тем не менее, оценивая экономическую ситуацию екатерининского царствования, можно сказать, что правительство Екатерины II вело свою политику в достаточно благоприятных экономических условиях и имело значительную свободу внутривластного маневра, которую императрица сумела даже расширить своими действиями в области торгово-промышленной и финансовой политики. Все это позволило австрийскому императору Иосифу II в шутку как-то сказать о Екатерине II:

Из всех монархов Европы она одна только действительно богата. Она много повсюду издерживает, но не имеет долгов, ассигнации свои она оценивает во сколько хочет, если бы ей вздумалось, она могла бы ввести кожаные деньги.

«Третий род» людей

Начало выработки курса в области коммерции и предпринимательства относится к 1763 году, когда в ряду других комиссий возникла и Комиссия о коммерции, которую возглавил Г. Н. Теплов. Свою работу Комиссия начинала не на пустом месте. Она располагала политическим наследием правительства П. И. Шувалова, сделавшего много для развития экономики и подготовившего законодательные предпосылки для пересмотра социальной политики в отношении предпринимателей. Для политики самодержавия первой половины XVIII века в отношении торгово-промышленной деятельности характерна известная противоречивость. Власть оказалась между двумя огнями. С одной стороны, она должна была учитывать противоречащие друг другу интересы купечества и дворянства, с другой – соблюдать при этом несомненный «государственный интерес». Известно, что посадские и купцы отстаивали свое монопольное право на занятие торгово-промышленной деятельностью как особого рода занятия, присущего только этому «чину». В их многочисленных челобитных красной нитью проходит мысль о том, что каждый «чин» должен заниматься тем, что ему определено изначально: купцы должны торговать, дворяне – служить в армии и заниматься «домоводством», крестьяне – пахать, священники – молиться за всех. Иначе произойдет нарушение некоего утвержденного свыше порядка.

Реальная жизнь XVIII века ломала сложившиеся стереотипы и заветы отцов. Поощрение предпринимательства в разных формах в рамках внутренней политики протекционизма приводило к активному вовлечению дворянства в торгово-промышленную деятельность. Уже слишком доходным становилось это занятие в условиях роста товарного хозяйства и значения денег. Обладание землями, крепостными, возможность получения помощи государства, щедрого на поддержку отечественной промышленности, подвигло многих помещиков к освоению этой сферы деятельности. Нужно сказать, что помещики поощряли торгово-промышленные занятия своих крепостных крестьян, что давало несравненно большие, чем раньше, доходы от оброков. Наконец, характерной чертой помещичьего предпринимательства стало то, что им начали заниматься прежде всего правящие верхи – те, кто стоял близко от трона и мог рассчитывать на особое покровительство верховной власти. После А. Д. Меншикова, П. П. Шафирова и других петровских фабрикантов предпринимательством занялись вельможи Анны Иоанновны, потом – при Елизавете Петровне – братья Шуваловы, Воронцовы и многие другие. Это не могло не отразиться на внутренней политике, а также на законодательстве. Всю первую половину века оно в целом покровительствовало помещикам-предпринимателям, шла ли речь об их льготах в торговле, заведении заводов и фабрик в поместьях или о борьбе за монополию на земле и душевладение, ибо в условиях господства в экономике крепостнического труда вопрос о крепостных и поместьях был принципиально важен.

При этом государство никогда не вставало на путь окончательного подавления купеческого предпринимательства или даже существенного ограничения «исконного»

занятия посадских людей. Конечно, после Петра Великого, заботившегося о купеческом предпринимательстве не меньше, чем о дворянском, политика самодержавия стала менее щедрой, однако законы охраняли права предпринимательства всех подданных без различий – и недворян в их числе. В этом состоял «прямой государственный интерес».

Комиссия о коммерции приступила к рассмотрению всех этих проблем на очередном витке правительственной политики в 1763 году. В своей записке Теплов фактически констатировал, что петровская социальная политика для торгово-промышленного населения не улучшила его положения. Он писал о неполноправности «третьего класса»:

Их здесь жребий тот же, что и крестьянский по почтению, которое им от дворян приписывается, по налогам, которым они часто подвержены бывают от управителей городских и воевод или от офицеров.

Заглянем в источник

Создание Грамоты имеет довольно сложную историю. Екатерина провела огромную работу по составлению этого важнейшего документа. Материалы Комиссии о коммерции, записки о структуре управления городами Прибалтики, Украины, нормы Магдебургского права и пр. – все это стало основой для законодательной работы Екатерины II. Грамота устанавливала деление горожан на шесть категорий, которые вносились по разрядам в особую городскую обывательскую книгу. Костяк новой социальной структуры города составлял второй разряд – купцы трех гильдий, а также пятый разряд – «именитые граждане» (капиталисты, банкиры, оптовики). В третьем и шестом разрядах находилось большинство горожан – мещане. «Ремесленное положение» определило устройство цехов. Грамота обеспечивала ряд важнейших привилегий городского сословия. Право собственности на имущество охранялось законом, как и право передачи в наследство и распоряжения. Согласно Грамоте, заезжий в город чиновник уже не имел права таскать за бороду провинившихся купцов. Мещанство признавалось как «полезное всему обществу» состояние, «чин», полученный за особое трудолюбие и благонравие. Соответственно закон гарантировал мещанину защиту личной чести и личного достоинства, запрещал телесные наказания купцов первой и второй гильдий и именитых граждан. Лишить мещанина его «добраго имени», как и сословных привилегий, мог только суд. За горожанами закреплялось безусловное право на промышленно-торговую деятельность, им предоставлялась полная свобода на создание компаний, строительство предприятий. Все эти положения, как и нормы о довольно сложном городском самоуправлении, делали вполне реальным понятие «сословие» применительно к довольно разношерстному населению русского города.

Соответственно купцам, по мнению Теплова, требуется, «чтоб они больше у нас свободы и почтения имели», были освобождены от подушной подати, а налоги им начислялись с капиталов и торговых оборотов. Принципиально важной мыслью Теплова было признание того факта, что в России нет условий для возникновения «третьего класса» людей, ибо он может появиться только при наличии свободы. Говоря о причинах «неискусства» российского «рукоделия», он отмечал, что для ремесленного производства хронически не хватает «вольных работников»: «Прочие все или в службе находящиеся, или крепостные» работают плохо.

Преодоление этой общей несвободы Теплов видел, в частности, в том, чтобы крестьянин-ремесленник имел право «выкупиться от помещика» и стать членом сообщества свободных мастеров. Только эта мера «возвысит, кажется, может всем рукоделиям в государстве искусство, а напоследок произведет между дворянством и крестьянством третий стан людей, то есть мещанский».

Создать новое сословие мог только «фундаментальный» закон, относящийся к «третьему сословию». Екатерине II были близки мысли о конструировании общества, образовании с помощью законодательства, помимо дворянского сословия, и «среднего рода

людей». В здании «законной монархии» Екатерины II «средний род людей» был «вторым этажом», прослойкой между дворянством и крестьянством. Логичная стройность задуманного плана самым удачным образом совпадала с вполне реальными ожиданиями выгод для казны от нового положения купцов и ремесленников.

Эти мысли перекликались с разрабатываемой в то же время реформой школы. Весной 1764 года императрица одобрила идеи И. И. Бецкого о создании таких школ, которые бы позволили через качественно новое воспитание образовать из подкидышей и незаконнорожденных детей «третий чин» общества.

Идея создания нового среднего сословия проявлялась в тех законах, которые регулировали статус горожан, купечества, определяли их положение, налоги. Итогом стало появление «Жалованной грамоты городам».

Екатерина II и церковь

Екатерина II, воспитанная на идеях Вольтера, была далека от истинной веры в Бога. Рационализм, ценность позитивного знания, презрение ко всякому обскурантизму были характерны для ее мировоззрения. Но при людях, в церкви, она никогда этого не проявляла, оставалась примерной прихожанкой дворцовых храмов, хотя на укромном балконе во время длинной православной службы раскладывала многочасовые пасьянсы. Судьба Русской православной церкви решилась задолго до рождения Екатерины II. Полное подчинение ее светской власти произошло еще до Петра I, в ходе же его церковной реформы секуляризация лишь усилилась. Объясняется это не только явным преобладанием светского начала над церковным в русском обществе XVIII века, победой рационализма с примесью просветительского безверия, но и приземленными желаниями светской власти прибрать к рукам огромные богатства церкви.

Секуляризация сознания – характерный процесс второй половины XVII века – сменился в XVIII веке другим процессом – секуляризацией церковного имущества. Екатерина II лишь завершила этот процесс. Сама она была в целом далека от веры в Бога, хотя соблюдение православного ритуала считала для себя обязательным, никогда не забывая о том, что она – глава Русской православной церкви. Незадолго до ее восшествия на престол в 1762 году Петр III отобрал у церкви ее земли, подчинив их созданной специально для этого Коллегии экономии. Это устраивало Екатерину II, но спекулятивные соображения, желание упрочить свою популярность после свержения Петра III, имевшего скверную репутацию царя-богохульника, возобладали, и в августе 1762 года имения были возвращены церкви, а Коллегия экономии ликвидирована. Но это оказалось лишь тактическим ходом. Созданная той же осенью Комиссия о духовных владениях под руководством Г. Теплова встала на путь «упорядочения» духовных имуществ, что было лишь эвфемизмом секуляризации.

Подавив оппозицию в церковном управлении (дело Арсения Мациевича), Екатерина II перешла в решительное наступление. Ее речь, произнесенная перед Святейшим Синодом, была решительна и демагогична. Преклоняясь перед ученостью и высокой моралью иерархов, указующих пастве путь истины, она заявила:

Вы – люди просвещенные, но отчего происходит, что вы равнодушно смотрите на бесчисленные богатства, которыми обладаете, и которые дают вам способы жить в преизбыточестве благ земных, что совершенно противно вашему званию? В преемники апостолов, которым повелел Бог внушать людям презрение к богатствам, и которые были очень бедны, Царство их было не от мира сего – вы меня понимаете?... У вас много подвластных. Вы просвещенны: вы не можете не видеть, что все сии имения похищены у государства, вы не можете владеть ими, не будучи несправедливы к нему.

Это – демагогическая речь в стиле и духе Просвещения.

Действующие лица
Митрополит Арсений Мациевич

Арсений (в миру Александр Мациевич) один из множества выходцев из Польши – стал крупным деятелем Русской православной церкви. Он родился в 1697 году в семье священника, учился за границей и в Киевской духовной академии, во время учебы принял постриг, жил в Киево-Печерском и в других монастырях. Несомненно, он был подвижник, глубоко и истинно верующий человек, проникнутый идеями миссионерства. В 1730 году он проповедовал в Сибири, затем был на Соловках. В 1734–1736 годах участвовал во 2-й Камчатской экспедиции как флотский священник.

С ранних лет Арсений проявил себя как талантливый, образованный, страстный проповедник, полемист по натуре. Он многократно пытался обратить к официальной церкви старообрядцев в Сибири и на Севере, учил священников дискутировать с ними, написал несколько письменных «обличений» старообрядцев и лютеран. С 1737 года он стал преподавать Священное Писание в гимназии Академии наук в Петербурге. Успешным было его продвижение по лестнице церковных чинов. В 1741 году он был посвящен в митрополиты Сибирские, а в 1742 году занял очень важную в тогдашней церковной иерархии Ростовскую кафедру, стал членом Святейшего Синода. Арсений был сторонником образования духовенства, что было по тем временам очень важно – невежество русских священников было притчей во языцех. В 1747 году Арсений открыл в Ярославле семинарию. Его яркие проповеди пользовались большой популярностью в народе. В этом смысле он был истинным и достойным преемником Феофана Прокоповича. В целом в середине XVIII века он являлся самой яркой фигурой в церкви, причем, в отличие от Феофана, был человеком смелым и даже отважным. Он стоял за самостоятельность церкви, подавляемой государством, и при этом своих взглядов не скрывал. Арсений был единственным из всех церковных иерархов, кто в начале секуляризации церковного имущества открыто выступил против такого курса власти.

Екатерина II крайне болезненно восприняла протесты Арсения и с тех пор стала считать его своим личным врагом. Был найден повод для преследования Арсения. Он был арестован, судим неправедным судом своими коллегами в Синоде, который, послушно исполняя волю императрицы, лишил Арсения сана и отправил его сначала в Белозерский Ферапонтов монастырь, потом в Николо-Корельский. Там его поместили в каземат под алтарной частью собора, рядом поселилась охрана из инвалидов. Он пользовался в монастыре большой свободой, вел вольные беседы с охраной, посетителями, монахами, произносил проповеди, сурово укоряя монахов за повальное беспробудное пьянство, что и стало в 1767 году причиной доноса на него и новой ссылки. Везде Арсений, несмотря на тяжкое заключение, страстно обличал политику императрицы Екатерины II, вызывая уважение своим аскетическим, праведным образом жизни даже у солдат охраны, которые видели, как опальный церковный иерарх сам носил воду и колот дрова. Доносы его недругов, которых у него, человека яркого, страстного и честлюбивого, было много, стали причиной ужесточения содержания Арсения. При всем своем гуманизме императрица обошлась с Арсением крайне жестоко. По-видимому, зная его экзальтированность и страстность, его авторитет и талант проповедника, она опасалась, что Арсений будет дискредитировать ее политику, а публично униженный и гонимый, он превратится в почитаемого в народе мученика. Поэтому все репрессии в отношении Арсения совершались в глубокой тайне. В 1768 году его расстригли и тайно отправили на Камчатку, но потом передумали и отвезли в Ревельскую крепость. Вначале там он пользовался некоторой свободой – его водили в церковь, разрешались и прогулки по крепости. Но потом, когда до Петербурга дошел слух о готовящемся побеге, условия заточения опального священнослужителя резко ужесточили. Когда узника, подлинное имя которого не знали ни конвой, ни охрана, поселили в крепостном каземате, из Петербурга прислали особую инструкцию о его содержании. В ней говорилось о Мациевиче как о «некотором мужике Андрее Бродягине». Потом Екатерина «переименовала» Бродягина во «Враль». С тех пор по документам он проходил как «Андрей Враль». Автор инструкции предписывал, чтобы офицеры и солдаты охраны

«остерегались с ним болтать, ибо сей человек великий лицемер и легко их может привести к несчастью, а всего б лучше, чтоб оные караульные не знали русского языка... Бude ж иногда, как он словоохотлив сам, станет о себе разглашать, то сему верить не велеть, а в то ж самое время наустрожайше ему запретить говорить с таким при том прецением, что если он еще станет что-либо говорить, то положен будет ему в рот кляп, которого отнюдь однако в рот ему не класть, а иметь его только в кармане, для одного ему страха, и в случае иногда его непослушания, тот кляп ему и показать».

В инструкции охранникам Мациевича строго-настрого запрещалось давать узнику деньги. Дело в том, что двери и замки даже самых страшных и секретных тюрем, несмотря на все предосторожности, все равно открывала взятка – «золотой ключ». В последние годы своей жизни в Ревельской крепости Арсений был «заложен», т. е. замурован в каземате, и еду ему подавали на веревке, которую он выбрасывал через решетку разбитого окна. Все это привело к тому, что народ почитал Арсения страдальцем, что признавала сама Екатерина II: «Народ его очень почитает исстари и привык считать его святым, а он больше ничего как превеликий плут и лицемер». Между тем именно заключение его в монастырь, а потом в крепость и сделали из него страдальца, точно так же, как стал страдальцем за «истинную веру» бывший император Иван Антонович. Там, замурованный в камере, Арсений как истинный мученик и скончался в 1772 году.

Церковная реформа, вроде бы приостановленная с приходом Екатерины, ее указом от 26 февраля 1764 года возобновилась. Суть ее состояла в изъятии у церкви земель почти с 2-миллионным населением, что составляло около 15% населения России. Были опять, как и при Петре I, установлены штаты духовенства, огромное количество священников, причетников и монахов (две трети монастырей было ликвидировано) оказались без мест. Но даже не эти последствия церковной реформы Екатерины II оказались принципиальными для духовенства. Важнее всего, что в общей концепции сословного строя России духовенству как особому сословию не нашлось места. Это уже видно по составу Уложенной комиссии 1767 года, где духовенство фактически не было представлено и где проблема духовенства сводилась к сетованиям о недостаточной роли церкви в воспитании подданных. Одновременно с упадком социального значения духовенства падало и его нравственное влияние как и православия в целом. При Екатерине II впервые были сделаны серьезные, невиданные ранее послабления старо обрядам, – этим истинным изгоям «неприкасаемым» русского общества, – представителям других христианских конфессий, провозглашены начала свободы вероисповедания. Принцип согласия всех подданных-граждан, к какой бы вере они ни принадлежали, под сенью самодержавия признавался важнее споров о чистоте веры.

«Нижний род людей». Проект «Сельского положения». 1785

Правление Екатерины II началось с вынесения приговора по делу Салтычихи – помещицы-убийцы, приговоренной к лишению дворянства и пожизненному заключению. Этот «урод рода человеческого» стоял в одном ряду с тысячами помещиков, убивавших своих крепостных, разумеется, в меньших, чем Салтычиха, масштабах, но остававшихся при этом безнаказанными. Екатерина II была безусловным противником крепостничества. Это вытекало из ее отношения к свободе, просвещению, гуманизму. Но она была реалистом в политике, а крепостничество оставалось именно той упрямой реальностью, с которой ей, политику, не считаться было невозможно.

Понимая все эти обстоятельства, императрица могла только морально осуждать крепостничество да смягчать режущие ее глаз и человеколюбивое сердце рабовладельческие крайности этого порядка. К призыву о смягчении крепостного права, собственно, и сводилась генеральная мысль Наказа по крестьянскому вопросу. Практика же была иной: при Екатерине II Дон и Украина стали частью империи, на которую распространялось

крепостничество. В 1765 году, в развитие указа 1760 года о праве помещиков отправлять крепостных без суда в Сибирь на поселение, императрица подписала указ о разрешении помещикам ссылать своих крестьян в каторжные работы. Продолжался начатый при Анне Иоанновне процесс лишения крепостного крестьянства даже тени юридических прав. Теперь они уже не присягали в верности государю, им запрещалось обзаводиться векселями, заниматься подрядами.

По своей правовой сути крепостное право не претерпело в реформаторское царствование Екатерины II сколько-нибудь существенной перемены в сторону раскрепощения или хотя бы смягчения неволи. Более того, происходил естественный процесс усиления крепостного права, ведущий к превращению крепостного крестьянина в раба. Крепостное право, неразрывно связанное со статусом и экономическим положением «главного члена» общества – дворянства, оставалось зоной, закрытой для законотворчества Екатерины II. И все же нельзя не признать, что положение другой половины населения – государственных крестьян, пополнившихся бывшими монастырскими, оставалось предметом внимания императрицы. Это отразилось в «Сельском положении», которое составила Екатерина II в 1785 году. Хотя этот документ так и остался проектом, он все же ложится тем необходимым «нижним» блоком в основание возводимого императрицей здания сословного общества. «Сельское положение» по структуре и основным идеям является, в сущности, проектом Жалованной грамоты государственным крестьянам и стоит в одном ряду с Жалованными грамотами дворянству и городам, изданными в один день 21 апреля 1785 года.

Заглянем в источник

Сознание и культура дворян второй половины XVIII века были таковы, что крепостное право, представление о том, что «хамы и хамки» даны им в полную собственность в виде живого имущества навечно, являлось непреложной данностью, вечной и неизменяемой. Екатерина II не преувеличивает, когда пишет о полном непонимании дворянами, что их крепостные такие же люди, как и они. Угроза быть закиданной камнями только при попытке сказать это вслух не была литературным преувеличением Екатерины II. Конец века был таким же крепостническим, как и его начало. В «Санкт-Петербургских ведомостях» можно было прочесть такие объявления: «Продается 16-летняя девка, весьма доброго поведения, весьма здоровая, умеющая мыть белье и гладить, также и стряпать. И немного поезженная, немецкой крепкой работы, на новых колесах двухместная карета. Все сие видеть и о цене договориться можно против Каменного театра во втором от угла небеленом доме»... «В Московской Ямской слободе, близ кузни, в доме ассессорши Кандауровой, у дворника Михея, продается дворовый человек, лет двадцати за сходную цену...»

Н. Неврев. Продажа крепостных.

Так же как другие Жалованные грамоты, оно нацелено на правовое оформление статуса сословия крестьян, утверждает неотъемлемость его сословных прав, в том числе – личную свободу, право сословных занятий земледелием и некоторыми ремеслами, право собственности, владения и продажи недвижимого и движимого имущества. Как и дворяне, и горожане, крестьяне делятся на шесть категорий. Высшие категории крестьян получали свободу от телесного наказания; согласно «Сельскому положению» в сельской местности образовывались выборные органы самоуправления, с помощью выборов образовывался сословный суд, существовал механизм взаимодействия с представителями государства.

Причины, по которым почти готовый проект не стал третьей Жалованной грамотой 1785 года, не известны. Исследователи в большинстве своем склоняются к выводу, что Екатерина II не хотела будоражить дворянство и, особенно, крепостных, которые могли бы понять такую грамоту как обещание свободы. Можно предположить, что при определенных обстоятельствах, благоприятных отмене крепостничества, правовая модель, выработанная Екатериной для государственных крестьян в «Сельском положении», могла быть реализована применительно уже ко всему крестьянскому населению России, включая и бывших крепостных.

Проект Конституции Екатерины II

Историки, работавшие над материалами Екатерины II, в полной мере смогли оценить всю совокупность законов и законопроектов, оставшихся после весьма плодотворной императрицы, считавшей в шутку, что она страдает «законобесием» – непреодолимым желанием, как она пишет, «царапать законы». Термин «конституция» в категориях права XVIII века нужно понимать как «организацию», «устройство», «структуру права», целостную систему правовых норм. И тогда вся огромная законодательная работа Екатерины

II, особенно в 1770–1780-х годах, приобретает совершенно другой смысл, становится выполнением ею работы по схеме-плану «всеобщего законоположения», состоящего из больших законодательных блоков. Теперь осознана глобальность правовой реформы Екатерины II, которая не ограничивалась созданием сословного строя со всеми его юридическими атрибутами, но шла к созданию единого Свода государственных установлений. Эта гигантская, непосильная одному человеку работа велась императрицей вполне успешно.

Свод ее законов пронизывали общие принципы, лежащие в основе законности просвещенной монархии. Разработку этого грандиозного плана Екатерина II начала в середине 1780-х годов, когда благодаря ее усилиям появились Жалованные грамоты, были написаны проекты других важных законов, которые могли составить единое правовое здание «законной монархии». Центральное положение в Своде занимал «Наказ Сенату», подготовленный в 1787 году. По своему названию он как бы перекликается с Наказом Уложенной Комиссии 1767 года, знаменуя собой новую стадию законодательной деятельности, после того как публикацией Жалованных грамот были заложены основы сословного строя.

Императрица, составляя «Наказ Сенату», впервые после Наказа Уложенной комиссии делает наиболее серьезную попытку заново сформулировать основы правового статуса самодержавия, хотя в обосновании самодержавной формы правления принципиально новых идей мы не встретим. К такой работе подходит поговорка «Тех же щей, да пожиже влей». В «Наказе Сенату» фигурирует вся старая аргументация необходимости самодержавия: географический фактор, целесообразность в обширной России именно такого строя, высшие цели монарха – добро для народа. Более четко, чем раньше, «Наказ Сенату» утверждает как незыблемый принцип полноту самодержавной власти. Именно она – единственный источник закона. Одновременно неизменяемость верховных прав самодержца утверждается как непреложный закон. В попытке подорвать хотя бы одну из основ самодержавия Екатерина видит неисчислимы страшные последствия для России. Наконец, в «Наказе Сенату» Екатерина II затрагивает проблему престолонаследия, бывшую, как мы знаем, пожалуй, самой острой для самодержавия в XVIII веке. Екатерина II исходит из общего положения, что, как и все в стране просвещенного монарха, порядок престолонаследия должен определяться законом, в котором должны соблюдаться важнейшие принципы: единонаследие, предпочтение прав первородства, а также наследования по мужской линии. Оговаривались и условия лишения наследника прав престолонаследия.

Заметки на полях

Императрица Екатерина II много работала и с годами превратилась в опытного законодателя, став наряду с Петром I и Александром II крупнейшим реформатором новой русской истории. Сохранились тысячи страниц законопроектов, испещренных поправками и дополнениями рукой Екатерины II, вникавшей во все тонкости законодательства, умевшей мыслить масштабно, на многие годы вперед. Постепенно у нее появился и опыт государственного управления. Отличаясь невероятной трудоспособностью, усидчивостью, любовью и интересом к творческой работе, Екатерина II сумела добиться необыкновенного для женщины и иностранки авторитета как внутри страны, так и за пределами России. Этому способствовала ее многолетняя переписка с крупнейшими философами и общественными деятелями тогдашней Европы: Вольтером, Д'Аламбером, Дидро и др. Сотни писем, посланных ею постоянному адресату Мельхиору Гримму, не скрывавшему их от просвещенной европейской общественности, способствовали громкой славе Екатерины Великой как правительницы гуманной, благородной, умной, с широким кругозором.

Не менее важна вторая часть Свода государственных установлений – «О узаконениях вообще». В этом документе закон признается как единственный принцип общественных взаимоотношений. Говорится о том, что есть «законность» как совокупности «непременных

прав» подданных: право на жизнь, личную безопасность, здоровье, имя, презумпция невиновности, а также право требовать судебной защиты, апеллировать к высшей власти. Екатерина сформулировала и ряд положений, которые должны были защитить правовой строй, гарантировать незыблемость закона. Все подданные должны соблюдать законы, признавать законность судов, монополию и законность их решений. Запрещалось наказывать за то, что не определено законом как преступление. Кроме того, отныне закон не имел обратной силы. Провозглашалась свобода вероисповедания, запрещалось наказывать «за мысли и слова людские». Особенностью Свода было то, что эти общие для подданных-граждан законы и их равная ответственность перед верховной властью находили реализацию через сословную систему права. Таким образом, правовая система становилась достаточно гармоничной и сбалансированной настолько, насколько это было возможно в стране, где половину населения составляли крепостные.

Заглянем в источник

Как некогда Петр Великий, умерший в беспокойстве о будущем и сомнениях в будущем создаваемого им государства, так и Екатерина Великая в конце жизни с грустью записала:

«Не вем (т. е. не ведаю. – Е. А.), ради ково тружусь и мои труды и попеченье и горячею к пользы империи радении не будет ли тщетны. Понеже вижу, что мое умоположение не могу учинить в наследственное».

Почти в том же духе выражался в письме 1715 года к сыну Алексею Петр Великий:

«Я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю!?»

Судьба всего огромного «здания просвещенной монархии», возводимого всю жизнь Екатериной, вдруг (как некогда судьба петровского государства) оказалась поставленной в зависимость от «благодравия», «умеренности» и других душевных качеств наследника.

Екатерина II не опубликовала Свод государственных установлений. И дело, вероятно, не в том, что русское общество не созрело для подобных актов. Практика законотворчества в екатерининское и другие времена показывает, что часто опережающие сознание правовые акты становятся важными вехами в формировании этого же правового сознания и элементов гражданского общества. Екатерина не спешила опубликовать «Наказ Сенату», ибо у нее, вероятно, были сомнения относительно возможностей этого бюрократического органа быть «хранителем законов».

В этом-то и заключалось глубинное противоречие самодержавия, которое, сохраняя и законодательно утверждая свою неприкосновенность, оказывалось в силу своей же неподконтрольности страшно зависимым от случайностей, к числу которых относились личные взгляды и пристрастия наследника. Так получалось, что вся сила самодержавия, основанная на непререкаемом праве править без ограничений, без четкого определения компетенций монарха как высшего должностного лица, оборачивалась для русского самодержавия неожиданной стороной, делало его в какие-то моменты беззащитным. Начиная с 1682 года огромная власть самодержца оказывалась многократно подвержена нападкам авантюристов и не раз становилась заложником гвардейцев и «ночных императоров» – фаворитов. Достаточно было нескольких сотен или даже десятков пьяных гвардейцев, чтобы свергнуть законного государя и возвести на престол нового. Из таких государей двое (Елизавета Петровна, Екатерина II) оказались попросту узурпаторами, нарушившими как все юридические нормы, присягу, так и традиционные «династические счета». Словом, самодержавие окрепло и развилось за пределами «поля» права, законности. В этом состояла его сила, но одновременно – и его слабость. Оно было беззащитно перед лицом случайностей, становилось жертвой авантюристов. Развитие же тех правовых выборных и представительских институтов (земских и иных), которые существовали в

России до утверждения самодержавия, могло бы, в принципе, обеспечить русскому царю-императору гарантии неприкосновенности его власти и личности, ибо защита закона и установленных им порядков является институционной обязанностью подобных правовых учреждений. Но тогда самодержец утратил бы свое бесконтрольное право повелевать. Поэтому он и не мог пойти на создание таких институтов. А в отсутствии таких учреждений скрыты причины хронической политической неустойчивости в России на протяжении всего XVIII века, да и позже. Получался замкнутый, неразрешимый до 1917 года круг.

Просвещение времен Екатерины II

В России XVIII века Просвещение понималось людьми как поход против суеверия, невежества, как образование и совершенствование людей посредством наук и доброго отношения. Особую роль в борьбе за просвещение занимает один из близких Екатерине II людей Иван Иванович Бецкой. В 1760-е годы Бецкой провел реформу главного дворянского учебного заведения – Шляхетского сухопутного корпуса, создал новые военные школы. Но самым известным начинанием Бецкого стало основание в 1764 году Императорского общества благородных девиц. Оно разместилось в построенном Ф. Б. Растрелли Смольном Воскресенском монастыре. «Смолянки» – девочки из дворянских семей – получали в этом закрытом заведении, под пристальным надзором французских классных дам, очень хорошее образование. Многие из них были любимицами императрицы и двора, позже стали завидными невестами и просвещенными хозяйками петербургских салонов. Прелестные лица первых выпускниц Смольного института смотрят на нас с портретов Д. Г. Левицкого в залах Русского музея. Бецкой был истинным государственным романтиком. Как и его покровительница императрица Екатерина II, он находился под обаянием идей Просвещения, был убежден, что все несчастья России – от невежества, отсутствия культуры и образования.

И. И. Бецкий.

Бецкой вошел в историю как выдающийся просветитель, реформатор русской школы. Он верил, что воспитание всемогуще, но сразу, наскоком тут ничего не добьешься. Сначала потребуется организовать ряд закрытых учебных заведений, в которых и воспитывать вначале... «родителей будущих российских граждан». А уж из этих семей со временем выйдут новые поколения истинных граждан – просвещенных, умных, трезвых, образованных, трудолюбивых, ответственных верноподданных. Изложенная Бецким педагогическая концепция выше всяких похвал: детей воспитывать только добротой, никогда не бить (что было тогда повсюду нормой), не опутывать их мелочным педантизмом. Воспитатель обязан иметь жизнерадостный характер, иначе его нельзя подпускать к детям – ведь они должны не бояться, а любить своего наставника. Учитель обязан быть нелжецом и неpritворщиком, «человеком разум имеющим здравый, сердце непорочное, мысли вольные, нрав к раболепию непреклонный (то есть не воспитывать подхалимов. – Е. А.), говорить должен как думает, а делать – как говорит».

Для девиц мещанского происхождения открыли институт при Новодевичьем монастыре, что был основан по Московской дороге. Талантливых детей 5–6 лет брали в образованный Бецким в 1764 году Воспитательный дом при Академии художеств. Молодежь постарше училась в гимназии Академии наук. Оттуда можно было перейти в университет при Академии, где преподавал М. В. Ломоносов, а позднее читали лекции академики И. И. Лепехин, В. М. Севергин. Линии Васильевского острова порой напоминали Оксфорд или Кембридж – столько было здесь разных студентов и учеников. Кроме кадетов Шляхетского сухопутного корпуса, а также Морского шляхетского кадетского, переехавшего на 3-ю линию в 1733 году, учеников и студентов Академии художеств, Академии наук, здесь встречались студенты Горного училища, образованного в 1774 году на 22-й линии, Учительской семинарии с 6-й линии, ученики Благовещенской и Андреевской школ, частных учебных заведений. Не случайно именно на Васильевском острове – месте обитания тогдашней петербургской интеллигенции и чиновников – в знаменитом здании Двенадцати коллегий в 1819 году был открыт Петербургский университет. Отцом начальных школ и учительского образования в Петербурге был выдающийся педагог серб Ф. И. Янкович де Мириево. В 1783 году он возглавил Главное народное училище, где стали готовить учителей для всей России. Он же ведал написанием новых учебников, которые выдавались ученикам бесплатно. Образование можно было получить и в частных «вольных» школах и пансионах. Их в Петербурге в 1784 году было почти пятьдесят. Прекрасных лекарей готовили в хирургической школе при Сухопутном и Морском госпиталях на Выборгской стороне или в Медицинском училище на Фонтанке, а также в школе при Аптекарском огороде.

Литература и пресса при Екатерине

Екатерининское царствование стало для русской науки, литературы и журналистики временем процветания. При этом с наукой у Екатерины II были непростые отношения. Цени знания, она одновременно недолюбливала ученых и, будучи самоучкой, с иронией относилась к людям, получившим систематические знания, которые казались ей грудой бесполезных истин, без которых она легко обходилась в управлении своим «маленьким хозяйством» – так кокетливо она называла Российскую империю. Кроме этого «комплекса недоучки», Екатериной II владел и «комплекс провинциалки», которая во всем хотела превзойти французских королей, французскую ученость и вообще Париж – тогдашнюю признанную интеллектуальную столицу мира. Это было в целом хорошим стимулом для развития просвещения в России. Сама Екатерина II, правитель гуманный, терпимый, была пишущим автором, знала толк в сочинительстве, хорошо понимала значение печатного слова для совершенствования общества. Проникнутая идеями Просвещения, она стремилась внедрять свободу слова и в русскую жизнь.

Заглянем в источник

Талантливый человек из любого сословия мог надеяться пробить себе дорогу и получить поддержку государства или же меценатов. Тому есть множество примеров, начиная с истории изобретателя И. П. Кулибина или скрипача Хандошкина. Есть истории и менее известные. Так, в 1781 году интеллектуалов Петербурга потряс скромный молодой торговец хлебом из Торжка.

«Он, – пишет современник, – совершенно свободно владеет греческим, латинским и французским языками, с легкостью объясняет Демосфена и других греческих философов, обладает такими обширными сведениями в физике, что опровергает многое в ньютоновой и эйлеровской системах, хорошо понимает самые отвлеченные формулы математики, так здорово судит о богословии, что изумляет самых ученых членов Святейшего Синода. Наконец, он обладает такою чудною логикою и такою удивительною памятью, что ответы на задаваемые ему вопросы остаются всегда без возражений. Этот даровитый молодой человек никогда ни у кого не учился и приобрел свои знания самоучкою».

Накопив 120 рублей, он собирался ехать учиться в Англию. Императрица не только разрешила эту поездку, но и приказала выдавать ему ежегодно 600 рублей – огромные по тем временам деньги. Но, конечно же, такие сказочные случаи везения единичны и бывали не со всяким, даже талантливым торговцем хлебом.

Т. Караф. Портрет Д. И. Фонвизина (копия неизвестного художника).

Действующие лица

Денис Фонвизин

Фонвизин прославился мастерским чтением своих пьес. Внешне невыразительный и болезненный, он преображался, когда брал в руки листы рукописи своей пьесы и читал ее, как тогда говорили, «в лицах». При этом он умел пародировать людей, подражать их голосу и манерам, и слушатели покатывались со смеху, узнавая своих знакомых. Так, в Петергофе, в уютном Эрмитаже сразу же после ананасов и клубники к столу государыни, обедавшей с несколькими придворными, был «подан» Фонвизин со своей комедией «Бригадир», чем вызвал

«прегромкое хохотанье». Впрочем, такова уж судьба многих художников и до сих пор – выступать на ковре у сытой власти, развлекая ее. Фонвизин не был исключением. Он всегда искал внимания власти, людей, был тщеславен и суетлив. Собираясь в Италию, он писал:

«Хочу нарядиться и предстать в Италии щеголем... Это русский сенатор! Какой знатный вельможа! Вот отзыв, коим меня удостаивают, а особливо видя на мне соболий сюртук, на который я положил золотые петли и кисти...»

Великий драматург, обличитель чужих пороков ведет себя, как Митрофанушка, и начисто лишен самоиронии. Впрочем, это также часто бывает с великими художниками...

Польза от его декламаций после третьего блюда была огромная. Его заметила императрица, похвалил и сделал своим помощником воспитатель наследника престола Никита Панин. Приглашения к вельможам посыпались одно за другим. Фонвизин прославился. Он шел к славе давно, готовился, усердно учился в гимназии, Московском университете. Как-то раз, побывав в Петербурге, Фонвизин был потрясен не столько роскошью двора, сколько чудом театра, к которому с тех пор воспылал страстной любовью. Особенно нравилась ему комедия, сатира. Он был будто бы рожден для нее. Под его перо боялись попасть многие. Фонвизин был умен, наблюдателен, беспощаден, даже безжалостен к людям, которых вообще не любил. Светские удовольствия, женщины, еда, нарядная одежда неудержимо влекли его. Так часто бывает – ругаю свет, а сам из него не вылезая!

«Народу было преужасное множество, но, – писал он приятелю, – клянусь тебе, что я со всем тем был в пустыне. Не было почти ни одного человека, с которым бы говорить почитал я хотя за малое удовольствие».

Разоблачая пороки, он сам не был добр и гуманен. Как-то Панин подарил ему тысячу крепостных крестьян, которых он так разорил оброками, что они взбунтовались; вид их, оборванных и голодных, вызывал ужас и жалость следователей... Но не будем осуждать Фонвизина, ибо есть множество мизантропов и скряг, которые ничего не создали полезного для общества, а Фонвизин перелил свою мизантропию в гениальные пьесы. В чем же значение «Бригадира»? Это первая оригинальная русская комедия о современности, написанная на русском материале о типическом в нашей жизни. (Многое из того, что смешило зрителей XVIII века, сейчас не смешно. Наверное, так же будет со Жванецким, Шендеровичем и другими нашими сатириками, и потомки будут удивляться, что же нас так потешало? Так и «Бригадир». Но все же что-то и осталось. Вот бригадирша. Это о ее типе сказана бессмертная фраза: «Толста, толста! Проста, проста!»)

Между тем писать пьесы и одновременно служить Фонвизину было трудно. С ранних лет его мучили страшные, порой невыносимые головные боли, ставшие, по его словам, «несчастьем жизни моей». Вероятно, у Фонвизина было высокое артериальное давление, и он постоянно находился на грани инсульта, который потом его и настиг...

В 1774 году Фонвизин женился на вдове Катерине Хлоповой, дочери богатого купца, что общество осудило как мезальянс. После женитьбы Фонвизин отправился в длительное путешествие за границу. По возвращении в Россию, уже в отставке, он заканчивал давно задуманного им «Недоросля». В этой пьесе затронуты те стороны русского характера, русской психологии, которые являются национальными чертами. И юмор... Ведь до сих пор «Недоросль» кажется смешным. И это примиряет нас с его архаичным языком, делает его понятным и близким. Пьеса была встречена с восторгом в столичном обществе, Фонвизин всюду ее читал и наслаждался успехом. В 1782 году «Недоросль» увидел сцену при полном восторге зрителей. К этому времени относится известная фраза Потемкина, ставшая афоризмом: «Умри, Денис, лучше не напишешь!»

Потемкин и Фонвизин были знакомы с детства – они учились в одной гимназии, и когда Потемкин стал фаворитом императрицы, знакомство продолжилось. Оно было весьма своеобразным. Не раз во время утреннего

туалета вельможи Фонвизин выступал в роли шута, забавно передавая сплетни и пародируя окружающих. Впрочем, это мало помогало ему в делах карьеры. Екатерина не любила и сторонилась его. Нелюбовь государыни огорчала Дениса Ивановича, мешала ему получить всю славу, на которую он рассчитывал. В чем же дело? Конечно, государыня слегка ревновала его к Потемкину, не нравилась ей и близость Фонвизина к Панину – ее давнему оппоненту. Но важнее другое: императрица, писавшая бездарные пьесы, ревновала к таланту Фонвизина. Она не могла понять, как же этот шут пишет так, что люди умирают со смеху. В чем секрет его феноменального успеха и почему ее пьесам жарко хлопают одни только придворные и общество не рассказывает их тексты на цитаты, как происходило с текстами Фонвизина? Ведь и она остро пишет! Возможно, она и побаивалась Фонвизина – как бы ее в комедию не вставил! Так, она ни за что не хотела лично встречаться с Вольтером: а вдруг подсмотрит ненароком что-то в ней, да и опозорит на всю Европу!..

Между тем головные боли становились все сильнее. Один insult следовал за другим. Поэт Иван Дмитриев видел Фонвизина в доме Державина за день до смерти драматурга:

«...Приехал Фонвизин. Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедность и нищету человеческую. Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами... Уже он не мог владеть одною рукою, равно и одна нога одеревенела... Говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охриплым и диким, но большие глаза его сверкали...».

Фонвизин принес новую комедию.

«Он подал знак одному из своих вожатых, и тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения сам автор глазами, киваньем головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела. Несмотря на трудность рассказа, он заставлял нас не однажды смеяться... Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе».

И хотя к концу своего царствования она отошла от принципов, которые исповедовала в молодости, все же правление Екатерины II отмечено либерализмом политики власти и значительными успехами литературы и журналистики. На смену гениям времен Елизаветы Петровны М. В. Ломоносову и А. П. Сумарокову пришло новое поколение литераторов.

В середине 1760-х годов засверкал гений Дениса Фонвизина.

Не менее талантливыми, чем Фонвизин, были драматурги Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист, а Г. Р. Державин уже при жизни стал классиком русской поэзии. Роль Гавриила Державина в становлении русской литературы вообще огромна. Его оды были подлинными поэтическими шедеврами. В стихах Державина такая сила, мощь и выразительность, что это чувствуется и до сих пор. Бедный дворянский недоросль, потом долгие годы преображенный солдат, затем чиновник, Державин сделал карьеру благодаря не только своему уму, усердию и честности, но и поэзии.

В 1782 году он написал оду, которая оказалась пропуском во дворец и на долгие годы охранной грамотой Державина. Это была знаменитая ода «Фелица», в которой поэт обращается к Екатерине II как к придуманной киргизской княжне Фелице и хвалит ее за разные достоинства:

...Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем.
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я от утра до утра...

Все сразу в стихах узнали императрицу, а самое главное – ей самой ода очень-очень

понравилась. Государыня сказала, что никто ее так не понял, как Державин. В награду Екатерина послала поэту золотую табакерку с надписью на пакете: «Мурзе Державину от киргиз-кайсацкой княжны». Лишенное юмора начальство Державина даже поначалу заподозрило его во взятках от инородцев. В оде «Фелица» есть юмор, свежесть искреннего чувства, точнее – чувства любви, но не обычной, плотской, а возвышенной, государственной – так люди любят властителя только за одно то, что он властитель. С любовью же Державина к Екатерине сложнее. Он полюбил государыню за Наказ для Уложенной комиссии по созданию нового свода законов. В Наказе было столько правильных мыслей: спасение России – в самодержавии, самодержец обязан править по закону, закон должен быть справедлив, и ему должны подчиняться все. Там же дано определение свободы. Это – «право делать все, что позволено законом». Державин думал, что вот наступила новая эпоха, и с такой государыней исчезнет зло, несправедливость... Но от деклараций до реальной политики – дистанция огромная. Как бы то ни было, ода «Фелица» открыла ему путь к власти, его заметила и выделила государыня. Он стал губернатором, но нигде не мог удержаться подолгу, потому что пытался реализовать принципы Наказа буквально и в итоге завоевал звучную славу чудака, скандалиста и склочника. Но Екатерина II умела ценить и такие черты его характера, как прямоту, принципиальность, честность. В 1791 году она сделала его своим статс-секретарем по приему жалоб. В деле защиты справедливости, исполнения долга он не знал сомнений. Это было не всегда приятно императрице – ведь она была самодержицей и порой с законом мало считалась. Как-то раз они так сильно заспорили, что Державин даже накричал на императрицу, а когда она пыталась уйти, схватил ее за мантилью. Прибравшему статс-секретарю государыня сказала: «Василий Степанович! Побудь здесь, а то этот господин много дает воли своим рукам». Державин почти два года был одним из ее статс-секретарей. Они дружили и ссорились, за это время он хорошо узнал эту необыкновенную женщину, многие иллюзии в отношении ее рассеялись. Да и Державин надоел государыне своей прямолинейностью и упрямством. И как-то раз он заболел, а когда выздоровел, то узнал, что императрица уволила его из статс-секретарей и сделала сенатором – типичное «понижение вверх».

Г. Р. Державин.

Не будем упрощать Державина – он не был Дон-Кихотом. Когда-то взятая на себя роль правдолюбца, который режет правду-матку в глаза, вошла в плоть и кровь Державина. Конечно, эта роль отвечала его импульсивному характеру, но все-таки это была во многом его игра, маска. На самом же деле он знал меру в обличениях и умел, когда нужно, помалкивать. Да иначе и быть не могло – Державин был и слыл необыкновенным жизнелюбом. Любовью к жизни, еде, телесному удовольствию буквально пышут его стихи. В своем доме на Фонтанке в одной из комнат он сделал настоящую восточную беседку с мягкими пуховыми диванами. Как было хорошо всхрапнуть здесь после обеда. Он обожал и свою Званку – имение на берегу Волхова. До глубокой старости его волновали деревенские девы с их «остренькими глазками беглянок и смуглянок». К женскому полу Державин был всегда слаб. В 1799 году он написал эротическое стихотворение «Русские девушки», а его «Шуточное пожелание» вошло даже в оперу Чайковского «Пиковая дама»:

Если б милые девицы
Так могли летать как птицы,
И садились на сучках, –
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях...

При Александре I Державин стал министром. Но не успехи на служебном поприще обессмертили Державина уже при жизни. Люди ценили его как гения, как настоящего кудесника слова. Даже сейчас мы будто слышим в стихотворении «Снигирь» нежные и печальные звуки флейты под ритмичный рокот барабана на похоронах друга Державина, генералиссимуса Суворова:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?

Творения русских литераторов свободно печатались в русских типографиях. Екатерининская эпоха стала временем частных типографий, невиданной прежде свободы публикаций. Среди многочисленных издателей, как гора, возвышается Николай Новиков, издавший более 1000 самых разных книг.

Новиков был не просто издателем; он организовал целую систему книготорговли, которая охватывала всю страну и была доступна для всякого любознательного человека. Новиков издавал популярные в обществе журналы «Трутенъ», «Живописец», «Кошелек», в которых полемизировал с самой Екатериной II, тоже не чуждой журналистике и драматургии. Известно, что императрица написала около десятка пьес. В типографии

Новикова впервые на русском языке появились многие переводные книги Д. Свифта, Г. Мабли и других западноевропейских авторов. Переводы стали важным делом русских литераторов. В 1770-е годы образовалось «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», членами которого были А. Н. Радищев, Н. А. Львов и др.

Энергия Новикова не знала предела – вокруг него постоянно собирались талантливые литераторы. Сначала это было «Дружеское ученое общество» при Московском университете, а затем «Типографская компания». Новиков и близкие ему люди были членами московской масонской ложи; Новиков издавал масонскую литературу. Это и стало поводом для гонений на Новикова. Он вышел из заточения только после смерти императрицы Екатерины, сломленный и больной. (Напомним, что такая же судьба постигла и А. Н. Радищева.) Екатерининское время знаменательно огромным числом частных журналов. Их, кроме Новикова, издавали А. П. Сумароков, М. М. Херасков, М. Д. Чулков, И. А. Крылов, Е. Р. Дашкова и многие другие. Русский читатель сразу же оценил достоинства журнальной формы, которая позволяла узнать многое из мира литературы, политики. Главной целью многих журналов было (как, впрочем, и теперь) желание развлечь, позабавить читателя, но также – созвучно эпохе – незаметно обучить его, просветить. Даже названия журналов говорят сами за себя: «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение». «Всякая всячина» появилась в 1769 году и была первым русским сатирическим журналом.

Д. Г. Левицкий. Портрет Н. И. Новикова.

Журнал был по тем временам передовой – печатал смелые статьи, в том числе и против крепостного права. В нем печатала свои статьи Екатерина II. Новиков в своих журналах полемизировал со «Всякой всячиной», причем порой довольно остро, что государыне не

нравилось, но раз заданный стиль политики, позволявший вести журнальную полемику, она долгое время выдерживала.

Заглянем в источник

Излюбленным объектом критики Новикова было безмерное увлечение всем иностранным, слепое доверие к проходимцам из-за границы. Вот такой иностранец-авантюрист и плут, разыскиваемый полицией у себя на родине, приезжает в Россию, где становится гувернером, убежденным в своем превосходстве: «...Я француз... и за одни разговоры могу брать столько денег...». Ему противопоставлялся добропорядочный профессор-немец: «...Приехал я... чтобы увидеть Империю под владением премудрой императрицы... и... чтобы сыскать приличную своему состоянию должность...». Знаменито и шутовское объявление, помещенное Новиковым в журнале:

«Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользой, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Возможно, эта публикация навеяна скандальной историей «образовательной» поездки внебрачного сына Екатерины II и Григория Орлова Алексея Бобринского. Отправленный учиться в Европу, он прославился в Париже по преимуществу своими похождениями. Как сообщали доверенные люди императрицы, Бобринский «вел жизнь развратную, проигрывал целые ночи в карты и наделал множество долгов». Вокруг него вились проходимцы, которые обворовывали его... Императрица, которая поручила его русскому послу во Франции, узнав о разгульной жизни сына, потребовала его возвращения, но он дерзко отказался подчиниться воле государыни и переехал в Лондон. Там похождения юноши продолжались. Как писал видевший его современник, раз утром Бобринский ворвался к нему в комнату и умолял поехать с ним немедленно в Париж, «ибо знакомая ему одна особа внезапно туда уехала, а без нее он жить не может». С большим трудом, только 6 лет спустя после отъезда, в 1788 году, Бобринского, обремененного огромными долгами, удалось выманить в Россию, и императрица посадила его под домашний арест в эстляндском имении. Истинный свин!

Наводнение 1777 года. Екатерининский Петербург

Екатерина II гордилась Петербургом, городом, ставшим ей родным домом. Все годы своего правления она, не жалея сил и средств, украшала свою столицу. Правда, в 1777 году город постигло несчастье – первое великое наводнение. Несчастье пришло, как всегда, внезапно. После полуночи 10 сентября резко усилился ветер с запада (стал «жестким»), и в 5 утра Нева выступила из берегов «и наводнила мгновенно низменные части города», да так, что по Невскому и другим улицам люди плавали на лодках. Высота воды в то утро достигла 310 см выше ординара. Выше она поднималась только дважды: в 1824 году (410 см) и в сентябре 1924 года (369 см). Бешеный ветер с моря нес по воздуху сорванные с крыш листы железа, черепицу, разбивал стекла, выламывал рамы в Зимнем дворце, где находилась императрица Екатерина II.

Множество судов и барок, вошедших в Неву, сорвало с якорей. Буря швыряла их друг на друга, выбрасывала на берег. Как писала Екатерина II М. Гримму, на разрушенной Дворцовой набережной громоздились корабли. На Васильевском острове корабль из Любека не просто вынесло на берег, а забросило в стоящий в отдалении лес. Тогда же фактически погиб Летний сад: множество могучих деревьев повалило, сооружения разрушило водой. Вода быстро ушла, и город представлял собой ужасное зрелище. Трупы людей и животных, поваленные заборы, принесенный водой лес и дрова, мелкие и крупные суда, сломанные деревья – все это громоздилось в невероятном хаосе среди полуразрушенных домов, у которых были сорваны крыши, разбиты окна. Все погреба и склады оказались затоплены,

товар перепорчен, купцы несли огромные убытки. Только рыбы было везде в достатке. После внезапного ухода воды ее находили в самых неожиданных местах: в погребах, подвалах, комнатах, прямо на улице...

Город при Екатерине II бурно жил и быстро изменялся. В конце XVIII века он обогнал по численности Москву – в нем жили около 200 тыс. человек. Но не многолюдством примечателен екатерининский Петербург. Его судьбу в ту пору определяло место, занятое Россией в царствование Екатерины II. Город стал одним из центров мировой политики, резиденцией великой государыни, более трети века со славой правившей огромной империей. Экономическая и военная мощь России тогда достигла расцвета и поражала современников. Не было более пышного двора в Европе, чем русский двор в Петербурге. Расходы на него в год смерти Екатерины II (1796) составляли гигантскую сумму, достигавшую почти 12% всех государственных трат!

Заглянем в источник

Огромный город с его пестрым населением, смешением разных народов, лиц, сословий оставлял у наблюдателя странное впечатление.

«Петербург, – пишет француз Сегюр, – представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны, модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона, с другой – купцы в азиатских одеждах, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременные пояса. Эта одежда, шерстяная обувь и род грубого котурна на ногах напоминали скифов, даков, роксолан и готов... Но когда эти люди на барках или на возах поют свои мелодичные, хотя и однообразно грустные песни, сразу вспоминается, что это уже не древние свободные скифы, а москвитяне, потерявшие гордость под гнетом татар и русских бояр».

Сегюр верно подметил истоки поразительных контрастов Петербурга. Он писал, что «вопреки всему обаянию роскоши и художества, там власть ничем не ограничена, навсегда будут только господин и раб, как бы красиво не именовали их». Как писал Н. И. Тургенев, в екатерининское время «в С. – Петербург привозили людей целыми бараками для продажи». Авантюрист и развратник Казанова купил молоденькую девушку за ничтожную для него сумму, причем на вопрос, когда можно оформить свою покупку, его русский спутник ответил: «Хоть сейчас, коли хотите, и вздумай вы набрать себе целый гарем, так стоит лишь молвить одно слово, в красивых девушках недостатка здесь нет». Иностранцам были непривычны толпы дворни, жившей в домах богатых помещиков, отвратительные сцены дворянского быта с постоянным унижением людей и даже побоями.

Имперское могущество отпечаталось и на облике города. Об этом можно было судить по пышным празднествам, парадом на его площадях, по стилю жизни петербуржцев. В екатерининское время особенно ярко проявился «ментальный» конфликт с Москвой. Щегольское, новое, западное, стремительное, но одновременно черствое, холодное, отторгающее человека петербургское начало противопоставлялось московскому, старорусскому, хлебосольному, доброму, но ленивому, инертному, непредприимчивому началу. Отсвет двора, некая особая осведомленность о положении дел «в высших сферах» придавали даже петербургскому лакею, приехавшему с барином в Москву, значительность и важность.

К этому времени Петербург стал крупнейшим портом. На него приходилась половина внешней и две трети морской торговли страны. Купцам становилось выгодно торговать здесь. Порт на стрелке Васильевского острова был переполнен судами, которые приходили из 18 стран Европы. В 1760 году в порт зашло 338 судов, а в 1797 году – уже 1267, причем

более половины из них – английские. Стали появляться корабли из Северо-Американских Соединенных Штатов. Некоторые шкиперы из Бостона и других городов Массачусетса сделали торговлю с Россией своим основным занятием, плавали через океан десятки раз, называли свои корабли «С. – Петербург», «Нева» и т. д. Они везли в Америку множество разных товаров, преимущественно – железо, холст, юфть, кожу, пеньку, сало и лен, а также миллионы гусиных перьев. Это позволяет историкам в шутку предполагать, что Декларация независимости США была подписана 4 июля 1776 года перьями русских гусей.

Архитектура времен Екатерины II

Те, кто помнил елизаветинский Петербург, сразу же заметили бы произошедшие с городом перемены. На его просторах воцарился иной, чем при Елизавете Петровне, архитектурный стиль: на смену вычурному барокко пришел строгий и величественный классицизм. Произошло это почти в конфликтной ситуации, когда в начале 1760-х годов гений барокко Ф. Б. Растрелли спланировал в свойственной ему манере новый Гостиный двор на углу Садовой и Невского проспекта. Пришедшей к власти летом 1762 года Екатерине II проект Растрелли не понравился, в чем ее горячо поддержали купцы – ведь им предстояло платить немалые деньги за все барочные завитушки! И тогда проектирование Гостиного двора поручили Ж. Б. М. Валлен-Деламоту – французу, ставшему с 1759 года академиком Академии художеств. Обиженный великий Растрелли отошел от дел, его время прошло. Валлен-Деламот работал в стиле классицизма, который отвечал вкусам императрицы и соответствовал мировоззрению эпохи Просвещения. Так случилось, что приход Екатерины II на престол совпал со сменой барокко на новый художественный стиль – классицизм.

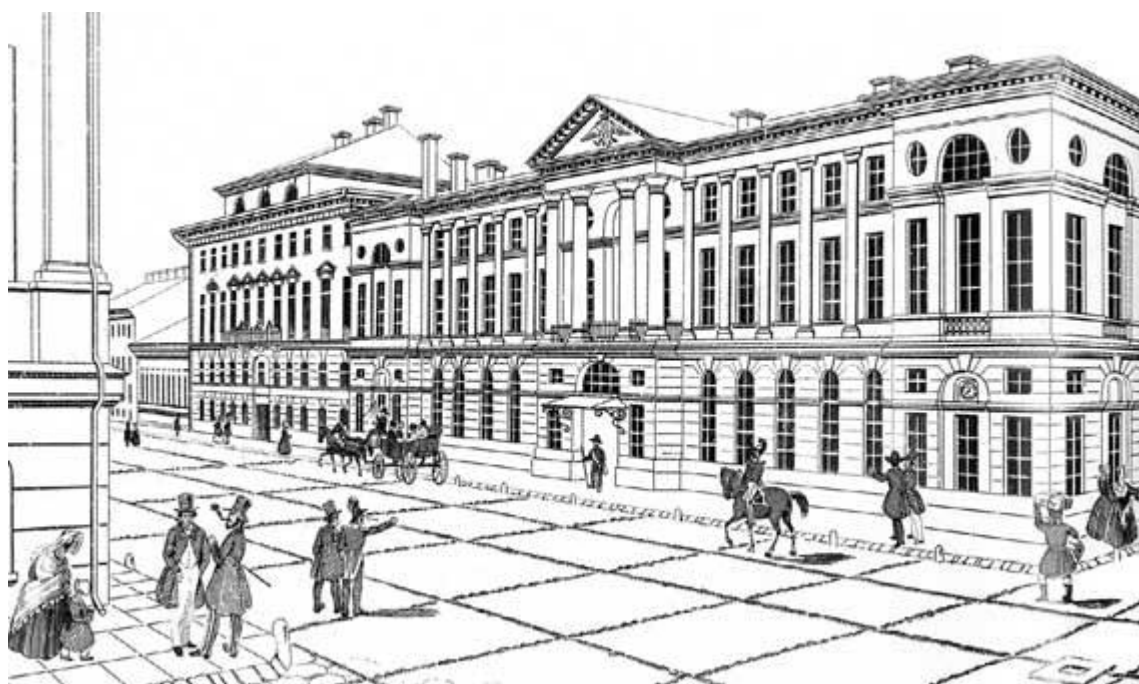

Ф. Дюрфельдт. Здание Академии наук со стороны Невы. 1792.

Если барокко с его завитушками, капризными изгибами, аллегориями, пышной декоративной отделкой шло капризнице-императрице Елизавете Петровне, оставившей после себя роскошные Зимний, Царскосельский, Петергофский дворцы и Смольный собор

работы Растрелли, то эстетике Екатерины II более соответствовал ясный, гармоничный, соразмерный и благородный стиль классицизма. Смыслом построек, сооружений становится рациональность, простота и естественность. Не случайно Екатерина II зло высмеивала столь характерные для предшествовавшей эпохи символические храмы «невесть какого дьявола, все дурацкие несносные аллегории и притом в громадных размерах, с необычайным усилием произвести что-нибудь бессмысленное». Она же писала, что ненавидит фонтаны, которые «мучают воду», делают ее неестественной. Это не означало, что здания елизаветинского барокко стали разрушать или перестраивать. Нет! Особенность той эпохи состояла в умении архитекторов сочетать новую и старую архитектуру.

Считается, что классицизм в России в своем развитии прошел определенную эволюцию. Сначала в нем было сильно влияние идей французского классицизма. В этом стиле работал Валлен-Деламот. С начала 1760-х годов он строил не только Гостиный двор, но и Малый Эрмитаж, Академию художеств (вместе с А. Ф. Кокориновым), Новую Голландию (вместе с С. И. Чевакинским). Затем, примерно с 1780-х годов, на место возвышенной и несколько суровой архитектуры французской школы пришли ясные, изящные формы, уходящие корнями к гению итальянской архитектуры XVI века Антонио Палладио. Признанным старшиной архитектурного цеха был Александр Филиппович Кокорин. Он построил здание Академии художеств на Неве. Ему помогал Жан Батист Мишель Валлен-Деламот. Необычайно талантливы были другие архитекторы Екатерины: Антонио Ринальди с его Китайским дворцом и Каталальной горкой в Ораниенбауме, а также Гатчинским и Мраморным дворцами в Петербурге, Иван Старов с его Таврическим дворцом (1783–1789) и Троицким собором Александро-Невской лавры.

Л. Тюмлинг. Здание Почтамта.

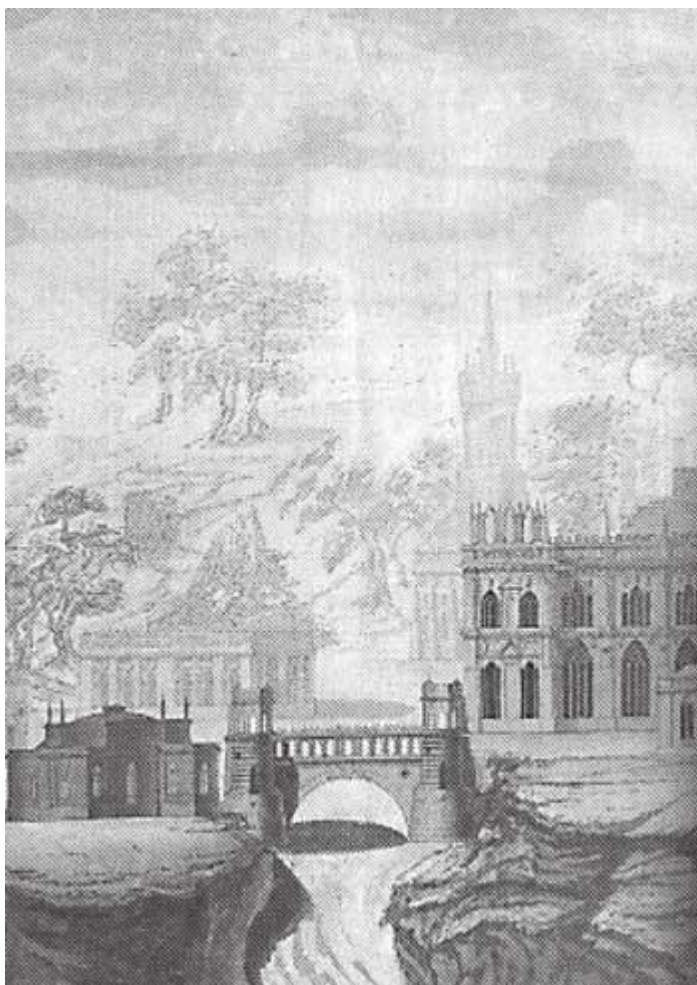
В Петербурге стали популярны многочисленные постройки Джакомо Кваренги: здание Академии наук, Эрмитажный театр, Александровский дворец в Царском Селе. Позже Кваренги построил Конногвардейский манеж и Смольный институт. С Кваренги соперничал Чарльз Камерон – создатель знаменитой Галереи в Царском Селе, а также Павловского дворца, строительство которого началось в 1780 году.

В том же ряду архитекторов находился Н. А. Львов – создатель Главного почтамта. Конечно, было немало ярких мастеров с собственной манерой, которая не укладывается в схему классицизма. Они пытались совместить в своих творениях принципы барокко и

классицизма. Таков был Антонио Ринальди – создатель Мраморного дворца, в котором чудесным образом достигнута гармония этих стилей. Тем не менее классицизм победил и стал определять внешний вид города. Нельзя не упомянуть и Юрия Фельтена с его изящной Чесменской церковью и всемирно известной решеткой Летнего сада (1773–1784). Фельтену принадлежит и грандиозный проект оформления гранитных набережных Невы, рек и каналов в Петербурге. В итоге топкие берега Глухой речки превратились в изящные изгибы набережных Екатерининского канала, засверкала в пышном кружеве чугунных решеток широкая Фонтанка. В тон и стиль этому начали сооружаться через реки каменные мосты, была облицована гранитом Петропавловская крепость.

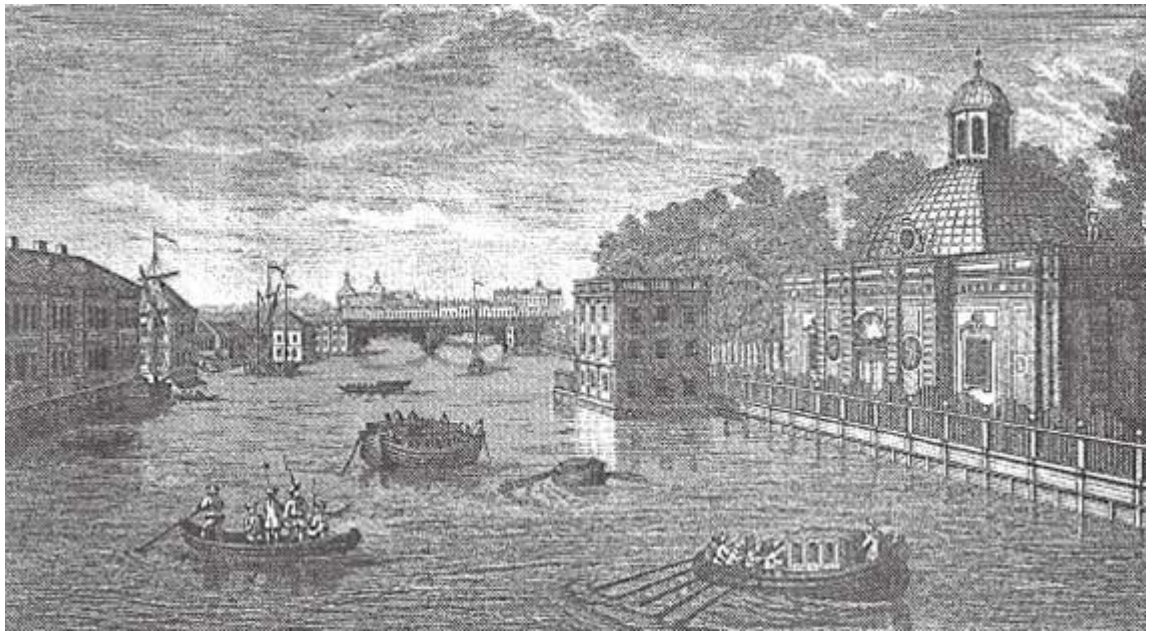
Два блестящих архитектора – В. И. Баженов и М. Ф. Казаков – представляли московское направление в архитектурном классицизме. Баженовские Царицынский дворец и знаменитый Пашков дом на Моховой – несомненные архитектурные шедевры. Казаков упражнялся в перестройке Кремля (здание Сената), воздвиг Главное здание Московского университета и Петровский дворец, а также столь популярное среди обитателей нашей страны здание Благородного собрания, более известное как Дом союзов с великолепным Колонным залом. Если московские постройки классицизма не определяли архитектуры всей Москвы, то сооружения петербургских коллег Баженова и Казакова принципиально изменили вид северной столицы, и к концу XVIII века она выглядела как новый город, который с гениальными дополнениями К. И. Росси, А. Д. Захарова, О. Монферрана и других дошел до наших дней.

Екатерина II не любила Москву с ее, как она писала, утомительным многолюдьем и зловонием. То ли дело Петербург – «эта чопорница, моя столица!» (так писала Екатерина о Петербурге). Специальной Комиссии о каменном строении А. В. Квасова была дана полная воля и неограниченные средства. Комиссия разработала перспективный план реконструкции центра столицы, суть которого состояла в перестройке улиц так, «чтоб все дома в одной улице состоящие одной сплошною фасадою и вышиною построены были». Конечно, подобные идеи прямо вытекали из концепции «полицейского» государства, основанного еще Петром I и поддержанного Екатериной II. Но эта перестройка, благодаря гению мастеров, не превратила город в скучный плац среди рядов казарм.

В. И. Баженов. Панорама усадьбы Царицыно.

Империи не существует без монументов. Обелиски, львы во всевозможных видах, конная статуя героя – верный признак имперской столицы. Екатерининская эпоха создала монументы во множестве. На смену петровскому деревянному обелиску в память Гренгамской победы 1720 года, что стоял на Троицкой площади, а также непрочным триумфальным воротам Елизаветы Петровны из дерева во времена Екатерины приходят бронзовые и мраморные монументы, создаваемые по древнеримскому и французскому образцам. Так, К. Б. Растрелли более 30 лет (1716–1747) работал над конной статуей Петра Первого, повторяя стиль скульптуры Марка Аврелия в Риме. Но творение Растрелли, как и другой конный монумент скульптора А. Мартеллия, не были при Елизавете поставлены на площадях. К царствованию Екатерины II эти памятники в стиле барокко уже устарели, и растреллиевский Петр Великий так и простоял больше полувека в сарае, пока в 1801 году его не извлек на свет божий Павел I и не водрузил перед Михайловским замком, да и то назло матери. Екатерина II была весьма внимательна к монументальному увековечению своего царствования.

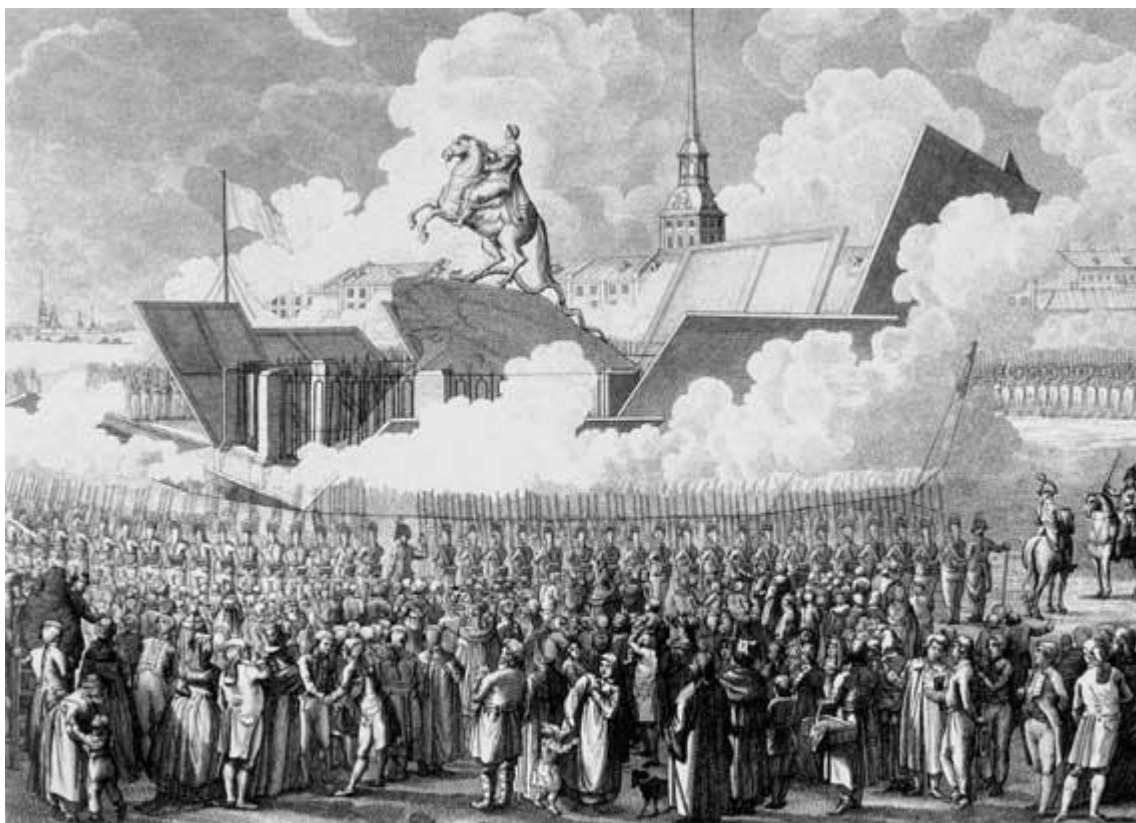

Вид реки Фонтанки.

В Царскосельском парке одна за другой появлялись памятные колонны: Морейская (1771), Чесменская (1771–1778), Кагульский обелиск (1771), в городе на Марсовом поле был поставлен обелиск «Румянцева победам» (1799), а спустя два года – памятник А. В. Суворову. И все же самым важным монументом екатерининской эпохи нужно признать знаменитый Медный всадник, ставший сразу же и на века символом имперского Петербурга.

Сооружение его стало подлинной эпопеей. Создатель его французский скульптор Этьен Морис Фальконе был приглашен Екатериной II в 1766 году для создания памятника Петру I. Здесь он даже получил звание академика Академии художеств. В 1770 году недалеко от Лахты была найдена огромная гранитная скала «Гром-камень», ставшая пьедесталом конной статуи Петра Великого. Камень на баржах доставили из Карелии и сгрузили на берег. Для народа, столпившегося вокруг, это было грандиозное, фантастическое зрелище. Каменная гора «сама» сползла с судна и «покатилась» к указанному месту по желобам на десятках медных шаров. Но скоро начались проблемы: Фальконе хотел придать скале нужную форму, обработав ее, а все вокруг возражали – погубить такой красивый «дикий» утес! Но Фальконе был упрям: «Я делаю пьедестал для статуи, а не наоборот!»

Открытие монумента Петру I. Фрагмент. А. К. Мельников с рисунка А. П. Давыдова. 1782.

Необычный план монумента созрел у него еще в Париже: всадник должен не просто стоять на скале, а взлететь на нее как будто с разгона, в энергичном движении. Возле мастерской был построен специальный помост, на который сотни раз подряд на глазах скульптора влетали и застывали всадники на лошадях из дворцовой конюшни. Лучшими были два прекрасных коня – знаменитый Бриллиант, любимец Екатерины II, и Каприз. У Фальконе сложились тяжелые отношения с Иваном Бецким, близким императрице человеком, ставшим руководителем проекта. Ссоры у них начались сразу же по прибытии Фальконе. Бецкой пытался давать указания скульптору, а тот жаловался на своего куратора самой государыне. Бецкой советовал Фальконе подражать великолепной статуе Марка Аврелия, но тот упрямо шел своим путем. При этом француз был капризен, вечно всем недоволен, отказывался брать русских в ученики.

Еще в Париже он поразил своих русских нанимателей тем, что не согласился на предложенный гонорар в 300 тысяч ливров и сказал, что работа будет стоить 200 тысяч, а лишнего ему не нужно. Прибыв в Петербург, он изматывал Бецкого требованиями разного рода. Потом скульптор запросил 200 тысяч ливров прибавки, но их ему уже не дали... Удивительно, но за 12 лет жизни в Петербурге Фальконе встречался с императрицей всего лишь пару раз. По каким-то неизвестным нам причинам Екатерина избрала письменную форму общения с ним, и до нас дошел почти целый томик этой пространной переписки. Осенью 1777 года памятник был почти закончен, оставались только штрихи... Но и силы мастера были на исходе. Денег из казны не платили, Екатерина прервала свою многолетнюю переписку с Фальконе и молчала в ответ на отчаянные жалобы скульптора на Бецкого, бездарных помощников, ленивых рабочих. В общем, Фальконе решил уехать... Он потянул еще год и с тяжелым сердцем покинул русскую столицу осенью 1778 года. Его главное творение, его душа осталась здесь, совсем близко от берега Невы. Не довелось Фальконе увидеть открытие своего памятника в 1782 году – его не пригласили... Дело Фальконе завершил Ю. М. Фельтен.

Сотворение Эрмитажа

Празднества времен Екатерины II отличались грандиозностью и красотой. Как и во времена Елизаветы Петровны, при дворе устраивались балы и маскарады, на которых бывало сразу несколько тысяч гостей. Своей главной резиденцией императрица избрала Зимний дворец, законченный Б. Ф. Растрелли в 1762 году. Дворец представлял собой выдающееся произведение архитектуры. Невская анфилада залов (в том числе Тронный зал) тянулась на 160 метров вдоль Невы. От Парадной лестницы начиналась Большая анфилада парадных залов с церковью. Все залы были пышно украшены резьбой и росписями. Растрелли, из-за его отставки, не удалось осуществить всех планов внутреннего убранства дворца в стиле барокко и рококо. И тем не менее дворцовые залы стали великолепной сценой для придворных торжеств. «Вся обстановка бала, – вспоминает знаменитый авантюрист Джакомо Казанова, попавший на бал в Зимнем в 1765 году, – представляла зрелище причудливой роскоши в убранстве комнат и нарядах гостей, общий вид был великолепный». Англичанин У. Кокс, посетивший бал в Зимнем в 1778 году, был того же мнения:

Богатство и пышность русского двора превосходят самые вычурные описания. Следы древнего азиатского великолепия смешиваются с европейской утонченностью... блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней оставляют за собой великолепие других европейских государств.

Заглянем в источник

Открытие памятника Петру Великому было обставлено как триумф империи и напоминало грандиозное театральное действие. Перед стоявшими в парадном строю войсками и бесчисленными зрителями, заполнившими площадь (потом ее назвали Петровской), предстала «дикая каменная гора», которая была не чем иным, как огромным футляром, декорацией из раскрашенной парусины. Когда на площадь прибыла государыня, в небо взвилась ракета, и «вдруг, – писали «Санкт-Петербургские ведомости», – невиданным действием, к удивлению зрителей, изображенная каменная гора унижаясь... и, наконец, исчезнув со всех сторон без остатка, так что ни малаго следа не осталось (проще говоря, развалившись, как карточный домик. – Е. А.), показала изумленным очам зрителей Петра на коне, как будто бы из недр оной внезапно выехавшего на поверхность огромного камня с распростертой повелительной десницею».

В тот же момент небо раскололось от грохота пушек с Невы, раздался треск беглого ружейного огня всех стоявших на площади полков. «Ирой спокоен – конь яростен». Так писал современник об этой уникальной конной статуе. И до сих пор Медный всадник, как стали называть статую в XIX веке, поражает необычайной мощью, самодержавным величием, даже какой-то магической силой, как будто исходящей от него. Почти сразу же творение Фальконе породило легенды. Кажется, что именно в этом месте находится сердце города, живет его гений места, и пока могучий всадник вздымается на скале – город будет стоять на этих берегах...

Действующие лица

Архитектор Николай Львов

Львов красиво прожил свои 52 года. Счастливая судьба провинциала, успех, достигнутый талантом и случаем, романтическая любовь, благосклонность небес и властей, достаток, творчество, прекрасные, верные друзья, построенные по проектам Львова дворцы и церкви, которые будут стоять века, слава – это так много для любого обитателя земли! Недоросль из тверской глубинки, он приехал в Петербург в Измайловский полк и попал не просто в солдаты, а в полковую школу, где существенно дополнил свое образование. И тут талант Львова стал раскрываться. Он был необыкновенно симпатичным, оригинальным, легким,

веселым человеком, чем-то похожим на Моцарта. На нем лежит отблеск гения, след, который оставляет на челе человека это неуловимое, виртуальное, капризное существо. А оно, как известно, опускается не на каждую голову. А еще Львова называли «русский Леонардо» – так широк был круг его увлечений, так открыта была его душа для творчества. Кроме стихов, музыка, живопись, от которой он переходил к скульптуре, но сильнее всего его привязала к себе архитектура. Львов недолго прослужил в гвардии, ушел в отставку капитаном и отправился за границу. Это путешествие заменило ему университет. Он впитывал шедевры Дрездена, Лувра, Эскориала, Рима, чья архитектура стала образцом для творчества Львова. Словом, он вернулся в Россию иным человеком – сформировавшимся художником, творцом.

Начало 1780-х годов особенно счастливо для Львова. У него появился не только добрый гений – Маша, но и могущественный покровитель – статс-секретарь Екатерины II и потом канцлер России Александр Безбородко. Он оценил выдающийся талант Львова и его человеческие свойства и познакомил с Екатериной II. Императрица была в восторге от проектов Львова и стала поручать ему строительство разных сооружений. В 1780 году он создает знаменитые Невские ворота Петропавловской крепости, затем начинает проектировать и строить Петербургский почтамт. Здесь же находилась казенная квартира Львова, в которой он с семьей прожил более десяти лет. В конце 1780-х – начале 1790-х годов квартира Львова в Почтамте слыла литературным салоном. Сюда регулярно приходили замечательные люди – литераторы и художники: Боровиковский, Капнист, Хемницер, Левицкий, Оленин. Львов был хорошим хозяином, он не надоедал гостям, но определял тон и уровень их общения. Все признавали его безусловный вкус, даже называли «гением вкуса». Особое место в жизни Львова занял «мой друг, радость» Гавриил Державин, ставший его приятелем и потом родственником (они были женаты на сестрах). Львов правил стихи Державина, был для него высшим судьей, при этом Львов, человек легкий, независтливый и умный, никогда не пытался встать выше Державина.

Между тем сам Львов был наделен литературным талантом. В век высокопарности и манерности литературы он стоял за непривычную тогда в литературе простоту и естественность, он знал цену русскому языку, собирал русские народные песни.

Но все-таки Россия благодарна Львову не за оперы и стихи, которые, в общем-то, не выдержали испытания временем... а за русскую усадьбу, «отцом» которой он, в сущности, стал.

Благодаря Львову на смену большому неудобному дому, похожему на жилища крестьян, пришли дворянские особняки в стиле классицизма с изящными портиками, пилястрами, колоннами, так хорошо нам знакомые по русской литературе. Расположенные на возвышенности, они были искусно обрамлены садами и парками, разбитыми с учетом природы и общего пейзажа вокруг. Отражаясь в неподвижной глади прудов или тихих рек, дворянские особняки приветливо смотрели на мир, несли окрестностям гармонию, покой, демонстрируя, как человеческие сооружения могут быть продолжением природы. Неудивительно, что такие усадьбы становились любимыми гнездами тысяч дворян, которые спешили в своих экипажах по дороге, с нетерпением ожидая, когда вдали, на холме, сверкнут белизной колонны родного дома, появится ажурная изящная беседка в парке над прудом и всплывет из-за крон деревьев купол церкви. Это и есть образ Родины.

Дворянские усадебные дома Львова были весьма удобны для жизни. Гостей в Никольском поражали необыкновенные изобретения архитектора вроде воздушного отопления. Камин в доме Львова одновременно служил и кондиционером. Нагреваемый в нем воздух попадал в трубы, шел по ним в особые вазы с розовой водой и, поднимаясь вверх через воду, становился ароматным и распространялся по комнатам. И все это (как, впрочем, и многое другое) в доме Львова было сделано ради главного – ради наслаждения жизнью:

Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
Под липу на лужок,
Домашним бытом окруженны,
Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей
Он (Бог. – Е. А.) скажет: как они блаженны...

Львов «фонтанировал» идеями. Он постоянно что-то изобретал. Так, он придумал «землебитие» – специальную технику строительства зданий из утрамбованной земли с прослойками извести. Земля – экономичный, доступный материал; уж земли у нас, как известно, немерено!.. В такой технике был построен Приоратский замок в Гатчине, который до сих пор прекрасно стоит! Потом Львов загорелся проектом переустройства и совершенствования русской бани, постоянно увлекался коммерческими проектами, чтобы разбогатеть. Но, увы! Известно, что коммерция русской интеллигенции обычно состоит в том, чтобы покупать дорого, а продавать дешево. Местом, где Львов пытался осуществить свои проекты, была его дача на берегу Невы. Вообще, отдых на даче всегда побуждает русского человека к прожектерству. Так было и со Львовым. Он решил построить рядом с дачей трактир «Торжок», но и кабак дохода ему не принес. Здесь же на даче хранился огромный груз каменного угля, обнаруженного Львовым около Боровичей. Он написал даже книгу «О пользе и употреблении русского земляного угля». Привез уголь в Петербург, хотел обогатиться – не удалось! Потом уголь случайно загорелся и, несмотря на усилия пожарных, горел... два года, досаждая дымом всему Петербургу.

К началу XIX века Львов стал много болеть, наступили новые времена, умерла Екатерина II, потом и его покровитель канцлер Безбородко. Мысли о зароботке отравляли жизнь Львова. Но по-прежнему он продолжал творить. Дома, церкви и почтовые станции, мосты, всем нам известные верстовые столбы на дороге из Петербурга в Москву, – все это сделал Львов. В 1803 году Львов умер...

И хотя во дворце собралось в тот день около 8 тыс. человек, вся эта толпа не смешивалась с высшей знатью, которая отплясывала под ту же музыку, но за низеньким барьером.

Известно, что императрица очень любила природу, деревню. Особенно ей нравилось Царское Село с его парком, тихими водами прудов, шелестом деревьев: «Вы не можете себе представить, как хорошо в Царском Селе в хорошую теплую погоду». Так писала она Гримму в июле 1791 года. К счастью, в отличие от Гримма, мы можем себе это представить – любимый ею парк еще жив и по-прежнему прекрасен.

Но все же самым ярким явлением екатерининской эпохи стал Эрмитаж. Французская идея скрытого в тиши лесов здания – этакое храма размышлений, места дружественного, «без чинов» общения, обратилась в России в идею роскошного дворца по соседству с царским домом – Зимним. Стоило человеку только переступить порог Эрмитажа, как он попадал в иной, непривычный мир, в царство прекрасного: картин, книг, скульптуры, музыки и пения, дружества, равенства и доброты. Екатерина не жалела денег на украшение своего Эрмитажа. В 1790 году там было почти 4 тыс. картин, 38 тыс. книг и 20 тыс. гравюр и резных камней. Чтобы перечислить, какие знаменитые художники писали эти картины, потребуется не одна страница. Здесь среди произведений искусства посетитель должен был стать другим – раскрепощенным, веселым, естественным, как птицы, певшие на все голоса под стеклянным куполом Зимнего сада. В этом саду никогда не кончалось лето.

Эрмитажем называлось не только здание, но и собрание в нем. Было три вида эрмитажного собрания в зависимости от количества посетителей: большой, средний и малый. Мечтой всех было попасть на самый интимный – малый. Сюда попадала только

избранная публика, и многие из петербургского света отдали бы все, чтобы поиграть в жмурки, веревочку или фанты с самой Екатериной или «испеть» с ней ее любимых русских песен, не говоря уже о счастье оказаться в хороводе рядом с императрицей, одетой в цветастый русский сарафан. Известно, что редкое назначение чиновника на важный пост проходило без приглашения его на смотрины в Эрмитаж. Уж здесь-то, в простой, естественной обстановке человек, как он ни пыжился, был виден насквозь, и если он дурак, то это становилось ясно сразу же.

Развлечения в Петербурге

При Екатерине Петербург стал городом развлечений. Центром был, конечно, двор с его бесконечной вереницей праздников. Но пускали туда только избранных. Люди, не попавшие в число избранных, тоже не умирали со скуки.

Знать развлекалась за картами и в клубах, среди которых выделялся открытый в 1770 году на Галерной улице «Аглинский клуб» всего с полусотней членов. Некоторые «простаивали» кандидатами в члены клуба всю жизнь, хотя проиграться в карты в пух и прах можно было и во многих других местах. Галерная улица была вообще сколком с Лондона. На ней жили во множестве англичане, да не случайно и набережная поблизости называется Английской (или, как в XVIII веке писали, «Аглинская»)! Можно было взойти на корабль в Лондоне, а сойти с него на Английской набережной и не почувствовать разницы – тот же туман, те же пабы, та же английская речь.

Заглянем в источник

В составленных Екатериной правилах поведения гостей в Эрмитаже много шуточных статей, но умный человек понимал, что за шуткой скрываются вполне серьезные требования:

- «1. Оставить все чины вне дверей примерно, как и шляпы, а наипаче шпаги.*
- 2. Местничество и спесь оставить тоже у дверей.*
- 3. Быть веселым, однако же ничего не портить, не ломать и не грызть.*
- 4. Садиться, стоять, ходить как заблагорассудится, несмотря ни на кого...*
- 10. Сору из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое, прежде нежели выступит из дверей».*

Правила поведения в Эрмитаже были не менее строгие, чем порядки суровых петровских ассамблей. Конечно, людей заставляли за провинность выпивать не чудовищный кубок «Большого орла», а лишь стакан воды или читать целую главу «Телемахиды» Василия Тредиаковского – наказание, конечно, страшное, но для здоровья несмертельное. Но главное, нужно было дорожить вниманием автора этих правил – императрицы. Таким образом, Эрмитаж был и волшебным чертогом, и музеем, и собранием людей, приглашенных разделить досуг с императрицей.

Любители музыки объединялись в музыкальные филармонические клубы, члены которых делали взносы на содержание оркестра и могли слушать его без ограничений. Праздники в домах вельмож не уступали в великолепии дворцовым. Регулярными стали так называемые «дворянские балы». Самые богатые дворяне держали «открытый стол». Это означало, что если человек получил от хозяина приглашение пообедать, то мог отныне появляться за столом хоть каждый день. «Причем, – пишет мемуарист, – чем чаще бывали мы за этими радушными обедами, тем становились более дорогими гостями и как будто сами делали одолжение, а не принимали его».

Казанова писал, что летом 1766 года Екатерина II поручила А. Ринальди построить на Дворцовой площади деревянный амфитеатр для карусели. Это был один из семи каруселей (в те времена слово «карусель» относили к мужскому роду), состоявшихся за два века истории империи. Естественно, карусель XVIII века – совсем не тот аттракцион, к которому привыкли наши читатели. Это был грандиозный праздник, пришедший на смену рыцарскому

турниру. Он открывался на огромной арене ярким театральным действием, шествием герольдов, трубачей, парадом участников. Карусель состоял из нескольких туров, называемых кадрилию, – в 1766 году их было четыре: славянская, римская, турецкая и индийская. Участники его – мужчины и женщины высшего света, одетые в старинные наряды, должны были обладать совершенными навыками верховой езды, управления колесницами, иметь хорошо выдрессированных лошадей благородных кровей. Во время непрерывного движения по огромному кругу арены (отсюда и название действия, так как по-итальянски *carosello* – круг) колесницы и всадники совершали самые сложные маневры, выполняли на полном скаку различные трюки с пиками, кольцами, шарами, и все это к восторгу тысяч зрителей на трибунах. В продолжение всего этого зрелища играли оркестры. На главной трибуне сидела императрица и судьи, называвшие победителей кадрилией. Их награждала драгоценными подарками сама государыня. Лучшими наездниками первой карусели 1766 года были признаны три дамы: графини Н. Чернышева, Е. Бутурлина, А. Лопухина. Во второй карусели триумфатором объявили Григория Орлова.

Для народа на Дворцовой площади устраивались представления попроще. В праздничные дни толпе отдавали на растерзание водруженного на помост зажатого быка, которого набивали жареной же птицей и мясом. Неподалеку из специальных фонтанов в бассейны били струи вина. Такие дармовые раздачи всегда заканчивались безобразной свалкой и побоищем вокруг тела быка и особенно вокруг его головы, за доставку которой во дворец полагалась сторублевая премия. Как обходился народ с фонтанами и бассейнами вина, догадаться нетрудно.

Театр времен Сумарокова и Фонвизина

Театр был одним из главных развлечений столицы. Если в Эрмитажном театре, построенном Дж. Кваренги в 1783–1785 годах на месте петровского Зимнего дворца, собиралась на французские пьесы только избранная, сверкающая бриллиантами публика, то в других театрах было демократичнее. В Малом театре ставились пьесы даже самой Екатерины II – сочинителя небесталанного. Впрочем, ей было не под силу тягаться с плеядой блестящих русских драматургов того времени. С восторгом смотрели зрители «Вадима» Я. Б. Княжнина, «Ябеду» В. В. Капниста, «Мота, любовью исправленного» В. И. Лукина и, конечно, творения гениального Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль». В 1782 году «Недоросля» выбрал для своего бенефиса любимец публики актер Иван Дмитриевский. Кроме него гром аплодисментов, точнее, по традиции того времени – дождь бросаемых на сцену кошельков, вызывала игра П. А. Плавильщикова – прекрасного актера и драматурга. Славилась также актеры С. Н. Сандунов и Т. М. Троепольская. Непревзойденным комиком был тогда Яков Шумский, сыгравший в «Недоросле» роль Еремеевны и доведший своей игрой зал до колик. Теперь по прочтении текста пьесы такая реакция публики кажется загадкой.

Вид площади и Большого театра в Петербурге.

В начале 1780-х годов в Петербурге впервые открыли каменный Большой театр, поразивший всех своей величиной и внутренним убранством.

Современник писал: «Театр построен в новом роде, совершенно еще не известном в здешнем краю. Сцена очень высока и обширна, а зала, предназначенная для зрителей, образует три четверти круга». По обычаю тех времен в театре ставились и оперы, и драматические спектакли, и балеты. Самой популярной была комическая опера О. А. Козловского на темы народных сказок «Мельник, колдун, обманщик и сват». Музыка для спектаклей, как здесь, так и в Эрмитажном театре, писали итальянские композиторы Б. Галуппи, Т. Траэтта, Дж. Паэзиелло. Их произведения звучали и при дворе – на балах, маскарадах и обедах. Своими кантами славился Джузеппе Сарти, а в церковной хоровой музыке и камерных операх не было тогда равных Дмитрию Бортнянскому – руководителю Придворной певческой капеллы. Он, как и другой композитор, М. С. Березовский, был выходцем с Украины, получил образование в Италии, и без него немыслима история русского искусства, возникновение русской национальной оперы. При дворе и в лучших домах Петербурга наслаждались игрой виртуозного скрипача, бывшего крепостного, Е. И. Хандошкина, а когда с хоров дворянских особняков раздавались звуки популярнейшего полонеза О. А. Козловского «Гром победы раздавайся» на слова Гавриила Державина, мало кто мог оставаться равнодушным – так торжественна и величава была эта музыка. Она была своеобразным гимном царствования Екатерины II.

Живопись и скульптура

Академия художеств при Екатерине стала важнейшим центром развития искусства в России XVIII века. Хорошо устроенная по продуманному плану, под внимательным и добрым присмотром ее куратора И. И. Шувалова, Академия художеств была «оранжереей», в которой произрастали русские таланты. Среди художников, вышедших из Академии, выделялись Ф. С. Рокотов, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский, А. П. Лосенко. Воспитанные на общих принципах классицизма, благодаря своему таланту они были так

непохожи друг на друга. Федор Рокотов пришел в Академию в зрелом возрасте и стал автором коронационного портрета Екатерины II. Но прославился он тем, что стал блестящим мастером камерного портрета, мгновенно улавливая в портретируемом человеке его главную черту. Довольно рано он покинул Петербург и поселился в Москве, где вдали от двора стал одним из модных в то время художников.

Дмитрий Левицкий около 20 лет возглавлял портретный класс Академии художеств и воспитал целое поколение русских портретистов. Сам он прославился портретами «в рост». Образцом может служить портрет вальяжно-небрежного богача и чудака П. А. Демидова. Но более всего Левицкий прославился серией портретов смолян – выпускниц Смольного института. Левицкий нашел необычную форму парадного портрета девушек в виде различных персонажей на сцене. Ему удалось передать необыкновенную грацию, изящество своих героинь; в его портретах много юмора, изящного любования своими героинями.

Владимир Боровиковский был близок к кружку интеллектуалов Н. А. Львова, обладал обширными знакомствами и стал модным «семейным» художником, отражая на холсте целые кланы знати. Он много писал Екатерину II, ее сына Павла Петровича, внуков императрицы Александра, Константина и других. Он оказался долгожителем и успешно работал еще при Александре I, оставаясь блестящим мастером камерных портретов. В них нет интимности Рокотова, юмора и жизнерадостности Левицкого, но есть красивая нарядность, изящество поз и положений фигур, которые все больше приобретают скульптурную законченность. Боровиковский много работал над миниатюрами и писал иконы, что для художника его круга было необычно.

Выдающимся мастером исторического жанра, едва ли не самого любимого в классицизме, был Антон Лосенко. После Ломоносова он первым обратил особое внимание не только на библейские и античные сцены, но и на события русской истории. В 1770 году он выставил картину «Владимир и Рогнеда», театральную и поэтическую, что по тем временам было необычно, ведь прошлое тогда казалось «грубым». Лосенко был одним из лучших русских графиков. Соперничать с ним мог Евграф Чемесов, который прославился своими портретами. Особое место в истории русской скульптуры, которая тогда еще не вышла на европейский уровень, занимает Федот Шубин. Он не владел талантом ваяния фигур и фигурных композиций. Но его сила была в потрясающем психологизме скульптурного портрета-бюста. Мрамор под рукой мастера оживает, человеческие лица выразительны.

Одежда и прически второй половины XVIII века

На русский костюм и прическу XVIII века большое влияние оказало польское и французское платье. Именно с изменения внешнего вида своих подданных Петр Великий и начал свои знаменитые реформы. Именно с 1698 года было предписано заменить старинную длиннополую одежду на короткую, польскую. В городских воротах вывешивался образец, и всех, кто нарушал указ, ставили на колени и овечьими ножницами срезали полы одежды по уровень земли. Так же насильственно вводилось брадобритие. Сам Петр Великий, верный своим голландским пристрастиями, одевался как амстердамский бюргер или моряк. Мода эта не прижилась впоследствии, и подданные одевались в одежды французских дворян.

Особенно это стало заметно к середине XVIII века, когда мода подчинилась стилю рококо (от фр. *rocaille* – раковина). Рококо требовал изящества, легкости, утонченности, светлых, теплых тонов. Обычным стал вид мужественного кавалера, который был одет в светло-розовое или ярко-красное. При Елизавете Петровне и Екатерине II мужчины из высших слоев общества следовали французской моде. Законодателем же моды в России был Петербург. Сюда приходили корабли из Франции, которые привозили новые ткани, обувь, украшения и «галантереи».

Мужской костюм состоял из рубашки, камзола, кафтана, коротких штанов («панталон»), чулок, башмаков. Верхнюю одежду – кафтан шили из шелковых тканей, бархата, парчи, подбивали мехом. Камзол почти полностью повторял крой кафтана, виднелся

из-под кафтана, который застегивали только на две пуговицы. Под камзолом носили рубаху из полотняной или льняной ткани с оборкой, прямым разрезом. Позже рубашки шили из батиста, отделывали кружевами, складками, украшали жабо. Застегивалась рубашка мелкими пуговицами из жемчуга, золота, с драгоценными камнями. К началу XIX века стиль упростился – пуговицы делали из кости, рога, дерева.

Панталоны до колен шили из одной ткани с кафтаном. Башмаки имели прямую колодку, каждый разношил обувь под свою ногу (господа заставляли это делать своих слуг). Они имели высокий каблук и толстую подошву. К концу века появились туфли с большим вырезом впереди и без каблуков. Чулки бывали цветные и белые, зимние – на меховой подкладке. Шляпы были шерстяные или пуховые, с круглой тульей, поля обшивали галуном или шнурком.

Укорочение кафтанов на заставе.

Целой «эпохой» в мужской одежде стал фрак. Он появился в конце XVIII века и представлял собой «перешитый» кафтан, передняя и задняя часть которого стали «изменяться» по длине под влиянием моды, а высокая талия особо подчеркивалась кроем и пуговицами. Если задняя часть фрака раздваивалась и удлинялась до подколенной чашечки, то передняя то укорачивалась почти до груди, а потом – под воздействием моды – опять опускалась вниз. Фалды имели свои «причуды» – по моде заострялись и округлялись непрерывно. Для фрака был обязателен стоячий отложной воротник и не более трех пуговиц спереди. История фрака на Руси имела свою драматическую страницу. Вступивший на престол в 1796 году Павел I начал гонения на фрак и французские круглые шляпы, которые были для императора символом «революционного разврата». Мужчины должны были ходить либо в военном или гражданском мундире, либо в кафтане. Лишь с приходом на престол Александра I гонения на фрак прекратились, и он открыто появился на улице и в салоне.

Фрак поначалу был одеждой для прогулок по улицам и для верховой езды – поэтому полы его были разной длины. Однако потом он «вошел» в салоны, стал одеждой светских, невоенных мужчин благородного сословия, а позже и слуг. Фрак уже не был таким ярким, как кафтан. Канареечного или розового цвета он был только в самом начале своей истории. Чаще всего фракы шили зеленого, фиолетового, кофейного, голубого, черного цвета из сукна, бархата, шелка.

Мода на трость, как и на галстуки, непрерывно менялась в течение XVIII–XIX веков. То были в моде высокие трости с набалдашником из слоновой кости, золота, то появлялись трости с загнутой ручкой, то тростью служила лакированная или отделанная серебром дубинка, палочка из бамбука или камыша. Трости имели секреты. В них мог быть вмонтирован лорнет или тонкий кинжал.

Кафтан парадный. Жилет-камзол от парадного мужского костюма.

Главными деталями женской одежды, перенятой с Запада, в XVIII веке были корсаж, пышные юбки, распашное платье. В XVIII веке одежда мужчин и женщин нередко совпадала по цветовой гамме и шилась из одной и той же ткани, а названия оттенков цвета отличались экстравагантностью: «цвет новоприбывших особ», «цвет потупленных глаз». Корсаж и «шнурование» были главным средством изменить фигуру с помощью обшитого кружевом или позументом корсета, затягивавшегося сзади с помощью шнуровки и... колена, которым служанка упиралась в спину госпожи, чтобы как можно туже затянуть корсет. Фигура дамы по моде того времени должна быть горделивой, стройной и тонкой. Некоторые дамы от удушья падали в обморок. Юбки в начале XVIII века были круглые, колоколообразные, а с 1730-х годов они приобрели причудливые очертания за счет прикрепляемого шлейфа. Сзади под платье прикреплялся валик из ваты – турнюр, менявший профиль дамы, которая напоминала курдючную овцу. На юбки и платье уходило огромное количество материи (от 5 до 40 метров).

Юбки надевались на каркас (панье), который делался или из тростника, или из китового уса. Но в XVIII веке появились и фижмы, которые от паньи отличались тем, что основу их составляла проволока или конский волос. Женщина могла сжать юбку и пройти в дверь, что с жестким каркасом из китового уса сделать никак не могла. Следом появились еще более удобные мягкие каркасы округлой формы – кринолины. Все платье было в десятках оборочек, лентах и бантах, на что шло огромное количество материи. В торжественных случаях к платью прикреплялся большой съемный шлейф. Все платья были до пола – открывать посторонним взорам щиколотку ноги считалось недопустимым, аморальным.

Французскую моду в 1770-е годы сменяет английская: строгие белые платья, скромная отделка, отсутствие кружев, лент, оборок. Сверху надевалась так называемая роба (от фр. *la robe* – платье) – верхнее распашное платье, выполнявшее роль прежнего летника. У знатных дам робы были украшены драгоценными камнями, цепочками, кружевами, лентами, золотым шитьем. И каждая стремилась превзойти свою соперницу в количестве и красоте драгоценностей.

Чулки носили шелковые, бумажные, шерстяные. Остроносые туфли шили из кожи, для домашнего пользования туфли делали из парчи, атласа и бархата.

Западноевропейские модные костюмы начала XVIII века.

В XVIII веке появляются цирюльни. Их открывали в столичных и уездных городах. Цирюльник был и парикмахером, и лекарем. В цирюльнях причесывали, брили, стригли, ставили пиявки и пускали кровь.

Первой модницей XVIII века, без сомнения, нужно признать императрицу Елизавету Петровну. Современники отмечали ее фантастическую, всепоглощающую страсть к нарядам и развлечениям, а также необычайную элегантность ее нарядов, причесок и украшений. Было известно, что императрица запрещала другим дамам одеваться так же, как она. Как писала Екатерина II, благоразумие требовало, чтобы дамы одевались поскромнее и давали самой императрице блистать на их фоне, но куда там! «Ухищрения кокетства» были так сильны, что, несмотря на угрозу государева гнева, все стремились вырядиться как можно лучше и богаче.

Весь XVIII век Франция была главным (и неиссякаемым) источником модных нарядов и «галантерей». Из Франции завозили самые разные наряды: «...Шляпы шитые мужские и для дам мушки, золотые тафты разных сортов и галантереи всякие золотые и серебряные». При Елизавете Петровне русский дипломатический представитель в Париже был постоянно на грани разорения – все деньги он тратил на чулки, обувь и ткани для императрицы-модницы. В сатирическом стихотворении И. П. Елагина описываются страдания модника, который вдруг заметил, что лицо у него покрылось легким загаром, что недопустимо! И далее:

Тут истощает он все благовонны воды,
Которыми должат нас разные народы,
И, зная к новостям весьма наш склонный
нрав,
Смеются, ни за что с нас втрое деньги
взяв.
Когда бы не привезли из Франции помады.

При Екатерине II во второй половине XVIII века празднества были столь же грандиозны, как и при Елизавете, но при гуманной Екатерине никто не требовал, чтобы «волосы вверх гладко убраны» были, все руководствовались своим вкусом, а главное – модой. Именно она стала диктовать стиль и покрой одежды, но при дворе церемониймейстер все-таки приглядывал, как одеваются дамы и кавалеры. Появились модные журналы: «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета», «Магазин общепользных знаний». Из них черпали нужные знания для поддержания своего внешнего вида на парижском уровне. На смену стилю рококо – манерному стилю времен Людовика XV и Елизаветы Петровны – пришел стиль классицизм, для которого характерна мода на простые линии, отказ от огромных пудренных локонов и кос. У состоятельной дворянки было на день несколько нарядов. Утром она завтракала, сидела за шитьем и даже принимала гостей в «утреннем платье», легком, без сурового корсажа и особых украшений, в чепце с бантами, оборками и лентой, которая завязывалась под подбородком. Чепец был вариантом платья европейских горожанок, неким символом домашней хозяйки. Ближе к полудню она переодевалась в «домашнее платье» с минимумом оборок, лент и украшений. На выезд из гардеробной служанки несли «платье для визитов». Тут уж приходилось с помощью прислуги шнуроваться в корсаж, затягивать талию до «осиной» толщины, обуваться в башмаки на высоком каблуке.

История прически XVIII века не менее сложна, чем история одежды. В первой половине XVIII века мужчины и женщины носили громоздкие парики. Такие мы видим на парадных портретах А. Д. Меншикова или канцлера Г. И. Головкина. У самого Петра I к парикам было непростое отношение. У него были длинные волосы, а парик, сделанный из его собственных волос, он надевал, как шапку, когда было холодно голове. Парики были убором дорогим. Их завозили из Европы, и они имели свои названия: «грива», «пудель» (крупные локоны, уложенные параллельными рядами). Для красоты парики присыпались пудрой. Знаменитый модник середины XVIII века австрийский канцлер Кауниц придумал оригинальный способ пудрить парик: в особой комнате распыляли пудру – становилось так, как бывает на мучной мельнице. Затем Кауниц в парике входил в комнату, и шесть лакеев с большими опахалами «навевали» пудру на парик. После этого Кауниц менял запудренную одежду и ехал на прием. В 1730-е годы, при Бироне, в России появляется немецкая мода на парики. Прежний пышный парик заменяет «прусская коса». Она плелась из трех частей, из своих или из накладных волос. При Екатерине II мужчины носили так называемый «крысиный хвост», когда затылочные волосы обматывались муаровой лентой от самого затылка, образуя тонкий стержень. Прическа «крылья голубя» состояла из подстриженных височных прядей, связанных сзади лентой и подвитых. Мода на парики отразилась и на форме армии – парик был частью обмундирования, причем весьма неудобной. Парик требовал ухода, его завивали, пудрили. И все это в походных условиях. Лишь при Екатерине II от этого отказались. Но мода на парики так и не прошла до конца XVIII века.

Заглянем в источник

В течение всего XVIII века при императорском дворе регламентировали наряды дам и кавалеров. Издавались указы о нарядах к каждому придворному празднику. Это были государственные акты настоящей «тирании моды», которые можно сравнить разве только с указами Петра I о бранобритии и ношении короткой одежды. Особенной строгостью прославилась

предшественница Екатерины II Елизавета Петровна. В 1748 году ее указом было предписано, чтобы дамы, готовясь к балу, «волос задних от затылка не подгибали вверх, а ежели когда надлежит быть в робах, тогда дамы имеют задние от затылка волосы подгибать вверх». Так же придирчиво, силою именных указов назначались цвет и фасон одежды. Иные указы Елизаветы выглядят как рекомендации журнала мод:

«Дамам – кафтаны белые тафтяные, обшлага, опушки и юбки гарнитуровые зеленые, по борту тонкий позумент, на головах иметь обыкновенный папильон, а ленты зеленые, волосы вверх гладко убраны; кавалерам – кафтаны белые, камзолы, да у кафтанов обшлага маленькие, разрезные и воротники зеленые... с выкладкой позумента около петель и притом у тех петель чтоб были кисточки серебряные ж, небольшие».

Теперь о женской прическе. В начале XVIII века в моде у женщин был «фонтанж» – сложная высокая прическа, взбитые локоны, драгоценности в волосах – все это сделано так, что напоминает чепец. Заимствована эта прическа была из Франции. В 1730-е годы объем прически уменьшается, в моде – «малая пудренная» (завитки волос образуют венок вокруг головы, при этом затылок гладкий). Один из вариантов этой прически, когда змеевидный локон спускался на грудь, мы видим на известном портрете императрицы Анны Иоанновны. При «яйцевидной» прическе волосы взбивались вверх ото лба и гладко зачесывались. Такую прическу любила Елизавета Петровна. На самом вершуре прически укреплялась изящная маленькая бриллиантовая корона. Эту прическу запрещалось делать всем другим дамам. Во второй половине XVIII века вдруг начался бум на громадные парики. Это были несусветно громоздкие, высокие каркасные парики, посыпанные рисовой пудрой и мукой. Появилась прическа «фрегат» – на каркас и шиньоны прикреплялся декоративный корабль. В прическе «Мария-Антуанетта» проволочный каркас оплетался волосами, затем к нему прикреплялись многочисленные шиньоны. Каркас могли заполнять батистовыми платками или бумагой.

Заглянем в источник

Нетрудно догадаться, что при таких сооружениях на голове соблюдать чистоту было затруднительно. Одна из глав мемуариста XVIII века выразительно называется «Дамы и вши». Вот один из рецептов ото вшей: «Средство избавиться от животного в голове: Возьми соли и надави на нее соку из свежего лимона. Поставь ее сохнуть в печь, потом истолки в порошок, который высыпь на голову».

Салоп.

В XVIII веке естественный цвет кожи считался «неправильным» (а тем более загар – он был только у простолюдинов, работавших в поле!). Поэтому обязательно надо было обильно пудриться, намазывать лицо, шею и руки толстым слоем белил (между прочим, очень вредных – свинцовых или цинковых), а щеки сильно румянить.

Чтобы отбить запах несвежего белья и грязного тела, пользовались ароматическими притираниями, позже появились духи. Уже при Елизавете Петровне упоминаются «маникюрщицы», зарабатывавшие на жизнь «деланием на дамских персон нахцей» (ногтей). В середине XVIII века особенно увлекались мушками. Конец XVIII – начало XIX века – время увлечения всем античным. Поэтому украшения подражают античным образцам, используются цветы. Духи и помада в моде, но косметикой пользуются умеренно. Зато женщины света красят волосы в модный каштановый цвет.

Одежда и прически простонародья за два века изменились мало. Весь XVIII век крестьяне бород не брили; их жены и дочери продолжали носить гладко причесанные волосы, заплетенные в косу. Волосы примазывали квасом. Крестьяне носили обычно рубаху, порты и кафтан. Рубахи были почти до колен, рукава прямые длинные, под мышкой прямоугольные вставки – ластовицы. Покрой рубах был туникообразный. Были распространены голошейки – рубахи без воротника, с разрезом, застегивающимся на левой стороне.

В моде была косоворотка – рубаха с косым воротом. Порты же и подштанники шили из холста, кумача, иногда из немецкого сукна. Поверх рубахи надевали сермягу, зипун, поддевку – разновидности кафтана. Обувью бедных были лапти с онучами – полосой сермяжного сукна длиной около трех аршин, которая наматывалась на ногу с пальцев до колена. Зимой носили шубные кафтаны и полушубки. В дальнюю зимнюю дорогу поверх надевали медвежью или волчью шубу. Одежда крестьянок в XVIII веке менялась медленно,

сохраняя традиционные формы, унаследованные от далеких предков.

Основным платьем была рубаха, или сорочка. Ее верхняя часть (лиф) называлась «обнимка». Шили ее, как и рукава, из тонкой материи в отличие от нижней части – исподней, которую кроили из холстины. У ворота и на рукавах у запястья продергивали ленточки – «вздержки», которыми сорочка в этих местах затягивалась в сборку. Сверху на сорочку надевали длинный, распашной домотканый сарафан, юбку-паневу или то и другое вместе. Был распространен также и шушун – глухой сарафан. Так позже называли и короткополую шубку, распашную кофту. Их обычно носили пожилые женщины. Широкий пояс на сарафан (или под него на рубаху) надевали очень высоко. Он выполнял роль бюстгалтера.

Как в древности, крестьянки XVIII–XIX веков поверх сарафана надевали нечто короткое, прикрывающее грудь, «душу». Это отразилось в названии предмета: душегрейка, телогрейка. Носили также шугай, епанчу. Шугай был накидкой с рукавами, а епанча – без рукавов; она напоминала пелерину, причем обязательно утепленную, с опушкой из меха.

В XVIII веке в городской среде стали модны женские салопы – весьма своеобразное сочетание старинной русской и европейской моды. Свободные, широкие, как древнерусский опашень, они имели прорезы для рук и одновременно – капюшоны. Но европейская мода все же проникала и в крестьянскую среду. К началу XIX века среди работных, а также крестьян на смену сарафану приходит удобный платье-костюм – кофта, юбка и головной платок. Эту одежду долго называли «немецкой» – обычно так одевались иностранки. Но такая одежда прижилась в России и стала обыденной, хотя люди стремились сочетать новое и старое – помимо платка носили кокошник, или кичу. Никто не отменял этих традиционных головных уборов девушек и женщин, как и повойников – чепцов, прикрывавших волосы. На ногах крестьян были лапти – основная летняя обувь. Зимой и в слякоть одевали поршни из целого куска кожи, ноги в них закатывали в онучи, а также валенки. Эта одежда, обувь, а также скромные металлические и стеклянные украшения просуществовали до самой революции 1917 года.

Еда и напитки XVIII века

Роскошны были пиры при дворе и во дворцах знати, но и просто дворяне любили хорошо поесть. Описание обеденного стола в стихотворении Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» остается одним из самых «аппетитных» в истории русской литературы:

Я обозреваю стол – и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором:
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый.
Раки красны,
Что смоль янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой,
вкус,
Но не обилием иль чуждых стран
приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый...

Со времен Екатерины в России становится модной французская кухня, в корне изменившая русское застолье. Дорогие повара, выписанные из Франции, готовили для знати то, что ели при дворе Людовика XVI. Поражает новый вкус многих знакомых продуктов. Так, мясо, которое варили или жарили кусками, а потом холодным ели руками, теперь готовят как-то по-особому: отбивают, перемальвают, режут на порции, появляется такое

понятие, как «гарнир» (в основном из овощей).

Русские гурманы запоминают новые, неведомые прежде названия блюд: «суп», «пюре», «рулет», «паштет», «соус», «котлета». Появились и блюда, ранее невиданные, дивные – устрицы, омары. Изменения кухни проявляются во многом, начиная с сервировки стола. Обязательной стала вилка, сочетавшаяся теперь не с огромным кинжалом, который гость доставал из-за пояса, а с небольшим столовым ножом. Появились сервизы с супницами, салатницами, бульонницами. С развитием фарфорового производства вместо огромного золотого, серебряного или оловянного блюда, которое не менялось во время всего обеда, появляются сменные фарфоровые тарелки единого типа, характерного для каждого сервиза. Это явление называется «перемена». За обед тарелки и многие предметы на столе менялись три-четыре раза. Суп с закусками сменялся жарким, потом следовал салат, его менял десерт, все заканчивалось сыром и фруктами. Для каждой перемены был свой набор посуды, тарелок.

Был отменен прежний обычай выставлять сразу на столе все, что приготовлено на кухне, да еще украшать перьями и искусственными цветами. Теперь это стало дурным тоном. Только что приготовленные блюда вносили по сделанным заказам поочередно. Как отмечалось в «Поваренных записках» конца XVIII века, «лучше подавать кушанья по одному, а не все вдруг и, принеся прямо из кухни, тот же час кушать, то бы служителей потребно меньше, и платье бы облито было реже».

Еще важнее оказалось нововведение 1770–1780-х годов – рестораны. Вместо достаточно редких великолепных и многоядных обедов во дворцах (которые также сохранялись) стало возможным прекрасно питаться в ресторане в узкой компании. Причем выбор блюд был не меньшим, чем на дворцовом обеде, а приготовление еды прямо перед подачей ее на стол способствовало развитию гастрономии и делало еду вкусной. К XIX веку окончательно устанавливается очередность подачи: холодные закуски, горячее (если суп, то вперед жаркого), а затем сладкое – десерт, пирожное, мороженое, которое пришло из Китая и стало необыкновенно популярно среди взрослых.

Вообще ресторан открывает новую страницу застолья, делает его частью непубличного, интимного общения при минимуме слуг (обязательно с неподвижным лицом, без реакции на происходящее за столом), при некотором элементе самообслуживания – опять же из соображений интимности происходящего. Ресторанная система в корне меняет и домашний обед. Появляется «званный обед». На него приглашают немного приятных хозяевам гостей, хозяева с поваром заранее составляют «программу» – меню и заказывают все это приготовить повару (своему или приглашенному для приготовления данного обеда).

Заглянем в источник

Очень часто в художественной литературе упоминается соус – непременно блюдо русского застолья XVIII века. Тогда появилось немало дивных по вкусу соусов. Их готовили из сочетаний различных продуктов с добавками грибов, соков, вин, пряностей. Один из этих соусов известен и сейчас – жульен. Вот один из рецептов такого соуса:

«Поутру проснувшись, в кастрюлю положи масла прованского, телятины и ветчины... обжарь, прибавь... чесноку, эшалоту, рокамболлю... луковицу, натканную тремя гвоздиками... рюмку вина шампанского, рюмку уксусу белого, вари в малом огне...».

Читатель, попробуй, свари!

Меньше перемен принесло время в меню простого народа. Солдаты и матросы питались хотя и однообразно, но сытно. В военное время солдатский паек состоял из муки, круп, соли. Наваристые щи и каша с мясом и маслом полагались солдату каждый день. На сутки он, согласно уставам Петра I, получал 2 фунта хлеба, 2 фунта мяса, 2 чарки вина, 1 гарнец пива.

Но на практике повсеместное воровство в интендантском ведомстве приводило к тому,

что войны часто недоедали и становились страшной угрозой для птичьих, скотных дворов и пастбищ сел и деревень, мимо которых они проходили или возле которых они останавливались. Солдаты сразу же начинали охоту на живность крестьян. «Для корабельного провианту» (то есть для флотского пайка) заготавливали ветчину, соленую рыбу, муку, сухари. И здесь было мало порядка. Мясо и рыба поставлялись вороватыми подрядчиками несвежими и даже гнилыми, сухари были покрыты плесенью, пресная вода в бочках быстро портилась, у матросов начинались болезни. Смертность на кораблях была ужасающая.

Крестьянская еда была весьма скудная. Мясо на столе крестьянская семья видела крайне редко, и когда Екатерина II писала Вольтеру, что крестьяне в России постоянно едят кур, а ныне перешли на индюков, это утверждение воспринималось как циничная шутка. Хлеб, квас, тюря из кваса и хлеба, квашеная капуста и пареная репа, а также плоды лесов в виде соленых и сушеных грибов, моченых ягод составляли постоянный рацион крестьян, который иногда пополнялся пойманным в силки зайцем, рыбой или лесной птицей. Неурожаи и бескормица наносили страшный удар по крестьянскому рациону.

У истоков русской медицины

В XVIII веке стала развиваться и русская медицина. Ранее услугами врачей могли пользоваться только члены царской семьи и бояре, а теперь в стране была развернута целая сеть госпиталей и лазаретов. В России было открыто 10 госпиталей и более 500 лазаретов, где не только раненый и больной солдат, но и любой «хворный» и «изнеможенный» мог обрести «помощь и успокоение». Росло число гарнизонных, казенных и «вольных» (частных) аптек. «Вольные» аптекари имели право выписывать нужные материалы из-за границы. В Москве создали несколько госпитальных школ. Первой и главной считалась основанная в начале XVIII века Московская госпитальная (медико-хирургическая) школа, потом рядом с ней стала школа при Гошпитале в Санкт-Петербурге. Школа в Москве, работавшая под руководством Н. Бидлоо, относилась к новому типу высших медицинских заведений; там готовили лекарей, одинаково сильных в теории и практике. Бидлоо и его ассистенты преподавали анатомию и другие специальные дисциплины: «материю медика» (систематическая ботаника, фармакология), десмургию («учреждение бандажей») и т. д. Ученики пользовались и учебными пособиями. Известен анатомический атлас Готфрида Бидлоо, труды голландских анатомов Блазиуса и Бланкара, «Всеобщая наука анатомия» самого Николая Бидлоо. Учеба была тяжелой, и не все успешно проходили курс занятий, длившийся от 5 до 10 лет.

Бидлоо жаловался: «Взял я... 50 человек... 33 осталось, 6 умерли, 8 сбежали, 1 за невоздержание отдан в солдаты...». Выпускников, равным образом компетентных в терапии и хирургии, направляли в армию и на флот. Все они относились к категории «лекарей», сопоставимых с современными фельдшерами.

Долгое время в России не было образовательных учреждений, которые готовили бы врачей, и диплом врача можно было получить только за границей. Неудивительно, что все доктора петровского времени были иностранцами. Лейб-медик Петра Лаврентий Блюментрост стал первым президентом Академии наук. Другим высокообразованным и опытным доктором был работавший в России Николай Бидлоо. Первым русским доктором считается закончивший Сорбонну Борис Посников.

К врачам предъявляли строгие требования. Так, хирург должен был быть «не слишком молод или стар», «внешне безжалостным, несердитым... на сказанное больными», должен был «расположить его (больного) к себе... не... начинать операцию, не посоветовавшись с коллегой...».

Во время операции ему предписывалось следующее: «Пусть он делает все так, как будто крики больного нисколько его не задевают». Нужно при этом учитывать, что наркоза в то время не было и хирург резал по живому. Оперируемого держали слуги, и единственным

средством облегчения боли во время операции считался большой стакан водки или виски.

В России воспроизводилась западноевропейская система медицины и лечебных препаратов. В качестве фармацевтических средств применяли лекарственные растения, собачье и лисье сало, заячьи лодыжки, волчьи зубы, олений рог. Хирургия, целью которой было восстановление «неестественно измененного случайными болезнями тела и красоты его...», развивалась успешно. В госпиталях производили различные виды операций: сопоставление (соединение частей пластырем, подвязками), разделение (разрез, пункцию, прижигание), удаление (вырезание, экстракция щипцами), протезирование (изготовление искусственных частей тела – ног, глаз, зубов). Исправляли также начинающийся горб. Венесекция (или «отвлечение крови») была одним из самых распространенных методов лечения. Ее назначали при переломах, ранах, чахотке, делирии и т. д. Считалось, что кровопускание повышает тонус и поддерживает душу. Люди более всего боялись эпидемий – «моровых поветрий», редкий год проходил без очередной эпидемии.

Заметки на полях

Доктора того времени исходили из представления о том, что в организме постоянно циркулируют различные жидкости. Так, в конце 1750-х годов доктор Буасонье писал о здоровье императрицы Елизаветы Петровны: «Несомненно, что по мере удаления от молодости жидкости в организме становятся более густыми и медленными в своей циркуляции, особенно потому, что они имеют цинготный характер». Разжижение этих жидкостей с помощью кровопусканий и других приемов было важной целью медицины. В XVIII веке медики шли по пути развития эксперимента, хотя эти попытки были несмелыми и довольно варварскими. Так, в 1705 году приговоренного к смертной казни преступника Козьму Жукова по указу Петра I было предписано не казнить, а послать «для анатомии» к доктору Бидлоо. Спустя шесть дней после какой-то операции Жуков «будучи у дохтура Бидла на дворе умре».

Самой страшной считалась чума. Наиболее памятна чума 1770–1772 годов. Ею («прилипчивой горячкой») были охвачены южные районы страны. Но страшнее всего было лето 1770 года, когда чума пришла в Москву, вызвав полный паралич общественной и экономической жизни второй столицы, бегство населения и мятеж черни, который удалось подавить лишь вооруженной рукой. Тогда умирало по тысяче человек в день. Рубашки могильщиков пропитывали дегтем, повсюду жгли смоляные костры. Многие постоянно натирались чесноком и поливались уксусом. Это считалось надежным средством борьбы с моровым поветрием. Но более всего ценились изоляция и окуривание. Как только становилось известно о начале эпидемии, тотчас на дорогах, ведущих к центру страны и столицам, устанавливали противочумные кордоны, через которые проехать никто уже не мог. Донесения, присланные из охваченных болезнью мест, курьеры передавали через костры из можжевельника и других пахучих растений. Письма мыли в воде с уксусом, и тут же писец, держа корреспонденцию на удалении от себя, делал копию, которая далее уже и следовала в столицу. Вот рецепт противочумного порошка, разработанный московским врачом Ягельским: «...Можжевеловых иголок намелко изрубленных, тертого дерева бакаута каждого по 6 фунтов, селитры простой, толченой по 8 фунтов, серы... смолы 2 фунта... смешав все оные снадобья хорошенько будет крепкого курительного порошка пуд». Порошок обладал настолько ядовитым запахом, что от него нередко теряли сознание.

Медицина того времени не ограничивалась окуриванием. Доктор Данило Самойлович – основоположник русской эпидемиологии – предложил своеобразные прививки для медицинского персонала в районах, охваченных чумой: на предплечье накладывалась марля, пропитанная выделениями из бубонов – гнойных шишек. Он же пытался обнаружить с помощью микроскопа «особое и отменное существо» – чумного микроба, написал «Рассуждения о чуме», в которых сказано: «Мы порождаем в сердцах населения страх, который... усиливает опасность болезни... И не лучше ли возбудить в нем бодрость,

показав... до какой степени можно противостоять этой страшной болезни...».

Страшной «гостьей» людей XVIII века была также и сибирская язва – заболевание, общее для людей и животных. Особенно страшны были эпидемии 1744, 1745, 1756 годов. Название этой болезни ввел в обиход штаб-лекарь Степан Андреевский, автор сочинения «О сибирской язве», прививший себе болезнь и фиксирующий ее ход до тех пор, пока не потерял сознание. В народе сибирскую язву называли «огненный пупырух».

В сравнении с чумой или сибирской язвой легкой и почти безопасной считалась оспа. Оспа была обычной, широко распространенной болезнью того времени во всем мире. Ею болели десятки миллионов людей и, как выяснили современные ученые, нашествия оспы избежали только туземцы Каймановых, Соломоновых островов и острова Фиджи. «Оспа и любовь минуют лишь немногих!» – говорили тогда в Европе. На оспу обращали не больше внимания, чем мы на грипп, шутливо называя Оспой Африкановной, намекая на ее происхождение с черного континента. Чтобы успешно справиться с оспой, нужно было знать всего несколько простых правил: в комнате больного «в присутствии» «Оспицы-матушки» (второе ее имя в России), не ругаться матом, не сердить ее, часто повторять: «Прости нас, грешных! Прости, Африкановна, чем я перед тобой согрубил, чем провинился!» Полезным считалось также трижды поцеловаться с больным. А после этого следовало подождать, как будет вести себя Африкановна, в какую сторону повернет болезнь, ибо у нее были две формы: легкая и тяжелая, почти всегда смертельная. Обычно большая часть больных переживала легкую форму оспы, и только каждый десятый мог отправиться к праотцам раньше времени, что и произошло с императором Петром II. Однако даже при легкой форме выздоровевший человек становился рябым от оспинных язвин, которые высыпали на лице больного, затем прорывались и оставляли после себя глубокие «воронки». Как зло говорили в деревне, на лице перенесших оспу «черти ночью горох молотили».

Первые прививки от оспы были сделаны при Екатерине II. Узнав об успешных прививках оспы английским врачом Димсдейлом, она пригласила его в Россию и решила испытать на себе оспопрививание, о чем официально было объявлено через пять дней, когда успех стал очевидным. При этом императрица сильно рисковала – для прививки использовался натуральный вирус, взятый от больного оспой мальчика. Тогда же оспу привили и наследнику престола цесаревичу Павлу Петровичу. Екатерина была воодушевлена своим поступком, и когда было получено известие о смерти короля Франции Людовика XV от оспы, она возмущалась – как можно умереть от оспы в наш просвещенный XVIII век!

Народ же, как и раньше, лечился в основном своими средствами, прибегая к помощи знахарей и ведунов. Мистическая сторона лечения по «изгнанию духа болезни» оставалась в народной медицине важнейшей, хотя непременно были и различные снадобья из трав, других растений и прочих составляющих, ныне кажущихся странными. Так, от малярии и болотных лихорадок в народе лечились пластырем из пауков, обмазыванием одного пальца содержимым яйца. Впрочем, в ходу была и хина («чепучинное коренье»).

Любовь, брак, женщины и дети

Принудительные браки, распространенные в XVII веке, не способствовали росту рождаемости, «государственной пользе», не соответствовали они и той модели европейского «куртуазного» поведения, которую внедрял в России Петр I. Поэтому царь изменил институт старинного русского брака. Он отменил сговор, обручение назначил за шесть недель до венчания, родственников невесты обязал показать ее жениху. У молодых появилась свобода выбора. Помолвка могла быть расстроена, о чем в указе было прямо сказано: если «после... обручения жених невесты взять не похочет или невеста замуж идти не похочет же, и в том быть свободе». Священникам при венчании следовало «накрепко допрашивать» молодых, добровольно ли они вступают в брак. Власть осуждала насильственные браки, которые устраивали родители, пренебрегая возрастом жениха и невесты, их «естества склонностью», вселяя в души новобрачных «ненависть к супругу». Двадцать второго апреля 1722 года Петр

Великий своим указом запретил браки, заключенные по принуждению как со стороны родителей, так и помещиков (если речь шла о крепостных молодых людях).

Указом от 1724 года были запрещены насильственные браки даже среди холопов: «Повелеваем... дабы люди рабов своих и рабынь к брачному сочетанию без самопроизвольного их желания... не принуждали под опасением тяжкого штрафования». Легче стали и разводы. Петр как-то сказал:

Бог установил брак для облегчения человека в горестях и превратностях здешней жизни и никакой союз в свете так не свят, как доброе супружество; что же касается до дурного, то оно прямо противно воле божьей, а потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его, продолжать же его крайне опасно для спасения души.

Эти петровские положения действовали весь XVIII век. Но, как часто в Рос сии бывало, законы в этой сугубо личной сфере не исполнялись, судьбой детей безраздельно распоряжался отец, а в помещичьем владении господин женил крепостных по своему усмотрению, нередко оставляя за собой «право первой ночи» с молодой.

Петр Великий был противником ранних браков. Он помнил, как неудачно сложилась его семейная жизнь, когда по воле матери, царицы Натальи Кирилловны, он 17-летним юношей женился на Евдокии Лопухиной. По идее Петра I, дворянин мог жениться, только получив минимальное образование и дослужившись до определенного чина. Петр упростил и процедуру венчания. Чтобы упредить разные «жульства» при заключении браков, запрещалось венчаться в чужих приходах. В книги регистрации браков вносились имена брачующихся и их поручителей, несших ответственность за законность брака. Выписки из книг посылались в Синод.

Впрочем, сам Петр мало считался с волей своего наследника престола Алексея, которого в 1711 году женил, вопреки желанию сына, на немецкой принцессе Шарлотте-Софии. Важно и то, что невеста не приняла православия, осталась лютеранкой. Этот брак стал примером для других. Сначала браки с иноверцами были разрешены дворянам, а затем и людям «низкого» происхождения, только чтобы «принуждения никакова не чинить и друг друга в вере не укорять». Известно, что М. В. Ломоносов женился за границей на немке Елизавете, которая приехала к нему в Россию.

Заглянем в источник

По-военному строго и по-помещичьи бесцеремонно подходил к браку своих крепостных А. В. Суворов. В одном из писем он давал указание приказчику: «Дворовые парни как дубы выросли, купить (им) девок». О покупке девок в жены сказано было так:

«Лица не разбирать, лишь бы здоровы были. Девиц отправлять... на крестьянских подводах, без нарядов, одних за другими, как возят кур, но очень сохранны».

После этого, согласно легенде, женихов и привезенных невест строили по росту в две шеренги напротив друг друга и по команде «налево» образовавшиеся пары вели в церковь венчаться. С чувствами молодых никто не считался. А. С. Пушкин писал:

«Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли она вышла замуж? “По страсти, – отвечала старуха, – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь. Таковы страсти обыкновенны”».

Стремясь удержать в России пленных шведов, среди которых было немало различных специалистов, Петр Великий разрешил и им жениться на православных без перехода в православную веру. Это было грубейшим нарушением давнего православного закона. Это все расшатывало традиционный брак и вносило новое в этот довольно консервативный институт.

Если один из супругов совершал преступление и ссылался на вечную каторгу, брачный союз расторгался, разведенный супруг (супруга) мог вступить в брак вторично. Это было особенно важно для женщины, которая теперь могла не ехать за мужем в ссылку или не

постригаться в монахини. И хотя в XVIII веке обычно так и было – сопровождать мужа в ссылку требовали традиция и весь уклад жизни, но все же известны случаи, когда супруга государственного преступника получала церковное разрешение на расторжение брака, не говоря уже о том, что за ней сохранялись приданные имения (то есть те, которые она получила от родителей в приданое).

И хотя в прошлые времена история знала примеры глубоких чувств между супругами, брак по любви в XVIII веке был редок. Лишь постепенно, по мере распространения (через литературу, театр) норм западноевропейского рыцарственного отношения к женщине, культ прекрасной дамы, идея ухаживания, поклонения женщине прижилась в России. От обыгрывания образа вполне карикатурного «амура» петровских времен общество приходит к пониманию самоценности любви мужчины и женщины. Любовь становится главным стимулом брака, вожделенной целью жизни молодого человека, и невозможность соединиться с возлюбленным является часто причиной страданий и даже самоубийства молодых людей. Написанная Н. М. Карамзиным в конце XVIII века «Бедная Лиза» впитала в себя эти чувствования и одновременно способствовала их развитию, что вообще характерно для «чувствительной» сентиментальной литературы.

Крестьянский брак претерпел меньше изменений, чем дворянский. В XVIII веке брачный возраст повысился, особенно среди свободного крестьянства. В Западной Сибири, где жили в основном черносошные (государственные) крестьяне, женились к 20 годам. Иначе было среди крепостных. Их хозяин, думая о «приплоде» рабов, принуждал крепостных вступать в ранние браки. Крестьян, которые не женили своих 13–15-летних детей, штрафовали. Как и в древности, брак в крестьянской среде был чаще всего обусловлен семейными и хозяйственными обстоятельствами жизни крестьян. Поэтому бывали браки неравновозрастные, что порождало различные отклонения, одним из которых было «снохашество» – отец жил с взрослой женой несовершеннолетнего сына и имел общих с сыном детей.

Экономическая основа была и в сердцевине брака в купеческой среде. Тут прежде всего смотрели за «капиталом» родителей жениха и невесты, стараясь не прогадать, не быть обманутыми ловким контрагентом. Если жениха устраивало приданое, то он приезжал на смотрины в дом невесты, стремясь показать себя перед будущими родственниками знатоком торгового дела. Если все стороны были довольны переговорами, отец невесты и жених били по рукам (как при деловой сделке), объявляли свое решение, выпивали по рюмке хересу и расставались до свадьбы. После этого отец невесты говорил, что «дочку-то, Богу помолились, по рукам ударили, пропили!»

У крестьян свадьбы играли преимущественно между членами семей равного достатка. Если крепостная выходила замуж за крепостного другого господина, то этот господин, а также семья мужа платили за нее «вывод» – денежную сумму, примерно равную стоимости девушки. Такие браки не поощрялись господами. В 1815 году произошли перемены в брачном праве крепостных и свободных. Вопреки старой традиции теперь женщина из свободных сословий, выходя замуж за крепостного, сохраняла свой статус. Образ идеальной невесты в крестьянской среде – крепкое здоровье, высокий рост («есть на что посмотреть»), «большая да толстая», «кровь с молоком»). Далее уже шли нравственные качества.

Родители девочек стремились прежде всего выдать замуж старшую дочь, младших до замужества держали строже, одевали хуже – не дай бог, если младшая будет красивее, понравится кому-то из женихов и выйдет замуж раньше старшей!

Центральной частью свадебной церемонии, как и прежде, оставалось венчание. Закон определял брачный возраст 16-ю годами. В народе замуж продолжали выдавать с 14 лет и ранее. В дворянской среде начала XIX века брачный возраст повысился до 17–23 лет. Женщин, засидевшихся «в девках» до 25 лет, звали «привередницами», «прокисшими невестами», «вековушами». Браки между близкими родственниками не допускались, как и раньше. В России супруги обычно носили одну фамилию (мужа), жили в одном месте и имели единый социальный статус. Чтобы вступить в третий брак, требовалось специальное

разрешение церкви, четвертый же являлся недействительным, хотя при наличии благословения митрополита или государя исключения делались.

Отношение к разводу в это время было весьма строгим; разрешение на него давал Синод, да и то, если были веские основания (измена, неизлечимая психическая болезнь одного из супругов). Но все-таки отношение общества к разводу изменилось; он стал не столь экстраординарным явлением, хотя и был скандальным. Разведенную женщину называли «отпущенница». Многие супруги, чтобы избежать хлопот и пересуд, просто разъезжались, не оформляя развод официально. И это устраивало общество. Фактически в разводе был со своей женой А. В. Суворов и многие другие крупные деятели. Долгое время тянулась история развода цесаревича Константина Павловича с его супругой Анной Федоровной, которая, не выдержав вспыльчивого характера Константина, уехала домой, в Германию, и осталась там навсегда.

Впрочем, крестьяне и так не разводились. Чтобы справиться с тяжелой работой, они жили нераздельными семьями, состоявшими из многих поколений. Такие семьи были весьма устойчивыми. Но женщинам, которые вели хозяйство под одной крышей, было трудно сохранять теплые отношения. Особенно тяжело приходилось «молодухам» – младшим снохам и невесткам. Семейный совет состоял из взрослых мужчин семьи, но только «большуха» (жена или мать главы семьи) могла принимать в нем участие.

Позже, в первые десятилетия XIX века, когда расцвел романтизм в духе романов Вальтера Скотта, стало модным думать, что браку должна предшествовать полоса влюбленности, духовной близости. Но в жизни часто бывало совсем иначе, проще, приземленнее. Как известно, в XVIII–XIX веках, как только выпадал снег, из множества помещичьих усадеб в Москву ехали дворянские семьи с невестами на выданье. Москва становилась ярмаркой невест: на балах, прогулках, обедах, в салонах обсуждались и составлялись «партии», знакомились молодые люди. Это было горячее время для свах – немолодых женщин, вхожих в разные дома и занимавшихся подбором пар обычно для небогатых дворян и купцов. Кандидаты в женихи приезжали в гости, и невеста (а главное – ее родители) придирчиво оценивала достоинства кандидата, бракуя негодных. Вся эта процедура в утрированной форме великолепно показана в пьесе Гоголя «Женитьба».

Общество не отрицало любовь как обстоятельство весьма желательное, благоприятствовавшее удачному браку, но все же считало, что главным должно быть состояние и чин жениха, приданое невесты. И если это состояние было хорошее, а рекомендации, данные жениху общими знакомыми, положительными, то родители невесты (а порой и она сама) закрывали глаза на то, что жених намного старше невесты, игнорировали то обстоятельство, что жених мог быть неприятен невесте. Точно так же забывал о всяком романтическом флере, окружавшем брак, и промотавший состояние дворянин, готовый жениться на немолодой, некрасивой, но состоятельной невесте или вдове:

Она была других идей,
Ей не был Занд знаком,
Но дали триста душ за ней
И трехэтажный дом.

К. Случевский

Как и раньше, воля родителей была первостепенным обстоятельством при заключении брака, даже если невеста и жених были влюблены или подобное чувство испытывал кто-то из них. Если родители сопротивлялись браку, то молодые либо смирялись с волей родителей, либо невеста бежала из дома, тайно венчалась с женихом в надежде, что в будущем родители их простят. Но такие случаи были достаточно редки – в обществе это осуждали, а государство считало такое поведение преступным. Известно, что при императрице Анне Иоанновне бежавшие и поженившиеся вопреки воле родителей молодые люди были захвачены прямо в брачной постели, брак был расторгнут, женщина возвращена в лоно

родительской семьи, а жених-офицер понес дисциплинарное наказание.

Легенды и слухи

Как выбирали невест

Рассказывали анекдот о том, как Екатерина II подбирала невесту для своего внука Константина. Было известно, что из Германии везут трех сестер, из которых предстоит выбрать невесту. Императрица смотрела из окна, как кандидатки в невесты выходят из кареты. Одна вылезла и запуталась в юбке – неумеха! «Не подойдет!» – сказала государыня. Другая вылезла долго и осторожно, как краб – копуша! «Не годится!» – Екатерина махнула рукой. И только третья ловко и сноровисто выпрыгнула, в полете расправив платье. «Эта!» – указал на девицу палец государыни.

В 1780-е годы в жизни известного архитектора Николая Львова произошла романтическая история. Он познакомился и влюбился в Машеньку Дьякову, дочь обер-прокурора Сената. У молодых людей начался бурный роман. Но родители были против – Львов тогда был без места, без положения, беден! Ему отказали не только от руки Машеньки, но и от дома. Влюбленный Львов в отчаянии бродил вокруг дома обер-прокурора, передавал через служанок записки Маше и писал стихи:

Мне несносен целый свет –
Машеньки со мною нет...

Нет, не дожидаться вам конца,
Чтоб мы друг друга не любили,
Вы говорить нам запретили,
Но, знать, вы это позабыли,
Что наши говорят сердца.

Видя страдания друга, поэт Василий Капнист, помолвленный с сестрой Машеньки, Александрой, придумал авантюру. На правах жениха он возил на балы Александру и ее сестру. И вот однажды Капнист изменил привычный маршрут и завез девушек на Васильевский остров, в гавань, где стояла маленькая деревянная церковь. В ней уже ждали Львов и священник. Машеньку и Николая обвенчали, потом Капнист и сестры как ни в чем не бывало поехали на бал. Несколько лет скрывали молодые свой дерзкий поступок.

Заглянем в источник

Большую известность получила история страданий Александры Григорьевны Салтыковой, жены В. Ф. Салтыкова, брата царицы Прасковьи Федоровны. Урожденная княжна Долгорукая, она была дочерью крупного петровского дипломата Г. Ф. Долгорукого, который долго не мог защитить дочь от издевательств ее мужа. Салтыков мучил жену голодом, бил ее так, что приходилось «кровавые раны» на ее теле лечить докторам. К тому же Салтыков издевался над женой, открыто живя со служанкой. В конце концов Александра в 1719 году бежала к отцу в Варшаву, где он был русским послом. Пришедший в ужас при виде дочери Долгорукий написал челобитную царю, в которой просил его не приказывать вернуть Александру мужу. Когда по воле царя начался разбор дела в Юстиц-коллегии, то Салтыков все отрицал: «Жену безвинно мучительски не бил, немилостиво с ней не обращался, голодом ее не морил, убить до смерти не желал и пожитки ее не грабил». И далее:

«Только за непослушание бил я жену своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила... и против меня невежнила многими досадными словами и ничего чрез натуру не терпела! Бежать же ей в Варшаву было не из чего».

Дело тянулось больше 10 лет, и лишь в 1730 году супругов развели, но

Александре пришлось уйти в монастырь.

Г. Скородумов. Портрет княгини Е. Р. Дашковой.

Четвертый год как я женат... – писал с отчаянием Львов, – легко вообразить извольте, сколько положение сие, соединенное с цыганскою почти жизнью, влекло мне заботы... Сколько труда и огорчений скрывать от людей под видом дружества и содержать в предосудительной тайне такую связь... Не достало бы, конечно, ни средств, ни терпения моего, если бы не был я подкрепляем такую женщиною.

Только через четыре года удалось получить согласие родителей. Лишь в последний момент, когда все было готово к венчанию, молодые люди открыли свою тайну потрясенным родителям, и те, чтобы приготовления не пропали даром, обвенчали вместо Маши и Львова лакея и горничную.

Большую роль в заключении браков по традиции играли свахи, собиравшие информацию о потенциальных женихах и невестах и помогавших (не безвозмездно) родителям подобрать своему ребенку соответствующую пару. Свахами, как правило, становились купчихи и мещанки. Они обычно красились и одевались очень ярко. Турецкие шали и броские платья выделяли их из толпы. Свахи, обслуживавшие дворянские семьи, одевались по-европейски, но вели свои дела так же. Для них составить пару, добиться заключения брака становилось выгодным бизнесом.

Несмотря на изменения, введенные Петром Великим в семейную жизнь русского человека, в XVIII веке муж обладал огромной властью над женой, его с большим доверием слушали судьи при разводе, он оставался безраздельным хозяином общей собственности семьи. Самым обычным в семье были побои и издевательства над женщиной. Такие дела редко становились достоянием общества или разбирательства в суде или ином государственном учреждении.

Женщине была полностью закрыта дорога к должностям и званиям. Лишь в

екатерининскую эпоху произошли изменения – директором Академии наук была назначена княгиня Е. Р. Дашкова, пожалуй, первая в России женщина на государственной должности. Но это была особенная женщина.

Но все же в женском обществе России Дашкова была исключением. Больше женщин на высших постах не было (впрочем, как и сейчас). Но тогда парадокс состоял в том, что три четверти XVIII века на русском престоле были одни женщины, однако это не меняло пренебрежительного отношения к способностям женщины. Это было тогда общим местом. Разрабатывая в 1730 году проект создания особого совета при императрице Анне Иоанновне, историк В. Н. Татищев приводил такой аргумент в пользу создания совета: «Понеже женская природа к трудам неудобна». Такое отношение к женщине, как неполноценному существу, сохранялось многие десятилетия и позже. Считалось, что нанесенное лично женщине оскорбление ее не касается, оскорбленным лицом считался ее естественный защитник (муж, отец, брат и т. д.), который и должен был наказать обидчика.

Действующие лица

Княгиня Екатерина Дашкова

Екатерина Романовна Воронцова (в замужестве Дашкова) родилась в 1744 году в знаменитой семье Воронцовых. Во времена императрицы Елизаветы ее отец Роман Воронцов стал очень богат, прославился неимоверной жадностью и нахальством, получил даже прозвище «Роман – большой карман». Однако девочка воспитывалась в доме брата Романа канцлера М. И. Воронцова, который дал ей прекрасное домашнее образование. Катя Воронцова была истинное дитя Просвещения. Она выросла тогда, когда имена Вольтера, Монтескье, Дидро произносились с придыханием и восторгом. Россия была открыта для идей Просвещения, и юная девушка много читала, как некогда юная Екатерина – будущая императрица, проходила свои «домашние университеты» у горы французских книг.

Однажды зимой 1761 года в доме Воронцовых эти женщины встретились. Великая княгиня Екатерина Алексеевна, стоявшая на пороге своей бессмертной славы, познакомилась с девочкой Катей Воронцовой, поговорила с ней, похвалила... и совершенно влюбилась в себя. В мире довольно пошло, прозаичном, окружавшем Екатерину Воронцову, эта умная, образованная, 32-летняя великая княгиня казалась ей лучом света, и 15-летняя девушка решила посвятить себя всю великой княгине, дружбе, которую герои прочитанных ею книг читали выше всего. Это было совершенно романтическое увлечение. Катя в то время вообще жила в мире романтики. Как-то раз, возвращаясь домой из гостей, она встретила вышедшего из романтического (а на самом деле – обыкновенного петербургского) тумана красавца-великана князя Дашкова, сразу же в него влюбилась и вскоре вышла замуж, родила сына и дочь, хотя сама была еще, в сущности, ребенком.

Но увлечение юной княгини великой княгиней было гораздо серьезнее, чем увлечение богатырем-мужем. Довольно скоро стало ясно, что муж этот негодный, мот и лентяй. Зато с великой княгиней роман приобретал неизъяснимую прелесть. Он был густо замешан на дворцовой тайне: умирала императрица Елизавета Петровна, к власти стремился наследник престола Петр Федорович, который притеснял свою супругу Екатерину, и она нуждалась в поддержке «всех здоровых сил общества». Дашкова с головой окунулась в романтику заговора...

Впрочем, Екатерина Великая благоразумно помалкивала о своих планах в разговорах с юной поклонницей. А планы эти были. В это время будущая императрица с нетерпением ждала смерти Елизаветы Петровны, писала с нетерпением английскому послу: «Ну когда же эта колода умрет!» – и получала от него деньги на переворот. А юная романтическая Катенька Дашкова? Это тоже хорошо, полезно, пусть приносит сплетни, болтает везде о моих достоинствах, в большой игре все пригодится... Так думала Екатерина...

Ситуация не изменилась и позже. Петр Федорович стал императором Петром III, он притеснял свою жену, ходили слухи о том, что он даже хочет ее сослать. В гвардейской среде и в обществе сочувствовали супруге ненавистного

«немца» Петра III, ходили упорные слухи о заговоре. Дашковой казалось, что она не просто в центре заговора, но является его главной пружиной, его мозгом. До самой смерти она была убеждена, что именно благодаря ее усилиям Екатерина стала императрицей. На самом деле истинные пружины заговора, который устроила Екатерина и братья Орловы, были неведомы юной княгини. И когда наступила ночь переворота 28 июня 1762 года и Екатерина бежала из Петергофа в Петербург, оказалось, что ночь переворота прошла без «главного заговорщика»... Екатерина Малая объясняла свое опоздание «на дело» тем, что портной не успел приготовить... ее мужской костюм – а как же без него в такой день? На самом деле Дашкова просто проспала переворот, ее никто не предупредил о начале мятежа. Она явилась в Зимний дворец, когда все было кончено...

Сначала было общее упоение победой после первой в русской истории войны жены против мужа. А потом потянулись будни. Войдя как-то раз в апартаменты государыни на правах первой приятельницы и главной советницы, Дашкова была неприятно поражена видом развалившегося на канаве Григория Орлова, который небрежно рвал конверты и нахально читал секретнейшие сенатские бумаги. Оказалось, что ближайшая подруга императрицы до этого дня не ведала, какую роль в перевороте и вообще в жизни Екатерины играет этот знаменитый гуляка... через какое-то время, при первой пустячной оплошности Дашковой при дворе, Екатерина Великая вежливо, но строго поставила Екатерину Малую на место, показав ей, что прежней дружбы уже нет... Сердце молодой женщины было разбито...

Эта рана в душе Дашковой так и не затянулась. Она не простила Екатерине неблагодарности и измены, хотя ни того, ни другого не было. Просто так часто случается: люди об одном и том же думают и чувствуют по-разному. Страшно обиженная Дашкова уехала из Петербурга в подмосковную усадьбу, где занялась хозяйством, которое до основания разорил своими долгами ее непутевый муж, вскоре умерший...

В 1769 году Дашкова под именем госпожи Михалковой отправляется в долгое путешествие за границу. И там впервые по-настоящему оценили ее образованность, ум, вообще – необычайную личность этой женщины из дикой страны, которая может на равных спорить с великими философами и энциклопедистами. Поездка Дашковой за границу имела высокую благородную цель – дать сыну Павлу хорошее образование. И для этого она обосновалась в Шотландии, в Эдинбурге. Сын учился два года в Эдинбургском университете, и Дашкова жила возле него...

Когда Дашкова вернулась, наконец, в Россию, события 1762 года всем казались давней историей, а слава Дашковой, как первой русской образованной женщины, уже дошла до Петербурга. Прагматичная Екатерина решила ее снова использовать – сделала директором Петербургской Академии наук. Это был очень важный пост, тут был нужен глаз да глаз! А он-то и был у нашей железной леди. Дашкова была въедлива, пристрастна, умна, знающая, не давала чиновникам и ученым дремать. В 1783 году по инициативе Дашковой было основано новое учреждение – Российская академия, которая, в отличие от «большой» Академии, была ученым собранием по изучению русского языка. Дашкова поставила перед

Российской академией задачу «возвеличить российское слово, собрать оное в единый состав, показать пространство, обилие и красоту, поставить ему непреложные правила, явить краткость и знаменательность его изречений и изыскать его глубочайшую древность». Тогда началось повальное увлечение русским языком и историей. Главной задачей Академии стало составление первого словаря русского языка и его грамматики. Заслуга Дашковой в этом деле огромна. С ее хваткой, волей и решительностью словарь составили всего за 6 лет, и без него ныне невозможно представить существование русского языка. Дашкова писала научные статьи, издавала журнал «Собеседник любителей российского слова». В нем публиковали свои произведения Державин, Фонвизин, Княжнин, много своих вещей печатала и Екатерина II. Княгиня ставила спектакли, вообще

любила музыку, сама ее сочиняла.

У Дашковой был тяжелый характер, со многими она была в ссоре, особенно тягостны были отношения Дашковой с детьми. Своим непреклонным присмотром Дашкова придушила инициативу своего сына Павла: он вырос образованным, но слабым, пугливым человеком, а потом пристрастился к вину. А когда он женился тайно от матушки на дочери приказчика, гневу и горю Дашковой не было предела – ведь он опозорил знаменитый род князей Дашковых! Еще хуже обстояли дела у дочери Анастасии. Скандалы с мужем, долги, Анастасию даже взяли под надзор полиции. В конце концов Дашкова лишила дочь наследства и в завещании запретила подходить дочери даже к своему гробу.

К концу царствования Екатерины II дела Дашковой в Академии не были особенно хороши. Екатерина была напугана событиями в революционной Франции и опасалась малейшего намека на революцию, республику в прессе. А тут, как назло, в издании Академии наук вышла пьеса Якова Княжнина «Вадим Новгородский», в которой воспевалась древнерусская республиканская вольность. Дашкова, по-видимому, не прочитала пьесы, и ей стала «мылить шею» сама императрица. Словом, Дашковой были недовольны, да и она была недовольна всем вокруг. Вообще, ее характер к старости сильно испортился. Суровая, капризная женщина вызывала у слуг и подчиненных страх, у двора и города смех. Дашкова была умна, все это видела, но не могла справиться со своим характером.

Словом, она ушла в отставку, которую тотчас приняли. Потом умерла Екатерина II, а вступивший на престол ее сын Павел I припомнил Дашковой 1762 год и заслал ее туда, куда Макар телят не гонял, – в дальнюю деревню. Ей пришлось жить в крестьянском доме, в тесноте, несколько месяцев, но она несла свой крест мужественно и гордо. После смерти Павла I последние годы жизни Дашкова провела в своем имении, посвящая все время писанию мемуаров – знаменитых «Записок княгини Дашковой». Она писала их для сестер Уильмот, которых она больше всего любила на свете, любила так же экзальтированно и демонстративно, как ненавидела множество других людей. «Записки» эти чрезвычайно пристрастны и субъективны. Она писала их, чтобы вновь вернуться к 1762 году, чтобы хотя бы на бумаге подправить прошлое, изменить его, доказать, что она была права, что ее обидели, недооценили. И вот что удивительно, уже давно умерли участники революции 1762 года, уже давно умерла Екатерина II, уже Наполеон стоял у границ России, а Екатерина Малая все спорила и спорила с Екатериной Великой, со всем миром. Зачем? что она хотела доказать нам, потомкам? Мы восхищаемся этой необыкновенной женщиной, мы благодарны ей за вклад в русскую культуру и науку. Для всех очевидно, что ее жизнь состоялась, она прошла ярко и интересно, была насыщена такими необыкновенными событиями, впечатлениями и встречами, что их хватило бы на десяток человеческих жизней. Кажется, у нее не было оснований тужить, в чем-то оправдываться перед потомками. Но Дашкова остается Дашковой – честолюбие, гордыня родилась раньше нее. А между тем, в древнерусской книжности, у русских святых, которых она так почитала, гордыня признавалась самым тяжким грехом, матерью других человеческих пороков...

Дворянская девушка второй половины XVIII–XIX веков имела некоторый выбор при получении образования. Одни воспитывались дома, под строгим присмотром родителей, нянек. Наемные учителя и гувернантки давали уроки письма, чтения, девочки учились двум-трем языкам, музыке, танцам, рукоделию. Девицам стремились привить начала строгого поведения. На улицу они должны были выходить только в сопровождении гувернанток, среди которых было немало англичанок. Согласно правилам хорошего тона, девица могла пить вино только дома, но постепенно их стали угощать и в обществе, причем начал распространяться «вульгарный» американский обычай, когда (к ужасу родителей) девица сама протягивала лакею свою рюмку.

Другие дворянские девушки, не ограничиваясь домашним образованием, поступали в какой-нибудь из институтов благородных девиц, где они находились под строгим

присмотром. Выпускница закрытого женского учебного заведения – это образованная и в то же время скромная девица, проводящая время на балах, ужинах, катаньях, переписывающаяся с любимыми подругами, ведущая альбом, в который просит гостей вписать стихи. Она читала французские романы, была покорна родительской воле и мечтала о женихе – бравом гусаре. Но часто все это было на поверхности жизни, на глазах родителей, а в глубине ее кипели страсти, происходили «безумства» на любовной и эротической почве.

Последние годы Екатерины II. Фавор Зубовых

Последние годы правления Екатерины II отмечены ослаблением ее творческих способностей, явным застоєм в общественной жизни, разгулом фаворитизма. Вообще, за Екатериной в истории тянется след как за распутницей, вакханкой, жадной до любовных утех. До сих пор ходят слухи о необыкновенных сексуальных приключениях императрицы, сотнях ее любовников. Как всегда, слухи эти преувеличены. Действительно, у государыни было немало любовников (возможно, за ее жизнь около трех десятков). Но в те времена господствовали более свободные нравы, оставаться верными супругам считалось чудачеством (как восклицала героиня пьесы Сумарокова: «Я не посадская баба, чтобы своего мужа любить!»), волокитство и любовные приключения были в моде. Екатерина II в этом смысле ничем не отличалась от своих современников. Одновременно императрица была женщиной необыкновенно чувственной, признавалась, что не может жить без любви. Но всякий раз ее партнеры-любовники не отвечали тем взыскательным требованиям, которые она к ним предъявляла. Ближе к старости Екатерина, не желавшая расставаться со своими иллюзиями и страстями, оказалась во власти ложной идеи, что сможет с помощью искусства, общения, примера воспитать для себя достойного спутника жизни. Увлечения молодыми людьми, становившимися ее фаворитами, кончались ничем, на них не действовала «педагогика сердца», и эти юноши становились обыкновенными альфонсами, которых государыня содержала за счет государства.

Начавшаяся Французская революция напугала императрицу, она стала проявлять не свойственную ей ранее нетерпимость и консерватизм. Повороту Екатерины II к реакции способствовал ее последний фаворит Платон Зубов, овладевший сердцем стареющей, но не смилившейся со старостью императрицы. Она вошла в период естественный, неизбежный для каждого политика, даже самого умного и опытного. Пройдя период подъема и расцвета, в один прекрасный момент талант его тускнеет, и он вступает в период гниения, распада и гибели. Как ни была умна, властна, дальновидна императрица, в старости ей также стали изменять разум, воля и чувство меры. Символом последнего периода царствования Екатерины стало постыдное господство при дворе братьев Платона и Валериана Зубовых. Платон Зубов – 21-летний шалопай, конный гвардеец, молодой, невежественный, но красивый, мускулистый, с высоким лбом, прекрасными глазами. Он был выдвинут врагами Потемкина в пику ему – ведь до этого почти все молодые фавориты императрицы были креатурами Потемкина и опасности для него не составляли. Летом 1789 года Зубов упросил начальство разрешить ему командовать конвоем, сопровождавшим государыню во время поездки в Царское Село. Он так красовался возле кареты государевой, что был замечен государыней, попал к ней на обед, удостоился благожелательной беседы. Несколько дней спустя он стал ее любовником, через две недели Зубов был пожалован полковником и флигель-адъютантом. Молодой человек стремительно вошел в фавор, и стареющая императрица стала писать о нем Потемкину как о своем «новичке» – «ученике».

Екатерина II в 1794 году.

И. Б. Лампи. Портрет князя П. А. Зубова. 1790-е годы.

Заглянем в источник

В августа 1789 года Екатерина II сообщает светлейшему нечто интересное: оказывается у Платона «есть младшой брат (Валериан, 18 лет. – Е. А.), который здесь на карауле теперь, на место его; суций ребенок, мальчик писанной, он в Конной гвардии поручиком, помоги нам со временем его вывести в люди... Я здорова и весела, и как муха ожила...».

Надо понимать, что и «младшой» тоже стал императрицыным «учеником». через неделю Екатерина отправляет Потемкину курьера с рассказом неизвестно о котором из братьев (думаю, что о Платоне):

«Я им и брата его поведением весьма довольна. Сии – самые невинные души, и ко мне чистосердечно привязаны: большой очень неглуп, другой – интересное дитя».

Из письма государыни от 6 сентября стало известно, что «дитя» поразительно быстро избаловалось:

«Дитяти же нашему не дать конвой гусарской? Напиши, как думаешь... Дитяти нашему 19 лет от роду и то да будет вам известно. Но я сильно люблю это дитя, оно ко мне привязано и плачет, как дитя, если его ко мне не пустят».

Не успел Потемкин решить судьбу гусарского конвоя, как уже 17 сентября его поставили в известность:

«Дитя наше, Валериана Александровича, я выпустила в армию подполковником и он жадно желает ехать к тебе в армию, куда вскоре и отправится».

Причина срочной командировки «дитяти» прозаична – старшой приревновал к меньшому и не без причины. С тех пор «чернуша» и «резвуша» Платон остался во дворце один... Потемкин недолго держал при себе Валериана Зубова – светлейшему шпион был не нужен. Он послал Зубова в Петербург с известием о взятии Суворовым Измаила, при этом, согласно легенде, просил передать государыне следующее: «Я во всем здоров, только один зуб мне есть мешает, приеду в Петербург, вырву его». Намек был более, чем прозрачный. Но вырвать мешавший ему «зуб» светлейший не успел, смерть его опередила, к немалой радости Зубова.

Что же произошло с Екатериной? Ведь мы же знаем, что она не была Мессалиной или Клеопатрой. Да, конечно, под влиянием возраста в психике императрицы, по-видимому, произошли какие-то изменения. Но не это главное. Ее вечно молодая, жаждущая любви и тепла душа сыграла с ней скверную шутку. Любопытна история, которая случилась в Эрмитажном театре 12 октября 1779 года. Весной этого года Екатерина II «отпраздновала» за рабочим столом болезненное для нее 50-летие. И вот в тот день, 12 октября, она смотрела вместе со всем двором пьесу Мольера. Героиня пьесы произнесла фразу: «что женщина в тридцать лет может быть влюбленною, пусть! Но в шестьдесят?! Это нетерпимо!» Реакция сидевшей в ложе Екатерины была мгновенна и нелепа. Она вскочила со словами: «Эта вещь глупа, скучна!» – и поспешно покинула зал. Спектакль прервали. Об этой истории сообщал, без всяких комментариев, поверенный в делах Франции Корберон. Реплика со сцены неожиданно попала в точку, болезненно уколола 50-летнюю императрицу, которая никак, ни под каким видом не хотела примириться с надвигающейся старостью и сердечной пустотой. Мальчики были нужны ей не сами по себе. Из ее переписки, в которой шла речь о разных ее молодых фаворитах, видно, что в ее сознании они сливаются в некий единый образ, наделенный несуществующими достоинствами, теми, которые она сама хочет видеть в них и воспитывать, теми, которые ей нужны для искусственного поддержания оцущения молодости и неувядающей любви.

Потемкин сначала не особенно встревожился – он полагал, что хоть новый фаворит и не получил, как все прежние, его одобрения, он не представляет особой опасности. Более того, Зубов стремился польстить Потемкину. Екатерина писала светлейшему:

«Мне очень приятно, мой друг, что вы довольны мною и маленьким новичком, это

очень милое дитя, не глуп, имеет доброе сердце и, надеюсь, не избалуется. Он сегодня одним росчерком пера сочинил вам милое письмо, в котором обрисовался, каким его создала природа».

Зубов стал корнетом кавалергардов и генералом. Потемкин не возражал, но все же насторожился. Он стал убеждать Екатерину, что ее фаворит – человек-то дрянной, нестоящий. Обычно она слушала Потемкина. Как потом писал Зубов, «императрица всегда шла навстречу его желаниям и просто боялась его будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я брал с него пример». Но тут она заупрямилась, бросать своего «маленького новичка» отказалась.

Еще при жизни Потемкина Екатерина II стала приучать Зубова к делам, но без особого успеха. Петр Завадовский ядовито писал об этом: «Изо всех сил мучит себя над бумагами, не имея ни беглого ума, ни пространных способностей, бремя выше его настоящих сил». Зубов не был совершенно глупым молодым человеком, более того, умел создать вид умника, ловко и много говоря по-французски. После смерти Потемкина голос его все крепчал, он даже стал покрикивать на вельмож. Его титул был таким пышным, что казалось, будто он его украл у Потемкина:

Светлейший князь Римской империи, генерал-фельдцейхмейстер, над фортификациями генерал-директор, главнокомандующим флотом Черноморским и Азовским и Воскресенскою легкою конницею и Черноморским казачьим войском генерал – от инфантерии, генерал-адъютант, шеф Кавалергардского корпуса, Екатеринославской, Вознесенской и Таврических губерний генерал-губернатор, член государственной Военной коллегии, почетный благодетель императорского Воспитательного дома, любитель Академии художеств.

По своему характеру Зубов был типичным приспособленцем: при Екатерине ратовал против ужасов революции, при Александре I ходил с проектом конституции в кармане. Дела же государственные он решал таким образом: «Делайте, как было прежде». При Зубовых мудрая дотоле государыня как будто поглупела. Она согласилась отправить «любезного мальчика» Валериана Зубова в поход на Восток, в Персию и дальше в Индию. В 1796 году он прошел по пути Петра Великого и взял Дербент, а потом Баку. Екатерина писала, что Валериан сделал за два месяца то, что Петр Великий сделал за два года, встретив сопротивления больше, чем встретил его великий император.

Заметки на полях

О Зубове Екатерина II как-то написала вполне сакраментальное: «Я делаю и государству немалую пользу, воспитывая молодых людей». Увы, все было как раз наоборот! Каждый новый фаворит наносил государству огромный ущерб, ибо Екатерина II не скупилась для своих «учеников» на подарки и пожалования и не имела привычки их отбирать после отставки очередного любимца. Вот примерная смета расходов на Александра Ланского, так и не получившего, по причине своей смерти, всего, что было можно получить по его «статусу»: 100 тыс. рублей на гардероб, собрание медалей и книг, помещение во дворце, казенный стол на 20 человек стоимостью в 300 тыс. рублей. Все родственники получали повышения и награды. Если бы не ранняя смерть, чин генерал-аншефа, а то и генерал-фельдмаршала с соответствующим содержанием был, почитай, у «Саши» в кармане. За 3 года своего фавора он получил от государыни 7 млн рублей без прочих подарков, бриллиантовые пуговицы на парадный кафтан (стоимостью 80 тыс. рублей), два дома в Петербурге и дом в Царском Селе. Все эти цифры нужно сложить и умножить минимум на 7 – по приблизительному числу «учеников» Екатерины. Зубов все свое тоже получил и даже больше, чем его предшественники.

С влиянием Зубовых на императрицу связывают жестокое подавление польского восстания, третий раздел Польши и окончательное уничтожение Польского государства, борьбу с масонами, гонения на Новикова, Радищева. Конечно, суть дела была не в особом

влиянии Зубова на императрицу, а в самой государыне, которая раньше говорила: «Пусть один ограничен, другой ограничен, но государь от этого не будет глупее». Увы, к концу жизни она стала утрачивать свои гениальные способности, ту самоиронию, которая всегда спасала ее, позволяла посмотреть на себя со стороны и исправить сделанную ошибку. Ведь раньше, когда к ней обратились с проектом завоевания Индии, она с юмором отвечала: «У России довольно земель, чтобы не иметь нужды отправляться для завоевания в Индию». Когда же ей предложили сделать «приращения» государству в Северной Америке, она отвечала, что у России немало своих забот и лучше оставить индейцев Америки их собственной судьбе. А теперь она отправила на эту авантюру Валериана Зубова. Только указ вступившего на престол Павла I остановил химерический поход. Еще месяц – и корпус Зубова несомненно погиб бы от голода и трудностей пути.

С фавором «резвуши» к власти полез весь клан Зубовых. Отец Зубовых брал взятки, служебные успехи братьев Платона поражали наблюдателей, все перед ними пресмыкались. Знаменитый Суворов с радостью отдал любимую Суворочку за старшего брата фаворита Николая. Только цесаревич Павел пытался огрызаться. Как-то за обедом Екатерина сказала сыну: «Я вижу, что вы согласны с мнением князя Зубова». На что Павел отвечал: «Ваше величество, разве я сказал какую-нибудь глупость?» Все стремились понравиться фавориту. Державин посвящал ему стихи, будущий герой войны 1812 года генерал Кутузов варил ему по утрам какой-то особый восточный кофе. Один из дипломатов хорошо сказал: «Все ползали у его ноги, поэтому он считал себя великим».

Заглянем в источник

Пожалуй, наиболее яркое описание Зубова, ядовитое и беспощадное, принадлежит перу К. Масона, французу на русской службе:

«По мере утраты государынею ее силы, деятельности, гения, он приобретает могущество, богатство. Каждое утро многочисленные толпы льстецов осаждают его двери, наполняют прихожую и приемную. Старые генералы, вельможи не стыдились ласкать ничтожных его лакеев. Видели часто, как эти лакеи в толчки разгоняли генералов и офицеров, кои долго теснились у двери и мешали их запереть. Развалясь в креслах, в самом непристойном неглиже, засунув мизинец в нос, с глазами, бесцельно устремленными в потолок, этот молодой человек, с лицом холодным и надутым, едва достаивал обращать внимание на окружающих. Он забавлялся дурачествами своей обезьяны, которая скакала по головам подлых льстецов, или разговаривал со своим шутом. А в это время старцы, под началом которых он начал служить сержантом – Долгорукие, Голицыны, Салтыковы и все остальные ожидали, чтобы он низвел свои взоры, чтобы униженно приникнуть к его стопам. Из всех баловней счастья ни один, кроме Зубова, не был так тщедушен и наружно, и внутренне».

И. Б. Лампи. Портрет А. А. Безбородко.

Смерть Екатерины II

Екатерина умерла 5 ноября 1796 года. До этого дня она не раз писала о том, как будет красиво и возвышенно умирать в окружении друзей, под звуки нежной музыки. Но смерть настигла ее в узком переходе между двумя комнатами. С ней случился сильнейший инсульт. Нескольким слугам с трудом удалось вытащить грузную государыню из коридора и положить на матрас, брошенный на пол. Здесь, после нескольких часов агонии, она и скончалась, не приходя в сознание. Завещания Екатерина не оставила.

Легенды и слухи

Было ли завещание Екатерины II?

Этот вопрос до сих пор остается без ответа. Известно, что императрица не любила своего сына Павла Петровича, считала его непригодным к управлению, держала его далеко от дел. Стремясь во всем утвердить закон и неизменный порядок, Екатерина была убеждена, что в деле наследования государь вправе лишит наследства «негодного» наследника, чьи моральные и деловые качества не отвечают высоким задачам, стоявшим перед просвещенным, гуманным государем. Одновременно императрица приблизила к себе внучат Александра и Константина – детей Павла и Марии Федоровны и не раз намекала, что после нее править Россией будет Александр, которого она готовила к правлению, женила в 16 лет и вообще смотрела на него как на наследника. Накануне свадьбы Александра в 1792 году она писала своему постоянному адресату М. Гримму как бы между прочим:

«Сперва мы женим Александра, а там со временем коронуем его со всеми царем и будут при том такие торжества и всевозможные празднества. Все будет блестяще, величественно, великолепно!»

Написано это так, будто настоящего наследника Павла уже давно нет на

свете. Но окончательное решение Екатерина не выносила. Согласно распространенной легенде, завещание в пользу Александра хранилось в кабинете Екатерины в особом конверте. Как только с императрицей случился удар и в Зимний дворец явился из Гатчины Павел Петрович, сподвижник Екатерины А. А. Безбородко передал конверт наследнику. Достоверных сведений на сей счет нет, но то, что Безбородко получил от Павла I награды и стал канцлером России – несомненно. Он был почти единственным из приближенных покойной императрицы, который при новом государе удержался «на плыву».

Действующие лица

Светлейший князь Александр Безбородко

Александр Андреевич Безбородко – ярчайшая политическая звезда XVIII века. Он родился в Глухове, в 1747 году, по происхождению – шляхтич, украинец (или как тогда говорили вполне официально – хохол). Мальчик получил домашнее образование и по одной из версий учился также в Киевской духовной академии. Перед поступлением в нее отец заставил его трижды вслух прочитать Библию. После этого Безбородко мог цитировать Библию с любого места – такова была феноменальная память у этого будущего гомерического грешника-сластолюбца.

Службу он начал в украинской армии в 1765 году и благодаря случаю оказался на службе П. А. Румянцева – наместника Екатерины II в Украине, который очень нуждался в инициативных, умных чиновниках, знающих Украину. Безбородко оказался для Румянцева незаменим. Он таскал секретаря повсюду с собой и был премного доволен им. Никто из окружения не мог так легко, на ходу, да так ловко сочинить нужной бумаги или вспомнить, что на сей счет говорил Петр Александрович три месяца тому назад.

Когда в 1770 году, с началом Турецкой войны Румянцев отправился навстречу своей славе, разгромил турок, то и Безбородко не отсиживался в обозе, а лез в бой. Тут проявилась еще одна сторона натуры Безбородко – отчаянная, веселая храбрость внутренне раскованного человека, каким он и остался на всю жизнь. Но не только храбрость была замечена и оценена в Безбородко его благодетелем. Румянцев скоро убедился, что и дипломатические поручения Безбородко исполняет блестяще. Словом, он был признан человеком перспективным... В 1775 году Безбородко оказался в Петербурге благодаря блестящим рекомендациям Румянцева, который хотел иметь в столице своего доверенного человека, да еще вблизи государыни, при дворе. Знакомя с ним Екатерину II, Румянцев сказал: «Представляю Вашему величеству алмаз в коре (т. е. неограниченный. – Е. А.): ваш ум даст ему цену». И действительно, вскоре Екатерина убедилась, что новый статс-секретарь по приему челобитен обладает прямо-таки необыкновенными дарованиями: феноменальной памятью, изощренным и тонким умом, умением доложить о труднейшем деле кратко, ясно и толково, а потом понять, развить и точно выразить только еще забрезжившую в голове повелительницы мысль или ее скрытые желания. Безбородко обладал поразительной работоспособностью и умел быстро, без единой помарки составлять важные государственные бумаги.

При этом с молодых лет он славился как любитель застолий, развлечений в кругу легкомысленных дам, проявляя крайнюю ненасытность и неутомимость в любовных утехах. Вечный холостяк, он был завсегдаем публичных домов. Это вызывало недовольство императрицы, но она прощала Безбородко многие его слабости и пороки. Зато он был всегда под рукой – сподвижник, помощник, доверенный человек, умевший держать язык за зубами. Безбородко был автором множества проектов законов и деловых писем Екатерины II. Без него не было бы обширного законодательства великой императрицы. Екатерина, высоко ценя дарования Безбородко, рано начала двигать его по служебной лестнице. Постепенно от внутренних дел Безбородко перешел к внешнеполитическим и достиг здесь больших успехов. Он фактически руководил Коллегией иностранных дел и по совместительству почтовым ведомством в России. В дипломатии

Безбородко проявил себя не просто как опытный и осторожный дипломат, но и как конструктор внешнеполитических концепций России на юге. Подлинным виртуозом Безбородко был за столом переговоров. Победить его в этой тонкой застольной игре не мог никто – так великолепно он знал национальную и персональную психологию людей, сидевших перед ним, обладал даром убеждать противников.

В основе феноменальных служебных успехов Безбородко сокрыта тайна, даже три. Несомненно, одна – от Бога. На лысом его челе лежал золотой отблеск гениальности. Его аналитические способности, его изоциренный ум были даны ему свыше. Таких людей вообще крайне мало, а у власти – тем более. Француз граф Сегюр писал: «В теле толстом Безбородко скрывал ум тончайший». Во многом благодаря своему божественному дару этот хохол сумел пробиться на самый верх, чтобы потом вальяжно «подсесть» у подножия Екатерины II на знаменитом памятнике в Екатерининском сквере, который находится рядом с Невским проспектом.

Но секрет успехов Безбородко состоял не только в его ярких дарованиях государственного деятеля. Другая тайна была заключена в его большом сердце. Он был необыкновенно обаятелен, любим окружающими, как мужчинами, так, особенно, женщинами. Внешне неуклюжий и тучный, небрежно одетый, он вызывал симпатию людей блеском своего ума, мягким украинским юмором, щедростью, добротой, незлобностью, жизнелюбием и отчаянным эпикурейством. Популярность Безбородко была огромна. Среди друзей его было немало выдающихся людей. Власть, ум и доброта – вот что влекло их к Безбородко. В большом собрании он был неловок и угрюм, как медведь, зато в узком кругу друзей и, особенно, женщин изящен, приветлив, добродушен. Он был поклонником русских песен и мог слушать их бесконечно. Наверное, великолепный вкус у Безбородко был от Бога. Дом Безбородко недалеко от Почтамта был одним из самых роскошных в столице. А какие в его доме бывали праздники! Они поражали гостей необыкновенной щедростью и изысканным вкусом хозяина – меломана и гурмана.

Еще одним, третьим, тайным достоинством Безбородко был талант царедворца, который угождал повелителю и ладил с самыми разными людьми. Возле великих мира сего он точно знал свое место, мог подать идею, помочь осуществить ее, а потом, не ожидая похвалы и хитро посмеиваясь, он отходил в сторону: «Нехай, с меня хватит!»

Безбородко многие годы успешно отбивался от нападений своих недоброжелателей, которые у него все-таки были, и умел сохранять в неизменности расположение Екатерины II почти до самой ее смерти. Безбородко смог удержаться на поверхности и при воцарении в 1796 году Павла I, чье расположение купил, по слухам, тем, что передал императору знаменитый конверт, перевязанный черной лентой. В нем лежало завещание Екатерины II в пользу великого князя Александра Павловича, а не в пользу сына Павла. Новый император тотчас бросил конверт в камин и похвалил Безбородко. Все это похоже на правду: милости Павла I к Безбородко, прежде столь близкому сподвижнику матери, оказались весьма щедрыми. Безбородко стал канцлером, светлейшим князем. Он получил огромные поместья и другие богатые награды, вроде большого креста святого Иоанна Иерусалимского, усыпанного бриллиантами.

Сумасшедший образ жизни в сочетании с колоссальной напряженной работой приблизили конец Безбородко, не дожившего до 52 лет. Его разбил инсульт, и он умер в апреле 1799 года, оставив после себя огромное богатство, кучу незаконнорожденных детей, добрую память о себе как об умном, уживчивом, забавном, но одновременно – деловом, незаурядном человеке, утвердившем величие екатерининской империи.

Нелюбимый наследник

Сын Екатерины II Павел Петрович родился в 1754 году, и сразу же тогдашняя императрица Елизавета Петровна взяла новорожденного к себе, чтобы воспитать из него наследника. Екатерина увидела сына только через несколько недель после его рождения. Мальчик не знал родительской ласки, и с годами отношения с родителями, особенно с матерью, не стали лучше. Холодность, отчужденность и недоверие разделяли мать и сына. Мальчик рос без детского окружения, болезненным, излишне впечатлительным. Его воспитатель Н. И. Панин дал Павлу хорошее образование, но при этом настроил его против матери и ее политики. Павел воспитывался как будущий «добрый король», как «рыцарь» со средневековыми понятиями о чести, благородстве в отношении к женщине и другу. Одновременно это развивало в мальчике высокопарность, интерес к театральности, к внешним, мелочным проявлениям формы, а не содержания. С годами это поселило в душе Павла неразрешимые противоречия между реальным и воображаемым миром. Это выражалось в приступах безудержного гнева, истериках Павла и одновременно в скрытности, интересе к мистицизму. Позже, когда Екатерина стала императрицей, она уже сама стремилась реже видеться с сыном. Дело было в том, что накануне смерти императрицы Елизаветы Петровны часть знати во главе с воспитателем Павла графом Никитой Паниным видели в юноше непосредственного наследника самой Елизаветы. При таком подходе к престолонаследию родители мальчика Петр Федорович и Екатерина Алексеевна от власти устранились. И хотя вопреки этим планам Петр III вступил на престол, а потом у власти оказалась Екатерина II, подобные планы и намерения остро задевали новую императрицу. Она видела в своем сыне политического соперника и старалась держать его подальше от государственных дел. Это, естественно, мало способствовало сближению Павла с матерью. Не без основания он опасался, что после смерти матери престол перейдет не к нему, а к его сыну Александру. Слухи о подобных намерениях императрицы были очень упорными, и они, естественно, доходили до Павла.

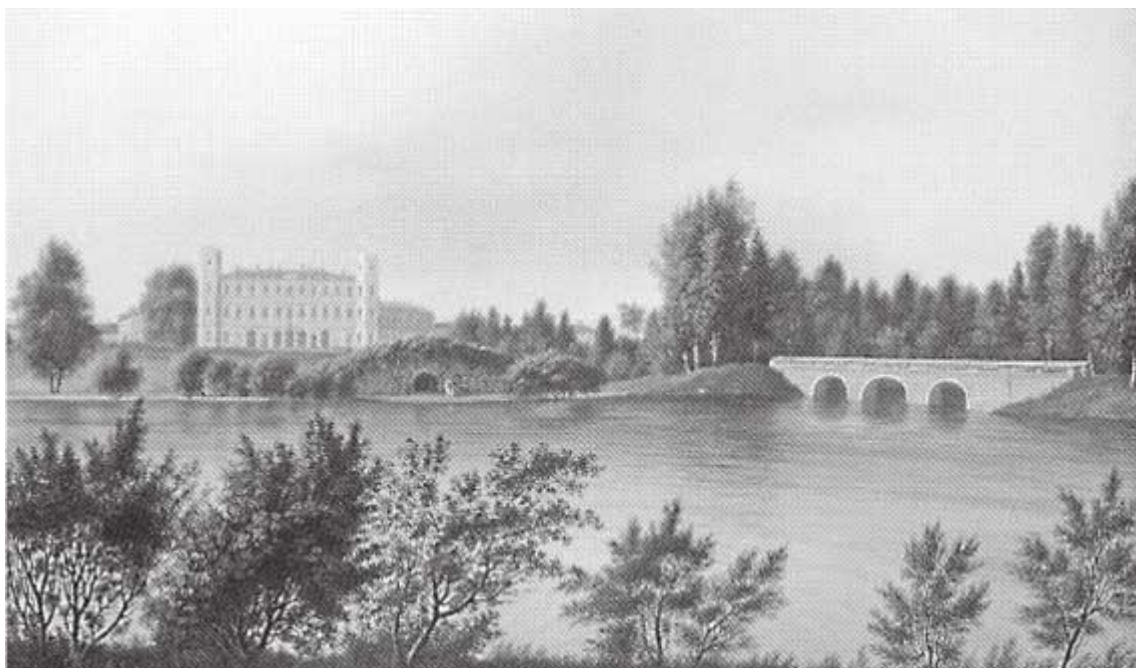
Готовя в середине 1780-х годов знаменитый проект «Наказа Сенату», Екатерина II особенно тщательно прорабатывала важную для нее в тот момент тему – возможность лишения права на престол утвержденного ранее наследника. Трудясь над этим проектом, Екатерина II знакомилась с основополагающими петровскими актами на эту тему. Императрица определила несколько причин, которые позволили бы отказать наследнику: попытка наследника свергнуть царствующего монарха, участие его в бунте против государя, отсутствие у наследника необходимых для правления человеческих качеств и способностей, принадлежность к другой, кроме православной, вере, владение престолом другого государства и, наконец, акт царствующего монарха по отрешению наследника от престола. Принципиально важным было положение о создании – в случае несовершеннолетия наследника – системы регентства, причем регент назначается из членов императорской фамилии высшими правительственными учреждениями – Советом и Сенатом, которые должны гарантировать соблюдение закона о престолонаследии. Вся эта тщательная работа над положением об отрешении наследника была непосредственно связана с современной проекту «Наказ Сенату» династической ситуацией, сложным положением в императорской семье. Отношения Екатерины II с сыном – наследником престола Павлом – были неровными, но в 1780-е годы эти отношения стали откровенно плохими и оставались такими до самой смерти Екатерины II. Общество было полно слухами о намерении Екатерины, воспользовавшись законом 1722 года, лишить престолонаследия сына и передать эти права внуку Александру Павловичу, в котором она души не чаяла. Так в свое время поступил Петр Великий с царевичем Алексеем.

И. Г. Пульман. Портрет великого князя Павла Петровича.

Философия власти цесаревича Павла была сложна и противоречива. Он пытался совместить власть самодержавия и человеческие свободы, «власть закона», исходя из представлений о традициях, желаемых идеалах и даже географического фактора. Но шли годы, проекты государственного переустройства, которые он составлял в тиши кабинета, покрывались пылью, забывались. За окном медленно шла безнадежная для наследника жизнь – могущество матери было огромно, победы ее армий ошеломительны. О нем мало кто вспоминал.

После смерти Г. Г. Орлова Екатерина подарила Павлу поместье Гатчино (позже – Гатчина), где он и обосновался с молодой женой Марией Федоровной. Она была немецкой принцессой Вюртембергской Доротеей Софией Августой Луизой и повенчана (после принятия ею православия) с Павлом в 1776 году. Гатчина (а потом и Павловск) стала подлинным отчим домом для большой семьи наследника. Вдали от «большого двора», который вызывал страх и ненависть Павла, наследник создал в Гатчине свой особый мир. Это был мир военной дисциплины, здесь витал дух военного лагеря с отчетливо пропрусскими порядками. Ведь для Павла, как некогда и для его отца Петра III, идеалом государя был прусский король Фридрих II. Здесь, за шлагбаумами, постами Павел чувствовал себя в безопасности. Его окружали пусть и не очень умные и образованные, но верные люди, здесь его воле не ставились пределы. Все это влияло на характер Павла, привыкшего к повиновению, нетерпимого ко всякого рода «вольнодумию». Начавшаяся на его глазах Французская революция усугубила консерватизм и нетерпимость Павла, отошедшего от мечтаний юности и душевспасительных бесед с Паниным. В Гатчине он стал таким, каким мы его знаем позже, – нервным, болезненно-самолюбивым, капризным, подозрительным.

Вид на Гатчинский дворец и парк.

Заглянем в источник

Параллель с царевичем Алексеем не надуманна. Примечательны заметки Екатерины исторического характера о его деле, в которых императрица размышляет о праве родителя-государя: «Признаться должно, что несчастлив тот родитель, который себя видит принужденным, для спасения общего дела, отрешиться своего отродья. Тут совокупляется (или совокуплена есть) власть самодержавная и родительская. Итак, я почитаю, что премудрый государь Петр I, несомненно, величайшие имел причины отрешить своего неблагодарного, непослушного и неспособного сына».

И далее следует столь живая и яркая характеристика царевича Алексея, умершего за 10 лет до рождения самой Екатерины, что сквозь нарисованные императрицей негативные черты наследника Петра Великого отчетливо проступает облик другого, более знакомого ей человека – цесаревича Павла:

«Сей наполнен был противу него ненавистью, злобою, ехидною завистью, изыскивал в отцовских делах и поступках в корзине добра пылинки худого, слушал ласкателей, отделял от ушей своих истину и ничем на него не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе. Он уже сам был лентяй, малодушен, двояк, нетверд, суров, робок, пьян, горяч, упрям, ханжа, невежда, весьма посредственного ума и слабого здоровья».

Смерть пришла к Екатерине II неожиданно, и она не успела, как, возможно, думала раньше, воспользоваться правом назначить своего преемника 6 ноября 1796 года Павел I беспрепятственно вступил на русский престол.

Пятый император XVIII века

Став императором, Павел I стремился наверстать упущенное, реализовать свои взгляды в деле. Он был талантливым человеком, но его трагедия состояла в том, что большую часть жизни он прождал своей «очереди» к престолу, горюя и волнуясь за свое неясное будущее как наследника. Ожидание его часа длилось свыше 20 лет, и ощущение своей никчемности, униженности, досады за бездарно потерянные годы, постоянной опасности не покидало Павла I, испортило его характер, сделало из некогда веселого, романтического юноши мужчину-неврастеника. Придя к власти, Павел I не смог преодолеть мстительного желания

истребить все, что было заведено при матери. Педантичное внимание к мелочам, противоречивость, непоследовательность с явной склонностью к решению проблем упрощенными, грубыми приемами – все это стало его стилем правления. Характер Павла ухудшился. То, что ранее сдерживалось усилием воли, страхом перед матерью, вырвалось наружу: император стал непредсказуемым, вспыльчивым, капризным и резким правителем с замашками тирана. Он не имел опыта государственной деятельности, но зато был упрям и неспособен к пониманию сложных проблем политики. При этом он был нетерпим не только к свободному выражению окружающих своего мнения, но и ко всякому проявлению самостоятельности. Став самодержцем, он начал осуществлять «гатчинский» вариант преобразований, строить не «царство разума и закона», о котором они так много говорили с Н. И. Паниным, а грубое репрессивное государство.

Заметки на полях

Почему Павел, полный либеральных замыслов в юности, стал таким неожиданно суровым правителем? О личности и политических взглядах Павла I споры не стихают второе столетие: столь противоречивой и сложной представляется эта трагическая фигура русской истории. Ясно, что политические взгляды Павла I сложились под влиянием многих факторов и претерпели определенную эволюцию в течение его жизни. Эти взгляды опирались в конечном счете на единые для просвещенных людей XVIII века и близкие Екатерине II идеи Просвещения, преследовали общую для XVIII века утопическую цель «общего блага», но эти идеи интерпретировались и реализовывались Павлом I в ином, чем у Екатерины II, ключе. Это и определило в конечном счете разительное отличие преобразований Павла I – императора от преобразований Екатерины II.

Известно, что на становление мировоззрения цесаревича Павла Петровича сильное влияние оказал его воспитатель граф Н. И. Панин – последовательный сторонник ограничения императорской власти в России. Выше уже говорилось, что смысл преобразований, предлагавшихся Н. И. Паниным в 1763 году, сводился к установлению ограничивающей власть императрицы Государственного совета явно аристократического типа. В систему воспитания наследника Паниным была заложена общая идея верховенства «фундаментальных законов», без которых править истинно достойному государю неприлично и невозможно. Сама по себе идея эта не являлась особенно оригинальной. Со времен Монтескье, Ивана Шувалова об этом писали и говорили много, идеи эти витали в воздухе. Достаточно полно логику суждений Панина раскрывают его «Рассуждения о неперемennых законах», составленные им накануне его смерти в 1783 году и предназначенные для Павла. Рассуждения эти суть типичные для XVIII века силлогизмы:

- 1. Власть вручается государю единственно для блага народа.*
- 2. Благо может дать только абсолютно добродетельный государь – «добродетель на троне».*
- 3. Учитывая естественные для государя как человека слабости, достичь абсолютной добродетели немислимо.*

Отсюда вывод: государь может достичь блага народа только единственным путем – «поставя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам». Набор самих законов не столь важен, а важно как раз то, что нарушать их монарх не может. Но тут-то и кроется смертельная ловушка для самодержавия, ибо тем самым ликвидируется самый важный постулат самодержавия – полное, бесконтрольное право в любой момент менять законы, устанавливая их по собственному усмотрению, а также править без всяких законов, когда законом является воля государя.

Разумеется, все эти идеи Панина были тесно связаны с актуальной для тех времен политической ситуацией. Они содержали осуждение царящего при дворе Екатерины II фаворитизма, господства не закона, а «страстей». Ведь тем

самым открывался путь к произволу, когда «не нрав государя приравнивается к законам, но законы к его нраву» и когда, наконец, государь порабощен выразителем страстей – любимцем, как правило, человеком недостойным. Вот тогда самовластие «достигает невероятия». Все, по мнению Панина, зависит от произвола любимца, все его боятся, и «взор его, осанка, речь ничего другого не знаменуют, как: “Боготворите меня, я могу вас погубить!”»

Читая это, Павел видел хорошо ему знакомую фигуру Орлова, Потемкина или любого другого фаворита Екатерины II. Но для Павла конституционные идеи Панина были важны не только с точки зрения морали, достойного и полезного служения Отечеству, России (для Павла эти понятия не были пустым звуком), но и с точки зрения его будущего. А оно было весьма туманно. Екатерина II, в целом недовольная цесаревичем Павлом, вела себя с ним так же, как некогда Елизавета с неугодным ей Петром Федоровичем. Иначе говоря, она попросту держала, как топор над головой наследника, Устав о престолонаследии Петра Великого 1722 года, позволявший ей назначить себе в преемники любого из своих подданных и отменить при необходимости принятое уже решение о престолонаследии. Прибавим к этому другие факторы: распространяемые врагами Павла инсинуации о его «незаконнорожденности», особая демонстративная любовь Екатерины к сыну Павла Александру, унижение и притеснения наследника со стороны фаворитов, воспоминания о трагической судьбе отца – Петра III, а также подозрения и страхи Павла за свою жизнь и свободу. Словом, учитывая все это, проблема утверждения такого «фундаментального закона», каким мог стать закон о престолонаследии по прямой мужской нисходящей линии, казалась Павлу первостепенной. В отсутствие его он видел причину и политической нестабильности в России, и своего неустойчивого положения.

В 1787 году Павел составил проект подобного закона о престолонаследии по праву первородства. Нужно это было для того, чтобы «государство не было без наследника, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать и дабы сохранить право родов в наследии, не нарушая права естественного и избежать затруднений при переходе из рода в род». Позже эти соображения подстегнули Павла I в день коронации 5 апреля 1797 года утвердить и публично зачитать закон о престолонаследии, который должен быть выше воли конкретного самодержца и который отменял петровский «Устав» 1722 года.

Но оказалось, что такого «фундаментального закона» было недостаточно. Корень трагедии Павла в том, что, признавая панинские идеи, он пытался совместить безграничную власть самодержавия и человеческие свободы, «власть личности» и «власть закона», словом, совместить несовместимое. Так, он писал:

«Мы нашли за лутчее согласовать необходимо нужную монархическую эзекутивную власть по обширности государства, с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя».

Но такое «согласование» оказалось невозможным в принципе. К тому же Павел I ненавидел свою мать, распространяя эту ненависть и на введенные ею либеральные порядки, и на ее любимцев, и на выдающихся, и на ничтожных деятелей ее правительства. Он отрицал все, что она принесла России своей реформаторской деятельностью. В итоге, что бы ни говорил Павел I о праве, законе (а без признания и продолжения деяний Екатерины в этой области двигаться дальше было невозможно), в его сознании, образе мышления и поведении на первый план выходила все-таки гатчинская «модель жизни». Он хотел ужесточения дисциплины, введения строгой регламентации, «непременного порядка», и видел в этом панацею от всех бед. Разрушая возведенное матерью «государство просвещенной монархии», Павел начал строить только «эзекутивное государство». В этом был корень его личной трагедии и гибели...

Преобразования Павла в армии. Дворянская политика

Основой всего Павел I считал армию и, став императором, он с реформы армии и начал. Нельзя сказать, что екатерининская армия при всех ее блестящих победах не нуждалась в преобразованиях, естественных улучшениях. Армия – всегда живой, развивающийся организм. Однако армейские преобразования Павла не касались ни социальных (рекрутчина), ни тактико-стратегических аспектов армии. Они коснулись внешней стороны армейской жизни, привели к наведению порядка в строевой подготовке армии, разработке новых уставов, улучшению материального довольствия войск, ужесточению дисциплины, ликвидации процветавшего в полках произвола офицеров, казнокрадства, беспорядков, формализма в отношении службы. Но при этом пресечение «распушенности» (слова Павла I) в армии осуществлялось непривычно жесткими, чрезмерно строгими, весьма поспешными мерами, что производило крайне тягостное впечатление на армию и общество, было сопряжено с новыми злоупотреблениями, насилием, оскорблениями и репрессиями. Борьба с «распушенностью» означала прежде всего ущемление прав дворянства, которое по принятой после Петра Великого традиции записывалось (ради выслуги лет и званий) в полки с младенчества, а также получало длительные, фактически бессрочные отпуска. С этой практикой Павел I решительно покончил. Но в решительной борьбе, которую император повел с трехлетними сержантами – «нетчиками» – и пожизненными отпускниками, была заложена цель большая, чем просто достижение порядка в армии или фанатичное желание изжить ненавистный ему «потемкинский дух». Для Павла I была неприемлема сама сословная свобода, которой пользовались дворяне благодаря реформам Екатерины II. Для него утвержденное законом право дворянина служить или не служить было оскорбительно, рассматривалось как проявление той «распушенности», которую он видел при дворе. И за этим стоял не просто каприз, а иная, чем у Екатерины II, система взглядов на социальный строй и внутреннюю политику.

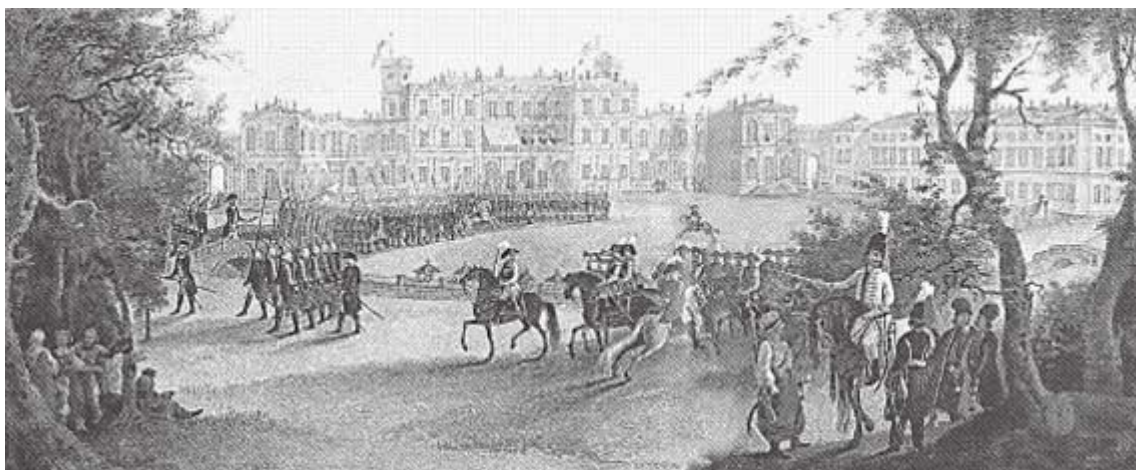
Вкратце идеи Павла I о соотношении дворянских свобод и дворянской службы таковы.

1. Замеченные в армии «распушенность», «разврат по службе» и беспорядки – следствие злоупотребления данными дворянам свободами и привилегиями.

2. Свободами и привилегиями может пользоваться только просвещенный, сознательный человек.

3. Сознательный же, просвещенный дворянин понимает, что привилегии и обязанности тесно связаны между собой и, думая о процветании Отечества и служении престолу, он никогда не злоупотребит ими. Следовательно, такой дворянин прилежно служит, а злоупотребляющий этими привилегиями – недостойный их бездельник, заслуживающий наказания.

Эта по-своему вполне логичная схема с неизбежностью приходила в противоречие с екатерининской схемой развития гражданского, сознательного общества через сословные привилегии, свободы, права. Итогом конфликта идей стала политика Павла I, нацеленная на сворачивание сословной программы преобразований Екатерины II. Он, в сущности, покончил со свободой дворян в выборе рода занятий, ликвидировал органы дворянского самоуправления. В 1799 году были упразднены губернские дворянские собрания. Возродились и телесные наказания дворян. Поколение «непоротых задов» было страшно возмущено таким возвратом к прежним временам.

Г. Сергеев. Военный парад в Гатчине. 1798 год.

Усиление бюрократизма и полицейского начала

Развитием идей Павла I стала переориентация всей системы управления и внутренней политики. В системе управления при Павле I преобладающим стал административный, бюрократический аспект. Именно бюрократами заменяются дворянские выборные должности, губернаторы получают большую административную свободу за счет прав сословий, управление начинает осуществляться по военно-полицейскому принципу. Тогда же был нанесен серьезный удар по складывавшейся системе нового суда, которая была подменена администрированием чиновников и полицейских. Ясно, что ни о какой планируемой Екатериной II реформе Сената уже не могла идти речь, как и вообще – о расширении принципа сословного управления. Административные меры осуществлялись, как и в армии, поспешно, грубо, неизбежно плодили злоупотребления, нелепости и неразбериху.

Павел начал активную борьбу с «развратом» и в государственном аппарате, что выразилось в усилении дисциплины, строгости службы, наказаниях даже за самые незначительные проступки. Работа в учреждениях начиналась в 5–6 утра, зато после 8 часов вечера ни один житель не мог без особого разрешения появиться на улицах. Вахтпарад – обычное ранее при смене караула мероприятие – превратился в важное государственное дело, с обязательным участием императора и наследника престола. Дух военщины витал над столицей. Особенно опасно было встретить на улице самого императора, крайне строгого к внешнему виду прохожих. Главную роль в городе стал играть военный губернатор Н. П. Архаров, чьи люди, бесцеремонно врывавшиеся в частные дома, стали символом «законного беззакония» – словом, «архаровцы». Жители Петербурга слышали множество диких указов. В апреле 1800 года был запрещен ввоз из-за границы «всякого рода книг, на каком бы языке оные не были без изъятия... равномерно и музыку», то есть нот. Потом приказали все частные типографии «запечатать, дабы в них ничего не печатать». В том же 1800 году Павел издал особое распоряжение о том, что хлопать в ладоши в театре можно только тогда, когда это делает государь, и т. д. Полиция с остервенением набрасывалась на прохожих, которые игнорировали императорские указы о запрете ношения жилетов, модных башмаков и круглых «французских» шляп.

Этим объясняется и противоречивость его политики в отношении разных групп населения. Как справедливый отец, он заставлял дворян служить, но вместе с тем заботился об их благосостоянии: в декабре 1797 года учредил Государственный вспомогательный банк для разорившихся помещиков, а самое главное – в обилии раздавал помещикам государственных крестьян, причем за четыре года своего царствования раздал крестьян так много, как его мать не смогла раздать за десятилетия. При этом пользовавшийся уважением народных масс как государь, «строгий» к помещикам, считал, что все казенные земли нужно

раздать помещикам. Они, по мнению императора, лучше заботятся о крестьянах, чем казенные управители, да и к тому же являются даровыми полицмейстерами. Заботился он и о чистоте дворянского сословия, исключив указами 1798 года из армии всех офицеров, выслужившихся не из дворян.

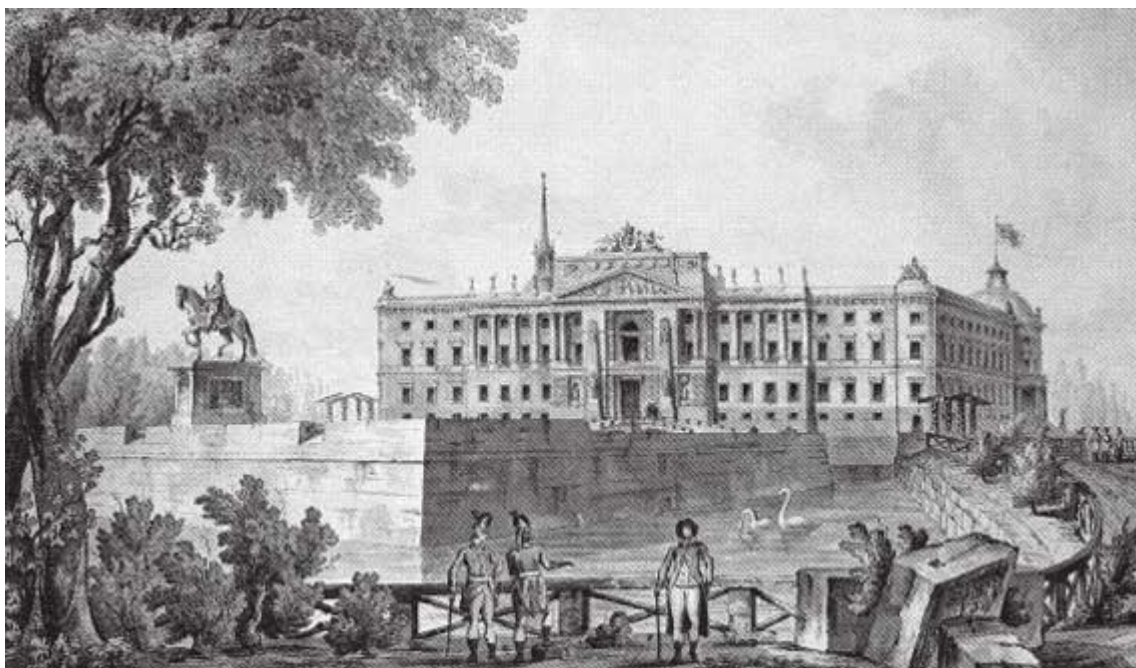
Строительство Михайловского замка

Строительство Михайловского замка стало главным событием царствования Павла в истории Петербурга. Авторами проекта были В. Баженов и В. Бренна, но важной оказалась роль и самого Павла I. Его архитектурные пристрастия были замешены на романтических представлениях о рыцарских замках, на желании создать нечто не похожее на «развратные» дворцы его матери. Ведь не случайно все императорские дворцы были переименованы в «замки» (Зимний дворец стал «Зимним замком»), а роскошный Таврический дворец – подарок Екатерины II Г. А. Потемкину – передали Конному полку под казармы, фактически разграбили и устроили там не только казарму, но и конюшню, а также солдатские сортиры. В роскошном Екатерининском зале, как писал современник, предписали насыпать «песку вышиною более вершка... равно как и в других комнатах, где были ставлены лошади, оказалось много навоза и нечистоты. Во многих комнатах, в поделанных нужных местах – великая нечистота».

Заглянем в источник

По общему мнению современников, мгновенные перемены в начале царствования Павла шокировали людей. Все их права, привилегии, казавшиеся «вечными» законы Екатерины Великой вдруг оказались пустым звуком, листами бумаги. человеческое достоинство, дворянская честь попирались самым грубым образом. Вот отрывок из воспоминаний А. М. Тургенева о «борьбе» Павла с запрещенными видами одежды:

«Я... 8-го числа ноября 1796 года пошел по Невской набережной к Зимнему дворцу. Войдя у летнего сада на перекинутый крутою дугою мост через канаву, протекающую из Невы в Мойку, увидел я... близ Мраморного дворца толпу полицейских, служителей и будочников, которые действовали нагло, оскорбительно, причиняя испуг, убыток и вместе с тем доставляли забавное зрелище. Полицейские и будочники срывали с проходящих круглые шляпы, рвали их в куски и кидали на улицу, у фраков, шинелей и сюртуков обрезывали отложные воротники и, изорвавши у проходящего шляпу, окорнавши фрак, сюртук, шинель, горделиво объявляли потерпевшим обиду и убыток особенное на то повеление... Дверь спасения была близка, я ринулся в сени, захлопнул за собою дверь и побежал по лестнице».

Дж. Кваренги. Михайловский замок.

Другая судьба ждала Михайловский замок. Он должен был стать главной резиденцией императора. Строительство, начатое 26 февраля 1797 года, стало «ударной стройкой» павловской эпохи, и сооружение надлежало закончить в 3 года. Для этого не жалели денег, людей, материалов. На строительстве днем и при свете факелов и костров ночью работали по 2–3 тыс. человек, а иногда и 6 тыс. человек одновременно. Готовые каменные плиты везли с разобранного загородного дворца Екатерины в Пелле, а также использовали материал со строившегося тогда же Исаакиевского собора. Уже 8 ноября 1800 года замок был освящен. Здание, возведенное с необыкновенной поспешностью, было неудобно для жизни. Его окружала каменная стена; перед замком расстился обширный плац с памятником Петру I, некогда созданным К. Б. Растрелли. Павел извлек его из сарая и украсил надписью, которая словно «спорила» с надписью на Медном всаднике: «Прадеду правнук. 1800 г.». Внутри дворец был оформлен со всей возможной тогда роскошью. Но в своей новой резиденции Павел I не прожил и месяца. Ни стены, ни рвы, ни сам замок не спасли своего создателя от заговорщиков 11 марта 1801 года. В тот же день двор вновь переехал в Зимний дворец. Позже многие видели пророчески-символический смысл в надписи, опоясывающей южный фасад дворца: «ДОМУ ТВОЕМУ ПОДОБАЕТЬ СВЯТЫНЯ ГОСПОДНЯ ВЪ ДОЛГОТУ ДНЕЙ». В надписи было столько букв, сколько лет прожил на свете Павел, родившийся в 1754 году, в летнем дворце Елизаветы Петровны, стоявшем как раз на том самом месте, где был построен Михайловский замок.

Заметки на полях

Важно заметить, что многочисленные и подчас доведенные до абсурда полицейские мероприятия Павла I возникли не на пустом месте, не были импортированы из королевства Фридриха II, которого Павел обожал. Полицейское начало, «регулярность» прочно сидели в идеологии самодержавия XVIII века, являлись ее непременным элементом, проявляясь, разумеется, с разной полнотой при всех правителях. То же самое можно сказать и о сыске, и о доносах. Если Павел I запрещал употреблять слова «курносый» или «Машка», то Екатерина II знаменита «гонениями» на названия реки Яик и станции Зимовейской, связанных с Пугачевым. Павел I запрещал танцевать вальс, носить круглые шляпы, а Екатерина II, пытаясь добиться тишины в церкви, издала указ о вешании на болтунов, несмотря на их чины и звания, цепей и ящика для

милостыни. И во многом другом Павел I был продолжателем своих предшественников. Он впервые стал награждать церковных иерархов светскими орденами, но это логично вытекало из всей церковной политики самодержавия, направленной на полное подчинение церкви. Да и в системе управления, и во внутренней политике Павла было много схожего с тем, что делалось до него. И Екатерина II, и Павел I в теории и практике управления исходили из опоры на доверенных, лично преданных людей. Если при Екатерине II огромную роль в управлении играл генерал-прокурор Сената Вяземский, то Павел I усилил роль своего генерал-прокурора А. А. Беклемишева. Как и Екатерина II, Павел I последовательно и жестко проводил личное, «министерское» начало в управлении. Он восстановил коллегии, но не для возрождения принципа коллегиальности, а для превращения их в разновидность министерств. От упраздненных екатерининских наместников власть переняли губернаторы, особые управители, наделенные, как Аракчеев или Архаров, гигантской властью в пределах, определенных поручением императора. В конечном счете ту систему единоличной власти, которую сумела сохранить Екатерина II, ее сын усилил так, что она стала походить на тиранию. В конце XVIII века оказалось, что не изжила себя и популярная в начале этого века концепция «отца Отечества» – заботливого и мудрого, сурового и справедливого патриархального Хозяина. Как Петр Великий, Павел I вникал в разные мелочи жизни, выравнивая их по нормам «регулярности» и полицейского порядка, а также собственного разумения. Социальная политика Павла I была не только негативной реакцией на сословную реформу Екатерины II, но и осуществлением старинных начал равенства всех государственных рабов перед одним господином. Император ощущал себя носителем высших ценностей государственной власти, думающим только о благе всего народа. Он смотрел на людей как на одинаково подвластных ему подданных, и их – при необходимости – можно было пороть, отправлять в Сибирь, лишать собственности, чинов, наград, невзирая на их звания, чины, происхождение и уж, конечно, «фундаментальные» сословные привилегии.

Орден Святой Анны

Орден был учрежден в Голитинии еще в 1735 году герцогом Карлом-Фридрихом в память своего брака с дочерью Петра Великого, Анной Петровной. Его сын, будущий Петр III, был гроссмейстером ордена Святой Анны и, приехав в Россию в 1742 году, стал награждать им русских подданных. Со смертью Петра III в 1762 году Павел I унаследовал звание гроссмейстера ордена Святой Анны. После же отказа России в 1773 году от голитинских владений, титулов и орденов Павел сохранил это звание за собой и даже тайно награждал этим иностранным орденом своих гатчинских приближенных. 5 февраля 1797 года, в день своей коронации, Павел I сделал этот орден российским. Он имел три степени, девиз «Любящим справедливость, благочестие и веру». Он занял сравнительно невысокое положение между русскими орденами и являлся фактически знаком выслуги лет у чиновников и военных. К 1831 году им наградили уже 171 тыс. человек. Крест ордена был золотой, с красной эмалью.

Заглянем в источник

В день своей коронации 5 апреля 1797 года Павел утвердил Устав о престолонаследии, установивший жесткий порядок в наследовании престола преимущественно по мужской нисходящей линии, а не по произвольному желанию самодержца, как это было раньше, после издания петровского Устава о престолонаследии в 1722 году. В павловском Акте сказано:

«Общим нашим добровольным и взаимным согласием и с спокойным духом постановили сей Акт наш общий, которым по любви к Отечеству избираем наследником по праву естественному, по смерти моей, Павла, сына нашего большего Александра, а по нем все его мужское поколение. По пресечении сего

мужеска поколения, наследство переходит в род второго моего сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшего моего сына и так далее, если бы более у меня сыновей было, что и есть первородство. По пресечении последнего мужескаго поколения сыновей моих наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем престолу, дабы избежать затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитается мужское лице женскому».

Таким образом, Акт не исключал женщин из наследственного ряда, но устанавливал ограничения для них:

«Если наследовать будет женское лице, и такова особа будет замужем или выйдет, тогда мужа не почитать государем, а отдавать однако ж почести наравне с супругами государей и пользоваться преимуществами таковых, кроме титула».

Иначе говоря, Акт вводил институт супруга-консорта, действовавшего в Англии. Акт 1797 года действовал в России весь XIX и начало XX века. Павел также издал «Положение об императорской фамилии», установившее старшинство в разросшейся императорской семье. Оно предусматривало, что члены императорской фамилии будут обеспечены за счет доходов с так называемого ведомства «уделов» – выделенных из дворцовых земель.

Итало-швейцарский поход Суворова

С приходом Павла I к власти политика России изменилась кардинальным образом. В 1796 году он прервал начатую задолго до этого подготовку русских войск к открытию военных действий против революционной Франции. Австрийцы, которые просили об этой помощи, были вынуждены пойти на перемирие с Бонапартом, захватившим тогда власть. Однако вскоре Павел I понял, что у него нет выбора – действовать только из принципа «вопреки» начинаниям матери он не может. «Французская зараза быстро расходилась по всей Европе, угрожая власти и самого Павла I. Начало складывания антифранцузской коалиции (Россия, Англия, Австрия, Неаполь, Турция) относится к тому времени, когда Наполеон захватил остров Мальту – важный стратегический пункт на Средиземном море. Тогда Павел I объявил себя покровителем мальтийских рыцарей, согласился принять на себя обязанности магистра Мальтийского ордена. Это было незаконно, не получило одобрения римского папы, но зато так отвечало юношеским идеалам Павла I о «рыцарственном» поведении. В 1798–1799 годах объединенная русско-турецкая эскадра (невероятный поворот после столетия противостояния двух заклятых врагов) под командованием Ф. Ф. Ушакова завоевала Ионические острова, и царский адмирал образовал там Республику Семи Соединенных Островов, получившую очень демократическую конституцию. Однако в другой части Средиземного моря дела союзников пошли плохо. Французы, традиционно слабые на море, развили успех в Италии, фактически оккупировав многие ее земли. Обеспокоенная этим успехом Австрия просила Россию немедленно вмешаться. Павел I был вынужден вызвать из ссылки отправленного туда им же самим А. В. Суворова – самого выдающегося в то время полководца – и направить его в Италию. Суворов возглавил русско-австрийские войска и буквально за 2 недели освободил от французов Ломбардию, а потом и всю Северную Италию. По замыслу Суворова, нужно было развивать наступление и двигаться на Париж. Однако эти намерения не понравились в Вене – роль России в подавлении французской революции становилась доминирующей. Они вопреки договоренности оставили без поддержки находившийся в Швейцарии корпус А. М. Римского-Корсакова. Чтобы оказать ему помощь, Суворов совершил необыкновенно трудный и опасный переход через Альпы из Италии в Швейцарию, но опоздал – французы разбили корпус Римского-Корсакова. Суворову пришлось возвращаться ни с чем. В 1800 году его отозвали в Россию.

К этому времени Павел I был страшно раздражен поведением Вены и Лондона.

Австрия ставила палки в колеса всем имперским начинаниям России в Италии, а Англия начала бороться с русским влиянием на Средиземном море, захватив Мальту. После этого император порвал союз с Англией, запретил ввоз и вывоз английских товаров. Причиной обиды Павла на Англию стал отказ англичан передать России остров Мальту, освобожденный от французов. Дело в том, что в борьбе против Франции на Средиземном море Павел I опирался на союз с рыцарями Мальтийского ордена, утесненного французами. Павел I, со свойственным ему жаром и интересом к игре в рыцари, так увлекся судьбой Мальты и ордена, что после бегства гроссмейстера Мальтийского ордена в 1798 году неожиданно для всех принял титул его главы, хотя ни Римский папа, ни европейские державы не поддержали его претензий. Некоторые историки считают, что Павел I был в плену фантастической идеи удушения французской революции путем объединения дворян всей Европы в Мальтийском ордене под его водительством.

Павел I начал сблизиться с упрочившим свою власть во Франции Наполеоном и в стремлении помочь новому другу в 1801 году внезапно предписал русской армии (40 казачьих полков) выступить в поход на завоевание Британской Индии. Войска не имели ни точных карт маршрута, ни фуража, ни зимней одежды. Это произошло за 2 месяца до убийства Павла, так что первым распоряжением нового императора Александра I в первую же ночь царствования был указ об отмене этого безумного предприятия.

Гибель Павла I в Михайловском замке

Покушение на Павла I готовилось давно. Многие его подданные из дворянства увидели в продолжении господства Павла угрозу их сословным интересам и даже жизни. Во множестве он арестовывал, ссылал, изгонял из армии, лишал чинов и дворянства. При этом он руководствовался подозрениями, капризом. Армия была недовольна резким изменением военных законов, ужесточением дисциплины, непрерывной муштрой и вахтпарадами. Среди заговорщиков были высокопоставленные придворные, чиновники и военные. Решительные действия их начались тогда, когда стало известно, что Павел I намерен устранить от престолонаследия Александра Павловича. А именно на него, как человека доброго, гуманного, любимого внука Екатерины II, ориентировались заговорщики. При этом остается неясным, знал ли Александр о заговоре.

Несмотря на благие цели наведения порядка, установления справедливости, пресечения воровства и т. д., правление Павла I – его стиль, грубые приемы, внезапные непредсказуемые решения и повороты в политике – казалось необыкновенно деспотичным и жестоким. Н. М. Карамзин, современник событий, хорошо передал ощущения того времени:

Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества, к неизъяснимому удивлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг, отнял стыд у казни, у награды – прелесть, унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери... Героев, приученных к победам, учил маршировать... имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчью зла: ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец и соорудил гробницу.

Убийство императора Павла I.

Легенды и слухи

Как погиб Павел I?

История убийства императора окружена множеством слухов. Самым распространенным из них является утверждение о том, что испуганный император спрятался за каминный экран, откуда его вытащили заговорщики. Скорее всего, это ложь. Заговорщики мгновенно ворвались в спальню императора, и Павел вскочил с постели им навстречу. Известно, что между ним и убийцами завязалась ожесточенная ссора, Павел I угрожал им карами. Вряд ли трусливо прятавшийся император мог вести себя столь решительно перед возбужденными, пьяными и вооруженными заговорщиками. Именно раздраженный угрозами императора один из участников переворота, Николай Зубов, ударил табакеркой Павла в висок. Император упал, остальные заговорщики набросились на него и после долгой борьбы задушили офицерским шарфом, принадлежавшим одному из убийц. Некоторые из современников считали, что как только императрица Мария Федоровна, спавшая в своей опочивальне в другом крыле замка, узнала о гибели мужа, она якобы пыталась захватить власть наподобие Екатерины II, но заговорщики ее заперли в покоях дворца до тех пор, пока она не признала императором сына Александра.

Общество пребывало в страхе и растерянности. Павел I утратил чувство реальности, бросался из одной крайности

в другую, стал маниакально подозрителен, удалил от себя истинно преданных ему людей, но всем этим только способствовал возникновению заговора в среде гвардейского офицерства и придворных кругов. Этот заговор привел к кровавой развязке – убийству императора в ночь на 11 марта 1801 года. Благодаря измене одного из офицеров охраны, отряд заговорщиков проник в строго охраняемый Михайловский замок, поднялся к спальне императора. Заговорщики обманом проникли туда и убили императора. Несмотря на трагичность происшедшего, общество вздохнуло с облегчением. Получилось так, как в юности писал Павел, осуждая самовластие: «Деспотизм, поглощая все, истребляет, наконец,

и деспота самого».

Часть IV **Александровская эпоха.** **1801–1825**

Вступление на трон Александра I

Редко смерть человека вызывала в русском обществе такой неприличный для христиан подъем радости и воодушевления. А именно так и было 12 марта 1801 года, на следующий день после убийства Павла I. Словом, наступил «праздник похорон» – все так исстрадались от страха при Павле I, все так жаждали перемен, что вздохнули с облегчением, когда на престол вступил Александр I, а нелюбимый государь скончался, как писали в манифесте, «от апоплексического удара». Особенно радовались убийцы Павла I.

Ученые не пришли к определенному выводу об участии Александра в заговоре. Ясно, что он знал о его существовании, очевидно, что цесаревич одобрял намерения заговорщиков свергнуть отца и провозгласить его императором.

Заглянем в источник

Один из близких Александру I людей, князь Адам Чарторыский, вспоминал о первых часах нового царствования:

«Тотчас после совершения своего дела (убийства императора Павла I. – Е. А.) заговорщики проявили свою радость в оскорбительной, бесстыдной форме, без всякой меры и приличия. Это было безумие, общее опьянение, не только моральное, но и физическое, так как погребя во дворце были разбиты, вино лилось ручьями за здоровье нового императора и героев переворота. Впервые за эти дни пошла мода на причисление себя к участникам заговора, каждый хотел быть отмеченным, каждый выставлял себя, рассказывая о своих подвигах, каждый доказывал, что был в той или другой шайке, шел одним из первых, присутствовал при фатальной катастрофе... Среди бесстыдства этого непристойного веселья император и императорская семья не показывались, запершись во дворце в слезах и ужасе».

Напомним, что отец Павла I и дед Александра I император Петр III скончался в 1762 году «от геморроидальных коллик». У некоторых эти столь «нечаянные» смерти вызвали скверные предчувствия. Некая француженка, видевшая Александра I на коронации в Успенском соборе Кремля, окруженного екатерининскими вельможами, сановниками Павла I и своими молодыми друзьями, писала:

«Он шел по собору, предшествуемый убийцами своего деда, окруженный убийцами своего отца и сопровождаемый, по всей видимости, своими собственными убийцами».

Александр I.

Но Александр явно не хотел смерти Павла I, точнее, старался не думать о дальнейшей судьбе свергнутого императора, хотя у Александра было только два варианта: объявить отца умалишенным и заключить его в крепость или монастырь либо убить его. Все это понимали – это была не игра, а жизнь... Недаром говорят, что после совершения убийства главарь заговорщиков Петр Пален вошел в спальню Александра, который или спал, или притворился, что спит. Узнав о смерти отца, Александр разрыдался. Пален якобы грубо сказал ему: «Хватит ребячества! Благополучие миллионов людей зависит от вашей твердости! Идите и покажитесь солдатам!» Александр вытер слезы, вышел и сказал: «Мой батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при моем царствовании будет делаться по принципам и по сердцу моей любимой бабушки, императрицы Екатерины!»

Но толпе в конечном счете важен был только результат, а он был налицо: на престоле воцарился, как многим казалось, «ангел кротости и мира». Подданные сразу же начали обожать нового императора, который был во всем прямой противоположностью мрачному, некрасивому, негуманному отцу. Александр был высок, статен, кудряв и светловолос, с тонкими чертами лица. Он улыбался всем своей чарующей улыбкой с ямочкой на подбородке – точь-в-точь как у его бабушки, Екатерины II. Манеры его были изящны, он держался необыкновенно просто, был со всеми любезен.

Он как бы осуществил призыв Держа вина, написавшего стихи на его рождение:

Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!

Совершенно неясно, как складывались отношения Александра с матерью, императрицей Марией Федоровной. Николай I, которому в этот момент было пять лет, вспоминал, что уже в Зимнем дворце, куда срочно переехала царская семья, он видел (через полуоткрытую дверь), как Александр, заливаясь слезами, валялся в ногах Марии Федоровны. Возможно, тогда он убедил ее, что невиновен и ничего не знал о готовящемся перевороте и

убийстве отца.

А. Г. Рокиткуль. Портрет императрицы Марии Федоровны.

Действующие лица

Императрица Мария Федоровна

София Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская, стала невестой Павла Петровича по воле его матери императрицы Екатерины II. Девушка родилась в 1759 году в Штеттине, в семье принца Фридриха Евгения. Позже семья переехала в свое родовое владение Монбельяр, теперь это территория Франции, да и раньше там был французский дух... Отец не был черствым солдафоном, он переписывался с Ж.-Ж. Руссо, создал в семье удивительную атмосферу взаимной любви и доверия. Идеи Руссо о воспитании детей природой и любовью стали главными в семье. Родители не бросали детей на попечение гувернанток и отставных офицеров, а воспитывали их сами. Уже в детстве София отличалась педантичностью, любовью к порядку.

Решение о свадьбе было принято сразу после встречи. Павел уехал домой, теперь в Россию собиралась невеста. Брак царственных особ – дело важное, государственное. Екатерина II поставила родителям Софии ряд условий, и самое тяжкое из них – никогда не приезжать в Россию. В Петербурге невеста наследника всем понравилась. Екатерина II писала, что «все от нее в восторге...». В сентябре 1776 года София перешла в православие, стала Марией Федоровной. Потом состоялась свадьба, и началась безоблачная семейная жизнь. Узнав о беременности невестки, Екатерина II подарила супругам 362 десятины земли недалеко от Царского Села. Это и было началом Павловска.

Но чем дольше жила юная Мария в России, чем больше она узнавала окружавший ее мир, тем сложнее становилось ее положение. С удивлением она узнала, что императрица – эта 50-летняя старуха! – имеет молодых любовников, что двор ее – суций вертеп. Затем она узнала, что между Павлом и матерью нет любви и согласия. Трепетной Марии с ее чистотой, принесшей в Россию воспоминания о своей добропорядочной семье, где все так любят друг друга и заботятся друг о друге, все это казалось невозможным, ужасным...

Тут важно отметить, что Мария была доброй, милой, но... не особенно умной женщиной. Точнее, она не обладала умом Екатерины II. За деревьями Мария не увидела леса – для нее Екатерина была не великим реформатором и гениальным политиком, а лишь порочной старой особой. К тому же Мария не могла простить свекрови, что та отобрала у нее и первенца Александра и второго сына Константина и стала их воспитывать по-своему, вдали от родителей.

Конечно, она прилежно изучала русский язык, потому что вообще все делала старательно, но у нее не было той любви к России, которую несла в своей душе Екатерина II. Марию не сжигало страстное честолюбие свекрови, с юных лет мечтавшей о великой карьере в России. Ее мир был бесконечно далек от мира свекрови. Она была готова променять всю роскошь Петербурга на уют своего гнезда, только бы рядом находился ее возлюбленный муж. С нескрываемым удовольствием они каждую весну покидали Зимний дворец и скрывались в своей прелестной Гатчине среди озер, а потом уже и в Павловске. Там она гуляла с детьми по любимому парку, заходила в придуманные ею же павильоны, фермы и излюбленные уголки.

За 20 лет она родила 4 сыновей и 6 дочерей. При этом Мария оставалась замечательной хозяйкой дома, в котором Павел находил свое спасение и утешение. Она воспитывала детей, занималась разнообразной работой по дому, рисовала. Отношения ее с Павлом долгие годы были почти идеальными, к тому же их объединяло противостояние Екатерине. Однако с годами мир стал утекать из прежде дружной семьи наследника. Никаких ссор у них не случилось – кротость Марии была безмерна. Но Павел менялся, и то дурное, что не было заметно в молодости, резко обнаружилось в его зрелые годы. Марии с трудом удавалось смягчить его нетерпимость, взбалмошность, подозрительность. Потом она перестала быть ему остро нужна, как в первые годы брака... Появилась другая женщина.

Фрейлина Екатерина Нелидова была некрасива, но умна и остроумна. Мария со своей скучной положительностью и тяжеловесностью в этом ей проигрывала. Она опасалась, как бы Нелидова не стала фавориткой мужа – «второй мадам де Ментенон». Но со временем отношения женщин наладились. Нелидова покинула двор, и обе, каждая по-своему, а иногда вместе, пытались спасти Павла. Он же упрямо шел к своему концу и уже не хотел слушать ни Марию, ни Нелидову.

К этому времени Мария Федоровна уже стала императрицей, что не принесло счастья и покоя в ее дом. В тревожной, нервной обстановке двора, которую создавал Павел I, она нашла спасение в заботах об этикете, за которыми, как за ширмой, скрывала свои тревоги и несчастья. Некоторые историки считают, что в ночь убийства Павла I, 11 марта 1801 года Мария Федоровна пыталась перехватить власть, подобно Екатерине II в 1762 году. В это верится с трудом – ее жизнь до этого совсем не походила на жизнь великой императрицы. Мария была далека от стяжания власти и удовлетворения похоти честолюбия.

А потом настало долгое вдовство. После гибели Павла она прожила еще почти четверть века. Мы не знаем, как Мария Федоровна смирилась с убийством Павла I, к которому был причастен ее старший сын Александр, но дети почитали ее, и не раз слово вдовствующей императрицы сказывалось на русской политике. Впрочем, большую часть своей вдовьей жизни она посвятила благотворительности, создав попечительское ведомство, ставшее символом милосердия и любви к ближнему – «ведомство императрицы Марии Федоровны»...

При этом Мария Федоровна не превратилась в благостную старушку. Сильная, свежая, красивая для своего возраста, она никогда не болела и не знала, что такое усталость, слезы и уныние. Педантично и усердно она творила добрые общественные дела, как раньше, вела дом и занималась семьей Павла... Смерть пришла к ней неожиданно – 24 октября 1828 года. Неизвестная болезнь была скоротечной, и почти до конца Мария не верила, что ей, всегда бодрой и здоровой, предстоит последнее испытание. Когда ее сын и император Николай I увидел, что мать умирает, он попросил ее причаститься. «Как, – спросила она, – разве я в

опасном положении? Я сделаю это завтра!» – «Зачем откладывать», – осторожно сказал сын. И она подчинилась ему, как всегда подчинялась своей судьбе...

«Молодые друзья» и проекты реформ

С первых же дней царствования Александр I испытывал страх и неуверенность. Он с детских лет научился скрывать свои чувства, улыбался и кланялся всем, но на душе его было смятение и ужас. Результат переворота – убийство отца – ошеломил Александра.

По смерти Павла Александр I, – вспоминал князь Чарторыйский, – предался отчаянию... мысль, что он был причиной смерти отца, была для него ужасна, он чувствовал, словно меч вонзился в его совесть, и черное пятно, казавшееся ему несмываемым, навсегда связалось с его именем. Целыми часами оставался он один, молча, с угрюмым, неподвижным взглядом. Это повторялось ежедневно, он никого не хотел тогда видеть подле себя.

Словом, он начал свое царствование как отцеубийца, отцовская кровь пропитала края его белоснежной императорской мантии, вокруг трона стояли алчно ожидавшие награды убийцы отца, вероятно, это было ужасно!

Царь – человек тонкий – страдал, ему не с кем было даже поговорить по душам. К этому времени брак Александра с Елизаветой Алексеевной стал формальным. В 16 лет Александр по воле своей бабушки Екатерины II женился на 14-летней Луизе Марии Августе, маркграфине Баденской, ставшей в православии Елизаветой Алексеевной. Это была обаятельная, умная женщина с возвышенной душой и добрым сердцем. Супруги были прекрасны, как юные боги, но брак этот не был счастливым. Сначала супруги – любимая в обществе очаровательная юная пара – жили дружно, но после воцарения мужа Елизавета Алексеевна утратила на него всякое влияние. Дети их – Мария и Елизавета – умерли в младенчестве. Долгие годы Александр I почти открыто жил со своей любовницей М. А. Нарышкиной в ее дворце на Фонтанке. Императрица Елизавета Алексеевна была предоставлена сама себе. И хотя Елизавета всегда держала сторону мужа, она не была ему соратником и другом. А именно в этом Александр I так нуждался – новый император подсознательно хотел искупить тяжкий грех отцеубийства грандиозными переменами. Кроме того, Александр понимал, что система власти, созданная отцом, отвратительна, ее нужно срочно менять, да и все в обществе ждали перемен.

Легенды и слухи

Сохранились ли дневники Марии Федоровны?

Тайной окружена история пропавших дневников Марии Федоровны. Известно, что дисциплинированная и аккуратная императрица всю свою жизнь, день за днем, вела подробные дневники, составившие несколько десятков толстых тетрадей. Согласно одной из версий, после ее смерти дневники разбирал ее сын Николай I и потом сжег в камине, чтобы к потомкам не попали сведения из личной жизни царской семьи. По другой версии, все эти бесценные исторические источники, которые могли бы приоткрыть тайны русской истории за полвека, погребены вместе с телом императрицы Марии Федоровны в Петропавловском соборе в Петербурге.

И уже в первые дни своего царствования Александр I написал и послал несколько коротких писем, в которых был один и тот же рефрен: «Мне нет надобности говорить Вам, с каким нетерпением я Вас ожидаю. Надеюсь, что Небо сохранит Вас во время Вашего путешествия и приведет Вас сюда в совершенном здравии». Это письмо было направлено князю Адаму Чарторыскому, посланнику в Неаполе. Такие же приглашения явиться получили еще трое: Павел Строганов, Николай Новосильцов и Виктор Кочубей.

Все они были друзьями Александра, который, будучи еще наследником престола, приблизил их к себе. Тогда это были молодые люди, проникнутые идеями Просвещения, они молились на Вольтера, Руссо, хотели либеральных перемен, издания «фундаментальных» законов, призванных навсегда покончить с тиранией, самовластием, страшные гримасы которого они видели повсюду в городе и при дворе императора Павла I. Примечательно, что самые радикальные, революционные взгляды высказывал глава этого кружка, сам наследник престола, говоривший как настоящий карбонарий. В этом были видны следы идей его воспитателя-республиканца швейцарца Фридриха Цезаря Лагарпа, приставленного некогда к нему Екатериной II.

Александр, – продолжает Чарторыский, – говорил, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, должна принадлежать всем людям, что он чрезвычайно интересовался Французской революцией, что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему.

Благотворные мысли преобразования русского мира на идеях Французской революции увлекли молодых людей, и они засели за писание проектов, обсуждали их с Александром... Но потом Павел I разогнал это милое общество, разослал юных карбонариев по поместьям и посольствам. Александр остался один, и вот теперь, став государем, он немедленно объявил своим друзьям общий сбор... Император был тогда полон сил, желаний, иллюзий. «Ко мне, ко мне, друзья мои!»

Загородный Каменноостровский дворец в Петербурге стал подлинным штабом русского реформаторства начала XIX века. Двадцать четвертого июня 1801 года, отобедав у императора, трое его друзей – Строганов, Чарторыский и Новосильцев – были тайно проведены в туалетную комнату Александра, где он их уже поджидал. Началось первое заседание нового, неофициального органа – Негласного комитета, «молодых друзей» Александра I. Так их называли в литературе, хотя они были уже не так молоды для своего века: Новосильцеву исполнилось 39 лет, Кочубею и Чарторыскому – по 33, Строганову – 27 и только Александру было 24 года!

Новосильцев огласил программу работы, которую предстояло выполнить в три этапа: обсудить положение в стране, разработать реформу государства (ведь вся сила России – в ее государственных структурах), а затем завершить преобразования «конституцией, устроенной согласно истинному духу нации». И тут опять, как много лет назад, император поразил друзей, сказав, что первые два этапа слишком затянутся, что нужно браться сразу за главное, нужно объявить «Грамоту российскому народу», в которой бы провозглашались неотъемлемые права народа, то есть конституцию! Голова закружилась у «молодых друзей» Александра. Они сами, хотя и полные благих идей, происходили из высшей аристократии и интуитивно боялись резких поворотов в движении телеги русской государственности...

Но восторг освобождения от ига Павла I тогда еще не прошел. Люди ждали перемен – вещь, впрочем, обычная для начала каждого нового правления. Быть прогрессивным, республиканцем стало модно, как и носить прическу с небрежным начесом на лоб *a la Titus*. Некоторые сановники уже таскали в кармане камергерского кафтана французскую «Декларацию прав человека и гражданина» – никто не хотел прослыть ретроградом и крепостником. Многие сановники тоже возжелали стать «молодыми реформаторами», а еще больше – «молодыми друзьями» императора, все засели за проекты реформ в самом либеральном духе. Среди них были люди совсем немолодые и даже вовсе не друзья Александра I. Убийца Павла I Платон Зубов, владелец десятков тысяч крепостных душ, стал будто пилить сук, на котором сидел с юных лет: сел сочинять проект... об освобождении крестьян. Строго говоря, коренным вопросом того момента был статус Сената. Вспомним начало царствования Екатерины II и проект Никиты Панина 1763 года о реформе Сената! Сейчас обсуждалась идея придания Сенату статуса парламента. Это в корне изменило бы всю обстановку, Сенат ставился выше самодержца! Александр I такие намерения всецело поддерживал.

Действующие лица

Адам Чарторыйский

Для истории жизни этого человека больше всего подходит выражение «свой среди чужих, чужой среди своих».

«Я, – писал он потом, – не имел никакого желания участвовать в русских делах. Я очутился совершенно необыкновенным и случайным образом в положении экзотического растения на чужой почве с чувствами, которые не могли вполне гармонизировать с чувствами моих случайных русских товарищей...»

Дальше Чарторыйский в своих мемуарах назвал две причины, по которым долго оставался в таком странном положении: «Только привязанность к императору и надежда принести пользу моему отечеству удерживали меня на русской службе».

Вообще же многие поляки, пережившие в конце XVIII века гибель своего государства, оказывались в таком же странном положении – родина родиной, а дальше жить нужно. После подавления польского восстания Чарторыйский по указу Екатерины был взят к русскому двору.

Он приехал в Петербург в 1795 году, проклиная свою судьбу, ненавидя Россию, все русское, считая себя пленником, заложником в русском лагере. Но при дворе польских аристократов встретили благожелательно. Юноши стали камер-юнкерами, а Адама назначили адъютантом к великому князю Александру Павловичу. И пленник, ненавидевший все русское, ... подружился со своим угнетателем. Оказалось, что внук совершенно не разделяет взгляды правительства, что его симпатии на стороне Польши, свободы, что он ненавидит деспотизм. Порой они целыми днями не расставались, делясь сокровенными мечтами, были так дружны, что это стало вызывать недовольство придворных, и князя Адама отправили в Италию. Но после вступления на трон Александр I тотчас вызвали его ко двору и ввел в состав Негласного комитета – кружка друзей юности Александра.

В развернувшихся в кругу «молодых друзей» спорах у князя Адама, с головой ушедшего в русскую политику, был свой интерес. Что бы с ним ни происходило, он всегда оставался поляком и страстно мечтал о возрождении своей родины. И когда император предложил ему возглавить недавно образованное министерство иностранных дел, то он согласился. План Чарторыйского был очевиден. Европа, объята войной, развязанной Наполеоном, бурлила, образовывались и распадалась союзы. В этой обстановке удачно сколоченный союз против Наполеона мог бы привести к восстановлению польской государственности, тем более что Александр I, казалось, был не против этой идеи. Но оказалось, что исполнить мечту Чарторыйского Александр или не захотел, или не смог: Аустерлиц, неудачная Прусская кампания, а потом «подневольная дружба» с Наполеоном – все это унизило Россию, а ведь судьбу Польши мог решать только победитель. И этот победитель и осуществил мечту князя Адама и ему подобных, создав под своей эгидой герцогство Варшавское. Потом, уже после поражения Наполеона, было образовано Царство Польское. На троне его сидел Александр I, давший Польше одну из демократических по тем временам конституций, и роль князя Адама в этом деле была велика. Но все же казалось, что время Чарторыйского прошло – многие поляки не понимали положения и чувств князя Адама и смотрели на него косо. Л. Сапега вспоминал, что Чарторыйский и генерал Пац пять раз дрались на дуэли, пока Чарторыйский не был тяжело ранен. Во время лечения его часто посещал император Александр I. Все понимали, что столь ожесточенная дуэль (формально из-за женщины) имела отчетливый политический подтекст. Противник князя Адама был наполеоновским генералом, участником борьбы за освобождение Польши, а Чарторыйский ездил в обозе русской армии.

Впрочем, не все поляки были такие отчаянные, как генерал Пац, и со временем увидели, что у князя Адама есть и своя правда. Будучи членом Госсовета, сенатором-воеводой, членом Административного совета и попечителем Виленского учебного округа, он многое сумел сделать для Польши. Но

когда в 1830 году началось Варшавское восстание, он встал во главе Национального правительства и все время пытался уговорить цесаревича Константина, управлявшего Польшей, пойти на уступки полякам. Зная нрав царя Николая I, он был против удаления его с польского престола, но у революции и войны своя логика, обычно ведущая к ожесточению и крови. Повстанцы потерпели поражение, и началась «Великая эмиграция». Чарторьский бежал в Париж, где прожил еще 30 лет. Он умер в 1861 году, накануне нового и столь же неудачного польского восстания...

Люди из окружения Александра I испугались перспективы изменения строя, задуманного «молодыми друзьями». Дело было нешуточное: создавали-создавали государство, со времен Ивана Калиты копили-копили власть – и нате вам, все отдать Сенату, в котором будут сидеть Зубов да Державин! Против затеи сына была матушка, императрица Мария Федоровна, против было все окружение царя, а самое главное – не одобрил начинание бывший воспитатель Александра, Лагарп, о котором император говорил, что он ему «обязан всем, кроме рождения». Лагарп из-за границы написал воспитаннику, что если проект реформы Сената будет принят, то от монарха останется только имя. Швейцарец хорошо знал русское общество, у него не было иллюзий по поводу намерений сенаторов и русской знати:

Не дайте себя сбить с пути из-за отвращения, которое внушает Вам неограниченная власть. Имейте мужество сохранить ее всецело и нераздельно до того момента, когда под Вашим руководством будут завершены необходимые работы, и Вы сможете оставить за собой ровно столько власти, сколько необходимо для энергичного правительства, любые ограничения императорской власти – дело далекого будущего....

Александр I задумался, и когда 15 сентября 1801 года в Москве состоялась торжественная коронация молодого императора, народ бесплатно кормили и поили, оглашали манифест и указы. Народу простили 25 копеек ежегодной подушной подати... и все: никакой «Грамоты Российскому народу», никакой реформы Сената!

Заметки на полях

Что же произошло? Почему Александр, так глубоко и искренне веривший в идеи Просвещения и прогресса, так и не решился «прыгнуть в воду», дать России конституцию? Есть несколько важных причин для этого. Во-первых, он никогда не был решительным, волевым человеком. Сомнения, колебания делали жизнь его мучительной, хотя он умело скрывал их. И поэтому намерения государя относительно издания «Грамоты» никогда не были окончательными. Во-вторых, он прекрасно видел, что к четверке его «молодых друзей» – реформаторов уже пристроился легион приспособленцев во главе с убийцами его отца, желающих конституции не для России, а для себя, мечтающих о том, как продлить свою власть, да еще и подчинить себе (на вполне законных основаниях) императора.

Поэтому совет Лагарпа повременить с конституцией и понравился Александру I: куда, собственно, спешить с ограничением собственной власти, когда вокруг столько нерешенных задач, когда можно и нужно употребить эту безграничную власть во имя тех же благих целей ее ограничения в будущем. С этим согласились «молодые друзья» из Негласного комитета. Они предлагали взяться за крестьянское дело, за реформу несовершенного государственного аппарата. Известно, что если хочешь затянуть реформы – займись аграрным вопросом и реорганизацией контор... Прислушался император и к советам только что появившегося в его окружении молодого М. М. Сперанского. Тот вопрошал:

«Как можно установить конституцию в стране, где половина – рабы, где рабство неразрывно связано со всеми частями политического и военного устройства? Как можно отменить рабство и построить гражданское общество без общественного мнения? Как же возбудить общественное мнение без свободы печати? А как позволить свободу печати в обществе рабов и без просвещения?»

Значит, нужны не конституция, свободы, а обыкновенное просвещение – школы, университеты, книги, и лишь потом можно приступить к реорганизации

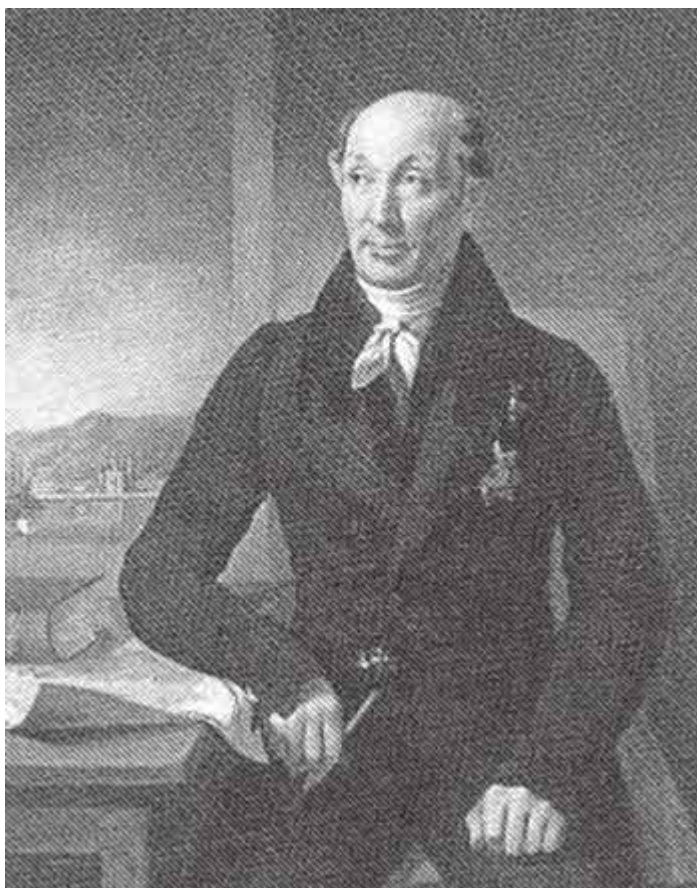
государства. Словом, черновой, подготовительной работы на пути России к свободе – непочатый край... Нужны не мечтатели, а чиновники, которые пишут законы, создают общественное мнение, чтобы «приспособить дух народный» к восприятию нового, конституционного строя. Против этого трудно возразить даже сейчас, другое дело – возможно ли просвещение без свободы?

А тут еще сложнейшая международная обстановка, как часто у нас бывает, мешала решительно идти к осуществлению мечты реформаторов. «Солнце Аустерлица» было губительно не только для русской армии, но и для либеральных идей Александра I, все его силы стали уходить на борьбу (или фальшивую дружбу) с «узурпатором Буонапарте» – Наполеоном.

Не будем забывать и о том, что беспредельная власть и страшная ответственность ее носителя развращают даже земных ангелов. И вот государь уже кричит на министра юстиции Державина: «Ты все еще хочешь учить меня? Самодержец я или нет? Так вот, что захочу, то и буду делать!» Постепенно все возвращалось на круги своя... А потом в небе России повисла знаменитая комета 1812 года... Пришло время великих испытаний...

Государственные преобразования. М. М. Сперанский

Бурная деятельность Александра I и молодых реформаторов продолжалась еще несколько лет. Споры нет, эти годы принесли России множество гуманных указов, по крайней мере, написанных пером, а не кнутом. И если с решением аграрной проблемы, как всегда, ничего не получилось, то удалось провести масштабную реформу государственного аппарата. Тут все разом получилось – был образован новый Государственный совет и созданы министерства. Как легко догадаться, «молодые реформаторы» заняли не последние места – стали министрами, крупными чиновниками... У истоков государственной реформы стоял толковый человек, и благодаря ему преобразования в области управления все-таки продолжались до 1812 года. Его звали Михаил Михайлович Сперанский. Попович по происхождению, он рано проявил свои государственные способности, был замечен как незаурядный чиновник, и его приблизил к себе царь. Благодаря своему уму, образованности и знанию государственного устройства Сперанский стал главным советником царя по реформам. В конечном счете он предполагал постепенно превратить самодержавную Россию в конституционную монархию с Государственным советом и Думой. Четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти сочеталось в его планах с предоставлением дворянам и купцам избирательных прав. С 1810 года Сперанский реализовал план создания Государственного совета и системы министерств. Однако Александр не решился идти дальше на кардинальные реформы, которые могли бы сократить власть самодержца. Он заподозрил Сперанского в интригах против него и в 1812 году сослал его в Нижний Новгород. Позже (в 1818–1821 годы) Сперанский стал генерал-губернатором Сибири, но в Петербург смог вернуться лишь при Николае I.

М. М. Сперанский.

Заглянем в источник

Модест Корф передал, со слов Сперанского, тот роковой для последнего разговор с царем. В целом нет оснований ему не верить – многое из поведения и манер императора известно и по другим источникам:

«...Александр вдруг переменял и вид, и осанку, и начал самым суровым голосом, с переменю всегдашнего “ты” на холодное “Вы”: “Нам надо объясниться, Михайло Михайлович, я уже давно замечаю, что вы идете против меня, а теперь вполне в том убедился”. Остолбневший Сперанский хотел что-то вымолвить, но государь не допустил до того и вообще, продолжая речь с чрезвычайной живостью и свойственным ему многословием, не дал своему слушателю выговорить и после почти ни слова. В самых раздраженных выражениях, в тоне грозного судьи перед обличенным преступником, с такими подробностями, которые едва ли мог бы уловить и стенограф... Александр стал обвинять его главнейшее в том: 1) что, стоя у кормила правления, он при всех случаях худо о нем отзывался и даже в секретарской комнате не раз громко говорил о предстоящем будто бы падении империи; 2) что он стремился расстроить ее финансовыми своими мерами и посредством усиленных налогов возбудить ненависть против правительства; 3) что он жертвует благом государства из привязанности своей к французской системе; 4) что, не довольствуясь общим преобразованием всего государственного строя, в которое вовлекал государя своими софизмами, он замыслил уничтожить даже и последнее звено, соединявшее Россию Александровскую с Петровскою – через ломку Сената; 5) что, несмотря на вверенный уже ему обширный круг дел, он старался еще более его расширить и покушался проникнуть в дипломатические тайны, употребляя для того во зло влияние свое на некоторых чиновников министерства иностранных дел; 6) что он готов был, чтобы только не встречать никаких более препон своим замыслам и своему властолюбию, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться с прежними известными своими врагами

Армфельдом и Балашовым – Я знаю, – продолжал государь, – что вы предлагали им составить вместе с вами какой-то триумвират, через который проходили бы все государственные дела, а я, стало быть, представлял бы у вас уже только роль пешки!»

Александр I был очень сложным, противоречивым человеком. Он был склонен к позе, самолюбанию, многие считали его злопамятным, фальшивым и неискренним. В то же время он был добр и сентиментален. Порой император мог казаться «слабым и лукавым» (по словам Пушкина), но никому – ни либералам, ни консерваторам – не удавалось подчинить его себе, сломить его волю. Он почти всегда избегал явных конфликтов, но умел добиваться своего и, как многие его предшественники, был особенно подозрителен, мнителен, когда заходила речь о святой святых – самодержавной власти. Жертвой этой подозрительности и мнительности и пал Сперанский, когда со своими проектами незаметно приблизился к этой святой святых, к той знаменитой «игле Коцера Бессмертного», которая хранится в яйце, а яйцо – в утке, а утка... и т. д.

Начало Кавказской войны

При Александре I Российская империя сделала свои первые роковые шаги на Кавказе: к России была присоединена Грузия. В конце XVIII века Грузия не составляла единого государства. Восточная Грузия (Картли-Кахетинское царство) после неоднократных просьб царя Ираклия II к русскому монарху была включена в сферу интересов России согласно Георгиевскому трактату 1783 года. С кончиной Ираклия II в 1801 году его царство было ликвидировано, Восточная Грузия стала принадлежать России. В 1803–1810 годы Россия присоединила и Западную Грузию. «Под сенью дружеских штыков» грузины нашли спасение от своего врага – Персии; грузинская знать довольно быстро вошла в русскую элиту (вспомним генерала Багратиона), но с той поры русские чиновники и генералы диктовали Грузии законы империи. Кроме того, вхождение Грузии в состав Российской империи положило начало Кавказской войне, когда Россия пришла в столкновение с вольными горцами Северного Кавказа, через земли которых пролегал имперский путь к Тифлису.

«Надежда» и «Нева»

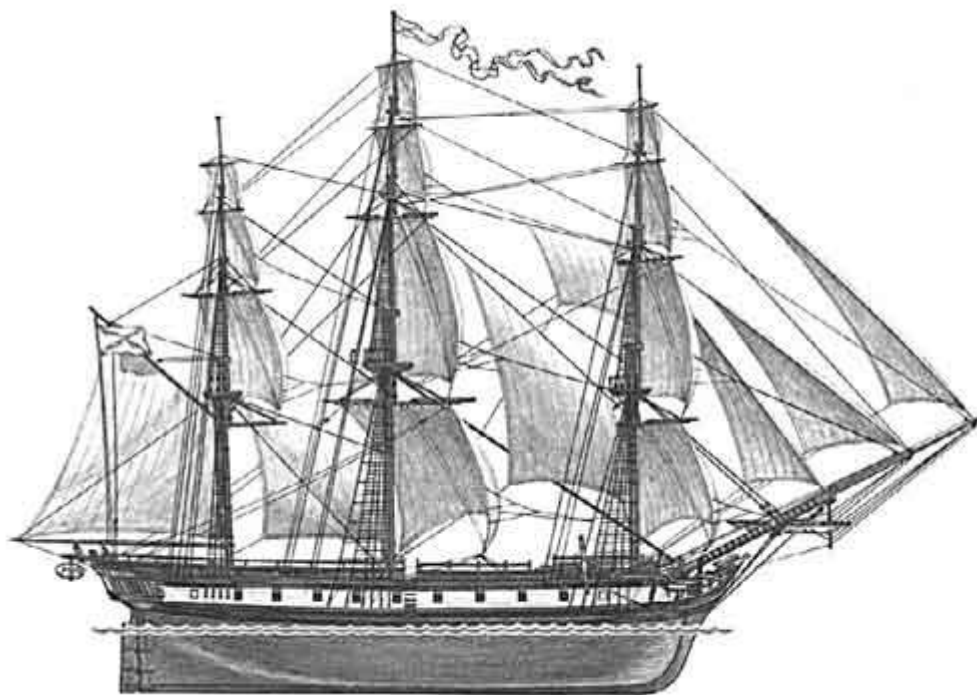
В 1803–1806 годы капитаны И. И. Крузенитерн (шлюп «Надежда») и Ю. Ф. Лисянский (шлюп «Нева») первыми в русском флоте совершили кругосветное плавание, побывали в Японии, в Новоархангельске – столице русских владений в Северной Америке, открыли немало новых островов, составили сотни карт мирового океана, собрали уникальные коллекции. Корабли шли вместе только часть пути. «Нева» вернулась в Кронштадт в июле, а «Надежда» в августе 1806 года. Экспедиция продолжалась около 3 лет, причем «Нева» впервые совершила безостановочное плавание от Кантона (Южный Китай) до Портсмута за 142 дня.

Это были трехмачтовые шлюпы, т. е. корабли с прямым парусным вооружением, с небольшими экипажами: на «Надежде» плавало 58, а на «Неве» – 47 человек. Оба судна были куплены в 1803 году в Англии, приведены весной в Петербург и уже летом вышли из Кронштадта в плавание. «Надежда» доставила в Японию русское посольство во главе с Н. П. Резановым (его предельно идеализированный облик представлен в спектакле Ленкома «Юнона и Авось»). На этом корабле служил волонтером граф Ф. И. Толстой-«американец», знаменитый скандалист, бретер и дуэлянт, прославившийся своими проказами. В наказание за дерзость и хулиганство Крузенитерн высадил Толстого на острове Ситху возле канадского берега, откуда тот, весь покрытый татуировками, с приключениями добрался до России. По возвращении в Кронштадт в 1808 году «Надежда» была зафрахтована американским купцом для перевозки товаров в Нью-Йорк, но в

декабре этого же года шлюп затерло во льдах возле Дании, и он погиб. «Нева» прожила дольше: в октябре 1808 года под командой капитана Л. А. Гагемейстера она совершила новое плавание в Америку, в Новоархангельск, а потом на Камчатку. «Нева» погибла зимой 1813 года у острова Круза в Тихом океане.

Две войны с Наполеоном

Как и отец, как и все Романовы, Александр I любил разводы, парады, фронт, великолепную выучку печатающих шаг по плацу полков, был строг и придирчив к малейшему нарушению уставов... Но при этом он не любил войны, его не тянуло, как Фридриха Великого или Наполеона, в гущу сражения, под огонь и пули... А между тем в начале XIX века война стояла у порога... Да она, собственно, никогда и не прекращалась с того момента, как во Франции началась революция. Никто не прислушался к предупреждениям Екатерины II, писавшей, что эта революция непременно выродится и на смену республиканцам придет новый Тамерлан. И когда он пришел, и имя ему было Буонапарте, многие не почувствовали этой угрозы новых тамерлановых завоеваний. Как вспоминал посланник первого консула генерал Дюрок, встретившийся с Александром I, ему было крайне неловко, ибо царь в разговоре употреблял слово «гражданин», которое уже вышло из употребления во Франции. Прощаясь с Дюроком Александр сказал: «Передайте Бонапарту – не нужно, чтобы его подозревали в стремлении к новым завоеваниям»... Но логика политического развития вела Александра к столкновению с Бонапартом.

«Восток» и «Мирный»

Два других русских корабля – «Восток» и «Мирный» – в 1819–1821 годы навсегда прославили Россию как родину великих первооткрывателей. Под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева они совершили плавание в Южное полушарие и 28 января 1820 года открыли неведомую прежде миру Антарктиду. «Восток» – трехмачтовый 16-пушечный шлюп – был построен на Охтинской верфи в 1818 году, «Мирный» в том же году спустили на воду в Лодейном Поле. После возвращения из героического плавания к берегам

Антарктиды «Мирный» использовался как плавучий склад, а в 1830 году был разобран на дрова, «Восток» разобрали еще раньше – в 1828 году.

И тут немалую роль сыграли личные чувства Александра I. В мае 1802 года в Мемеле он познакомился с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом и его супругой королевой Луизой. Она произвела неизгладимое впечатление на Александра, он в нее влюбился. Да и император очень понравился Луизе, заметно отличаясь от мешковатого, угрюмого супруга-короля. Казалось они, Александр и Луиза, были созданы друг для друга.

Император, – писала обер-гофместерина королевы Луизы графиня Фосс, – чрезвычайно красивый мужчина, какого только можно себе представить. Он белокур, его лицо необычайно привлекательно, но держится он скованно. У него превосходное, чувствительное и нежное сердце... Император самый любезный мужчина, какого можно себе представить. Он чувствует и думает как порядочный человек. Бедняжка, он совершенно покорен и очарован королевой.

Это был упоительный и, скорее всего, платонический роман – Александру часто было важно само ухаживание, облакавшееся в трепетную романтическую форму, которая, по его убеждению, исчезала от плотской близости. Но политические последствия этого романа оказались вполне реальные. Так случилось, что в своем неумном стремлении к мировому господству Наполеон растоптал Пруссию, унизил ее, загнал короля и прелестную Луизу на единственный свободный кусочек прусской территории – в Восточную Пруссию. Конечно, дело было не только в возмутительном поведении Наполеона по отношению к прекрасной даме. Дело в том, что он, набравшись сил, грубо нарушил принятые в монархическом обществе Европы обычаи, повел себя как парвеню и нахал. Во-первых, он объявил себя пожизненным консулом, а потом провозгласил себя императором. Для монархического салона Европы это было равносильно тому, что в аристократическую гостиную вошел бы переодетый конюх! Когда в марте 1804 года Наполеон арестовал и расстрелял во рву Венсенского замка герцога Энгинского, отпрыска Бурбонов, мир с ним стал уже невозможен. Как записал сардинский посланник в Петербурге Жозеф де Местр, «возмущение достигло предела. Добрые императрицы плачут. Великий князь Константин в бешенстве, Александр I глубоко огорчен. Французских посланников не принимают». Начался обмен резкими нотами. И тут Наполеон оскорбил Александра I, намекнув, что когда убили Павла I, то было бы странно, если бы кто-то из-за границы вмешался в это дело... Осенью 1805 года Александр I поспешил в Берлин, и там произошла новая, трогательная встреча с Луизой. Прусский король, королева, император устроили сцену в стиле средневековых романов: ночью они идут в подземелье, где во тьме и сырости стоит гроб Фридриха Великого, и клянутся в вечной дружбе, благоговейно целуют холодный камень. Но жизнь не роман, не пройдет и пары лет, как Александр будет обниматься не с прусским другом, а с Наполеоном.

Заглянем в источник

Однако преподать урок Бонапарту союзники так и не сумели: под Ульмом австрийская армия сдалась французам, а вскоре под Аустерлицем (ныне Славков, чехия) 20 ноября 1805 года Наполеон разгромил русскую армию. В тот день Александр I выехал на холм, чтобы посмотреть на расположение войск. Обращаясь к назначенному командовать войсками генералу М. И. Кутузову, он спросил его:

«Ну как, Михаил Илларионович, дело пойдет хорошо?» – «Кто может сомневаться в победе под Вашим предводительством». – «Нет-нет! Здесь командуете вы. Я всего лишь зритель!»

Когда Кутузов ушел, Александр растерянно сказал свите:

«Ничего себе! Оказывается, я должен командовать боем, которого не желаю, не хочу махать саблей и идти в атаку».

Но когда дело дошло до сражения, Александр I не утерпел. Увидев, что Кутузов нарушает утвержденные ранее инструкции и не идет вперед, царь спросил Кутузова:

«В чем задержка, Михаил Илларионович?» – «Поджидая, когда все войска сойдутся в колонны». – «Как, мы же не на Царицыным лугу, где парад не начинается, пока не подойдут все полки!» – «Да, Ваше величество! Вот потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете... С Богом! Вперед!»

И это была роковая ошибка, во многом определившая начало грандиозного поражения. Атака русских войск оказалась крайне неудачной. Неся большие потери, армия начала отступать, а потом и побежала с поля боя. Император также пустился в постыдный бег. С тех пор он зарекся выходить на поле боя – ему стало окончательно ясно, что это не его дело.

Но до этого еще было знаменитое злосчастное сражение под Аустерлицем. В войне, начатой против Наполеона в 1805 году вместе с Австрией, у России, в сущности, не было никаких стратегических интересов. Кажется, что союзникам более хотелось «проучить нахала», который даже посмел стать императором в ряд с ними! Накануне сражений 1805 года Наполеон с искренним недоумением спрашивал у прибывшего к нему русского представителя: «Зачем мы ведем войну, какие сверхважные причины заставляют нас уничтожать друг друга?»

В 1806 году Россия начала новую войну против Наполеона, уже в союзе с Пруссией. После поражений при Йене и Ауэрштедте 14 октября 1806 года Пруссия фактически перестала существовать. При Прейсиш-Эйлау под Кенигсбергом 26–27 января 1807 года русским и пруссакам удалось со страшными потерями отразить натиск французов, но затем при Фридланде Наполеон разбил русских. Если под Аустерлицем погибло 12 тыс. солдат, то при Прейсиш-Эйлау жертв было в два раза больше. Наполеон говорил, что это была не битва, а резня!

Тильзит. Союз с Наполеоном

В конце концов пришлось идти на мировую, и Александр заговорил другим языком.

«Скажите Наполеону, – обращался царь к французскому посланнику, – что союз между Францией и Россией был предметом моих желаний и что я уверен, что он один может обеспечить счастье и спокойствие на земле. Я льщу себя надеждой, что мы быстро поладим с императором Наполеоном, так как будем договариваться без посредников. Прочный мир может быть заключен между нами в несколько дней!»

Известие о мире и даже дружбе с Наполеоном страшно огорчило русских боевых офицеров. Как вспоминал декабрист князь С. Г. Волконский, он с бароном Шпрингпортенем «с горя (по русской привычке), не имея других питей, как водка, мы выпили вдвоем три полуштофа гданской сладкой водки и так мы опьянели, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что он от этого не гаснул...»

Двадцать пятого июня 1807 года близ Тильзита, на плоту посередине Немана, русскому императору пришлось обниматься с тем, кого он еще недавно в указах именовал «врагом рода человеческого». Кроме того, Александр I был вынужден смотреть, как Наполеон ухаживал за королевой Луизой, которую пришлось пригласить (вместе с мужем) ради сохранения Пруссии. В итоге переговоров был заключен мир, и Наполеон считал, что всех одурачил...

Впрочем, при всем своем самомнении и тщеславии Наполеон мог трезво оценивать людей, правда, уже после свершения событий. Он понимал, что русский император непросто. Впоследствии на острове Святой Елены он писал:

Александр легко может очаровать, но этого надо опасаться, он неискренен, это настоящий византиец времен упадка империи. У него, конечно, есть подлинные или наигранные убеждения, однако в конце концов это только оттенки, данные ему воспитанием и наставником... Вполне возможно, что он меня дурачил, ибо он тонок, лжив, ловок, он может далеко пойти. Если я умру здесь, он станет моим настоящим наследником

в Европе. Только я мог его остановить...

И все же это было время унижения Александра I. Как зло писал Пушкин (в момент этих событий ему было 8 лет), это было то время, когда

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У бонапартова шатра.

Впрочем, сохранилось множество свидетельств, документов о том, как тяжело переживал Александр I поражения и вынужденную дружбу с Наполеоном, как ему приходилось лгать, уваливать, чтобы сохранить Россию, трон. Он резко изменился в эти годы. Улетучились иллюзии, исчез романтизм первых лет правления, бремя правителя великой страны тяжело лежало на его плечах... Впрочем, он от этого бремени избавляться не хотел, он привык к этой власти, как раб привыкает к отполированным им же цепям.

В итоге переговоров Россия заключила с Францией союзный договор и разорвала отношения с Англией – врагом Наполеона. Кроме того, Россия дала согласие на частичное восстановление Польши – образование великого герцогства Варшавского, уже России не подвластного.

Наполеон считал нужным сломить сопротивление Швеции – союзницы Англии. Поэтому Россия, как новый союзник Франции, под давлением ее начала войну со шведами. Победа далась нелегко, русским войскам пришлось даже совершить переход по льду Ботнического залива. Но плоды ее были весомы: по Фридрих-сгамскому мирному договору 5 сентября 1809 года к России отошла Финляндия, получившая от Александра I весьма либеральную конституцию на условиях широкой автономии, немыслимой для всей остальной империи. Но вскоре война 1812 года заслонила все эти события.

1812 Год. Начало войны

Война с Наполеоном надвигалась давно. Союз с Францией после Тильзита был непрочен, да и аппетиты Наполеона росли – он мечтал уже о мировом господстве. Наполеон был недоволен политикой России вообще, оскорбился он и отказом Александра I выдать за него сестру императора – великую княжну Екатерину Павловну. Потом, когда он посватался за младшую, 15-летнюю Анну Павловну, ему отказали вновь. Россию же раздражала активность Наполеона в Польше, хотя сил воевать с Наполеоном, подчинившим себе пол-Европы, у Александра не было.

Все чувствовали приближение войны, и яркая хвостатая комета, повисшая над Москвой, была воспринята как скверное предзнаменование. Оно оправдалось в июне 1812 года, когда без объявления войны полумиллионная армия Наполеона перешла границу России. Наполеон сразу же решил ударить в сердце России – по Москве, бывшей всегда истинным центром экономики, торговли, главным узлом коммуникаций России. Генералы М. Б. Барклай-де-Толли и П. И. Багратион начали отводить свои армии в глубь страны, не давая противнику разбить их по частям. Александр I, бывший вначале в войсках, стоявших в Дрисском лагере у западной границы, покинул армию, памятуя свою неудачу под Аустерлицем, и уехал в Петербург. Он поселился снова в Каменноостровском дворце; тут был обширный парк, тишина и покой. Здесь принимались им самые важные решения. Здесь после продолжительного и жаркого спора с членами Совета Александр I пошел навстречу общественному мнению, требовавшему, чтобы непрерывно спорившие друг с другом шотландец М. Б. Барклай-де-Толли и грузин П. И. Багратион уступили место русскому М. И. Кутузову, которого царь не выносил. Он сказал: «Публика желала назначить его, что касается меня, то я умываю руки. Кутузов сказал, что ляжет костями, но не пропустит

французов в Москву». Глас народа – глас Божий...

Кутузов же очень сомневался в том, что оправдает народные надежды («Едет Кутузов бить французов!») и волю императора – слишком страшен и непобедим был враг. «Мне, – сказал он, – предстоит великое и весьма трудное поприще, я противу Наполеона почти не служил, он все шел вперед, а мы ретировались, может быть, по обстоятельствам нельзя было иначе». Вернувшись из Каменноостровского дворца домой, он сказал близким: «Победить может и не удастся, но перехитрить попробую». Как будто услышав это за тысячи верст, Наполеон, узнавший о назначении Кутузова, сказал: «Это старый лис Севера». А дела у русской армии были хуже некуда. В Ижорах, при выезде из столицы, Кутузов получил удручающую депешу: французам сдан Смоленск. Дело было почти проиграно, и Кутузов с горечью сказал: «Ключ от Москвы у него в руках...»

Бородинское сражение

Бородино занимает особое место в нашей истории наряду с такими великими битвами, как Куликовская 1380 года, Полтавская 1709 года и Сталинградская 1942 года. Сражение произошло в 110 верстах к западу от Москвы, у села Бородино, 24–26 августа 1812 года. Для Кутузова оно было вынужденным и являлось уступкой общественному мнению и настроениям в армии – отступить дальше всем казалось постыдным. Позиция русской армии у Бородина оказалась не совсем удачной, но другой, ближе к Москве, и не было. Пришлось срочно укреплять ее ключевые пункты (Багратионовы флеши и батарею Раевского). Время для поспешных земляных работ позволили выиграть полки, героически оборонявшие передовой редут у Шевардино.

Заглянем в источник

В Полоцке 6 июля 1812 года император Александр I подписал «Воззвание к нации». Его напыщенный и вместе с тем встревоженный тон свидетельствует о серьезной опасности, нависшей над Россией (в этом смысле он напоминает первые обращения советских лидеров в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 годов):

«Враг вторгся в пределы нашей родины и продолжает нести свое оружие в глубь России. Он идет с вероломством, могущим разрушить империю, которая существовала всегда в течение многих поколений; он атакует ее с силой и пытается опрокинуть власть царей объединенными силами Европы. С предательством в сердце и лестью на губах он ищет возможности обмануть доверчивые души и навязать им оковы. Но если пленный разглядит свои цепи под цветами, умысел властелина раскроется сам собой, война ему необходима, чтобы утвердить дело предательства...».

Неясно, что имеется в виду в последнем отрывке. Возможно, так туманно Александр обвиняет Наполеона в вероломном вторжении и измене тем мирным договоренностям, которые были между ними раньше. Возможно, император опасается, как бы Наполеон не отменил крепостное право и не дал свободы на занятых им территориях и тем самым не изменил бы соотношение сил.

Воззвание заканчивается призывом объединиться, обещает, что французы найдут «в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном лице – Палицина (келарь Троице-Сергиева монастыря, героически оборонявшегося в 1610 году от поляков. – Е. А.), в каждом крестьянине – Минина. Благородное дворянское сословие! Вы были всегда защитниками нашего Отечества! Святейший Синод и представители нашего духовенства, вы во всех условиях призывали своим заступничеством божественное покровительство нашему Отечеству! Народ русский! Бесстрашные потомки славян! Это не в первый раз, как вы разбиваете зубы тигров и львов, что бросались на вас! Объединяйтесь! Несите крест в ваших сердцах и железо в ваших руках, и никакая земная сила не устоит против вас!»

В. Верещагин. Конец Бородинского боя.

Главный бой завязался 26 августа уже на флешах и батарее. Наполеон сосредоточил здесь превосходящие силы и, несмотря на яростное сопротивление русских, к вечеру сумел выбить их с позиций. Там французы и провели ночь. Не дожидаясь утра, Кутузов приказал своим войскам отступать. По канонам военного искусства того времени победа, безусловно, была на стороне Наполеона – ведь поле битвы осталось за ним, он занял все русские позиции, оставленные их защитниками после кровопролитных боев.

Легенды и слухи

Руководил ли Кутузов сражением?

В последние годы историки высказывают сомнения в том, что Кутузов был великим полководцем, одержавшим победу при Бородине (если не фактическую, то моральную), появились сомнения относительно этого вывода. Во-первых, есть множество свидетельств того, что Кутузов не владел инициативой на поле сражения, был инертен настолько, что один из участников сражения генерал Н. Н. Раевский писал: «Нами никто не командовал». Инициатива была полностью на стороне Наполеона, тот диктовал ход битвы. Располагая меньшими силами, чем Кутузов, Наполеон каждый раз сосредотачивал на главных направлениях атаки превосходящие силы, а Кутузов не проявил оперативности и предвидения и лишь только отбивался от его атак, перебрасывая (да и то с опозданием) силы с других участков. Французы превосходили русских и в маневренности, и в мощи артиллерийского огня. Несомненно, Наполеон победил тактически, проще говоря, выиграл битву, понес меньшие потери (28,1 тыс. против 45,6 тыс. у русских при том, что французы непрерывно атаковали, а русские оборонялись, что давало определенное преимущество в бою из укрытий) и в конечном счете достиг стратегической цели – занял Москву, защита которой была объявлена Кутузовым главной целью сражения.

Но, победив в сражении, Наполеон не разбил русскую армию. После битвы он не видел привычного для него беспорядочного бегства противника. Перед его глазами не проходили толпы пленных (всего было захвачено 1000 пленных и 15 пушек, столько же пленных и 13 пушек захватили и русские), перед ним не лежали на земле десятки поверженных вражеских знамен.

Несомненно, русская армия в тяжелейшем сражении выстояла. Как писал

один из героев сражения генерал А. П. Ермолов, «французская армия расшибла о русскую». И причиной этого стал не военный гений Кутузова, а необыкновенная стойкость русских офицеров и солдат, воодушевленных высоким и жертвенным чувством патриотизма, понятиями чести и самолюбия, уязвленного долгим отступлением. Один из солдат, отвечая на вопрос, почему они так стойко сражались под Бородино, сказал:

«Оттого, сударь, что тогда никто не ссылся и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: “Хоть все беги. Я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся!” Оттого все стояли и умирали!»

Русская армия, потерявшая в оборонительном сражении четверть личного состава, а также тяжело раненного генерала Багратиона, все-таки не была разгромлена, и Кутузов не просил перемирия. Он решил отступить, лишь получив известие о потере главных позиций и о страшном уроне, понесенном его войсками. 1 сентября на военном совете в деревне Фили он принял решение об оставлении Москвы. После жарких дебатов Кутузов закрыл совет словами (сказанными, между прочим, по-французски):

Я чувствую, что мне придется заплатить за все, но я жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить.

Оставление и пожар Москвы

Второго сентября 1812 года армия оставила Москву. Это было воспринято в обществе и в войсках как трагедия, как позор. Вот что записал в своем дневнике капитан гвардии Павел Пущин:

1 сентября. Понедельник. К нашему удивлению, в 4 часа утра мы двинулись на Москву, вступили через Дорогомиловскую заставу. А вышли через Владимирскую. Население, почти все пьяное, бежало за нами, упрекая, что мы покидаем столицу без боя. Многие присоединились к нашим колоннам, чтобы уйти до вступления неприятеля. Это зрелище щемило наши сердца... 2 сентября. Вторник. Сообщение о вступлении французов в Москву возбудило всеобщее негодование и такой ропот между нами, что многие офицеры заявили, что если будет заключен мир, то они перейдут на службу в Испанию.

А Испания вместе с Англией сопротивлялась французским оккупантам.

Партизаны и отступление французов

Армия Кутузова из Москвы повернула на юг и заняла выгодные позиции у села Тарутина. Здесь, в Тарутинском лагере, она и стояла, постоянно пополняясь новыми силами. А в это время в России, как и в Испании, французы столкнулись с партизанским движением. Армия Наполеона, как обычно, не везла с собой продовольствия и фуража, а привыкла обходиться за счет конфискаций, читай – грабежа местного населения, которое стихийно сопротивлялось захватчикам. Партизанские отряды из крестьян только в Смоленской области насчитывали 16 тыс. человек. Одновременно начались действия засланных в тыл французов регулярных частей Д. В. Давыдова, И. С. Дорохова и других офицеров, которые пользовались поддержкой населения. У каждого отряда была своя тактика. Давыдов предпочитал рейды по тылам противника, открытый бой нравился А. Н. Сеслаину, А. С. Фигнер предпочитал засады и диверсии, причем он известен не только своей отчаянной храбростью (пытался убить в Кремле Наполеона, правда, не сумел преодолеть охрану императора), но и жестокостью. В отличие от Давыдова, он пытал и расстреливал пленных сотнями.

И. Жибель. Пожар Москвы.

Легенды и слухи

Кто же поджег Москву?

Не успели войска Наполеона вступить в Москву, как в ней начался пожар. Вскоре пылал весь огромный город. Кто поджег Москву? Французы указывали на московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, который, действительно, имел план поджога столицы после ухода русской армии и заранее вывез из города все средства пожаротушения. Вместе с тем, французы грабили опустевшие дома и, чтобы замести следы, поджигали их. Известно, что оккупационные власти расстреливали не только русских, но и французских поджигателей. Как бы то ни было, великий город вместе с его бесценными богатствами погиб в огне. Но самое трагическое состояло в том, что, вывозя из города на сотнях подвод пожарные трубы и другие снаряды пожаротушения, власти бросили в городе на милость победителя 22,5 тыс. раненых солдат и офицеров, доставленных сюда с Бородинского поля. Очевидцы пишут, что самым страшным был крик оставляемых в городе раненых, многие из которых сгорели в огне московского пожара.

Заглянем в источник

Максим Соков, приказчик купца И. Р. Баташова, оставшийся в московском доме хозяина, так описывает в письме барину происходившее в Москве в сентябре 1812 года:

«...Итак, в сей же день, 5-го сентября, начался всеобщий грабеж. С рассветом дня я первый, будучи у больших ворот (дома), взят четверыми солдатами, кои сняли сапоги, камзол и штаны, и с ними остальных лишился ассигнаций (накануне его ограбили французские солдаты, отобрав большую часть господских денег. – Е. А.). Потом на всю нашу бедную артель солдаты, как саранча, напали и каждого обнажали и грабили. В покаях тоже, что от пламени уцелело, грабили и били. Кладовые все и сундуки разбили и все пограбили, что ни было, укладывали иные в фуры и увозили. В магазине не только двери разбиты, но и стены в двух местах проломаны и тут было некоторых знакомых обывателей, на случай пожарной, наставлено много сундуков, комод и шкафов – все они разбиты и разграблены, бочки с косами, серпами, проволокою и жестью все разбиты и товары разбросаны, кои стараясь спасти, много раз мы собирали и

запирали для того, чтобы обыватели не тащили, но французы новые, видя запертый амбар, всегда замки сбивали в чаянии найти добычу, но, не найдя, бросали распертой амбар, из коего жители тащили вязанками что ни попало. Караулить было невозможно, ибо французы брали кто ни попал и накладывали свои добычи для отнесения в лагерь, а потому и оставался уцелелый от пожара амбар наш на расхищение... В сей день 5-го сентября непрестанно всех нас грабили и раздевали каждого по 10-ти и более раз. Я и многие (другие) к ночи остались без рубашек и босые, я провел ночь в одной худой шубенке, в прочем наг и бос. 6-го сентября день тоже начался грабежом одинаким (т. е. снова. – Е. А.), отнимали даже из рук куски хлеба, ибо одежды ни на ком, кроме лохмотьев и рогож, на нас не было. В сей день разбили погреб, заложенный белым камнем, в коем уложены были господские бронзы и лучшие фарфоры, и людское лучшее платьище и деньжонки, все это разграбили и частью увезли или унесли. Амбар наш мы опять заперли, и опять французы замки сбивали и проломы разваляли и дали способ опять тащить народу. 7-го, 8-го, 9-го и 10-го поступали с нами одинаково и раздевать лохмотья наши не переставали, и день и ночь отдыху не было, одни только уходят, другие являются...».

Впрочем, не будем все валить только на французов и их союзников. А. И. Кошелев так вспоминал о возвращении его семьи в подмосковное имение:

«В декабре мы возвратились в нашу подмосковную, где в доме, подвалах, сараях и пр. нашли все разграбленным. Несколько дней мы пили чай из посуды, бывшей в нашем дорожном погребе, и из деревянных чашек, которые брали у дворовых. Отца моего особенно огорчало то, что разграбление, как из рассказов оказалось, было произведено менее французами, чем нашими же крестьянами и некоторыми дворовыми людьми. Это было для него тем больнее, что он считал себя одним из лучших помещиков своего времени и постоянно обходился со своими крепостными людьми либерально, как и подобало человеку, воспитанному в Англии и слывшему в Москве “либеральным лордом”».

Надежда Андреевна Дурова.

Действующие лица

Кавалерист-девица Надежда Дурова

Существуют две версии истории знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. Одна восходит к ее запискам, кои есть литературное произведение, а вторая отражает действительную историю. Первую версию знают все – она легла в основу пьесы А. Гладкова «Давным-давно» и фильма «Гусарская баллада», в котором главную роль сыграла Лариса Голубкина.

Согласно первой версии, 17-летняя дворянская девица, выросшая в отцовском полку, без ума полюбила военное дело и решила оставить родной дом в Сарануле и идти воевать за Отечество. Взяв чужое имя, она бежала в армию, где под видом дворянского сына – юного корнета – воевала с Наполеоном и совершила подвиги.

Вторая версия еще более драматична и романтична. Дворянская девица Надежда Дурова, 18 лет, вышла замуж за чиновника из города Саранула, через год родила сына Ивана, а в 1806 году бежала от мужа и сына с казачьим есаулом. Она ушла с его полком, который какое-то время стоял в Сарануле. Под личиной денщика есаула она начала свою военную службу в кампании против французов. А ее отец разослал повсюду письма с просьбой задержать и вернуть домой беглянку...

Таких историй было немало, и заканчивались они быстро: походная любовь ярка и скоротечна, как жаркий огонь бивачного костра, слуги Марса непостоянны, тяготы походной жизни не для дворянских девиц. Но с Дуровой так не произошло. С этого момента две версии ее жизни тесно переплетаются. Расставшись с есаулом, Дурова не возвратилась домой, а под видом дворянского недоросля вступила рядовым в уланский Коннопольский полк (расчет был верный – среди поляков ее будет труднее отыскать), участвовала в боях, училась справляться с тяжелой пикой, отважно мчалась с однопольцами в атаку, причем лишь потом ей, несмышленому «парнишке», объяснили, что скакать в бой нужно только со своим эскадроном, а не со всеми, кто подает команду «Сабли наголо! Марш-марш!» Впрочем, ей ни разу не удалось добраться до неприятеля – боевые товарищи жалели юного растяпу, прикрывали его от опасностей, требовали от него одного – чтобы не засыпал на ходу, не падал с лошади и не отставал от эскадрона. А это происходило постоянно, и если бы не верный конь Дуровой Алкид (по словам командира, он был явно умнее своего горе-всадника), который всякий раз вывозил отчаявшуюся «кавалерист-девицу» в расположение русских войск, то она непременно попала бы в плен к французам или была убита мародерами. Да и крови Дурова пролила немного: как она пишет, раз пришлось отрубить голову трофейному гусю, а в другой раз случайно поранила саблей собственную лошадь. Ее самой страшной потерей стала смерть Алкида, пропоротившего брюхо на каком-то плетне. Несколько дней Дурова непрерывно рыдала и как мертвая лежала на могиле Алкида. Впрочем, она себя считала военным никудышным и рассказывала немало забавных и нелепых происшествий, случившихся с ней на войне, смысл которых, в общем-то, сводится к одному: у войны неженское лицо – так невыносимо тяжелы физические и нравственные испытания воина.

Преодолев все трудности, Дурова стала мужественным и бесстрашным воином. Она помнила слова генерала А. П. Ермолова: «Трусливый солдат не должен жить». Как-то раз Дурова спасла раненого офицера, отдав ему своего коня, за что потом была награждена Георгиевским крестом. Что руководило в жизни этой необычной женщиной в мундире? Можно с уверенностью сказать, что по жизни ее вела святая, как у Жанны д'Арк, любовь к Отечеству и всепоглощающее пристрастие к военному делу.

А между тем бюрократическая машина, запущенная по жалобе родных, со скрипом работала-работала, и наконец беглянку нашли. Сведения о необыкновенной воительнице достигли ушей самого Александра I. Он потребовал доставить Дурову в Зимний дворец и беседовал с ней дважды. Какой была встреча царя с Дуровой, мы точно не знаем, но Дурова вышла из дворца не разоблаченной и

наказанной по уставу женщиной, а гусарским ротмистром под псевдонимом Александров с назначенной царем особой пенсией и с Георгиевским крестом на груди. А потом пришел 1812 год. И так получилось, что дерзкий одиночный поступок Дуровой удачно совпал с тем необыкновенным патриотическим подъемом, который охватил русское общество, в том числе и женщин, в годину потрясений и испытаний. Довелось Дуровой воевать и на Бородинском поле, быть раненной в ногу (к счастью, ядро задело ее на излете). Но рана, а также распря с начальством привели к тому, что она самовольно уехала из части и попросилась ординарцем к Кутузову – поступок дерзкий, однако допустимый. Ведь за ее спиной стоял государь и страшный Аракчеев, который почему-то очень благоволил к Дуровой.

Ротмистр Александров участвовал в заграничных походах русской армии, командовал эскадронами, с головой погружаясь в армейские хлопоты, добывая для своих людей сено, овес, амуницию и прочее. Тем временем отец героини продолжал настойчиво требовать возвращения блудной дочери, и в 1816 году она наконец вышла в отставку в чине штаб-ротмистра и приехала в родной Саранул.

Жить в такой глухой провинции Дуровой было невозможно, и она перебралась в город побольше – Елабугу. Там и прошли ее мирные годы до самой смерти в 1866 году.

В Елабуге Надежда Андреевна, взяв за основу свой армейский дневник, написала мемуары, о которых с восторгом отозвался сам Пушкин и начал публиковать в своем «Современнике». До сих пор эти «Записки» читаются с огромным удовольствием – настолько талантлив, остроумен, трогателен их автор.

Начиная поход в Россию, Наполеон не очень ясно представлял себе его перспективы. Столкнувшись же с «варварскими» действиями русских партизан, глухим молчанием Александра I в ответ на все предложения о мире и перспективой голодной зимовки в сожженной и разоренной Москве, 7 октября решил уходить из России.

После неудачной попытки прорваться из Москвы на южную дорогу (сражение при Малоярославце) Наполеон повернул на Смоленск. Теперь он опасался окружения и спешил, бросая на дороге трофеи, пушки, раненых и отставших. Организованное отступление французов постепенно превратилось в беспорядочное бегство. Благодаря нерасторопности и несогласованности русских генералов Наполеон переправил через Березину остатки великой армии, которая упорно сопротивлялась до конца. Известно, что в сражении у Березины решающую роль сыграли поляки и немцы. У маршала Виктора было три дивизии – две немецкие и одна польская, конница вся была немецкая, а под командой маршала Нея было всего триста французов, остальные войска – сплошь поляки. И все же конечный итог был для французов удручающий: из 146 тыс. отступавших спастись удалось только 14,2 тыс. человек. Потери русских войск, шедших по пятам французов, были тоже огромны – из 140 тыс. человек, двинувшихся из тарутинского лагеря, до Немана дошло только 27,5 тыс. человек, то есть меньше одной пятой!

Заметки на полях

Множество причин обусловило поражение Наполеона: его собственные просчеты и ошибки, «зима, мороз иль русский Бог», доблесть и терпение русских солдат и офицеров, заплативших за победу сотнями тысяч жизней, прекрасная позиция Кутузова под Малоярославцем, не позволившая французам выиграть сражение, осторожность и спасительная пассивность Кутузова после Бородина. Во время тарутинского «сидения» о нем язвили, что главнокомандующий спит по восемнадцать часов в сутки. «Слава Богу, что он спит, – пошутил один остряк. – Каждый день его бездействия готовит победу». В конечном счете оказалось, что время работало на Кутузова. Наполеон не выдержал сидения в испепеленной Москве и решил уходить из Москвы на юг.

А что же Александр I во времена Бородино и Московского пожара? Ему можно посочувствовать. Особенно страшной для него была осень 1812 года, когда ночного стука копыт фельдъегерской тройки царь ожидал с нетерпением и страхом – вдруг у России уже нет армии! Краткая радость от известий, что на поле Бородино мы не потерпели поражения, сменилась глубокой печалью от известия об отступлении, сдаче Москвы, а потом и ее гибели в огне. В те дни будто что-то надломилось в Александре. Известно, что он пришел к жене и попросил у нее Библию – книгу, которую он, кажется, никогда не держал в руках. Он писал: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотою веры, какой не ощущал до тех пор. Тогда я познал Бога». Как часто наш человек обращается к Богу лишь тогда, когда его клонет жареный петух...

Но все-таки более важным оказалось другое обстоятельство, имевшее прямые последствия для России: у Александра I теперь появилась невыносимая для него раньше решимость, воля. Он стал как камень, он был оскорблен всем, что делал с ним и его страной Наполеон. Александр I многократно повторял одно и то же: никакого мира, никаких переговоров, война до победного конца. «Истощив все средства, которые были в моей власти, я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться одним картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить. Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать, я научился понимать его, он больше не обманет меня».

Легенды и слухи

Приезжал ли к Александру Медный всадник?

Внешне в эти страшные месяцы жизни Александра I в Каменноостровском дворце ничего не менялось: охраны, как и раньше, не было, он долго гулял в одиночестве – царь любил много ходить... Между тем захват неприятелем Москвы поставил под угрозу и вторую столицу. Принялись укреплять Кронштадт, флот решили угнать в Англию. Зная, как Наполеон «чистит» музеи и дворцы в захваченных странах, решили вывезти императорские драгоценности и произведения искусства в Финляндию, подальше от театра военных действий. Предполагали снять и важнейшие памятники – символы империи, в том числе и Медный всадник... Тогда и родилась легенда. Будто бы Александру I приснился сон: раздается грохот, он выбегает на двор и видит, как в ворота, сотрясая землю, въезжает медный исполин, смотрит на Александра и грозно говорит:

«До чего же ты довел Россию, молодой человек? Ну да не тужи. Пока я стою в Петербурге, нога врага не вступит на его землю».

И ускакал... Недаром считается, что именно на Сенатской площади живет гений места, там, в глубине, под памятником, бьется его сердце. Поэтому и в годы блокады Медный всадник не демонтировали, а укрыли в толще горы песка.

Освободительный поход русской армии

Наполеон двинулся к югу от Москвы, но в сражении под Малоярославцем понял, что позиции русской армии крепки, и был вынужден отойти на разоренную Смоленскую дорогу. Началось преследование неприятеля армией Кутузова. Для Александра наступил час победы. Победители хотели видеть своего вождя, шум и суeta грядущих триумфов и балов заглушили неспешный разговор с Богом той памятной осенью 1812 года. Седьмого декабря Александр выехал из Петербурга и уже 11 декабря в Вильно его громкими криками встречали войска. Он снова был на виду, целовал неприятного ему Кутузова, обращаясь к войскам, говорил правильные слова: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу!» На это Кутузов отвечал государю:

Россия освобождена, войну нужно закончить здесь, на берегах Немана, откуда она и пошла. Зачем проливать русскую кровь ради спасения Европы? Пусть она сама себе спасает, своими собственными средствами! Падение Наполеона будет выгоднее Англии,

нежели России.

Однако Александр I был преисполнен гнева и мести. Да и кто особенно думал о жизнях десятков тысяч русских солдат? Не случайно у русских полководцев сложилась присказка: «Ничего, бабы новых нарожают». В Рождество, 25 декабря 1812 года Александр I обрадовал Россию манифестом об окончательном изгнании французов, а уже в январе 1813 года армия Кутузова форсировала Неман. К России присоединилась Пруссия, а потом Австрия, Англия, Швеция. Не все шло успешно у союзников. Наполеон, к удивлению своих врагов, за 3 месяца, как писал современник, «магически составил новую армию» и даже одержал несколько побед. Но все же он проиграл ключевое сражение – «битву народов» под Лейпцигом в 1813 году – и отступил во Францию. Накануне он не использовал свой последний шанс помириться с противниками, полагая, что все проблемы решит в бою, и на этот раз просчитался. В начале марта 1814 года союзники потерпели неудачу в нескольких боях с отчаянно сражавшимся Наполеоном. Он готовился к решающему сражению, но неожиданно союзная армия не стала искать с ним битвы, а двинулась прямо на Париж. С боями, в которых самые большие потери несли русские войска, союзники прорвались к столице Франции. Город капитулировал. В договоре о его сдаче было сказано: «Город Париж предается на великодушные союзных государей». Наполеон подписал отречение, а Александр I на белом коне, когда-то подаренном ему Наполеоном в 1807 году, въехал в Париж. Традиция провожать незваных гостей до их дома была утверждена. Враг был повержен. С удивлением смотрели парижане на бивуаки донских казаков на Елисейских полях.

Легенды и слухи

Быстро

Считается, что появлению бистро – ресторанов быстрого обслуживания – Париж обязан русским оккупантам, которым не хватало времени, чтобы долго сидеть за столиками, и они постоянно кричали официантам: «Быстро! Быстро!» Неизвестно, так ли это (уж очень это похоже на мифы народной этимологии), но можно точно сказать, что наши офицеры погуляли во Франции славно. Перед выводом русских войск из Франции в 1814 году командующий оккупационным корпусом светлейший князь М. Воронцов заплатил из своего кармана все долги русских офицеров французским рестораторам и почти разорился, хотя до этого был сказочно богат. Впрочем, государь, не менее благородный, чем генерал, не дал Воронцову пропасть в нищете.

Победа над Наполеоном как никогда сплотила крупнейшие державы Европы. Они решили установить новый порядок. Впрочем, по сути своей он был старым, так как восстанавливались прежние дореволюционные границы, порядки и режимы, которые сильно устарели к 1814 году. Вместе с тем карта Европы перекраивалась так, как было удобно победителям. Новые решения были дипломатически закреплены на Венском конгрессе 1814 года. Россия, Австрия и Пруссия заключили Священный союз для борьбы со всяким проявлением революций.

Кутузову было не суждено увидеть Париж. Он умер раньше, весной 1813 года за границей. Тело полководца привезли в Петербург и похоронили в склепе Казанского собора, построенного А. Н. Воронихиным. Под сводами собора висели десятки трофейных знамен. В честь победы была выбита памятная медаль.

Заглянем в источник

Государь всю кокетничал и волочил за дамами. Это записывали агенты венской полиции:

«На балу у графа Палффи царь, которому очень понравилась графиня Сечени-Гилфорд, сказал ей: “Ваш муж отсутствует. Было бы очень приятно временно занять его место.” – “Не принимает ли Ваше Величество меня за завоеванную область?” Княгиня Эстергази, муж которой был на охоте, получила от императора Александра записку, где сообщалось, что он проведет вечер у нее.

Княгиня послала ему список дам, попросив вычеркнуть тех, кого он не хотел бы у нее встретить. Царь вычеркнул из списка всех... кроме нее!»

Агент полиции позже сообщал:

«Император Александр попеременно или одновременно ухаживает за графиней Зичи, княгиней Леопольдиной Эстергази, княгиней Ауэрсперг, графиней Сечени и в особенности за двумя любовницами Меттерниха – герцогиней де Саган и княгиней Багратион».

При этом было перехвачено письмо Александра к Луизе де Бетман:

«Прощай, моя единственная любовь! Только чувство долга не позволяет прилететь мне в твои объятия и умереть в них от счастья!»

Начался самый блестящий период царствования Александра. Русскому императору все вновь выражали самые горячие чувства любви и благодарности, восхищались его красотой, ангельским видом. Кровавые сражения сменились переговорами, победители делили Европу. Потом были балы, которых еще не видел мир: в ином танце шли государи половины европейских стран. На Венский конгресс собрались два императора, две императрицы, пять королей, одна королева, два наследных принца, три великие герцогини, три принца крови, 215 князей, 32 германских светлости и высочества. И все смотрели только на высокого статного блондина – русского императора, признанного всеми царем царей...

Впрочем, у императора было время заниматься и делами – чувство долга у него было в крови. Он очень серьезно отнесся к невиданному «званию» «царя царей», заседал на конгрессах Священного союза и думал, что, действительно, поможет так любимой им Европе устроиться на века комфортно, под защитой Священного союза, в котором он был на первых ролях. И это увлекло Александра. Он стал мыслить вселенскими категориями, будто уже владел миром. Как писал историк Николай Шильдер, «в русских документах исчезли ясные, четкие определения конкретных целей России, в них начали писать темные толкования о Гении зла, о Глаголе Всевышнего, о борьбе России за что-то неопределенное, но патриархальное, а главное – ничего не приносящее самой России, кроме хлопот, расходов и ненависти».

Новый курс Александра

А о России думать царю не хотелось, да и ехать туда он не стремился. Последнее десятилетие своего царствования он часто уезжал из страны в Европу, где подолгу оставался... Говорят, первое, что сделал «царь царей», вступив после победы на русскую землю, это собственноручно и жестоко избил какого-то неопрятного солдата...

После разгрома Наполеона император Александр I был увлечен созданием нового миропорядка, во главе которого должны были стать Священный союз и Россия. Ни о каких внутренних реформах речи уже не шло. Он сделал для себя вывод, что в России с ее народом ни какие преобразования невозможны, хотя дал конституцию Финляндии, присоединенной к империи в 1808 году, а потом и Польше. Александр I был убежден, что только порядок, строгая дисциплина, а не свободы могут поправить дела в России. Для Александра I там был только один человек, которому он безусловно доверял. Его звали Алексей Аракчеев. С редкой доверительностью и даже тоской царь писал ему из-за границы:

...Я себя вижу после четырнадцатилетнего правления, после двухлетней разорительной и опаснейшей войны лишенным того человека, к которому доверенность была всегда неограниченна. Я могу сказать, что ни о ком я не имел подобной доверенности и ничье удаление мне столь не тягостно, как твое. Навек тебе верный друг Александр.

Н. Уткин. Граф А. А. Аракчеев.

Настасья Федоровна Минкина, домоправительница графа Аракчеева.

Действующие лица **Алексей Аракчеев**

«В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами – никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально... Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, – да что делать? Таким меня Бог создал! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодарен. Мягкими французскими речами не выкуешь дело!» Так выразил Аракчеев свое незатейливое кредо.

Родился Алексей Андреевич Аракчеев в 1769 году под Бежецком в бедной дворянской семье, был «учен у дьячка на медные деньги», с большим трудом поступил в Кадетский корпус, не блистал там талантами и образованностью, но заметно выделялся исполнительностью. За это товарищи каждый день били его, но начальство оценило усердие Аракчеева и произвело его в сержанты, а потом оставило при корпусе. В это время наследник престола Павел Петрович решил в Гатчине основать свою артиллерию. Оказалось, что Аракчеев больше всех подходит на роль ее начальника. С этого момента началось, как он писал, его «тридцатилетнее счастье». Аракчеев был неразлучен с Павлом весь «гатчинский период» жизни цесаревича, был он рядом и когда Павел стал императором, удостоился наград и высоких назначений. Но век Аракчеева оказался недолог. За какой-то поступок по указу Павла I Аракчеева «выбросили» (так сказано в указе!) со службы и сослали в его поместье Грузино. Впрочем, вскоре Павел I вернул Аракчеева, сделал его графом, дал ему герб с девизом «Без лести предан» (злые языки переделывали его в «Бес, лести предан»), но через год – опять опала, ссылка в Грузино.

Александр I не только возвратил Аракчеева из ссылки в 1803 году, но и обласкал его, назначив военным министром. Они были знакомы давно. Аракчеев вообще питал особую слабость к Александру. При строгом Павле I Аракчеев в нарушение уставов спасал наследника от тягот службы, давая ему, как заботливый дядька, подольше понежиться в постели, словом, балуя. И Александр I это помнил. Он нуждался в таком человеке. Аракчеев казался царю единственным, кто предан ему без лести. Да, он не был умен и красив, но он был верен и любил государя больше чем кто-либо. Он не воровал, говорил правду, не умничал, никогда не поучал Александра I. Аракчеев буквально молился на императора, обожал его! При этом взгляды Аракчеева в эпоху либерализма начала царствования Александра I были крайне реакционны. Он люто ненавидел реформатора М. М. Сперанского за его идеи и попросту ревновал его к Александру I. Между тем и Сперанский, и Аракчеев, существуя рядом, были нужны царю. Они – как две ипостаси Александра I, в котором либерализм и консерватизм, гуманность и жестокость, свобода мысли и любовь к субординации тесно переплетались. И все же в 1812 году Аракчеев праздновал победу: Сперанского сослали!

Во внешнем виде Аракчеева не было ничего внушительного. Он выглядел пожилым гарнизонным офицером, говорил медленно, немного в нос и казался постоянно озабоченным. Его личная жизнь не была благополучной. Аракчеев был женат на Наталье Хомутовой, но недолго: деспотичный характер служебной жены привел к разводу. Впрочем, у него было немало любовниц, самой известной из которых была госпожа Пукалова. Аракчеев дружил с ее мужем и даже обделывал с ним какие-то денежные делишки.

А потом появилась знаменитая Настасья Минкина – красивая, волевая женщина, пленившая сердце своего господина. По одной из версий, Аракчеев купил ее по объявлению в газете – обычное для крепостнической России дело. Аракчеев глубоко любил ее и не видел в ней неприятных и даже отвратительных черт. Эти же чувства он перенес и на ребенка от Минкиной – Михаила, получившего фамилию Шумский. Но юноша оказался никудышним человеком и забулдыгой, кончившим жизнь в кабаке. В 1825 году в жизни Аракчеева произошла трагедия. Минкину зарезали крепостные, с которыми она зверски обращалась. Скорби Аракчеева не было конца. Он похоронил Настасью в церкви и каждое утро приходил поклониться ее могиле. Как писал современник, он совсем забросил

государственные дела и «занимался истреблением дворни».

День 14 декабря 1825 года стал роковым не только для мятежников на Сенатской площади, но и для Аракчеева. Он проявил трусость и не решился выйти с новым царем Николаем I подавлять восстание. Сидя в одиночестве в Зимнем дворце, он испытывал не только страх, но и чувство вины. Ведь именно к нему в Грузино в июне 1825 года явился доносчик на декабристов Шервуд, но Аракчеев ему не поверил, потребовал дополнительных сведений, а тут убили Минкину... Позже Шервуд утверждал, что из-за этой проволочки временищика не удалось предотвратить бунт.

С 14 декабря Аракчеев был уже не временищик, а отставник. Ему было рекомендовано поправить пошатнувшееся здоровье «деревенским воздухом» Грузино. Со смертью Минкиной и Александра I мир Аракчеева рухнул. Ранее могущественный, всесильный, он стал ничем – удел всех временищиков. О нем мгновенно забыли при дворе. Его покинули даже самые верные и преданные ранее люди, и он остался совершенно один. Подавленный горем, Аракчеев бродил по пустому дворцу в Грузино... Он умер в Грузино в 1834 году. Известие о его смерти удивило многих – люди полагали, что Аракчеева уже давно нет на свете.

Военные поселения

Имя Аракчеева навсегда связано с военными поселениями. Говорят, что первая мысль о них принадлежала самому Александру I. Отчасти стремление создать нечто вроде казачьих поселений было обусловлено желанием разгрузить казну от непомерных расходов на огромную армию. Сам Аракчеев скептически относился к идее военных поселений. Он считал, что создание военных поселений не позволит поддерживать боеспособность армии на должном уровне. Значит, акцент будет перенесен на сельскохозяйственные, а не на военные цели. Так это и получилось – военные поселения в Новгородской и иных губерниях стали особого рода сельскохозяйственными колониями. Но Аракчеев точно исполнил поручение императора и взялся за дело.

Под бдительным присмотром Аракчеева и его людей крестьяне, превращенные в военных поселян, становились образцовыми хозяевами, особенно если следить, чтобы они спали поменьше, да работали побольше. Известно, что эта затея в конце концов провалилась, но Александру казалось, что под грохот барабанов найден простой путь превращения России в цивилизованную страну...

На деле военные поселения стали подлинной каторгой для крестьян. Постоянный мелочный контроль, непрерывные учения на плацу, жесточайшая дисциплина и суровые наказания.

Декабристы

Слухи и доносы о деятельности неких тайных обществ серьезно беспокоили Александра I и его окружение. Особенно подозрительными казались властям масонские ложи с их таинственной, мистической, но на самом деле вполне безобидной символикой. В 1822 году последовал строжайший указ о запрете всех тайных обществ, включая масонские ложи. А тайных обществ тогда возникло немало, и для объединения в них мыслящих людей были серьезные причины. Вообще же, источник декабризма – в сложных общественных процессах, порожденных влиянием идей Просвещения, Французской революции, впечатлениями от заграничного похода русской армии в 1813–1814 годах. Российскую действительность с ее крепостничеством, жестокой цензурой, самовластием болезненно воспринимали вернувшиеся из загра ничного похода молодые русские офицеры. Добавим к этому и явную неспособность и нежелание самодержавия к продолжению реформирования общества и государства уже с учетом новых условий жизни в послевоенную эпоху. Учтем и романтизм, искреннее желание истинных сынов Отечества послужить России во имя ее

благоденствия в будущем, а также честолюбивые устремления дворянской молодежи, составлявшей большую часть тайных обществ.

Заметки на полях

Вообще, в существовании и успехе таких людей, как Аракчеев, есть своя тайна. Аракчеевы всегда нужны обществу. Это особая, непрерывно возобновляющаяся порода людей, служи они хоть чиновниками, хоть военными, учителями, профессорами, журналистами. Они – апологеты полицейского начала, единомыслия, слепого повиновения начальству, а порой и ксенофобии. Такие люди позарез нужны каждой власти. И не личные дарования, не талант, а именно этот зов власти делает их карьеры успешными. Благодаря этому они становятся страшными не только для смутьянов, вольнодумцев, но и для самых обыкновенных людей...

М. Добужинский. В военном поселении.

Заглянем в источник

Цивилизовать «диких» крестьян, воспитать в них любовь к порядку и труду, организованность, трезвость, бережливость оказалось непросто. Воспитывались эти качества драконовскими методами. Всех поражала редкая даже для того времени жестокость Аракчеева. «...Правду о нем надобно писать не чернилами, а кровью», – писал священник села Грузино (розги в их селе постоянно хранились в рассоле). Это была не жестокость садиста, наслаждавшегося мучениями жертвы. Это была неумолимая жестокость сторонника порядка, дисциплины. Без вины не наказывали, а наказывали точно по уставу. Особенно жестокими были наказания штицрутенами, «хождение по зеленой улице», которую составляли десятки солдат, стоящие в два ряда с длинными прутами в руках. Когда мимо вели наказуемого, участник экзекуции должен был нанести удар со всей силы. Солдат Новгородского военного поселения вспоминал:

«Коли мало ударов, да парень попадетя фарсистый, пожалуй, и всю улицу

на ногах пройдет, а то зачастую, половину пройдя, свалится и его не то на скрещенных ружьях привязанного понесут (носилки не запомню, чтобы употреблялись), а не то один солдат на своей спине до конца наказания протащит. Бывало и так:

коли невозможу, так отнесут в лазарет, да как залечится спина, опять выведут доканчивать, только это редко потому, что хороший командир каждого солдата натуру знает, сколько кто ударов вытерпит, а коли кому определит их не в меру – значит, тому смерть, мертвого на салазках протащить велит, а что кому ассигновано, так тому и быть! Да и наказывать-то не легко было: взмахивать (розгой) нужно игриво, попасть метко и розгу держать не так, чтобы в руке свободна была, а большим перстом придерживать, чтобы в ударе форс был. Товарищу тот поворотить не приходилось, да и не до жалости, как знаешь, что за шеренгами фельдфебель с мелком ходит: взмах ли нехорош, розга ли не придерживана, удар ли короткий пришелся – разом на спину мелком крест поставит. Бывало, всем, кажись, угодил начальству, а кончится секуция, обернешься спиной к соседу, спросишь: “Крест есть?” – “Есть”, скажет: ну, и знаешь, что самому наказания не миновать.

Бывали командиры лютые. Помню такого – большой был шутник: вздумал фельдфебель почеловеколюбствовать, идет за шеренгой, да ни за какую промашку креста и не ставит, а того и не чует, что командир-то за ним крадучись, сам с мелком идет: кончилась секуция – смотрим: у нас никого крестов нет, думали уж расходиться, только командует командир: “Стой!” – Фельдфебель обернись! Как обернулся, а у него вся спина в крестах, тут же его, сердечного, разложили, да и наказали-то так, что прямо пришлось свести в лазарет. Как выписали его оттуда, похаркал он с месяц не то с два кровью, да вскоре Богу душу и отдал, а все за свою глупость – значит, не добродушничай, а нарови делать, как начальством приказано!»

Первое тайное общество, «Союз спасения» (или Общество истинных и верных сынов Отечества), возникло в 1816 году. Во главе его стояли молодые офицеры Александр Муравьев, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев и другие. В 1818 году они же основали новое, более многочисленное общество – «Союз благоденствия», в которое входило не менее двухсот членов. «Союз благоденствия» имел руководящий орган – Коренную управу. В 1821 году Коренная управа объявила о самороспуске Союза, хотя его руководители не намеревались прекращать революционную деятельность, а лишь стремились таким образом избавиться от ненадежных и случайных членов Союза.

Характерной чертой созданной вскоре новой тайной организации было структурное деление ее на две части: Северное общество, опиравшееся на столичные воинские части, и Южное общество, основой которого стали полки 2-й армии, стоявшей на Украине. Другой особенностью нового этапа движения будущих декабристов стала разработка программы действий на будущее, естественно, при условии победы восставших. Сразу же обнаружились разногласия в том, какой должна быть Россия. «Русская правда» – программа признанного лидера Южного общества полковника П. И. Пестеля – предусматривала установление диктатуры Временного верховного революционного правления типа военной хунты, причем Пестель явно отводил себе роль верховного диктатора. Новый орган власти вводил конституцию, согласно которой Россия становилась унитарной республикой с однопалатным законодательным собранием – Народным вечем, и Державной думой – своеобразным советом, каждый из пяти членов которого выполнял функции главы государства и правительства в течение одного года. Контрольные пожизненные функции принадлежали Верховному собору, надзиравшему за соблюдением конституции.

Большой Государственный Герб

Окончательно Большой Государственный Герб был утвержден в 1822 году. Это была сложная композиция. Двуглавый орел располагался на золотом щите, его украшали три короны и лента ордена Андрея Первозванного. На груди орла

был изображен Московский герб, в лапах орел держит скипетр и державу. Над щитом разместили шлем Александра Невского, вокруг щита – цепь ордена Святого Андрея, по сторонам щита стояли фигуры архангелов Михаила и Гавриила. Над всей этой композицией нависла золотая сень с императорской короной и надписью: «С нами Бог!». Над сенью виднелась государственная золотая хоругвь с изображением Среднего Герба.

А вокруг всей этой композиции со щитом и сенью размещались девять щитов с гербами царств, присоединенных к России: Казанского (черный дракон), Астраханского (корона с восточным мечом), Польского (с польским белым орлом), Сибирского (два стоящих на задних лапах черных соболя), Херсонеса Таврического (черный византийский двуглавый орел), Грузинского (составленный из частей – гербов Грузии, Иверии, Картлинии, Кабарды, Армении, Черкасских и Горских князей), Великих княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского, а также Великого княжества Финляндского и, наконец, Родовой Герб Его Императорского Величества, основу которого составлял герб Романовых (грифон на серебряном поле).

Эта конституция гарантировала всем гражданам России основные гражданские свободы, в том числе свободу от крепостной зависимости.

Иной видел Россию автор «Конституции» и лидер Северного общества Никита Муравьев. Основу государства создавало общероссийское Учредительное собрание, но конституция определяла Россию как конституционную монархию с мощным федеративным устройством по типу США. Вся страна делилась на 15 «держав», высшие органы законодательной власти состояли из Державной думы и нижней – Палаты народных представителей. «Южане» и «северяне» находились в постоянном контакте, хотя обсуждение общей платформы действий тайной организации явно затянулось. Сведения о ее деятельности уже стали просачиваться за пределы круга доверенных лиц и, не без помощи предателей, стали известны властям. Как бы то ни было, междуцарствие декабря 1825 года застигло заговорщиков врасплох.

Петербург alexандровского времени

После мрачной казарменной обстановки, которую навевало самодержавие Павла I на петербуржцев, после страха быть застигнутым самим государем на улицах города в неуказной одежде, вдруг пришли другие времена, светлые, свободные. Александра I можно было увидеть в ясный день прогуливающимся по Дворцовой набережной. Он вежливо здоровался со знакомыми, уделяя особенное внимание дамам. А уж они старались вовсю. Здесь был настоящий Париж – самые модные наряды и прически.

Все были в восторге от первого петербуржца.

Император Александр, – вспоминала писательница де Сталь, – удостоил меня чести беседовать с собою. Первое, что особенно изумило меня в нем, это было выражение необычайной доброты и величия, которыми озарено его лицо, эти два качества казались нераздельны в нем. В первых же словах, сказанных мне, тронула меня благородная простота, с которой он подходил к великим вопросам, волновавшим Европу... Молодость и внешние преимущества государя наводили на подозрение о легкомыслии его характера, но он вдумчив, как человек, испытавший несчастье.

В начале царствования Александра I город приобрел свои, уже узнаваемые нами прелестные черты. Классицизм в это время вступил в свою высшую, самую роскошную фазу – ампир. При Александре был построен Казанский собор с исполинским изгибом «аллеи» знаменитой колоннады, которая должна была, еще по мысли Павла I, повторять колоннаду собора Святого Петра в Риме. Каждый день все 10 лет строительства (1801–1811) на стройке можно было видеть создателя собора – архитектора Андрея Воронихина. Крепостной графа А. С. Строганова, он был бесконечно благодарен своему хозяину, который не только помог ему, одаренному рабу, получить прекрасное образование в России и за границей, но и дал

Воронихину вольную, а потом всегда покровительствовал своему питомцу и обеспечивал его заказами. В 1811 году наградой за Казанский собор для Воронихина стал орден, давший ему потомственное дворянство. Кроме собора до наших дней дошел другой шедевр Воронихина – здание Горного института, а также сооружения в Петергофе и Павловске. Но Казанский собор, лебединая песня умершего в 1814 году архитектора, сразу занял особое место в истории столицы. И хотя восторги по поводу его архитектурных достоинств порой преувеличены (собору все-таки далеко до грандиозного творения Браманте и Микеланджело в Риме), знаковое, символическое значение Казанского собора необычайно велико. Этот храм, от начала до конца построенный русским архитектором, из местных материалов (олонецкий мрамор, пудожский камень, сердобольский гранит), украшенный скульптурой и живописью таких авторов, как В. И. Демут-Малиновский, И. П. Прокофьев, И. П. Мартос, С. С. Пименов и др., в годину противостояния вражескому нашествию стал новой национальной святыней, русским Пантеоном. Здесь у иконы Казанской Богоматери молились воины, уходившие в поход против Наполеона, сюда привозили трофейные знамена и ключи взятых городов, здесь в 1813 году был похоронен М. И. Кутузов, а потом Б. И. Орловский воздвиг ему и М. Б. Барклаю-де-Толли памятники перед фасадом собора.

Ф. Мартенс. Вид Горного института.

У «истока» Невского проспекта Адриан Захаров возвел новое здание Адмиралтейства. Он родился в 1761 году в семье бедного прапорщика и с детства был определен в училище при Академии художеств, ставшей для него, будущего академика, родным домом. Потом он учился в Париже у архитекторов Ж. Ф. Шальгрена и К. Н. Леду, а вернувшись, преподавал в Академии.

Захаров много проектировал и строил. Кроме нескольких весьма посредственных церквей в большинстве своем это были типовые служебные постройки: военные училища, госпитали, казармы, склады. А еще он перестраивал и ремонтировал разные казенные сооружения морского ведомства вроде Гребного порта или маяков на Азовском море. Возможно, мы с трудом отличили бы его от других рядовых архитекторов той поры (Захаров умер в 1811 году), если бы в 1806 году ему не поручили реконструировать здание

Адмиралтейства, построенное еще в 1730-е годы Иваном Коробовым. И тут оказалось, что все прежние «скучные» технические работы Захарова – лишь накопление опыта, лишь «уроки архитектурного сольфеджио», лишь огранка этого истинного бриллианта русского классицизма.

Трудно было конкурировать с гениальным творением Захарова другому великому петербургскому архитектору, Карлу Росси, но он справился с этой задачей и совсем рядом с Адмиралтейством возвел свой шедевр – здание Главного штаба. Итальянец Росси родился в 1775 году в Венеции, но всю свою жизнь прожил в Петербурге, учился у Винченцо Бренны, много работал в Павловске с ним, а также с Кваренги, Камероном, Баженовым. В общем, у него были хорошие учителя! А если к этому добавить законченную Росси в 1806 году Флорентийскую академию, то можно понять истоки его гения.

Сила его чудесного таланта состояла в способности не просто построить одно или два красивых здания рядом, а создать целостный ансамбль, сочетая в нем торжественную имперскую грандиозность с чистотой и ясностью архитектурных идей, изяществом и соразмерностью пропорций, словом, с «точной красотой». Он тонко чувствовал дух имперской столицы, когда задумал объединить стоящие вдоль Дворцовой площади разномастные дома великолепной дугой здания Главного штаба (1819–1829), украсив его гигантской аркой 18-метровой высоты с горделивой колесницей наверху. Это не просто арка, а триумфальные ворота, посвященные победе 1812 года, причем попутно Росси блестяще решил сложнейшую задачу – соединил Дворцовую площадь с подходящей к ней под углом Большой Морской улицей. По мысли Росси улица, слегка изгибаясь, «вливается» в площадь, пройдя под аркой Главного штаба, – вид, сразу же ставший классическим!

В это же время на стрелке Васильевского острова возвели изумительный по красоте ансамбль с «античным храмом» на подиуме – Биржей работы Тома де Томона, с лестницами и Ростральными колоннами. «Как величественна и красива эта часть города, – восхищался в 1814 году поэт К. Н. Батюшков. – Вот произведение достойного Томона!» Но, спустившись на грешную землю, отметим, что место это было примечательно и расположенным на стрелке портом, обилием прибывающих со всего света судов, которые везли в Петербург разные диковинки. Петербургские гурманы с баснописцем Крыловым во главе часто езживали «на биржу есть устрицы». П. Вяземский писал Пушкину: «То-то было бы тебе объеденье на бирже: устрицы, сыры, разные сласти». Крылов съедал зараз до 80 устриц – рекорд! Там же можно было послушать голоса тысяч экзотических птиц, клетки с которыми для продажи были расставлены на нескольких этажах огромного здания Биржи...

Заметки на полях

Уму непостижимо, как Захаров сумел создать шедевр несравненного величия и изящной гармонии из обычного промышленного и складского здания длиной почти в полкилометра, как он, не губя постройки Коробова, смог придать ей новый торжественный, праздничный вид, сделать фасад здания немонотонным, живописным. А уж о монументальности огромной и одновременно стройной башни Адмиралтейства, ставшей символом Петербурга, и говорить не приходится. Волшебник Захаров заложил в ее конструкцию помимо гармонии некую магнетическую силу, которая уже два столетия «гонит» наш взгляд от земной суеты Невского проспекта вверх по золотому шпилью к кораблику, к небу, к вечности, к Богу...

Заглянем в источник

При Александре люди стали свидетелями и участниками грандиозных праздников во дворце. Раз в год царь выступал в роли гостеприимного хозяина для жителей столицы. Всюду рассылались приглашения посетить 1 января городской маскарад в Зимнем дворце. В этот день в жилище царя устремлялись толпы принаряженных петербуржцев. В Зимний дворец могли прийти не только дворяне, но, как писал современник, «купцы, мещане, лавочники, ремесленники всякого рода,

даже простые бородатые крестьяне и крепостные люди, прилично одетые. Все это теснилось и толкалось вместе с первыми чинами двора, представителями дипломатии и высшего света. Разодетые дамы, в бриллиантах и жемчугах, военные и штатские звездоносцы и вперемежку с ними фраки, сюртуки и кафтаны. Государь и царское семейство, с многочисленную свитой, прохаживаясь из одной залы в другую, иной раз с трудом могли пройти сквозь толпу».

Без преувеличения можно сказать, что в этот день народ был приглашен на угощение в царский дом:

«В залах расставлено было множество буфетов с золотой и серебряной посудой, с прохладительными напитками всякого рода, отличными винами, пивом, медом, квасом, с обилием кушаний всякого рода от самых изысканных до простонародных... Толпа вокруг буфетов сменялась толпой, по мере того, как они опорожничались и снова наполнялись. На таких ежегодных праздниках иной раз наезжало в Зимний дворец от 25 до 30 тысяч человек. Иностранцы не могли надивиться порядку и приличию толпы, и доверчивости государя к своим подданным, которые с любовью, преданностью и чувством самодовольства теснились вокруг него в течение 5 или 6 часов. Тут не соблюдалось ни малейшего этикета, в то же время никто не злоупотреблял близостью к царской особе».

Ансамбль на Стрелке Васильевского острова, Казанский собор, Адмиралтейство, Главный штаб вместе с другими творениями Росси времен правления Александра I – Елагиным (1824) и Михайловским (1825) дворцами, а также с угловым зданием Публичной библиотеки архитектора Е. Т. Соколова (1801), Конногвардейским манежем Дж. Кваренги (1807), Городской думой Дж. Феррари (1804), наконец, построенным в 1820 году О. Монферраном «Домом со львами» Лобанова-Ростовского (на этих львах у входа как раз и спасался застигнутый наводнением несчастный Евгений – герой поэмы «Медный всадник» А. С. Пушкина) – все эти сооружения «цветущего классицизма» стали доминантами архитектурного пейзажа Петербурга Александра I.

Надобно расстаться с Петербургом, надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите – какое единство! Как все части отвечают целому! Какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями. Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке!

Так писал поэт Константин Батюшков.

Бурлила и светская жизнь Петербурга.

Общественные удовольствия в Петербурге, стесненные при Павле, оживились с воцарением его преемника... – вспоминал современник. – Процветали комическая опера и водевиль... Плавильщиков играл прекрасно, а между актрисами в трагедиях отличалась Семенова. Частые маскарады чередовались с театральными представлениями, в течение поста ежедневно бывали духовные концерты. Гендель, Моцарт, Гайдн... В летнее время высшее общество не разъезжалось, император Александр жил летом в Каменноостровском дворце, а общество селилось по соседним островам. Устраивались часто общественные гуляния.

Праздник 22 июля в день тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Петергофе даже превосходил зимний праздник в Петербурге. При этом роскошным фоном торжества служили сады и парки загородной резиденции. Писатель П. Шаликов в 1805 году так описывал увиденное:

Бесчисленные куртины и аллеи, зеркальные бассейны и каналы, храмы и киоски: все в ярком огне, все в радужных цветах... Прибавьте к этому шум фонтанов и каскад звуков роговой музыки, рассеянные группы гуляющих – и все заставит вас думать, что вы перенесены в жилище богов, угождающих друг друга. Но не все ли равно? Здесь Мария угощает Александра!

Заметки на полях

Без преувеличения можно сказать, что это было непривычное, невиданное в России единение царя и народа, приглашенного в царский дом на царское угощение. Если бы мы жили тогда в Петербурге, то наверняка могли бы, отведав царского угощения, сказать: «И я там был, мед, пиво пил...» Ведь население города не превышало 150 тыс. человек и, таким образом, поднять бокал во здравие государя мог каждый пятый петербуржец!

Праздники династии были всенародными днями отдыха и гуляний, и каждый год весь Петербург, охваченный праздничным возбуждением, ждал 22 июля. За несколько дней до торжеств из города по Петергофской дороге устремлялись тысячи людей: знать в роскошных каретах, дворяне, горожане, простолюдины – кто в чем придется. Журнал 1820-х годов нам сообщает:

На дрожках теснятся несколько человек и охотно переносят тряску и беспокойство; там, в чухонской фуре, помещается целое семейство с большими запасами провизии всякого рода, и все они терпеливо глотают густую пыль... Сверх того, по обеим сторонам дороги идут многие пешеходы, у которых охота и крепость ног пересиливает легкость кошелька; разносчики разных фруктов и ягод – и те спешат в Петергоф в надежде на барыш и водку. ...Пристань представляет тоже оживленную картину, здесь тысячи народу теснятся и спешат попасть на пароход.

Петербуржцы проводили в Петергофе несколько дней – парки были распахнуты для всех. Десятки тысяч людей ночевали прямо на улицах. Теплая, короткая светлая ночь никому не казалась утомительной. Дворяне спали в своих каретах, мещане и крестьяне в повозках, сотни экипажей образовывали настоящие бивуаки. Всюду виднелись жующие лошади, спящие в самых живописных позах люди. Это были мирные полчища, все обстояло на редкость тихо и чинно, без привычного пьянства и мордобоя. После окончания праздника гости так же смирно уезжали в Петербург, жизнь входила в свою обычную колею до следующего лета...

Вечером, после обеда и танцев в Большом дворце начинался маскарад в Нижнем парке, куда допускали всех желающих. Петергофские парки к этому времени преображались: аллеи, фонтаны, каскады, как в XVIII веке, украшались тысячами зажженных плашек и разноцветных ламп. Всюду играли оркестры, толпы гостей в маскарадных костюмах гуляли по аллеям парка, расступаясь перед кавалькадами нарядных всадников и экипажами членов царской семьи.

И. Айвазовский. Вид Большого дворца и Большого каскада.

С восшествием Александра Петербург особенно радостно встречал свое первое столетие. В мае 1803 года в столице шли непрерывные гуляния. Зрители видели в день рождения города, как несметное множество празднично одетого народа наполняло собою все аллеи Летнего сада... на Царицыном лугу стояли балаганы, качели и другие приспособления для всякого рода народных игр. Вечером Летний сад, главные здания на набережной, крепость и небольшой голландский домик Петра Великого... были великолепно иллюминированы. На Неве флотилия из небольших судов императорской эскадры, разубранная флагами, была также ярко освещена, и на палубе одного из этих судов виден был... так называемый «Дедушка русского флота» – ботик, с которого начался русский флот...

Судьбы сестер Александра I

В Европе и России разворачивались грандиозные события, а жизнь в семье Романовых шла своим чередом: у императора Александра I были жена, мать, три младших брата и пять сестер. Вообще, семья императора Павла I и Марии Федоровны была счастлива на детей. Сыновья Александр, Константин, Николай, Михаил – один молодец лучше другого.

Словом, династический тыл империи был обеспечен наследниками и их возможными сыновьями. Но Мария родила еще шесть дочерей. Из них выжили пять. Рождение внучек не особенно радовало императрицу Екатерину II. Девочки, по ее мнению, были несравненно хуже мальчиков. Главное, с ними было больше хлопот и мало проку для престола. Но девочек, как и мальчиков, хорошо воспитывали, и с годами они превратились в завидных невест.

Заглянем в источник

Как писал впоследствии император Николай I, «образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников. Во время церемоний крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицу. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья...»

Всем этим сложным хозяйством руководила не сама Мария Федоровна, которая была отлучена Екатериной от своих детей, часто бывала беременна, занята придворной жизнью, а генеральша Шарлотта Карловна Ливен. Это была удивительная женщина, в сущности, ставшая для русских великих княжон (Александры, Елены, Марии, Екатерины и Анны) второй матерью, которую они искренне и глубоко любили. Вдова Ливен сама воспитала шестерых своих детей и была вызвана Екатериной II, чтобы стать воспитательницей внучек русской императрицы. Честная, прямая, умная, с четкими моральными принципами, она нашла дорогу и к сердцу Марии Федоровны. Целых 40 лет она провела в семье Романовых и по праву за свой педагогический подвиг была пожалована светлейшей княгиней... 25 февраля 1796 года Екатерина II писала барону М. Гримму:

«Вчера на маскараде великие княгини Елизавета (жена Александра. – Е. А.), Анна (жена Константина. – Е. А.), княжны Александра (13 лет. – Е. А.), Елена (12 лет. – Е. А.), Мария (10 лет. – Е. А.), Екатерина (8 лет. – Е. А.), придворные девицы – всего двадцать четыре особы, без кавалеров, исполнили русскую пляску под звуки русской музыки, которая привела всех в восторг, и сегодня только и разговоров об этом и при дворе, и в городе. Все они были одна лучше другой и в великолепных нарядах».

Первых двух (старших) сестер, Александру и Елену, ожидала ранняя смерть. В 1796 году Александру пытались выдать за шведского короля Густава IV, специально приехавшего в Петербург ради невесты. Но внезапно все сватовство рухнуло: король-лютеранин ни за что не захотел брать православную Александру в жены. Для этого она должна была перейти в лютеранство. Екатерина II с этим согласиться не захотела. После мучительных и долгих переговоров король покинул Петербург. Императрица была в таком гневе, что с ней стало плохо. Несчастливая Александра была в отчаянии – она стала невинной жертвой придворных интриг и бестолковости русских дипломатов, которые не сумели предупредить катастрофу...

Вскоре умерла Екатерина II, а в 1799 году, уже при Павле I, Александра была выдана за австрийского наследника престола палатина Венгрии Иосифа. Молодые уехали в Вену, а потом в Венгрию. Там, в марте 1801 года 18-летняя Александра после тяжелых родов умерла. Судьба ее сестры Елены удивительно схожа с судьбой старшей сестры Александры. Сестры были выданы замуж почти одновременно. В октябре, с разницей в неделю после Александры, Елена венчалась с принцем Мекленбургским Фридрихом. В Шверине, куда уехала с мужем Елена, у нее началась скоротечная чахотка, и в сентябре 1803 года 19-летняя женщина умерла...

Смерть дочерей потрясла Марию Федоровну и вступившего на трон Александра I. С большим опасением они отправляли за границу третью сестру, Марию. В 1804 году ее выдали замуж за сына наследника престола герцогства Веймар принца Карла-Фридриха. Но Мария прожила долгую жизнь в этом маленьком государстве, прославившимся на всю Европу своими культурными традициями – в Веймаре жили Гете, Шиллер, многие другие выдающиеся немецкие просветители. Мария, женщина умная, тонкая, образованная, артистичная, пришлась к веймарскому двору. В 1828 году муж Марии стал герцогом, а она герцогиней, полновластной хозяйкой Веймара... Она так пропиталась духом Веймара, что стала настоящей немкой, тонко чувствовавшей Германию. Недаром великий Шиллер как-то сказал: «Наше отечество там, где мы делаем людей счастливыми». С Марией Павловной дружил Гете:

Я знаю герцогиню с 1804 года и имел множество случаев изумляться ее уму и характеру. Это одна из самых лучших и выдающихся женщин нашего времени и она была бы таковой, если бы и не была государыней.

В 1843 году Мария Павловна пригласила на должность придворного капельмейстера великого композитора Франца Листа. Умерла она в 1859 году.

Сложнее складывалась судьба четвертой сестры Александра, Екатерины Павловны. Вначале, в 1807 году расстроилась ее партия с вдовствующим австрийским императором Францем I, а вскоре у всей семьи Романовых пошла голова кругом – за Екатерину посватался сам Наполеон, решивший развестись с бездетной Жозефиной. Объятая ужасом от мысли о таком родстве, Мария Федоровна долго не отвечала французским сватам, а потом быстро нашла дочери альтернативного жениха. Им стал принц Георг Ольденбургский. Свадьба состоялась в 1809 году, и молодые решили остаться в России. Георга назначили тверским губернатором, и супруги уехали в Тверь. В их новом дворце на берегу Волги закипела жизнь. Сюда приезжал Карамзин, здесь образовался удивительный провинциальный салон. Но в декабре 1812 года Георг умер, заразившись тифом... Екатерина пребывала в страшном горе и унынии, но затем – после победы России в войне с Наполеоном – уехала в Европу, где завязала роман с наследным принцем Вильгельмом Вюртембергским, который срочно развелся с женой, чтобы Екатерина стала его супругой. И вскоре Екатерина была уже королевой, хозяйкой Штутгарта. Она была деятельна и энергична, так же как и Мария в Веймаре, изо всех сил стремясь стать немкой. Как и другие дочери Павла, она была образованна, умна, ее окружали толковые, знающие люди. Екатерина Павловна родила двух дочерей, все шло вроде бы замечательно. Но в январе 1819 года она умерла от казавшегося пустячным заболевания. На ее лице выступила какая-то сыпь. Ни врачи, ни она сама не придали болячке никакого значения, но неожиданно сыпь эта оказалась прогрессирующей

рожей, страшным воспалением. Инфекция попала в мозг, и молодая женщина вскоре умерла.

Последней от Марии Федоровны уехала Анна. Она родилась в 1795 году в Гатчине, следом появился на свет Николай, а в 1798 году – Михаил. Это были последние дети императора Павла I, и он особенно их любил, говорил, что если старших отобрала у него мать, то эти с ним будут всегда, и часто ласкал младших, называя их «мои барашки», «мои овечки». Это были приятнейшие воспоминания Анны об отце, которого страшилась вся страна... А потом девочка выросла в красивую, стройную девушку и неожиданно для всех в 1809 году оказалась в центре внимания всей Европы. После того как сватовство Наполеона к Екатерине Павловне провалилось, он не отчаялся и вскоре посватался за Анну.

Но с ответом на предложение Наполеона сумели затянуть настолько, что Наполеон не стал ждать и предложил руку дочери австрийского императора 18-летней Луизе... А Анна в 1818 году вышла замуж за победителя Наполеона на поле Ватерлоо нидерландского принца Вильгельма (Виллема), ставшего в 1840 году королем. Анна стала нидерландской королевой. В Нидерландах ее до сих пор называют «Аннаполоне». Она умерла в 1865 году, поставив последнюю точку в длинной истории дочерей Павла I. Но история эта, в сущности, не кончилась. Пропали империи, забылись битвы, войны, но прелестное «династическое наступление» дочерей Павла и Марии на Европу не пропало для истории даром. Не будем забывать, что кровь их по-прежнему струится в жилах многих царственных особ Европы, что благодаря своим дочерям Россия навсегда связала себя с европейскими династиями, с европейской культурой, с Европой.

Заглянем в источник

Вдовствующая императрица была в отчаянии. Во второй раз отказать императору Франции? Или обречь 15-летнюю невинную девушку на жертву? Именно как жертву воспринимала этот брак Мария Федоровна. Она понимала, чем может грозить России конфликт с Наполеоном. Но судьба девочки ее страшила больше:

«Если у нее не будет в первый год ребенка, ей придется много претерпеть. Либо он разведется с нею, либо он захочет иметь детей ценою ее чести и добродетели. Все это заставляет меня содрогаться! Интересы государства, с одной стороны, счастье моего ребенка – с другой... Согласиться – значит погубить мою дочь, но одному Богу известно, удастся ли даже этой ценою избежать бедствий для нашего государства. Положение поистине ужасное! Неужели я, ее мать, буду виной ее несчастья!»

Наводнение 1824 года

Царствование Александра I не кончилось для Петербурга и страны благополучно. Два страшных бедствия, одно природное, другое социальное, обрушились на город. И в центре их оказался Медный всадник, под которым будто бы и живет гений города. 7 ноября 1824 года в Петербурге произошло второе наводнение, оказавшееся самым сильным и разрушительным из всех прежних. И хотя к наводнению готовились, жителей предупреждали о надвигающейся стихии, но никто не мог представить себе, какая страшная участь ждет город. Кроме обычной при наводнении непогоды, ветра, дождя, повышения уровня воды в реках и каналах днем со стороны моря неожиданно пришел страшный вал наподобие тихоокеанского цунами. Как пишет очевидец, «необозримое пространство вод казалось кипящей пучиной, над которой распростерт был туман из брызгов волн, гонимых против течения и разбиваемых ревущими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец, яростно устремились на берег. Множество деревянных построек не могли противостоять огромной массе воды и с треском обрушились... В одно мгновение вода полилась через края набережных рек и всех каналов, через подземные трубы она хлынула в виде фонтанов».

Дворцовая площадь мгновенно превратилась в бушующее озеро, которое сломало «плотину» из заборов возле недостроенного здания Главного штаба и ворвалось под его арку, а потом, как разбойник, устремилось на Большую Морскую и Невский, сделав их беснующимися реками. И посреди этого бушующего водного пространства, в которое превратились улицы и площади Петербурга, недвижно возвышался Медный всадник. Чуть позже все это отразилось в гениальной поэме А. С. Пушкина. Люди спасались, как могли, на крышах уцелевших домов, на бревнах, плавающих кровлях, воротах и т. д. Многие погибли в холодной воде, тонул домашний скот, припасы и пожитки. К вечеру вода схлынула. Весь город был покрыт трупами людей, животных, слоем грязи вперемешку с хламом, унесенными водой судами, дровами, строевым лесом и вымытыми потоком воды с окрестных кладбищ гробами.

Как всегда, рядом с трагедией уживалось смешное. Помогая соседям перебираться по чердаку своего дома, баснописец Крылов обнаружил вывешенную на просушку еще три года назад шубу, которую тщетно разыскивал. Находка пострашнее покрытой пылью и изъеденной молью медвежьей шубы ожидала некую молодую вдовицу. О ее злоключениях писали потом в местной газете. Оказалось, что, живя в одной из дальних линий Васильевского острова, она буквально накануне наводнения похоронила на Смоленском кладбище своего старого супруга, «над прахом которого не расположена была плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучил ее своею ревностью. Проводив его на место вечного упокоения, она также думала найти, наконец, душевное спокойствие, но каков же был ее ужас, когда вечером рокового дня она увидела гроб своего сожителя у самого крыльца ее дома! Нечего делать, пришлось бедной вдовушке вторично хоронить своего неугомонного мужа».

Панорама наводнения 1824 года в Петербурге.

Последние годы Александра I

Известно, что последние годы жизни Александра I были окрашены в мрачные, грустные тона. Ему казалось, что жизнь прожита напрасно, что ни власть, ни слава не стоят и ломаного гроша. С реформами, ради которых он пришел к власти, было покончено – они не удались. Оказалось, что невозможно совместить самодержавие – основу русского миропорядка – и начала свободы. Александр глубоко разочаровался в России, в ее людях. Он писал: «Я люблю конституционные учреждения... Но можно ли их вводить одинаково у всех народов? Все ли народы готовы в равной степени принять их? Не знаю...».

Да и сам он к концу правления изменился – перестал быть модником, не красовался, как раньше, перед зеркалом. Прежде ловелас и волокита, он не смотрел более на женщин, все

чаще искал уединения и скитался по стране и Европе, будто не мог найти себе места. В открытой коляске, в ведро и ненастье, он почти непрерывно путешествовал по России. Пушкин назвал его точно – «кочующий деспот». Кажется, что в непрерывной смене впечатлений, в своем дорожном одиночестве под звездным небом он отвлекался от тягостных дум. Царь бы понял и оценил то, что писал позже об успокоительной силе русской дороги великий Гоголь.

Дорога отвлекала от дум, но не успокаивала душу, как это делала вера. В своем духовном совершенствовании царь прошел несколько стадий. Сначала он стремился стать просто христианином, без всех этих кадил, риз и песнопений. Простая обрядность лютеран, различных сектантов, суровость квакеров влекла его. Потом Александр I, не чуждый мистицизма, увлекся беседами с разными адептами «внутренней церкви», но вскоре усомнился в их бескорыстии. И тогда он вновь вошел в православный храм, принеся в него свою глубокую веру...

Кажется, что роковой перелом произошел в страшные часы наводнения 7 ноября 1824 года. Из окна Зимнего дворца Александр I видел яростный разгул стихии, гибель десятков людей. И он ничем не мог помочь своим подданным, пока не стихнет, по воле Вседержителя, этот убийственный ветер с моря. Когда он на следующий день осматривал следы разрушений, то услышал, что кто-то в толпе сказал: «За грехи наши Бог нас карает». – «Нет, – произнес царь, – он карает за мои грехи». Возможно, он имел в виду не только убийство отца, к которому был причастен, но и что-то другое... Летом 1825 года серьезно, как оказалось смертельно, заболела императрица Елизавета Алексеевна. Они прожили под одной крышей целую жизнь, не согретую взаимной любовью. Их видели вместе в протокольные дни и раздельно во все другие. А тут государь вдруг иначе взглянул на жену. Испытал ли он жалость, сострадание, раскаяние, настигло ли его искреннее христианское чувство – неизвестно, но он решил быть с женой до конца. Почему-то постановили ехать лечиться на российский юг, выбрали Таганрог – глухой южный городишко. Александр отправился вперед, 1 сентября его экипаж поднялся на Пулковские высоты, и царь долго, неотрывно смотрел назад, на столицу. Спутникам показалось, что он прощается с ней навсегда...

Легенды и слухи

Смерть или уход Александра?

То, что произошло там, на юге, покрыто тайной. Официально известно, что Александр I умер 19 ноября 1825 года в Таганроге. Тело государя поспешно бальзамировали и повезли в Петербург. По дороге умерла и Елизавета Алексеевна... А примерно с 1836 года, уже при Николае I, по стране поползли слухи, что в народе живет некий мудрый старец Федор Кузьмич Кузмин, праведный, образованный и очень-очень похожий на покойного императора, хотя при этом вовсе не претендующий на самозванство. Он долго ходил по святым местам Руси, а потом осел в Сибири, где и умер в 1864 году. То, что старец не был простолюдином, было ясно всем, кто его видел.

Но дальше разгорелся яростный и неразрешимый спор: кто же он? Одни говорят, что это – некогда блестящий кавалергард Федор Уваров, который таинственно исчез из своего поместья. Другие же считают, что это и был сам император Александр. Конечно, среди последних немало сумасшедших и графоманов, но есть и люди серьезные. Они обращают внимание на множество странных фактов. Причина смерти 47-летнего императора, в общем-то, здорового, подвижного человека, до конца не понятна. Есть какая-то странная путаница в документах о кончине царя, и это заставило заподозрить, что бумаги составлены задним числом. Когда же тело доставили в столицу, то при вскрытии гроба все были поражены вскриком матери покойного, императрицы Марии Федоровны при виде темного, «как у мавра», лица Александра: «Это не мой сын!» Говорили о какой-то ошибке при бальзамировании. А может быть, как утверждают сторонники ухода царя, ошибка эта была не случайна? Как раз

незадолго до 19 ноября на глазах государя разбился фельдъегерь – экипаж понесли лошади. Его-то и положили в гроб, а сам Александр...

Ко всему, что сказано выше о духовном кризисе, разочаровании, вспыхнувшей религиозности царя как о глубинных побудительных мотивах ухода, добавим слухи о том, что в последние месяцы Александр I очень изменился. Казалось, им владела какая-то важная мысль, которая делала его задумчивым и решительным одновременно. Он очень любил дальние прогулки в полном одиночестве в окрестностях Таганрога. Сохранились рассказы о том, как на дороге неизвестный офицер просит крестьянина в телеге подвезти его до города. Ни возница, ни встречные не признают в этом офицере, покрытом пылью, императора. Наконец, близкие вспоминали, как Александр часто заговаривал о том, что устал и мечтает оставить престол. Супруга Николая I, императрица Александра Федоровна, за неделю до их коронации 15 августа 1826 года записала в дневнике:

«Наверное, при виде народа я буду думать о том, как покойный император Александр, говоря нам однажды о своем отречении, прибавил: “Как я буду радоваться, когда я увижу вас проезжающими мимо меня, и я в толпе буду кричать вам “Ура!”, размахивая своей шапкой”».

Оппоненты на это возражают: виданное ли дело – отказаться от такой власти? Да и все эти разговоры Александра – лишь привычная для него поза, жеманство. И вообще, зачем царю понадобилось уходить в народ, который ему так не нравился. Разве не было иных способов прожить без трона – вспомним шведскую королеву Кристину, оставившую престол и уехавшую наслаждаться жизнью в Италию. Или можно было поселиться в Крыму и построить дворец. Да можно было уйти в монастырь, наконец. Но тогда в первом случае вряд ли удалось бы выскочить из мышьей беготни светской жизни, а во втором толпы зевак возле кельи шагу не дали бы ступить бывшему царю... И потом... как же со спасением через покаяние, страдание, крестный путь, которым когда-то прошел Христос? А между тем от одной святыни к другой брели с посохами и котомками по России богомольцы. Их много раз в своих поездках по стране видел Александр. Это были не бродяги, а люди, исполненные веры и любви к ближнему, вечные очарованные странники Руси. Их непрерывное движение по бесконечной дороге, их видная по глазам и не требующая доказательств вера могла подсказать выход усталому государю...

Словом, в этой истории ясности нет никакой. Лучший знаток времени Александра I историк Н. К. Шильдер, автор фундаментальной работы о нем, блестящий знаток документов и честнейший человек, говорил:

«Весь спор только потому и возможен, что одни непременно желают, чтобы Александр I и Федор Кузьмич были одно и то же лицо, а другие решительно этого не хотят. Между тем никаких определенных данных для решения этого вопроса в ту или другую сторону нет. Я могу привести столько же данных в пользу первого мнения, сколько и в пользу второго, и никакого определенного заключения сделать нельзя».

Иначе говоря, верить или не верить? Конечно, можно вскрыть гробницы императора и его матери Марии Федоровны, взять образцы ДНК и уже точно все установить... Но пока наши знания остаются такими, как и в XIX веке. И мы, как император Александр III, и множество других людей, вновь и вновь перебираем факты и предположения, которые как-то сами собой складываются в малопонятный пасьянс. Впрочем, заметим, что ни об одном российском императоре, кроме Александра I, нет подобных слухов. Случайно ли это?

Междоусобица и восстание на Сенатской площади

Исходным толчком драматических событий в Петербурге послужило пришедшее в ноябре 1825 года известие о смерти в Таганроге Александра I. Император завещал престол не

старшему из своих братьев, Константину, а среднему – Николаю. Александр I был вынужден нарушить павловский закон о престолонаследии, потому что Константин Павлович, находившийся постоянно в Варшаве, категорически отказывался вступать на престол. Однако кроме близких о новом завещании почти никто не знал. Поэтому Сенат и Синод, сразу же по получении печального известия из Таганрога, провозгласили императором цесаревича Константина Павловича. Лишь через несколько дней из Варшавы пришло официальное отречение Константина, и только тогда Николай смог законно занять вакантный престол. Возникшим междуцарствием и решили воспользоваться те, кого потом назовут декабристами.

Это междуцарствие застало революционеров на стадии выработки и согласования программ. Они еще не были готовы к вооруженному выступлению. И все же «северяне», собравшись на квартире поэта К. Ф. Рыльева, решили выступить в момент приведения армии к присяге Николаю I.

Начатый рано утром 14 декабря мятеж сопровождался серьезными просчетами организаторов. Они опоздали вывести верные им части из казарм на Сенатскую площадь, не проявили необходимой в этот миг решительности и согласованности. Долго медлили и в стане Николая Павловича. Как человек неопытный, он колебался. Военный генерал-губернатор Петербурга М. А. Милорадович, много знавший о заговоре и не считавший его серьезным, в день мятежа решил лично утихомирить бунтовщиков, но был смертельно ранен возле построившегося на Сенатской площади каре восставших.

К вечеру из-за нерешительности руководителей мятежа, бесцельно державших верных им солдат на площади, инициатива сама собой перешла к Николаю. Он окружил Сенатскую площадь войсками и огнем четырех орудий подавил мятеж. Уже после разгрома петербургского выступления, в конце декабря 1825 года, в Белой Церкви началось восстание «южан», которые поднял Черниговский пехотный полк. Руководитель «Южного общества» полковник П. И. Пестель был накануне арестован, поэтому восстание возглавили С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин. Сначала восставшим сопутствовал успех, но потом они были окружены ерными правительству войсками, разбиты, частью убиты, частью арестованы. Дела «южан» были приобщены к расследованию, которое велось в Петербурге.

Суд над декабристами и приговор

Арестованных (всего 316 человек) посадили в сырые и тесные казематы Петропавловской крепости. Там же началось следствие, там же заседал специально организованный Верховный уголовный суд. Все этапы расследования проходили под руководством Николая I, который показал себя хорошим дознавателем.

В приговоре суда (начало июля 1826 года) было сказано, что «все подсудимые, без изъятия, по точной силе наших законов, подлежат смертной казни. И потому, если установлением разрядов в наказаниях благоугодно будет Вашему императорскому величеству даровать некоторым из них жизнь, то сие будет не действием закона, а тем менее действием суда, но действием единого монаршего милосердия...» Вместе с тем суд отмечал особо: «И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общею безопасностью государства столь смеженные, что самому монарху они, кажется, должны быть недоступны».

Заглянем в источник

Роль простых исполнителей неудачного замысла Рыльева и его друзей – солдат, выведенных на площадь у Сената, была самой жалкой. Они оказались пешками в политической игре. Отчасти их обманули офицеры-революционеры, говоря, что ведут защищать права императора Константина (а также, как сказано в тогдашнем анекдоте, Конституцию – жену Константина). Отчасти они слепо, как и положено служивым, подчинялись приказам командиров, и потом

их расстреливали на площади и топили в невских прорубях послушно и слепо действовавшие также по приказу их бывшие товарищи – солдаты правительственных войск. Вот что писал солдат-мятежник Петр Фатеев своим родителям:

«Дорогим родителям низко-пренизко кланяюсь до матушки сырой земли! Великое несчастье постигло меня. За стрельбу зимой на Сенатской площади меня приказали посадить. От этого я долго и не писал Вам. Сидеть дюже плохо: били, не кормили. Теперь я опять на воле. Мне был суд. На суд я попал вместе со своими товарищами. Много нас было, почти что сотня, аль более было нас. Даже страшно на суде было. Судили там господа разные в медалях с царем на шее, долго судили, и сам новый государь император, Его императорское величество Николай Павлович тоже судил нас. Присудили всех на каторжные работы за эту самую стрельбу в Сибирь. Но Царь наш батюшка смилостивился и дал такой указ суду, чтобы весь наш полк отправить на войну с персиянами, так что я, небось, скоро уеду и когда приеду на родину, не ведомо. Прощайте, дорогие родители и все знакомые.

Умные люди говорят, далеко эти самые персияне-то живут, не скоро до них доберемся. Жив буду, вернусь... Более писать не буду, а то не велят нам, опять в острог посадят...»

Легенды и слухи

Тайны истории мятежа на Сенатской площади

В истории декабристов и восстания на Сенатской площади много неясного. Часть историков считает, что параллельно с заговором декабристов происходила попытка дворцового переворота, который пытались устроить военный генерал-губернатор Милорадович и командование гвардии. Генералам был крайне невыгоден приход к власти Николая – человека молодого, незнакомого и чуждого им. Поэтому они вынудили Николая, вопреки завещанию, присягнуть в верности императору Константину I, полагая, что им, старым боевым сподвижникам цесаревича, удастся уговорить его вступить на престол. Но Константин упорствовал в своем отказе от трона, несмотря на отчаянные письма Милорадовича и других к нему. Из-за этого и произошла пауза, которой и воспользовались декабристы.

Но и в их среде не было единодушия. Планы переустройства России, заложенные в программах двух тайных обществ, были весьма различны, и вряд ли состыковывались бы. Согласно «Русской правде» Пестеля, во главе республиканской России должна была встать военная хунта во главе с диктатором, на кресло которого претендовал честолюбивый Пестель. Согласно же проекту Никиты Муравьева, Россия должна была стать конституционной монархией с довольно либеральным устройством. Неизвестно, сумели бы декабристы договориться после предполагаемой победы. Но планам этим не было суждено сбыться.

Много загадок в истории самого восстания. До сих пор нет вразумительных объяснений, почему князь С. П. Трубецкой, избранный диктатором восстания, даже не явился на Сенатскую площадь, где много часов стояли мятежники, хотя жил рядом с ней и, если это была трусость или предательство, почему декабристы впоследствии не осудили его за это? Мемуары самого Трубецкого не дают возможности разгадать эту загадку. Они обрываются на важном для читателя месте – начале допроса Трубецкого императором: «Левашов взял мой допросный лист и пошел к государю: вскоре оба воротились ко мне. Государь мне сказал: “Я...”». Что было дальше, мы никогда не узнаем.

Наконец, в последнее время в литературе было высказано серьезное сомнение относительно разветвленности и организованности декабристских тайных обществ. Не преувеличили ли задним числом сами подследственные, а потом и ссыльные свою революционную деятельность до момента совершения ими государственного преступления – мятежа. Организации, в которых они

состояли, во многом были аморфны, а их совещания и заседания часто сводились к дружеским пирушкам и острым разговорам о политике, что делалось во многих местах. Проекты же переустройства страны писали в России всегда, со времен Ивана Грозного. Так получается, что большинство материалов о тайной организации декабристов относятся ко времени следствия и ссылки их в Сибирь. В материалах же самого следствия отчетливо видно естественное для политического сыска всех времен стремление «структурировать» на самом деле эфемерную организацию декабристов, оформить более четко ее цели, задачи, организацию. Не будем забывать, что это было время распространения страшных слухов о европейских карбонариях, масонских заговорах. Подследственные вольно и невольно этому помогли. Многие чувствовали себя не просто гвардейцами-мятежниками, вроде Миниха или братьев Орловых, а карбонариями, борцами за свободу.

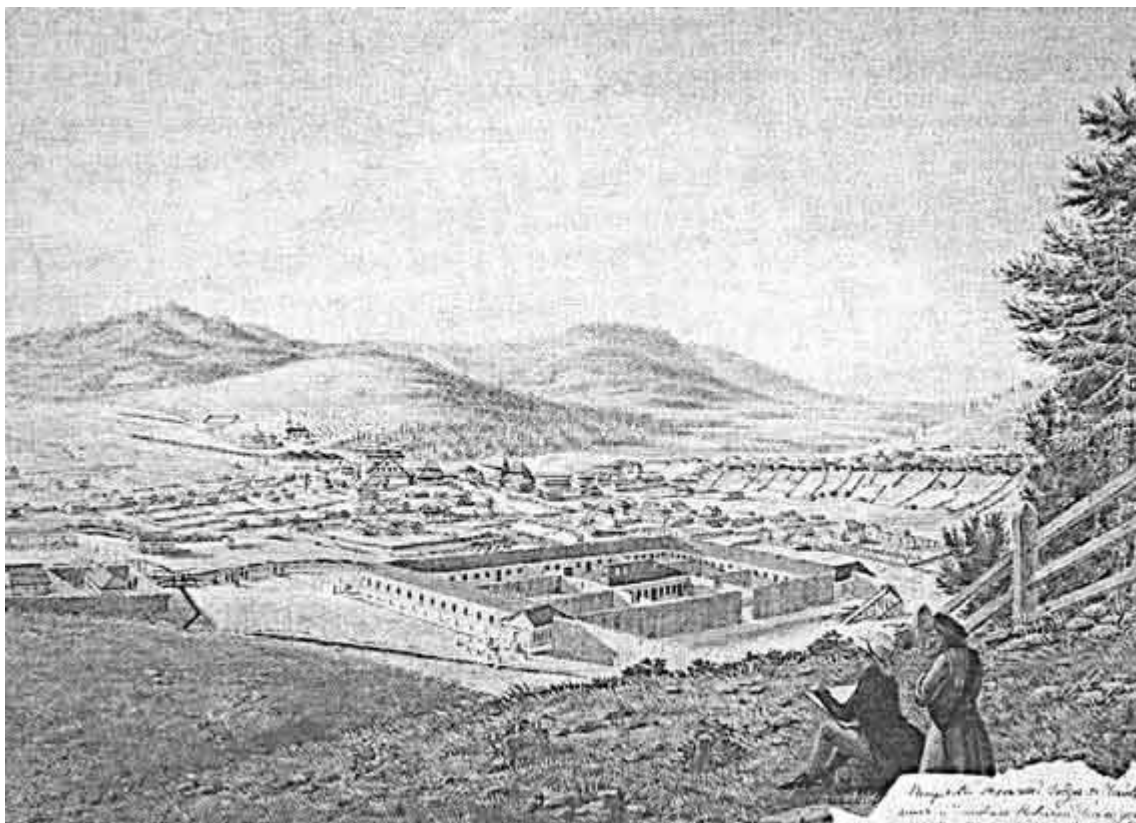
Есть свидетельства того, что Александр I еще в 1821 году знал о тайных собраниях офицерства, содержании их бесед и споров о будущем России, но не придавал этой информации особого значения. В ответ на доклад генерал-адъютанта Васильчикова о заговоре он сказал: «Дорогой Васильчиков! Вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения». Возможно, этим объясняется инертность власти после доносов в 1825 году двух офицеров – Шервуда и Майбороды – о тайных обществах в армии. Получается, что если бы не ситуация междуцарствия, спровоцированная группой Милорадовича, никакого мятежа, возможно, и не произошло бы...

Однако в указе 10 июля Николай I все-таки проявил милосердие и решился нарушить действительно свирепые (со времен царя Алексея Михайловича и Петра Великого) законы о государственных преступлениях. Это обстоятельство как-то упускается из виду в рассказе о декабристах – государственных преступниках. Если бы к ним применили действовавшие тогда положения закона – Уложения 1649 года, «Воинского устава» Петра Великого и другие указы, – то казни подлежали бы все участники государственного преступления, причем к ним следовало бы (по силе закона) применить самые лютые казни: четвертование, колесование, кнутование, посажение на кол – все то, что Петр Великий, не колеблясь, применял к таким же мятежникам – стрельцам. По воле Николая преступников разделили на 11 разрядов, предполагающих различные виды и сроки наказаний. Пятерых руководителей мятежа (Павла Пестеля, Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина, Кондратия Рылеева и Петра Каховского) казнили через повешение у кронверка Петропавловской крепости, остальных сослали в Сибирь. Следствия и суды над участниками заговора и мятежа еще долго тянулись в других городах.

По всем процессам власти отправили в Сибирь 124 человека. Закованные в кандалы и одетые в арестантские халаты, декабристы отбывали каторгу сначала на Нерчинских рудниках, а затем за высокими стенами Читинского острога и в других местах. Позже их перевели на поселение. Поведение сосланных декабристов и приехавших к ним жен стало образцом достоинства и порядочности. Они жили насыщенной жизнью культурных людей, не унывая и не предаваясь отчаянию. Многие из них на поселении занимались научными исследованиями, живописью, устраивали концерты, давали уроки, переписывались с друзьями. В 1856 году, после начала нового царствования, оставшихся в живых декабристов новый император Александр II помиловал, и они вернулись из Сибири, которая «тоже Россия, только пострашнее».

Вообще же декабрьская история 1825 года имела для России самые печальные последствия. Погибли, сгинули в ссылках незаурядные люди, на долгие годы общественная жизнь была заморожена страхом и унынием. Власть же, испытавшая страшное потрясение мятежных дней, крайне настороженно и недружелюбно смотрела на все предложения модернизации и необходимых стране перемен. Александровская эпоха, начавшаяся при свете солнца ранней весны с надежд, оптимизма, иллюзий и реформ, закончилась сумраком

декабрьского дня разочарований, страха, уныния и безнадёжности...

Н. Бестужев. Общий вид Петровского Завода (в центре – тюрьма, в которой отбывали наказание декабристы).

Заглянем в источник

Легендарным стало поведение многих жен декабристов, которые, пользуясь правом следовать за своими мужьями-преступниками, добровольно приехали в Сибирь и разделили с ними тяжкий жребий. Власти, не одобрявшие подобной жертвенности, всячески препятствовали поездке женщин, принадлежавших к высшему обществу, откровенно запугивали этих светских дам, всегда живших в комфорте и безопасности. Княгиня М. Н. Волконская, жена князя С. Г. Волконского, писала:

«Губернатор (Иркутска. – Е. А.), видя мою решимость ехать, сказал мне: “Подумайте же, какие условия вы должны будете подписать”. – “Я их подпишу не читая”. – “Я должен велеть обыскать все ваши вещи, вам запрещено иметь малейшие ценности”. С этими словами он ушел и прислал ко мне целую ватагу чиновников. Им пришлось переписывать очень мало: немного белья, три платья, семейные портреты и дорожная аптечку... мне предъявили к подписи пресловутую подписку, причем они мне сказали, чтобы я сохранила с нее копию, дабы хорошенько ее запомнить. Когда они вышли, мой человек, прочитавший ее, сказал мне со слезами на глазах: “Княгиня, что вы сделали, прочтите же, что они от вас требуют! – “Мне все равно, уложимся скорее и поедем”. Вот эта подписка:

“1. Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, делается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, т. е. будет уже признаваема не иначе, как женою ссыльнокаторжного и с тем вместе принимает на себя переносить все, что такое состояние может иметь тягостного, ибо даже и начальство не в состоянии будет защитить ее от ежечасных могущих быть оскорблений от людей самого развратного, презрительного класса, который найдут в том, как будто некоторое право

считать жену государственного преступника, несущую равную с ним участь, себе подобною; оскорбления сии могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания. 2. Дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне. 3. Ни денежных сумм, ни вещей многоценных с собой взять не дозволено; это запрещается существующими правилами и нужно для собственной их безопасности по причине, что сии места населены людьми, готовыми на всякого рода преступления. 4. Отъездом в Нерчинский край уничтожается право крепостных людей, с ними прибывших”.

Приведя в порядок вещи, разбросанные чиновниками, и приказав вновь все уложить, я вспомнила, что мне нужна подорожная. Губернатор, после данной мной подписки, не удостоивал меня своим посещением, приходилось мне ожидать его в передней. Я пошла к нему, и мне выдали подорожную на имя казака, который должен был меня сопровождать, мое же имя заменялось словами: “... с везущим”.

По возвращении домой я нашла у себя Александру Муравьеву (рожденную Чернышеву); она только что приехала, выехав несколькими часами ранее ее, я опередила ее на 8 дней. Мы напились чаю, то смеясь, то плача – был повод к тому и другому: нас окружали те же вызывавшие смех чиновники, вернувшиеся для осмотра ее вещей».

Часть V

Царствование Николая I

1825-1855

Личность Николая

Император Николай I, вступивший на престол в 29 лет, сначала испытывал неуверенность и сомнения. Будущее России беспокоило Николая не меньше, чем декабристов. Несомненно, он был человеком ответственным, слова о благе Отечества были для него не пустым звуком. Но он довольно смутно представлял, что ему предстоит делать. Всю свою предыдущую жизнь он не готовил себя к высокому уделу повелителя России. Большие права на престол имел старший брат Константин, который, как и другой брат – император Александр I, годился в отцы Николаю. Их разница в возрасте достигала 17 лет!

Николай родился в 1796 году, он рос мальчиком грубым, властолюбивым и неумным в своих шалостях и капризах. Образование, которое он получил, не дало ни душе, ни уму его ничего полезного. Николай не любил книг (в отличие от своей бабки, Екатерины II, или брата, Александра I), не обладал широким кругозором и интеллектом. Позже, в зрелые годы, он вспоминал, как уныло и нудно проходили уроки, которые вели приглашенные ко двору профессора. Сильное влияние на сына оказывала императрица Мария Федоровна, чьими глазами Николай долго смотрел на жизнь.

Он искренне хотел добра России, но его не готовили к роли самодержца.

Заглянем в источник

Ужас кровопролития, совершеннейшая неясность обстановки, в которой начиналось его царствование, отсутствие опыта и знаний – все это серьезно сказалось на состоянии молодого императора. Вместе с тем он был решителен в искоренении декабристской крамолы. В первые дни своего царствования он говорил французскому посланнику:

«Я начинаю царствование, повторяю вам, под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много; но с вожжаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады... Я буду

непреклонен, я обязан дать этот урок России и Европе. Но не устану вам повторять: сердце мое раздирается и у меня постоянно перед глазами ужасное зрелище, ознаменовавшее день моего вступления на престол».

Николай I.

Николай рано пристрастился к шагистике, муштре и ружейным приемам, в которых видел смысл военного дела. Могучий и красивый воин, он так и не стал ни великим военным реформатором, ни великим полководцем. Маневры под Красным Селом или парад на Марсовом поле были для него вершиной полководческого искусства.

Судьба Николая I по-своему не менее трагична, чем судьба его старшего брата императора Александра I, который искренне хотел провести необходимые обществу реформы, но остановился перед непреодолимыми трудностями: консервативным общественным мнением, отсутствием в обществе тех политических сил, которые могли бы поддержать реформаторские усилия императора. То же самое испытал и Николай. Несмотря на то что по своему воспитанию, складу ума и интересам Николай был более воин и инженер, чем политик, изощренный тактик, мыслитель, он все же улавливал конструктивную сторону идей декабристов и с самого начала своего царствования пытался встать на путь необходимых России перемен. В манифесте 13 июля 1826 года «О совершении приговора над государственными преступниками» говорилось, что «таким образом дело, которое Мы всегда считали делом всей России, окончено: преступники восприяли достойную их казнь, Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». Далее утверждается, что прошло время бунтарства и приносящих разрушение «дерзостных мечтаний», что улучшение жизни России отныне будет достигаться лишь постепенным, нисходящим сверху «усовершеннием... отечественных установлений». Известно, что декабристы не скрывали своих взглядов и полагали, что хотя бы что-нибудь из сказанного или написанного ими на следствии император использует в своем царствовании и тем самым принесет пользу России. И они не ошиблись: уже после окончания процесса над декабристами и казни их предводителей Николай распорядился, чтобы из следственных дел

составили для внутреннего пользования выжимку, в которой учли бы все идеи декабристов относительно преобразования государства и исправления замеченных ими недостатков. Эта записка лежала на рабочем столе императора, и он к ней не раз обращался. И все же реформы, которых хотели декабристы и которые обдумывал Николай, в его царствование так и не состоялись. Для их обсуждения и проведения император образовывал многочисленные секретные комиссии, которые обсуждали различные варианты преобразований, но Николай отправлял проекты перемен в долгий ящик, пока через какое-то время не возникала необходимость обсудить их вновь.

Дело в том, что, сознавая необходимость перемен, Николай I был решительным противником всяких попыток поколебать устои империи, которую он унаследовал от предков и передать которую своим потомкам в целостности и сохранности считал своей священной обязанностью. Среди тех устоев, которые Николай I считал неизменными, была форма правления – неограниченная власть императора-самодержца, военное могущество России, а также непоколебимость крепостного права. Разрушить эти основы у Николая не хватало политической воли и решительности; он не был реформатором по духу, не обладал новаторским подходом к действительности.

В самом начале царствования на политическое мировоззрение Николая оказали сильное воздействие беседы с известным историком Н. М. Карамзиным, который настойчиво внушал императору, что его роль как самодержца возвышенна и благородна, что его главная задача как императора – обеспечить благо общества, покой и безопасность, а его предназначение самодержца – постоянное служение России.

Карамзин как мыслитель писал не только об этом, но для Николая именно это было важно, да и к тому же идеи Карамзина были Николаем в значительной мере упрощены. Служение отечеству император понимал скорее как службу полкового или дивизионного командира, выполняющего данный сверху устав, следящего за дисциплиной, порядком, амуницией солдат и офицеров. Это отвечало пристрастиям императора к мелочам военного дела, к шагистике, муштре. Эти взгляды он невольно переносил на государство – организм во много раз более сложный, чем полк или дивизия. Однажды, уже став императором, Николай рассказывал, почему ему хорошо среди солдат:

Здесь порядок, строгие безусловные законы, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает прежде, чем сам не научится повиноваться, никто без законного основания не становится впереди другого; все подчиняется одной определенной цели... Потому-то мне так хорошо среди этих людей... Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит.

Заглянем в источник

Авторитетное мнение Карамзина и его мысли, отраженные в «Записке о древней и новой России», стали во многом идейной основой царствования Николая I. Это сочинение великого историка, написанное в 1811 году, не было опубликовано до 1900 года, но каждый образованный человек в России знал эту книгу – настолько важными были изложенные в ней идеи. Карамзин писал «Записку» с целью дать наставление царям, взирая на современную Россию с точки зрения изученного им прошлого. Он утверждал, что единственно возможный политический строй в России – самодержавие как надклассовая, надсословная, патриархальная сила, обеспечивающее движение русского общества вперед. Он подверг критике сделанное Петром Великим:

«Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять

на одной степени гражданского просвещения, имея нравы разные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях».

Карамзин сформулировал и принципы русского консерватизма: «Требуем более мудрости охранительной, нежели творческой», «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости», «Для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу». И все эти идеи были очень близки Николаю-императору.

Окружение Николая I

Были и другие серьезные трудности, мешавшие реформам. Окружение Николая I, его семья были настроены крайне консервативно, сильно влияли на его действия и политику вообще. Так получилось, что среди государственных деятелей того времени не было таких людей, которые могли бы подтолкнуть императора к началу реформ. Наоборот, в его окружении укрепились люди, еще более консервативные, чем сам император, и сопротивлялись всякому, даже скромному реформаторству своего повелителя. Из военных Николай выдвигал на первые места фельдмаршалов И. И. Дибича и И. Ф. Паскевича. И не талант полководца выделял их, а личная преданность, которую так ценил император после ужаса декабрьского мятежа. По этой же причине он задвинул на вторые роли многих опытных военных – героев войны 1812 года, которые каким-то образом были связаны с декабристами или им симпатизировали. Так, в отставке оказались генералы А. П. Ермолов и М. Ф. Орлов.

Долгие годы министром иностранных дел был Карл Нессельроде. Его, как и Дибича с Паскевичем, отличала услужливость: он был готов вести ту политическую линию, какая угодна императору. А тому была угодна только одна линия – жестокое подавление либерализма и революционного движения в Европе, вплоть до интервенции, что и было продемонстрировано в восставшей против австрийцев Венгрии в 1848 году. Туда, по просьбе Вены, были брошены русские войска, которые потопили в крови венгерское восстание. Во многом благодаря негибкой политике Нессельроде Россия прослыла в Европе международным жандармом.

Внутренний режим поддерживался силами полиции и жандармерии. Самым близким для Николая человеком стал граф А. Х. Бенкендорф, а потом сменивший его на посту шефа жандармов граф А. Ф. Орлов. Идеологом царствования был министр народного просвещения граф С. С. Уваров, автор идеологической концепции «Православие – Самодержавие – Народность».

Несомненно, в администрации Николая были и люди яркие, талантливые. Таковы М. М. Сперанский и Е. Ф. Канкрин. Сперанский в николаевскую эпоху был занят важнейшим делом по упорядочению законодательства. Он собрал все изданные с 1649 года законы, расположил их в хронологической последовательности в 47 томах Полного собрания законов Российской империи. Затем, исключив из всего гигантского числа законов те, которые устарели или отменены, он подготовил 15 томов действующих законов. Изданные в 1833 году, эти тома стали основой для деятельности государственного аппарата. Канкрин был министром финансов почти 21 год. Опытный финансист и экономист, он был противником крепостного права и основой стабильности финансов всегда считал поддержание благосостояния крестьянства, что было недостижимо, пока существовало крепостное право. Поэтому Канкрин упорно сопротивлялся всем проектам по выходу из затруднений путем увеличения налогов на народ, вел политику строгой экономии, часто отказывая даже самому императору, разрешавшему тратить казенные деньги. Благодаря ему в России была осуществлена денежная реформа, произошла стабилизация курса русского рубля на международном валютном рынке.

А. Х. Бенкендорф с супругой Елизаветой Андреевной.

Не менее яркой фигурой был и П. Д. Киселев, который в 1837 году стал министром государственных имуществ, то есть ведал государственными (казенными) крестьянами. Киселев пытался улучшить положение этой значительной части населения, страдавшей от произвола чиновников, от налогов и неурожаев. Перестройка управления крестьянами, элементы самоуправления, смягчение полицейского режима – этими и другими средствами Киселев стремился изменить ситуацию в деревне. Но усилий одного, даже умного и деятельного министра было явно недостаточно.

Заглянем в источник

Несомненно, новый император был человеком волевым, сильным, авторитарным. Он с трудом терпел возражения и сомнения в своих действиях со стороны окружающих. В итоге постепенно окружение императора составили люди разной степени талантливости, но преимущественно покорные и исполнительные. Вот как в 1852 году описал это граф Оттон де Брэ, баварский дипломат в Петербурге:

«Обладая огромной и несомненной энергией, император Николай до такой степени преисполнен сознанием своей власти, что ему трудно представить себе, чтобы какие бы то ни было люди или события могли оказать ему сопротивление. Быть приближенным к такому монарху равносильно необходимости отказаться до известной степени от своей собственной личности, от своего “я” и усвоить себе известный облик. Сообразно с этим в высших сановниках русского монарха можно наблюдать только различные степени проявления покорности и услужливости...»

Естественно, это самым непосредственным образом сказывалось на стиле правления Николая I.

Семья Николая I и Александры Федоровны

В 1817 году Николай женился на 19-летней дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III Фредерике Луизе Шарлотте Вильгельмине, принявшей в православии имя Александры Федоровны. Молодые люди понравились друг другу с первого взгляда. Александра Федоровна была доброй, богобоязненной женщиной, много занималась благотворительностью, жертвуя на это свои деньги. Все, кто знал императрицу, восхищались ее внешностью и нравом. Людей поражала ее хрупкая, светящаяся красота, изящество ее нарядов и прически, кроткий взгляд. Хотя некоторым она напоминала беззаботную птичку в золоченой клетке, которую император «кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами», она не была лишена настоящих, глубоких чувств. Известно, что Александру потрясла кровавая трагедия декабря 1825 года. Узнав о намерении жен декабристов (не меньше ее избалованных жизнью в комфорте) ехать за своими мужьями в Сибирь, она воскликнула: «На их месте я поступила бы так же!»

Всю жизнь императрица оставалась изрядной кокеткой, не задумываясь, сорила деньгами в модных магазинах Европы и на курортах, любила блистать на людях. Александра Федоровна обожала праздники и особенно балы, на которых она всегда была первой красавицей: никто лучше ее в России не танцевал и не одевался. Семейное счастье омрачили ее расстроенное здоровье (она родила 8 детей и так не привыкла к петербургскому климату: часто болела и была вынуждена уезжать лечиться на европейские курорты), а также измены мужа – кавалера необыкновенно привлекательного и неумного в любовных утехх. Из семи оставшихся в живых детей императора особо выделялся своими данными первенец цесаревич Александр (будущий император Александр II), великая княжна, потом королева Вюртемберга Ольга Николаевна (1822–1892), а также великая княжна Александра Николаевна (1825–1844) – необыкновенная красавица и талантливая певица, умершая от чахотки несколько месяцев спустя после своей свадьбы с наследником датского престола Фридрихом-Вильгельмом.

Человеком незаурядным стал и младший сын Николая, великий князь генерал-адмирал Николай Николаевич (1827–1892). Профессиональный моряк, он обладал умом государственного деятеля и реформатора и во многом помогал брату Александру II в эпоху Великих реформ. В общем, это была счастливая семья, что у Романовых бывало достаточно редко.

Третье отделение и Корпус жандармов

После подавления восстания 1825 года охрана режима была признана первой задачей власти. Вся история с декабристами была воспринята как существенный промах в организации системы государственной безопасности. Этот недостаток было решено исправить. В 1826 году были образованы Корпус жандармов и Третье отделение Кабинета Его императорского величества под руководством боевого генерала и близкого Николаю I человека Александра Христофоровича Бенкендорфа. Именно он подал проект организации нового ведомства и был вскоре назначен его руководителем. Одновременно он стал шефом особого воинского подразделения – Корпуса жандармов.

Смысл реформы состоял в разделении страны на несколько крупных жандармских округов; во главе их были поставлены жандармские генералы и офицеры, которым активно помогали тайные агенты Третьего отделения. Само это учреждение имело четыре экспедиции – отдела, которые следили за подозрительными людьми, старообрядцами, фальшивомонетчиками, иностранцами и ведали... крестьянским вопросом, так как он был причислен к числу секретных, подлежащих особому надзору тайной полиции. С годами работа Третьего отделения усложнялась – с 1828 года оно стало заниматься и театральной цензурой.

Составление «всеподданнейших докладов» для царя на основании собранной

информации составляло важнейшую функцию нового учреждения. Николай I поставил себе за правило следить за состоянием общества, знать, чем дышит каждая сословная группа и по возможности каждый человек. Третье отделение и стало таким информационным центром самодержавного властителя. До нашего времени дошло немало отчетов Отделения «о состоянии умов» в России.

Заглянем в источник

Из отчета Третьего отделения за 1832 год:

«Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на общее расположение умов во всех частях империи, может, по всем поступившим в 1832 году сведениям, удостоверить, что на целом пространстве государства Российского расположение всех сословий в отношении к высшему правительству вообще удовлетворительное. Нельзя, конечно, отвергнуть, чтоб вовсе не было людей неблагонамеренных, но число их столь незначительно, что исчезает в общей массе; они едва заслуживают внимания и не могут представлять никакого опасения. Все единодушно любят государя, привержены к нему и отдают полную справедливость неутомимым трудам его на пользу государства, неусыпному вниманию его ко всем отраслям государственного управления и семейным его добродетелям. И самые неблагомыслящие люди не отвергают в нем сих высочайших качеств... Недовольные разделяются на две группы. Первая состоит из так называемых русских патриотов, столпом которых является Н. С. Мордвинов. Во вторую входят лица, считающие себя оскорбленными в своих честолюбивых замыслах и порицающие не столько самые мероприятия правительства, сколько тех, на ком остановился выбор государя. Душой этой партии, которая высказывается против злоупотреблений исключительно лишь потому, что сама она лишена возможности принимать в них участие, является князь А. Б. Куракин».

Кажется, что особенных комментариев здесь не требуется: политическая полиция желает показать, что благодаря ее усилиям в стране все спокойно, что подданные, все как один, сплотились вокруг трона, и жалкие группы «неблагомыслящих» не представляют для государства и власти никакой опасности. Вполне допустимо, что так это и было.

Но если бы деятельность Третьего отделения ограничивалась только сбором и анализом информации о состоянии общественного мнения! Вскоре, несмотря на свою малочисленность, Отделение стало влиятельнейшим учреждением в стране, решавшим судьбу практически каждого подданного. Бенкендорфу, и особенно его преемнику Л. В. Дубельту, удалось организовать плотную сеть агентуры, как платной, так и добровольной, в которую попадались все, кто начинал выражать хотя бы какое-нибудь недовольство существующим порядком. Дубельт не останавливался и перед заведомо гнусным способом выявления недовольных посредством провокации. Наиболее известна провокация, проведенная Третьим отделением в отношении кружка М. В. Буташевича-Петрашевского в 1849 году, в котором состоял Ф. М. Достоевский.

Деятельность полиции и Третьего отделения создавала в стране удушающую атмосферу доносов, шпионажа, подозрительности и страха. Жить в ней было трудно. Особенно страдали мыслящие, совестливые люди, страдала литература, которая была объектом самого тщательного надзора властей с помощью свирепой цензуры. Провинившиеся литераторы и издатели подвергались гонениям и репрессиям. Особенно громким стало дело с публикацией отставным гвардии ротмистром П. Я. Чаадаевым его «Философических писем» в журнале «Телескоп» за 1836 год. В своем произведении Чаадаев довольно критически размышлял об исторических судьбах России, высказывал весьма смелые и спорные идеи о ее истории и предназначении. Именно это вызвало особый гнев Николая I, который разделял взгляды Бенкендорфа на то, что «прошлое России изумительно, настоящее более чем превосходно, а будущее не поддается описанию». «Телескоп» был

тотчас закрыт, редактор сослан, а Чаадаев объявлен сумасшедшим. Основой для такого «диагноза» стала резолюция Николая I на статье отставного ротмистра: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной – смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...» Власть считала, что критиковать самый лучший в мире строй может только ненормальный человек, охваченный манией критиканства и прожектерства.

Заглянем в источник

Сам Бенкендорф писал:

«Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно раскрытого заговора, обогрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который бы окончательно стекался бы в одно средоточие; государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утесняемым и наблюдала за злоупотреблениями и людьми, к ним склонным. Число последних возросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества и еще более со времени последней войны через сближение наших офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы».

Из записок Бенкендорфа видно, что главной задачей Третьего отделения становилась борьба со смутьянами внутри страны и борьба против проникновения в Россию западных революционных и либеральных идей.

От всевидящего ока тайной полиции укрыться было невозможно никому. В этом была причина трагедии А. С. Пушкина, отчаянно боровшегося в николаевские годы за сохранение своего внутреннего мира. Тайных агентов Третьего отделения и жандармов интересовали не только задуманные политические преступления, созданные тайные общества, но и просто слова, мнения людей, в чем-то отличные от официальной точки зрения. Агенты и жандармы вскрывали частные письма, просматривали книги, которые читали люди, подслушивали разговоры в дружеских беседах. Весной 1834 года Пушкин узнал, что его письмо к жене было распечатано на почте, скопировано и из Третьего отделения доставлено царю. С раздражением и печалью он записал в своем дневнике:

Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным.

И потом, рассчитывая, что и следующее письмо к жене вскроют, он написал:

Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство. Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше... Будь осторожна... Вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

Здание в Петербурге у Цепного моста (набережная Фонтанки, 16), где находилось Третье отделение (или, как говорили в народе, «Стукалов приказ», то есть там, где «стучат»), знал и боялся весь Петербург. Сюда можно было угодить за любую критику власти. Поставленное на охрану строя и закона, это учреждение, как и подобные ему другие государственные конторы, само с законом обращалось вольно. Как вспоминал А. И. Кошелев, барон Дельвиг, друг Пушкина, издавал газету. И как-то раз призывает его начальник 3-го отделения... граф Бенкендорф и сильно, даже грубо, выговаривает ему за помещение в газете одной либеральной статьи. Барон Дельвиг, со свойственной ему невозмутимостью, спокойно замечает ему, что на основании закона издатель не отвечает, когда статья пропущена цензурой, и упреки его сиятельства должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору. Тогда начальник 3-го отделения приходит в ярость и говорит Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальств, и вы не имеете права в

объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться».

Крестьянский вопрос

Как и всегда, главным в России оставался крестьянский вопрос, решение которого становилось решением и других сложных вопросов внутренней политики. Для Николая I был несомненным фактом тот экономический, политический и моральный ущерб, который терпело русское общество от существования крепостного права – этого рабства в русском варианте. Не раз он сам публично осуждал насилие крепостников, говорил о человеколюбии, которое должно быть присуще помещику, выполняющему роль отца, командира для своих крестьян. Поэтому с самого начала своего царствования он взялся за крестьянскую проблему. 6 декабря 1826 года был создан секретный Комитет под руководством старого сподвижника Александра I, графа В. П. Кочубея, который начал рассматривать пути преобразования крепостного права с перспективой его отмены в будущем. Но работа Комитета 1826 года, как и других, ему подобных, созданных по указам императора в 1835, 1839, 1840, 1844 и 1848 годах, не увенчалась успехом, и конечная цель – отмена крепостного права – не была достигнута в продолжение всего тридцатилетнего царствования Николая I.

Выше уже сказано о причинах консерватизма Николая. Он придерживался идей, предполагавших отмену крепостного права в бесконечно далекой перспективе при неизменном сохранении земельной собственности у помещиков. Это направление мысли императора хорошо видно в его речи на заседании Государственного совета 30 марта 1842 года:

Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным. Император Александр I, в намерениях коего в начале его царствования было даровать свободу крепостным людям, впоследствии сам отклонился от сей мысли как еще совершенно преждевременной и невозможной в исполнении. Я также никогда на сие не решусь: если время, когда можно будет к тому приступить, вообще еще далеко, то в настоящую эпоху всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства. Пугачевский бунт доказал, до чего может достигнуть буйство черни.

В то же время как человек, не лишенный здравого смысла, император понимал, что такое положение не может продлиться вечно. Поэтому в той же речи он, противореча себе, утверждал:

Но нельзя скрывать от себя, что ныне мысли уже не те, какие бывали прежде, всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положение не может продолжаться навсегда... Но если настоящее положение... таково, что не может продолжаться, а решительные меры без общего потрясения невозможны, то необходимо, по крайности, приуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей и, не устращаясь перед всякою переменой, хладнокровно обсудить ее пользы и последствия.

Вот так, колеблясь между сознанием неизбежности перемен и опасением отменой крепостного права разрушить всю систему власти, и жил до конца своих дней Николай I. Как писал историк А. А. Кизеветтер, скрипели перья, исписывались горы бумаги, комиссии и комитеты непрерывно сменяли друг друга и деятельность правящих сфер носила все видимые черты интенсивной работы. Но эта бумажная работа не получала реального отражения на жизненной практике... То был непрерывный бюрократический «бег на месте». Только привлечение к государственной работе живых общественных сил могло бы придать реальное значение преобразовательным попыткам правительства, но такое привлечение как раз и не входило в политическую программу николаевского царствования.

Но не будем уподобляться историкам советских времен, не видевших ни одного положительного момента в царствовании, как они писали, «Николая Палкина». Правление Николая I показывает, что и в такие глухие времена постепенно накапливался идейный

материал реформ. То, что монарх говорил об аморальности крепостного права, осуждал жестоких крепостников, забывших о человеколюбии, не могло пройти даром. Исподволь общество готовилось к отмене крепостного права деятельностью комитетов по крестьянскому вопросу, обширными записками чиновников и дворян на эту тему, наконец, весьма полезной для будущего работой Киселева в упорядочении статуса государственных крестьян. Нельзя сбрасывать со счета и те половинчатые, но позитивные в целом законы, которые принял Николай I.

Речь идет о законах, которые были приняты в ходе работы Комиссии 1826 года: по одному закону помещики лишались права продавать землю без крестьян (из-за чего раньше крестьяне оставались без средств к существованию), а по другому – помещикам запрещали отдавать крестьян в тяжкие горно-заводские работы. Позже было запрещено продавать крепостных с публичного торга и разлучать их семьи, а также отправлять стариков-крепостных в Сибирь. Более основательной стала и казенная опека – контроль за поместьями особо жестоких помещиков. И хотя эти указы исполнялись плохо, все эти начинания Николая не пропали даром, они работали на будущее. Но людям николаевской эпохи от сознания того, что они живут не зря, легче не становилось – уж очень печальным было настоящее.

Заметки на полях

В этом была трагедия русской истории того времени: назревшие перемены все не начинались и не начинались, обрекая людей на разочарование и пессимизм. Вместе с тем в николаевском обществе как раз живых сил, людей, жаждавших перемен, явно не хватало. Это было время застоя и апатии. Трагедия на Сенатской площади была трагедией и для всего русского общества. Талантливые, деятельные люди с передовыми взглядами оказались либо в ссылке в Сибири или на Кавказе, либо, разобитые и запуганные, искали успокоения дома, делая чиновничью карьеру. Дворянская революционность сходила на нет. Кто-то из современников Николая I шутил, что самыми смелыми мужчинами в русском обществе остались женщины, а герои Гоголя – Ноздревы, Маниловы, Чичиковы, Собакевичи были обобщенными портретами реальных современников поколения Николая I. Нужно было ждать прихода нового поколения, способного изменить жизнь...

Войны с Персией и Турцией

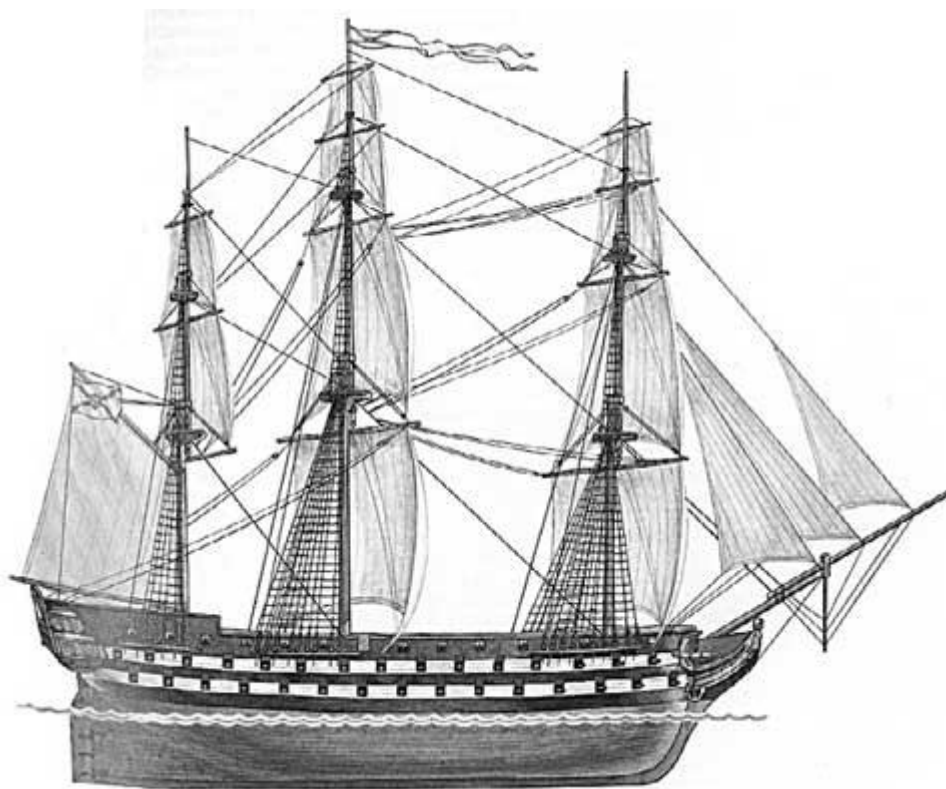
Если верховенство России в Европе после Венского конгресса было общепризнанным, то на Востоке так не считали, и политика России на Кавказе очень не нравилась соседям – Персии и Турции. Первая не могла смириться с потерей Дагестана и Северного Азербайджана, происшедшей в 1812 году. В 1826 году огромная персидская армия Аббас-Мирзы начала войну против России, но русские войска довольно легко разбили персов в нескольких сражениях. Отбив нападение персов на крепость Шуша, армия И. Ф. Паскевича в сентябре 1827 года взяла Ереван (Эривань), а в феврале 1828 года в деревне Туркманчай был подписан мир, по которому к России отошла Восточная Армения. И хотя персы были недовольны миром и в 1829 году уничтожили русское посольство в Тегеране и убили русского посланника А. С. Грибоедова, сопротивляться натиску России Персия уже не могла.

Тем временем созрел новый конфликт на Юге. Россия ввязалась в борьбу Англии и Франции против Турции, устроившей резню христианского населения Греции. Отношения России с Османской империей в течение всего царствования Николая были сложными. Завоевав северное побережье Черного моря и сильно продвинувшись по его западным и восточным берегам, Россия была недовольна своим статусом как черноморской державы, она хотела расширения своих прав в области торговли и мореплавания. Экономическое

развитие Новороссии, Украины, бурное строительство городов и портов – все это делало район Черного моря важным для России и с экономической точки зрения. Заметное ослабление Турции вело к расширению претензий как России, так и европейских держав – Англии и Франции – на обладание так называемыми Проливами. Здесь, в районе проливов Босфор и Дарданеллы, на Ближнем Востоке, в этом важнейшем стратегическом районе мира, лежали «ключи Востока», обладание которыми открывало путь к территориальным завоеваниям в Азии, овладению рынками сбыта промышленных товаров и приобретению источников сырья. В политике России, которая претендовала на роль лидера славян, опоры православия, важны были и традиционные мотивы: идеи освобождения балканских славян от ига турок, а также сохранение православных святынь на Ближнем Востоке, находившемся под властью мусульманской Турции.

В 1821 году в Греции вспыхнуло восстание против турок. Николай, никогда не поддерживавший «мятежников», понимал, что отказ от поддержки греков больно ударит по престижу России. Попытки совместно с европейскими странами урегулировать греческую проблему к успеху не привели, и в 1826 году началась Русско-турецкая война. Проходила она, как и все войны с турками, тяжело. Лишь летом 1829 года русская армия преодолела Балканский хребет и заняла Эдирне (Адрианополь). Победа союзных флотов России, Англии и Франции над турками при мысе Наварин в 1828 году стала прологом Русско-турецкой войны на суше. Эта война была весьма успешна для России. Ее армия форсировала Дунай, осадила и принудила к сдаче крепости Варну, Шумлу и Силистрию, а затем двинулась к Адрианополю. Командиры передовых частей рапортовали, что видят Константинополь. Казалось, вековая мечта, отлитая в формуле «Крест на Святую Софию!» вот-вот исполнится. Однако

Николай I не решился на последний шаг и приказал войскам остановиться. Захват Стамбула мог бы в корне изменить международную обстановку, и Россия оказалась бы один на один с враждебной коалицией европейских держав, не заинтересованных в полном разгроме Османской империи.

«Азов»

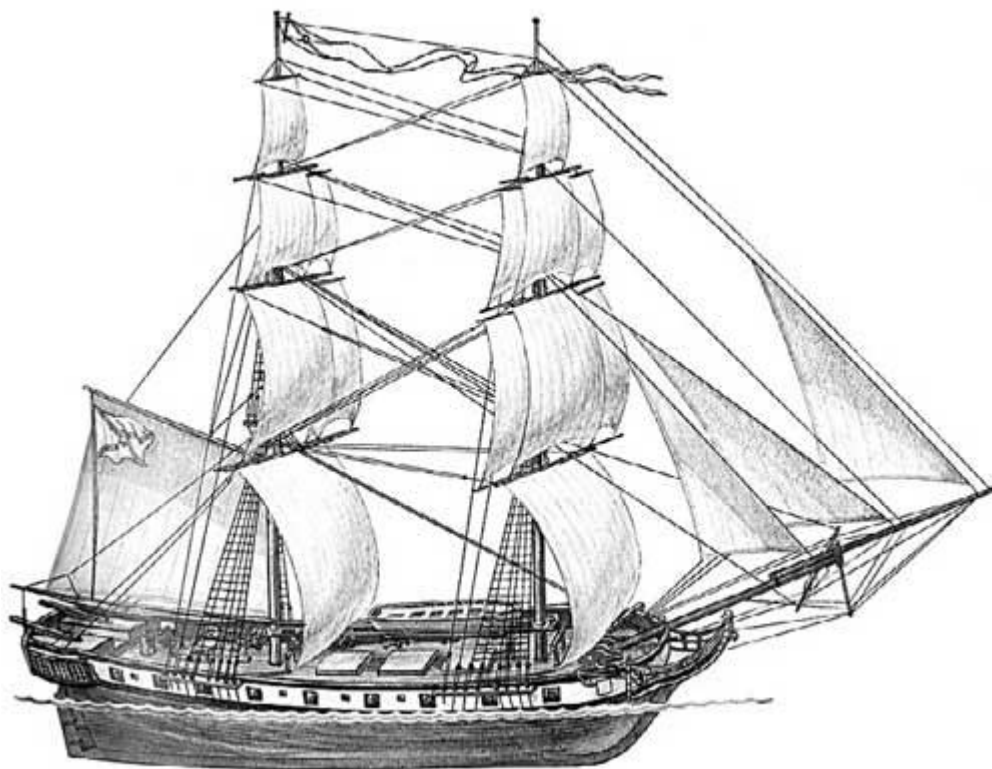
Один из самых славных кораблей русского флота, 74-пушечный линейный

корабль «Азов» был построен в 1826 году под Архангельском под наблюдением своего первого командира, будущего адмирала М. П. Лазарева. В том же году корабль совершил переход в Кронштадт, а оттуда – в Средиземное море.

В октябре 1827 года под командой Лазарева «Азов» участвовал у берегов Греции в Наваринском сражении с турецким флотом. В этом бою «Азов» покрыл себя славой – потопил два турецких фрегата и корвет, сжег 60-пушечный фрегат, заставил выброситься на мель и взорвал еще один турецкий 80-пушечный корабль, а также вместе с английским кораблем «Альбион» уничтожил 64-пушечный флагманский фрегат турок. Сам «Азов» получил 153 пробоины, оказался фактически без мачт и с трудом дошел до Мальты. Он был первым из кораблей русского флота награжден за доблесть кормовым Георгиевским флагом. На «Азове» воевали будущие великие русские флотоводцы: лейтенант П. С. Нахимов, мичман В. А. Корнилов и гардемарин В. И. Истомин. В 1830 году «Азов» вернулся в Кронштадт и тогда же был разобран. В том же году был построен новый корабль – «Память Азова». Это название сохраняется во флоте до сих пор.

По мирному договору, подписанному в сентябре 1829 года, Россия получила дельту Дуная и береговую полосу вдоль восточного побережья Черного моря до Потти, а главное – добилась расширения автономии балканских славян и права Греции на независимость.

«Меркурий»

Одним из многих подобного типа небольших судов Черноморского флота, построенных из крепкого крымского дуба, был 20-пушечный бриг «Меркурий». Спущен на воду бриг был в Севастополе в 1820 году. Под командованием А. И. Казарского в мае 1829 года, находясь в разведке у Босфора, он неожиданно встретил турецкую эскадру. В погоню за ним устремились два линейных корабля (на одном было 110, на другом – 74 пушки). На военном совете офицеры «Меркурия» решили не сдаваться и при невозможности сопротивления взорвать себя вместе с противником. Во время преследования точным огнем «Меркурий» повредил рангоут одного турецкого корабля и заставил его лечь в дрейф, а затем после трехчасового боя повредил и второй корабль, который стал отставать от «Меркурия». Сам бриг получил 22 пробоины корпуса и 300 повреждений парусного

вооружения. Иначе говоря, бриг был похож на сито. По возвращении в Севастополь бриг удостоен Георгиевского флага, а капитану Казарскому в Севастополе поставлен памятник на Матросском бульваре с надписью «Потомству в пример».

Самому Николаю I, бывшему на театре военных действий, не повезло. Корабль «Императрица Мария», на котором император в октябре 1828 года отправился при попутном ветре из Варны в Одессу, на подходе к гирлу Дуная попал в страшный шторм, не утихавший 36 часов. Поврежденный корабль быстро понесло к турецкому берегу. Возникла реальная опасность пленения императора противником. С большим трудом морякам удалось остановить опасный дрейф и привести корабль в Одессу.

Удачны были действия русской армии на Кавказе – под ее натиском пали турецкие крепости Карс и Эрзерум. В сентябре 1829 года был подписан Адриано-польский мир. Дельта Дуная, береговая полоса от Анапы до Поти (в том числе побережье Абхазии) перешли к России. Молдавия и Сербия получили автономию в составе Османской империи, Греция стала независимой.

Подавление польского восстания. 1830–1831

Сильным ударом по престижу Николая I стало восстание в Варшаве в ноябре 1830 года. Царь был особенно оскорблен «неблагодарностью» поляков, которые имели больше привилегий, чем другие его подданные, но тем не менее «посмели» на сейме 13 января 1831 года официально лишить Николая I польского престола. Между тем восстание началось как следствие нарушений дарованной полякам Александром I конституции 1815 года.

Ф. Джон с оригинала Ж.-А. Беннера. Портрет великого князя Константина Павловича.

Действующие лица

Цесаревич Константин Павлович

22 августа 1826 года, в полдень, в Успенском соборе Московского Кремля шла коронация нового императора Николая I Павловича. Как всегда, это было красочное и торжественное зрелище, наполненное глубоким символическим смыслом: государь венчается с Россией, встает, как тогда казалось, в бесконечный ряд ее коронованных властителей. Все заметили, что когда после матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, к руке нового государя подошел его старший брат цесаревич Константин Павлович, Николай не дал ему руки, а быстро вскочил и сердечно обнял его. И в этом энергичном поступке было столько тепла и благодарности. Еще бы, скажем мы, ведь старший брат, наследник покойного императора Александра I, подарил Николаю принадлежавшую ему по праву корону великой державы... Почему это произошло? Почему Константин не стал русским государем – тайна династии, тайна русского двора, и разгадка ее вряд возможна.

Императрица Екатерина II еще до рождения его в 1779 году знала три вещи: что у жены сына Павла Марии Федоровны непременно родится мальчик, что назовут его Константин и что он будет императором Византийской империи. Это была эпоха успехов русского оружия в войне с турками, увлечение так называемым «Греческим проектом», который предполагал изгнание турок с Босфора и возрождение греческой Византийской империи. И Екатерина полагала, что когда это произойдет, тут-то и понадобится принц – кандидат на византийский трон по имени Константин. Ведь так звали основателя Византийской империи, Константинополя, так звали последнего византийского императора Константина Палеолог, погибшего на развалинах своей столицы. Константина, второго сына Павла и Марии, как и их первого сына Александра, Екатерина II решила воспитывать сама, причем в греческом духе. Кормилицей его стала гречанка...

А потом, когда юноша подрос, бабушка нашла ему невесту – принцессу Саксен-Кобургскую Юлиану, ставшую в православии Анной Федоровной. Но жизнь молодоженов не сложилась, и, воспользовавшись поездкой мужа в Италию, Анна бежала в Германию, где и осталась. Однако Мария Федоровна не разрешала сыну развод и смягчилась лишь спустя 20 лет. К этому времени Константин давно жил в Варшаве и любил другую – княгиню Лович.

Известно, что Константин, как его отец Павел и брат Александр, обожал военное дело и был очень рад, когда после победы над Наполеоном в 1814 году получил назначение командовать польскими войсками, для чего Константин и переехал в Варшаву. Так Польша вошла в его жизнь. А потом в его жизнь вошла и единственная и последняя любовь. Ее звали графиня Иоанна Грудзинская. Они познакомились на балу в 1815 году, ей было 20 лет. Но только когда матушка, наконец, позволила Константину в 1820 году развестись с Анной, они обвенчались. Тогда-то Александр I и даровал ей титул княгини Лович. Началась семейная безмятежная жизнь. Константин полюбил Польшу, ее народ, культуру, говорил и думал по-польски. Но он оставался при этом наместником русского царя в Польше, выступая в роли гонителя польской вольницы. В Константине все было перемешано без меры.

Суровым испытанием в жизни Константина стали события декабря 1825 года в Петербурге, когда он был провозглашен императором Константином I, что привело к известным печальным событиям. Почему же Константин отказался от престола? Одни историки говорят: «Он не хотел быть царем из эгоизма, нежелания нести тяжкое бремя власти, изматывающую государя ответственность за страну, династию, он уклонился от долга, хотел жить тихой супружеской жизнью, а не томиться на непрерывных придворных церемониях». Другие считают, что этот поступок Константина – акт мужества, реализма в оценке своих качеств. Он якобы, как писал сам, «не чувствовал в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведенным на то достоинство, к которому по рождению его может

иметь право». Наконец, утверждали третьи, всем было известно, что Константин больше других братьев напоминал императора Павла I, как внешностью, так и вспыльчивым характером, – недаром Константина Павловича называли «деспотическим вихрем». Зная себя, он страшился судьбы отца. Спор этот бесконечен, и вопрос останется без ответа, но поступок Константина необычен...

Константин не появился и позже, на похоронах брата императора Александра I. Новому императору Николаю I было важно, чтобы Константин был рядом – так удалось бы пресечь нелепые слухи о некоей вражде или тайной борьбе братьев. Особенно хотел Николай, чтобы Константин появился на коронации в Москве. Константин сначала не хотел покидать Варшаву и ехать в Москву. Прощаясь с приближенным Константина, Николай сказал, что переубедить брата невозможно, но «во всяком случае, по приезде в Варшаву, отправьтесь к княгине Лович поцеловать ей ручку от моего имени». И этот ход подействовал. Константин, к восторгу Николая, внезапно появился в Москве накануне коронации. Но после коронации он так же внезапно уехал опять в Варшаву...

Посланный в Польшу фельдмаршал И. И. Дибич не справился с подавлением мятежа. Его заменили более решительным фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем, воевавшим на Кавказе. Кровопролитные сражения под Гроховом и при Остроленке завершились победой русских войск, а в августе Паскевич взял Варшаву. Мятеж вскоре был подавлен, многие поляки бежали на Запад, военные суды приговаривали мятежников к казни и ссылке в Сибирь. Польское восстание стало подлинной трагедией для старшего брата Николая цесаревича Константина Павловича.

После подавления польского восстания Николай I лишил Польшу государственности, отменил конституцию, разделил страну на несколько обыкновенных российских губерний, построил в Варшаве Александровскую крепость и заявил полякам: «Я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город». После 1831 года страх перед революционными идеями, которые могут проникнуть в Россию, у Николая только усилился. Эти идеи представлялись императору подобием холерной заразы, которая в начале 1830-х годов проникла в страну, вошла в столицу, армию, посетила даже императорскую семью. Но для Николая страшнее была зараза иная. Недаром он писал своему близкому сподвижнику фельдмаршалу Паскевичу: «Заразы нравственной всего более боюсь». Одновременно он предписывал как можно чаще менять гарнизон в Варшаве и тем заранее предупреждать проникновение революционных идей в святая святых – в армию. Особенно предостерегал царь от контактов русских офицеров и солдат с поляками, чей шарм и обаяние казались ему опаснее ружей и пушек мятежников.

Заглянем в источник

В отношении к полякам взгляды Константина были поразительной смесью «экзекутивных» идей его отца Павла I и либеральных мыслей его брата Александра I. Так, он считал, что разделы Польши, совершенные при бабушке Екатерине II, – недостойное дело. Вот что он писал об этом:

«Душой и сердцем я был, есть и буду, пока буду, русским, но не одним из тех слепых и глупых русских, которые держатся правила, что им все позволено, а другим ничего. «Матушка наша Россия берет добровольно, наступив на горло» – эта поговорка в очень большом ходу между нами и постоянно возбуждала во мне отвращение... Каждый поляк убежден, что его отечество было захвачено, а не завоевано Екатериной... в мирное время и без объявления войны, прибегнув при этом ко всем наиболее постыдным средствам, которыми побрезгал бы каждый честный человек».

Даже не верится, что это писали не Герцен с Огаревым, а внук Екатерины II, брат Александра I, русский цесаревич... Впрочем, считая законным желание поляков восстановить Польское государство, Константин считал это невозможным в принципе: «Полякам желать все, что содействует их

восстановлению, можно, и сие желание их признать должно естественным, но действовать им не позволительно, ибо такое действие есть преступление». Он не возражал против созыва польского сейма и польской конституции, но как только мог насмеялся над этими институтами. Провинившимся офицерам цесаревич говорил, что вот сейчас «задаст им конституцию», он держал при себе шута гоф-курьера Беляева, изображавшего в карикатурном виде польского патриота, просил у Бога глухоты на время сейма, а лучшие все же у сейма отрезать языки... А так в Польше было «все мирно и спокойно»... до поры до времени.

И вдруг 28 ноября 1830 года в Петербурге было получено ошеломительное сообщение: «Варшава. 18 ноября, 2 часа утра. Общее восстание, заговорщики овладели городом. Цесаревич жив и здоров, он в безопасности среди русских войск». Вскоре восстание охватило всю Польшу. Все происшедшее стало катастрофой для Константина. Рушился его с такой любовью созданный мир гармонии и порядка... Революция как пожар, как эпидемия в те месяцы охватила всю Европу. Константин знал о мятежных замыслах поляков и раньше, но думал, что они его любят, уважают и не посмеют восстать. К тому же он надеялся с помощью вымуштрованной им польской армии, в которой он знал каждого солдата по имени, подавить любой мятеж. Но эта-то армия и изменила ему... Константин не замечал, что его самовластное 15-летнее правление в Польше на самом деле было тягостно полякам, а, учитывая необузданный нрав цесаревича, некоторым даже и ненавистно.

И вот когда польская делегация явилась к Константину и предложила ему польский престол, он был возмущен до глубины души неблагодарностью поляков: «Я все позабыл потому, что, в сущности, я лучший поляк, нежели вы все, господа, я женат на польке, нахожусь среди вас, я так давно говорю на вашем языке, что теперь затрудняюсь выражаться по-русски... Если бы я захотел – вас бы в первую минуту всех уничтожили».

А потом в Польшу вторглись русские войска... Константин был во главе карателей, но это был странный каратель. Когда против его войск вылетели на рысях польские драгуны, он радовался за них, гордился их выездкой, мужеством («Славно, славно, ребята!»), а потом сказал, что польские солдаты – лучшие в целом свете. Вряд ли это могло понравиться русским генералам и самому императору Николаю, который был в ярости от «неблагодарности» поляков и решил раз и навсегда раздавить польскую вольность. Константина отозвали в тыл. Огорченный и разбитый, он приехал в Витебск, там заболел холерой и вскоре, 15 июня 1831 года, скончался в страшных мучениях. Умирая, он просил у не отходившей от его постели Лович: «Скажи государю, что я умираю, молю его простить полякам». Княгиня Лович пережила Константина ненадолго. Она прошла за гробом пешком от Витебска до Петербурга и через год после начала восстания, 17 ноября 1831 года, умерла на чужбине, в Царском Селе.

Ордена Белого Орла и Святого Станислава

В 1831 году, после ликвидации Царства Польского, в состав орденов России были включены два польских ордена: орден Белого Орла и орден Святого Станислава.

Орден Белого Орла был учрежден королем Августом II в 1705 году. В 1831 году крест ордена переделали: фигура белого орла на фоне креста была дополнена еще русским двуглавым орлом и императорской короной. Девиз ордена: «За веру, царя и закон». Крест носили у правого бедра на синей муаровой ленте, звезда ордена была золотой, восьмиконечной, ее носили на левой стороне груди.

Орден Святого Станислава был учрежден последним польским королем Станиславом Августом Понятовским в 1765 году. Крест у ордена – золотой, на нем четыре двуглавых орла, звезда серебряная, восьмиконечная, девиз ордена: «Награждая, поощряет». Лента красная, с двойной белой полосой. Позже орден стал одной из самых распространенных чиновничьих наград.

Александр Пушкин – гений и человек

Еще при жизни А. С. Пушкина он был признан поэтическим гением, фигурой исключительной в истории русской литературы. Всем известно, как восторженно воспринимали юного Пушкина-поэта Н. М. Карамзин и особенно признанные мэтры русской поэзии В. А. Жуковский и Г. Р. Державин, да и вся читающая публика. А между тем речь шла о 17-летнем юноше, только что закончившем Царскосельский лицей. И впоследствии голоса восторга не стихали, а, наоборот, усиливались, и с этим власти не могли не считаться. Новый император Николай I встретился с Пушкиным в сентябре 1826 года и предложил ему личное цензorstvo. Этим самым царь пытался заглушить хронический конфликт власти в лице его предшественника Александра I и поэта, разившего власть острыми и жестокими стихами («Деревня», «Вольность», эпиграммы на властителей), которые расходились в сотнях копий, как листовки, по всей стране. Как известно, ответом императора Александра I на эпиграммы коллежского секретаря (таков был официальный чин Пушкина) стали гонения. В 1820 году Пушкин был вызван к военному генерал-губернатору Петербурга Милорадовичу и по его приказу записал в особой тетради все свои вольнолюбивые стихи (кроме эпиграммы на Аракчеева), за что получил сначала от имени государя официальное прощение, но затем был отправлен в ссылку. Александр I до того разгневался на Пушкина (который, кроме стихотворчества, предавался типичному для светской молодежи безудержному разгулу), что якобы выбрал местом заточения поэта Сибирь или Соловки, и только просьба явившегося к государю при мундире и во всех орденах Н. М. Карамзина спасла поэта. Его отправили служить в Новороссию, сначала в Кишинев, потом в Одессу, а оттуда сослали в псковскую деревню – село Михайловское.

Возвращенный в 1826 году из ссылки, Пушкин оказался под контролем самого царя, а более – начальника Третьего отделения А. Х. Бенкендорфа, которому он представлял на просмотр свои законченные произведения. Взамен Пушкин получил возможность безболезненно вернуться в светскую и литературную жизнь и стал издавать вначале «Литературную газету», а потом журнал «Современник». При этом он вел острую полемику со своим конкурентом, литератором и издателем Ф. В. Булгариным, которого обвинял (не без оснований) в доносах и платном шпионаже. При этом сам Пушкин к началу 1830-х годов во многом отошел от своей радикальной антиправительственной позиции и в пылких стихах поддержал царя, решительно подавившего польское восстание 1830–1831 годов.

В 1831 году Пушкин женится на красавице Н. Н. Гончаровой, у них рождаются – один за другим – четверо детей. В это время Пушкин углубленно занимается русской историей XVIII века, много пишет. Его угнетают заботы о материальном положении семьи (что не мешает ему проигрывать большие деньги в карты), неудачи в издательском бизнесе, сложные отношения с властями и светом, в котором было немало его завистников и недоброжелателей. В 1836 году начинается острый конфликт Пушкина с голландским посланником Геккерном и его приемным сыном Дантесом, открыто ухаживавшим за Н. Н. Пушкиной. Конфликт, как известно, закончился дуэлью Пушкина и Дантеса, которая состоялась 27 января 1837 года. Получивший тяжелое ранение в живот, через два дня Пушкин умер.

Заглянем в источник

С Пушкиным – человеком света – были знакомы многие. Внешне он не производил яркого впечатления. Невысокого роста, худенький, чернявый, он держался порой вызывающе, порой холодно и отстраненно. Так он защищал себя от панибратства и того всеобщего любопытства, которое вызывала его персoна. Вот как пишет о нем цензор А. В. Никитенко:

«Когда я уже прощался с ней (Анной Керн. – Е. А.), пришел поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно

будет искать в нем, до самых глаз, выражение поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи, – прекрасные как бутоны свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства».

Легенды и слухи

В советской историографии был распространен взгляд на историю дуэли Пушкина как на некую интригу царизма против свободолюбивого поэта. В книгах о Пушкине писали, что за спиной Дантеса, убившего поэта, стояла тайная полиция и сам император Николай, а Дантес якобы явился на дуэль в особой кольчуге, которая защитила его от пули соперника. На самом деле поединок был честен, никакой кольчуги на Дантесе не было, император же Николай никакого отношения к дуэли не имел. Документальных свидетельств тому – множество. Вот цитата из письма Николая I своему брату великому князю Михаилу Павловичу от 3 февраля 1837 года из Петербурга:

«С последнего моего письма здесь ничего важного не произошло, кроме смерти известного Пушкина от последствий раны на дуэли с Дантесом. Хотя давно ожидать должно, что дуэлью кончится их неловкое положение, но с тех пор, как Дантес женился на сестре жены Пушкина, а сей последний письменно отрекся от требуемой сатисфакции, надо было надеяться, что дело заглушено. Дотоль Пушкин себя вел, как каждый бы на его месте сделал, и хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса и, в особенности, гнусного его отца, Гекерна. Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает и заключающийся в самом дерзком письме Пушкина к Гекерну, сделал Дантеса правым в сем деле. C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop (Вот когда поистине можно сказать: "Гони природу в дверь, она влетит в окно". – Е. А.). Пушкин погиб и, слава Богу, умер христианином. Это происшествие возбудило тьму толков, наибольшею частью самых глупых, из коих одно порицание поведения Гекерна справедливо и заслуженно; он точно вел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным Дантес вдруг посватался к сестре Пушкиной, тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна. Так как сестра ее точно любила Дантеса, то Пушкин тогда же отказался от дуэли. Но должно ему было при том и оставаться – чего не вытерпел. Дантес под судом, равно как и Дантас, секундант Пушкина, и кончится (разбирательство. – Е. А.) по законам, и, кажется, каналья Гекерн отсюда выбудет».

Уваровская триада

Николай I хотел, чтобы на смену мятежникам пришли новые люди – законопослушные, верующие, преданные государю.

Решить задачу воспитания нового поколения взялся С. С. Уваров, блестящий ученый, специалист по античности, литератор. Он разработал концепцию «Православие – Самодержавие – Народность». Уваров писал, что «Россия живет и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного». И все это отражается в народности – совокупности меняющихся черт русского народа. Впоследствии эти идеи утратили свой изначальный педагогический смысл и стали утехой консерваторов и националистов. Концепция Уварова долгое время проводилась в жизнь через систему созданных им гимназий, а также университетов.

Это ему не удалось по многим причинам. Главная была в том, что теории преобразования общества в корне противоречили действительности, и жизнь России и

окружающего ее мира с неумолимостью разрушала стройные идеологические схемы воспитания нового поколения верноподданных. Причина провала усилий Уваров была обусловлена и порочностью самой системы образования, которую он внедрял почти 20 лет. Уваров исповедовал сугубо сословное, а значит, уже по тем временам несправедливое начало в образовании, совмещенное со строгим полицейским контролем за каждым учителем и учеником.

Заглянем в источник

С современной точки зрения С. С. Уваров пытался сформулировать национальную идею России, которую до сих пор ищут днем с огнем. В своем «Начертании главных начал» он писал:

«...Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежит укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения... Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, столь же мало согласится на утрату одного из догматов ПРАВОСЛАВИЯ, сколь на похищение одного перла из венца Мономахова.

САМОДЕРЖАВИЕ составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: НАРОДНОСТЬ... Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий, но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях.

Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей, довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию. Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейскому духу».

Как мы видим, перед Уваровым и многими его современниками стояла актуальная и до сих пор проблема выбора пути для России, ее места в тревожном, постоянно меняющемся, полном противоречий и несовершенств мире. Как не отстать от других, но и не потерять собственного лица, не лишиться своего своеобразия – вот что волновало многих, в том числе Уварова. Он предложил свою идеологическую доктрину, основы которой процитированы выше, и попытался с помощью мощного рычага – системы государственного воспитания и образования – осуществить свои идеалы.

Уваров многое изменил в системе образования. Самое главное – он поставил школу под строжайший контроль государственных органов. Главным человеком в созданных учебных округах становился попечитель, который назначался, как правило, из отставных генералов. При Уварове началось резкое наступление на права университетов. В 1835 году был принят новый устав университетов, который урезал их самостоятельность. И хотя число гимназий к концу царствования Николая значительно увеличилось, преподавать там стали хуже. Уваров

последовательно сокращал число предметов, выбрасывая те, которые будили мысль, заставляли учащихся сопоставлять и думать. Так, из программы были исключены статистика, логика, многие разделы математики, а также греческий язык. Все это делалось с целью возведения, как писал Уваров, «умственных плотин» – таких препятствий, которые бы сдержали наплыв новых, революционных, разрушительных для России идей. В учебных заведениях воцарился дух казармы, удручающего единообразия и серости. Уваров учредил особых надзирателей, денно и нощно следивших за учениками, резко сократил число частных пансионов, боролся с домашним образованием, видя в нем источник оппозиционности.

Но, как часто бывало в России, даже самые благие побуждения реформаторов, реализуемые через чиновный аппарат, дают результаты, прямо противоположные ожидаемым. Так стало и с уваровскими начинаниями. Они оказались несостоятельными, и создать «нового человека» по уваровским рецептам так и не удалось. «Крамола» проникала в Россию, овладевала умами все новых и новых людей. Это стало очевидным к концу 1840-х годов, когда начавшаяся в Европе революция похоронила надежды Николая и его идеологов сохранить Россию как незыблемый оплот европейской стабильности и легитимизма. Разочарованный Николай I не только отказался от услуг Уварова и ему подобных, а откровенно взял последовательный курс на грубое подавление всякого инакомыслия и либерализма, на удержание власти в стране только с помощью полицейской силы и страха. Это с неизбежностью обрекло Россию на глубокий внутренний кризис, который разрешился в Крымской войне.

Московские кружки. Чаадаев

С трудом русское мыслящее общество преодолевало разгром декабристов. Интеллектуальная жизнь теплилась в университетах, узких кружках молодежи, в которых читали книги, делали доклады, спорили. Ученые, занимавшиеся медициной и естественными науками, находились под менее пристальным контролем Третьего отделения, и в их среде стали особенно популярны идеи философии немецкого мыслителя Шеллинга. Проблемы философии Шеллинга, а потом Гегеля, Канта и других немецких философов, которые казались далекими от политики, стали обсуждаться на страницах частных журналов «Московский вестник», «Телескоп», «Московский телеграф», «Москвитянин».

Вообще, в николаевское время в Москве, старой столице, хлебосольной и либеральной, стиль жизни которой и обычаи всегда отличались от церемонного, «застегнутого на все пуговицы» Петербурга, жилось легче, вольготнее. Именно здесь с начала 1830-х годов забурлила интеллектуальная жизнь. Свидетельством ее стали кружки московских студентов. Во главе одного стоял Николай Станкевич, во главе другого – Александр Герцен. У Станкевича собирались люди, которые потом составили славу России, – Виссарион Белинский, Константин Аксаков, Тимофей Грановский, Михаил Бакунин и др. Не менее интересны были заседания кружка Герцена и его друга Николая Огарева. Кружковцы увлекались западной философией, особенно французской, зачитывались трудами социалиста-утописта Сен-Симона. Одна из студенческих пирушек, на которых друзья распевали революционные песни, кончилась для них плохо. Донос, арест, многомесячное сидение в тюрьме, ссылка в дальние губернии. Среди пострадавших был и Герцен. Сын богатого помещика, студент Московского университета, он испытал гонения и ссылку, послужил в провинциальных канцеляриях, проявил себя как талантливый литератор и в 1847 году, не выдержав душливой атмосферы России, уехал на Запад. В 1853 году он основал в Лондоне Вольную русскую типографию, которая стала центром русской оппозиции режиму Николая. Издания Герцена, особенно «Полярная звезда» и «Колокол», пользовались огромной популярностью в России, формировали там общественное мнение. Сам Герцен был человеком глубокого, пытливого, язвительно ума, противником любого фанатизма. Он был вне всяких партий и среди политических страстей своего времени оставался независимым и

непредубежденным, неподкупным и мудрым, знавшим истинную цену революционерам и консерваторам.

Обсуждать политические проблемы на страницах печати и даже в беседах с друзьями в те годы было настоящим самоубийством. Поэтому общественная жизнь, как источник, который засыпали грязью, начинала пробиваться в других местах, находила выражение в иных формах. Несмотря на чугунную тяжесть цензуры, просматривавшей каждое напечатанное слово буквально на свет, в 1830–1850-е годы получила бурное развитие русская художественная литература и литературная критика. У истоков ее стоял великий Пушкин, в 1830-е годы сам начавший издавать журнал «Современник», в котором публиковал рассказы, повести, рецензии. Уже Пушкин своими критическими статьями стремился привить читающей публике литературный вкус, показать ей различие между официозом, пошлой бульварной литературой Фаддея Булгарина и настоящей, «думающей» литературой молодых русских писателей. Настоящим кумиром оппозиционной молодежи стал критик В. Г. Белинский. Выходец из бедного духовенства, недоучка, он был очень талантлив, умел отличить подлинное произведение литературы от подделки. Но самое главное – в другом: Белинский в своих критических статьях и обзорах русской литературы, которых люди ждали с нетерпением, как важнейших манифестов, умел выразить настроения общества, найти самые точные слова, которые отражали думы и волнения людей того времени. И никакие «умственные плотины» не могли удержать движение мысли, великолепно выраженные в статьях Белинского.

П. Я. Чаадаев.

Заглянем в источник

Направление «западников» берет начало еще в трудах Петра Чаадаева, который прямо поставил вопрос: кто мы, русские люди, в каком мире мы живем – в западном или в восточном? В своих «Философических письмах», которые после опубликования в 1836 году стали, как уже сказано, причиной гонений на Чаадаева, он приходит к неутешительному выводу: судьба России печальна, она обречена на

гибель, так как не имеет ни вековых традиций культуры, истории, ни мощной религиозной опоры. «Мы живем, – писал Чаадаев, – в каком-то равнодушии ко всему, в самом тесном горизонте, без прошлого и будущего». Выход Чаадаев видел в сближении с Европой, в распространении католицизма в России. В ответ на объявление его сумасшедшим и упреки в отсутствии патриотизма Чаадаев написал «Апологию сумасшедшего» (1837). Из «Апологии» следовало, что автор остался при своем мнении:

«Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, воспитывает национальную ненависть и подчас облакает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знаний, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству».

Русская литература стала полем борьбы различных идей, в художественных произведениях и литературоведческих статьях сталкивались самые разные точки зрения на будущее России. А в 1840-е годы в русском обществе наметился серьезный раскол, который дает себя знать и до сих пор. Появилось два ведущих направления в философской и общественной мысли – «западники» и «славянофилы».

Острые сочинения Чаадаева породили грандиозную полемику в литературе. Сам Чаадаев, официальный «сумасшедший», неприкаянный и разочарованный жизнью завсегдатай московских салонов, стал прообразом Чацкого, Онегина, Печорина и других «лишних людей» русской жизни, не нашедших себе места в николаевскую эпоху.

Споры вокруг чаадаевских писем разгорелись нешуточные. Они, кстати, пробудили и интерес к русской истории, которая во многом оставалась неизученной, способствовали размежеванию русского мыслящего общества на западников и славянофилов. Одни мыслители поддерживали идеи Чаадаева о сближении России с Западом, продолжении курса Петра Великого на усвоение западных ценностей. К этим мыслителям принадлежали Белинский, Грановский, Герцен и Огарев, строившие свою философию на противопоставлении появившейся в начале 1840-х годов философии славянофилов. Последние также составляли мощнейший интеллектуальный отряд, в который входили люди незаурядные: братья Киреевские, братья Аксаковы, Хомяков и многие другие. Суть их мировоззрения сводилась к двум постулатам. Первый гласил: русский народ, в отличие от других народов, сохранил в неизменности начала христианства, всегда жил на принципах свободы древнерусских демократических общин, а реформы Петра Великого исказили это оригинальное развитие. И второй постулат провозглашал: в истории развития Западной Европы видно разложение и гниение культуры, России нельзя идти к ней навстречу, перенимать ее ценности. В основе оригинального типа русской культуры должна лежать традиция. Славянофилы были так преданы этой идее, что сами отпустили бороды, а некоторые одевались в допетровские одежды. Москвичи на улицах нередко принимали их за приезжих персиян – так нелепы и давно забыты обществом были их длиннополые одежды.

Славянофилы использовали уваровский принцип «Православие – Самодержавие – Народность», но они не были официальными идеологами власти, осуждали ее за явное западничество во внешних формах, репрессии против мысли и мыслящих людей. А между тем давление власти на культуру с конца 1840-х годов все усиливалось и усиливалось. Самым громким стало дело кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, в котором по пятницам проводили обсуждения различных тем; говорили о свободе слова, печати, обсуждали рефераты и свежие статьи в прессе. С помощью шпиона и провокатора И. П. Липранди Третье отделение в 1849 году разгромило кружок Петрашевского. Его участники, и среди них Ф. М. Достоевский, были арестованы. Военный суд приговорил 15 человек из 23 «за преступный замысел к ниспровержению существующего в России государственного строя» к расстрелу. И хотя царь и заменил расстрел каторгой, им об этом сообщили лишь после того, как привязали к столбам, закрыли лицо мешками и холостыми выстрелами

имитировали расстрел. Начались жестокие гонения на прессу; цензура свирепствовала, не пропуская в печать самые невинные произведения. Некоторые писатели были арестованы и сосланы. Печальна судьба великого поэта Украины Тараса Шевченко, который с 1847 года 10 лет провел в солдатах в Оренбургской губернии, на берегу Каспия. В столицах закрывались журналы, притеснялись университетские профессора. Многим людям казалось, что бесконечному царствованию Николая I и его Третьего отделения не будет конца.

Заглянем в источник

К концу николаевского царствования цензура буквально душила прессу и писателей. Вот запись, сделанная уже во времена Александра II в дневнике Е. А. Штакеншнейдер, дочери знаменитого архитектора. Запись передает ощущения человека, который вышел из невыносимо душного помещения и рассказывает другому об этом ужасе:

«Суббота 15 сентября 1856 года... Пока нас не было в Петербурге, преобразились журналы... Что это было в прошлом году! Цензура придиралась к словам и видела тайный смысл там, где его не было; вычеркивали страницы, вычеркивали отдельные слова, как, например: тиран, гимназист, солдат, камня; искажали труд писателей и – понятно – возмущали их. Между тем зло, которое действительно существовало, не искоренялось, а увеличивалось, потому что росло неудовольствие. Зависимость от цензора, который не понимал, что такое камня, и имел право вычеркнуть и вычеркивал это слово и тем искажал поэтическое произведение, была действительно нестерпима. Горе было писателям и поэтам! Как ухитриться, чтобы труд не пропал и был напечатан? Точных правил что цензурно, что нецензурно, не было, не могло быть. Были общие правила, частности же зависели от взгляда, понимания и мнения цензора. Но цензор сам зависим, и он отвечает за пропущенную статью местом своим, т. е. насущным хлебом своим и семьей своей. Случалось, что цензор калечил или не пропускал совсем произведение, и тогда о том знали и роптали только сам автор и его кружок. Но случалось, что по недосмотру или другим каким причинам пропускал – и уже напечатанное произведение обращало на себя внимание, – тогда дело принимало иной, более грозный вид. Тогда доставалось цензору, тогда говорили не один только автор и его кружок, но говорил весь город, тогда цензура шалела, а писатели и журналисты теряли голову. Неужели все это кончилось и теперь все будут довольны?»

Николаевский Петербург

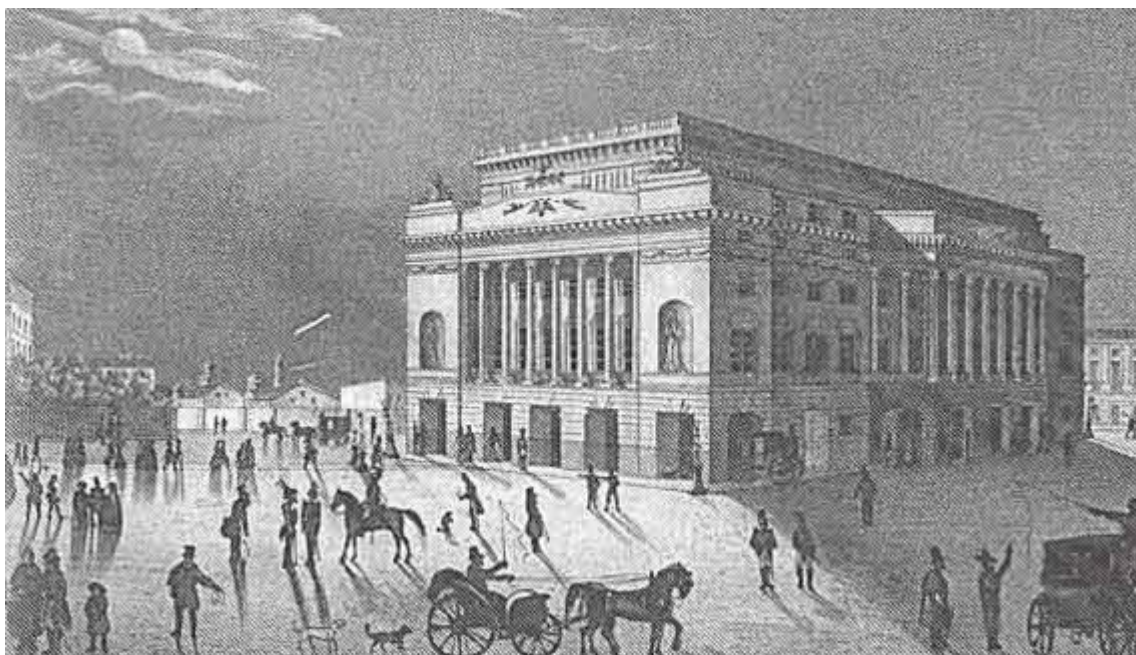
Николаевский Петербург был не чета александровскому, более похожему на грандиозную стройку с царством заборов, которыми окружали сооружения. Теперь, при Николае I, эти здания были не только закончены, но и всю заблестали своей вечной красотой. Архитектор Карл Росси почти ничего не строил. В 1832 году рано постаревший и больной, он отпросился в отставку и до самой своей смерти в 1849 году не прикасался к карандашу. Казалось, что он рано исчерпал себя до дна, разом выплеснув всю свою гениальную энергию на улицы и площади Петербурга и, опустошенный, замер в ожидании смерти. К 1832 году он закончил не только триумфальный ансамбль Главного штаба, но и многое другое. Он создал совершенно новый, неожиданно величественный и одновременно камерный ансамбль площади Александринского театра. И с земли, и с высоты птичьего полета этот ансамбль удивляет и до сих пор гармонией самых разнообразных объемов.

Одновременно глаз замечает изящные павильоны Аничкова сада, фонари, решетки – все это слагается в единую, неповторимую архитектурную мелодию, в которой каждая нота на своем месте. Такое чувство восторга перед творениями Росси испытывали люди, когда видели грандиозный, как Парфенон, Михайловский дворец и соединенные аркой здания Сената и Синода, напоминавшие десятками своих колонн архитектурный «орган». И в этот

раз Росси показал себя великолепным мастером нескучной симметрии и гармонии. Он сумел выполнить сложнейшее задание Николая I – создать для двух высших учреждений империи здание, сопоставимое по размеру и убранству со стоявшим напротив Сената и Синода Адмиралтейством. Гением Росси все эти три сооружения замкнулись в единый ансамбль Сенатской площади вместе с Конногвардейским манежем, бульваром и Медным всадником посередине.

Совсем неподалеку от этого последнего шедевра Росси развернул свою работу его конкурент – Огюст Монферран. Его «полем» стала Адмиралтейская площадь. Здесь он, порой отвлекаясь на другие заказы, строил почти полвека. Сначала он возвел величественное здание с тремя фасадами – дом Лобанова-Ростовского. Одновременно Монферран взялся за рискованное дело – перестройку Исаакиевского собора. Сооружение это было как будто заколдованным. С конца 1760-х годов его никак не могли закончить сначала Ринальди, потом – Бренна. Монферрану повезло больше. Он сумел закончить собор перед самой своей смертью в 1858 году. А начал он эту работу в 1818 году, то есть возводил титаническое сооружение 40 лет!

Эта колонна, посвященная Александру I, стала «последней точкой» в работе нескольких поколений архитекторов, украшавших парадный центр Петербурга. Важно, что общим результатом их работы стала не просто «застройка», а уникальный ансамбль ансамблей. В самом деле: великолепные здания стоят вокруг площадей, которые, в свою очередь, сливаются с пространством Невы. «Водяная» (а зимой «ледовая») площадь, созданная самой природой между Петропавловской крепостью, стрелкой Васильевского острова и Зимним дворцом, плавно перетекает в вереницу рукотворных площадей. Дворцовая, Адмиралтейская (ныне Адмиралтейский проспект и Александровский сад), Сенатская (ныне Декабристов), а также Биржевая площади и Марсово поле образуют величественный комплекс открытых городских пространств, демонстрирующих единство творений природы и человека. Известно, что идея «анфилады» площадей вдоль Невы была уже заложена в планах архитектурной комиссии 1762 года, но ее реализовали только в николаевскую эпоху. Эти площади слиты воедино своей историей и архитектурным исполнением, при этом они не похожи друг на друга. Дворцовая площадь, стянутая упругой дугой здания Главного штаба, как бы сворачивается некой воронкой вокруг Александровской колонны. Адмиралтейская площадь, еще до того как она распалась на проспект и городской сад, являла собой грандиозный плац, на котором выстраивалась в торжественные дни вся русская гвардия. Прохладой Невы и горькой памятью братоубийства в декабре 1825 года живет соседняя с Адмиралтейской Сенатская площадь, а за творением Монферрана располагается Исаакиевская площадь – «место нештутейное», правительственное: Госсовет, Министерство государственных имуществ.

Александринский театр. 1830-е годы.

Заметки на полях

Вообще же, француз Монферран был не только выдающимся архитектором, но и замечательным инженером. Когда на установку первой колонны Исаакия 20 марта 1828 года приехала вся царская семья, то ждать ей пришлось недолго. Подъем огромной колонны занял всего 45 минут, на 5 минут дольше, чем подъем из ямы в Кремле знаменитого Царь-колокола, который отлить-то отлили, а из ямы вытащить до Монферрана не могли почти 100 лет. И уже непревзойденным инженерным подвигом архитектора стало водружение Александрийского столпа на Дворцовой площади. 30 мая 1832 года вокруг места подъема собралось десять тысяч горожан вместе с Николаем I. Все они видели, как с помощью хитроумных устройств колонна весом 650 тонн и высотой почти 50 метров была поднята и установлена за 100 минут! Настоящий мировой инженерный рекорд!

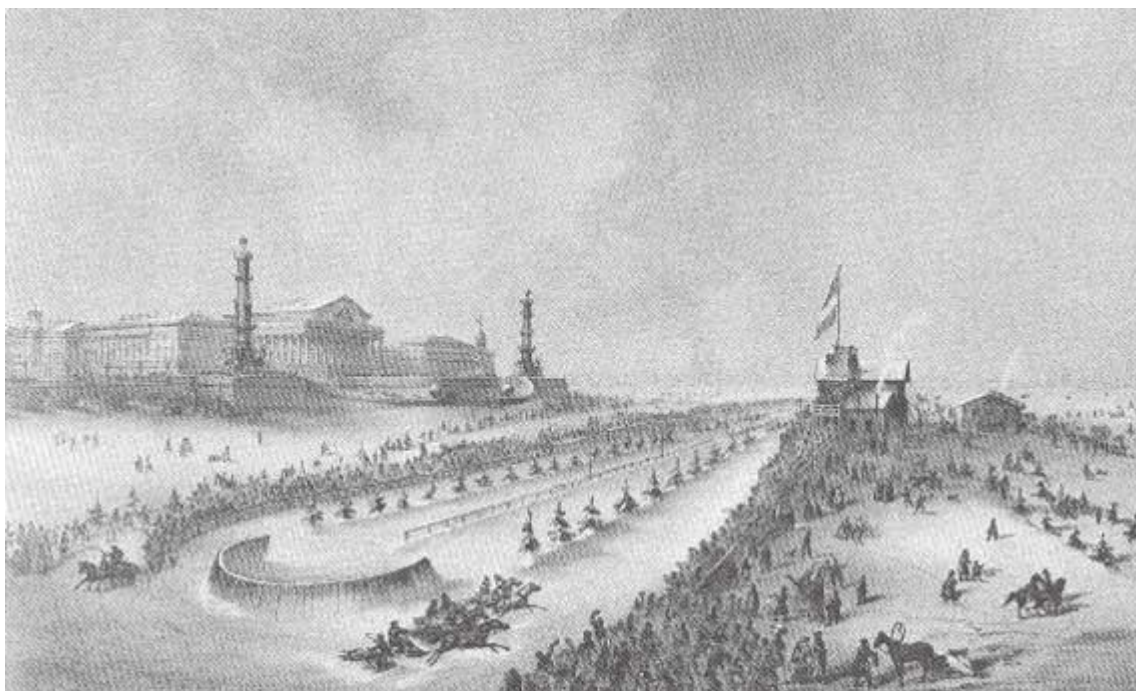
Е. А. Плюшар. Портрет архитектора Рикара де Монферрана.

В 1839 году французу А. Кюстину, привыкшему к тесному уюту Парижа, анфилада этих площадей показалась пустырем, окруженным редкими строениями. Для русского же человека цепь этих площадей – архитектурный символ целой эпохи великой империи с ее огромными необъятными просторами. Эти площади много значили и значат для сердца каждого петербуржца. Здесь и сейчас чувствуется медленное и неотвратимое движение времени и одновременно – неуловимость каждого мгновения. В неразрывной слитности архитектуры и природы, в удивительном сочетании тонких северных красок и оттенков есть своя глубина, ясность и акварельное изящество.

Сердцем Петербурга была Адмиралтейская сторона. В это время здесь собирались, жили рядом, сидели в одних салонах и кондитерских, спорили, дружили, ссорились необыкновенно талантливые люди: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. И. Глинка, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, В. А. Тропинин, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский и многие другие. Почти всех их поодиночке и группами можно было увидеть на Невском проспекте.

Невский проспект и окраины

Каким был Невский проспект в то время, мы хорошо знаем благодаря гравюрам В. С. Огородникова. Невский был той прекрасной архитектурной декорацией, на фоне которой проходила интеллектуальная жизнь столицы. Если мы приглядимся к той части панорамы Огородникова, где изображена Голландская церковь, то заметим гуляющего по Невскому в высоком цилиндре Пушкина. Это почти фотография. Как писал современник, «в числе гулявшей по Невскому публики почасту можно было приметить и А. С. Пушкина».

А. И. Шарлемань. Бег троек на Неве.

Совсем рядом, на Мойке, в доме № 12 он снимал квартиру, и здесь развернулась последняя трагедия поэта. Как и у каждого петербуржца, у Пушкина была своя «тропа» по Невскому. Здесь или поблизости жили, служили его приятели и знакомые, идет ли речь о салоне в доме А. Ф. Воейкова (там же жил и Жуковский), о Публичной библиотеке, которой управлял его друг А. Н. Оленин и где работали И. А. Крылов и Н. И. Гнедич. Тут, на «книжной версте» Невского проспекта (от его начала до Аничкова моста) для Пушкина и других литераторов был настоящий интеллектуальный «сити» – сосредоточение бесчисленных книжных и нотных лавочек и магазинов, редакций, издательств, типографий. С радостью встречали Пушкина как в книжном магазине и библиотеке А. Ф. Смирдина, так и во множестве кофеен и кондитерских, где можно было всегда почитать свежие газеты, посидеть с друзьями. Одну из этих кондитерских (Вольфа и Беранже) на углу Мойки знают все, кому известны обстоятельства трагической гибели Пушкина. Весной 1837 года Карл Великий – так звали Брюллова окружающие – вместе с поэтом В. А. Жуковским и обер-гофмейстером двора, меломаном М. Ю. Виельгорским затеяли необыкновенное дело: Брюллов написал портрет Жуковского, потом была устроена лотерея, картину купила императрица, а вырученные за нее 2,5 тыс. рублей пошли на выкуп крепостного художника Тараса Шевченко – великого kobzara Украины.

На этом отрезке Невского и в после-пушкинскую эпоху кипела литературная жизнь. В ту же кондитерскую Вольфа и Беранже в 1846 года зашли два литератора: поэт А. Н. Плещеев и писатель Ф. М. Достоевский. Они случайно познакомились здесь с Буташевичем-Петрашевским, и это знакомство, как известно, резко переломило жизнь Достоевского, привело его на каторгу. С началом 1840-х годов центр писательской жизни сместился к «литературному» дому у Аничкова моста, где жили В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, И. И. Панаев, Д. И. Писарев. Сюда к Белинскому приходили Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой...

М. Ф. Дамам-Демартре. Перспектива Невского проспекта.

Разнообразна и интересна была музыкальная жизнь Петербурга в 1830– 1850-е годы. Люди света старались не пропускать концертов многочисленных итальянских гастролеров, особенно певцов. Кроме Зимнего и Мраморного дворцов концерты, оперные спектакли, маскарады и балы проходили на Невском – в Аничковом и Строгановском дворцах, а также в их садах, на летних эстрадах; летом концерты часто устраивались за городом, особенно славился Павловский «воксал» возле Павловского парка. Своей утонченностью был известен музыкальный салон братьев Михаила и Матвея Виельгорских в построенном для них Росси доме на Михайловской площади. Здесь концертировали самые великие музыканты того времени: Ф. Лист, Г. Берлиоз, Р. Шуман. На Невском были открыты многочисленные «музыкальные клубы» и концертные залы.

Самым известным из них стал зал в доме приятеля Пушкина В. В. Энгельгардта, называемый в объявлениях «Старой филармонической залой супротив Казанского собора» (теперь здесь Малый зал филармонии). С 1830 года тут проводили грандиозные маскарады, на которых бывали и Николай I, и Александра Федоровна, многие придворные. Позже здесь начались филармонические концерты, сюда стали приезжать знаменитости. На долгие годы современники запомнили феерические концерты Ференца Листа. Как писал бывший на его концерте 8 апреля 1842 года В. В. Стасов, Лист быстро протиснулся сквозь толпу, подошел к возвышавшейся посередине зала эстраде, на которой стояли два фортепьяно, вспрыгнул, минуя ступеньки, на эстраду, резко сорвал с рук белые перчатки, бросил их на пол, под фортепьяно, раскланялся на все четыре стороны при таком громе рукоплесканий, какого в Петербурге с самого 1703 года еще, наверное, не бывало, и сел. Мгновенно наступило в зале такое молчание, как будто все разом умерли, и Лист начал виолончельную фразу увертюры «Вильгельма Телля» без единой ноты прелюдирования. Кончил свою увертюру, и пока зала тряслась от громовых рукоплесканий, он быстро перешел к другому фортепьяно и так менял роля для каждой новой пьесы, являясь лицом то к одной, то к другой половине зала.

Кто сказал, что шоумены появились только в XX веке?!

Но гром полуденной пушки с Адмиралтейской крепости, залпы и отсветы салютов и фейерверков напоминали, что это хотя и окраины, но все-таки столицы Российской империи, города воинской славы. Впрочем, те, кто жил на материковой части, этого не забывали ни на минуту. Петербург был военной столицей, городом-крепостью. Вся городская жизнь была подчинена военному распорядку. Раннее утро начиналось с сигнала «Подъем!», с переключки

полковых труб в разных концах города. Опытный человек, услышавший в утреннем прозрачном воздухе медь трубы, мог сразу сказать, повернув голову в сторону видного издалика синекупольного Троицкого собора: «Надо же, измайловцы первыми проснулись!» Впрочем, звук трубы из рот Измайловского полка тотчас подхватывали преображенцы в своей слободе возле Литейного проспекта и Спасо-Преображенского собора. Тотчас разом отзывались трубы в ротах Семеновского полка, что тянулись от Загородного проспекта до Московской дороги, Конной гвардии, Гвардейского экипажа... Грохот барабанов доносился с учебных плацев, бравые солдатские песни марширующих рот звучали на городских улицах. Наступление вечера возвещал сигнал «Отбой!» и долгое и торжественное исполнение «зори». Военные в мундирах разных полков и команд встречались повсюду. Это неудивительно – в городе было множество казарм, манежей, конюшен, арсеналов, складов, провиантских и иных магазинов, госпиталей, зданий штабов и офицерских собраний. Чаще всего эти здания располагались рядом, составляя внутри большого города своеобразные полковые городки, улицы которых назывались ротами.

Заглянем в источник

Богатая, праздничная, нарядная, обычно полуночная жизнь центра города совсем не походила на жизнь других частей Петербурга. Казалось, что в одном городе, кроме дворцов и Невского проспекта, существует сразу несколько городов, живущих в разные исторические эпохи и даже в разное время года. Н. А. Некрасов писал в повести «Жизнь Александры Ивановны»:

«Не знаю, известно ли читателям, что в Петербурге, кроме многих известных чудес, которыми он славится, есть еще чудо, которое заключается в том, что в одно и то же время в разных частях его можно встретить времена года совершенно различные. Когда в центре Петербурга нет уже и признаков снега, когда по Невскому беспрестанно носятся летние экипажи, а по тротуарам его, сухим и гладким, толпами прогуливаются обрадованные жители и жительницы столицы в легких изящных нарядах, – тогда в другом конце Петербурга, на Выборгской стороне, царствует совершенная зима. Снег довольно толстым слоем лежит еще на мостовых, природа смотрит пасмурно и подозрительно, жители выходят на улицу не иначе, как закутавшись в меховую одежду... На заборах, из-за которых выглядывают угрюмые деревья, до половины покрытые снегом, стелется иней, из десяти извожиков только один и то с отчаянием в сердце осмелится выехать на дрожках. О, как далеко Выборгской стороне до Невского проспекта!»

Таким же далеким от Невского казались не только Выборгская сторона, Охта, но и Петербургская сторона. Ее сонную жизнь ничто не волновало, и она оживала только в те часы, когда по Каменноостровской дороге на Острова – место модных гуляний богатых петербуржцев – мчались нарядные коляски. Они разгоняли глупых кур и гусей, с нетерпением притормаживали, въезжая в мычащее и жующее стадо, которое на закате дня медленно ползло по улицам. А потом рысаки вновь набирали ход, от копыт и колес поднималась туча пыли, которая долго висела в воздухе и медленно оседала на крыши низеньких домиков, жалкие огороды с покосившимися плетнями и заборами. Казалось, что это вовсе не Петербург, а дальний, провинциальный городок...

Н. Е. Сверчков. Пожарные ночью в Петербурге.

Город при Николае I пережил два потрясения. Одно из них было страшное, другое – удивительное. Страшным событием стал пожар Зимнего дворца в ночь на 17 декабря 1834 года, начавшийся от неисправного дымохода одной из дворцовых печей. Зрелище грандиозного, видного со всех концов города пожара было похоже на ожившую картину К. Брюллова «Последний день Помпеи».

В зимней тьме пылал дворец, и огромная молчаливая толпа зевак стояла на морозе все 30 часов, пока длился пожар. Дворцовая площадь, оцепленная плотным кольцом солдат, вся была заставлена мебелью, зеркалами, редкими картинами, скульптурой, светильниками и прочими баснословными богатствами. Благодаря мужеству солдат и толковому руководству самого императора Николая I удалось спасти многие воинские реликвии: знамена гвардейских полков, картины Военной галереи 1812 года, утварь дворцовых церквей, убранство царских покоев. Удалось отстоять сокровищницу мирового искусства – Эрмитаж. Когда пожар стих, перед людьми предстало страшное зрелище: обгорелые стены, обрушившиеся потолки и перекрытия, чад и вонь тлеющих обломков. Восстановление дворца началось почти сразу же после катастрофы. Основная тяжесть реставрационных работ легла на архитекторов В. П. Стасова, брата Карла Брюллова Александра, талантливого зодчего, а также на А. Е. Штауберта и К. А. Тона. Круглосуточно на пожарище работали около 10 тыс. человек. Уже к 1840 году упорный труд увенчался успехом – не даром на памятной медали были выбиты слова «Усердие все превозмогает».

Удивительным же событием в жизни николаевского Петербурга стало открытие железной дороги. Тысячи петербуржцев собрались, чтобы увидеть, как зашипит, тронется и поедет странное, привезенное из Англии сооружение с длинной трубой. Ведь столько было разговоров о невозможности железных дорог в России – как же выдержат рельсы лютые русские морозы? Но все прошло благополучно, железнодорожное строительство развернулось вовсю, и 18 августа 1851 года из Петербурга в Москву ушел первый царский поезд.

Сам государь решил опробовать новую дорогу, ставшую важнейшей магистралью России на столетия. Город разрастался стремительно: к середине XIX века его населяло полмиллиона человек! В основном это были пришедшие на заработки крестьяне окрестных губерний, строительные рабочие, мастеровые. Вид их по утрам не украшал центральные улицы, и, как писал Гоголь, «в это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что

русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре».

Осень классицизма

Рост числа работных в городе, железная дорога, дымы первых пароходов на Неве, строящиеся на окраинах заводы с высокими трубами – все это с ясностью говорило, что грядет новая эпоха. Она с нетерпением стоит на пороге Петербурга, обещает ему нечто неизведанное. Приближение индустриальной эпохи уже почувствовали многие. Ампи́рный Петербург уходил в прошлое, постепенно менялись вкусы, появлялись новые запросы, шум европейской промышленной революции долетал до Петербурга, появлялись новые машины, новые материалы, новые технические идеи. Рамки строгого ампи́ра становились тесны архитекторам, наступала эпоха свободы выбора стилей. Монферран упорно заканчивал уже устаревший для своего времени Исаакиевский собор, но уже думал о другом стиле, обращаясь к образцам Возрождения. Тяготение к новым формам испытывал и сам Николай I, увлеченный неоготикой. Он как бы втайне от своей пышной ампи́рной столицы строил для себя, для души особый, «готический» мир в любимом им Петергофе.

Николаю I была близка роль благородного рыцаря-крестоносца – защитника «старого порядка» и православия, покровителя слабых. Именно в неоготике отразились душевные движения императора, который хотел жить не в раззолоченном, обозреваемом со всех сторон дворцовом пространстве барокко и ампи́ра, а в своем «поместье», в небольшом уютном доме, построенном как у англичан – возле развалин родового замка, неподалеку от вросшей в землю старинной капеллы, чей каменный пол истерт башмаками десятков поколений прихожан. Естественно, что для воплощения «готической» мечты самодержца препятствий не было. Так, он строит под Петергофом усадьбу Александрию, которая вся проникнута духом неоготики. Здесь появились и «старинный» Руинный мост, и «готические» Фермерский дворец и Капелла, и маленькие «готические» колодец, беседка, караулка. Железная ограда, благодаря навершиям в виде золоченых наконечников копий, наводила на мысль о бесчисленном рыцарском войске, охраняющем Александрию. Центром усадьбы стал дворец «Коттедж», в котором воплотились все главные идеи и мечты «петергофского помещика» (как себя называл Николай I) и его супруги императрицы Александры Федоровны. К этому дому-вилле для богатой (но без излишеств) семьи приложимы такие эпитеты: большой (но не огромный), соразмерный, удачно расположенный на возвышенности, согласный с природой, светлый, изящный, удобный, элегантный. Все комнаты виллы, непохожие одна на другую, наполнены любовно подобранными картинами, «готической» мебелью мастера Г. Гамбса, памятными безделушками.

По описаниям современников можно представить себе жизнь царской усадьбы... В широкие и высокие окна без переплетов льется нежный свет петергофского летнего утра, на беломраморной Северной террасе у тихо журчащего фонтана между пальмами в кадках стоит изящный чайный столик, светится в солнечных лучах фарфоровый прибор, вкусно пахнет кофе. Хозяйка усадьбы, императрица Александра, пьет свой утренний кофе и прислушивается к веселым голосам детей за домом, где для них был построен особый дом – «Ферма». Они идут к ней поздороваться...

Заметки на полях

Впрочем, внешне все старые ценности официального ампи́ра оставались на своих местах. Никто не смел косо посмотреть на Исаакий, усомниться в его эстетической ценности, хотя он, даже недостроенный, уже устарел. Величественно возвышался он над городом и был прекрасен, как и картины Брюллова, которыми восхищались тысячи людей, толпившихся возле «Гибели Помпеи». Но и собор, и брюлловские картины, и весь ампи́рный Петербург середины XIX века – все это было исполнено той совершенной красоты, которая присуща осеннему саду, прекрасному и печальному. К такому совершенству,

кажется, нечего добавить, но мы-то знаем, что это красота увядания...

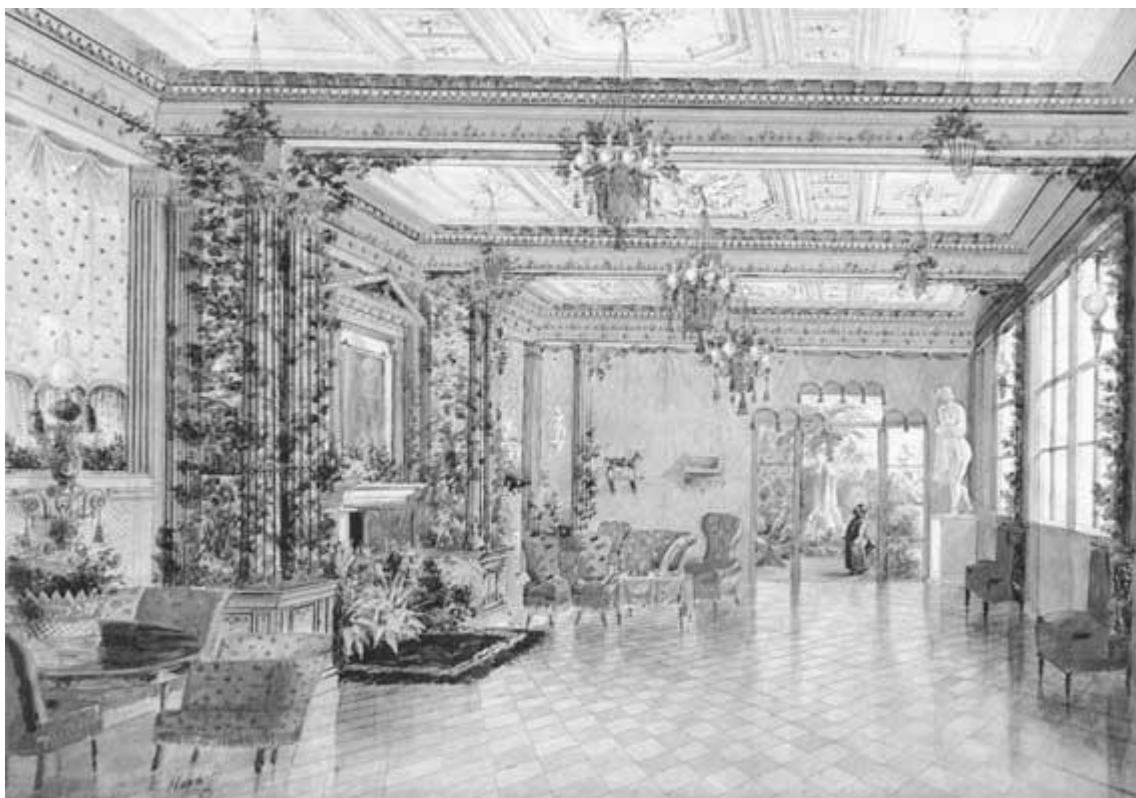
Впрочем, к середине XIX века строгий классицизм Захарова, Росси, Монферрана был потеснен, так сказать, свободным классицизмом А. Штакеншнейдера, который не ограничивал себя в поисках архитектурных форм для выражения своих идей. Генрих Штакеншнейдер – сын немца-мельника из-под Гатчины – из-за нехватки денег не сумел закончить Академию художеств, но был взят чертежником к О. Монферрану и стал его любимым помощником. Жизнь Штакеншнейдера была трудной: тяжелая работа чертежника, бедность, болезнь. Выходец из простолюдинов, он долго не мог получить обер-офицерский чин, а в те времена это было очень важно. Но Генрих упорно работал и ждал своего часа. Он наступил в 1833 году, когда Николай I обратил внимание на Штакеншнейдера и сделал его придворным архитектором. Ныне без зданий работы Штакеншнейдера вообще невозможно представить себе Петербург. Это и Мариинский дворец с его чудесной ротондой, это и другие дворцы: Белосельских-Белозерских и Николаевский (Дворец Труда), Ново-Михайловский на Дворцовой набережной и еще многие здания. Яркий талант Штакеншнейдера расцвел в эпоху эклектики, господства ретростилей. Тогда архитекторы вдруг почувствовали независимость от законов классицизма и стали свободно заимствовать из прошлого те элементы и приемы, которые казались подходящими. А выбор был велик. «Готический стиль», «неоренессанс» привлекали любителей Средневековья или Возрождения. От шедевров Бармы и Постника идет «русский стиль», увлечение Востоком принесло к нам «мавританский стиль», а знание творений Растрелли и других гениев барокко породило «необарокко».

Штакеншнейдер оказался блестящим мастером ретростилей, отдавая предпочтение «неоренессансу» и «необарокко». При этом его талант был так нестандартен, что можно говорить об особом «стиле Штакеншнейдера» – сочетании величественных внешних форм и необычайно изящного интерьера его зданий.

Жилище и одежда николаевской эпохи

Царское жилище, стиль жизни Николая и его семьи становились образцами для состоятельного дворянства. Наряду с сельским помещичьим домом, типичным жильем дворянства XIX века становится городской особняк. Они были самые разные – одни небольшие, деревянные, другие не уступали в роскоши дворцам знати. Но общее для них было то, что все они служили жилищем одной семьи. Особняками застраивались целые улицы и кварталы Петербурга, Москвы, губернских городов. Внутреннее устройство их было примерно одинаковым. Второй этаж (бельэтаж) занимали парадные апартаменты, расположенные анфиладой (от фр. *en fil* – по ниточке). Через все помещения – гостиную, столовую, будуар, библиотеку, «танцевальную залу» – можно было пройти насквозь. В середине XIX века происходит отступление от прямолинейности анфилады, появляются уютные уголки, выгороженные мягкой мебелью, ширмами.

Символом достатка хозяев были парадные гостиные, парадные спальни, бильярдные, картинные. В моде была мебель красного дерева, длинные кушетки, диваны с высокими спинками, алебастровые вазы, курительные столики в гостиных, застекленные с трех сторон шкафчики для посуды. В обиходе была фаянсовая и фарфоровая посуда. Каминные, модные в богатых домах из-за суровых зим, так и не смогли вытеснить полностью русскую печь. Обязательной принадлежностью богатого дома был комфортабельный туалет. В моде были большие зеркала, часы (стенные, каминные, напольные). Дом без музыкальных инструментов – клавесина, фортепиано, механические органы – представить было невозможно.

И. А. Гох. Салон в доме барона Штиглица на Каменном острове в Петербурге.

Такие дома бывали часто полны народом. По утрам в праздники тут происходили детские утренники, «детские балы», здесь принимали гостей, музицировали, танцевали, обедали, играли в карты – словом, проводили время. Вдоль границ участка, занимаемого особняком, стояли служебные постройки. Здесь, подальше от барских покоев, чадил плитам кухня, тут же были баня, погреб, ледники, кладовки, конюшни, позже превращенные в гаражи. В жилых постройках во дворе – флигелях – жили слуги.

Изменения коснулись и одежды людей. Фрак продолжал свою жизнь в гардеробе мужчины, становился универсальным гражданским платьем, пригодным как для улицы, так и для салонов, как для господ, так и для лакеев. Конечно, мода меняла его вид и цвет. В XIX веке все-таки пестрых фраков не было. Фрак стал одноцветным и даже выдержанно-строгим, как вечерняя одежда для торжеств и официальных приемов. Он стоил довольно дорого, и зачастую люди, обязанные явиться во фраках, брали их напрокат.

Фрак был первейшим, но не единственным видом типичного костюма мужчины XIX века. Его носили с жилетом – полосатым или в крапинку. Панталоны под фрак подбирались разные, но обычно короткие – до колен и в обтяжку. Их надевали либо с сапогами (для улицы, езды верхом), имевшими отвороты, либо с чулками и туфлями – для балов. Непременной принадлежностью мужского туалета с фраком «во главе» были цилиндр, белый, а потом цветной «галстук» – первоначально вариант шейного платка, повязанного вычурным узлом. Позже появился черный галстук с бриллиантовой булавкой. Наряд завершала трость, мода на которую также часто менялась в течение XVIII–XIX веков.

Следующая важнейшая после появления фрака перемена в мужском костюме произошла в 1820-е годы. Короткие панталоны в обтяжку, а также длинные чулки и башмаки с пряжками сменила мода на длинные широкие панталоны – прямые предшественники современных брюк. Точнее, короткие панталоны по-прежнему надевали на балы, но на улицах, по бульвару гуляли уже в брюках. В первой половине XIX века появились брюки со штрипками, которые носили поверх обуви. Это, в свою очередь, привело к моде на короткие сапожки, точнее, полусапожки. Снова стали модными башмаки, но они уже были иными, чем в XVIII веке, похожими на современные полуботинки.

От фрака ведет свою «родословную» сюртук. Это некоторое возвращение к кафтану, но с сохранением многих особенностей кроя фрака (в талию). Отличие же сюртука от фрака состояло в отсутствии выреза внизу спереди и значительном увеличении числа пуговиц. Сюртук был с двубортным кроем, обязательно имел отложной воротник, на сюртук нашивали петли и кисти. Он воспринимался как верхнее платье, шился из сукна, но в нем могли находиться и в помещении. В отличие от фрака сюртук был достаточно «демократичен», в нем ходили люди разных сословий.

Другим «потомком» от фрака стал пиджак, который шили без привычных длинных фалд. Сначала пиджак носили дома, но потом, уже во второй половине XIX века, он «вышел» на улицу. Как воспоминание о древней свободной одежде типа зипуна, в гардеробе русского человека сохранился архилук, или шлафрок (или, попросту говоря, халат), – нарядный, из шелка или бархата, подбитый и утепленный ватой и иногда мехом, с шалевым воротником, удобными карманами, кушаком. Обшлага у шлафрока обычно были другого цвета.

Верхняя одежда также все это время менялась. Вечными в употреблении оставались шубы, епанчи. Но в XIX веке утепленный сюртук с пелериной стал весьма распространенным видом верхнего одеяния. Очень близка к нему была и шинель, появившаяся в армии при Павле I. Она нашла место в одежде чиновников (вспомним знаменитую повесть Гоголя под этим же названием), да и вообще мужчин и отчасти женщин. Разновидностью старинной епанчи был так называемый «велингтон» – черный, длинный, без рукавов суконный плащ. Из головных уборов мужчин сохраняла свое значение треуголка, появившаяся у военных и гражданских чинов вместе с петровскими реформами, хотя и она претерпевала изменения и стала совсем непохожа на первоначальную треуголку – фетровую шляпу с загнутыми краями. А к 1811 году в армии (от нее – при дворе) ее окончательно сменила фуражка, мало в чем изменившаяся с тех пор и постепенно ставшая частью униформы не только военного, но и других, гражданских ведомств, а также студенчества, учеников гимназий и разных училищ. В 1820-е годы у мужчин становится модной шляпа с широкими полями – боливар (по имени освободителя Латинской Америки от испанского ига). Но, самое главное, XIX век вошел в историю как век цилиндра, который, как и многие другие предметы одежды, менял длину, ширину, форму, то его поля загибались вверх, то опускались вниз.

Женская мода поразительно быстро откликалась на требования времени. Обострившийся польский вопрос ввел в Россию моду на распашную юбку «полонез», а грандиозные европейские события конца XVIII – начала XIX века меняли моду несколько раз. Под влиянием революционной, а потом наполеоновской Франции начала XIX века в моде стали преобладать мотивы античности, воцарился стиль ампир. Огромные юбки и фижмы стали уделом «старого режима» во Франции, хотя новую моду приняли и в России и тех странах, где режим оставался старым. Появляются разного рода туники – легкие, полупрозрачные платья с высокой, под грудью, талией, с открытой шеей и грудью, которую прикрывали легким шарфом или косынкой. Мода на дородных, пышных красавиц проходит, на виду у всех бледные, романтические Лизы, Амалии. Голову такой красавицы стали украшать не чепцы и шляпки, а диадемы, венки из искусственных цветов, колосьев и даже живых цветов (как у «аркадской пастушки»). После похода Наполеона в Египет вошли в моду тюрбаны из роскошных восточных тканей, бархатные береты с перьями. Тогда же становятся модными шали. Особенно ценились шали из Индии – одноцветные, с ярким бордюром и бахромой. В 1830–1840-е годы женщины носят разнообразные шляпки и чепцы, украшают их бесчисленными лентами. Подражая военным, модницы носят шляпки в виде киверов, фуражек с небольшими козырьками. На балу у многих на головах можно было видеть тюрбаны, украшенные бусами, перьями. Дома носили кокетливые чепчики из тюля и кисеи с рюшами и цветами. В ушах были модны длинные драгоценные серьги, ценились и массивные браслеты, броши, а в волосах можно было увидеть драгоценный гребень из кости или сандалового дерева.

Начало XIX века было временем ампира и в моде на мужские прически. Стали модными прически в «античном» стиле, то есть такие, как у римских императоров. Их прически были хорошо видны на скульптурных портретах, копии которых украшали дворцы и дома знати. (Кстати, свои названия прически получали по имени императора – «титус», «каракалла».) Стали модными волосы естественного цвета, пудра вышла из моды. Появились бакенбарды («фавориты»), а также небольшие усы, что раньше было недопустимо.

У женщин вся «сила» прически была в локонах, изящно обрамлявших личики. Локоны были трубчатые, ленточные, спиралеобразные, «стружечные». В прическе использовался и шиньон. Новое направление в прическах способствовало развитию парикмахерского искусства, состоявшего теперь не в изготовлении париков, а в умении стричь, завивать и укладывать волосы. В 1820–1840-е годы на женские прически оказывает воздействие популярный тогда романтизм. Женские прически перегружены накладными косами, локонами, пучками на висках. Прически как бы приподнимаются вверх благодаря сочетанию «петель» и «бантов» из волос, при этом затылок остается открытым. Постепенно букли и пучки на висках сменяются мелкими, взбитыми локонами, которые получают название «навеянный снег», «взбитые сливки».

К середине XIX века пошла мода на «английские локоны». Они уже не лежат, как прежде, пышным облаком, а ниспадают до плеч («плакучая ива»). Кроме того, волосы украшают множеством лент, перьев, искусственных и живых цветов. Конец XVIII – начало XIX века – время увлечения всем античным. Поэтому украшения подражают античным образцам, используются живые и искусственные цветы. Духи и помада в моде, но косметикой пользуются умеренно. Зато женщины света красят волосы в модный каштановый цвет. К середине XIX века женщина прекращает раскрашивать косметикой лицо, а лишь подчеркивает естественные черты, что-то оттеняя, а что-то приглушая в облике. Как и в одежде, лучшей считается французская косметика – тончайшие белила, краски для бровей и ресниц. Возникает и усиливается направление в косметологии, согласно которому волосы красивы сами по себе, нужно за ними ухаживать и холить их. Чистота их становится новинкой моды – гигиена, частое мытье волос, как и ванны для тела, начинают считать обязательными для женщин. Появляется и усиливается культ чистого тела.

Приоритет на изготовление духов прочно захватывают французы, которые строго хранят свои секреты изготовления эфиров и эссенций. Впервые духи разделяются на мужские и женские. Во Франции появляются кремы, вытеснившие старые грубые притирания. Парфюмеры Франции наладили изготовление лосьонов, порошков, которыми натирали ногти, и они от этого сверкали, будто покрытые лаком.

Появление ресторанов

В XIX веке в дворянской и вообще в городской среде распространяется завтрак, более похожий на смесь французского (кофе со сдобой) и английского (ростбиф, яичница с ветчиной, сосиски, очень крепкий чай со сливками). В русский завтрак входят обязательно кофе со сливками и сахаром или чай, булочки, бисквиты, гренки, ревельский тминный хлеб, а также разнообразные холодные закуски – ветчина, холодное мясо. В бедных семьях на завтрак шло разогретое вчерашнее кушанье. Завтракают теперь за изящно накрытым столом с белой накрахмаленной скатертью (чистейшая скатерть с вензелем хозяина и салфетки становятся непременным атрибутом застолья), фарфоровой или серебряной посудой – кофейником, чайником, сахарницей, щипчиками для сахара-рафинада, ситечком, ложечками разного предназначения. Если кофе приносят из кухни или буфетной, то чай заваривают прямо за столом. Во время Наполеоновских войн, затруднивших подвоз кофе и удороживших его, в кофе стали добавлять цикорий, что делало его менее крепким, но более вкусным и здоровым. Впрочем, соприкосновение с Востоком в войнах с Турцией способствовало распространению турецкого кофе. Наконец, люди стали обращать внимание на свежесть продуктов, чистоту и аккуратность поваров в белых колпаках, опрятность на

кухне. Если раньше кухня отвратительно пахла и появляться на ее пороге непривычному к этой вони и чаду человеку было невозможно (а ведь он ел то, что отсюда несли к его столу!), то теперь все изменилось.

Посетитель ресторана при желании мог видеть, как готовится заказанная им утка или рыба и что для него наливают в буфете. В начале XIX века среди петербургского бомонда был распространен обычай «ездить на биржу отвесть устриц». Именно туда, на стрелку Васильевского острова, в порт прибывали корабли из Голландии с устрицами. Попробовать этот деликатес тут же, на улице, было модно. Наряду с однообразными котлами и сковородами на кухне появилось немало новых приборов: терок, форм для печенья, метелочек для взбивания яиц и т. д.

Ресторан в гостинице.

Кулинария XIX века стала уделять огромное внимание исходному продукту. Было осознано, что рыба лучше всего свежая, только что выловленная из чистой реки, что вкус мяса поразительно меняется, если домашнюю птицу перед забоем долго выкармливать качественным зерном, а телят поить сливками.

Становится модным искать сочетания несочетаемых, казалось бы, продуктов. Увеличился подготовительный этап приготовления пищи: что-то лучше долго вымачивать в воде или молоке, что-то следует подержать на пару или на льду. Первые французские рестораны («ресторации») в России появились в начале XIX века в Петербурге и Москве. Почти одновременно с ними появились английские клубы (клубы) – закрытые для посторонних рестораны, в которые члены клуба собирались к определенному часу, в определенный день к обеду или к завтраку. Западная (французская с вкраплениями итальянской, английской, немецкой) кухня окончательно вытесняет традиционную русскую. При этом русские люди начинают вносить в новую кухню свои изменения, которые потом прижились, стали привычными и даже пополнили европейскую кухню.

Так, беззубый екатерининский вельможа граф А. С. Строганов стал изобретателем (возможно, невольным) всемирно известного блюда «бефстроганов», то есть «мясо по-строгановски». При Александре I своими паштетами и манной кашей, приготовленной на

сливочных пенках с добавлением изюма и грецких орехов, прославился министр финансов Д. А. Гурьев. Стала известна и повариха из Торжка Дарья Пожарская, придумавшая котлеты из курицы, которые мы до сих пор называем «пожарские».

Чай в России заваривали (а не варили какое-то время, как англичане) и пили с сахаром «вприкуску», а в состоятельных семьях и в «накладку». Появление во второй половине XVIII века самовара сделало питье чая своеобразным национальным времяпрепровождением. Самовар позволял долго поддерживать воду очень горячей, и чай пили часами и десятками стаканов (женщины обычно пили из чашек), «с расстановкой», с наслаждением, с полотенцем на шее, ведя неторопливые беседы, закусывая чай кренделями, баранками, пирогами. А возможно ли русское чаепитие без варенья, которое варили в огромных медных тазах с ручкой? Когда появился заварочный чайник, установить трудно. Сохранился металлический походный самовар Екатерины II, разделенный на две части с краником в каждой: в одной было заварочное отделение, в другой – кипяток.

Благодаря русской кухне во Франции распространилась культура *zakuski* – «еды до еды», которая вместе с винами и водками стояла в «буфете», специальной комнате, где толпились перед обедом званые гости. Выпить перед обедом в буфете «для аппетита» стопочку водки, закусить ее «салфеточной» рыбой (плотно закрученная в салфетку соленая красная рыба, которая резалась, как сыр) или икоркой, копченой семгой и лососиной, сигом – обряд для русского застолья почти ритуальный. Из традиционной русской кухни сохранилось то, что отвечало новым тенденциям кулинарии, или то, что было любимо русским гурманом. Никто не мог отказаться от настоек, наливок, пирогов, блинов, каши. (Справедливости ради отметим, что уже тогда кашу стала теснить китайская лапша и итальянские макароны.) Но в традиционных блюдах появились усовершенствования. Кашу стали заправлять маслом («Кашу маслом не испортишь»), а в блины начали класть разные начинки из мяса, грибов. Появились и новые пироги – расстегаи. Начинкой в них были семга, лососина, а через отверстия в верхней части пирога в начинку подливали соус, что делало пирог необыкновенно вкусным.

Экономика застоя

От мануфактуры к фабрикам – именно таким был наиболее перспективный путь развития экономики, когда на смену ручному труду в мануфактурах приходил машинный труд фабрик. Символом фабрики стал паровой двигатель, паровая машина, которая была мощнее примитивного водяного двигателя. И хотя паровая машина была страшно капризна в эксплуатации и недолговечна, сжирала целые горы дров, за ней было будущее – инженеры постоянно ее совершенствовали. Паровые машины привозили в Россию преимущественно из Англии. Если в 1830-е годы в Россию ввезли 4 тыс. машин, то в 1840-е – уже 11,7 тысяч, а в 1850-е – 48 тысяч. В результате часть предприятий становилась фабриками, машины активно вытесняли ручной труд как в легкой промышленности (например, в обработке хлопка), так и в металлургии.

В легкой промышленности происходит переориентация с льняного и парусинового производства на бумагопрядильное. Это было связано с тем, что использование пара на флотах западных стран снизило потребность в русской парусине. Кроме того, бумажная материя обходилась покупателям дешевле льняной ткани. В бумагопрядильной промышленности, получавшей пряжу из Англии, быстрее внедрялось машинное производство, а следовательно, нарастала ее конкурентоспособность.

Тяжелая промышленность тоже не оставалась в стороне от технического прогресса. В металлургии, в которой Россия серьезно отстала от европейских стран, происходят важные сдвиги. С помощью паровых машин внедряется «английский способ выделки железа» – прокат металла, что давало огромную экономию в материалах и рабочей силе. Начинают использовать и горячее дутье, которое позволяло выплавлять чугун быстрее и качественнее. Начали применять в металлургии и каменный уголь взамен традиционного древесного.

Растет непрерывно численность рабочих. Только в обрабатывающей промышленности с 1825 по 1860 год число рабочих возросло с 211 тыс. до 565 тыс., то есть более чем в два раза. Причем характерно, что постоянно повышалась доля вольнонаемного труда – крепостные и на машинах работали плохо. Машины же позволили вместо мужчин использовать на многих операциях женщин и детей. Труд их обходился дешевле, чем труд мужчин.

Вслед за европейскими странами в России начинается железнодорожное строительство. Первая железная дорога была открыта между Петербургом и Царским Селом в 1837 году, а в 1851 году открылось регулярное движение между Петербургом и Москвой (Николаевская железная дорога). Затем появилась дорога Петербург – Варшава. Железные дороги были примитивны, перевозили мало грузов, а пассажирский поезд шел со скоростью 15 верст в час. Но при всем заметном росте производства, механизации, увеличении числа рабочих страна хронически отставала от передовых европейских стран. Вначале это отставание не было так заметно, но потом все чаще русские люди убеждались в явных недостатках экономики своей страны, в том, что русских промышленных товаров мало, что они плохо сделаны, что техническое отставание влияет и на условия жизни людей, боеспособность армии и флота. Развитие внутреннего рынка всегда является показателем успеха экономики. В николаевское время этот процесс продолжался. Установились четкие границы экономических районов страны. Промышленными стали связанные с Москвой Центрально-Нечерноземный, а также Северо-Западный (ориентированный на Санкт-Петербург). Центрально-Черноземный и Юго-Западный районы были по преимуществу сельскохозяйственными, так как здесь черноземные почвы давали большой урожай. Средне-Волжский специализировался на земледелии и торгово-промышленной деятельности. В целом возникал единый хозяйственный организм, всероссийский рынок, в котором каждый район играл свою хозяйственную роль. Быстро возрастают и обороты торговли. Обилие промышленных товаров можно было видеть на крупных ярмарках – таких как Макарьевская в Поволжье, Ирбитская в Сибири, на базарах, маленьких торжках в уезде, в селах.

Увеличивается и сеть постоянной торговли – в лавках, магазинах. Все больше товаров идет на рынок и сельское хозяйство. За 30 лет (с 1831 по 1860 год) ежегодный вывоз зерна за границу вырос с 18 до 69 млн пудов. Это огромный рост, а соответственно доход стране и ее гражданам. Сбор зерна и картофеля – важнейших продуктов, хотя и медленно, но возрастает. Все реже разные районы страны поражает голод – бич Средневековья. То, что на рынке стало больше сельскохозяйственных продуктов, зависело от расширения посевных площадей, от подъема нетронутой целины, запашки пустошей и лугов. Но в центральных районах это помогало мало – слишком там истощена почва, слишком неласков для сельского хозяйства климат.

В сельское хозяйство приходят машины, которые облегчают труд, хотя до применения пара здесь еще далеко. Помещики, которые хотят получать доходы со своей земли, усердно занимаются агрономией, начинают разводить новые, непривычные для России культуры. На просторах Украины прижилась сахарная свекла. Вырастала она крупной, сахаристой, а на сахарных заводах можно было из нее выделывать сахарные «головы», постепенно вытеснявшие из обихода мед и патоку. На юге стали сажать и подсолнечник – масло из него получалось отменное и чистое. Многие хозяйства специализировались на выращивании чего-то одного, нужного соседнему городу (например, овощи, фрукты), или на разведении породистого скота. Золотым дном для помещика было разведение лошадей – без них вся экономика сразу бы встала. Но передовые, доходные хозяйства были только островками в море примитивных поместий, где жили помещики, с недоверием смотревшие на «новомодные» приемы сельского хозяйства и полагавшиеся больше на дедовские методы ведения хозяйства. Не мечтали об увеличении доходов с земли и крестьяне. За всем этим стояла серьезнейшая проблема, не решив которую страна не могла двигаться дальше.

Крестьянский вопрос

Как в начале царствования, так и в конце его не было более важной проблемы, чем крепостное право. Во время VIII ревизии населения (1833) было зафиксировано 11,5 млн душ крепостных крестьян мужского пола. Это составляло 44,9% всего населения страны и 53% всех крестьян. И хотя ко времени IX ревизии (1850) число крепостных понизилось до 11,3 млн душ, в процентном отношении их было еще очень много – 49% от общего числа крестьян. Крепостная экономика оказывала самое серьезное воздействие на экономику страны в целом – ведь половина населения принадлежала к числу рабов. Именно в сторону рабства в николаевскую эпоху двигалось крепостничество. Многие государственные деятели были обеспокоены ростом числа дворовых. В начале 1840-х годов их было не менее 2 млн человек, то есть каждый шестой деревенский житель. Это означало обезземеливание крестьян, которые лишались земли из-за ее нехватки либо сгонялись с нее помещиками. Широкое распространение получила так называемая «месячина», когда крестьяне лишались собственного хозяйства и раз в месяц получали с помещичьего двора продукты. Все это стало напоминать рабские плантации Алабамы или Вирджинии в США.

Как и в XVIII веке, в помещичьих усадьбах процветали жестокость и произвол. Насилие, «право первой ночи», целые гаремы крепостных девок были нормой, как и то, что на конюшнях до смерти засекали кнутом провинившихся «хамов» и «хамок». Молодой Пушкин писал:

Увы! Куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...

Огромная власть одного человека над другим, которую давала система крепостного права, не могла не развращать людей – как помещиков, так и крепостных. Крепостные почти всегда были не заинтересованы в труде на своего помещика и придумывали массу уловок, чтобы увильнуть от работы, уменьшить ее нагрузку, сделать дело хуже, чем положено. Напротив, помещики и их приказчики стремились усилить контроль за крепостными, ужесточить наказания, придумать новые способы наблюдения и учета труда крепостных. Порка была неотъемлемой частью жизни крепостного. Его наказывали за лень, неповиновение, воровство. Но телесные наказания давно перестали быть эффективными средствами управления, они воспринимались как необходимое зло, которое нужно сносить, как непогоду. Неудивительно, что в этих условиях благородная цель труда, как единственного достойного способа существования и совершенствования своей жизни, исчезала. Обмануть, украсть, навредить, сделать свое дело плохо для крепостного было не постыдным, а, наоборот, похвальным делом, которым можно было кичиться перед людьми.

Неверно думать, что крепостные крестьяне, не знавшие свободы, не хотели ее. Стремление к ней заложено в человеке изначально, с самого его рождения.

Мечта о воле порождала фантастические слухи о «Беловодье» – волшебной стране, где можно укрыться от всяческого гнета и стать счастливыми. В условиях бесправия миллионов людей свобода не понималась ими как ответственность за себя, свою семью, свою деревню, страну. Крестьяне воспринимали свободу как полное освобождение от всяческих обязанностей перед обществом. Жить на свободе – значило для крепостных вообще не зависеть от кого бы то ни было, не выполнять обязанностей, которые налагает общество на своих членов, будь то налоги на общие нужды, или содержание мостов и дорог в своей деревне. Путь от рабства к свободе для русских людей еще только виднелся впереди, а идти по нему предстояло долгие десятилетия.

Возникали и серьезные экономические проблемы. Барщинное хозяйство уже стало невыгодно экономически и не могло дать нужной помещику прибыли. Обработка почвы крепостными была плохой, применение новых достижений агрокультуры и использование

новой техники было редкостью. В итоге урожаи оставались низкими. Не приносили прибыли и крепостные предприятия – вотчинные фабрики, на которых за ткацкими и другими станками работали крестьяне и дворовые. Прimitивное вотчинное производство не могло конкурировать с купеческими мануфактурами, где работали вольнонаемные на дорогих западных станках. Помещик же был не в состоянии купить новый станок, да и работа раба на нем не могла быть хорошей, поэтому к середине XIX века такие мануфактуры начинают закрывать. Между тем потребности помещика росли. Он уже не мог удовлетвориться тем, что ели, пили, во что одевались его деды. Соответственно вырастали долги помещиков. Многие из них оказывались без средств, проматывая свои грядущие доходы или пускались, подобно герою «Мертвых душ» Гоголя, на авантюры. Как известно, Чичиков, пользуясь тем, что от ревизии до ревизии проходило 15 лет, скупал по дешевке «мертвые души», а потом их, как свои «живые», закладывал в банке и получал под них деньги. Заклад имений стал самым распространенным способом избежать полного краха. Государство, выдавая ссуды под заклад имения, помогало помещикам, и таких должников становилось все больше и больше. В 1843 году более половины всех имений было заложено.

Напряженной оставалась и социальная обстановка в деревне. Крестьяне питались слухами о грядущем освобождении, волновались, бунтовали почти непрерывно. За время царствования Николая I учтено 556 бунтов, и около половины из них пришлось усмирять с помощью войск – столь серьезными и массовыми были эти выступления и жесткими требования восставших. Можно без преувеличения сказать, что миллионы крестьян жили слухами о грядущей свободе. Вот один из типичных примеров. Весной 1847 года власти Витебской и Псковской губерний были обеспокоены странным явлением. Крестьяне целых деревень, уездов поспешно и дешево продавали скот, инвентарь, дома и огромными толпами двигались на восток. Попытки остановить это неуклонное движение не удались. Оказывается, как пишет современник, среди крестьян распространился слух, что «рабочим на строящейся тогда Николаевской железной дороге даруют особые льготы, что помещичьи крестьяне, проработавшие на этой дороге три года, освобождены будут с семьями от крепостной зависимости». Крестьяне спешили. Говорили, что если на дорогу не поспеть к 15 мая, то свободы не видать. С большим трудом, с помощью солдат и насилия, удалось воспрепятствовать этому буквальному движению тысяч людей к свободе.

Естественно, что отношения помещиков и крестьян оставались во многих уездах очень напряженными. Мысль о необходимости как-то развязать роковой узел противоречий путем реформы приходила в голову многим умным и просвещенным помещикам. В 1842 году прогремело так называемое Муринское дело, когда владелец села Мурина граф Воронцов заключил со своими крепостными договор, по которому они получали полную свободу вступать в брак по своему усмотрению, приобретать на свое имя собственность, переходить на другие земли. Это был немыслимый поступок помещика, который встретил осуждение его сообщества. Но все больше помещиков в 1840–1850-е годы думали, как Воронцов, их к этому толкала экономика, необходимость – особенно в плодородных районах – организовать товарное, прибыльное хозяйство. Коренным вопросом отмены крепостного права оставалось даже не юридическое освобождение крестьян. Ведь то, что отпустить раба на волю придется, понимали многие. Главной была проблема земли. Цена ее постоянно возрастала, а только она могла дать в будущем стабильный доход и помещику, и крестьянину. И хотя Николай I и повторял, что помещичья собственность священна и «никто к ней прикасаться не должен», в правительственных верхах все же понимали, что оставить всю землю у помещика нельзя – бунт станет всеобщим. Поэтому власти постоянно выискивали такие решения, которые при неизбежной отмене крепостного права сохраняли бы за помещиками большую часть земли, но оставляли и крестьянам минимальный клочок для пропитания. Правительство опробовало несколько моделей, переходных от крепостничества к свободе. В 1842 году было принято «Положение об обязанных крестьянах». Так назывались крестьяне, обязавшиеся по договору с отпустившим их с землей помещиком платить ему оброк или отрабатывать на его поле. Помещик уже не мог разорвать договор, изменить оброк или отнять данную землю. Закон

был хорош, но вступал он в силу только по желанию помещика. Никто не имел право заставить его подписать с крепостными такой договор.

Великая княгиня Елена Павловна.

Действующие лица

Великая княгиня Елена Павловна

Не все и в царской семье держались консервативных взглядов. Великая княгиня Елена Павловна как раз и была такой. Вообще, ее появление в России сопровождалось скандалом. Когда в 1824 году она, очередная немецкая принцесса, приехала в Петербург в качестве невесты царского сына династии Романовых, ее жених, великий князь Михаил Павлович, наотрез отказался венчаться... 17-летняя Фредерика Шарлотта Мария (она появилась на свет в 1806 году) родом из Вюртемберга ему сразу же не понравилась – слишком была высокого мнения о себе, слишком умна, скучно рассудительна, словом, не нашего поля ягода. С большим трудом вдовствующей императрице Марии Федоровне, которой девица приходилась родной племянницей, удалось уговорить принцессу повременить, не уезжать. Тем временем на Михаила давили со всех сторон, и он, как самый младший в семье, подчинившись воле матери и братьев – императора Александра I и великих князей Константина и Николая, вздохнул и в феврале 1824 года пошел-таки под венец с великой княгиней Еленой Павловной – такое православное имя получила принцесса Вюртембергская.

Трудно представить себе таких разных людей в одной семейной паре, какими были Михаил и Елена. Она получила блестящее образование в знаменитом своими выдающимися выпускницами парижском пансионе госпожи Кампан. С ранних лет она, от природы талантливая и любознательная, проявляла

необыкновенные способности к точным и естественным наукам. Выдающийся французский зоолог Жорж Кювье даже хотел видеть ее своей ученицей, но принцессе от рождения был уготован иной удел. В 15 лет, узнав, что ей предстоит стать женой великого князя Михаила, принцесса самостоятельно, имея только словарь и грамматику, быстро выучила русский язык, чем, приехав в Россию, поразила придворных. Да и впоследствии Елена Павловна интересовалась наукой, заметно выделялась умом и образованностью среди Романовых. Недаром император Николай I с гордостью говорил о ней: «Это – ученый нашей семьи».

«Это – бурбон нашей семьи» – так мог бы сказать царь о супруге Елены Павловны, своему брате Михаиле. Действительно, в сравнении с ним даже такие страстные любители фрунта, как Константин и Николай, выглядели мягкотелыми либералами. Император Николай каждый раз горько вздыхал, слушая жалобы офицеров на удручающе мелочный педантизм и крайнюю вспыльчивость брата – командира гвардейского корпуса. Потускневшая пуговица или незастегнутый крючок вызывали у Михаила целую бурю гнева. Впрочем, несмотря на это, военные любили своего командира, называя его «добрым угрюмцем». Как писал биограф Михаила, «под личиной строгости великий князь, однако, таил доброе сердце», был отходчив. Он бывал необыкновенно остроумен. Фразы и выражения Михаила Павловича любили повторять в обществе как анекдоты.

Дети (а у Елены и Михаила было пять дочерей) всегда чувствовали доброе сердце отца. Как только он появлялся вечером в их спальне, они вскакивали с постелей и с визгом повисали у него на шее. Зато когда заходила мать, они чинно лежали под одеялами, подставляя лобики под ее холодный поцелуй. В Елене Павловне не было доброты и непосредственности Михаила. В поступках ее всегда чувствовалась внутренняя дисциплина, сдержанность, порядок, рационализм и взвешенность. Естественно, что супруги не ладили. В год 25-летия их брака Михаил пошутил: «Еще пять лет такой жизни и наш брак можно назвать Тридцатилетней войной». Но он не дожил до конца этой «войны» и внезапно умер в 1849 году.

После этого жизнь вдовствующей великой княгини не претерпела резких изменений, и прерванная трауром вереница приемов и празднеств в ее Михайловском дворце (каждый ныне знает его как Русский музей) продолжилась. Эти празднества не уступали царским и даже превосходили их: Елена Павловна отличалась высочайшим вкусом и изобретательностью. Как писал М. Корф после одного из праздников в Михайловском дворце, «подобного соединения в одно прекрасное целое всех обаяний роскоши, изобретений воображения и изящного вкуса мне никогда не случалось видеть даже при нашем блестящем дворе. Для достойного описания этого праздника надо было сокупить живопись с поэзией, кисть Брюллова с пером Пушкина». Такого же мнения был и француз Кюстин, особенно потрясенный зимним садом, под душистыми кронами экзотических растений которого прогуливались гости. Посредине, сверкая всеми цветами радуги, бил огромный фонтан, отражаясь в зеркальных стенах. Кюстин записал: «Я не понимал, сон это или явь. Во всем была не только роскошь, но – поэзия». Чтобы покинуть этот рай, Кюстину пришлось пройти через рощу цветущих апельсиновых деревьев... И это – в Петербурге!

С годами Михайловский дворец стал не только чертогом для непревзойденных по красоте празднеств, за что его хозяйку так ценил Николай I, но и местом встреч в салоне великой княгини Елены Павловны. Кюстин отмечал необыкновенное обаяние и такт хозяйки, ее умение, как писал другой очевидец, беседовать с гостями «по приличности каждого». Тут видно и знание людей, и большая образованность. Так, Кюстин поразился прекрасной осведомленности великой княгини в современной ему французской литературе. Да и русскую словесность она знала не хуже. Несколько раз Елена Павловна виделась с Пушкиным, разговаривала с ним о Пугачеве, он даже давал ей почитать тогдашний самиздат – запрещенные «Записки» Екатерины II. В своем дневнике Пушкин записал, что она «сходит с ума от них». Дружила Елена Павловна и с

Василием Жуковским, который помогал ей совершенствовать русский язык, и с Федором Тютчевым. Особенно увлечена она была прозой Гоголя – явное свидетельство неординарности этой читательницы – и добилась издания его первого собрания сочинений.

Елена Павловна славилась как истинная меценатка – с чувством прекрасного, изящным вкусом, обширными знаниями, тонким слухом. Хорошо разбираясь в живописи, великая княгиня помогала художникам А. Иванову, К. Брюллову, И. Айвазовскому. В ее салоне устраивались концерты, велись содержательные беседы. Кроме писателей сюда приходили ученые (один из них, Н. Миклухо-Маклай, посвятил великой княгине свои исследования о Новой Гвинее), а также музыканты. И самой яркой звездой среди них был талантливый, энергичный и честолюбивый Антон Рубинштейн, бывший на ее концертах сначала аккомпаниатором певцов, а потом взявшийся за организацию музыкальных вечеров. Он при полной поддержке Елены Павловны основал Русское музыкальное общество, а потом и консерваторию, первым выпускником которой стал П. И. Чайковский. Развитие этого явно прозападного (в пику кругу Балакирева и «Могучей кучке») направления в музыке шло под эгидой Елены Павловны, известной космополитки среди Романовых. Она не любила православия, считала его «религией беспрестанных поклонов», выступала сторонницей эмансипации женщин, основала знаменитую Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. А о ее благотворительности и щедрости, как писал один из авторов в 1881 году, «нечего повторять, это знает каждый нищий».

С началом царствования Александра II, казалось, наступило самое подходящее время для Елены Павловны: начались Великие реформы. Молодой император ценил свою тетку, прислушивался к ее мнению и всегда соглашался посмотреть переданные через нее записки и проекты – иначе они застревают в бюрократическом частокле. Вдруг оказалось, что салон Елены Павловны стал «территорией реформы», как и Мраморный дворец – резиденция брата царя, великого князя Константина Николаевича. Здесь стало возможным обсуждение политических вопросов людьми, которые в ином месте встретиться не могли. Высокоставленные сановники, да и сам царь, могли в салоне Елены Павловны без ущерба для светских приличий, избегая обязательных и тягостных норм придворного церемониала, встретиться с так называемыми «либеральными бюрократами» – тогда еще скромными чиновниками и профессорами, которых переполняли новые идеи, столь важные для власти, искренне желавшей перемен. Один из них, Б. Н. Чичерин, писал потом, что напрасно обвиняют Елену Павловну в честолюбии, в желании вмешиваться в государственные дела: ведь она хотела добиться, «чтобы царствующие особы привыкали видеть известные физиономии», словом, способствовала сближению власти и мыслящей части общества. В итоге постепенно власть (невиданное в России дело!) привыкла обращаться к независимым от нее экспертам, специалистам, прислушиваться к их мнению.

Но Елена Павловна была не только гостеприимной и просвещенной хозяйкой салона, которая умеет слушать и не забывает о чае для спорщиков. Она шла своим путем и в 1856 году решила освободить от крепостной зависимости крестьян своих имений. Один из видных членов салона в Михайловском дворце, а потом крупный реформатор Н. А. Милютин написал для Елены Павловны проект освобождения ее собственных крестьян имения Карловка, и в этом проекте было сказано главное – освобождение крестьян надо проводить с землей за выкуп. Это предложение стало главной идеей освобождения крестьян в 1861 году. Неудивительно, что Елена Павловна одной из первых прочитала еще неопубликованный манифест 19 февраля 1861 года – уж к нему она имела непосредственное отношение.

Еще долго в Михайловском дворце сохранялись традиции и щедрых угощений, и роскошных балов, и музыкальных вечеров, где можно было послушать скрипку Г. Венявского, виолончель К. Давыдова или игру на фортепиано Антона Рубинштейна. Однако шли годы, таяло здоровье великой княгини, все чаще она

уезжала лечиться на воды, отошла Елена Павловна и от политики. Но ее вклад в реформы не был забыт: Александр II удостоил Елену Павловну медали «Деятелю реформ», которую она заслужила по праву... Она умерла в 1873 году.

Перспективным казалось и введение, по замыслу П. Киселева, «инвентарных правил» на Украине, в Литве и Белоруссии. Суть их в том, что по этим правилам определялось количество земли, которое помещик передавал крестьянам, а также устанавливались размеры повинностей в его пользу. Раз приняв «инвентарные правила», обе стороны уже не могли их изменить.

В этих очень умеренных и не решавших проблему отмены крепостного права инициативах главное то, что крепостное право вводилось хоть в какое-то правовое поле. Крепостные крестьяне переставали быть просто живым инвентарем, а становились юридической стороной, одной из сторон соглашения. Для России это был гигантский скачок, и впоследствии опыт Киселева в западных губерниях был использован при отмене крепостного права в 1861 году.

Жандарм Европы и покоритель Кавказа

Во внешней политике Николай I не хотел никаких перемен: «венская система», то есть международная система, установленная после победы над Наполеоном, должна существовать. Революционное движение в Европе в 1848 году воспринималось им, как личное оскорбление. Неудивительно, что в Европе он получил прозвища «*Dompteur des revolutions*» – «Укротитель революций», а также «Жандарм Европы». Тогда появилась горькая польская поговорка: «Куда ступает нога русского солдата, там не растет трава». Особенно жестоко русский император расправился в 1849 году с восстанием венгров, «посмевших» отколоться от Австрийской империи. На помощь австрийцам был послан русский карательный корпус.

Имперское движение России на Северном Кавказе уже с начала XIX века встречало сопротивление горцев, особенно после переноса военной линии – границы – с Терека южнее, на реку Сунжу, к подошве Кавказских гор, и строительства там русских крепостей. В 1818–1820 годы были построены три крепости – Грозная (ныне г. Грозный), Внезапная и Бурная. Трудно точно сказать, когда началась Кавказская война – она тянулась фактически всю первую половину XIX века, стала трагедией как для народов Кавказа, так и для русского народа. Обострение ее произошло после назначения в 1816 году главнокомандующим на Кавказе героя войны 1812 года А. П. Ермолова. Он показал себя как жестокий, неумолимый колонизатор. Ермолов использовал разные способы покорения кабардинцев, чеченцев и других народов. Если его приказы о переселении горцев на равнины (там было легче их контролировать) не исполнялись, то он приказывал уничтожать аулы, сжигать дома и посева, вырубать сады и леса. Так создавались «мертвые зоны», в которых уже никто не жил, а горцы изгонялись выше, в горы, где они, лишенные всего, умирали от голода, болезней и холода. Обосновывая страшные жестокости, применяемые к мирному населению, Ермолов писал: «Здесь, между народами загубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила. Один только страх оружия может удержать горцев в покорности». Преемник Ермолова И. Ф. Паскевич пытался установить господство России вдоль Черноморского побережья Кавказа, что привело к открытию нового фронта борьбы с горцами. Карательная политика Николая I привела к распространению на Северном Кавказе, особенно в Дагестане, идей мюридизма. Мюрид – это человек, который, воюя против «неверных», идет по пути сближения с Богом. В ряды мюридов встало много воинов с гор Кавказа. С 1834 года во главе массового движения встал Джемалэддин, более известный как имам Шамиль. Он прославился тем, что укрепился в горах Дагестана, а затем объединил чеченцев с дагестанскими народами в едином государстве – имамате, основанном на принципах ислама, имевшем свои органы управления и даже наградные знаки. Он резко

изменил тактику борьбы с русскими: от лобовых нападений и обороны аулов он перешел к тактике неожиданных засад, стремительных набегов и быстрого отхода в родные горы. Так ему удалось погубить целую карательную экспедицию кавказского наместника М. С. Воронцова, которая была снаряжена в 1845 году на аул Дарго – столицу имама. Талантливый, яркий проповедник, суровый и справедливый правитель, храбрый воин, он стал вождем и героем горцев. Лишь в 1859 году Шамиль, одерживавший многочисленные победы над русскими, был окружен в ауле Гуниб и сдался русским войскам.

Начало Крымской войны. Поражение на Альме

Выйдя к Черному морю и продвинувшись далеко на восток по его побережью, Россия хотела большего – завладеть Константинополем и Проливами (Босфором и Дарданеллами). Ослабление Турции благоприятствовало этим намерениям. Но к лежащим на Босфоре «ключам Востока» тянулись также другие державы – Англия, Франция. Именно с ними Россия не могла поделить зоны влияния на Ближнем Востоке, в том числе и в «святых местах», где стали утеснять православных. Военные демонстрации считались самыми эффективными для получения политических и экономических выгод. С конца 1840-х годов стало ясно, что новая война на Востоке неизбежна. В 1852 году особое обострение всей взрывоопасной ситуации придавал так называемый вопрос о «святых местах» в Палестине, где были сосредоточены как католические, так и православные святыни – храмы, памятные места, связанные с началом христианства. Католическая Франция во главе с Наполеоном III открыто поддержала претензии католиков на первенство в Палестине. Николай потребовал от Турции сохранить прежнее положение. В 1853 году в Стамбул прибыл светлейший князь А. С. Меншиков, который занял очень жесткую и непримиримую позицию по всем спорным вопросам русско-турецких отношений и фактически спровоцировал войну. Действовал он сознательно: уже давно в устье Дуная Россия стала накапливать вооруженные силы, а Черноморский флот привела в состояние боевой готовности. Расчет русской дипломатии строился на том, что Турция подчинится силе, а Англия и Франция, поддерживавшие ее в споре с Россией, не смогут объединиться – столь серьезны были их противоречия. Однако Николай здесь просчитался. Англия и Франция объединились, и Турция, выполнявшая их волю, отклонила ультиматум России.

Заглянем в источник

Вот тогда-то и стало ясно, что Россия в силу технического оснащения армии и флота не могла вести войну. Поражения русской армии были «подготовлены» царствованием Николая I, общим положением армии и флота. В армии еще со времен Павла I главное внимание обращалось на строевую подготовку, точнее, муштру солдата, из которого делали живой автомат. «Войско блестяще, но это наружный блеск, – писал в 1830-е годы современник, – тогда как в существе своем оно носит семена разрушения нравственной и физической силы. Четвертая часть армии исчезает ежегодно от необыкновенной смертности».

Оказывается, в 1835 году в армии было 231 тыс. человек, заболело 174 тыс., умерло 11 тыс., т. е. каждый двадцатый. Такие потери бывали не во всякой войне. Известно, что николаевские солдаты больше вражеской пули боялись лазарета, где они попросту умирали с голоду. По свидетельству того же современника, «метода обучения гибельна для жизни человеческой. Солдата тянут вверх и вниз в одно и то же время, вверх для какой-то фигурной стойки, вниз – для вытяжки ног и носков. Солдат должен медленно, с напряжением всех мускулов и нервов вытянуть ногу в половину человеческого роста и потом быстро опустить ее, подавшись на нее всем телом, от чего вся внутренность, растянутая и беспрестанно сотрясаемая, производит чахотку и воспалительные болезни».

Сражение при Альме показало, что Россия серьезно отстала от своих противников в вооружении. Уже с 1840-х годов в английской и французской

армиях были введены штуцера – дальнобойные нарезные ружья. В России на вооружении по-прежнему были гладкоствольные ружья, дальность стрельбы которых уступала штуцерам в 3–4 раза. На Альме все войска союзников были вооружены штуцерами, а в русской армии один штуцер приходился на 23 солдата! Выстрелы остальных 22 бойцов не достигали цели только потому, что посланная из гладкоствольного ружья пуля попросту не долетала до противника.

Известно, что армия – зеркало общества и государства. Консервативный политический режим Николая I оказался не в состоянии использовать новейшие достижения техники того времени для улучшения военного дела. Даже такие всем очевидные и простые вещи, как превосходство пара над парусом, дальнобойность нарезного оружия по сравнению с гладкоствольным, оказывались недоступны для сознания руководителей России. Заместитель шефа жандармов Л. В. Дубельт в 1847 году – задолго до Крымской войны! – записал в своем дневнике:

«Английский флот стал заводить винтовые корабли. Мне пришло в голову, что ежели их флот будет двигаться парами, а наш останется под парусами, то при первой войне наш флот тью-тью! Игрушки под Кронштадтом и пальба из пицалей не помогут... Эту мысль я откровенно передал моему начальнику (А. Ф. Орлову – шефу жандармов и ближайшему сподвижнику Николая I. – Е. А.) и сказал мое мнение, что здравый смысл требует, ежели иностранные державы превращают свою морскую силу в паровую, то и нам должно делать то же и стараться, чтобы наш флот был также подвижен, как и их. На это мне сказали: “Ты, со своим здравым смыслом, настоящий дурак!” Вот тебе и на!»

Итак, по развитию парового флота Россия к 1853 году страшно отставала от Англии и Франции. У англичан и французов было 258 пароходов, а у России – всего 24, из них на Черном море – всего 6! Поэтому победители под Синопом даже выйти в море из Севастопольской бухты не могли. А без флота воевать очень трудно. В плачевном состоянии оказалась и артиллерия. Когда корабли союзников в 1854 году блокировали русскую крепость Бомарзунд на Аландских островах Балтийского моря, то выяснилось, что ядра русских орудий даже не долетают до кораблей противника, которые беспрепятственно расстреливали укрепления. И никакое мужество русских солдат и офицеров дело спасти уже не могло. Выдержав многодневный страшный орудийный расстрел, гарнизон был вынужден спустить флаг. То же самое, только в несравненно больших, катастрофических масштабах, произошло и под Севастополем.

Началась знаменитая Крымская война. Но тогда никто не думал, что эта война так будет называться. Николай, уверенный в своем преимуществе над турками, предполагал повторение победной войны 1826–1829 годов. И действительно, с началом военных действий были достигнуты успехи на Дунае и особенно на Кавказе. Русский флот блокировал турецкий флот в его портах, и 18 ноября 1853 года адмирал П. С. Нахимов одержал блестящую победу в Синопском сражении, сжег многочисленный турецкий флот. Уже тогда все восхищались мужеством адмирала. Матрос Майстренко вспоминал: «А Нахимов! – вот смелый, ходит по юту, да как свиснет ядро, только рукой, значит, поворотит – туда тебе и дорога!»

Известие о Синопском сражении подстегнуло англо-французских союзников. В декабре 1853 года союзнический флот вошел в Черное море, а в феврале 1854 года Россия объявила войну Англии и Франции. Русский флот был блокирован в своей главной базе – Севастополе. В начале сентября 1854 года союзники беспрепятственно начали высадку в Крыму под Евпаторией, а вскоре неподалеку русские войска потерпели поражение в сражении у реки Альма и отошли к Севастополю. Причинами этого поражения была не только бездарность командующего А. С. Меншикова, но и неподготовленность армии к войне с серьезным противником.

Севастопольская блокада

В начале октября союзники начали бомбардировку Севастополя. Им предстояло нелегкое дело. Гарнизон Севастополя, усиленный моряками с затопленных у входа в бухту судов, был настроен по-боевому. Инженеры во главе с генералом Тотлебенем разработали систему обороны, быстро возвели укрепления, артиллеристы умело расставили на бастионах морские орудия. Население города активно помогало солдатам и морякам.

Во главе обороны стояли любимые армией, флотом и горожанами командиры – адмиралы В. А. Корнилов и П. С. Нахимов, которые вели себя в высшей степени мужественно и достойно. Они, как и тысячи защитников Севастополя, погибли на его бастионах. Обращаясь к гарнизону, Корнилов сказал: «Будем драться до последнего. Отступать нам некуда: сзади нас – море. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника!»

Особенно любили севастопольцы адмирала Нахимова. Павел Степанович (1802–1855) был выходцем школы адмирала М. П. Лазарева, всю жизнь провел на море, обошел все океаны и был подлинным фанатиком морской службы. У него не было личной жизни, семьи; корабль был его домом, а его обитатели – офицеры и матросы – единой семьей, о которой он всегда заботился. В суровую безжалостную николаевскую эпоху Нахимов, суровый, мужественный и простой человек, умел щадить матросов и офицеров, доверял им. Он пользовался безграничной любовью флота, всех защитников Севастополя. Его авторитет как подлинного руководителя обороны был непререкаем, и смерть на бастионе стала естественным концом великого адмирала, который не пережил бы позора сдачи крепости.

Севастополь оборонялся 349 дней. Сначала союзники надеялись взять крепость штурмом после мощной артподготовки. Но артиллерия русских действовала в ответ так мощно и метко, а защитники крепости сразу же восстанавливали разрушения на бастионах, что командование союзников не решилось на штурм. Началась многомесячная осада. Самые главные бои развернулись на Малаховом кургане – господствующей высоте. Здесь каждый вершок был полит кровью защитников и нападающих. Здесь оборвалась жизнь Корнилова. Меншиков с армией стоял в глубине Крыма и несколько раз пытался помочь осажденным. Тринадцатого октября 1854 года в долине под Балаклавой произошло сражение, в ходе которого атака отборной английской кавалерии – бригады лорда Кардигана – была отбита русскими войсками, и затем почти вся бригада, в которой находился цвет британской аристократии, была уничтожена русскими уланами. В Англии эту крымскую долину потом назвали «Долиной смерти». И все же Меншиков не сумел помочь Севастополю.

Наступившая зима была тяжким испытанием для всех участников осады. Преимущество во флоте, вооружении долго не помогало союзникам. Сопrotивление русских войск было мужественным, стойким, даже фанатичным. Так, раненный в руку матрос Колпаков отказался выполнить приказ командира и покинуть свое орудие: «Помилуйте, ваше благородие, разве одной рукой нельзя действовать!» И все же весной 1855 года положение крепости стало безнадежным: союзники имели превосходство в технике, вооружении, боеприпасах. От Балаклавы – главного порта, куда непрерывно причаливали корабли с подкреплениями, – к Севастополю проложили железную дорогу, в то время как русская армия вязла в жуткой грязи, не в силах помочь Севастополю ни людьми, ни порохом. К лету против 40 тыс. измученных защитников крепости стояло огромное войско – 140 тыс. англичан, французов, турок. Как раз в памятный юбилей битвы при Ватерлоо, 18 июня, начался штурм Севастополя. Но он провалился, союзникам так и не удалось взять бастионы крепости.

Однако силы защитников были на исходе. Когда сменивший Меншикова князь М. Д. Горчаков спросил солдат Второго бастиона, много ли их на бастионе, они ответили: «Дня на три хватит, ваше сиятельство!» Восьмого сентября после отчаянного штурма французами пал главный оплот обороны – Малахов курган. Сотни трупов вокруг и на склонах кургана и трехцветное французское знамя на его вершине – все, что увидел Горчаков в подзорную трубу с другого берега бухты – Корабельной стороны. Как высший воинский начальник в тот

же день он решил эвакуировать гарнизон из крепости. По мосту, наведенному через Большую бухту, войска двинулись на Северную сторону, в Россию. Участник обороны Лев Толстой – тогда еще молодой офицер-артиллерист, писал, что «выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу...»

Легенды и слухи

Шашка Корнилова

В сентябре 1853 года адъютант вице-адмирала В. А. Корнилова лейтенант Григорий Железнов купил в Сухуми задешево отличную кавказскую шашку. Ее дешевизна объяснялась тем, что все владельцы этого булатного клинка сразу же погибали, как только оказывались в бою. Железнов, как человек цивилизованный и воин храбрый, был чужд суеверий и посмеялся над теми, кто советовал ему выбросить шашку. Пятого ноября 1853 года во время боя парохода-фрегата «Владимир» под командой Корнилова с турецким пароходом «Перваз-Бахри» Железнов, выходя из каюты, прихватил с собой (на случай абордажа) шашку и тотчас, едва вступил на палубу, был убит картечным выстрелом. При разборе вещей своего адъютанта Корнилов оставил шашку себе на память. Пятого октября 1854 года на Малаховом кургане неприятельское ядро смертельно ранило Корнилова, причем удар пришелся по висевшей у пояса адмирала роковой шашке. Ее сломанный надвое клинок хранится в музее Севастопольской обороны.

Смерть Николая I

Сам Николай не дождался известия о падении Севастополя. Он не выдержал позора надвигающегося поражения России в войне. Летом в Петергофе с возвышенных мест люди могли видеть стоящую у Кронштадта англо-французскую эскадру, которая блокировала русский флот. Это любопытное для дачников и обывателей зрелище было невыносимо русскому самодержцу, перед которым раньше трепетала Европа. Теперь же безнаказанный противник, силы которого превосходили стоявший в гавани русский флот, как будто смеялся над ним. Блокада Кронштадта стала печальным символом провала, краха всей застойной, консервативной политики Николая I. В конце августа 1854 года фрейлина А. Ф. Тютчева видела Николая в «Капелле»:

Стоя близко от него в церкви, я была поражена происшедшей в нем за последнее время огромной перемене. Вид у него был подавленный; страдания избородили морщинами его лицо... При виде того, с каким страдальческим и сосредоточенным видом он молился, нельзя не испытывать почтительного и скорбного сочувствия к этой высоте величия и могущества, униженной и поверженной ниц перед Богом.

Восемнадцатого февраля 1855 года император умер. Ходили упорные слухи, что Николай, не дожидаясь позора поражения в войне, принял яд. Последним своим указом он освободил от командования Южной армией А. С. Меншикова, признав полное поражение своих войск. Чувства, описанные Л. Н. Толстым, испытывали многие в стране. Величие и могущество России было повержено; ценности, которые представлялись раньше незыблемыми, на поверку оказались официальной ложью; армия проиграла все, что могла; флота не существовало; страна переживала позор поражения. Современники вспоминали, что настроения в обществе были тягостные, люди ждали неминуемого военного поражения в надежде, что оно, как мощная гроза, расчистит невыносимо душную атмосферу николаевского царствования. Итоги царствования Николая I были действительно удручающи. Очень точно это выразил крупный государственный деятель П. А. Валуев: «Сверху блеск, снизу гниль!» С этим были согласны почти все. Поражение под Севастополем показало, что в стране – серьезнейший кризис армии. И хотя союзникам

удалось укрепиться только в Крыму, удаленном от жизненно важных центров, продолжать войну оказалось невозможным. Профессор военной академии и генерал Д. А. Милютин в своем докладе под характерным названием «Об опасности продолжения в 1856 году военных действий» писал, что ресурсы страны почти полностью исчерпаны. Под ружьем стоит 1 млн человек, но и ружей-то уже нет – из 500 тыс. в арсеналах осталось только 90 тыс., а пушек – всего 253! В армии свирепствовали тиф и холера. Одним словом, армия небоеспособна, она не выдержит еще одной кампании, и войну нужно заканчивать во что бы то ни стало.

Наблюдения Милютина и других говорили об одном: в своей истории русская армия, как бы описав гигантский круг во времени, вновь оказалась «под стенами Нарвы 1700 года». Созданная Петром Великим армейская организация, основанная на рекрутчине, на системе пожизненной службы, просуществовала полтора столетия и нуждалась в срочных и кардинальных реформах. России требовалась новая, профессиональная армия – не та, которая хорошо марширует на плацу и на полях под Красным Селом, а та, которая вооружена современным оружием и передовой военной стратегией. Предстояло, как некогда при Петре Великом, начать заново строить флот. Наконец, начальникам Дубельта стало ясно, что у него-таки был здравый смысл и без парашютов Россия далеко не «уплывет».

«Нарвская ситуация 1700 года» возникла и во внешней политике. Надежды Николая I на то, что Россия будет по-прежнему, как в старые годы, на первых ролях, не оправдались. Крымская война вскрыла грубейшие просчеты русской дипломатии, не сумевшей предотвратить англо-французский союз. В 1855 году о своем намерении примкнуть к союзу заявила и Австрия. Россия оказалась в изоляции. Поэтому цена мира, которую предстояло заплатить России, становилась еще выше. Это показал Парижский мирный конгресс, начавшийся в феврале 1856 года. Он завершился мирным трактатом, согласно которому Россия лишалась права иметь на Черном море военный флот и необходимые для него арсеналы. Репутация России как мировой державы была существенно подорвана. Предстояло менять внешнеполитическую концепцию страны, соразмерять свои аппетиты со своими возможностями, думать о новых направлениях политики. Но для этого требовались новые люди – век престарелого Нессельроде уже прошел.

Как и накануне петровских реформ, в 1850-е годы оказалось, что военный и дипломатический кризис – лишь верхушка айсберга общенационального кризиса. В сердцевине его лежал кризис социальный. Николаевская Россия так и не смогла решить самого главного вопроса – о крепостном праве. Все многочисленные комиссии так ничего и не решили. Стремление крепостных крестьян к свободе стало неодолимым. Слухи о том, что каждый крепостной, записавшийся в ополчение, получит свободу, привели к массовым беспорядкам, которые с трудом подавлялись воинскими командами. Кроме того, почти все губернии были охвачены крестьянскими волнениями, направленными против барщины, оброков помещиков. С мест сообщали, что управлять крестьянами становится все труднее и труднее. Они с явным раздражением идут на барщину, не выплачивают оброки, стали строптивы, упрямы, упорно надеются, что с приходом нового императора им дадут волю. В толще некогда безгласной массы явно происходило скрытое, но сильное брожение. Этого власти, помнившие ужасы пугачевщины, не могли не учитывать. Отмена крепостного права стала первой социальной задачей правительства Александра II.

С неизбежностью вставали другие проблемы, которые при Николае I загонялись вглубь. Как только рушилось крепостное право, с неизбежностью начиналась цепная реакция перемен – ведь вся система отношений в стране опиралась на крепостничество. Так, бюрократическая система управления, некогда созданная Петром I, показала свою полную несостоятельность. При Николае I в этом направлении тоже ничего сделано не было. Гоголевские городничие по-прежнему сидели на своих местах. Однако в ходе Крымской войны стало ясно, что уже было невозможно управлять страной по-старому, без малейшего предоставления прав на местах другим слоям и категориям населения, кроме дворян и купцов. Бюрократия оказалась не в состоянии даже выдать продовольствие голодающим, проложить более-менее сносные дороги и устроить мосты, чтобы доставить солдат в Крым.

Одним словом, проблема местного управления с опорой на «землю», земство, местное общество стояла рядом с проблемой отмены крепостного права и была с нею непосредственно связана. Ведь в случае отмены крепостного права ряды свободных людей удваивались – на свободу выходили миллионы крепостных. Как и рекрутчина, полностью изжила себя система подушной подати, остававшаяся неизменной с петровских реформ. Без реформы налогообложения, как и без введения всеобщей воинской повинности, существовать было невозможно. То же самое можно было сказать и о суде. Страна нуждалась в реформе судопроизводства не менее, чем в отмене рекрутчины и подушины. Суд, который со времен Петра Великого решал судьбы людей по принципу «Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло», должен был уйти. На его место шел суд бессловный, гласный, состязательный, с независимым судьей и адвокатом.

Больше всех от николаевских идеологических порядков страдала молодежь и люди интеллектуального труда, связанные с литературой и искусством, творчеством вообще. Тупая, не желавшая слушать никаких свежих слов власть Николая придавливала все мыслящее, как чугунная плита. И вдруг эта плита отвалилась: по столице прошел слух, что новый император намерен изменить свирепый университетский устав Николая I, что школа будет бессловная, что разрешат женское образование, что, наконец, будут выдавать заграничные паспорта! Обо всем этом еще вчера люди не могли и говорить вслух, опасаясь агентов Третьего отделения. Теперь казалось, что после долгой зимы наступила весна. Она вступала в свои права медленно и неуверенно. Ведь все были так запуганы Николаем и его жандармами, выражались осторожно, призывали друг друга к терпению, постепенности, но на самом деле хотели как можно быстрее получить свободу разом. Это было неизбежным следствием ее долгого ожидания.

Общественное движение оживлялось на глазах: смелее стали речи на собраниях, в студенческой аудитории, в 1855 году впервые вышла в Лондоне «Полярная звезда» Герцена, и ее «свет» дошел до России. Все посматривали наверх – как-то там наш молодой царь, что он думает, на кого полагается, и что-то будет с нами со всеми завтра. Вспоминали слова Пушкина – «грядущего волнуемое море», как и в петровское, екатерининское, александровское время, расстилалось перед Россией...

Часть VI **Царствование Александра II. Эпоха великих реформ.** **1855-1881**

Личность Александра II. Начало реформ

Вступивший на престол старший сын Николая I цесаревич Александр был красив, умен, образован. Француз А. Кюстин писал о нем так:

Выражение этого взгляда – доброта. Это в полном смысле государь. Вид его скромнен без робости. Он прежде всего производит впечатление человека, превосходно воспитанного. Все движения его полны грации. Он прекраснейший образец государя из всех, когда-либо мною виденных.

Легкий и подвижный, в молодости он был прекрасным наездником, смелым, отважным и хладнокровным человеком, что проявлялось не раз во время покушений на императора. Александр был лучше многих других из семьи Романовых подготовлен к «ремеслу королей». Один из его наставников, поэт В. А. Жуковский, сказал родителям цесаревича, что будет готовить из наследника не командира полка, а просвещенного монарха, который должен видеть в России не плац и казарму, а нацию. В общем, так и получилось, хотя Александр II, человек средних способностей, по своей природе не был реформатором. По характеру Александр Николаевич отличался от волевого, целеустремленного отца, императора Николая I. Еще будучи цесаревичем, он не раз говорил, что предпочел бы семейную тихую жизнь

публичному бремену власти. Однако он, как человек долга, не колеблясь подчинился своему жребию. Став императором, Александр II почувствовал, какая огромная ответственность легла на его плечи. При этом с самого начала Александр стал сторонником кардинальных преобразований: отмены крепостного права, реформы армии и флота, финансов, суда и местного управления. Возможно, молодой император, как и окружавшие его люди, сначала не представлял себе трудностей на этом пути, не раз он высказывал сомнения, многое из созданного заново ему было не по душе. Однако он не видел иного способа разрешить угрожавший России внутренний кризис и вернуть империи прежний статус великой державы.

Для этого он обладал необходимыми данными: получил хорошее образование, долго и серьезно готовился к тому, чтобы занять престол, а поэтому хорошо знал реальное положение дел, часто бывал и за границей, имея возможность сравнивать российские порядки с иностранными. Знание нескольких европейских языков этому благоприятствовало.

Александр вовсе не собирался изменять унаследованный им от отца старый порядок. Но он понимал необходимость перемен во всех сферах русской жизни. К решительности его подвигло крымское унижение России. Со слезами на глазах он читал донесения из Крыма, был вынужден одобрить сдачу Севастополя, тяжелейший Парижский мир, согласно которому Россия лишалась флота на Черном море и утрачивала там все свое влияние. Шок от поражения был так силен, что император, несмотря на опасения, свою нерешительность, отчаянное сопротивление консервативного окружения, последовательно осуществлял реформы, поддерживая либеральную группировку в верхах, как раз и проводившую реформы.

Н. Борель. Император Александр II.

Приход Александра II к власти воодушевил многих. Царь чувствовал, что общественное мнение на его стороне. Выражая мнение современников, Герцен из Лондона обратился к нему со словами:

Государь, Ваше царствие начинается под удивительно счастливым созвездием. На вас нет кровавых пятен, у Вас нет угрызений совести. Весть о смерти отца Вам принесли не убийцы его (намек на Александра I – Е. А.). Вам не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтобы сесть на трон. Вам не нужно было казнями возвестить народу Ваше восшествие (намек на Николая I – Е. А.). Летописи Вашего дома едва ли представляют один пример такого чистого начала.

Эпохой гласности стали 1856–1861 годы. К ней призывал царя Герцен:

Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках... Дайте нам вольную речь... Нам есть что сказать миру и своим...

И вскоре, к ужасу консерваторов, в прессе можно было прочитать то, за что при Николае I волокли в полицию. Вдруг все изменилось разом: смягчилась цензура, были отменены военные поселения, один за другим стали сниматься запреты, начали выдавать паспорта для поездок за границу! В обстановке всеобщего смятения, отчаянных диспутов, споров о путях, средствах и темпах преобразований формировалось общественное мнение. Оно было на стороне молодого императора, которого не только придворные льстецы, но и народ называл «Царем-Освободителем».

Программа реформ долго вызревала в недрах власти. Александр подавил сопротивление непримиримых противников реформ из дворян и чиновников и поддержал сторонников либеральных взглядов в обществе. В сложном деле преобразования страны у царя были хорошие сподвижники и помощники: брат царя великий князь Константин Николаевич, Я. И. Ростовцев, Н. А. и Д. А. Милютины, П. А. Валуев и др.

Отмена крепостного права

Отмена крепостного права стала центральным событием начавшихся реформ, названных позже Великими. Манифест об этом начинался словами о любви государя ко всем без различия подданным:

Мы положили в сердце своем обет обнимать Нашею Царскою любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющих мечом на защиту отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом...

И далее шли слова об изменении старого, веками утвержденного порядка: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей, отменяется навсегда». Одновременно с Манифестом царь подписал «Положение о крестьянах», в котором утверждалось, что в продолжение первых двух лет все будет по-старому, а помещичья земля останется в их собственности.

Великий князь Константин Николаевич.

Действующие лица

Константин Николаевич

Младшего брата Александра II, великого князя Константина Николаевича, консерваторы ненавидели больше других сподвижников императора. Они считали, что именно Константин из своего «змеиного гнезда» – Мраморного дворца в Петербурге – настраивал императора «погубить Россию», воодушевляя его на проведение реформ. Действительно, реформы рождались в спорах и обсуждениях различных проектов. Не миновали споры и царской семьи. И Константин оставался самым последовательным, самым ярким сторонником реформ. Он был моложе Александра на 9 лет (родился в 1827 году), но это не мешало их дружбе. В свое время Николай I решил, что Костя пойдет по морской части. Поэтому мальчик получил морское образование (его учителем был выдающийся мореплаватель и ученый Ф. П. Литке), стал отличным смелым моряком. В 17 лет Константин уже командовал бригам «Улисс», совершал плавания в дальние моря. Как и многие морские офицеры, он был разносторонне образован и талантлив, прекрасно играл на виолончели, рисовал. Местом, где чаще всего жил великий князь, был Большой дворец в Стрельне. Его подарил ему отец, император Николай еще в 1831 году, и тогда дворец получил название Константиновский. Дворец был великолепно отстроен архитектором А. И. Штакеншнейдером, украшен множеством произведений искусства. Здесь, как и в Мраморном дворце, куда семья великого князя перебиралась на зиму, часто устраивались спектакли, концерты и балы, в которых участвовали не только придворные, но и многие выдающиеся люди – писатели, музыканты. Великий Иоганн Штраус написал посвященную красивым окрестностям дворца кадрили «Терраса Стрельны» и для хозяйки сочинил вальс «Александра».

И хотя Константин был одних взглядов с Александром II, он порой проявлял излишнюю радикальность – в этом во многом сказывался его неуравновешенный, импульсивный нрав. Великий князь был не просто кадровым морским офицером, во

всем блеске этого высокого в русском обществе звания, но и выдающимся морским министром, генерал-адмиралом. С именем Константина связано возрождение русского военно-морского флота, строительство нового типа кораблей – броненосцев. Первый из них Константин заказал в Англии, остальные начали строить в России. Он же впервые привлек к службе в Морском министерстве знаменитых писателей – А. Н. Островского, Д. В. Григоровича и И. А. Гончарова. Они писали записки о походах русских кораблей, а гончаровская книга очерков «Фрегат “Паллада”» даже пережила свое время.

После Манифеста 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян Константин возглавлял Главный комитет по устройству сельского хозяйства – ведущий орган аграрной реформы.

Волевой и решительный, Константин Николаевич не раз вдохновлял сомневающегося Александра II на продолжение преобразований. В 1866 году Константин подал государю записку о создании при Государственном совете, которым он руководил, совещательного органа из выборных от земства и городов, чтобы «донести голос сословий прямо до престола». И хотя проект Константина не был осуществлен, влияние его на императора сохранялось до самой смерти Александра II.

С приходом 1 марта 1881 года к власти Александра III все переменилось. Новый император по приезде в Зимний дворец сразу же, показывая на стоявшего на коленях и рыдавшего возле тела отца дядю Коко (домашнее прозвище Константина Николаевича), в гневе потребовал: «Выгоните отсюда этого человека, он сделал несчастье моего отца, омрачил его царствование». Да и раньше они, дядя и племянник, были антиподами во всем. Александр III не захотел терпеть рядом с собой этого либерала и «развратника». Дело в том, что Константин был несчастлив в браке с принцессой Фредерикой Саксен-Альтенбургской, ставшей в православии Александрой Иосифовной, и при живой жене, родившей ему шестерых детей (один из них – великий князь Константин Константинович, знаменитый поэт «К. Р.»), почти открыто жил с балериной Мариинского театра А. В. Кузнецовой, имея от нее двоих дочерей. Вторая семья великого князя жила в купленном для нее особняке, который позже, в 1891 году, цесаревич Николай Александрович выкупил у Кузнецовой и подарил своей возлюбленной балерине М. Ф. Кшесинской. Оскорбленный великий князь записал в дневнике, что «меня хотят выкинуть прочь, как старую, негодную перчатку!» В мае 1881 года он навсегда покинул свою жену и государственную службу и уехал с Кузнецовой и детьми в крымское имение Ореанду, где и жил до самой смерти в 1892 году.

И тем не менее принятие Манифеста и Положения было подлинным прорывом в политической и экономической жизни страны. А. И. Герцен в своем «Колоколе» выразил мнение прогрессивно мыслящего общества:

Первый шаг сделан!.. Александр II сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников. Он боролся во имя человеческих прав, во имя сострадания, против хищной толпы закоснелых негодяев и сломил их. Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудут... Мы приветствуем его имя освободителя!

Б. Кустодиев. Освобождение крестьян.

Заглянем в источник

Правительство опасалось народных волнений. Э. П. Перцов писал, что «накануне 19 февраля было заготовлено в каждом съезжем доме (а их в Петербурге тринадцать) по нескольку возов, от двух до шести, розог. Полицейские, когда их спрашивали, зачем им вдруг понадобились розги в таком огромном количестве, не запинаясь, хотя и шепотом, отвечали: “Для сечения дворовых людей, которые перестанут слушать своих господ”».

В каждый съезжий дом была секретно введена рота солдат с заряженными ружьями под командой офицера, которому было приказано повиноваться полицейскому начальству и стрелять, в кого оно велит. Полиция созвала дворников со всех домов и приказала им наблюдать, чтобы ни внутри дворов, ни на улице перед домом не собиралось более трех человек и чтобы они подслушивали, не говорит ли кто об освобождении помещичьих крестьян, а также присматривали бы, не окажется ли у кого гостей более трех человек, хотя бы и за карточным столом, и обо всем этом немедленно давали бы знать надзирателю своего квартала. При этом полиция обещала 5 рублей за донос и 200 розог в случае, если о чем-нибудь из сказанного сама узнает мимо дворника». Впрочем, если в столицах отмена крепостного права не вызвала беспорядков, то в ближайшие два года они охватили всю страну. Крепостные крестьяне были недовольны условиями освобождения от крепости, а более – решением земельного вопроса. По стране было зафиксировано более тысячи бунтов, причем весной 1861 года в селе Бездна Казанской губернии произошло настоящее восстание, которое власти подавили вооруженной рукой.

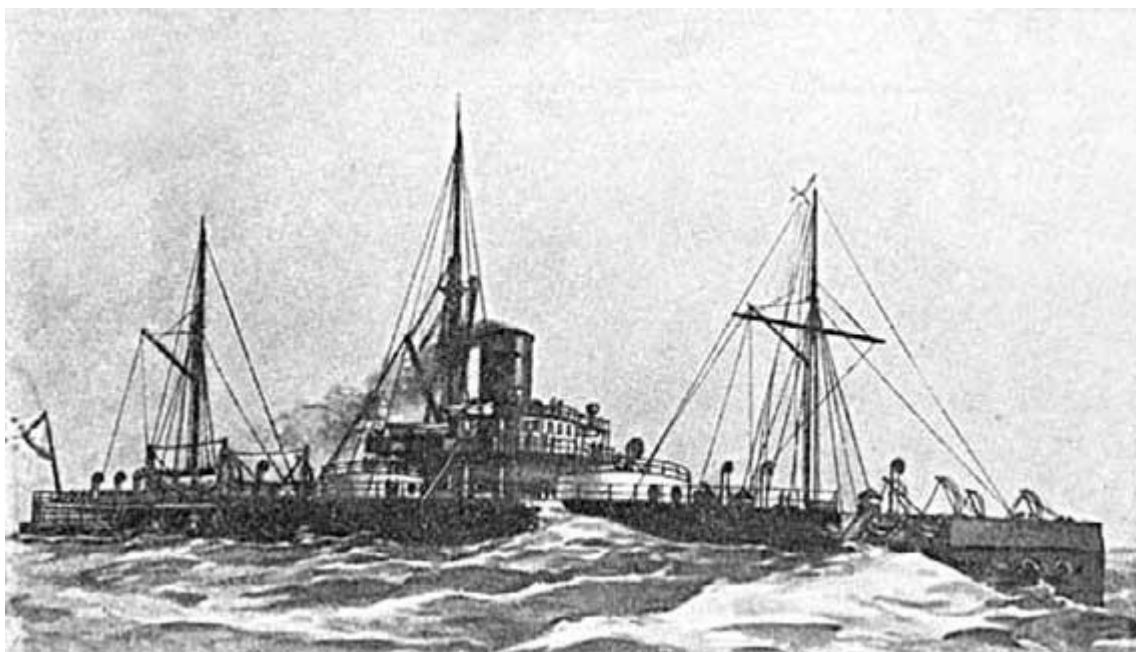
Реформы управления и суда

Отмена крепостного права затронула огромную часть населения, разрушила столетиями установленную систему общественных отношений. Она повлекла за собой

другие реформы в области управления, суда, армии, финансов, образования. Освобождение крестьян потребовало перемен в управлении на местах. С 1864 года в стране были введены земства – выборные местные учреждения, которые занимались хозяйственными вопросами. Земская реформа, разработанная министром внутренних дел П. А. Валуевым, предусматривала введение альтернативного помещичьему управлению, хотя в земские начальники выбирали преимущественно дворян. Земства заведовали земскими имуществами и капиталами, раскладывали и собирали сборы, строили и содержали дороги, обеспечивали население продовольствием, содержали в деревнях больницы и школы, заботились о предотвращении эпидемий и эпизоотий. Землевладельцы, городские обыватели и крестьяне избирали уездные земские собрания, которых назначали земские исполнительные органы. Значение земства в русской жизни трудно переоценить, это были сильные ростки гражданского общества. Толпы крестьян шли в земство за помощью и в поисках справедливости и часто получали и то и другое. Земские врачи и учителя стали символом русской интеллигенции, самоотверженно отдававшей свои силы и знания народу.

В 1870 году было принято «Городовое положение», определившее черты нового общественного управления жизнью городов. В ведении выборных городских дум было избрание городского головы и членов городской управы, а также обширные дела по управлению городским хозяйством, благоустройство городов, забота о соблюдении противопожарной безопасности, норм санитарии, попечение о развитии торговли и промышленности, бирж и кредитных учреждений, а также больниц, благотворительных, просветительских организаций. «Городовое положение» привело к выходу русского города из средневекового состояния.

Люди больше всего жаловались на беззакония, царившие в судебной системе. С 1864 года, когда были утверждены новые Судебные уставы, началась судебная реформа, цель которой Александр формулировал как стремление создать «скорый, правый, милостивый, равный для всех» суд. Суд окончательно отделялся от администрации. Судья, назначаемый пожизненно, формально не зависел от произвола чиновников. Новый суд был гласным, он состоял из присяжных. В его основе лежала состязательность сторон, вводилось право на защиту и самостоятельная адвокатура. Мелкие дела единолично разбирал выборный мировой судья. Среди юристов появились талантливые судьи и адвокаты. Тогда особенно блистал юрист А. Ф. Кони. В 1877 году он выступал судьей на процессе революционерки Веры Засулич, которая ранила петербургского градоначальника Ф. Трепова. Суд присяжных оправдал Засулич, а публика ликовала. После этого процесса Александр II добился издания закона о слушании политических дел в особых присутствиях – без присяжных. Так впоследствии судили всех революционеров, в том числе и народовольцев, убивших самого императора. Но суд присяжных в России сохранился и со временем стал важнейшей чертой правосудия и законности.

«Петр Великий»

В 1869 году был заложен первый русский броненосец «Крейсер» (с 1872 года он носил название «Петр Великий»). Построен корабль был по проекту А. А. Попова на верфи Галерного острова в Петербурге, окончательно вступил в строй в 1877 году. Прототипом для него послужили американские мониторы (военный корабль с сильной артиллерией, предназначенный для операций у морских берегов и на реках. – Е. А.): посредине низкосидящего корабля возвышалась бронированная «цитадель».

Первоначально «Петр Великий» числился монитором, а в 1873 году стал называться броненосным кораблем. Долго был одним из лучших российских кораблей, отличался хорошей мореходностью, считался одним из сильнейших кораблей мира в своем классе, хотя в боях не участвовал. С 1906 года стал учебно-артиллерийским кораблем, в годы Первой мировой войны служил базой подводных лодок. Удивительно, но корпус первого броненосца дожил до 1959 года, когда был разобран на металлолом.

Реформа армии и флота

Разбитая в Крымской войне русская армия также остро нуждалась в преобразованиях, причем коренных. С 1861 года реформой армии занялся генерал Д. А. Милютин, ставший военным министром, а потом фельдмаршалом. Суть реформы вооруженных сил состояла в переходе от рекрутских наборов к всеобщей (всословной) воинской повинности, изменении системы управления войсками, реорганизации военного министерства, создании новых учебных заведений, перевооружении армии и флота. Генералитет упорно и долго сопротивлялся переменам в армии – старая рекрутская система и николаевская школа подготовки войск казалась старым генералам незаменимой. Лишь в 1874 году удалось издать закон об отмене рекрутчины и об обязанности всех сословий служить в армии в течение 6 лет (на флоте – 7 лет). Одновременно на вооружении войск стало появляться современное стрелковое нарезное оружие; артиллерийские заводы стали лить пушки, которые были не хуже английских. В открытых новых учебных заведениях готовилось новое поколение образованных офицеров. Армия была переодета в новую униформу, более удобную, чем раньше. Она чем-то напоминала униформу американской армии времен Гражданской войны в США.

Флот нуждался в реформировании не меньше, чем сухопутная армия. Его предстояло

возрождать, строить заново на паровой тяге, с новым вооружением и броней. В реформе флота несомненна заслуга великого князя Константина Николаевича, о котором шла речь выше. Он прекрасно знал нужды флота, был сторонником развития броненосных кораблей и создания быстроходных парусно-паровых крейсеров для операций в океане. Россия не оставляла идею борьбы с Британией в Мировом океане. Возрождение флота в 1860-е годы началось с создания мониторов – низкосидящих в воде броненосцев. Благодаря усилиям Константина и других адмиралов корабли вооружались нарезной артиллерией, развивалось минное дело, ставили опыты с подводными лодками. Однако строительство флота шло медленно – не хватало денег. Так, сооружение знаменитого броненосца «Петр Великий» затянулось на 8 лет!

Реформы просвещения и печати

В 1864 году было принято «Положение о начальных народных училищах».

Этот документ определил новую систему начального и среднего образования. Начальные земские училища давали элементарное образование, затем шли всесословные семиклассные мужские гимназии, которые делились на гуманитарные (классические) и технические (реальные). Гимназисты классических гимназий без экзаменов поступали в университеты, а реалисты – в технические институты. Причем в становлении среднего образования шла упорная борьба. Министр народного просвещения Д. А. Толстой был сторонником классического образования и считал вредным преподавание естествознания и других естественных наук. В конечном счете его взгляды закрепились в принятом в 1871 году гимназическом уставе. Зато реформа университетов, благодаря А. В. Головину, была проведена в либеральном духе. Устав 1863 года возрождал уничтоженную в николаевское время автономию университетов, устанавливал при замещении должностей и кафедр главным принципом выборное начало. В университетах даже вводился независимый суд для университетов.

Восстание в Польше

Как часто бывало в России – многонациональной стране, – реформы привели к обострению национальных проблем. Смягчение Александром II прежней политики репрессий в Польше, амнистия польским политическим заключенным не только не умиротворили Польшу, но привели к усилению освободительного движения. В 1863 году началось вооруженное восстание, которое с трудом удалось подавить расстрелами и виселицами генерал-губернатору Вильно М. Н. Муравьеву, получившему прозвище «Вешатель». О его зверствах в Польше помнили долгие годы. Но Польша была «укрощена» вооруженной рукой и подчинилась русскому владычеству.

Заглянем в источник

Бои польских повстанцев с правительственными войсками были упорными, кровопролитными и неравными: противопоставить регулярной армии что-либо, кроме мужества, поляки не могли. Вот цитата из статьи в газете «Северная пчела» от 8 июня 1863 года:

«При местечке Томашеве. В м. Томашев, занятое сильною партией инсургентов, была двинута из Замосцьа подвижная колонна, при которой состояло одно орудие... По прибытии к Томашеву из отряда были высланы две сотни казаков, которые обложили местечко справа и слева. Чтобы привести мятежников в смущение и облегчить пехоте возможность выбить их из Томашева, было произведено из орудия два выстрела обыкновенными гранатами в дома, занятые мятежниками под казармы, от одного из этих выстрелов загорелась казарма. Затем, когда значительная часть мятежников бросилась по юзефовской дороге, они наткнулись на штуцерный казачий взвод, остановились и

завели с ним перестрелку. Из орудия сделан был еще один выстрел обыкновенною гранатою, от разрыва которой они разбежались и направились к таможене с целью пробиться к австрийской границе, но встреченные там казаками, мятежники почти все погибли; оставшиеся в казармах надеялись удержаться, но пехота взяла казармы штурмом и уничтожила мятежников».

Так случилось, что эта заметка попала мне в тот момент, когда я собирал материал по русско-польской войне времен императрицы Анны Иоанновны. И в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 28 февраля 1734 года описывается стычка польских повстанцев и русских войск под местечком Корселец: польские стрелки были атакованы казаками, которые хитростью вызвали огонь поляков, а потом внезапно повернули назад, тем самым прибегнув к известному приему кочевников – заманить противника ложным отступлением. И в это время поляки не заметили, что «российский подполковник мост при мельнице сломал и им дорогу в лес, откуда они вышли, пресек», а казаки «все места, где убежать можно было, захватили, отчего (поляки) напоследок принуждены были в житницу уйти». Казаки и драгуны, окружив житницу со всех сторон, здание подожгли, «причем не хотевших сгореть от казаков копьями были переколоты. Еще ж там примечено было, что два стрелка, увидя своих товарищей заколотых, перекрестясь, опять в огонь побежали и в оном с своими товарищами сгорели». Между двумя статьями прошло 129 лет! Изменился формат, шрифт газет, язык, на земле сменили друг друга четыре-пять поколений русских и поляков, а отношение к полякам и Польше не изменилось. Если бы на сопоставлении 1734 и 1863 годов можно было закончить эту кровавую летопись...

Новая внешняя политика

После крымского поражения внешнюю политику приходилось строить заново. Ведь Россия была побежденной стороной, и заключенный после Крымской войны Парижский мир 1856 года унизил страну, лишив ее флота на Черном море. «Венская система» во главе с Россией, созданная некогда императором Александром I, разрушилась сама собой. Приходилось кардинально пересматривать все привычные начала внешней политики, что было горько, но необходимо. Своим первым циркуляром новый министр иностранных дел князь А. М. Горчаков уведомил все державы, что Россия снимает с себя моральные обязательства перед членами «Священного союза» и сосредоточивается на «развитии внутренних сил страны».

Это не было шагом к самоизоляции. Наоборот, Горчаков пытался найти для России союзников. Сделанная им ставка на Францию оказалась несостоятельной, поэтому после поражения французов в войне с Пруссией в 1870 году России пришлось искать дружбы с недавно образованной Германской империей и Австро-Венгрией. Для этого в 1873 году был заключен так называемый Союз трех императоров (Вильгельма I, Франца-Иосифа и Александра II), но все же это не упрочило положения России в мире.

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), лицеист и друг А. С. Пушкина, был опытным дипломатом, сделавшим карьеру на службе в посольствах России в европейских странах. Роль Горчакова в дипломатическом возрождении России после позора Крымской войны была огромна. Он умел быть смелым и настойчивым, твердым, но не грубым, имел хорошие личные отношения со многими государственными деятелями Европы, в том числе и с Бисмарком. Он искал для России союзников, и главной целью политики Горчакова стал пересмотр Парижского мира, чего он в конечном счете и добился. Горчаков ушел в отставку в 1879 году глубоким стариком. Он был непростым человеком, оригинальной личностью, оставившей яркий след в истории русской дипломатии.

Конец Кавказской войны

При Александре II закончилась полувековая Кавказская война. Шамиль, несмотря на весь его государственный талант, мудрость вождя, умение сделать невозможное – объединить в борьбе с русскими многие веками враждовавшие горские народы и племена, не смог справиться с огромной силой России. Выросло новое поколение русских офицеров и генералов, научившихся отлично воевать в горах. Среди них были настоящие «кавказцы», хорошо знавшие природу гор и психологию горцев. Особенно прославились полковник барон Григорий Засс и выходец из донских казаков генерал Яков Бакланов, наводивший ужас на горцев. Они взяли на вооружение тактику горцев, хорошо поставили разведку и действовали на опережение, не давая горцам даже собраться в отряды для набега, заодно сжигали и грабили «немирные» аулы.

Заглянем в источник

По словам мадам Дрансе, попавшей к горцам в заложницы, горский вождь был человеком «высокого роста, черты лица его спокойны, не лишены приятности и энергии. Шамиль похож на льва, находящегося в спокойном положении. Русая и длинная борода его много придает величественности его осанке. Глаза его серые и продолговатые, но он держит их полуоткрытыми, на восточный манер. Губы у него алы, зубы очень красивы, руки малы и белы, походка твердая, но не медленная; в нем обнаруживает человека, облеченного высокой властью».

Большим знатоком горцев слыл фельдмаршал князь А. И. Барятинский. Начав карьеру на Кавказе в 1845 году, он прославился отчаянной храбростью и в 1856 году стал главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом. После множества неудачных попыток победить Шамиля Барятинский применил тактику давления на территорию имамата с трех направлений, что не позволило Шамилю наносить концентрированные удары по силам русских. Окруженный в 1859 году в селении Гуниб, Шамиль 26 августа сдался на милость победителя. В этот день с курьером на Симферопольскую телеграфную станцию была доставлена короткая телеграмма Барятинского царю: «Гуниб взят. Шамиль в плену и отправлен в Петербург». Война, унесшая 77 тыс. русских жизней и сотни тысяч жизней горцев, завершилась. Пленного Шамиля поселили в Калуге.

Летом 1861 года в Царском Селе Шамиля принимал император Александр II. Шамиль поздравил царя с освобождением русского народа от рабства и попросил, чтобы его отпустили совершить хадж в Мекку, но император отказал. Второй раз он попросился в Мекку в 1866 году, когда присутствовал на свадьбе наследника престола Александра Александровича. Чтобы убедить царя в том, что он вернется, Шамиль вместе с сыновьями принял российское гражданство, ему было даровано потомственное дворянство. Наконец, в 1868 году ему разрешили хадж, и вместе с сыновьями он двинулся в путь. Он посетил Мекку и Медину, там он и умер 4 февраля 1871 года. Похоронен он в Медине. Старший сын Шамиля, Гази-Магомед, в Россию из хаджа не вернулся и с началом Русско-турецкой войны возглавил турецкую дивизию, отличился при осаде Баязета, стал потом маршалом турецкой армии и умер в Медине в 1902 году. Другой сын Шамиля, Магомед-Кемаль, тоже служил в турецкой армии, стал также маршалом, дожил до 87 лет и умер в 1951 году.

Россия на Дальнем Востоке и в Средней Азии

Неудачи в борьбе за Проливы привели к тому, что с середины XIX века Россия стала уделять особое внимание своим владениям на Дальнем Востоке. В 1849 году была организована Амурская экспедиция, которой руководил адмирал Г. А. Невельской. Он обосновался в устье Амура, вел большую картографическую работу, которая позволила достаточно точно установить границу с Китаем. По Айгунскому договору с Китаем 1858 года к России отошел Амурский край, а по Пекинскому миру 1860 года – Уссурийский край. В 1860 году в бухте Золотой Рог основали военный пост Порт-Мэр, переименованный потом во Владивосток. Такое вызывающее название городка с населением 200 жителей говорило об

амбициозных планах России в этом районе (вспомним название другого города – Владикавказ, то есть «владею Кавказом»).

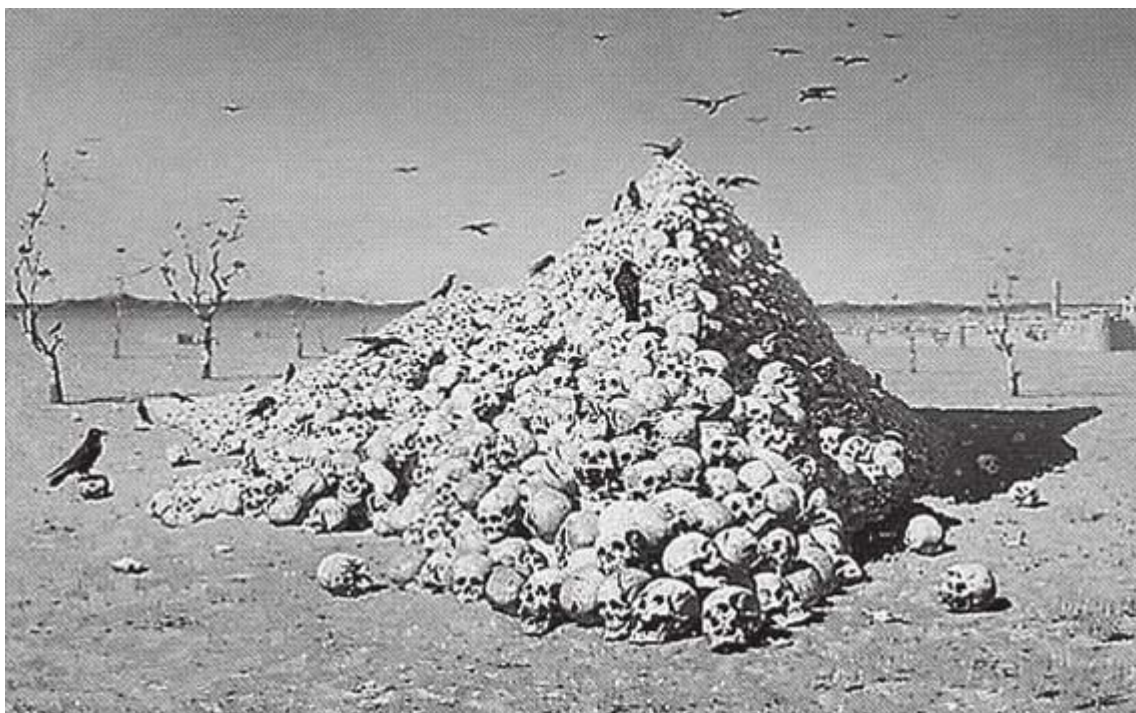
Еще активнее Россия действовала в Средней Азии. Завоевание Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата тянулось много лет – с 1863 по 1881 год. Инициатива походов исходила от военных, обещавших царю одним ударом покорить «азиатцев». Их противниками выступали дипломаты, опасавшиеся осложнений отношений с Англией из-за столкновения русско-английских колониальных интересов на подступах к британской Северной Индии. Победила точка зрения военных.

Легенды и слухи

Навечно ли мы продали Аляску?

Продажа Аляски вызывает до сих пор массу слухов и легенд. До 1967 года говорили, что Аляска была продана только на сто лет. Многие считают, что при покупке Аляски американцы давали русским чиновниками гигантские взятки и т. д. Что же было на самом деле? Подписав договор о продаже Аляски, США обещали России выплатить 7,2 млн долларов в течение 10 месяцев. Срок подходил к концу, денег не было, а в Америке разворачивался грандиозный скандал – палата представителей проголосовала за импичмент президента-демократа Эндрю Джексона, при этом начиналась очередная предвыборная кампания. Бурлила и пресса. Как сообщал русский посланник в Вашингтоне барон Стекло, «вся пресса высказывалась против этого территориального приобретения. Газеты всех направлений заявляли, что Соединенные Штаты, которые обладают территорией, способной прокормить население численностью в 200 миллионов, не имеют никакой необходимости расширять свои границы за счет районов, лишенных ресурсов и не подходящих для сельского хозяйства, особенно в момент, когда страна обременена колоссальным долгом» – следствием Гражданской войны. Но Стекло явно передергивал – подобные взгляды в прессе не были преобладающими. И демократы и республиканцы во главе со своим лидером Стивенсом стояли за покупку Аляски. Стекло сознательно сгущал краски и убеждал Петербург, что необходимо дать взятки лидерам конгресса и крупным чиновникам, чтобы договор о продаже Аляски беспрепятственно прошел через Сенат.

Александр II, живший в реальном мире, одобрил намерения посланника дать взятку представителям высшей администрации. В итоге Россия получила за Аляску не 7,2 млн долларов, а 7,035 тыс., т. е. на взятки у Стекла ушло 165 тыс. долларов – сумма по тем временам огромная. Естественно, ему верили на слово – ведь расписок в получении взяток ему никто из американцев не давал. Между тем известно, что он заплатил только адвокату Уокеру за ведение дела в конгрессе необыкновенно большую сумму – 20 тыс. долларов, а лидеру республиканского большинства в палате представителей Стивенсу 10 тыс. долларов, хотя все знали, что Стивенс, несмотря на свою ненависть к президенту Джонсону, был и так двумя руками за присоединение Аляски. Словом, Стекло, кроме наградных, полученных из Петербурга, скорее всего, прикарманил не менее 100 тыс. долларов из суммы, заплаченной за Аляску, после чего он вышел в отставку с русской службы и благополучно исчез на просторах Германии, откуда он был родом.

В. Верещагин. Апофеоз войны.

Начатые завоевательные походы оказались трудными и кровопролитными. В итоге независимость Коканда была ликвидирована, а Хива и Бухара попали под русский протекторат. В 1881 году с боем удалось овладеть и ключевой туркменской крепостью Геок-Тепе. Россия, окончательно отказавшись от заморских колоний (в 1867 году состоялась продажа Аляски США), создавала свою огромную континентальную империю, тянувшуюся через всю Евразию от Балтики до Тихого океана.

Русско-турецкая война. Освобождение Болгарии

Эта война 1877–1878 годов, вопреки ожиданиям прибывшего в армию Александра II и его генералов, оказалась жестокой и кровопролитной. Как и в Гражданской войне в США, здесь проявилось явное отставание тактических построений военных, привыкших воевать как во времена малоэффективного гладкоствольного оружия, от быстрого прогресса творческой мысли оружейников и развития металлургии и металлообработки. Поэтому войны 1860–1870 годов были исключительно кровопролитными. Ярче всех это выразил в своих картинах очевидец Русско-турецкой войны художник Верещагин.

Но сначала армия, поднятая в поход во имя освобождения восставших против турок балканских славян, форсировав Дунай, быстро продвигалась вперед. Румыны и болгары встречали ее с цветами. С боем выбив турок с Шипкинского перевала, русские полки открыли себе дорогу на Стамбул. Однако неожиданно с запада (из Сербии) начала наступление турецкая группировка Осман-паши. Она заняла ключевую крепость Плевну и стала угрожать тылам русских. Трижды наши полки штурмовали Плевну, неся огромные потери. Пришлось перейти к осаде. На Шипке турки яростно штурмовали перевал, стремясь уничтожить засевших там русских и болгар. С наступлением зимы на Шипке замерзло почти 10 тыс. попавших там в блокаду русских солдат! Тяжело было и туркам в Плевне, и наконец Осман-паша сдал крепость.

Потери армии были так велики, а война столь тяжела, что бывший в походе император Александр в отчаянии писал Екатерине Долгорукой: «Господи, помоги нам окончить эту войну, обесславливающую Россию и христиан. Это крик сердца, который никто не поймет лучше тебя!»

В декабре 1877 года армия генерала И. В. Гурко, выступив из Плевны по обледенелым горным дорогам, в дождь и снег перешла Балканы и заняла Софию. М. Д. Скобелев разблокировал осажденный отряд на Шипке. В январе 1878 года армия Скобелева достигла местечка Сан-Стефано в нескольких километрах от Стамбула. Начались переговоры. По условиям мира балканские страны получили независимость, позже несколько урезанную на Берлинском конгрессе 1878 года.

Последний этап реформ

1866 год считается важным этапом в истории Великих реформ. В это время усилилось сопротивление консерваторов, которые особенно воспряли духом после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II в начале апреля 1866 года возле Летнего сада. Начатые в стране реформы взбаламутили общество. Одни люди с радостью приветствовали их, другие негодовали, глядя на крушение освященных веками устоев. Обиженными и обделенными земельной реформой считали себя и помещики, и крепостные крестьяне. Дело в том, что согласно «Положению о крестьянах», помещичьи земли по-прежнему находились в их собственности, а крестьяне, получая свой надел, были обязаны выплачивать деньги или отбывать рабочую повинность. Это положение уже не называлось крепостным, но «временнообязанным». За неподчинение помещику крестьян, как и прежде, пороли розгами. «Положение» предусматривало лишь постепенное юридическое оформление новых отношений помещиков и крестьян. Суть его состояла в том, что помещики оказывались в более выгодном положении, чем крестьяне. Государство выплачивало помещику стоимость выделенной крестьянам земли, а для крестьян выделяло ссуду, чтобы эти земли купить. Но потом крестьяне в течение 49 лет были обязаны ссуду погасить, внося ежегодно (да еще с процентами) «выкупные платежи».

Большинство помещиков не смогли приспособиться к новой экономической реальности и роптали на свое положение, считая, что плата за землю, введенная вместо оброка или барщины, для них мала. Уделом крестьян стала бедность, причем сохранялось общинное земле владение, которое не позволяло вести собственное хозяйство. Крестьяне считали платежи за землю несправедливыми и с завистью посматривали на обширные помещичьи земли, требуя часть их для себя. По стране прокатились многочисленные крестьянские бунты – за два года их было более тысячи. Часть «нигилистов»-радикалов думала, что наступил момент для восстания против самодержавия, по стране стали распространяться прокламации с призывами к насилию. Власти почти сразу же прибегли к репрессиям: начались аресты авторов и распространителей прокламаций, была ограничена свобода слова. В 1862 году были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово». Стало ясно, что реформы не встретили всеобщей поддержки в стране. Многие либералы начали разочаровываться в действиях власти, которая (как им казалось) проявляла медлительность и непоследовательность при осуществлении преобразований. Однако император Александр II не отступал, и после нескольких лет колебаний и сомнений в 1878 году он начал последний этап реформ. Главным лозунгом либералов (и в первую очередь земцев) стало требование введения конституции. Александр колебался, но все же склонялся на сторону реформаторов. Идея конституционного устройства России активно обсуждалась в правительстве. Все это происходило в обстановке террора народовольцев, развязанного ими против императора. Главой правительства в 1880–1881 годах был граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888) – боевой генерал, опытный администратор, ловкий политик. Александр II испытывал к нему глубокую симпатию, доверил ему руководство чрезвычайным органом власти – Верховной распорядительной комиссией и поставил перед ним две задачи: твердой рукой обуздать террористов и подготовить конституционную реформу. Вторую задачу Лорис-Меликов решал успешнее первой. Рассмотрев проекты реформы, подготовленные им, 1 марта 1881 года Александр сказал окружающим, что сегодня он сделал «первый шаг к конституции». Согласно легенде проект будущей конституции России лежал у него на столе.

Но в тот же самый день императора убили террористы. России опять не повезло.

«Народная воля» и император

Народничество, возникшее в конце 1860-х годов, спустя десятилетие переживало кризис. Провалилась попытка народников вести революционную пропаганду среди крестьян. Народ, который так превозносили народники, дружно сдавал агитаторов в полицию. В среде революционеров начались жаркие споры о будущем революционной борьбы. Эти споры проходили на конспиративных квартирах, под видом дружеских вечеринок.

Заметки на полях

История «охоты на царя» поражает нас своеобразным трагическим, роковым несогласованием. Бесспорно, народовольцы были фанатиками, слепо идущими к своей цели – убийству царя. Но при этом они оставались честными, бескорыстными людьми. Никто из народовольцев не мечтал о власти, не рвался к ней с бомбой в руках, да и партия их была создана только для организации терактов. И цели народовольцев были благородны и конкретны: введение парламентского строя и гарантии основных свобод. Так случилось, что в том же направлении, к свободам и конституции, двигался и Александр II. Убив его, народовольцы не достигли своей цели (народ безмолвствовал), но тем самым они не дали царю довести до логического конца (конституция и парламент) и свои политические реформы.

Заглянем в источник

Исполнительный комитет партии «Народная воля» 10 марта 1881 года обратился к Александру III с письмом, начав его словами:

«Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое Вы испытываете в настоящую минуту, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей».

И далее народовольцы утверждают, что кровавая трагедия на Екатерининском канале – не случайность и не неожиданность, что совершенное Гриневицким и другими – не действие «шайки злодеев», что, выловив одних революционеров, власть не остановит движение. На место повешенных придут новые люди, ибо «революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его неудовольствие посредством репрессалий: неудовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемым постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные».

У России два возможных пути: «или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революции, Исполнительный комитет обращается к Вашему величеству с советом избрать второй путь».

Для этого необходимо два условия: общая политическая амнистия и «созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями... Наша партия, со своей стороны, безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству,

санкционированному народным собранием. Итак, ваше величество, решайте. Перед Вами два пути. От Вас зависит выбор».

Новый император Александр III сразу же сделал выбор: он сошел с пути западных преобразований отца в сторону репрессий, националистического и авторитарного, как тогда писали, «теплого народного самодержавия». В революционное же движение, понесшее страшные потери, действительно пришли другие люди, с иным мировоззрением, иными целями. Как известно, они «пошли своим путем»: партия как секта, демагогия, вранье о так называемой «гегемонии диктатуры ролетариата». И все ради захвата власти, а уж там как получится – все средства хороши, только чтобы удержаться наверху.

Когда в 1878 году суд присяжных оправдал террористку Засулич, то у части революционеров возникла иллюзия, что их поддерживает народ и нужно только подтолкнуть революцию убийством царя. Партия «Земля и воля», имевшая разветвленную сеть по всей стране и даже свою печать, в августе 1879 года раскололась: сторонники мирной пропаганды объединились в партию «Черный передел», а сторонники террора стали партией «Народная воля», которая вынесла «приговор» царю и приступила к его осуществлению. Впрочем, в первый раз в царя стрелял в 1866 году Каракозов, через год в Париже Александра II пытался убить поляк А. Березовский.

Княжна Е. М. Долгорукая-Юрьевская.

Легенды и слухи

Тайный брак императора

Канва этого потрясшего покой царской семьи романа довольно проста. В 1866 году 47-летний император завел себе очередную любовницу – а они стали регулярно появляться у него с начала 1860-х годов. На этот раз избранницей государя стала 17-летняя княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. Через год выяснилось, что это не просто адюльтер, а глубокое и сильное чувство, внезапно

поразившее немолодого государя. Долгорукая стала в сумерках приходить в Зимний дворец, открывала своим ключом дверь, входила в апартаменты, принадлежавшие некогда Николаю I, и там ждала своего возлюбленного...

Как бы разгневался отец Александра император Николай I, увидев, что его сын, как будто в насмешку над ним, хранителем семейной морали Романовых, избрал местом любовных встреч с девицей именно его комнаты! Николай считал, что морганатические браки оскверняют трон. Да и сам Александр в 1865 году, незадолго до начала своего романа, поучал сына Сашу (будущего императора Александра III): «Не давай разрешения на морганатические браки в твоей семье – это расшатывает трон... В нашей семье не было ничего серьезней гостиных интрижек». И вот такое произошло с ним самим! В чем же дело? Чем покорила государя молоденькая смолянка?

Возможно, она привлекла его именно своей юной невинной чистотой. Известно, что как-то, посетив Смольный, государь увидал Екатерину Долгорукую, которую знал с 10-летнего возраста, и был поражен расцветшей красотой девушки. Он помнил ее еще девочкой, которая смело сидела у него на коленях, когда он как-то раз посетил имение ее родителей под Полтавой... А дальше – достаточно намека, и в дело вступили придворные сводники. Дама, входящая ко двору и в дом Долгоруких, организовала «случайную» встречу царя с княжной в Летнем саду, потом еще где-то... А Екатерина все не понимала, как же можно без любви? И потом – ведь это сам государь, особа священная... Словом, в отличие от других женщин, она не сразу подпала под его чары. Удивленный странным упорством девицы, император вдруг всерьез ею заинтересовался, взглянул на нее другими глазами и увидел в ней личность, человека... Увлечись ею всерьез, государь, как юный корнет, стал страстно искать с Екатериной свиданий в парках и иных уединенных местах, потом тронул ее какой-то своей внутренней беззащитностью (или сыграл удачно) и так постепенно завоевал ее любовь. В первую их ночь в июле 1866 года во дворце Бельведер, что под Петергофом, император якобы сказал Екатерине: «Увы, я сейчас несвободен. Но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне я навеки считаю тебя своей женой перед Богом». Он сдержал слово.

Ждать «первую возможность» пришлось 14 лет, до весны 1880 года, когда умерла жена Александра II императрица Мария Александровна. Все эти годы она с необыкновенным достоинством и смирением несла свой крест, не устраивая скандалов и не упрекая неверного мужа. Даже тогда, когда, вернувшись в конце 1877 года с Русско-турецкой войны, он поселил Долгорукую над своими покоями в Зимнем дворце, так что его жена, государыня Мария Александровна, могла слышать, как над ее головой бегают побочные дети ее мужа. Это отравляло ей некогда счастливую и спокойную жизнь. Много лет спустя ее сын Александр III, когда в одном разговоре зашла речь о канонизации в России, вдруг воскликнул, что если кто-то достоин причисления к лику святых, так это его мать! Его понять можно – вся семейная трагедия разворачивалась на его глазах.

Неизвестно, что стало причиной такого грустного финала некогда лучезарного брачного союза юной (она родилась в 1824 году) принцессы Гессен-Дармштадтской Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии и цесаревича Александра Николаевича, родивших в горячей любви шестерых детей. Эта любовь вспыхнула с первого взгляда в 1837 году в Дармштадте, куда приехал 23-летний Александр и впервые увидел эту прелестную 15-летнюю девочку. Родители Александра, получив письмо сына с просьбой одобрить его выбор, неохотно пошли навстречу своему влюбленному сыну. Все давно знали, что девочка эта была не родной дочерью великого герцога Гессенского Людовика II, а плодом тайной любви его супруги герцогини Вильгельмины и придворного кавалера. Однако они дали согласие и в 1840 году сыграли пышную свадьбу Александра и Марии Александровны – так стали называть молодую супругу наследника. Молодые долго жили счастливо. Но к моменту встречи императора с Екатериной Долгорукой его брак с Марией давно «омертвел». Возможно, что в жене он уже не видел того, что нашел в юной Екатерине как в женщине (известно, что

существовали эротические рисунки императора с изображением Екатерины). Став императрицей, Мария Александровна оказалась в плену неизменного придворного этикета, сделалась рабой внешних привычек, ритуала. Между тем жизнь Александра II стала другой. Начатые им Великие реформы изменили все его существование. Он с головой погрузился в пучину проблем, которые не давали ему покоя ни днем, ни ночью. При этом оказалось, что император одинок в своей семье. Мария Александровна, занятая привычными придворными делами, часто больная и унылая, не могла ничем помочь ему. Погруженная в придворные и семейные дела, проникнутая глубоким религиозным чувством, она была далека от государственных проблем, терзавших государя. Так незаметно она осталась за пределами того мира, в котором бурно жил теперь ее муж, а также его брат Константин. И тут, начав роман с Екатериной Долгорукой, он неожиданно для себя встретил понимание и отклик...

Некоторые современники утверждали, что царь смотрит на мир глазами Долгорукой, говорит ее словами. Но, кажется, дело обстояло сложнее. Александру был нужен слушатель, живой, сопереживающий ему человек. И княжна Долгорукая постепенно вошла в суть многих дел, которые волновали государя, выслушивала его, задавала вопросы, высказывала свое мнение. Если в чем-то царь и повторял мысли своего «карманного советника», то это были его же собственные мысли, усвоенные ею ранее от него! К тому же Долгорукая жила уединенно, вся ее семья кроме, пожалуй, сестры, от нее демонстративно отвернулась, поэтому царь знал наверняка, что за спиной Екатерины не стоял влиятельный клан алчных родственников-интриганов и хитроумных сановников.

Так, с годами, Екатерина и царь становились все ближе и – в равной степени – остро необходимы друг другу. Из многочисленных поездок Александр слал ей каждый день письмо (а то и не одно в день, а два-три). Всего их сохранились тысячи три! Письма императора к Долгорукой неформальны, нефальшивы, и в них порой резко пробивается нечто неординарное, наблевшее, плоды его долгих и мучительных размышлений и страданий.

Александр II, находясь на вершине власти, был убежден, что он, как и каждый человек, может иметь свою, закрытую от всех прочих людей жизнь, свой, недоступный для других частный мир. Но в этом-то он как раз заблуждался: ведь всякий правитель живет на виду, и каждый его шаг, жест, слово замечают, обсуждают, превращают в событие, облачают сплетнями. Его связь с Долгорукой, свидания, тайные поездки вместе с ней, встречи за границей и в Крыму быстро стали секретом Полишинеля, вызвали страшное смятение, печаль, возмущение в его собственной, раньше столь дружной семье. Особенно удручен был наследник, цесаревич Александр Александрович. Человек простой, но прямой, честный, добрый, он искренне любил отца, восхищался им и поэтому не смел осуждать поступки государя и батюшки. При этом он мучительно переживал за мать, которая чувствовала себя униженной и брошенной. Она якобы сказала в конце жизни: «Я прощаю оскорбления, наносимые мне как императрице. Но я не в силах простить мучений, причиняемых супруге».

Естественно, что в глазах Александра Александровича Долгорукая была главной виновницей всех бед матери и семьи. Как-то раз Долгорукая присутствовала в Петергофском дворце как фрейлина и танцевала на балу. Император Александр не дождался конца танцев и, когда начался котильон, сел в экипаж. Его провожал наследник Александр Александрович. Затем цесаревич вернулся в зал и между танцующими парами прошел к эстраде, на которой играл оркестр Преображенского полка. Современник пишет:

«Несмотря на то, что среди танцующих была и цесаревна Мария Федоровна, он (Александр Александрович. – Е. А.) громким голосом крикнул: – Спасибо, преображенцы! Домой! – Танцы резко оборвались. Наследник удалился с цесаревною во внутренние покои, смущенные гости поспешно разъехались».

Вероятно, в этот момент наследник не мог вынести даже мысли, что эта женщина, принесящая им, и особенно матери, столько горя, может тут весело танцевать вместе с порядочными людьми. Своим резким поступком – прервав бал

– будущий царь показал свое отношение к факту участия в официальных придворных празднествах фаворитки своего отца.

Многие люди не понимали, как важна для царя связь с этой женщиной и почему он так решительно ее защищает. Попытки коснуться этой болезненной темы Александр II всегда резко пресекал, ибо для него это было грубейшим вмешательством в его личную и, как он думал, запретную для всех остальных частную жизнь. В апреле 1872 года Екатерина родила в Зимнем дворце сына Георгия, а следом, в 1873 году, дочь Ольгу. Рождение детей было для Долгорукой и радостью, и печалью: отец любил их, часто играл с ними, но ведь они считались бастардами. При этом Александр гордился сыном, говорил, что в этом мальчике много русской крови – такая редкость для Романовых! Но в 1874 году статус бастардов – Георгия и Ольги – резко изменился. В указе императора Сенату от 11 июля 1874 года им было даровано дворянство, «княжеское достоинство с титулом светлейших». Получили они и фамилию – Юрьевские. Фамилия эта происходила от имени Георгий, или Юрий. Позже, в 1876 году, родился умерший в младенчестве Борис, а в 1877 году – дочь Екатерина.

Сама же Долгорукая стала княгиней Юрьевской только после того, как весной, 20 мая 1880 года, умерла Мария Александровна. Бесспорно, супруг был жесток и даже бессердечен с ней до конца. Даже в последние дни жизни Марии Александровны, когда она уже не вставала и всем было видно, что она умирает, Александр тем не менее каждый вечер покидал дворец и уезжал ночевать в Царское Село, где ждала его Долгорукая и дети. В одну из таких ночей Мария Александровна так тихо ушла из жизни, что этого даже не заметила задремавшая у ее постели сиделка. Императрица как будто чувствовала, что муж только и ждет ее смерти, чтобы узаконить свои отношения с Долгорукой.

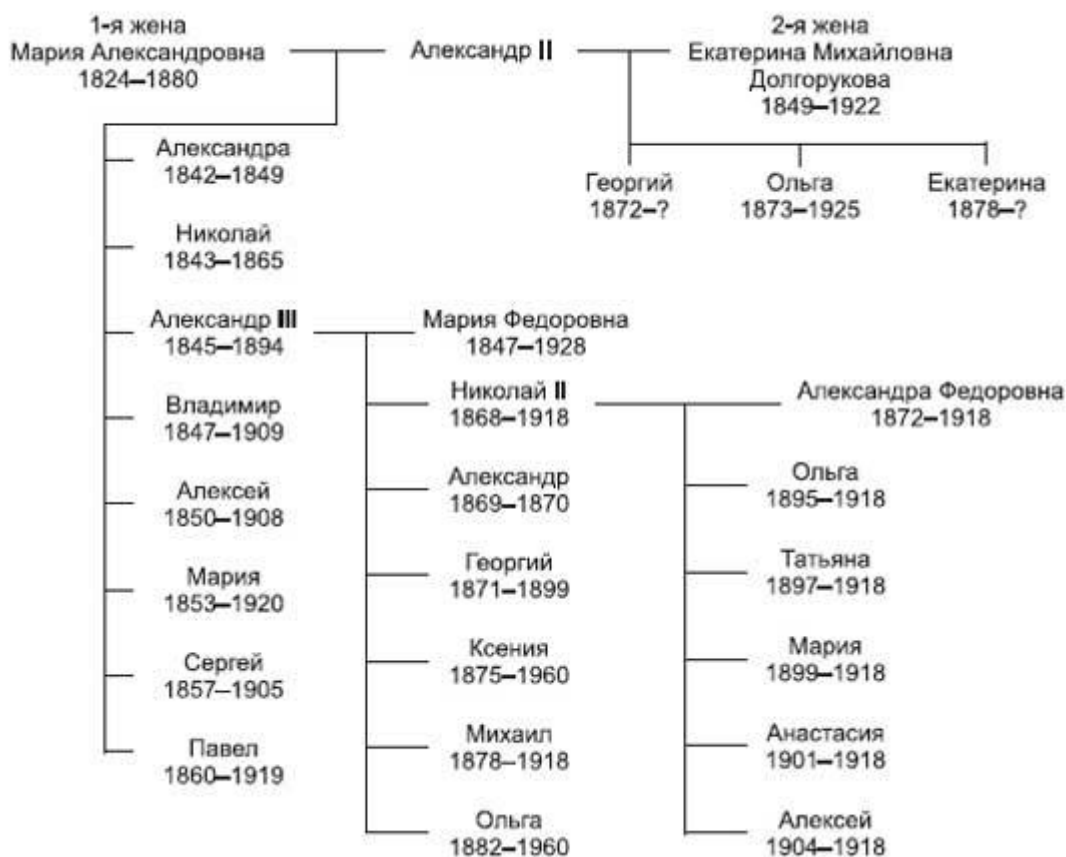
Так это и было. Брак с Марией Александровной казался императору тюрьмой. Уже после венчания с Екатериной он сказал: «О, как долго я ждал этого дня. Четырнадцать лет. Что за пытка! Я не мог ее больше выносить, у меня все время было чувство, что сердце не выдержит более этой тяжести». Шестого июля 1880 года, когда еще не закончился 40-дневный траур, государь обвенчался с Долгорукой в Царском Селе. Как и в своих отношениях с Марией Александровной, которая для него была в тягость, но с которой он жил-таки под одной крышей, в отношениях с Екатериной император не был последователен. Он так спешил узаконить перед Богом свой брак, что пренебрег церковным 40-дневным траурным обычаем, но при этом венчался тайно, в присутствии всего лишь нескольких человек (среди них не было ни наследника престола, ни его жены), будто он стыдился своего поступка. Есть и другая странность: в тот же день он подписал указ Сенату о присвоении княжне Долгорукой в связи со вступлением в брак «имя княжны Юрьевской с титулом светлейшей». Зачем это? Ведь она вступала в законный брак с императором и становилась не Юрьевской, а некоронованной, но женой государя из рода Романовых. Впрочем, возможно, император хотел сохранить свой брак в тайне до момента предполагаемой коронации Екатерины. Он приказал навести справки о коронации Петром Великим Екатерины Алексеевны в мае 1724 года – это был первый и последний случай, когда правящий самодержец короновал свою супругу.

Придворные, получавшие приглашения на чай к молодоженам, были изумлены той фамильярностью, с которой Долгорукая обращалась к государю. И вообще, манеры Юрьевской показались им вульгарными, провинциальными, как и ее наряды. Возможно, отчасти так и было. Ведь Екатерина после Смольного почти все годы провела в изоляции, вдали от светских салонов. Она так и не успела «обтесаться» там, приобрести лоск безупречно воспитанной придворной дамы. Но, может быть, в этом и заключались для царя ее достоинства: не приобретя салонного лоска, она не стала фальшивой. В общении с Александром в присутствии других она была, вероятно, так же проста, как и без них. А это коробило придворных, привыкших к довольно жестким нормам ритуала, который, как известно, распространялся даже на обычное чаепитие на «собственной половине» царской семьи.

Кажется, что царь спешил с оформлением бумаг не зря: годы, тяжесть короны делали свое разрушительное дело, да и охота, которую устроили на него террористы, была в самом разгаре. Летом 1880 года он подписал указ о выделении капитала для детей, который мог бы обеспечить их будущее. Как бы предчувствуя свою гибель и зная отношение сына и наследника Александра к княгине Юрьевской, он просил его не оставлять жену и детей без защиты в случае его, императора, гибели. Вместе с тем известно, что Александр хотел передать трон наследнику Александру III и уехать вместе с Екатериной и детьми во Францию, купить виллу в Ницце и там, на свободе, встретить старость и смерть... Впрочем, в указе Сенату о присвоении Екатерине Юрьевской, а также детям от нее (Георгию, Ольге и Екатерине) титула светлейших сказано, что титул этот имеют право получить и те дети, «которые могут родиться впоследствии». Значит, царь думал о своем с Екатериной семейном будущем...

1 марта 1881 года государь, как гласит легенда, якобы пообещал Екатерине, что после развода караула в Михайловском манеже он вернется во дворец и они отправятся гулять в Летний сад. Она ждала мужа, уже одетая для прогулки, как вдруг услышала вдали взрыв... Этот взрыв погубил императора и их будущее, их жизнь. Юрьевская какое-то время жила в Петербурге, а потом уехала за границу, в ту самую Ниццу, о которой они мечтали с Александром. Ее жизнь тянулась еще долго-долго, до 1922 года.

ДЕТИ И ВНУКИ АЛЕКСАНДРА II

Однако с 1879 года народовольцы открыли уже настоящую охоту на царя. В том же году на Дворцовой площади в него пять раз выстрелил А. К. Соловьев, но Александр, как профессиональный военный, уклоняясь на бегу от пуль влево-вправо, сумел спастись. Осенью того же года под Москвой царский поезд проехал над бомбой, подложенной под полотно, незадолго до ее взрыва. Пятого февраля 1880 года Степан Халтурин взорвал столовую в Зимнем дворце в 6 часов вечера, но царь случайно опоздал к столу.

Народовольцы были честными и бескорыстными людьми, но опасными фанатиками. Они ни во что не ставили не только свою жизнь, но и жизнь окружающих невинных людей – тех, которые гибли при покушениях на царя. Так, Халтурин, подкладывая бомбу в Зимнем дворце, прекрасно знал, что взрыв неминуемо убьет много солдат в караулке прямо под царской столовой, но это его не остановило. В итоге от взрыва погибло 11 и было покалечено 56 человек.

Убийство Александра II

Народовольцы раз за разом пытались привести в исполнение «смертный приговор» царю. Руководил группой террористов Андрей Желябов. Однако судьба хранила Александра II, и покушения на него срывались. Царь не был трусом и, несмотря на опасность, не изменял своим привычкам. Ему была нестерпима мысль о том, что он, император, в своей стране, в собственной столице будет прятаться и бегать от преступников. Этим и пользовались террористы.

Между тем полиция неуклонно шла по их следу и накануне 1 марта 1881 года арестовала руководителя Исполнительного комитета «Народной воли» Андрея Желябова, но тот не выдал намерения организации осуществить в ближайшее время убийство царя. Было задумано взорвать его экипаж с помощью мины, заложенной в подземном ходе под Малой Садовой – по ней царь обычно возвращался во дворец, или взорвать царскую карету при выезде ее из Михайловского дворца. Помощница и возлюбленная Желябова Софья Перовская довершила начатое дело.

Первого марта, увидев, что карета царя с конвоем двинулась из Михайловского дворца к набережной Екатерининского канала, Перовская взмахнула белым платком. По этому сигналу бомбисты Н. Рысаков и Н. Гриневицкий приготовились к нападению. И как только карета Александра с казачьим конвоем выехала на канал, Рысаков бросил под нее бомбу. Однако царь не пострадал от взрыва, а на панели погиб мальчик – случайный прохожий. Когда Александр вышел из кареты, стоявший в толпе Гриневицкий бросил бомбу уже прямо под ноги императору. Когда рассеялся дым от взрыва, глазам свидетелей предстала страшная картина: около двадцати человек было ранено и убито, «среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, эполет, сабель и кровавые куски человеческого мяса».

Заглянем в источник

Участник покушения на царя Фроленко вспоминал о памятном дне 1 марта 1881 года:

«...На канале же было так. Когда Александр II выехал на канал, то его встретил первый метальщик и бросил бомбу. Бомба попала в переднюю часть кареты, но царя не тронула. Он выскочил и подошел к раненому бомбой прохожему. К нему подвели и метальщика – Рысакова, которого успели схватить. “Хорош, нечего сказать!” – заметил царь. – “Слава Богу, что не удалось!” – добавил он. “Ну, еще кто его знает, слава ли Богу!” – будто сказал Рысаков (так откуда-то идет молва про его ответ). Но дело не в этом, а в том, что в это время подошел второй метальщик – Гриневицкий и, встав вблизи царя, бросил бомбу между собой и царем; бомба упала у ног царя и взорвалась; и царь и Гриневицкий упали, у них обоих ноги были оторваны. Царя подхватили и стали тащить на сани. Тогда третий метальщик, забыв, что у него под мышкой бомба в виде портфеля, бросился помогать усаживать царя в сани...»

Портрет В. Фигнер.

Перевязка царю не была сделана, кровь лилась неудержимо, она заполнила дно саней, пока императора везли в Зимний дворец. Вскоре Александр умер. Он был похоронен в преображенском мундире, без короны и орденов – незадолго перед смертью он говорил Юрьевской, что не хочет в гробу иметь вид «цирковой обезьяны». На месте покушения позже была построена церковь Спаса-на-Крови.

Действующие лица

Вера Фигнер

Вера Николаевна Фигнер родилась под Казанью, в дворянской семье, в доме лесничего Николая Фигнера. Все четыре дочери лесничего и его тихой жены – Вера, Лида, Женя и Ольга – «ушли в революцию». Но зато двое сыновей пошли другим путем. Петр был крупным инженером и руководил металлургическим заводом, а Николай стал певцом и с годами превратился в мировую знаменитость. Его выдающимся тенором восхищались Верди и Пуччини, он блистал на императорской сцене в то самое время, когда его сестра Верочка отбывала пожизненную каторгу в Шлиссельбургской крепости...

Вера закончила закрытый женский институт в Казани первой ученицей – «с золотым шифром», потом вернулась к матери в небольшое поместье и затосковала от унылой провинциальной жизни. Вера была девушкой эффектной, красивой. К тому же она отличалась веселым нравом, была своевольна и капризна, а посему имела забавное прозвище «Верочка-топни ножкой». Естественно, возле нее увивались женихи. В 1870 году она вышла замуж за почтенного судебного следователя Александра Филиппова, который был без ума от своей жены и согласился оставить службу и поехать с ней в Швейцарию. Верочка была честолюбива и решила во что бы то ни стало выучиться на врача. В России же это было невозможно, так как власти считали, что высшее образование – не для

женщин. В Цюрихе Вера с трепетом переступила порог медицинского факультета университета и со страстью взялась за учение. У четы Филипповых появилось множество знакомых из числа русских эмигрантов – Цюрих был местом, куда приезжали из России учиться сотни русских девушек. В кафе Цюриха и на съемных квартирах горячо обсуждались самые разные проблемы, и Верочка, раньше далекая от политики, увлеклась феминизмом и социализмом и со свойственной ей безапелляционностью стала высказывать самые радикальные взгляды. Но тут официальный Петербург потребовал, чтобы все русские студентки Цюриха, которые занимаются там якобы только революцией и развратом, немедленно покинули Цюрих. Многие девушки (в том числе учившаяся там же сестра Веры Лидия) подчинились грозному окрику власти и вернулись домой не доучившись, но полные революционной злости и тираноборческого энтузиазма. Вера перебралась в Берн, чтобы закончить медицинское образование. Какое-то время она колебалась, выбирая между медициной и революцией, но, получив известие об аресте сестры Лиды в России, Вера, не окончив курса, в 1875 году вернулась в Петербург...

Что же руководило в жизни всеми этими людьми? В первую очередь – огромное чувство вины перед народом: мы, такие удачливые, успешные, богатые, живем в довольстве, барствуем, все делает прислуга (кстати, однажды арестовали типографию народовольцев – они не тащили сами чемоданы со свинцовым набором, а наняли для этого носильщиков и дворников, которые, заметив страшную тяжесть ноши, бдитительно стукнули в полицию), а народ страдает. Тут и появились идеи «Земли и воли». Смысл всего этого движения был прост: не нужно ничего выдумывать, нужно идти с народом, крестьянством, жить его чаяниями. Что для него важнее всего? Земля – кормилица и полица. Реформа же 1861 года ограбила крестьян, и они жаждали получить землю. Далее, крестьяне мечтают о воле. Это народники понимали, как стремление к гражданским свободам. Нужно идти в народ в качестве учителей, землемеров, фельдшеров и вести пропаганду, толкать народ к революционной борьбе за землю и волю.

Верочка с Женей уехали в глухую самарскую деревню. Женя стала учить детей, а Вера, получившая в Казани диплом фельдшера, стала лечить крестьян. За 10 месяцев работы она, по ее воспоминаниям, приняла 5 тыс. больных! Не прошло и года после начала хождения в народ, как почти все народники разочаровались в предпринятой акции. Просвещение и лечение народа дело нужное, но долгое – так просидишь всю жизнь в деревне, не дождавшись всеобщего восстания. Юрий Трифонов очень точно назвал свой роман о народовольцах – «Нетерпение». А тут подвернулось техническое открытие по имени «Его величество Динамит». Нужно взорвать царя, обрушить тот стержень, на котором держится вся система, и тогда народ, как один человек, поднимется по всей стране. Словом, отколовшаяся от народников партия террористов «Народная воля» начала охоту за головой Александра II. Вера, естественно, была вместе с нетерпеливыми.

Хотя все революционеры публично отрекались от Сергея Нечаева, убившего товарища, заподозренного в измене, тем не менее им восхищались и старались жить по его «Катехизису революционера»:

«Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей. Он знает только одну науку, науку разрушения. Он презирает общественное мнение... общественную нравственность. Все изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены единой холодной страстью революционного дела».

Нечаев разбивает «все это поганое общество» на несколько категорий. Первые две – «особо зверские злодеи», которых следует уничтожать по списку, с расчетом, исходя из пользы революционной партии. Третья категория – влиятельные «высокопоставленные скоты», которых нужно сбивать с толку и, проникая в их «грязные тайны», делать своими рабами. Такая же судьба должна была постичь чиновников-честолюбцев, либералов, болтунов и доктринеров. Наконец, отдельная группа – женщины. Из них большинство – пустые,

бессмысленные, бездушные кокетки. Но есть в обществе также дамы «горячие, преданные», но без революционного понимания. Всеми ими можно пользоваться для нужд революции. И наконец, «женщины совсем наши, драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно», боевые подруги. Такой и была Вера Фигнер.

Действительно, без женщин невозможно представить подполье народолюбцев. Только пары, выдававшие себя за супругов и снимавшие так называемые «общественные квартиры» (в них любой из бомбистов мог найти стол, кров, новый паспорт), не вызывали подозрения полиции и дворников. Вера не раз использовала свою красоту, обаяние, чтобы сбивать с толку «высокопоставленных скотов», вербовать в партию влюбленных в нее офицеров и гражданских. Она, писала Л. А. Тихомирова, «сама по себе была очень милая и до мозга костей убежденная террористка. Увлекала она людей много, больше своей искренностью и красотой... Она была незаменимая агитаторша. В полном смысле красавица, обворожительных, кокетливых манер, она увлекала всех, с кем сталкивалась». Другой современник, Н. Михайловский, отмечая ум и красоту Веры, подчеркивал, что «никаких специальных дарований у нее не было. Захватывала она своей цельностью, сквозившей в каждом ее слове, в каждом ее жесте: для нее не было колебаний и сомнений. Не было, однако, в ней и той аскетической суровости, которая часто бывает свойственна людям этого типа». Фигнер не была теоретиком, ее стихией была организационная, подпольная работа, хотя, как писал тот же Тихомиров, «в голове ее был большой сумбур... и как заговорщица она хороша была только в руках умных людей (как А. Михайлов или Желябов)».

Как бы то ни было, без ее участия вряд ли состоялось бы покушение на царя 1 марта 1881 года. Получив весть об убийстве Александра II, Вера вместе со своими товарищами плакала от радости. Она писала, что наконец-то все их страдания «искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь, тяжелое бремя снялось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить обновлению России». Но нет! Крестьянская Россия не поднялась. В день казни народолюбцев, 3 апреля 1881 года, Фигнер ехала в конке по Петербургу, и вдруг вагон заполнила толпа, возвращавшаяся с Семеновского плаца, где только что казнили товарищей Веры. Она смотрела на этих шумящих людей и видела:

«Многие лица были возбужденные, но не было ни раздумья, ни грусти». Особенно ей запомнился один красавец-мецанин, чье «прекрасное лицо было искажено страстью – настоящий опричник, готовый рубить головы», и ее тоже... Это был тот народ, ради которого боролась Фигнер. Перед лицом этой удручающей реальности нужно было продолжать свое дело. Фигнер металась по стране, собирала разрушенную репрессиями властей организацию.

Ее схватили в Харькове. Фигнер сдал новый лидер «Народной воли» Сергей Дегаев, завербованный охранкой. Вообще, только с помощью предательства можно было взять Веру. Все время ее будто берегла судьба: не раз и не два Фигнер уходила от ареста буквально за день, за час до появления полиции. И при этом, как пишет Тихомиров, у Фигнер было «полное отсутствие конспиративных способностей. Страстная, увлекающаяся, она не имела понятия об осторожности. Ее близким другом сделался Дегаев, который впоследствии выдал ее самым бессовестным образом». Действительно, приехав в Харьков, он встретился с ней и в разговоре выведал, что Фигнер выходит из дома в 8 утра и совсем не опасается ареста. Здесь, мол, ее никто не знает, только разве вдруг ей навстречу попадет Меркулов – бывший член организации, запятнавший себя изменой еще в Петербурге. Дегаев уехал, прошло несколько месяцев, и как-то в 8 утра Вера вышла из дома и вдруг увидела, что ей навстречу идет Меркулов...

А дальше был арест, многомесячное сидение в Петропавловской крепости, в мертвой тишине, редкие свидания с матерью, суровый суд и с 1884 года – бессрочная каторга в Шлиссельбурге. Там Вера и ее товарищи продолжали свою борьбу. Раньше врагом было самодержавие, теперь – тюремщики. С годами узники все больше и больше расширяли свои права: прогулки, книги, общение,

работа в мастерских, огороды, переписка. Все узники подчинялись Фигнер, ее называли «матерью-командиршей». Она казалась сделанной из стали – столь непреклонна была ее воля. Один из тюремных начальников писал о ней:

«Арестантка № 11 составляет как бы культ для всей тюрьмы, арестанты относятся к ней с величайшим почтением и уважением, она, несомненно, руководит общественным мнением всей тюрьмы, и ее приказанием все подчиняются почти беспрекословно; с большой уверенностью можно сказать, что проявляющиеся в тюрьме протесты арестантов в виде общих голодовок, отказывания от гуляния, работ и т. п. делаются по ее камертону».

Когда в 1889 году в тюрьме началась голодовка узников, спустя несколько дней все ее участники сдались, и только Фигнер голодала в одиночку, страшно разгневанная на своих слабых товарищей.

В 1904 году, после двадцати лет заключения, Фигнер выпустили на свободу. Ее мать, которой сказали, что она «узнает о своей дочери, когда она будет в гробу», сумела пробить глухую стену. Уже смертельно больная, в прошении на имя государя Николая II она умоляла его освободить дочь, чтобы попрощаться с ней навсегда. «Николай Кровавый», «внемля к мольбам» несчастной женщины, заменил Фигнер бессрочную каторгу на 20-летнюю, которая как раз вскоре и истекла. Вера не хотела получать от царя никакой милости, даже сначала противилась освобождению, но любовь к матери пересилила гордость революционерки. Она вышла на свободу, но матери в живых уже не застала. После недолгой ссылки ее выпустили за границу, где она и засела за свои мемуары «Запечатленный труд»...

Вернувшись в Россию в годы Первой мировой войны, Фигнер знала цену обещаниям большевиков. В сентябре 1917 года она писала: «Все утомлены фразой, бездействием и вязнем в трясине наших расхождений. Только большевики плавают, как щука в море, не сознавая, что своей необузданностью и неосуществимыми приманками темных масс постыдно предают родину немцам, а свободу – реакции». Словом, Фигнер не приняла большевистского переворота, осуждала недостойную цивилизованных людей практику захвата заложников. И в советские времена она осталась такой же упрямой и несгибаемой, как и в Шлиссельбурге, хотя порой отчаянно бедствовала и голодала. Когда в 1932 году Е. М. Ярославский предложил Фигнер вступить в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, находившееся в теплых объятиях партии, старуха была непреклонна: «Нет!» Как можно вступать в организацию, которая одобряет смертные приговоры? Она писала, что «не зная современного метода политического расследования дел, в которых на карте стоит свобода и жизнь человека, не зная, чем вызываются признания подследственных виновности своей при полном отсутствии ее, Общество... ставится в необходимость давать резолюции, одобряющие деятельность ГПУ и, увы, дает одобрительную санкцию».

И далее – обвинения большевиков в монополизации политической власти, слова о «подъяремном большинстве, именуемом беспартийным». За такие речи тогда можно было загреметь в лагерь или дальнюю ссылку... Но Веру Николаевну не тронули. Она умерла в 1942 году в возрасте 90 лет...

Часть VII

Царствование Александра III и Николая II.

1881–1917

Александр III – «Гатчинский затворник»

Гибель Александра II стала страшной потерей для России. Несмотря на давление

консерваторов, многочисленные, казалось бы неразрешимые проблемы, появившиеся уже в ходе реформ, Александр II упорно шел вперед. Время сделало его выдающимся реформатором, который, вероятно, нашел бы способ разрешить главное противоречие между самодержавием и обществом, десятилетиями раздиравшее Россию. Александр II сумел встать над консерватизмом и радикализмом и уверенно вел страну по пути, на котором западные, либеральные ценности не входили в жестокое противоречие с русскими традициями, а самодержавие – прежде душитель всех либеральных начинаний – становилось их источником. Но судьба не дала царю продолжить этот взвешенный и перспективный курс...

После гибели Александра II на престол вступил его старший сын Александр Александрович. В день смерти отца Александр III, окруженный плотным конвоем, стремительно покинул Зимний дворец и укрылся в Гатчине, ставшей на долгие годы его убежищем. Новый император боялся покушений, сделавших кошмаром жизнь его семьи с середины 1860-х годов. По той же причине он на два с половиной года отложил коронацию в Москве. У дверей «гатчинского затворника» – так его называли в обществе – круглосуточно дежурила охрана. Одиннадцатого марта 1881 года К. Победоносцев писал своему бывшему воспитаннику, чтобы он перед сном лично запирает за собою двери, «не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной». Кроме того, следовало «непрерывно наблюдать каждый вечер перед сном, целы ли проводники замков. Их легко можно подрезать». Самодержец должен был ежевечерне сам проверять «под мебелью, все ли в порядке».

После таких советов можно поверить в слухи, будто вокруг Аничкова дворца в Петербурге, где останавливался царь, была устроена подземная галерея с электрическим освещением, чтобы бомбисты не сделали подкоп под дворец. И в самом деле, Александру III было кого бояться. В 1880-е годы не менее пяти раз народовольцы готовили покушения (среди их участников был брат Ленина, Александр Ульянов). Неудивительно, что в подобной атмосфере, при таком умонастроении Александр III жил замкнуто и нередко прикладывался к бутылке в компании со своим генерал-адъютантом. А между тем он, наследник престола, так любил жизнь и все ее наслаждения! Он был страстным рыбаком и охотником (убил десятки зубров в Беловежской пуше), много ездил, любил компанию друзей.

Н. Борель. Император Александр III.

Человек, как писал С. Ю. Витте, «совершенно обыденного ума, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования», Александр III был по-своему ярок и выразителен. Как писал знавший его Витте, в каком бы костюме он ни вошел в комнату, он не мог бы остаться незамеченным. Император «не был красив, по манерам был, скорее, медвежатый», а больше всего походил на «большого русского мужика из центральных губерний... и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно импонировал» окружающим. Он был страстный рыболов и охотник, любил хорошо выпить и вкусно закусить. Его слово было законом для всех членов разросшейся семьи Романовых. Все «шалуны» из Романовых страшно боялись Александра. Они знали, что он был нетерпим ко всяческим проявлениям «вольностей» и супружеской неверности в царской семье, считал, что первая семья России должна быть для всех образцом, примером достойного, христианского поведения. Именно поэтому он осуждал отца за связь с Юрьевской.

К. П. Победоносцев.

Действующие лица

Константин Победоносцев

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), профессор права, автор классического труда «Гражданское судопроизводство», получил прекрасное образование, служил в Сенате, был учителем будущего императора Александра III и самым большим авторитетом для него. В начале карьеры чиновника он принадлежал к либералам, но уже с середины 1860-х годов перешел в лагерь консерваторов. Во многом это было связано с впечатлением, которое произвели на него покушение Каракозова и польское восстание 1863 года. Тогда сомнения в правильности избранного властью пути закрались в головы многих людей, вначале поддержавших реформы. Победоносцев опасался, что западнические реформы приведут к разрушению традиционного уклада русской жизни, основанной на «народной вере» в царя, и всего порядка. «Как бы ни была громадна власть государственная, – писал он, – она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого на веру осознанного сознания». Честолюбивый и волевой, он сделал карьеру при Александре III, став обер-прокурором Священного синода. На этом вполне идеологическом посту он начал борьбу с призраками революции, с разрушением «сознания, основанного на народной вере», встал на путь осознанного и разумного консерватизма. Основные идеи, которые он внушал царю, заключались в том, что главным достоинством унаследованного от прошлого порядка является тесная связь верховной власти и народа, что в России «самодержавие народное», теплое, близкое душе русского народа, основанное на православии. Без самодержавия Россия не сможет жить, что оно, вместе с православием, является основой самобытной русской жизни, и эти отношения нужно сохранять во что бы то ни стало. России не нужны нововведения, земства, которые разобицают людей. Не нужны России, привыкшей к единству с государем, разные «говорильни для произнесения растлевающих речей». Победоносцев называл конституцию «великой ложью нашего времени» и считал, «уж лучше революция русская и безобразная

смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле, последняя суть яд для всего организма, разъедающий ее постоянно ложью, которую русская душа не принимает». Этих идей придерживался и новый император, как-то сказавший: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?»

При этом Победоносцев не был примитивен, как порой его изображали, хотя в его внешности, повадках было что-то необычайное, даже злоеющее, некоторым он казался страшной ночной птицей. Он был человеком бескорыстным, честным, прямым, чуждым закулисных придворных интриг. Близко стоявший к царю, он не был типичным царедворцем, не любил болтовни, роскоши. Сквозь его суровость и сухость проглядывала доброта, искренняя любовь к Александру III. Настаивая на консервации старого режима, он понимал, что его усилия тщетны, что царская власть все дальше и дальше от народа, что Россия уже вошла в роковую для нее стадию. В 1900 году он писал, что страна идет «на всех парах к конституции и ничего, никакого противовеса, какой-либо мысли, какого-либо культурного принципа нет», что Россия обречена на крах.

Как нередко бывало, наследник придерживался взглядов, противоположных отцовским. С ранних лет он был противником реформ западного толка, врагом любых институтов и начинаний, способных изменить режим неограниченного самодержавия. Да и по складу своего характера он не был, как отец, реформатором и мыслителем. Словом, с началом царствования Александр III отстранил от власти всех министров своего отца во главе с Лорис-Меликовым и резко изменил политику.

«Народное самодержавие» и ужесточение полицейского режима

Многие надеялись, что Александр III помилует во имя общего примирения убийц Александра II. Однако дело народовольцев закончилось вынесением смертного приговора. Новый император сказал, что если бы покушались на него, он бы простил, но убийц отца простить не может, и, кроме того, милосердие воодушевило бы других, новых преступников. А. Желябов, С. Перовская, Н. Рысаков, Т. Михайлов и Н. Кибальчич были публично повешены.

В стране устанавливался жесткий полицейский режим, подкрепленный «Положением об усиленной и чрезвычайной охране». В конечном счете с помощью провокаций, перевербовки революционеров, когда во главе боевиков оказался агент тайной полиции Сергей Дегаев, властям удалось переломить ситуацию, справиться с бомбистами-народовольцами. Но это не успокоило царя, он по-прежнему боялся покушений. Согласно легенде, как-то раз Александр III, неожиданно войдя в караульное помещение, увидел, как офицер стражи барон Рейтерн что-то быстро спрятал за спину, и, не раздумывая, застрелил барона. Потом оказалось, что тот прятал от царя не револьвер или бомбу, а всего лишь зажженную не к месту папиросу.

С давних пор Александр III не одобрял общее направление идей своего отца. Он был принципиальным противником политики Александра II. С первых дней царствования Победоносцев советовал царю: «Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь все разговоры о свободе слова, о своеволии сходок, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного».

С началом царствования Александра III наступила так называемая эпоха «народного самодержавия», во многом придуманная в пику западническому направлению политики Александра II. Ярким проводником идей «народного, самобытного, теплого самодержавия», связанного с народом «живым звеном» дворянства, стал издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков. Он же написал проект манифеста 29 апреля 1881 года, известный как «ананасовый» из-за высокопарных слов в нем: «А на нас возложить долг самодержавного правления».

С этого манифеста началось наступление на реформы Александра II и на всякий, даже умеренный, либерализм. Влияние Каткова было огромным; вместе с Победоносцевым и министром внутренних дел Д. А. Толстым они составляли фактически правящую в стране группировку. Благодаря им были смещены либеральные министры, введен реакционный университетский устав, который упразднил автономию университетов, стеснил условия учебы и жизни студентов.

Созвучно этим идеям переодели, точнее, «русифицировали» армию. Вместо лихой европейской униформы в армии появились так шедшие Александру III и удобные полукафтаны, шаровары, цветные кушаки, барашковые шапки, словом, как называли ее армейские офицеры, «мужицкая форма». Большинство придворных, чиновников и офицеров отпустили окладистые бороды (видел бы это Петр I!). Сам Александр III не был воинственным и кровожадным, он не любил даже ездить верхом, а когда без этого было не обойтись, взгромождался на огромного немецкого тяжеловоза. Знаменитый памятник Александру III Паоло Трубецкого был необыкновенно точен и реалистичен в передаче личности этого человека.

Установление режима «народного самодержавия» привело к усилению русификации на окраинах, разжиганию великорусского национализма. Император недолго любил иностранцев, да и своих собственных подданных из инородцев. Время Александра III ознаменовалось началом массовых еврейских погромов. Впрочем, власти сурово обходились с погромщиками и укрощали их силой оружия, потому что Александр III, несмотря на свои националистические взгляды, рассматривал погромы как антиправительственные беспорядки, как бунт. Ему приписывают высказывание:

«Когда бьют евреев – сердце радуется, но допускать этого не следует». Но общая обстановка в стране благоприятствовала росту антисемитизма. При Александре III были ужесточены условия приема еврейских детей в учебные заведения, введены ограничения для евреев на ряд профессий, а в 1891 году из Москвы были насильственно выселены почти 20 тыс. евреев.

Императрица Мария Федоровна.

Действующие лица

Мария Федоровна

Датская принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар (родилась в 1847 году) была невестой наследника престола – великого князя Николая Александровича, старшего сына Александра II. Они познакомились в 1864 году и были помолвлены. Однако тот еще до свадьбы неожиданно заболел и умер в Ницце весной 1865 года (от последствий падения с лошади). В Ницце, у тела своего жениха, Дагмар познакомилась с младшим братом покойного, Александром. Дагмар писала отцу о последних часах Николая, который перед смертью пришел в себя и узнал свою невесту: «Никогда, никогда я не смогу забыть взгляд, которым он посмотрел на меня, когда я приблизилась к нему...». И далее она пишет о младшем брате покойного: «...Саша, который любил его так возвышенно и не только как брата, но и как единственного и лучшего друга». На Александра, ставшего после смерти старшего брата наследником престола, Дагмар произвела сильное впечатление, и он попросил отца написать в Копенгаген с предложением руки и сердца Александра. Ответ был положительный, и в 1866 году цесаревич приехал в Данию. Объяснение, точнее, ответ Дагмар на предложение Александра, было скорым и даже бурным для северянки. Сам Александр так описывал происходившее:

«...Тогда я решаюсь начать и сказал ей: говорил ли с Вами король (отец принцессы Христиан IX – Е. А.) о моем предложении и о моем разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня... Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее...».

В сентябре 1866 года Дагмар впервые высадилась на русскую землю и вскоре приняла православие, став Марией Федоровной, а в октябре венчалась с Александром. Женищина хотя и не особенно красивая, но изящная, всегда элегантно и со вкусом одетая, умная, веселая, Минни (так ее звали дома, у родителей, так ее называл и муж) была счастлива в семейной жизни, родила шестерых детей и не расставалась с мужем – они вместе ездили даже на медвежью охоту. Александр III и Мария Федоровна были замечательной парой, отношения которой никогда не омрачались – так крепко они любили друг друга и до конца сохранили нежные чувства и верность. Правда, ей было непросто привыкнуть к России, к особенностям церемонной жизни русского императорского двора. Это так отличалось от простой, либеральной и сердечной жизни Фреденсборга – датской королевской резиденции. Не раз она спорила с мужем, который, такой ласковый и добрый к ней, проявлял грубость к окружающим их людям. Да и впоследствии, в царствование сына Николая, в Марии чувствовался либеральный дух Фреденсборга, шла ли речь о симпатиях к С. Ю. Витте или о защите автономии Финляндии, которую стал грубо нарушать ставленник Николая генерал-губернатор Н. И. Бобриков. И все же письма, которыми обменивались супруги, до сих пор излучают тепло их взаимной любви, полны забот друг о друге, ожиданий скорой встречи. Мария Федоровна была женщиной доброго, кроткого характера. Вместе с тем она обладала умом, волей, интересом к политике. Император ценил жену и часто советовался с ней о делах внешней политики, так как многие из этих дел касались как семьи Романовых, так и родственных коронованных семей Европы: сестра Марии Федоровны, Александра, была замужем за наследником английского престола принцем Эдуардом (он стал королем в 1901 году). Их брат Вильгельм вступил на греческий престол под именем короля Георга I. Правда, в общении с женой на политические темы царь в одном бывал настороже: Минни, при всей ее мягкости и кротости, никогда не могла скрыть своей нелюбви к пруссакам, Германской империи вообще, которая жестоко обидела маленькую Данию, отобрав у нее ряд важных территорий. Позже, с началом Первой мировой войны она уже не церемонилась в выражении

своих чувств: «В течение пятидесяти лет я ненавидела пруссаков, но теперь питаю к ним непримиримую ненависть».

Мария Федоровна родила шестерых детей, из которых выжили пятеро. В 1868 году родился сын Николай (будущий Николай II), в 1869 году – Александр (умер в два года), а потом родились Георгий, Ксения, Михаил. Последней появилась на свет Ольга. Семья была дружная, в ходу были домашние прозвища, подчас забавные. В переписке супруги называли друг друга «душка Саша», «моя душка Минни». Николай был «Ники», Георгий – «Жоржи», Михаил – «Мишкин», Ольгу, а до этого рано умершего Александра, звали «Бэби». Вслед за своим мужем она крайне недоброжелательно относилась к морганатическому браку Александра II с княжной Долгорукой (княгиней Юрьевской) и в этом даже превзошла своего мужа, который открыто перечить отцу не смел. Даже после того, как Александр повенчался с Юрьевской и пытался наладить мир в семье, Мария ни за что не хотела, чтобы ее дети даже близко подходили к детям императора от Юрьевской. Как она рассказывала одной из придворных, «у меня их крали как бы между прочим, пытаюсь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками». А речь, в сущности, шла только о совместных играх детей в свободное дачное время. «И тогда – с пафосом рассказывала Минни, – я поднялась как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мною и государем разыгрались тяжелые сцены». Как известно из других источников, на самом деле конфликт разрешился тем, что император как-то раз устроил невестке головомойку, и она попросила у него прощения и подчинилась его воле.

После смерти мужа, став вдовствующей императрицей, она не сумела найти общий язык с женой сына Николая II Александрой Федоровной. Почти сразу же между ними возникла неприязнь. Как считали многие, вдовствующая императрица играла слишком большую роль при сыне-императоре, заслоняя собой невестку. И это отражалось даже в придворном церемониале: на императорских выходах в первой паре обычно выступали император с матерью – вдовствующей императрицей, а «действующая» императрица шла во второй паре с кем-либо из великих князей. Как писал брат Александры Федоровны герцог Эрнст-Людовиг, «императрица Мария была типичной свекровью и императрицей. Должен сказать, что Аликс, с ее серьезным и твердым поведением, была нелегкой невесткой для такой честолюбивой свекрови... Ники, со своим тонким чувством такта, все время пытался найти какой-то *modus vivendi*, но всякий раз не мог преодолеть железную волю своей матери».

Несомненно, Александра Федоровна завидовала популярности свекрови, ее влиянию в придворной среде и в обществе, и между женщинами, в сущности, шла борьба за влияние на Николая – человека слабого и скрытного. Мария, несомненно, пыталась навязывать свою волю сыну, корректируя его политику в более либеральном духе, чем тот, который был характерен для окружения царя. Исследователи считают, что во многом благодаря Марии Федоровне осенью 1905 года царь сделал председателем Совета министров Витте, которого она считала «гениальным человеком с ясной головой». Это привело к важным политическим реформам. Но примерно с 1905 года влияние Марии на сына начинает ослабевать, и Николай безраздельно подпадает во власть своей Александры Федоровны, что сказалось на общем духе николаевского царствования последних лет. Как и многие другие здравомыслящие люди, вдовствующая императрица пытается бороться с влиянием Распутина на царскую семью. Это, в свою очередь, приводило к обострению отношений с невесткой и охлаждению отношений с сыном. Так, несмотря на протесты Марии Федоровны, следуя советам жены и Распутина, император в 1915 году берет на себя верховное главнокомандование. В своем дневнике она пишет: «Он совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране». Действительно, дальнейшее развитие событий показало ошибочность этого шага для репутации монархии и государя. Впрочем, можно понять и Николая, который – далеко не юноша – уже тяготился советами матери, ее претензиями и протестами. Она же поступала, как ей

казалось разумно, исходя из эсхатологической логики, типичной для любящих и властных матерей. В начале 1914 года она говорила министру финансов В. Н. Коковцеву:

«Поймите меня, насколько я страшусь за будущее и какие мрачные мысли владеют мною. Моя невестка не любит меня и все думает, что у меня какое-то ревнивое отношение к моей власти. Она не понимает, что у меня одно желание – чтобы мой сын был счастлив, а я вижу, что мы идем верными шагами к какой-то катастрофе и что государь слушает только льстецов и не видит, что под его ногами нарастает что-то такое, чего он еще не подозревает».

Теперь мы, конечно, не знаем, можно ли было спасти Россию и династию, следуя советам вдовствующей императрицы, но уже точно знаем, что следование советам Александры Федоровны блага стране и династии не принесло...

Как катастрофу пережила вдовствующая императрица отречение сына от престола. После разговора с сыном в Могилеве 3 марта 1917 года она писала дочери Ксении: *«Everything too sad, not be believed. My hearts bleeds (Все слишком ужасно, надеяться не на что. Мое сердце кровью обливается)».* И хотя последнее высказывание 70-летней женщины нужно понимать фигурально, горе ее было вполне искренне.

Мария Федоровна намного пережила не только мужа, но всех (кроме дочери Ксении) своих детей, многих внуков и закончила жизнь в 1928 году в Дании. От большевиков ее спасли англичане, вывезя из Крыма в 1919 году на специально присланном крейсере «Мальборо». При этом императрицу пришлось долго уговаривать. Несмотря на месяцы домашнего ареста и непосредственную угрозу жизни, она не хотела покидать Россию, для нее уже давно не было другой родины. Фотоаппарат донес до нас ее облик в тот момент, когда она в апреле 1918 года вступила на борт «Мальборо»: одинокая миниатюрная фигурка на фоне орудий главного калибра. Она в черном дорожном платье, ее лицо непривычно замкнуто, руки заложены за спину. Она неотрывно смотрит скорее всего на удаляющийся за горизонт крымский берег. Навсегда покидая Россию, она, вероятно, испытывала те же чувства, что и в 1888 году, в день страшной катастрофы царского поезда под Борками. Тогда она написала брату, что сразу после крушения поезда «был самый ужасный момент в моей жизни, когда... я поняла, что я жива, но что около меня нет никого из моих близких. Ах! Это было очень страшно». Но тогда произошло чудо – все близкие ее остались живы. В 1919 году чудо не повторилось...

Союз с Францией

Александр III вошел в официозную историю России как «Миротворец». Отчасти это объяснялось осторожностью и невоинственностью государя, отчасти тем, что он умел найти компромиссы, не увязая в тягостных для России союзах. Но все-таки поиск союзников был главной проблемой России при Александре III, как и при его отце. Берлинский конгресс, которым закончилась Русско-турецкая война, не принес дипломатических успехов России, а расчет на то, что пролитая во имя славян русская кровь позволит заправлять на Балканах, не оправдался. Отношения с Румынией, Сербией, а потом и с Болгарией испортились. В итоге болгарским князем (царем) стал Фердинанд Кобургский, сторонник Австро-Венгрии и Германии. Сначала возлагали большие надежды на дружбу с Германией. В 1881 году был заключен Союз трех императоров (России, Австро-Венгрии и Германии). Но дружба не удалась из-за торгового соперничества стран и из-за недружественной для России позиции Германии на Балканах, где Германия имела более близкого, но враждебного России союзника – Австро-Венгрию. К концу 1880-х годов союз существовал только на бумаге, и Россия волей-неволей стала искать сближения с республиканской Францией, заинтересованной в антигерманском союзе с любой сильной державой. В 1891 году Александру III пришлось стоя выслушать ненавистную всем монархам и монархистам

«Марсельезу». Французская эскадра с дружеским визитом прибыла в Кронштадт, где ее торжественно встречал царь.

Союз с Францией стал на долгие годы основой европейской политики России. Союз был полезен и для Франции – Россия сумела дважды удержать Германию от нападения на Францию, за что французы были благодарны Александру III. Памятником заключенного в 1893 году франко-русского союза является открытый тогда же в Париже мост Александра III.

Экономическая политика

Неудивительно, что и экономическая политика правительства Александра III состояла во многом в ревизии реформ 1860-х годов и выработке экономической доктрины «народного самодержавия», основанной на усилении власти государства во всех сферах. Это привело к усилению контроля за земствами и другими выборными органами. Однако влиятельному министру финансов либералу Н. Х. Бунге долго удавалось сохранять свое место и проводить реформы. Благодаря ему в России было принято необходимейшее в условиях развития капитализма фабрично-заводское законодательство, он стал и «отцом» налоговой реформы. При нем отменили введенную еще в 1724 году и уже давно ставшую архаичной подушную подать. Бунге пытался добиться и отмены паспортной системы, мешавшей передвижениям рабочей силы.

Однако с заменой Бунге ставленником Каткова, И. В. Вышнеградским, идея об усилении роли государства в экономике стала главенствующей. Был принят протекционистский таможенный тариф, что привело к росту доходов от пошлин в казну. Власти регулировали хлебные тарифы, контролировали банковскую деятельность. Изменилась железнодорожная политика: частные дороги стали выкупать в казну, повысили доходность казенных дорог. Их акции выросли в цене. Политику Вышнеградского продолжил С. Ю. Витте, в 1892 году сменивший его на посту министра финансов.

Дворянство и буржуазия

Отмена крепостного права и другие либеральные реформы не могли не повлиять на социальную структуру русского общества и, в особенности, на дворянство. Оно сыграло огромную роль в развитии русской государственности, военного дела, а также культуры и вообще в расцвете интеллектуальной жизни страны в XIX веке. Из среды дворянства вышли большинство просветителей, крупных коллекционеров, меценатов, собирателей, немало художников, архитекторов, артистов. Великая русская литература на значительном отрезке своей истории в XVIII–XIX веках была почти исключительно дворянской.

Дворяне составили и основу русской интеллигенции, которая формировалась в это время и в которую они входили по призванию, желая «послужить народу» в качестве земских врачей, учителей, инженеров. Из среды дворянства вышли первоначально большинство революционеров. Именно дворянство первым впитало идеи Просвещения и Французской революции, составляло тайные общества декабристов, интеллектуальные кружки 1830–1850-х годов. Из среды дворянства (в том числе высшего) вышли выдающиеся реформаторы времен Александра II. Тем не менее революционные организации «Земли и воли», «Народной воли», а потом и марксистские кружки включали в себя немало дворян, порвавших со своим классом. Самым ярким примером стал дворянин Владимир Ульянов (Ленин).

И хотя многие русские мыслители первой половины XIX века (в том числе и А. С. Пушкин) считали дворянство главным источником интеллектуальных сил, оплотом чести и опорной силой государства, время дворянской исключительности с середины XIX века начало проходить. Да уже и в конце XVIII века в жизни русского общества усиливается влияние новой прослойки – так называемых «разночинцев», выходцев из разных слоев русского общества. Талантливые, способные дети священников, купцов, солдат, крестьян,

«иногородцев» выбиваются наверх, начинают играть все более заметную роль в интеллектуальной, культурной и даже политической жизни страны. В рассматриваемую эпоху более приспособленные, чем дворяне, к жестоким условиям борьбы за выживание, получив образование в России и за границей, они становятся ведущими инженерами, литераторами, формируют новую интеллектуальную элиту России, приобретают экономическую независимость и богатство.

Впрочем, отмена крепостного права привела не только к упадку дворянства, не только к вымиранию дворянских гнезд и семей, но и стала стимулом для развития и обновления русского дворянства второй половины XIX – начала XX века. Лишенные доходов с крепостных, наиболее способные дворянские отпрыски устремляются получать образование. И уже к концу XIX века они успешно конкурируют с разночинцами в самых разных профессиях – от инженеров и врачей до издателей и литераторов. Доля выходцев из дворян среди деятелей русской культуры Серебряного века весьма значительна, а влияние огромно.

Не были лишены дворяне по происхождению и предпринимательской жилки. Постепенно из самых разных слоев прежнего феодального общества формируется буржуазия. В XVIII веке ее развитие тормозила политика власти, которая, с одной стороны, всячески поощряла предпринимательскую деятельность с помощью бесплатной передачи промышленникам земель, недр, даже крепостных крестьян, но, с другой стороны, всячески регламентировала их предпринимательскую деятельность, препятствуя конкуренции и развитию свободного рынка товаров и рабочих рук. В итоге длительное время после петровских реформ, которые на первый взгляд привели к невиданному бурному развитию промышленности, к своеобразной «индустриализации» страны, русская буржуазия по осознанию своего места в обществе, своей силы не поднималась над уровнем купцов. Русские предприниматели XVIII – первой половины XIX века были либо носителями сознания купечества с его узкими требованиями, либо стремились получить дворянство и слиться с правящим классом. Такова судьба талантливых предпринимателей XVII–XVIII веков Строгановых и Демидовых, уже во втором-третьем поколении утративших традиции и образ мышления своих предприимчивых предков.

Но такое положение постепенно меняется. Бурное развитие капитализма во второй половине XIX века благоприятствует внедрению людей недворянского происхождения, разночинцев, купцов в предпринимательство, промышленное и железнодорожное строительство, банковское дело. Владельцы крупнейших банкирских домов России этого времени братья Рябушинские были выходцами из старообрядцев, бароны Гинцбурги, «железнодорожный король» Самуил Поляков происходили из традиционных еврейских семей. Вообще, развитие банковского капитала было решающим для расширения производства. Первые банки в Петербурге появились при императрице Елизавете Петровне. Уже тогда определились два главных направления банковской деятельности – поддержка купечества и предпринимателей и поддержка дворянства для сохранения ими землевладения.

Однако, как и в других областях жизни, переломными для банковского дела стали 1860-е годы. Главной особенностью перемен тех лет стало образование множества частных, акционерных банков и банкирских домов, ориентированных на кредитные операции, разнообразное финансирование промышленного, железнодорожного строительства и торговли (преимущественно за счет акционирования). Во множестве возникали вексельные конторы, общества взаимного кредита, сберегательные кассы, ссудные палаты и другие финансовые учреждения, которые строили новые здания, сверкающие зеркальными стеклами и поражающие изысканной отделкой.

По-прежнему играла важную роль основанная в 1703 году Биржа, которая несколько раз меняла свое местонахождение, пока в 1816 году не въехала в знаменитое новое здание на Стрелке Васильевского острова. В 1910 году Биржа разделилась на Фондовую и Товарную. Обе были закрыты в 1917 году.

Формировавшаяся в России буржуазия была во многом нерешительна, послушна власти, от которой в российских условиях во многом зависело ее благосостояние.

Здание Биржи в Санкт-Петербурге.

Но постепенно, по мере развития капиталистических отношений в стране, роста богатств буржуазии, увеличения ее возможностей влиять на экономику и политику, возникала некая «критическая масса» требований и чаяний буржуазии, что в годы деятельности Государственной думы (1905–1917) вылилось в довольно четкие идейные программы, в образование буржуазных партий, выдвижение лидеров, сыгравших свою важную роль в ходе революции.

Политические процессы отражали сдвиги в экономике. В течение всего XIX века экономическое развитие страны не было равномерным. С одной стороны, открывались новые фабрики, многие из которых впоследствии составили славу русской промышленности (только в Петербурге: 1841 год – рояльная фабрика Я. Д. Беккера, 1842 год – ювелирная фирма Фаберже, 1856 год – Балтийский судостроительный завод, 1857 год – Металлический завод). Но, с другой стороны, на развитии промышленности отражался общий кризис, в который к середине XIX века вошла страна. Кризис был обусловлен консервативной политикой правительства Николая I. Конечно, и при нем на русские предприятия завозили из Англии новую технику, использовали паровые машины. Однако той бурной промышленной революции, которую в это время переживали Англия, Франция и другие страны Европы, Россия не знала. Только после поражения в Крымской войне, с началом реформ Александра II стали происходить коренные перемены в экономике. В 1860-х годах промышленное и торговое строительство переживало необычайный подъем. Особенно заметно это сказалось на текстильной и тяжелой промышленности. В 1862 году был основан завод Людвиг Нобеля (сейчас – завод «Русский дизель»), в 1868 году инженер Н. И. Путилов купил казенный чугунолитейный завод и превратил его в передовое по тем временам предприятие – Путиловский завод (ныне Кировский). В Петербурге, Москве, на Урале, в других местах одно за другим возникали самые разные предприятия тяжелой и легкой промышленности, многочисленные торговые фирмы и дома, кредитные товарищества, акционерные и страховые общества и т. д. Петербург почти сразу же стал городом машиностроения, а потом

электротехнической, химической и других развивающихся отраслей промышленности. Особенно высокие темпы промышленного строительства заметны в 1900–1913-е годы. Развитие капитализма в России во второй половине XIX века, появление обширного рынка наемной силы, свободных капиталов, активного промышленного строительства, многих весьма сложных машин, без которых было уже невозможно промышленное производство, – все это вело к формированию рабочего класса. В 1880-е годы были приняты основы трудового законодательства. Постепенно к 1910-м годам в крупных промышленных центрах сложился квалифицированный рабочий класс, появилось и оформилось профсоюзное движение, началась вечная борьба предпринимателей и наемных рабочих за изменения условий найма. В конце XIX – начале XX века возникло немало благотворительных и просветительских организаций, «воскресных» и иных школ, способствовавших просвещению рабочих, формированию у них собственного представления о своем месте в обществе. В среде рабочих выделяется «рабочая аристократия» – наиболее квалифицированные, опытные рабочие и мастера, которые жили не хуже служащих. Но таких рабочих было весьма мало. Россия тогда не была индустриально развитой страной; большую часть рабочих составляли недавние выходцы из деревень, порой тесно связанные с землей, приносившие в город типично крестьянскую психологию, далекую от психологии настоящего пролетария – наемного рабочего не в первом поколении. Именно эта масса и стала в годы революции движущей силой и одновременно орудием в борьбе радикальных политических партий за власть.

Женский вопрос XIX – начала XX века

Положение женщины в русском обществе с началом XIX века переменялось. Эпоха Просвещения XVIII века не прошла даром для женщин наступившего века. Борьба за равенство просветителей имела прямое отношение к женщине, хотя многие мужчины по-прежнему были далеки от мысли об истинном равенстве с женщиной, на которую смотрели как на существо неполноценное, пустое. Жизнь светского общества была тесно связана с литературой, модным поветрием в которой был в то время романтизм. Женский характер, помимо отношений в семье, традиционного домашнего образования (только единицы попадали в Смольный институт) формировался за счет романтической литературы. Можно сказать, что светскую женщину пушкинской поры создали книги. Романы были некими самоучителями тогдашней женщины, они формировали новый женский идеальный образ, которому, как моде на новые наряды, следовали и столичные, и провинциальные дворянские барышни. На смену женскому идеалу XVIII века – пышущей здоровьем, дородной, полной красавицы, – приходит бледная, мечтательная, грустная женщина романтизма «с французской книжкой в руках, с печальной думой в очах». Ради того, чтобы выглядеть модной девицы томили себя голодом, месяцами не выходили на солнце. В моде были слезы и обмороки. Реальная жизнь, как и здоровье, деторождение, материнство, казалась «вульгарной», «недостойной» истинной романтической девицы. Следование новому идеалу подняло женщину на пьедестал, началась поэтизация женщины, что, в конечном счете, способствовало повышению общественного статуса женщины, росту истинного равенства, что и продемонстрировали вчерашние томные барышни, ставшие женами декабристов.

Вместе с тем XIX век – это время флирта, значительной свободы светских женщин и мужчин. Брак не является святыней, верность не рассматривается как добродетель супругов. Каждая женщина должна была иметь своего кавалера или любовника. На смену «петиметру» – моднику и ловеласу XVIII века – приходит кавалер, копирующий поведение Дон-Жуана. Из дневника приятеля А. С. Пушкина А. Н. Вульфа видно, что любовные приключения для него важны как свидетельства его полноценности и значимости, власти, независимости, легкости, с которой он овладевает женщиной. Вульф упивается умением владеть «искусством страсти нежной», но при этом глубоко не увлекается никем, прагматично

замечая, что «связь с женщиной гораздо выгоднее, нежели с девушкой... начав пустыми нежностями... можно надеяться скоро дойти до сущего».

Светские замужние женщины пользовались большой свободой в своих отношениях с мужчинами (кстати, обручальные кольца носили сначала на указательном пальце, и только к середине XIX века оно появилось на безымянном пальце правой руки). При соблюдении всех необходимых норм приличий они не ограничивали себя ничем. Как известно, «гений чистой красоты» Анна Керн, оставаясь замужней женщиной, выданной некогда за пожилого генерала, вела отдельную от него, фактически независимую жизнь, увлекаясь сама и влюбляя в себя мужчин, среди которых оказался А. С. Пушкин, а к концу ее жизни – даже юный студент.

Наметившаяся свобода женщины света в русском обществе проявилась и том, что в XIX веке, начиная с войны 1812 года, многие светские девицы превратились в сестер милосердия, вместо балов щипали корпию и ухаживали за ранеными, тяжело переживая постигшее страну несчастье. Так же они поступали и в Крымскую войну и во время других войн. После подавления восстания 1825 года жены сосланных на каторгу государственных преступников добровольно, сознательно пошли на утрату своего прежнего высокого статуса, разлуку с родителями и даже детьми и все ради того, чтобы разделить и облегчить судьбу своих мужей в сибирской ссылке. Это сочувственно воспринималось обществом. Так получилось, что в тяжелую николаевскую эпоху женщины были даже свободнее мужчин, скованных страхом перед грозной властью. Салоны в Петербурге и Москве были местом относительной свободы, дружеского, откровенного общения.

Среди женщин появилось немало образованных, интеллектуальных особ, бывших душой своих салонов, в которых собирались писатели, артисты. Такой салон был у Авдотьи Панаевой, жившей в одном доме со своим мужем Иваном Панаевым и поэтом Н. А. Некрасовым, бывшим ее сожителем. В доме Панаевых в 1840–1850-е годы бывало столько выдающихся деятелей литературы (Н. Некрасов, И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский), что там шутили: если рухнет потолок, то погибнет весь цвет русской литературы.

С началом реформ Александра II в 1860-е годы изменилось отношение к женщине вообще. В России начинается долгий и мучительный процесс эмансипации. Из женской среды, особенно из числа дворянок, вышло немало решительных, отважных женщин, которые открыто рвали со своим окружением, семьей, традиционным укладом, отрицали необходимость брака, семьи, активно участвовали в общественной, научной и революционной деятельности. Среди них оказались такие «нигилистки», как Вера Засулич, Софья Перовская, Вера Фигнер и многие другие, входившие в революционные кружки, участвовавшие в известном «хождении в народ» в 1860-е годы, затем ставшие участницами террористических групп «Народной воли», а потом и эсеровских организаций. Женщины-революционерки были порой мужественнее и фанатичнее своих собратьев по борьбе. Они, не колеблясь, шли убивать крупных сановников, терпели издевательства и насилия в тюрьмах, но оставались совершенно непреклонными борцами, пользовались всеобщим уважением, становились лидерами.

Для женщин из демократической, революционной среды стало типичным эпатажное поведение, презрение к обычному поведению светской женщины, а тем более так называемой «кисейной барышни». Считается, что этот тип женщины и девушки впервые описал Н. Г. Помяловский в романе «Мещанское счастье»:

Легкие, бойкие девушки любят сентиментальничать, нарочито картавить, хохотать и кушать гостинцы... И сколько у нас этих бедных кисейных созданий... Читали Марлинского, пожалуй, и Пушкина читали; поют «Всех цветочков боле розу я люблю» да «Стонет сизый голубочек»; вечно мечтают, вечно играют...

Они старались одеваться небрежно, коротко стриглись, носили синие очки, красную рубашку – «гарибальдийку», курили, старались добиться во всем равенства с мужчинами. Если порой это выглядело смешно, то гораздо серьезнее было пробудившееся в женской среде желание учиться, заниматься общественно полезными профессиями. Известно, что еще

во времена Екатерины II в Петербурге был открыт Смольный институт благородных девиц, в котором женщины могли получить образование. Но это образование не предполагало участия женщины в общественных профессиях. По-настоящему массовым образование стало только после 1862 года, когда возникли первые четыре казенные женские гимназии. Там училось свыше 1000 учениц. Наряду с казенными гимназиями стали развиваться частные, в которых было больше свободы, инициативы, были отменены наказания. Общество стало иначе относиться к женщинам, искавшим признания в труде фельдшера, акушерки, телеграфистки, бухгалтера, учительницы. Этим профессиям стали учить в специальных школах, на курсах, приравненных к университетам. Женщины пытались не только овладеть обычными профессиями мужчин, но и прорваться в бизнес. Так, в 1863 году в Петербурге возникла первая и единственная в истории русского издательского дела женская переводческая и издательская артель Марии Трубниковой и Надежды Стасовой. Сначала Трубникова принимала активное участие в организации воскресных школ для рабочих, потом образовала кружок таких же, как она, самостоятельных, проникнутых идеями эмансипации женщин. Они и решили начать издавать книги, вникая во все тонкости этой работы. Первой книгой артели, устав которой власти отказались регистрировать, стали сказки Андерсена, а потом – бывшая особенно популярной тогда книга Г. Вагнера «Натуралист на амазонской реке». Кроме типографии, были образованы общество переводчиц, женская переплетная мастерская. Затевая это дело, женщины, вошедшие в сообщество Трубниковой, стремились утвердить за собой право на труд и, что особенно важно, материальную независимость. Эта тенденция стала характерной для жизни России второй половины XIX века. Все больше женщин не только из народа, но и из «общества» шли работать в конторы, швейные мастерские, в библиотеки, книжные магазины.

Новое положение женщины в русской жизни (или, по крайней мере, ее амбиции и желания) неизбежно влияли на повседневность, исподволь меняли статус женщины в глазах мужчины, общества вообще, и это нашло отражение в различного рода пособиях для молодежи. Их примечательно сравнить с положениями «Юности честного зеркала» петровских времен.

Заглянем в источник

Вот выдержка из одного подобного пособия.

«Практическое руководство для дам и мужчин» 1896 года: «Большинство дам получает менее основательное воспитание, чем мужчины, они более поверхностны, менее серьезны и легче утомляются; прекрасный пол предпочитает оживленный обмен мыслей и не любит углубляться в какой-нибудь предмет; веселая, шутливая болтовня приятнее женщинам сухих методических рассуждений. Поэтому если мужчина не хочет надоесть им и показаться педантом, то он должен приспособить свой разговор к этим особенностям их характера... Не следует также вдаваться в другую крайность, вступая с дамами в разговор о незначительных мелочах, чуждых мужчине. Мужчина, который вздумает нравиться дамам, толкуя с ними о чисто женских делах, например, о кухне и туалетах, ничего не выиграет этим, а поэтому покажется неинтересным кавалером. Ошибочно было бы подводить весь женский пол под одну мерку. Есть много молодых девушек, которые интересуются и серьезными вещами, а потому бывают очень довольны, если мужчины заводят с ними более содержательный разговор. Для девушки умной и желающей расширить свой умственный кругозор составляет величайшее удовольствие, когда мужчина в разговоре с нею показывает, насколько он ценит ее ум и считает ее способной заниматься серьезными вопросами...

...Большинство мужчин без того склонны считать женщин ограниченными в умственном отношении, пустыми, аффективными, мелочными, поэтому женщин, которые дорожат своим достоинством, не следует укреплять в этом мнении своею манерою вести беседу. Мы советуем молодым девушкам, чтоб они давали себе труд принимать участие в таких разговорах, которые лежат

несколько дальше обыденной сферы мышления, побеждали бы свою робость и показывали обдуманноими вопросами, что предмет беседы доступен их пониманию... Для мужчины нет худшего разочарования, как заметить в своей собеседнице небрежное отношение к тому, что он с жаром излагает ей...

Многие мужчины недолюбливают ученых женщин, так называемых «синих чулок», и, разумеется, преимущественно те, которые сами недалеки в науке. Ни один мужчина не простит женщине неприятного сознания, что наряду с ней он кажется невежественным и ничтожным. Поэтому лучше обнаруживать свои познания в тех случаях, когда вы уверены, что они будут оценены по достоинству... В разговоре с мужчинами молодым девушкам следует избегать рассуждений о чувствах, о любви и любовных отношениях, а тем более им не надо самим избирать таких тем, потому что никогда нельзя знать – какой оборот примет беседа на такой скользкой почве... Вместо лести молодой девушке скорее позволительно противоположное. Маленькие колкости из прекрасных уст по большей части нравятся мужчинам, и пикантный спор они почти всегда предпочитают безусловному поддакиванию своим мнениям. Итак, маленькой остроумной пикировкой с мужчиною вы только можете выиграть в его глазах. Напротив того, бессердечное осуждение других, в особенности молодых девушек – своих сверстниц, которым в глаза вы показываете лицемерное дружелюбие, беспощадное раскрытие их недостатков, злорадное высмеивание их слабостей и бесцеремонный разбор всех мелочей в их быту, любопытное выслеживание чужих дел, распространение сплетен, дошедших до ваших ушей, – все это лишь унижает вас во мнении мужского пола. Но доброта сердца, благородство чувств трогают и очаровывают мужчину, хотя бы даже он сам и не обладал этими качествами».

Несмотря на очевидные успехи, идея женского образования официального признания не получила. Университетский устав 1863 года вообще запрещал женщинам входить в университетскую аудиторию. Поэтому многие женщины ехали учиться за границу – в Швейцарию, Францию, Италию. Однако правительство предписало всем женщинам-студенткам вернуться в Россию. Попытки разрешить женщинам учиться в университете наряду с мужчинами даже в начале XX века воспринимались в правительственной среде с подозрением. С. Ю. Витте писал по вопросу о женском образовании: «Это было бы лучшим способом вконец революционизировать высшую школу, так как женщины являются носительницами и вдохновительницами разрушительных идей, как только они вкусят от науки, и потому будут считать себя “развитыми”, а вследствие этого и обязанными быть “передовыми” и врагами всякой “рутины” и “отсталости”».

В сущности, до революции женщины так и не добились общего с мужчинами права на образование. Лишь с 1911 года их стали допускать в университеты в качестве вольнослушательниц, а с началом Первой мировой войны им разрешили получать высшее медицинское образование, но и то отдельно от мужчин. Поэтому жизнь заставляла создавать параллельную систему женского образования, повышая ее уровень. В 1872 году на частные пожертвования открылись Высшие женские врачебные курсы. Там учились молодые женщины из малообеспеченных семей, жившие в крайней бедности. Для многих из них обучение на курсах было единственным шансом вырваться из привычной тягостной обстановки. И хотя сам вид стриженной, нацепившей на нос очки «курсистки», одетой «как попало» (отсюда кличка «синий чулок»), вызывал насмешки у противников женского образования, многие профессора Военно-медицинской академии, а также такие гении русской науки, как Менделеев и Сеченов, понимали значение этого учреждения и безвозмездно вели занятия на женских курсах. Пример врачебных курсов оказался удачен, и в 1878 году в Петербурге открылись высшие женские общеобразовательные Бестужевские курсы с тремя отделениями – естественным, физико-математическим и словесно-историческим. Такие же курсы открылись во многих городах. В 1910 году на курсах училось свыше 5 тыс. женщин, причем треть из них происходила из мещан, рабочих и крестьянства. Ни до, ни после более известного своим высоким уровнем подготовки

специального женского учебного заведения в России не было. Начало XX века ознаменовано подлинным прорывом в образовании женщин. Помимо многих высших женских курсов, где готовили воспитательниц, руководительниц физического воспитания, учительниц, женщины прорываются в университеты и институты на правах вольнослушательниц, а в 1911 году получают право сдавать экзамены для получения университетского диплома. В 1914 году в технических вузах было 7% женщин – доля огромная для того времени, ведь противники женского технического образования говорили, что женщина не может быть архитектором, так как ей «взбираться по лестницам трудно при длинных юбках».

Жилище

Городской особняк во второй половине XIX века перестал быть обиталищем только дворянства. К середине XIX века в особняках начинают селиться не только дворяне, но и состоятельные инженеры, врачи, художники, артисты. Таким был особняк балерины Матильды Кшесинской, построенный А. И. Гогеном в самом начале XX века в модном стиле модерн. Знаменитый архитектор Р. Ф. Мельцер построил в Петербурге, на Каменном острове, особняк в стиле модерн. Создатель дал волю своей фантазии, и его многоэтажный особняк напоминает древние шведские постройки, в нем изящно сочетаются разные материалы: гранит, дерево, кирпич. К концу XIX века городские особняки стали компактнее, условия жизни улучшились: появились водопровод, канализация, электричество. С отменой крепостного права в городских домах меньше стало двора, появилась немногочисленная наемная прислуга, кухня стала размещаться под крышей особняка. Бельэтаж сохраняет функцию публичной зоны, здесь принимают гостей; порой хозяева дома – адвокаты и врачи – здесь ведут прием клиентов и больных. Семьи же начинают селиться в верхних этажах. Тут располагаются уютные спальни, детские, гардеробные. Полуподвальный этаж занимает прислуга, здесь размещаются хозяйственные помещения.

Во второй половине XIX века многие состоятельные люди стали занимать обширные квартиры в так называемых «доходных домах», которые обычно сдавались им в наем. И хотя такие жилища в крупных городах появлялись уже в XVIII веке, расцвет строительства доходных домов наступил во второй половине XIX века с развитием капитализма, когда потребность в рабочей силе привела к увеличению населения в городах, росту цен на землю, превращению домовладения в выгодный бизнес. Огромные многоэтажные, примыкающие друг к другу дома стали заполнять улицы крупных городов. Внешне их оформляли в каком-нибудь известном стиле – классицизме, барокко, модерне. В таких домах было несколько типов квартир. Дорогие, комфортабельные квартиры для богатых людей (независимо от их социального статуса) располагались в бельэтаже. Порой они занимали целый этаж, имели десятки комнат, зимний сад. Но все же основную массу квартир в бельэтаже занимали люди среднего достатка – адвокаты, врачи, инженеры, офицеры, предприниматели, профессора. К их квартирам вели чистые, украшенные витражами лестницы, на которых стали ставить электрические лифты, сидели швейцары и лифтеры. Обычно в таком доме была и вторая («черная») лестница. По ней ходила прислуга, таскали дрова, выносили помой. В таких домах был водопровод, ватерклозет, электричество, паровое отопление от своей котельной. Не было только горячей воды – для ванны и душа воду грели в дровяной колонке.

Вид дома генерал-губернатора в Москве.

Особенностью доходных домов было то, что в них жили люди разного достатка. Полуподвалы, верхние этажи занимала беднота. Сюда она переселялась из прежних, со времен XVIII века, деревянных домиков, которые сносили, чтобы строить доходные дома. Если дорогие квартиры располагались в домах, находившихся в центре города, то доходные дома ближе к окраинам уже не имели таких роскошных квартир. Бельэтаж занимали люди победнее обитателей центра, совсем бедняки селились в полуподвалах, на верхних этажах, под самой крышей, куда вела узкая, грязная, зловонная лестница, заваленная рухлядью. На чердаке устраивались мансарды – помещения, потолок которых образовывали скаты крыши, отчего он был скошенным. В мансардах было много света и воздуха, но летом было душно от разогретой крыши, а зимой холодно, нередко крыши и протекали. Здесь селились студенты, бедные чиновники.

Некоторые районы города были сплошь застроены такими домами, образуя трущобы – неперемный атрибут капиталистического города. Из-за дороговизны земли в городе владельцы участков старались использовать любой клочок земли так, что многоэтажные дома строились в необычайной тесноте – закон позволял строить их не ближе чем в четырех метрах друг от друга. В итоге появлялись узкие и тесные дворы-колодцы, в которые почти не проникали лучи солнца. Нередко владелец сдавал квартиру главному квартиросъемщику, а тот сдавал помещения покомнатно жильцам. А те, в свою очередь, пускали к себе «угловых жильцов», получавших место для ночлега (так называемый «угол»). Часто это были деревенские родственники и знакомые, приехавшие к осевшему в городе рабочему, мастерскому. В результате такие квартиры становились многосемейными. Доходные дома стали местом обитания и рабочих, которые жили также в рабочих казармах – бараках. Это были, как и раньше, тесные, грязные, низкие постройки с общей длинной комнатой с нарами и перегородками из досок, а чаще – из одеял и простынь.

Для тех, кто не имел крыши над головой, с середины XIX века в крупных городах благотворительные организации стали строить ночлежки – ночлежные дома, очень похожие на рабочие казармы. Внутри, в одной большой комнате стояли деревянные одноэтажные нары. За пять копеек можно было получить место с набитым соломой матрасом и подушкой, а также кипяток и даже похлебку. В ночлежках было достаточно чисто и тепло. Служащие ночлежек следили за порядком – пьяных и хулиганов безжалостно выгоняли. На стенах ночлежек висели объявления: «Непрестанно молитесь!», «Не сквернословьте!», «Не курите на нарах!» В восемь утра всех постояльцев выгоняли на улицу. Очереди бездомных,

терпеливо ждущих вечером открытия ночлежки, стали характерной чертой больших городов.

Застолье, еда и питье

Приход капитализма в Россию способствовал превращению ресторанного и магазинного дела в выгодный бизнес, который коснулся и пирогов. Известно, что московский предприниматель Елисеев, открывший в Москве и Петербурге свои знаменитые гастрономы, был как-то на Волге и в одном саратовском трактире попробовал какие-то изумительные пироги. Старуху, которая пекла эти чудеса для трактира, он уговорил поехать с ним в столицу, и с тех пор ассортимент Елисеевского магазина пополнился выпечкой. Произошли изменения и в столь важном для русского человека хлебном деле. Многие из традиционного русского печения хлеба сохранилось, но появились и вкусные нововведения. На всю страну был знаменит булочник Филиппов, выпускавший крендели, сайки, булки. Из поколения в поколение рассказывают, как Филиппов изобрел булки с изюмом. Вызванный к разгневанному градоначальнику, нашедшему в его булке таракана, Филиппов сказал, что это прижженный изюм и, не доводя дело до расследования, с аппетитом съел таракана. В XIX веке наступила «эпоха» московского несравненного бублика с маком, и он «продержался» даже в советское время. Еще в 1970-е годы в Москве можно было прямо на улице купить горячий бублик и съесть его, запивая стаканом чая.

Чайное дело – учитывая повальное увлечение чаепитием в России – стало выгодным, доходным бизнесом. Русские купцы в полной мере пользовались возможностями сухопутной доставки чая из Китая – как известно, в Европу чай привозился на судах, что зачастую ухудшало качество продукта.

Рестораны России второй половины XIX – начала XX века – это особая, развитая, ныне уже утраченная субкультура, о которой всякий знавший ее вспоминал с необыкновенной нежностью и восторгом, так хороша она была. В первом ряду ресторанов стояли самые знаменитые, фешенебельные. В Петербурге это были рестораны «Донон», «Вилла Роде», «Кюба», а в Москве – «Славянский базар» и «Яр». Последний получил особую славу как место, где от души гуляли купцы-миллионщики, знатные особы и разные известные люди. Почти не уступали московским ресторанам по качеству кухни петербургские рестораны I разряда «Прага», «Вена», «Доменик». Публика здесь была демократичнее – служащие банков, чиновники, артисты. Последние чаще всего собирались в «Доменике» – месте притяжения тогдашней богемы. Каждый ресторан, а потом и кафе имели какую-то свою, запоминавшуюся и привлекавшую людей особенность. Владельцы ресторанов стремились привлечь посетителей какой-нибудь «изюминкой». Каждый ресторан славился фирменным блюдом: в одном лучше всего были расстегаи или уха, в другом – несравненные соусы, в третьем – трюфели. Но были и другие «приманки»: самый лучший цыганский хор, аккомпаниатор или певица, удобный зал, замечательный хозяин или вышколенный метрдотель.

Проще все было у простолюдинов. Из XVIII века перекочевали в XIX век кабаки и питейные дома. Как известно, сам Петр I не был чужд прелести русского кабака и любил зайти пропустить чарку-другую любимой анисовой в австерию

«Четыре фрегата» на Городской стороне. Питейные дома (австерию, фартины, от слова «кварта») в XVIII веке были отданы на откуп «всякого чина охочим людям». Существовали также винные погреба и ресторации. Шло превращение их в разновидность современного ресторана или закуской. В кабаках пили в основном пиво и водку, которая подавалась штофами и полуштофами. Кабаки имели свои названия: «Неугасимая свеча», «Каменный скачок», «Танька», «Агашка», «Щипок», «Синодальный кабак». В московском Кремле под холмом стоял знаменитый кабак «Каток». Подьячий с посетителем, спустившись из приказа или канцелярии, назад уже никак не могли подняться. Зимой косогор был скользкий, а ноги после угощения просителя не держали служителя закона. Отсюда и название кабака. Часто названия питейных мест происходили от соседства с банями: «Новинские бани», «Девкины

бани», «Ероховы бани». Из литературы известно, что гостям или работникам выставляли ведра водки. Ведро того времени – метрическая мера объема для жидкостей, равная 12,3 литра. В ведро входило 10 штофов, или 20 бутылок, или 100 чарок. Кружка-мера жидкости, равная 1,23 литра, иногда называлась квартой.

И в XVIII, и в XIX веках лучше всего можно было поесть в праздник, особенно на Рождество, Масленицу и Пасху. Море разнообразных припасов, вкуснейших блюд, закусок ожидало любого посетителя.

Заглянем в источник

Ярославский старожил С. В. Дмитриев, служивший в 1890-е годы у богатых купцов Огняновых, описывал, как хозяин, закупив на Нижегородской ярмарке большие партии чая двух видов – шанхайского (шел морем из Шанхая) и кяхтинского (шел из Китая посуху через Кяхту), начинал их дегустацию:

«...Константин Михайлович заказал с вечера приготовить кофейник кипятку, самого крутого, спиртовку под него, чтобы кипятки ни на минуту не остывал, десять фарфоровых кружек с ручками и крышками, и десять стаканов пустых с чайными ложками... Положил по свертку (чая) против каждой кружки. На доньшках кружек сделал чернилами надписи названия чаев: “поодзюкон”, “ваньсунчо”, “тяньсунчо” и т. д. Против каждой кружки он поставил стакан... Тщательно выполоскав рот, вычистив зубы и в халате, натоцкав (ни есть, ни пить, а тем более курить было нельзя), принялся за пробы. Из каждого свертка, лежащего против кружки, он клал маленькую серебряную ложку сухого чая в кружку и заваривал его тут же из кипящего на спиртовке кофейника. Кружку закрывал тотчас крышкой. Заварив все кружки, он начинал по очереди наливать по небольшому количеству заваренного чая в стаканы».

После этого начиналась проба, во время которой дегустатор делал записи и при этом «очень страдал и беспрестанно плевал». После дегустации хозяин тщательно и долго полоскал рот и выпивал для профилактики стакан густых сливок. На другой день четверо служащих хозяина начинали разбивать ящики с чаем и по данным хозяином пропорциям смешивали содержимое ящиков в огромном барабане.

«В барабан чай всыпали разных марок, например: 1 ящик подзюкона, 2 ящика ваньсунчо, 2 ящика тяньсунчо и т. д. Одна сортировка закладывалась по 1 руб. 20 коп. за фунт, другая на 1 руб. 80 коп. и т. д. Высыпав чай, барабан начинали вертеть все четверо... Поднималась страшная пыль, просачивающаяся сквозь небольшие проделанные в барабане дырочки. Сортировка шла дня два-три, после чего весь сортированный чай увозили в лавку, где на втором этаже его развешивали в фунты и полуфунты, четверти фунта и восьмушки».

Заглянем в источник

Писатель Иван Шмелев вспоминал:

«За два-три дня до Праздника на Конную (площадь) тянется вся Москва – закупить походнее... Исстари так ведется. И так, поглазеть, восчувствовать крепче Рождество, встряхнуться-освежиться, поесть на морозе, на народе горячих пышек, плотных, вязких, постных блинчков с лучком, политых конопляным маслом до черной зелени, пронзительно душистых, кашинных и рыбных пирожков, укрывшихся от мороза под перины; попить из пузырьчатых стаканов, весело обжигая пальцы, чудесного сбитню русского, из имбрия и меда, божественного “вина морозного”, согрева, с привкусом сладковатой гари, пряной какой-то карамели, чем пахнет в конфетных фабричках – сладкой какой-то радостью, Рождеством?..

...Булочные завалены. И где они столько выпекают? Пышет теплом, печеным, сдобой от куличей, от слоек, от пирожков... Каждые полчаса, ошалелые от народа сдобные молодцы мучнистые вносят и вносят скрипучие корзины и гремучие противни жареных пирожков дымящихся, – жжет через тонкую

бумажку: с солеными груздями, с рисом-с рыбой, с грибами-с кашей, с яблочной кашницей, с черносмородиновой остротцой...

Гремят гастрономии оркестры. Андреев, Генералов, Елисеев, Белов, Егоров... – спяют огнями, блеском высокой кулинарии, по всему свету знаменитой: пулярды, поросята, осыпанные золотой крошкой прозрачно-янтарного желе, фаршированные индейки, сыры из дичи, гусиные паштеты, салями на коньяке и вишне. Пылкие волованы в провансале и о-гратэн, пожарские котлеты на кружевах, царская ветчина в знаменитом горошке из Ростова, пломбиры-кремы с пылающими оконцами из карамели, сиги-гиганты в розово-сочном желе, клубника, вишни, персики с ноевских теплиц под Воробьевкой, вина победоносной марки, “удельные”, высокое русское шампанское Абрау-Дюрсо... “Мамоны”, пожалуй, и довольно? Но она лишь земное выраженье радости Рождества. А самое Рождество – в душе, тихим сияет светом...»

Смерть императора

Последние годы жизни императора Александра III оказались особенно тяжелыми и напряженными. Все отмечали печальные перемены, заметные в императоре. Он утратил прежнее спокойствие духа, понимая серьезность положения страны. Множество проблем угнетало его: «Я чувствую, что дела в России идут не так, как следует... у нас есть страшное зло – отсутствие законности». А. Ф. Кони, видевший царя в 1892 году, писал:

Александр III, подпирая по временам голову рукою, не сводил с меня глаз... В этих глазах, глубоких и почти трогательных, светилась душа, испуганная в своем доверии к людям и беспомощная против лжи, к коей сама была неспособна... Вся его фигура, с немного наклоненной набок головою, со лбом, покрытом глубокими морщинами – следом тяжелых дум и горьких разочарований, – вызывала в душе прежде всего чувство искренней жалости к человеку, поднявшему на плечи бремена неудобноносимые.

В октябре 1888 года в 45 верстах от Харькова, на станции Борки, произошла ужасная катастрофа: царский поезд потерпел крушение. Семь вагонов разбило в щепки, пострадало почти 50 человек. И только свернувшаяся в виде полусферы крыша вагона-столовой спасла всю находившуюся в вагоне царскую семью, хотя сразу возникла легенда о могучем царе, который удержал над женой и детьми падающую крышу вагона. Как бы то ни было, эта невероятная удача (никто из Романовых не получил ни царапины, и только в кармане царя от удара сплюснулся серебряный портсигар) была воспринята в царской семье как знак Божией благодати, как знак свыше, что с Романовыми ничего не случится. Но некоторые считают, что с истории в Борках начинается болезнь Александра, которая свела его в могилу. Вообще, царь любил жизнь и все ее наслаждения. Император, несмотря на свою могучую внешность, был слаб здоровьем, которое подорвал алкоголем и нежеланием лечиться. С годами у Александра III, человека сильного, могучего, в молодости ходившего на медведя, появились болезни, особенно мучил его нефрит. Одни считали, что болезнь появилась после контузии во время аварии царского поезда в Борках, другие (недоброжелатели) полагали, что болезнь пришла к нему вместе с алкоголизмом, приобретенным царем с годами. Болезнь прогрессировала, и он умер 20 октября 1894 года, не дожив и до 50 лет, в Ливадии – любимом своем уголке в Крыму. Умирал Александр III спокойно, в окружении любящих детей и жены, в присутствии протоиерея Иоанна Кронштадтского, специально вызванного в Ливадию. Александр III был уверен, что выполнил свое главное предназначение на земле – не допустил революцию в Россию. Может быть, отчасти это и было так: человек несокрушимой воли и целеустремленности, он твердо правил Россией. Не случайно в 1907 году С. Ю. Витте на вопрос «Как спасти Россию?» показал на портрет Александра III и сказал: «Его воскресите!»

Царствование Николая II. 1894–1917

Николай – человек и правитель

На престол вступил 26-летний наследник Александра III Николай, которому было суждено стать последним русским императором. Умирая, Александр III завещал сыну охранять самодержавие – «историческую индивидуальность России». Он был убежден, что если «рухнет самодержавие, не дай бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц». Кроме того, Александр писал сыну:

В политике внешней держись независимой позиции. Помни, у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн... Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости... укрепляй семью, потому что она основа всякого государства.

Нельзя сказать, что Николай II забыл заветы отца. Ники – так звали его в семье – был умен, добр, семейственен, богобоязнен. Но этого оказалось мало для того, чтобы править Россией. Старший сын Александра III, он больше десяти лет был цесаревичем, наследником престола. Но когда отец умер, выяснилось, что Николай не готов править Россией, он страшится своей участи. И это видели все окружающие. Великий князь Александр Михайлович (Сандро) вспоминал день смерти Александра и вступления Николая на престол:

Смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах... Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался императором и это страшное бремя власти давило его. «Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!» Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал еще меньше, чем он!..

Природа не дала Николаю важных для государя свойств, которыми обладал его покойный отец. Самое главное, у Николая не было «ума сердца» – политического чутья, предвидения и той внутренней силы, которую чувствуют окружающие и подчиняются ей. Впрочем, Николай и сам чувствовал свою слабость, беспомощность перед судьбой. Он даже предвидел свой горький удел: «Я подвергнусь тяжелым испытаниям, но не увижу награды на земле». Николай считал себя вечным неудачником: «Мне ничего не удастся в моих начинаниях. У меня нет удачи... К тому же он не только оказался не подготовлен к правлению, но и не любил государственные дела, которые были для него мукой, тяжелой ношей: «День отдыха для меня – ни докладов, ни приемов никаких... Много читал – опять наслали ворохи бумаг...» (из дневника). В нем не было отцовской страстности, увлеченности делом. Он говорил: «Я... стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией». При этом иметь с ним дело было чрезвычайно трудно. Николай был скрытен, злопамятен. Витте называл его «византийцем», умевшим привлечь человека своей доверительностью, а потом обмануть. Один остро слов так писал о царе: «Не лжет, но и правды не говорит».

Коронация и Ходынка

Четырнадцатого мая 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля венчался на царство последний российский император. После прочтения Символа веры Николай возложил себе на голову Большую императорскую корону, изготовленную в 1763 году для Екатерины II. Миро, которым совершалось помазание, находилось в яшмовом сосуде,

принадлежавшем, по преданию, римскому императору Августу. Церемония и само празднество поразили воображение всех участников и сотен тысяч зрителей, заполнивших центр города.

Особенно красочной была иллюминация. Искусные пиротехники превратили Кремль в диковинный сказочный град.

Н. Шильдер. Император Николай II.

Как писал современник, «по деревьям Александровского сада висели огненные цветы, плоды. Все сияло, переливалось, сверкало золотом, алмазами, рубинами на темном фоне весенних сумерек, потом тихой майской ночи».

А через три дня на загородном Ходынском поле, где должны были состояться народные гуляния, произошла страшная трагедия. Тысячи людей уже с вечера, накануне дня гуляний, стали собираться там, рассчитывая утром в числе первых получить в «буфете» (которых подготовили сотню) царский подарок – один из 400 тыс. завернутых в цветной платок гостинцев, состоящих из «продуктового набора» (полфунта колбасы, сайки, конфеты, орехи, пряники), а главное – диковинной, «вечной» эмалированной кружки с царским вензелем и позолотой. Ходынское поле представляло собой учебный плац и было все изрыто рвами, траншеями и ямами. Ночь выдалась безлунной, темной, толпы «гостей» прибывали и прибывали, направляясь к «буфетам». Люди, не видя перед собой дороги, проваливались в ямы и рвы, а сзади их теснили и теснили те, кто подходил из Москвы.

Министр финансов С. Ю. Витте.

Действующие лица

Премьер-министр Сергей Витте

Долгие годы одним из руководителей государства был Сергей Юльевич Витте, которого царь не любил, но без которого не мог обойтись. Родившийся в 1849 году в семье выходцев из Голландии, Витте закончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе и стал специалистом по строительству железных дорог, бурное строительство которых началось в 1870–1880-е годы. Он привлек к себе внимание тем, что накануне катастрофы царского поезда под Борками в 1887 году подал записку, в которой предупреждал об опасном состоянии полотна на этом участке и возможности крушения поезда, который движется на высокой скорости. Эта история стала началом служебного взлета Витте. Обладая оригинальным умом, огромной энергией, деловой хваткой, он сделал карьеру на государственной службе, став инициатором многих экономических начинаний власти. Он был активным сторонником привлечения иностранных капиталов в добычу и переработку нефти и в другие отрасли. Назначенный в 1892 году министром финансов, он вписал свое имя в историю установлением винной монополии (1894), проведением денежной реформы 1897 года (введение золотого рубля как главной монетной единицы), а также реформы торгово-промышленного законодательства, образования Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

В 1902–1905 годы он предложил реформы в области крестьянского землеустройства, что было чуть позже реализовано Столыпиным.

Человек амбициозный, резкий, он не пользовался симпатиями верхов. Многие из окружения императора считали Витте опасным человеком, способным ради власти на переворот. Но обойтись без него царю было невозможно, столь

авторитетен был Витте в правительственных кругах, несмотря на то, что ушел в отставку в 1903 году. С этого времени огромное влияние на политику Николая II приобрел министр внутренних дел В. К. Плеве. В карикатурах его изображали кукловодом царя, который ему во всем подчинялся. Плеве был опытным полицейским, умным политиком, способным на компромиссы. Он был убежден, что реформы необходимы, что «самые способы управления обветшали», но проводить реформы должно самодержавие и никто другой. Но в 1904 году Плеве был убит террористами группы известного провокатора Азефа.

Всего к утру на Ходынке собралось около полумиллиона москвичей, спрессованных в огромные толпы. Как вспоминал В. А. Гиляровский,

над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишенные чувств, с закрытыми глазами, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой.

Давка усилилась, когда буфетчики в страхе перед натиском толпы, не дожидаясь объявленного срока, начали раздавать подарки...

По официальным данным, погибло 1389 человек, хотя в реальности жертв было намного больше. Кровь леденела даже у видавших виды военных и пожарных: скальпированные головы, раздавленные грудные клетки, валявшиеся в пыли недоношенные младенцы... Царь узнал об этой катастрофе утром, но ни одного из намеченных празднеств не отменил и вечером открыл бал с обаятельной женой французского посла Монтебелло... И хотя потом царь посещал лазареты и жертвовал деньги семьям погибших, было уже поздно. Равнодушие, проявленное государем к своему народу в первые часы катастрофы, ему дорого обошлось. Он получил прозвище «Николай Кровавый».

Придя к власти, Николай показал, что не отступит ни на йоту от курса, избранного отцом, и не вернется на путь, некогда проложенный его дедом, Александром II. Об этом он заявил в январе 1895 года на торжественном приеме депутатов от разных сословий и городов, приехавших поздравить его с бракосочетанием. Он предостерег присутствующих против *бессмысленных мечтаний об участии представителей земства в делах внутреннего управления... Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель.*

В общем-то, он до конца придерживался таких взглядов, хотя, в отличие от отца, у него не было ни возможности, ни способностей охранять эти начала «твердо и неуклонно», Николай был вынужден идти на компромиссы.

Марксистские кружки. Ленин

Часть народников, разочаровавшись в терроре, увлеклась новомодным учением Карла Маркса. В 1876 году Г. В. Плеханов и его товарищи из народников создали первую марксистскую группу «Освобождение труда». Революционеры-анархисты и террористы презирали ренегатов, отказавшихся от террора и засевших за «Капитал» Маркса, и даже жгли их труды. Напротив, власти, приученные к охоте на «бомбистов», не обращали внимания на усердных читателей толстенного «Капитала» и сначала не преследовали марксистов так, как народовольцев. Распространение марксизма в России происходило в виде образования кружков. Один из них – «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – образовала в 1896 году группа революционеров во главе с Ю. О. Мартовым (Цедербаумом) и В. И. Ульяновым (позже – Лениным), братом казненного террориста Александра Ульянова. «Союз» продержался недолго. Его быстро разоблачили, а его основных участников отправили в ссылку. Оставшиеся на свободе сумели собрать в Минске в 1896 году делегатов разных марксистских кружков, которые слились в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Среди членов новой партии рабочие составляли единицы. Так было

положено начало социал-демократии в России, которая позже разделилась на «большевиков» и «меньшевиков».

Русско-японская война

В январе 1904 года нападением на русский крейсер «Варяг», стоявший в бухте Чемульпо, и на русскую военно-морскую базу Порт-Артур японцы начали войну с Россией. Эта война была вызвана серьезными противоречиями между Японией и Россией. Россия непрерывно расширяла свои колониальные владения на Дальнем Востоке, и вскоре ее интересы столкнулись с имперскими интересами усилившейся после проведенных ранее реформ Японией. К этой войне Япония оказалась подготовленной лучше России и нанесла ей несколько тяжелых поражений. В мае 1904 года японский флот встретил в Цусимском проливе русскую эскадру адмирала Рожественского, пришедшую из Балтийского моря и нанес ей сокрушительное поражение. Разгром в Цусимском проливе стал нарицательным для обозначения военной катастрофы. Вместо сплочения общества в результате «маленькой победной над азиатцами войны» Россия получила тяжелое военное поражение армии, тысячи погибших, разобщенное общество, униженное национальное достоинство и в конечном счете – революцию.

Оборона крепости Порт-Артур стала главным событием Русско-японской войны. Несмотря на усилия главнокомандующего и заместника на Дальнем Востоке Евгения Алексеева, русская армия терпела поражения в Маньчжурии и все дальше отступала от крепости. После гибели флота у Цусимы положение осажденного со всех сторон гарнизона Порт-Артура стало безнадежным, и он сдался. Портсмутский мир с японцами, заключенный С. Ю. Витте, не принес успокоения стране – в России бушевала революция.

«Варяг» и «Кореец»

Крейсер «Варяг» был построен в США (Филадельфия), прибыл в Кронштадт в 1901 году, а потом переведен во Владивосток в состав Тихоокеанского флота. С 1903 года под командой капитана 1 ранга В. Ф. Руднева «Варяг» находился вместе с канонерской лодкой «Кореец» в корейском порту Чемульпо как «стационар» – так называли корабли, обозначающие военное присутствие великих держав в тогдашних «горячих точках». В Чемульпо же стояли корабли и других стран. 27 января 1904 года, в день начала Русско-японской войны, «Варяг» пытался вернуться во Владивосток, но обнаружил, что выход из Чемульпо для него перекрыт японскими кораблями. Руднев решил не сдаваться на милость японцев, а приказал вступить в бой с превосходящими силами противника. Бой длился всего 45 минут. Получив серьезные повреждения и потеряв в бою 33 человека убитыми и 120 ранеными, «Варяг» вернулся в порт Чемульпо, где было решено «Кореец» взорвать, а «Варяг» затопить.

Но крейсер лег на небольшой глубине, его подняли японцы, переименовали в «Сойя». В марте 1916 года Россия выкупила корабль, ставший благодаря известной песне о «Варяге» символом мужества и стойкости русских моряков. «Варяг» под Андреевским флагом перешел из Владивостока в Мурманск, в марте 1917 года ушел на ремонт в Ливерпуль да там и остался. Позже англичане его разоружили и продали на металлолом. Во время буксировки корабль сел на камни вблизи г. Лендалфут и в 1925 году был разобран на металлолом.

«Кореец» – канонерская лодка, построенная в Стокгольме в 1886 году и купленная Россией. Она была устаревшим судном; кроме парового двигателя с винтом она еще имела паруса и острый форштевень, чтобы таранить корабли неприятеля. «Кореец» состоял в Сибирской флотилии и Тихоокеанском флоте, но реальной силы не представлял. Тем не менее «Кореец», которым командовал капитан 2 ранга Г. П. Беляев, не уступил в мужестве «Варягу»: вместе с ним вышел навстречу неприятелю и принял с ним неравную бой.

Заглянем в источник

Русско-японская война ознаменовалась не только военным поражением России, но и ее страшным военно-морским позором. На последней стадии Цусимского сражения утром 15 мая 1904 года японские корабли адмирала Того окружили отряд принявшего главное командование после ранения Рождественского адмирала Небогатова в составе броненосцев «Николай I», «Орел», «Апраксин», «Сенявин» и крейсера «Изумруд». Суда эти не имели серьезных повреждений и были вполне боеспособны. В японском «Описании военных действий на море» записано:

«Было 10 часов 34 минуты утра, когда 1-й и 2-й боевые отряды сблизились до расстояния около 8 тысяч метров, первым открыл огонь “Кассуга”, а за ним начали бой и прочие суда; неприятель не только не отвечал, но вдруг приспустил кормовые флаги и поднял международный сигнал о сдаче. Адмирал Того, соглашаясь на сдачу, прекратил огонь и приказал нашим отрядам окружить... неприятеля».

Затем на флагманский корабль Небогатова «Николай I» были посланы парламентеры для того, чтобы поставить Небогатову первые условия сдачи и забрать его на «Микасу» – флагман японского флота.

«Адмирал Небогатов – продолжает автор “Описания”, – ответил на это согласием и, чтобы передать это на свои суда, просил дать некоторое время. Минут через 30, окончив распоряжения, адмирал со своим штабом одел парадную форму, вышел на палубу и, собрав команду, дружески объяснил причину неизбежной сдачи, прибавив следующее: “Мне уже 60 лет, и я не жалею своего старого тела, мне жалко только ваших жизней, вы впереди имеете еще долгие годы, прошу вас, претерпев временный стыд, в будущем, когда восстановится родной флот, послужить на пользу государя и отечества. Вину сдачи я всецело принимаю на одного себя и т. д.”. Произнеся слова, полные скорби, со слезами в голосе, он закончил их едва слышимым тоном. Все офицеры серьезно слушали, и когда речь окончилась, адмирал со своим штабом сел на наш эсминец и в 1 час 37 минут прибыл на “Микаса”».

По мнению большинства экспертов, адмирал Небогатов действовал вопреки Морскому уставу и традициям русского флота. У него было достаточно времени, чтобы собрать военный совет, который наверняка не принял бы решения о спуске Андреевского флага и сдаче корабля неприятелю, а скорее постановил бы «озаботиться об уничтожении кораблей – открыть кингстоны, быть может, подорвать дно, чтобы сделать это скорее и снабдить людей всем, что дало бы возможность продержаться на воде до подхода японцев, которые, конечно, приняли бы все меры для спасения команды», что уже было с командами потопленных ранее русских кораблей. Более того, никто из офицеров не возражал против приказа адмирала, хотя по уставу каждый давший присягу мог и не подчиниться позорному решению Небогатова...

Недостойно повел себя и раненый командующий эскадрой вице-адмирал Рождественский. Он передал командование Небогатову и перешел с горящего флагманского броненосца «Суворов» сначала на миноносец «Буйный», а потом – на миноносец «Бедовый», который в сопровождении миноносца «Грозный» взял курс на Владивосток. Как сообщал «Русский правительственный вестник», 15 мая в 10 часов «вахтенный начальник О’Бриен де Ласси приказал сигнальщику Сибиреву приготовить белый флаг. Сибирев спросил: “Почему же надо сдаваться?” На что Ласси ответил, что это приказание адмирала».

Когда вскоре на горизонте появились дымки – это подошли два японских миноносца, – то русские миноносцы, вопреки ожиданиям экипажа, не приняли боя:

«По словам матроса Савича, капитан 2-го ранга Баранов, придя к адмиралу, спросил, открывать ли огонь при появлении неприятеля? Адмирал ответил в том смысле, что необходимо, не открывая огня, сдать в плен, и прибавил передать сигналом на “Грозный” – “Идти во Владивосток”. Около 3 часов 25 минут с первым выстрелом с неприятеля “Бедовый” застопорил машины, по приказанию начальника штаба был поднят сигнал “Имею тяжелораненого”, а одновременно

по приказанию командира был спущен кормовой флаг и поднят белый флаг и флаг Красного Креста. "Грозный", видя, что "Бедовый" сдается, стал уходить полным ходом и вступил в бой с нагонявшим его эсминцем типа "Кагеро" и после 2 часов боя его утопил... Команда "Бедового" подняла необыкновенный шум, кто брался за ружья, кто направлял орудия в неприятеля, не желая слушаться, что не будет боя и громко выражал недовольствие криками; офицеры успокаивали команду, говоря, что они берут ответственность на себя... что жизнь адмирала важнее миноносца...»

При этом видно, что Рожественский уже давно задумал сдачу: при переходе с «Буйного» на «Бедовый» первое, что он спросил у командира: «У вас нет белого флага?»

Впрочем, в те страшные дни были и другие примеры поведения командиров. Так, крейсер «Изумруд», шедший вместе с отрядом Небогатова, не подчинился приказу о сдаче и дал полный ход в свободную от неприятеля сторону. За ним погнались три японских крейсера, но не догнали...

В японском «Описании» после описания сдачи отряда Небогатова сказано: «Около 3 часов дня с юга показался броненосец "Ушаков", для уничтожения его были посланы "Ивате" и "Якумо"». Дело в том, что этот старый тихоходный броненосец «Ушаков», удачно отразивший все минные атаки, шел вслед за отрядом Небогатова и в 16 часов 30 минут увидел на горизонте японскую эскадру, от которой отделились и направились к нему два броненосных крейсера. Издали один из них сообщил капитану «Ушакова» Миклухо-Маклаю о сдаче эскадры адмирала Небогатова. Однако Миклухо-Маклай не стал дожидаться разбора сигнала и сказал: «Довольно! Открывайте огонь!». Борьба была неравной, и когда броненосец получил серьезные повреждения, капитан приказал открыть кингстоны, и в 18 часов корабль затонул вместе с капитаном, отказавшимся его покинуть. Подошедшие японские корабли подобрали большую часть команды (339 человек из 422).

Революция 1905 года и Манифест 17 октября

Начало революционных событий относят к 9 января 1905 года, когда забастовавшие рабочие пошли с петицией к царю. В ней было сказано: «Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества... а не повелишь – мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом». Так и произошло: петицию не приняли, войска открыли огонь по манифестантам, несколько сотен человек погибли на снегу от пуль.

В этой напряженной обстановке эсеры продолжали террористическую борьбу с властью, которую они вели фактически с 1880-х годов. В январе 1905 года был убит главнокомандующий Москвы, великий князь и дядя Николая II Сергей Александрович. Бомбу в карету великого князя на Сенатской площади Кремля бросил, как тогда называли, «метальщик» Иван Каляев. Операция была тщательно спланирована и проведена Боевой организацией партии эсеров под руководством Бориса Савинкова. Длительный этап изучения образа жизни объекта теракта, искусного выслеживания привычных жертв путей передвижения должен был закончиться взрывом бомбы, брошенной одним из нескольких «метальщиков», рассредоточенных в разных местах, на улицах, по которым мог поехать экипаж великого князя.

Заглянем в источник

О проведенной террористической акции Борис Савинков подробно писал в своей книге «Воспоминания террориста». Там рассказывается, что у Каляева была возможность взорвать карету Сергея Александровича еще до покушения в Кремле, в то время как его карета подъезжала к Большому театру.

«Карета свернула на Воскресенскую площадь, – пишет Савинков, – и в темноте Каляеву показалось, что он узнает кучера Рудинкина, всегда возившего

именно великого князя. Тогда, не колеблясь, Каляев бросился навстречу и наперерез карете. Он уже поднял руку, чтобы бросить снаряд. Но кроме Великого князя Сергея он неожиданно увидел еще великую княгиню Елизавету и детей великого князя Павла – Марию и Дмитрия. Он опустил бомбу и отошел. Карета остановилась у подъезда Большого театра. Каляев прошел в Александровский сад. Подойдя ко мне, он сказал:

– Я думаю, что я поступил правильно: разве можно убивать детей?

От волнения он не мог продолжать. Он понимал, как много он своей властью поставил на карту, пропустив такой единственный для убийства случай: он не только рискнул собой – он рискнул всей организацией. Его могли арестовать с бомбой в руках у кареты, и тогда покушение откладывалось бы надолго. Я сказал ему, однако, что не только не осуждаю, но и высоко ценю его поступок. Тогда он предложил решить общий вопрос: вправе ли организация, убивая великого князя, убить его жену и племянников? Этот вопрос никогда не обсуждался нами, он даже не поднимался. Каляев говорил, что если мы решим убить всю семью, то он, на обратном пути из театра, бросит бомбу в карету, не считаясь с тем, кто будет в ней находиться. Я высказал ему свое мнение: я не считаю возможным такое убийство».

Сама по себе ситуация, описанная Савиновым (если, конечно, он все это не придумал позже, когда писал мемуары), типична для революционеров той эпохи: мораль, человечность приходила в противоречие с целями и идеалами революционной борьбы. Бомбисты заведомо считали себя смертниками, но они знали, что, помимо ненавистных им сановников и генералов могут пострадать и посторонние, невинные люди. В большинстве случаев они шли на эти жертвы. Вспомним Степана Халтурина, который в 1880 году заложил бомбу в Зимнем дворце с тем, чтобы подорвать столовую, в которой обедал император Александр II, и при этом сознательно шел на убийство нескольких десятков солдат охраны, казарма которых находилась между подвалом, в котором Халтурин заложил бомбу, и этажом с царской столовой. В итоге взрыв прогремел раньше, чем опоздавший царь вошел в столовую, а в казарме под ним был просто ад: месиво из останков одиннадцати убитых, обломков мебели и более полусотни покалеченных. В конечном счете Каляев был готов убить вместе с великим князем и его семью при условии, если организация это прикажет сделать и тем самым возьмет всю моральную ответственность на себя. Кажется, что это был принципиальный момент: воля партии (организации) важнее воли и совести отдельного человека, что и проявилось со всей яркостью впоследствии.

Четвертого февраля 1905 года Каляеву таки удалось успешно завершить свое дело:

«Против моих забот, – пишет он в одном из писем к товарищам, – я остался 4 февраля жив. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, как в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел в шагах пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я оглянулся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел... В это время послышалось сзади: “Держи! Держи!” – на меня чуть не наехали сыщицкие сани и чьи-то руки овладели мною. Я не сопротивлялся...»

Кровавое воскресенье вызвало массовые забастовки, восстания и мятежи в армии и флоте, вынудило царя вернуть к власти Витте. Его роль резко возросла после того, как он в августе 1905 года заключил мирный договор с японской делегацией в США, на рейде города Портсмут. И хотя Россия потерпела поражение, лишилась половины Сахалина, для Витте этот мир стал личной победой. А. А. Гирс, чиновник МИДа, записал в своем дневнике:

18 августа. Сергей Витте махнул из Портсмута нижеследующую телеграмму на имя государя: «Всеподданнейше доношу Вашему императорскому величеству, что Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий и, таким образом, мир будет восстановлен благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего величества. Россия останется на Дальнем Востоке веки. Мы приложили к исполнению Ваших приказаний весь наш ум и русское сердце; просим милостиво простить, если не сумели сделать большего». Поистине стиль боярских времен Иоанна Грозного! Тут все: и верноподданничество, и лесть, и патриотические возгласы, и указания собственных заслуг, но преобладает дух одного из сыновей Ноя...

15 сентября. Сергей Витте возвращается в Петербург, увенчанный всякими лаврами, под гимн хвалебных отзывов, расточаемых по его адресу всей Европой. Наши сановники встретят его завтра не без трепета тем более, что он примет немедленное участие в рассмотрении отложенного до его возвращения вопроса о безотлагательном учреждении министерского кабинета. Государь и боится, и не любит Витте, а последний в силу вещей является естественным и пока единственным кандидатом на должность российского премьера. Воображаю, какие пойдут интриги в наших высших сферах.

Вернувшийся в Россию в середине сентября, Витте занялся подготовкой ставшего знаменитым Октябрьского манифеста, даровавшего народу свободы и провозгласившего выборы в Государственную думу. Семнадцатое октября 1905 года стало переломной датой в истории России. В тот день Николай записал в дневнике:

17-го октября. Понедельник. Годовщина крушения (в Борках. – Е. А.). Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова стала тяжелой, и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию.

Примечательно, что старший из членов династии, великий князь Николай Николаевич, в напряженные дни 1905 года вопреки присяге принял невероятно смелое и ответственное решение: он запретил всем членам семьи Романовых – офицерам участвовать в подавлении восстания.

Колебания и мучения государя понять тоже можно – до этого часа во всем он слепо следовал тем идеям, которые в юности внушили ему отец Александр III и учитель К. П. Победоносцев. Он был убежден, что России не нужны никакие парламентские формы правления, что общественные отношения патриархальны: «царь-отец» непосредственно общается со своим народом-«детьми». В учетной карточке всеобщей переписи 1897 года он назвал себя «землевладельцем» и «хозяином земли русской» (императрица же Александра Федоровна написала в своей: «хозяйка земли русской») и был убежден, что только одна его фраза «Такова моя воля» способна решить самые сложные проблемы. Несоответствие таких архаичных взглядов реальной политической обстановке в стране в конечном счете и привело Николая II, а вместе с ним и Россию, к катастрофе. Но в октябре 1905 года выхода у него не было. Тогда он писал доверенному человеку, генералу Д. Ф. Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное»...

Через два дня после оглашения Манифеста 17 октября Витте стал премьер-министром и представил программу реформ, которая сочетала как жесткие меры по подавлению революционных выступлений, так и попытки договориться с либералами. Благодаря усилиям Витте в 1906 году Россия смогла получить большой заем, который позволил стабилизировать экономическую ситуацию в стране. По мере спада революционного движения потребность в Витте у императора отпала, и весной 1906 года государь отправил Витте в отставку. Сделал он это с облегчением, ибо не мог простить ему свой страх и унижение, испытанные в 1905 году. И даже через 10 лет, когда Витте умер, царь не скрывал своей радости и единственно обеспокоился тем, как бы заполучить мемуары Витте. Но их автор хорошо знал нравы своей страны и благоразумно спрятал рукопись за границей.

С самого начала работы Государственной думы царь с неприязнью встречал все ее

инициативы, не желая ни в чем идти на компромиссы с избранниками народа и с охотой при случае распускал Думу. Вообще же существование парламента, при всей ограниченности его прав, казалось императору оскорбительным. Как писал известный русский юрист А. Ф. Кони, уже сама церемония открытия Думы в Зимнем дворце 26 апреля 1906 года воспринималась Романовыми как похороны самодержавия. Мария Федоровна вспоминала, как после открытия Думы император плакал, а потом «ударил кулаком по локотнику кресла и крикнул: “Я ее создал, и я ее уничтожу... Так будет...”»

Заглянем в источник

Известно, что Николай II долго сопротивлялся принятию этого исторического документа. До последнего часа он пытался смягчить положения манифеста, казавшиеся ему радикальными в проекте Витте. Он вызывал в Петергоф, где находился, крупных сановников консервативного толка и советовался с ними. У него было 5 проектов манифеста, и положение спасла только решительная позиция Витте, который заявил, что если будет изменено хотя бы одно слово в его проекте, он отказывается от поста главы правительства. Николай, поставленный в безысходное положение, подчинился ультиматуму Витте. Жесткость Витте была основана не только на присущем ему честолюбию и вере в собственную избранность. Он бы убежден, что у России в этот час нет никакого выбора, и как бы кому не нравился манифест, это, как писал Витте, «неизбежный ход истории, прогресс бытия». Не случайно, что манифест открывается безрадостными словами, которые с ясностью говорят о вынужденности принятия императором этого акта: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная – его печаль. От волнений ныне возникших может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей... Мы, для успешного выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. Не останавливая назначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей. Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напирать все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Столыпин и его политика

В 1906–1911 годах политику определял волевой и решительный премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911). Ему пришлось бороться с революционерами, крестьянскими бунтами, проводить реформы. Центральной реформой премьер-министр считал аграрную. После отмены крепостного права крестьяне, получившие личную свободу, не стали (в силу особенностей реформы) полноправными владельцами земли. Выкуп земель растянулся на полстолетия, и поэтому земельный вопрос оставался на протяжении

десятилетий самым острым.

Инициатива многих работоспособных крестьян тормозилась общими условиями патриархальной жизни в деревне, малоземельем, а главное – властью общины над землей. Земля была общей, и община на своих сходках регулярно устраивала передел земель – перераспределение участков в зависимости от благосостояния семьи, количества едоков, качества почвы.

Целью реформы Столыпина было создание в течение 20 лет слоя состоятельных крестьян-собственников. В 1907 году он говорил в Государственной думе:

Цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность...

В речи 1908 года по поводу законопроекта об устройстве крестьян он говорил:

Смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью: надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя.

Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют условия, которые делают общину лучшим способом использования земли.

Лишь благодаря П. А. Столыпину началось коренное переустройство аграрного строя, суть которого заключалась в ликвидации общины, выселении крестьян на отдельные участки – хутора. По инициативе Столыпина были изданы законы о роспуске сельских общин и о праве крестьян на собственные фермерские хозяйства. В помощь им был преобразован Крестьянский банк, разработаны другие программы. Целью реформы Столыпина было создание в течение 20 лет слоя состоятельных крестьян-собственников.

Сложно складывались отношения волевого Столыпина с Думой, где единого мнения об аграрной политике премьер-министра не было. Третьего июня 1907 года Столыпин добился роспуска казавшейся ему радикальной Второй думы, что было воспринято в обществе как государственный переворот. Он же добился выборов по новой, менее демократичной избирательной системе консервативной Третьей думы, которая была покорна власти.

Столыпинская аграрная реформа решала многие крестьянские проблемы. Одна из них – малоземелье – стояла особенно остро. Поэтому Столыпин выступал за поощрение переселений крестьян из Центра в Сибирь и на другие неосвоенные земли. Туда и устремились миллионы переселенцев. Делалось это подчас непродуманно, поспешно. Крестьянские семьи неделями ехали в неудобных, более похожих на арестантские вагонах, получивших название «столыпинских», терпели лишения. Сотни тысяч переселенцев, не прижившись за Уралом, возвращались домой окончательно разоренными. Но в Сибири все-таки осели и освоились около 2,5 млн человек. В тяжелой борьбе с природой они начинали жизнь на новом месте и быстро добивались успехов. Здесь развивалась невиданная ранее крестьянская промысловая кооперация, расцветало предпринимательство.

Столыпиным были недовольны царь и придворная камарилья, не желавшая никаких реформ. Против него была настроена императрица Александра Федоровна, требовавшая от царя отставки премьер-министра, тем более что Столыпин не скрывал своего недоброжелательного отношения к Григорию Распутину, набравшему силу при дворе. Премьер-министр докладывал царю о скандальных похождениях Распутина и советовал устранить его от двора. На это Николай мягко возражал: «Я с вами согласен, Петр

Аркадьевич, но лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Это отражает драматическую ситуацию в царской семье. Да и сам Николай стал тяготиться своим энергичным, волевым премьер-министром. Императору казалось (возможно, не без оснований), что Столыпин оттесняет его от власти. А сначала императору нравился Столыпин, который уверенно руководил правительством, пресекая ведомственный сепаратизм. Несмотря на общее одобрение программы столыпинских реформ, Николай II постоянно прислушивался к критикам премьер-министра из лагеря правых консерваторов и поступал подчас вопреки рекомендациям правительства, что тормозило эти реформы.

При всей своей солидной уверенности Столыпин сидел в кресле премьера непрочно: реформы шли неровно, у него возникали трудности в отношениях не только с царем, придворной камарильей, но и с дворянством, недовольным проектом местных реформ, лишившим его вековых привилегий и влияния на местах. Некоторые дворянские представители считали, что Столыпин создает учреждения, «схожие с учреждениями республиканской Франции». Словом, к осени 1911 года Столыпин оказался на грани отставки. Но 1 сентября произошла трагедия – в Киеве, в театре, Столыпина смертельно ранил эсер Д. Богров, который при довольно странных обстоятельствах с оружием в руках оказался в строго охраняемом охранкой театре. С гибелью Столыпина исчезли последние возможности России к обновлению без ужасов революции. Если бы он остался жив, несомненно, в годы войны и смуты личность Столыпина могла бы серьезно повлиять на обстановку в стране и способствовать выходу ее из кризиса.

Премьер-министр П. А. Столыпин.

Заглянем в источник

Столыпин был не только талантливым администратором, но и опытным политиком, полемистом. Не раз в Думе он вступал в спор с левыми, показывая бесперспективность предлагаемого ими пути национализации, отчуждения земли, уравнивания прав крестьян на землю. Более того, в проведении аграрной реформы

Столыпин видел самый верный путь борьбы с революцией. В речи 1908 года он сказал:

«Многих смущает, господа, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева и справа. Но левые в данном случае идут против принципов разумной и настоящей свободы. Неужели неясно, что кабала общины и гнет семейной собственности являются для 90 миллионов населения горькой неволей?... И насколько, господа, нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года. Я позволю привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: "Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции"».

И далее:

«С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями».

Напомню, что как раз лозунг эсеров о национализации земли и был подхвачен большевиками в 1917 году. За 10 лет до этого, в 1907 году, Столыпин и произнес свою знаменитую речь против левых: «Национализация земли представляется правительству губительной для страны... Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черновая работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Вам нужны великие потрясения, нам нужна ВЕЛИКАЯ РОССИЯ».

Экономический подъем и 300-летие Дома Романовых

К 1913 году экономика страны была на подъеме, многим казалось, что после тяжелых лет революций наступила эпоха экономической стабильности. К 1913 году полностью оправдала себя денежная реформа Витте. За 1 рубль давали 2,16 марки Германии, 2,67 франка и 2,54 кроны Австро-Венгрии. По сравнению с 1900 годом доходы страны удвоились, развивалась кредитно-банковская система, а также система сберегательных касс, иностранные банки охотно инвестировали средства в русскую экономику. В тот год отмечалось 300-летие Дома Романовых. Три столетия от царя Михаила Федоровича до Николая II представляли в пропаганде тех времен как непрерывную цепь побед и свершений. Были пышные празднества, великолепные балы в Дворянском собрании и при дворе. Повальное увлечение модами и обычаями XVII века привело к тому, что Николай II даже хотел переодеть свой двор в одежды времен Михаила Романова. Только нехватка денег остановила этот проект.

Начало Первой мировой войны

Событие, ставшее первым шагом к мировому конфликту, произошло в Петербурге днем 19 июля (1 августа) 1914 года. Здесь началась Первая мировая война. Первой военной дорогой проехать можно и сейчас минут за пять. Для этого нужно сесть в машину у подъезда мрачного, облицованного гранитом здания бывшего посольства Германской империи, что на

углу Большой Морской улицы и Исаакиевской площади, и двинуться по Большой Морской в сторону Невского проспекта, пересечь его и въехать под арку Главного штаба, затем повернуть направо. Затем следует остановить машину у правого крыла Главного штаба, там, где до 1917 года находилось Министерство иностранных дел Российской империи, войти в подъезд, подняться по лестнице в бывший кабинет министра иностранных дел... Именно такой путь и проделал 19 июля (1 августа) 1914 года в 17 часов германский посол с нотой об объявлении войны России в руках...

В те летние дни Петербург испытал невиданный порыв патриотических сил и единения. Тысячи демонстрантов, побуждаемые бескорыстными патриотическими чувствами, пришли на Дворцовую площадь, чтобы выразить свою поддержку государю и армии в борьбе с «германцем», за независимость Сербии, над которой нависла австро-германская угроза. Люди пели гимн «Боже, царя храни!». В первых рядах стоял и пел великий Федор Шаляпин. Когда на балконе появился Николай II, толпа опустилась на колени. В эти дни почти прекратились забастовки на заводах. Началась борьба со всем немецким. Именно тогда Санкт-Петербург был переименован в Петроград, с фасада германского посольства сбросили вниз огромную каменную конную группу...

Удачное сначала наступление русских войск на фронте неожиданно закончилось разгромом в Восточной Пруссии, при Танненберге в августе 1914 года. Зато успехом сопровождалось наступление на армию союзницы Германии, Австрии, которая была вынуждена очистить половину Галиции. Ответная операция австро-немецких армий в мае 1915 года закончилась для России тяжким поражением – ей пришлось уступить Литву, Галицию. Половина армии вышла из строя. Экономическое положение страны стало ухудшаться, выпуск военных товаров отставал от потребностей фронта. В ходе войны стало особенно заметно отставание России в современной военной технике – на вооружении почти не было танков, не хватало самолетов, автомобилей, главной тягловой силой, как и раньше, оставались лошади. Бездарность командования, воровство в тылу, бессмысленные жертвы все больше раздражали общество.

Все желали уходящим на фронт по объявленной правительством всеобщей мобилизации быстрых побед и скорейшего возвращения. Сначала, действительно, русские войска, начав наступление в Восточной Пруссии, добились первой крупной победы над немцами. Однако тотчас следом пришла и первая катастрофа. Командующие русскими армиями не сумели согласовать свои действия, одна армия была окружена немцами и почти полностью погибла, а другая с позором отступила. Потери России составили сотни тысяч убитых, раненых и пленных. Поначалу горечь поражения компенсировало успешное продвижение русских войск на юго-западе по территории Австро-Венгрии, союзницы Германии. Но и там, как уже сказано, победы оказались недолговечными. Русским войскам пришлось оставить Польшу – наиболее развитую в экономическом отношении часть империи. Без ее промышленности воевать было трудно. Потом война перешла в ту стадию, которую называют «окопной», или позиционной. Обидные поражения, бессмысленные жертвы, очевидная для всех бездарность командования, воровство в тылу – все это вызывало негодование общества. Однако в столицах эти настроения проявились не сразу. Несомненно, начавшаяся война дала новые рабочие места на многочисленных (особенно металлообрабатывающих) предприятиях; усилился приток капитала из-за границы; производство, ориентированное на военные заказы, увеличилось. За годы войны объем промышленной продукции Петрограда вырос на 150%, также увеличилось и число рабочих. Война способствовала развитию таких новых видов производства, как автомобилестроение, электропромышленность. Завод Игоря Сикорского в Новой Деревне начал выпускать бомбардировщики «Илья Муромец».

Заглянем в источник

Страсть к переименованиям в зависимости от политического момента – черта, примечательная не только для советских времен. Известно, что отношение к топониму, как тотему, могущему принести (символизировать) зло

или добро, прослеживалось еще в прежние века. Так, после подавления восстания Емельяна Пугачева по указу Екатерины Великой родная станция Емельки (уничжительные имена были обязательны при упоминании государственных преступников) Зимовейская была переименована в Потемкинскую, а река Яик – в Урал. Часто власти даже не удосуживались объяснить причины переименований. Но вот что мы читаем в бульварном «Петербургском листке» по поводу переименования столицы:

«Столица Петроград. Совершился великий исторический факт. Столица Российской империи Петербург, более двух веков носивший это название, по Высочайшему повелению переименован в Петроград. То, о чем мечтали лучшие из славянофилов, сбылось в великую эпоху борьбы с германизмом. На такой крупный шаг, как переименование столицы величайшего в мире государства, можно решиться, конечно, только имея достаточные к тому основания. А таких оснований у нас больше, чем нужно. На самом деле столица великого славянского государства до сих пор носила немецкое название. В каком государстве существует такой же факт, в какой стране столичный город носит чужеземное название. В эпоху великого строительства России, когда без иноземцев не мог обойтись Петр Великий, было вполне понятно, почему заложенный в устьях Невы город, ставший потом столицею, получил название Петербург.

Но теперь, когда русский народ достиг крупных успехов на всех поприщах человеческой деятельности, Россия – глава славянства – должна идти своим историческим самобытным путем. Но столица ее должна носить славянское название. Велением Державного Хозяина земли Русской так отныне и будет. В связи с новым именованьем российской столицы должны произойти изменения в названиях и ближайших к ней городов – Петергофа, Шлиссельбурга, Ораниенбаума и Кронштадта, носящих немецкие названия. Особенно нуждается в переименовании защищающая столицу крепость Кронштадт, так как в пределах воюющей с нами теперь Австро-Венгрии имеется город с таким же наименованием».

Статьейка отражает тот дурман ксенофобии и показного патриотизма, охватившего тогдашнее русское общество. Особенно забавно последнее предложение о переименовании Кронштадта, ибо, по мнению автора статьи, выходит, что наличие города с таким же названием во враждебной Австро-Венгрии несет непосредственную угрозу России.

А. Соколов. Императрица Александра Федоровна.

Вместе с тем довольно скоро стало ясно, что техническая отсталость русской промышленности является серьезным тормозом производства, и ее начали компенсировать за счет сверхурочных работ. За них платили особо, но инфляция сжираала добавку к жалованью. Выяснилось, что экономика России не в состоянии выдержать напряжение сколько-нибудь длительной тотальной войны. Положение в экономике непрерывно ухудшалось. После потери польского угля, оставшегося на оккупированных немцами территориях, реальностью стал и топливный кризис. Заводы работали, имея порой всего лишь суточный запас угля. Затем наступил продовольственный кризис, вызванный массовыми мобилизациями работоспособных мужчин из деревни, низкой урожайностью сельского хозяйства России. И все-таки главной бедой была беспомощность правительства. Страшна оказалась не столько нехватка топлива и продуктов, сколько неспособность власти организовать своевременную доставку их в столицу. В столице, 200 лет не знавшей нужды в продовольствии, начали исчезать товары. Возник «черный» рынок, началась спекуляция и воровство. Словом, уже через год-полтора после начала войны столица стала неузнаваема. Война, шедшая пока еще далеко на Западе, мощно вторглась в ее жизнь. Давно были забыты радостные проводы на войну; санитарные поезда везли и везли с фронта в столицу раненых, изувеченных, отравленных газами людей. Военная медицина была не в состоянии справиться с потоком раненых. Повсеместно началось движение женщин – они учились на медсестер и шли помогать раненым, уезжали на фронт. Не последнюю роль в развитии этого благородного начинания играл пример царской семьи – и царица, и великие княжны ухаживали за ранеными в госпиталях.

Действующие лица

Императрица Александра Федоровна

«Жаль, что занятия отнимают столько времени, которое хотелось бы проводить исключительно с ней!» – так писал в своем дневнике занятый государственной деятельностью император. «Она» – это Аликс, его возлюбленная супруга, окруженная любимыми детьми.

«Моя императрица» – так называл ее Николай II. В русской истории конца империи, пожалуй, нет другой, более противоречивой фигуры, чем эта красивая женщина с холодным, надменным лицом. Немка по рождению (до принятия православия – Виктория Алиса Хелена Луиза Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадтская, в домашнем обиходе – Аликс), англичанка по воспитанию, она стала супругой Николая II в 1894 году, сразу же после смерти Александра III. Это был брак по горячей любви. «Ники» и «Аликс» обожали друг друга, в тогдашней царской семье не было другой такой теплой, нежной семьи, таких заботливых супругов. Но тут и возникало разительное противоречие: казалось, оба они созданы для тихой частной жизни, вдали от суеты и кипения света, а между тем удел правящей императорской четы был как раз иной – быть в гуще событий, у всех на виду. Оказалось, что столь любимая народом роль «хозяйки земли Русской», «матушки-государыни» не по силам гордой, замкнутой и внешне холодной Аликс. Императрица была нелюдима, застенчива, не любила общества, дичилась окружающих. При ней не было ярких, веселых придворных празднеств, которыми прославились предыдущие царствования. Аликс была полной противоположностью другой Александре Федоровне, супруге Николая I, о которой современник писал:

«Императрица всегда любезная, оживленная, веселая, с жизнерадостным настроением, умеет прогнать всякое стеснение и сделать так, что всякий в отдельности чувствует себя хорошо. Двор в Петергофе – настоящий семейный круг, где каждый чувствует себя хорошо».

Вторая Александра Федоровна осознавала свои невыигрышные особенности, видела, что уступает в шарме своей свекрови, вдовствующей императрице Марии Федоровне.

«Я не виновата, что я застенчива, – говорила она. – Я гораздо лучше чувствую себя в храме, когда меня никто не видит, там я с Богом и народом... Императрицу Марию Федоровну любят потому, что императрица умеет вызывать эту любовь и свободно чувствует себя в рамках придворного этикета, а я этого не умею, и мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело».

Действительно, «правильному» публичному императорскому поведению Аликс препятствовало многое: ее природная застенчивость, угрюмость и скованность на людях, неумение и нежелание найти с ними общий язык, ее неглубокий ум, упрямство, близкое к фанатизму.

И жить императорская чета стремилась в уединении, вдали от шумной столицы. Таким любимым местом стал Петергоф, Александрия, где возникла «интимная резиденция», окруженная «нескончаемой высокой глухой стеной, выкрашенной в “казенные” – желтую и белую – краски» (по воспоминаниям А. Н. Бенуа). Сюда 27 мая 1895 года Николай привез свою Аликс и записал в дневнике:

«С радостными и горестными чувствами въехал я в милую Александрию и вошел в наш дом у моря. Так странно кажется жить здесь со своей женой. Хотя места тут в обрезе, но комнаты прелестные и помещение идеальное. Замечательно красиво отделана новая комната (Аликс) внизу у столовой. Но главная краса всего дома – это близость моря!»

В дневнике речь шла о Нижней даче (Нижнем дворце), построенной по указу Александра III для него – цесаревича, в 1885 году по проекту архитектора А. О. Томишко в стиле неоренессанс. Дворец был невелик, но очень удобен. Он сразу понравился Аликс, ибо отвечал ее вкусам и привычкам, а главное, тем, что жизнь ее семьи была защищена от досужего внимания окружающих. Нелюбимая свекровь и родственники жили в удалении – в Коттедже и «Ферме». В самом дворце почти не было проходных комнат, да и само его устройство «отсекало» посторонних: внизу – служебные помещения, а на второй этаж (в

темно-ореховый кабинет Николая, приемную Александры и в Розовую гостиную) попадали только избранные люди: докладчики царя и редкие гости супругов. А на третий этаж вход для большинства был невозможен. Здесь находилась святая святых – спальня и Малая гостиная (Кофейная), в которой по вечерам собиралась семья. Рождение детей привело к перестройке дворца: в 1895–1897 годах с южной стороны пристроили флигель – «Детскую половину».

Желание царя чаще бывать с семьей привело к тому, что летом светская и даже официальная жизнь столицы перемещалась в Петергоф. В Большом дворце Петергофа император давал аудиенции иностранным посланникам, вручал награды. Летом 1897 года здесь он принимал германского императора Вильгельма II, президента Франции Феликса Фора, сиамского принца, а в 1890 году – иранского шаха. В Александрию к нему приезжали с докладами министры и военные. Вообще, с Петергофом связаны важные события в жизни императора и России. Отсюда в августе 1904 года царь ездил провожать готовившуюся к походу на Тихий океан эскадру З. П. Рожественского. На Нижней даче он подписал знаменитый Манифест 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод, здесь же он совершил государственный переворот, распустив 9 июля 1906 года Первую Государственную думу, а в 1907 году – Вторую.

Счастливая жизнь Аликс с Николаем на самом деле обернулась трагедией, и главную роль в ней сыграла судьба. Рождение четырех девочек подряд огорчало супругов («Какое разочарование! Четвертая дочь!» – запись в дневнике Николая после рождения Анастасии), им необходим был наследник мужского пола. На этой почве у Александры возникли терзавшие ее невроты, окреп некий комплекс «династической вины», в результате она еще больше замкнулась в себе. Долгожданное рождение царевича Алексея в 1904 году принесло вместе с радостью и облегчением огромное горе – у мальчика, «солнечного лучика» (так называли его родители), обнаружилась гемофилия, унаследованная Аликс от своих германских предков. Началась непрерывная, отчаянная, но скрытая от глаз большинства борьба за здоровье тяжело больного ребенка. Психическое здоровье самой царицы разрушалось. Она стала суеверна, экзальтированно богомольна, оказалась склонна к мистическим увлечениям, была пропитана верой в чудеса, верила любым проходивцам, обещавшим спасти, вылечить цесаревича. Здесь сказывалось и страстное желание помочь своему невинно страдающему дитя, и общий дух, характерный для православия предреволюционной поры: жажда знамений, поиски провидцев, юродивых, чудотворцев, носителей сверхъестественной силы. К этому нужно прибавить экзальтированное увлечение людей света спиритизмом, восточными учениями, понимаемыми плоско и неглубоко. Из всего этого, далекого от истинного православия мистического тумана и появился Распутин, близость которого с царской семьей окончательно погубила репутацию самой царицы, династии...

Постепенно в обществе формировался отрицательный имидж Александры Федоровны, ее стали обвинять в самых разных бедах, постигших страну, в превратном духе истолковывать ее добрые и искренние дела, порывы и чувства. Как писал священник Георгий Шавельский, «ее восторженную веру, например, называли ханжеством, кликушеством. Когда она, заботясь о жертвах войны, следуя влечению своего христианского сердца, перенесла свои материнские заботы и на пленных германцев и австрийцев, тотчас поползли слухи об ее тяготении к немцам и об ее измене».

Сохранилась фотография 1916 года, сделанная одной из дочерей Николая в кабинете отца. Постаревшая, грузная Александра Федоровна непринужденно сидит на письменном столе мужа и как будто что-то внушает старательно записывающему за ней Ники. Эта фотография поразительно соответствовала тогдашним представлениям народа о своем государе. Кажется, будто она диктует ему слова из своих писем. Человеку, читающему письма императрицы Александры Федоровны к Николаю II, написанные осенью 1916 года, кажется, что через них она будто проводит своеобразный сеанс гипноза, зомбирования, чтобы подчинить волю Николая, заставить его поступать так, как кажется

правильным ей и стоящему за ее спиной Распутину:

«...Ты властелин и повелитель России, всемогущий Бог поставил тебя, и они должны все преклоняться перед твоей мудростью и твердостью... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех».

Кажется, что императрица в последнем случае применила не самое удачное сравнение, проявив слабое знание русской истории – как «сокрушил их всех» Павел I, хорошо известно. Кроме всего прочего, и императрица и император были искренне убеждены в народной, крестьянской любви к ним, престолу. Эта иллюзия подогревалась подготовленными местными властями к приезду царственной четы верноподданническими манифестациями, многочисленными пышными адресами с уверениями в беззаветной любви народа к монарху. Их плодили власти и монархические организации.

В конце 1916 года, когда ситуация в стране стала приобретать взрывоопасный характер, императрица, не чувствуя этого, по-прежнему настаивала:

«Еще немного терпенья и глубочайшей веры в молитвы и помощь нашего Друга (Распутин. – Е. А.), и все пойдет хорошо... Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена. Миновало время великой снисходительности и мягкости – теперь наступает твое царство воли и мощи! Они будут принуждены склониться перед тобой и слушаться твоих приказов и работать так, как ты хочешь и с кем ты назначишь. Их следует научить повиновению. Смысл этого слова им чужд: ты их избаловал своей добротой и всепрощением. Почему меня ненавидят? Потому что им известно, что у меня сильная воля и что когда я убеждена в правоте чего-нибудь (и если меня благословил Гр(изгорий), то я не меняю мнения, и это невыносимо для них. Но это – дурные люди. Вспомни слова t-r Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, я предостерегала бы тебя. Кто боится меня, не смотрит мне в глаза и кто замысливает недоброе – не любят меня... Хорошие же люди, честно и чистосердечно преданные тебе, любят меня: посмотри на простой народ и на военных, хорошее и дурное духовенство... Все становится тише и лучше. Только надо чувствовать твою руку. Как давно, уже много лет, люди говорили мне все то же: “Россия любит кнут!” Это в их натуре – нежная любовь, а затем железная рука, карающая и направляющая...».

Общее направление мысли государыни, ее требования явно расходились с реальностью. При этом к концу своего императорства она все дальше отходит от высшего общества, которое откровенно презирает. Она вступает (особенно по поводу Распутина) в конфликт с царской семьей, портит отношения с родной сестрой, великой княгиней Елизаветой Федоровной и другими некогда близкими ей людьми. После свержения Николая и монархии бывшая императрица вступила вместе с мужем и детьми на свой во многом ею же подготовленный крестный путь, который закончился в подвале дома купца Ипатьева в июле 1918 года.

Осенью 1915 года Николай II сместил популярного в армии главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, и взял командование на себя. Это был серьезный промах – отныне все военные неудачи относили на счет царя, который не обладал талантом военачальника. За время его главнокомандования лишь раз русским войскам генерала Брусилова в 1916 году удалось совершить успешный прорыв на австрийском фронте, но вскоре из-за недостатка боеприпасов это наступление выдохлось. Результаты военных действий в 1916 – начале 1917 года были удручающи для России. Фронт против немцев удавалось сдерживать с трудом. Армии не хватало самого необходимого, солдаты мерзли и голодали в окопах, множилось число дезертиров, в тылу росли антивоенные настроения.

Кроме того, в обществе, питавшемся слухами, распространилась ксенофобия, повсюду говорили о вредительстве и шпионаже, процветающем в высших сферах власти и при дворе, в кругу императрицы Александры Федоровны, немки по происхождению. Грязные слухи

распространялись и об отношениях царицы и Григория Распутина.

В народе всю вину за поражения возлагали на императрицу-немку, якобы окружившую себя германскими шпионами и подавившую волю царя. Однако шпиономания не имела никаких реальных оснований: только по рождению немка, Аликс с пяти лет воспитывалась в Англии, и ее родным языком был английский, а отношение к Германии, и особенно Вильгельму II, у нее было всегда резко отрицательное. Как бы то ни было, общественное мнение было основательно в одном – влияние императрицы на Николая II было вредным.

Распутин и его убийство

Особое влияние на царскую семью и двор оказывал сибирский мужик Григорий Распутин. Объяснялось оно неординарной личностью и необыкновенными способностями «старца». Он был единственный, кто мог останавливать кровь у больного гемофилией наследника престола цесаревича Алексея. Поэтому царица Александра Федоровна безмерно доверяла «старцу», считая его святым. Распутин же, пользуясь своим влиянием при дворе, грубо вмешивался в государственные дела, стал играть существенную роль в политике, добивался снятия одних и возвышения других министров. Императрица во всем шла у него на поводу. В декабре 1916 года она писала мужу на фронт:

Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга... Он умоляет, чтобы скорее сменили Макарова – и я вполне с Ним согласна... Будь властелином, слушайся твоей стойкой женоушки и нашего Друга, доверься нам!... Наш Друг и Калинин (Протопопов, будущий премьер-министр. – Е. А.) умоляют тебя распусти Думу не позже 14-го...

Подобными напоминаниями, просьбами, пересказами снов, пророчеств и высказываний Распутина заполнены и все другие письма императрицы.

Все это вызывало раздражение аристократии, депутатов Думы и общества в целом; распространялись самые фантастические слухи и сплетни о близости «сибирского мужика» и императрицы. Все это дискредитировало династию и вообще верховную власть. В среде политиков разного направления, в кругу великих князей созрела идея дворцового переворота в пользу великого князя Николая Николаевича или малолетнего цесаревича Алексея при регентстве Михаила Александровича, брата царя.

Заглянем в источник

Вот как Феликс Юсупов описывает произошедшее в своем дворце на берегу Мойки:

«...Просидев столько времени около этого человека, проглотившего громадную дозу самого убийственного яда, следя за каждым его движением и в ожидании роковой развязки, мог ли я предположить, что он позовет меня ехать к цыганам? И особенно поражало меня то, что Распутин, который все чуял и угадывал, теперь был так далек от сознания своей близкой смерти...

“Господи, дай мне сил покончить с ним!” – подумал я и медленным движением вынул револьвер из-за спины... Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил. Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру... Мы осмотрели рану: пуля прошла навывлет в области сердца. Сомнений не было: он был убит...

Тело было неподвижно, но, прикоснувшись к нему, я убедился, что оно еще теплое. Тогда, наклонившись над ним, я стал нащупывать пульс, биения его не чувствовалось: несомненно, Распутин был мертв... Тогда я снова к нему приблизился и начал пристально всматриваться в его лицо: оно конвульсивно вздрагивало, все сильнее и сильнее. Вдруг его левый глаз начал приоткрываться... Спустя мгновение правое веко, тоже задрожав, в свою очередь, приподнялось, и... оба глаза Распутина, какие-то зеленые, змеиные, с выражением дьявольской злобы впелись в меня... Как в кошмаре, стоял я, прикованный к каменному полу...

И тут случилось невероятное. Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги; изо рта его шла пена. Он был ужасен. Комната огласилась диким

ревом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы... Вот они, точно раскаленное железо, впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скосились и совсем вылезли из орбит. Оживший Распутин хриплым шепотом непрерывно повторял мое имя. Обуявший ужас был не сравним ни с чем. Я пытался вырваться, но железные тиски держали меня с невероятной силой. Началась кошмарная борьба. В этом умирающем, отравленном и простреленном трупе, поднятом темными силами для отмщения своей гибели, было что-то до того страшное, чудовищное, что я до сих пор вспоминаю об этой минуте с непередаваемым ужасом...»

Далее Юсупов рассказывает, что Распутин сумел встать, выбежать вверх по лестнице на двор и только там его четырьмя выстрелами повалил участник заговора, член Государственной думы Пуришкевич, после чего заговорщики на автомобиле повезли топить тело в Неве.

При этом продолжались попытки различных политических сил склонить царя к уступкам либеральной оппозиции. Но на этом пути стояли императрица Александра Федоровна и так почитаемый в царской семье Распутин. Тогда против временщика составили заговор. Распутина заманили в петербургский дворец Феликса Юсупова, и там заговорщики вначале дали временщику яд, но он не подействовал, потом они несколько раз стреляли в Распутина, затем бросили тело в прорубь на Неве... Тем не менее вскрытие извлеченного из-под льда тела показало: Распутин погиб от недостатка воздуха, то есть причиной смерти стало то, что он... утонул.

Впоследствии труп похороненного в Царском Селе Распутина был выкопан и публично сожжен.

«Великокняжеская оппозиция»

К 1915–1916 годам относится усиление так называемой «великокняжеской оппозиции». Еще в 1886 году Александр III пересмотрел «Учреждение об императорской фамилии» 1797 года. Дело в том, что императорская фамилия за истекшие сто лет увеличилась в несколько раз. У Николая II было 29 родственников – великих князей (брат его деда Александра II, четверо дядей, десять двоюродных дядей, брат, четверо двоюродных братьев и девять троюродных братьев. Большинство из них имело жен и много детей, что вело к огромным расходам. С 1886 года великими князьями считались только внуки императора. В семье Романовых было немало умных, образованных, влиятельных людей. Среди них встречались либералы, но больше всего было консерваторов. Мнение последних было весомо для Николая II, который, как человек слабый и порой нерешительный, был подвержен влиянию своих родственников. Особенно он считался со своими дядьями – великими князьями Алексеем, Николаем, Сергеем и Владимиром. Как писал – не без сарказма – великий князь Александр Михайлович, император

...провел первые десять лет своего царствования, сидя за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей... Особенно любили стучать кулаком по его столу дядя Алексей, 250-фунтовый генерал-адмирал, и дядя Николай, рост которого составлял шесть футов и пять дюймов... Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств. Все они имели, каждый, своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали устроить «русский сезон» в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д. К шести вечера молодой император был без сил, подавленный и оглушенный. Он с тоской смотрел на

портрет своего отца, жалея, что не умеет говорить языком этого грозного первого хозяина России.

К концу же императорского периода мы можем говорить о попытках части великих князей влиять на политику режима, во-первых, в направлении его либерализации, конституционного развития России и, во-вторых, в стремлении ограничить политическую роль и значение Распутина и императрицы, которые им казались губительными для страны. Лидерами «великокняжеской партии» считались великие князья Николай Михайлович и Николай Николаевич, а также отчасти Павел Владимирович. Если взгляды последнего на демократизацию режима не встречали поддержки большинства великих князей, понимавших, что изменение строя приведет к падению роли и снижению статуса семьи Романовых, то в борьбе с распутинской кликой и императрицей они были, за редким исключением, едины. Однако формы этой «борьбы» были самые незатейливые и сводились к беседам с императором, которые не приводили ни к какому решению, да и единства в их среде не было. Лишь только после убийства Распутина, когда стала реальна (по настоянию императрицы) ссылка участвовавшего в убийстве временщика великого князя Дмитрия Павловича, великие князья объединились и составили петицию на имя императора в поддержку Дмитрия. Ответ государя: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многих не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению. Николай». На этом и закончилась «организованная» оппозиционная борьба великих князей.

Кризис империи

В 1916 году назрел общий, системный кризис в обществе. Военное производство стало разрушать внутренний рынок. Возник невиданный ранее дефицит промышленных изделий, возросли цены на все товары, и в частности, на продовольствие. Условия жизни в городах быстро ухудшались. Очереди за хлебом стали пугающим символом грядущей катастрофы. Власть оказалась бессильной в борьбе с инфляцией, ростом цен, коррупцией и воровством. Спасительная в той ситуации идея введения карточек долго не реализовывалась, и карточки появились лишь в 1917 году, когда было уже поздно.

Особенно опасными для власти стали настроения в армии. Здесь с успехом начали действовать агитаторы различных революционных партий, призывавшие солдат к неповиновению и бунту. Тяжелые условия окопной жизни, ощущение бессмысленности войны, слухи о повсеместной измене все больше овладевали солдатами – вчерашними крестьянами. Гарнизоны городов были настроены особенно революционно и не хотели отправляться на фронт.

Экономический кризис дал толчок и кризису политическому. В Четвертой Государственной думе обострились политические распри, усилились противоречия между сторонниками правительства и оппозиционерами-либералами, которые требовали повышения роли парламента в стране, передачи ему новых функций контроля и управления, проведения реформ в системе управления и организации военного дела. Шесть фракций Думы создали в 1915 году оппозиционный Прогрессивный блок, настаивавший на изменении экономической политики. Эти требования, исходившие из среды буржуазии, а главное, неудачи на фронте побудили власть дать больше свободы частному капиталу для участия в военном производстве, получении и распределении заказов и прибыли. Возник Центральный военно-промышленный комитет, который возглавил лидер партии октябристов А. И. Гучков. Но это не решило проблему взаимоотношений царя и Думы. В феврале 1916 года царь последний раз присутствовал при открытии очередной сессии Думы, и с тех пор их контакты свелись к минимуму.

В 1916 – начале 1917 года кризис в Петрограде выявился уже со всей очевидностью. Это ощущалось даже на облике Петрограда, утратившего свой изящный, щеголеватый вид имперской столицы. Никто уже не ремонтировал фасады домов и мостовые, поколебался

веками установленный бытовой порядок, пришла разруха. Образовался невиданный ранее дефицит на большинство промышленных изделий, выросли цены на все товары и на продовольствие. Правительству, которое оказалось бессильным в борьбе с инфляцией, ростом цен (они выросли за годы войны в три раза) и коррупцией, пришлось ввести карточки на все необходимые товары.

Февральская революция. Свержение самодержавия

Двадцать третьего февраля 1917 года на улицы столицы вышли десятки тысяч забастовавших рабочих и с лозунгами «Хлеба!», «Долой самодержавие!», «Долой войну!» двинулись к центру, громя на своем пути магазины и хлебные лавки, переворачивая трамваи. В этих действиях нашло выражение и отчаяние измученных людей, и стадное чувство толпы, и умелая манипуляция ее действиями со стороны революционных агитаторов от левых партий. К 25 февраля забастовка охватила половину рабочих Петрограда, начались столкновения полиции с толпой, на помощь полиции были брошены войска. Однако народ на улицах не был настроен враждебно к выведенным из казарм «солдатикам», у которых, как стало известно всем, даже не было патронов к винтовкам.

Николай, находившийся в Ставке верховного командования в Могилеве, в ответ на телеграммы о росте беспорядков в столице потребовал прекратить их «завтра же». Ночью солдатам раздали патроны. Утром 26 февраля толпы демонстрантов опять двинулись к центру, на Невский проспект, поперек которого стояли войска. Как только толпа приблизилась к цепям войск, раздалась команда «Пли!» На месте погибло более двухсот человек, сотни раненых увезли в больницы. Толпа рассеялась, Невский проспект был «очищен» от демонстрантов, казалось, что порядок, наконец, наведен. Однако он не продержался и нескольких часов. Перелом наступил ночью, когда вспыхнул бунт солдат Волынского полка, положивший начало общему восстанию солдат Петроградского гарнизона утром 27 февраля. Повсюду шло братание солдат с демонстрантами, начались погромы полицейских участков и тюрем, из которых начали выпускать без разбору всех заключенных. Зловещим символом мятежа стал пожар Окружного суда на Литейном проспекте.

Заметки на полях

Отречение стало результатом полного крушения не только всей политики Николая II, но и краха его репутации как императора и человека. Он не обладал необходимой для своей высокой роли харизмой ни внешне, ни внутренне. Невысокого роста, он казался карликом возле своих родственников – великих князей, которые, как на подбор, были гигантами. Царь был почти не замечен в толпе придворных, возле своей ставшей к старости дородной супруги. Но дело даже не во внешнем облике повелителя (хотя придворное ведомство важность этого понимало и рекомендовало царю чаще появляться верхом, что скрашивало недостаток роста), а во внутреннем, душевном строе этого человека. Одни знали, другие чувствовали отсутствие у него воли, решительности, «самодержавного куража», жесткости, за которую люди часто уважают правителя. А это, конечно, отражалось на восприятии народом монарха, монархии. Словом, он неумело играл роль царя. Ф. И. Шаляпин, чье исполнение роли царя Бориса Годунова в одноименной опере вызывало всеобщий восторг, коснулся в своей книге «Маска и душа» этой темы:

«Надо уметь играть царя. Огромной важности, шекспировского размаха его роль. Царю, кажется мне, нужна какая-то особенная наружность, какой-то особенный глаз. Все это представляется мне в величавом виде. Если же природа сделала меня, царя, человеком маленького роста и немного даже с горбом, я должен найти тон, создать себе атмосферу – именно такую, в которой я, маленький и горбатый, производил бы такое же впечатление, как произвел бы большой и величественный царь. Надо, чтобы каждый раз, когда я делаю жест

перед моим народом, из его груди вырывался возглас на все мое царство:

– Вот это так царь!

А если атмосфера не уяснена мною, то жест мой, как у бездарного актера, получается фальшивый, и смущается наблюдатель, и из груди народа сдавленно и хрипло вырывается полушепот: – Ну и царь же!...

Не понял атмосферы – провалился.

Горит империя».

Восставшие захватили Арсенал, и 40 тыс. винтовок были розданы народу. Власть оказалась бессильной перед натиском вооруженной толпы, требовавшей свержения монархии и провозглашения республики. Двадцать седьмого февраля Особый комитет Государственной думы после совещания с Петроградским советом, тогда же образованным левыми партиями, сформировал новое правительство во главе с князем Г. Львовым, называемое Временным, то есть на время до избрания и созыва Всероссийского Учредительного собрания. Правительство потребовало от Николая II отречения в пользу его брата, великого князя Михаила Александровича. Но только после того, как император получил телеграммы с требованием об отречении от всех командующих фронтами, он перестал сопротивляться и отрекся от трона 2 марта 1917 года в пользу великого князя Михаила Александровича.

Заглянем в источник

Следствием всех событий конца зимы – начала весны 1917 года стало отречение императора Николая II, что выразилось в издании манифеста. В нем было сказано:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической Нашей армии, благо народа, все будущее Нашего дорогого Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почти Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и ополчение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами Государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу...

Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

2 марта 1917 г., 15 час., гор. Псков»

Семья императора Николая II. 1914 год.

Хотя Александр III больше других любил младшего сына Михаила, умирая, он тем не менее не стал менять закон о престолонаследии, так что на престол после него вступил старший сын Николай. До рождения цесаревича Алексея Николаевича в 1904 году великий князь Михаил оставался наследником престола и с радостью отказался от титула цесаревича – так ему опротивело быть наследником. Михаил Александрович был простым, легким, веселым человеком, увлеченным музыкой. И хотя он был силач и воин, характер имел добродушный и был даже более слабым человеком, чем его брат-император. Его мать, императрица Мария Федоровна, говорила Витте: «Вы хотите сказать, что государь не имеет характера императора? – Это верно, – отвечает Мария Федоровна, – но ведь в случае чего-либо его должен заменить Миша, а он имеет еще меньше воли и характера». У Михаила Александровича сложились тяжелые отношения и с братом-императором, и с матерью – вдовствующей императрицей Марией Федоровной, ибо вопреки их воле он женился на дважды разведенной особе – Наталье Шереметьевской, самой неотразимой красавице тогдашнего Петербурга. Во избежание гнева царственных родственников супругам пришлось несколько лет прожить за границей. С началом войны Михаил Александрович был назначен командовать кавалерийской дивизией на Кавказе.

Накануне отречения брата, 27 февраля 1917 года, Михаил Александрович в Петрограде несколько часов проговорил с председателем Государственной думы Родзянко, который видел в Михаиле регента при императоре Алексее II.

Третьего марта Михаил, скрывавшийся на квартире княгини Путятиной на

Миллионной улице, принял делегацию политиков. Однако, увидев, что они не имеют единого взгляда на будущее России и династии, а главное, что они не гарантируют ему безопасность, отказался «от восприятия верховной власти», формально пробыв императором всего лишь один день – 3 марта 1917 года. Так Россия перестала быть монархией. Михаил Романов был выслан в Пермь, где большевики расстреляли его ночью 13 июля 1918 года.

Арестованный 8 марта Николай Романов был отвезен в Царское Село, где вместе с семьей (женой, сыном, дочерьми Татьяной, Марией, Анастасией и Ольгой) жил в Александровском дворце до конца июля 1917 года. Затем их перевезли в Тобольск, а оттуда в конце мая 1918 года – в Екатеринбург, где они и были расстреляны.

Хронология

- 1682**, 27 апреля смерть Федора Алексеевича, Земский собор, избрание царем Петра I.
- 1682**, и 15 мая мятеж стрельцов, избиение Нарышкиных, установление двоевластия Ивана Петра.
- 1682**, 29 мая – триумvirат царевны Софьи Алексеевны и царей Ивана и Петра.
- 1689**, август
- 1682**, май – «Хованщина», сентябрь
- 1684**, 9 января бракосочетание царя Ивана V и Прасковьи Федоровны Салтыковой.
- 1686** «Вечный мир» с Польшей, переход Киева под власть России, участие в антитурецкой «Священной лиге».
- 1687** открытие Славяно-греко-латинской академии.
- 1686–1689** посольство Ф. А. Головина в Китай. Заключение Нерчинского договора с Китаем о границах. Уступка Албазина китайцам.
- 1687** и **1689** Крымские походы князя В. В. Голицына.
- 1689**, 27 января бракосочетание Петра и Евдокии Лопухиной.
- 1689**, август – бегство Петра I в Троице-Сергиев монастырь, свержение Софьи Алексеевны сентябрь и ее правительства. Казнь Федора Шакловитого и ссылка В. В. Голицына.
- 1690–1700** служение последнего патриарха Адриана.
- 1693** и **1694** поездка Петра в Архангельск.
- 1695** и **1696** Азовские походы, взятие Азова.
- 1696** начало строительства флота, возведение Таганрога.
- 1696**, 29 января смерть царя Ивана V Алексеевича. Единодержавие Петра I.
- 1697–1698** Великое посольство в Европу. Посещение Петром Голландии, Англии и Австрии.
- 1698**, август бунт стрельцов и его подавление, встреча Петра и Августа II в Раве-Русской.
- 1699** Карловицкий мир России, Австрии, Венеции и Польши с Турцией; Союзный договор России с Саксонией, а также с Данией, основание Северного союза. Начало нового летоисчисления.
- 1700** Стамбульский (Константинопольский) мирный договор с Турцией, начало Северной войны со Швецией, Травендальский мир, выход Дании из войны, поражение русских войск от войск Карла XII под Нарвой.
- 1701** первые военные успехи армии Б. П. Шереметева в Лифляндии и Эстляндии. Открытие Школы математических и навигацких наук, Артиллерийской школы в Москве.
- 1702** манифест Петра I с приглашением иностранцев в Россию на льготных условиях.
- 1702**, ноябрь взятие Нотебурга (Шлиссельбурга).
- 1703**, апрель – май выход русских войск к устью Невы, взятие Ниеншанца.
- 1703**, 16 мая основание Санкт-Петербурга.

1704 основание Кронштадта, завоевание Дерпта, Нарвы, Иван-города. Договор с Речью Посполитой в Биржае о совместных действиях против Швеции.

1706 победа русско-саксонских войск над шведами при Калише. Основание в Москве военного госпиталя и медицинской школы.

1707–1709 восстание Кондратия Булавина.

1707 начало похода Карла XII в Россию, отступление русской армии через Белоруссию и Украину.

1708 начало первой областной реформы. Поражение русских войск при Головчине, победа их над шведами при Добром, битва при Лесной, переход гетмана Ивана Мазепы к шведам, осада шведами Полтавы.

1709 , Полтавское сражение, капитуляция шведских войск у Переволочны, возвращение 27 июня Августа II в Польшу. Копенгагенский договор Дании и России о возобновлении Северного союза.

1710 взятие русскими войсками Риги, Ревеля, Выборга, Кексгольма, фактическое присоединение к России Лифляндии и Эстляндии. Начало русско-турецкой войны.

1711 учреждение Правительствующего Сената. Прутский поход Петра I. Прутский мир с Турцией, уничтожение Азовского флота, сдача туркам Азова и Таганрога.

1712 фактический перенос столицы из Москвы в Петербург.

1713 русско-польский договор о разделе Украины вдоль Днепра.

1714 закон о майорате. Гангутское сражение, занятие русскими войсками Финляндии.

1716–1717 вторая поездка Петра за границу.

1716 бегство царевича Алексея за границу.

1717 Петр I в Париже. Начало коллежской реформы.

1718 возвращение царевича Алексея, его дело. Образование Тайной канцелярии. Начало подушной переписи. Открытие русско-шведского Аландского конгресса о мире. Гибель Карла XII.

1718 , 27 июля Тайная казнь царевича Алексея.

1719 высадка русских войск в Швеции.

1720 Морской устав Петра I. Генеральный регламент.

1721 ликвидация патриаршества, учреждение Святейшего Синода. Городская реформа. Заключение Ништадтского мира.

1721 , 22 октября провозглашение России империей, Петра – императором, присвоение ему титула «Великого» и «Отца Отечества».

1722 Табель о рангах. Указ о престолонаследии. Начало Персидского похода.

1723 взятие Баку, оккупация южного побережья Каспия. Мир с Персией, присоединение к России территорий вдоль Каспийского моря. Указ о форме суда, создание новой системы суда.

1724 оборонительный договор со Швецией. Новый таможенный тариф. Начало подушного обложения (5 млн душ мужского пола).

1725 , 28 января смерть Петра I, вступление на престол Екатерины I.

1725 , август открытие Санкт-Петербургской академии наук.

1725–1730 Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга.

1725 опала главы Синода архиепископа Феодосия.

1726 создание Верховного тайного совета. Договор с Австрией о союзе.

1727 , 6 мая смерть Екатерины I. Вступление на престол Петра II.

1727 , осень опала и ссылка А. Д. Меншикова.

1727 открытие Кунсткамеры. Посольство Саввы Рагузинского в Китай. Заключение им Кяхтинского договора с Китаем.

1728 , январь переезд двора из Петербурга в Москву.

1728 , лето открытие Берингом пролива между Азией и Америкой.

1728 , 30 ноября обручение Петра II с Екатериной Долгорукой.

1730 , 18 января смерть Петра II, попытка ограничения императорской власти

верховниками.

1730–1740 царствование Анны Иоанновны.

1730 ликвидация Верховного тайного совета.

1731 отмена закона о майорате, слияние вотчины и поместья. Открытие Ладожского канала. Учреждение Кабинета министров, сокращение власти Сената. Открытие Шляхетского сухопутного корпуса в Петербурге.

1732, январь переезд царского двора из Москвы в Петербург.

1732 возвращение Персии Прикаспийских владений России. Воссоздание Тайной канцелярии. Берлинский договор с Австрией и Пруссией о претендентах на польский престол.

1732–1741 Вторая Камчатская экспедиция Беринга.

1733–1735 война за Польское наследство.

1734 осада Б. Х. Минихом Данцига. Переход Запорожской Сечи под власть России.

1735 Гянджинский мирный договор с Персией.

1735–1739 Русско-турецкая война.

1736 Крымский поход Б. Х. Миниха, занятие Крыма. Завоевание Азова. Указ о прикреплении мастеровых к мануфактурам. Закон о 25-летней службе дворян.

1737 взятие русскими войсками Очакова. Бирон – герцог Курляндии. Указ об освобождении дворянских детей от обязательного обучения.

1739 победа Миниха при Ставучанах. Белградский мир с Турцией. Первая русская экспедиция в Японию.

1740, 27 июня казнь кабинет-министра А. П. Волынского.

1740, 12 августа рождение Ивана Антоновича.

1740, 17 октября смерть Анны Иоанновны, воцарение Ивана VI Антоновича, регентство Бирона.

1740, 9 ноября свержение Бирона Минихом. Анна Леопольдовна – правительница.

1741–1743 Русско-шведская война.

1741, 23 августа победа русских войск под командованием П. Ласси над шведами при Вильманстранде.

1741, октябрь персидское посольство Надир-шаха в Петербурге.

1741, 25 ноября свержение Ивана Антоновича, воцарение Елизаветы Петровны, арест Брауншвейгской фамилии.

1741 уничтожение Кабинета. Восстановление власти Сената.

1742 победы русской армии в Финляндии, капитуляция шведов в Гельсингфорсе.

1743 Абоский мирный договор со шведами. Начало Второй ревизии населения (6,6 млн душ «мужеска полу»).

1745 М. В. Ломоносов – профессор Санкт-Петербургской академии наук.

1746 запрещение недворянам покупать крепостных крестьян.

1747 Регламент Академии наук.

1748 поход русского корпуса на Рейн. Открытие химической лаборатории М. В. Ломоносова.

1750 избрание К. Г. Разумовского гетманом Украины.

1752 открытие Морского кадетского корпуса.

1753 отмена внутренних таможен.

1755 Таможенный устав, учреждение Комиссии по составлению Уложения. Открытие в Москве университета и гимназии при нем. Постановка первой оперы на русском языке.

1756 Открытие русского драматического театра. Создание Конференции при высочайшем дворе.

1756–1762 участие России в Семилетней войне.

1757 открытие Академии художеств. Победа русских войск над пруссаками при Гросс-Егерсдорфе.

1758 взятие русскими войсками Кенигсберга. Сражение при Цорндорфе. Опала

канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Открытие первой провинциальной гимназии в Казани.

1759 победа русских войск при Кунерсдорфе. Открытие в Петербурге Пажеского корпуса.

1760 взятие Берлина русско-австрийскими войсками.

1761 взятие русскими войсками крепости Кольберг.

1761, 25 декабря смерть Елизаветы Петровны. Вступление на престол Петра III.

1762–1766 Третья ревизия населения (7,4 млн душ «мужеска полу»).

1762 Учреждение Государственного банка. Манифест об отмене «Слова и дела», ликвидация Тайной канцелярии. Начало секуляризации церковных земель. Указ о свободе вероисповедания.

1762, 18 января Манифест о вольности дворянства.

1762, 24 апреля «Вечный мир» с Пруссией. Выход России из Семилетней войны.

1762, 28 июня дворцовый переворот Екатерины II. Свержение и арест Петра III.

1762, 6 июля убийство Петра III в Ропше.

1762–1796 царствование Екатерины II.

1762 Указ о полной секуляризации церковных земель и имущества и передачи их Коллегии экономии.

1764 заговор Василия Мировича. Убийство Ивана Антоновича в Шлиссельбурге. Ликвидация гетманства на Украине. Открытие Воспитательного дома в Москве, Смольного института благородных девиц в Петербурге.

1765 учреждение Вольного экономического общества. Указ о праве помещика отправлять на каторгу провинившихся крестьян.

1766 договор России с Англией о дружбе и торговле.

1767 «Наказ» Екатерины II. Начало работы Комиссии для составления проекта нового Уложения.

1768 образование Совета при высочайшем дворе. Начало войны с польскими конфедератами.

1768–1769 образование двух ассигнационных банков и сети банковских контор. Введение бумажных денег. Выпуск первого русского займа.

1768–1774 Русско-турецкая война.

1769 взятие крепости Хотин. Учреждение ордена Святого Георгия.

1770 победы П. А. Румянцева над турками при Фокшанах, Ларге и Кагуле. Чесменский бой.

1771, сентябрь Чумной бунт в Москве. Поход русской армии в Крым.

1772 Петербургская конвенция России, Австрии и Пруссии о Первом разделе Польши.

1773 основание Горного училища в Петербурге. Начало восстания Е. Пугачева.

1774 победа А. В. Суворова над турками под Козлуджей. Кючук-Кайнарджийский мир. Начало фавора Г. А. Потемкина.

1775 казнь Пугачева. Уничтожение Запорожской сечи. Начало губернской реформы. Образование сословных судов.

1776 экспедиция Г. И. Шелихова в Америку.

1777 основание Херсона. Начало заселения Новороссии.

1780 Россия – инициатор Конвенции о принципе вооруженного нейтралитета в англо-американской войне. Открытие в Москве Петровского (Большого) театра.

1782 «Устав благочиния», учреждение управ благочиния. Новый таможенный тариф.

1783 указ о разрешении заводить вольные типографии. Присоединение Крыма к России. Открытие Российской академии. Подписание Георгиевского трактата о присоединении Грузии. Основание Севастополя.

1784 основание «Типографской компании» Н. И. Новикова.

1785 Грамота вольности дворянства. Грамота вольности городам. Указ об отмене телесных наказаний дворян и купцов. Начало военной реформы Г. А. Потемкина. Открытие Эрмитажного театра.

- 1786** Учреждение Земского ассигнационного банка. Устав народных училищ.
- 1786–1791** Русско-турецкая война.
- 1788–1790** Русско-шведская война.
- 1788** взятие Очакова. Победа над шведами у острова Готланд.
- 1789** победа русско-австрийских войск у Фокшан. Победа Суворова при Рым нике.
- 1790** Верельский мирный договор со Швецией. Взятие Суворовым Измаила. Ссылка А. Н. Радищева.
- 1791** победа Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом близ мыса Калиакрия. Мирный договор с Турцией в Яссах.
- 1792** Тарговицкая конфедерация. Война России с Польшей. Первое русское посольство в Японию.
- 1793** манифест о французской революции. Разрыв отношений с Францией. Русско-прусская конвенция о втором разделе Польши.
- 1794–1795** восстание в Варшаве, разгром и пленение Тадеуша Костюшко.
- 1795** русско-пруская конвенция о третьем разделе Польши. Отречение от престола польского короля Станислава Августа. Указ об основании Императорской публичной библиотеки.
- 1796** указ об ограничении свободы книгопечатания. Закрытие всех частных типографий. Указ о роспуске масонских лож. Арест Н. И. Новикова. Поход В. А. Зубова в Персию. Пятая ревизия населения (36 млн человек).
- 1796** , 6 ноября смерть Екатерины II. Вступление на престол Павла I.
- 1797** торговый договор с Англией. Манифест о трехдневной барщине. Установление цензуры. Реформа российской наградной системы. Открытие Медико-хирургической академии. Учреждение об императорской фамилии.
- 1797–1801** строительство Михайловского замка.
- 1797** русско-английский договор. Договор с Турцией.
- 1798–1799** война против Франции в союзе с Турцией.
- 1798** союзный договор с Королевством обеих Сицилий. Принятие Павлом I звания Великого магистра Мальтийского ордена. Союзные договоры с Англией и Турцией, война с Францией. Освобождение русской эскадрой греческих островов в Средиземном море. Разрешение старообрядцам строить церкви по всей стране.
- 1799** Итальянский поход Суворова. Победы над французами на реках Адд и Треббии при Нови. Учреждение Российско-американской компании.
- 1800** переговоры о союзе с Францией. Устав о банкротах. Разрыв с Англией. Запрещение ввоза в Россию иностранных книг. Начало покорения Кавказа.
- 1801** присоединение Грузии к России.
- 1801** , 11 марта дворцовый переворот. Убийство Павла I. Вступление на престол Александра I.
- 1801** образование Негласного комитета, разработка плана реформ.
- 1805** первая война с Францией, поражение русских под Аустерлицем.
- 1806–1807** вторая война с Францией.
- 1807** Сражения при Прейсиш-Эйлау и Фридланде, Тильзитский мир.
- 1808–1809** война со Швецией.
- 1809** , 5 сентября Фридрихсгамский мирный договор, присоединение Финляндии к России.
- 1810** начало создания системы военных поселений.
- 1812** , 17 марта отставка и ссылка М. М. Сперанского.
- 1812** , июнь нападение Наполеона на Россию. Начало Отечественной войны 1812 года.
- 1812** , 4–5 августа сражение под Смоленском.
- 1812** , 17 августа прибытие в армию М. И. Кутузова.
- 1812** , Бородинское сражение. 24–26 августа
- 1812** , 1 сентября оставление русскими Москвы, начало московского пожара.

1812 , 12 октября сражение при Малоярославце.
1812 , отступление французов. октябрь – ноябрь
1812 , 8 октября Наполеон в Смоленске.
1812 , 16 ноября переправа французов через Березину.
1813 , январь начало заграничного похода русской армии.
1813 , 16 апреля смерть М. И. Кутузова.
1813 , август поражение союзников под Дрезденом.
1813 , 16 октября «Битва народов» под Лейпцигом.
1814 , 30 марта вступление русских войск в Париж.
1814 , сентябрь 1815, июнь – Венский конгресс.
1815 , сентябрь создание Священного союза.
1816 , февраль образование «Союза спасения».
1818 , январь образование «Союза благоденствия».
1821 образование «Южного», а потом «Северного общества».
1822 указ о запрещении масонства.
1825 , 19 ноября смерть Александра I в Таганроге.
1825 , ноябрь – междуцарствие. Провозглашение императором Константина I Павловича. Его декабрь отречение от престола.
1825 , 14 декабря восстание на Сенатской площади. Провозглашение императором Николая I Павловича и присяга ему.
1825 , 29 декабря восстание Черниговского полка.
1826 , 13 июля казнь руководителей мятежа.
1826 создание Корпуса жандармов и Третьего отделения канцелярии Его величества. Экспедиция А. П. Ермолова в Чечню.
1826–1828 Русско-иранская война.
1827 взятие русскими войсками Еревана и Тавриза.
1828 Туркманчайский мир с Персией. Присоединение к России Эриванского и Нахичеванского ханств.
1828–1829 Русско-турецкая война.
1828 оккупация Россией Молдавии и Валахии. Взятие турецких крепостей Кара и Баязет.
1829 убийство в Тегеране А. С. Грибоедова. Поражение турок при Кулевче. Взятие русскими войсками Эрзерума. Переход русской армии через Балканы. Адрианопольский мир. Присоединение к России Черноморского побережья Кавказа.
1830 «Холерные бунты».
1830 , 17 ноября начало Польского восстания.
1832 подавление Польского восстания. Ограничение свобод в Польше. Закрытие Виленского университета.
1833 союзный договор с Турцией. Издание «Свода законов Российской империи».
1834 указ об ограничении сроков пребывания русских подданных за границей. Открытие Киевского университета.
1835 Новый университетский устав. Восьмая ревизия населения (в России – 51 млн человек).
1836 публикация журналом «Телескоп» «Философических писем» Петра Чаадаева. Опера М. И. Глинки «Жизнь за царя».
1837 открытие первой железной дороги Санкт-Петербург – Павловск.
1838 назначение С. Уварова министром народного просвещения. Концепция «Православие – Самодержавие – Народность».
1840 создание государства имама Шамиля.
1845 поход М. Воронцова на Дарго.
1847–1876 завоевание Россией Средней Азии.
1849 подавление восстания в Венгрии. Дело петрашевцев.

- 1851** открытие железной дороги Санкт-Петербург – Москва.
- 1853** посольство А. С. Меншикова в Стамбул. «Вольная русская типография» А. И. Герцена в Лондоне.
- 1853–1856** Крымская война.
- 1854** объявление Россией войны Англии и Франции. Высадка союзников в Крыму, битва при Альме. Начало осады Севастополя.
- 1855** издание А. И. Герценом «Полярной звезды».
- 1855** , 18 февраля смерть Николая I. Вступление на престол Александра II.
- 1855** , сентябрь падение Севастополя.
- 1856** назначение министром иностранных дел князя А. М. Горчакова. Парижский мирный договор.
- 1856** , 26 августа амнистия декабристов.
- 1859** пленение Шамиля.
- 1860** Пекинский договор с Китаем о разграничении территорий.
- 1861** создание Совета министров.
- 1861** , 19 февраля Манифест об освобождении крепостных.
- 1863** начало реформы просвещения.
- 1863–1864** восстание в Польше и Литве.
- 1864** реформы земского самоуправления и суда.
- 1866** покушение Д. В. Каракозова на Александра II.
- 1867** продажа Россией Аляски США.
- 1870** реформа городского самоуправления.
- 1871** дело С. Нечаева.
- 1873** аннексия Хивы. «Союз трех императоров».
- 1874** военная реформа, отмена рекрутчины.
- 1875** захват Кокандского ханства.
- 1877–1878** Русско-турецкая война. Переход русской армии через Дунай. Осада и штурм Плевны, бои на Шипке, взятие Карса и Софии.
- 1878** , 19 января подписание мира с турками в Сан-Стефано.
- 1878** деятельность организации «Земля и воля». Временные правила ускоренного судопроизводства над революционерами.
- 1879** , 5 апреля покушение А. Соловьева на Александра II.
- 1879** , август образование «Народной воли».
- 1880** , 5 февраля покушение С. Халтурина на царя.
- 1880** , февраль – работа Верховной Распорядительной Комиссии М. Т. Лорис-Меликова. август
- 1880** , 6 июля венчание Александра II и Екатерины Юрьевской.
- 1881** , 1 марта убийство Александра II. Вступление на престол Александра III. «Священная дружина».
- 1881** , 3 апреля казнь первомартовцев.
- 1881** , август «Положение об усиленной и чрезвычайной охране».
- 1882–1884** процессы над народовольцами.
- 1882** создание фабричной инспекции. Запрещение труда малолетних на фабриках. Отмена подушной подати.
- 1883** образование группы «Освобождение труда». Освящение собора Христа Спасителя в Москве.
- 1884** Университетский устав.
- 1887–1892** И. А. Вышнеградский – министр финансов.
- 1892–1903** С. Ю. Витте – министр финансов.
- 1894** , 20 октября смерть Александра III. Воцарение Николая II.
- 1894** , 14 ноября венчание Николая II и Александры Федоровны.
- 1895** образование «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

1896 , май коронация Николая II. Ходынская трагедия.
1897 введение в обращение золотого червонца.
1904–1905 Русско-японская война.
1904 , 14–15 мая сражение в Цусимском проливе.
1904 , 15 июля убийство В. К. Плеве.
1904 , 20 декабря сдача Порт-Артура.
1905 , 9 января расстрел демонстрации рабочих в Петербурге. Начало революции. **1905** , 5 сентября Портсмутский мир с Японией. **1905** , 17 октября манифест о свободах.
1905 , 19 октября – правительство С. Ю. Витте.
1906 , 14 апреля
1906 , 9 ноября указ о свободном выходе крестьян из общины.
1907 , 3 июня роспуск II Думы, окончание революции 1905–1907 гг.
1912 , июнь принятие III Государственной думой аграрной программы П. А. Столыпина.
1912 , 1 сентября убийство в Киеве П. А. Столыпина.
1914 , 1 августа начало Первой мировой войны.
1914 , 27 августа поражение русских войск в сражении при Танненберге в Восточной Пруссии.
1915 , 5 сентября назначение Николая II главнокомандующим.
1916 , июнь Брусиловский прорыв.
1916 , 30 декабря убийство Григория Распутина.
1917 , 25 февраля всеобщая стачка в Петрограде.
1917 , 17 февраля свержение самодержавия. Образование Петроградского совета рабочих (12 марта и солдатских депутатов. по новому стилю)
1917 , 2 марта отречение Николая II. Образование Временного правительства.

Литература

- Ананьич Б. В. , Ганелин Р. Ш. .* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
Андерсен М. . Петр Великий. Ростов-на-Дону; Москва, 1997.
Анисимов Е. В. . Анна Иоанновна. М., 2004.
Анисимов Е. В. . Елизавета Петровна. М., 2002.
Анисимов Е. В. . Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.
Анисимов. Е. В. . Время петровских реформ. Л., 1989.
Аракчеев : свидетельства современников. М., 2000.
Бескровный Л. Г. . Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.
Богословский М. М. . Петр I. М., 1941–1945.
Болотина Н. Ю. . Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006.
Воскресенский Н. А. . Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945.
Высочков Л. В. . Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.
Гельбиг Г. . Русские избранники. М., 1999. Дворцовые перевороты в России. 1725–1825. Ростов-на-Дону, 1998. Екатерина Вторая: pro et contra. СПб., 2006.
Елисеева О. И. . Григорий Потемкин. М., 2005.
Епанчин Н. А. . На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
 Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1–2.
Каменский А. Б. . От Петра I до Павла I. М., 1999.
Курукин И. В. . Бирон. М., 2006.
Курукин И. В. . Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.
Кюстин А. . Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1–2.
Мадариага И. . Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. Мария Павловна. Мемуары. М., 2003.

Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. Николай II. Дневники. М., 2001.

Омельченко О. А. . «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.

Павленко Н. И. . Петр Великий. М., 1990. Петр I в русской литературе XVIII века. СПб., 2006. Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж – Москва – Нью-Йорк. 1993. Петр Великий: pro et contra. СПб., 2001. Россия под надзором. Отчеты III отделения. М., 2006.

Семевский М. И. . Исторические портреты. М., 1996.

Стегний П. В. . Хроники времен Екатерины II. М., 2001.

Таурова-Яковлева Т. Г. . Мазепа. М., 2007.

Татищев С. С. . Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. М., 1996. Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. СПб., 2006.

Троицкий Н. А. . Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М., 2002.

Тургенев А. И. . Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990.

Шильдер Н. К. . Император Павел Первый. М., 1996.